ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ЦИН В XVII ВЕКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ЦИН в XVII веке

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

9(М)3
В 60

Ответственный редактор
Л. И. ДУМАН

В книге освещены формы и методы внешней политики государства Цин в отношении народов Монголии, Кореи, Вьетнама, России и др. Авторы исследования, базируясь на конкретных материалах источников, показывают, как маньчжурские правители осуществляли традиционные формы внешней политики, унаследованные от средневековых китайских императоров, и как варьировались методы этой политики в зависимости от конкретно-исторических условий.

В $\frac{10603—070}{013(01)—77}$ 74—76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ОТ РЕДАКТОРА

В предлагаемой вниманию читателя коллективной монографии «Внешняя политика государства Цин в XVII веке» последовательно показано, как небольшое маньчжурское государство, с самого начала существования проводившее агрессивную политику в отношении своих ближайших соседей, после завоевания Собственно Китая превратилось в большую и сильную Цинскую империю. Это была самая мощная и агрессивная держава в Восточной Азии, шаг за шагом подчинявшая своему влиянию соседние государства и народы.

В настоящем исследовании показаны внешнеполитические связи Цинской империи лишь с теми соседями, которые в XVII в. подвергались наиболее активному воздействию агрессивной внешней политики Цинов, сопровождавшейся захватническими войнами.

Авторы исследований, используя оригинальные материалы китайских источников, освещают формы и методы внешней политики Цинской империи, ее дифференцированный подход к различным народам и странам с учетом их конкретно-исторических условий и особенностей.

Внешняя политика Цинов была традиционной, заимствованной от китайских императоров. Суть ее можно определить весьма распространенным в настоящее время понятием — китаецентризм.

Китаецентризм появился еще в глубокой древности и находился в тесной связи с древним религиозным учением, превратившимся в политическую доктрину о Сыне Неба и его роли в общественной жизни. Нам уже приходилось подробно освещать эту проблему [см. 134], поэтому здесь мы лишь кратко остановимся на этом вопросе.

Упомянутая доктрина, рожденная в Китае на рубеже двух эпох — Иньской и Чжоуской (XIV—XI вв. до н. э.), действовала в течение более трех тысяч лет, и она стала основой внешней политики китайских императоров и правителей некитайских государств, захвативших часть территории Китая (киданьское государство Ляо в X—XII вв., чжурчжэньское — Цзинь в XII—XIII вв., тангутское — Си Ся в XI—XIII вв.), или некитайских династий, господствовавших в Китае после завоевания всей территории страны (монгольской династии Юань, правившей в Китае в 1280—1368 гг., маньчжурской династии Цин, господствовавшей там в 1644—1911 гг.).

Что касается китаецентристской политики Цинской империи в XVII в., то подробно мы рассматриваем ее в ряде глав данной работы, показывая на конкретных примерах осуществление этой политики в отношении различных народов и государств.

Давая краткую характеристику китаецентризму, можно сказать, что это была политика, направленная на захват или подчинение различными методами соседних народов Сыну Неба, богу на земле, поставленному Небом для управления всей Вселенной. Так себе представляли древние китайцы фигуру императора, и такое представление внедрялось в сознание народа китайскими философами древности, а затем поддерживалось учеными и политиками на всем протяжении средневековья.

Поскольку китаецентристская доктрина рассматривала Китай как центр всей Вселенной или Поднебесной (так назвали свою страну древние ученые и политики), а все остальные народы — как периферию этого центра и неотъемлемую часть единого комплекса, называвшегося Поднебесной, то все некитайские народы, согласно этой доктрине, должны подчиняться этому центру и принять его порядки, выдвигаемое им мироустройство, обязательно для всех народов. Несмотря на то что эти народы имели свои национальные особенности, обычаи, религиозные, социальные и этнические отличия от китайской нации, они были обязаны, согласно этой концепции, принять китайскую цивилизацию со всеми ее морально-этическими и общественными институтами как нечто идеальное, совершенное.

Китай, согласно китаецентристской доктрине,— наилучший образец мироустройства и цивилизации, а император, как Сын Неба,— это земной бог, самый мудрый, щедрый и великодушный и самый могущественный правитель всех народов на земле и заботливый их отец. Поэтому все народы, близкие и далекие, должны быть послушными детьми императора, почитать его и подчиняться ему, как это принято в Китае, согласно конфуцианской морали, чтить родителей и старших в семье.

Таким образом, вышеупомянутая концепция о Сыне Неба, легшая в основу внешней политики, с логической последовательностью привела к утверждению того, что все некитайские народы являются вассалами Китая, а если они не хотят стать вассалами, то надо силой заставить их подчиниться Поднебесной. Так рождалась политика агрессии в отношении некитайских народов. Эту политику целиком восприняли цинские императоры, так как она их вполне устраивала.

Вот почему и в источниках, созданных в период существования Цинской империи, мы постоянно встречаемся с утверждением о том, что все некитайские народы, где бы они ни находились,— вассалы цинских императоров, их данники. Однако в действительности все было не так. Многие народы, которых китайские источники зачисляли в состав вассалов Цинской империи, были независимыми и не желали объединяться с ней или подчиняться ее диктату и превращаться в вассалов. На этой почве рождались войны, инициатором которых была Цинская империя, активно проводившая китаецентристскую политику, сущность которой заключалась в экспансии и агрессии против соседних народов, в стремлении поработить их, включив в состав государства-гегемона в Азии, а если это невозможно было сделать, то превратить в своих послушных вассалов.

Иногда цинские императоры свою политику гегемонизма прикрывали рассуждениями о стремлении якобы для блага всех народов объединить их в единую семью. Так, например, цинский император Канси (1662—1722) неоднократно в своих посланиях джунгарскому хану Галдану в 1688—

1689 гг. подчеркивал, что он управляет Вселенной, что народы всей земли — его дети [22, цз. 140, 25а]. Как известно, этот тезис не нов, он выдвигался китайским императором еще во II в. до н. э.

Гегемонизм цинских императоров распространялся не только на непосредственных соседей, на малые народности. Цины пытались свою великодержавную шовинистическую политику применить и в отношении могущественного Русского государства. Об этом ярко свидетельствует указ цинского императора Шуньчжи от 25 июня 1655 г., посланный с русскими гонцами П. Ярыжкиным и С. Аблиным. В этом указе-грамоте подчеркивалось, что русский Белый царь прислал, мол, дань, что он-де обратился к цивилизации (конечно, китайской), что он был пожалован «милостивой наградой» и от него требовали: «Будь послушен и предан» [21, цз. 91, 20б—21а]. В последующих сообщениях о прибытии русских послов цинские источники неизменно отмечали о присылке русским Белым царем дани цинскому императору (см. гл. 10). Таким образом, и могущественную Россию цинские правители «зачислили» в вассалы Цинской империи. Не приходится доказывать, что такие претензии ничего не имели общего с реальным положением дел. Они лишь свидетельствовали о том, что политика гегемонизма, принятая Цинской империей, вела к отказу от установления добрососедских связей, что она была рассчитана на применение силы при решении дипломатических вопросов.

К сожалению, из-за отсутствия в источниках исчерпывающих данных, авторы не имели возможности в равной мере исследовать все проблемы, находившиеся в их поле зрения, в частности вопрос о внешней политике маньчжуро-цинского государства в отношении Хами и Турфана, нуждающийся в дополнительном изучении.

При использовании материалов китайских хроник («Шилу») в тех случаях, когда нет возможности точно датировать документы данного источника, приводится число, под которым в нем помещена информация.

Все даты, взятые из китайских источников, указываются в переводе на современный международный календарь (григорианский); даты, взятые из русских архивных документов, переданы по юлианскому календарю. В некоторых случаях, особо оговоренных, даются две даты — по григорианскому и юлианскому календарям.

Текст коллективной монографии написан: глава 1 — А. А. Бокщаниным и Г. В. Мелиховым на основе материалов, представленных всеми авторами; главы 2, 4, 7, 8, 10 и заключение — Л. И. Думаном; глава 3 — Г. В. Мелиховым; главы 5 и 6 — И. С. Ермаченко; глава 9 — А. А. Бокщаниным. Указатели составлены Л. И. Думаном.

Авторский коллектив выражает глубокую благодарность В. С. Мясникову, Н. Ц. Мункуеву, а также сотрудникам Отдела Китая Института востоковедения АН СССР, принимавшим участие в обсуждении рукописи.

Глава 1

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Настоящее исследование основано, главным образом, на широком круге китайских источников, не одинаковых по своему характеру, содержанию и сравнительной ценности. Различно время появления источников, не схожи и цели, преследовавшиеся составителями. В целом использованные источники можно разделить на две основные категории: официальные, т. е. составленные состоявшими на государственной службе историками и проходившие апробацию двора, и сочинения частных авторов. Естественно, что официальные исторические труды в большей степени отражали моменты, угодные феодальным властям. В распоряжении же частных авторов далеко не всегда был достаточно полный документальный материал.

По своему жанру использованные источники делятся на исторические хроники, историко-географические описания, собрания официальных распоряжений и установлений, труды энциклопедического характера (построенные по тематическому принципу) и записки об отдельных войнах и событиях. Исследование столь разнопланового материала требовало внимательного отбора и строго критического подхода к каждому источнику. Это особенно важно подчеркнуть, так как в условиях Цинской империи авторы не только официальных, но и частных сочинений не могли выйти за рамки дозволенного в освещении внешней политики и внешних связей империи.

Характерной чертой китайских источников цинской эпохи можно считать их традиционность. Многие из них построены по образу и подобию более ранних исторических, географических и энциклопедических сочинений. Некоторые работы хронологически продолжают те или иные труды, созданные еще до прихода к власти династии Цин. Традиционность сказывается в языке, на котором эти источники написаны, в подборе и построении материала, в мировоззрении авторов — представителей феодально-бюрократической правящей верхушки китайского общества. Можно сказать, что бурные политические события в Китае в середине XVII в. и последующее изменение политической и идео-

логической мысли в стране практически не нашли отражения в каком-либо ином, чем это было характерно для традиционной старокитайской историографии, подходе к освещению внешнеполитических связей Китая в исследуемое время.

В чем же заключаются наиболее характерные черты отмеченного традиционного подхода? Прежде всего он проявился в том, что практически во всех китайских сочинениях XVII — XIX вв. по интересующей нас проблематике, будь то труды официального или же частного характера, в той или иной степени отразился великодержавный китаецентристский подход к освещению внешнеполитических событий. Об идеологии и практике китаецентризма уже говорилось в предисловии редактора, а конкретные их проявления будут рассматриваться в последующих главах настоящего исследования. Поэтому здесь мы коснемся лишь отдельных моментов данной проблемы в источниковедческом плане.

Поскольку китаецентристская доктрина подразумевала особое, высшее место Китая среди всех прочих стран и народов, то последние часто именуются в источниках «вассальными» (фань) или «подчиненными» (шу). Эта биполярная схема была априорной, универсальной и неизменной. С точки зрения феодальных китайских идеологов, она не требовала ни конкретных обоснований, ни какого-либо различия к зарубежным странам. Между тем отношения Китая с различными государствами и народами были далеко не одинаковыми. Одни из них, становясь объектом китайской экспансии, военного и дипломатического давления, могли в силу вынужденных обстоятельств попадать на какое-то время в определенную зависимость от империи, другие — поддерживали с ней отношения практически на равных началах и не думали признавать какую-либо зависимость от нее. Универсальная же китаецентристская схема стирала, затушевывала эти различия.

Желая всех и вся в разной мере изобразить вассалами китайского императора, китайская феодальная историография прибегала к отмеченному неправомерному использованию терминов. Это относится не только к «вассалитету». Широко применявшееся в международной практике древности и средневековья подношение послами подарков трактовалось китайскими дипломатами и историками как подношение зарубежными странами «дани» императору. «Представление иноземцами дани» объявлялось в китайских источниках единственной целью большинства прибывавших в Китай иноземных миссий.

Привозимые посольствами послания императору также соответствующим образом «подправлялись» китайцами: бумагам придавался вид обращения «низшего» к «высшему», соответственно послания императора за рубеж составлялись в форме обращения повелителя к подчиненным. В таком виде отмеченная документация попадала на страницы исторических сочине-

ний. Кроме того, китайские составители источников часто прибегали к такому методу, как пропуски в приводимых ими документах или же вольный их пересказ.

Все отмеченное требует от исследователя, работающего с китайскими источниками, весьма внимательного и критического подхода к используемым материалам. При таком условии, несмотря на все отмеченные несовершенства этих источников, содержащиеся в них и еще не полностью изученные материалы могут быть полезными для создания правдивой картины истории взаимоотношений Китая с сопредельными странами и народами. Например, тщательное изучение богатого фактического материала этих источников позволяет определить, насколько взаимоотношения империи Цин с той или иной страной не соответствовали китайским притязаниям на сюзеренитет над нею, или же выяснить, каковы были истинные цели тех или иных прибывавших в Китай посольств, объявлявшихся здесь «данническими».

Актуальность такого рода задачи повышается в связи с усилившейся в последнее время тенденцией националистически настроенных китайских политических деятелей и историков произвольно толковать материалы источников, заведомо искажая многие важные моменты истории внешних отношений Китая. Поэтому авторы данного исследования видят одну из основных своих задач в аргументированности своих выводов с помощью углубленного и непредвзятого изучения китайских исторических источников.

Перейдем к характеристике наиболее важных источников. Основным и важнейшим источником, материалы которого использованы во всех главах предлагаемого исследования, явилась «Да Цин личао шилу» («Хроника правления всех государей великой [династии] Цин»).

Авторы настоящей работы пользовались изданием рукописи на китайском языке, воспроизведенным фотолитографическим способом в $^1/_4$ натуральной величины [18; подробнее об этой рукописи см. 212].

Источник состоит из 1220 томов (цэ), насчитывающих 4510 глав (цзюаней). В каждом цзюане приблизительно 100—110 двойных (китайских) страниц. Это крупнейшее по объему материала собрание хроникальных записей и официальных документов с 1583 по 1912 г. имеет внутреннее подразделение по периодам правления отдельных маньчжуро-цинских властителей [1].

«Да Цин личао шилу», или просто «Шилу», составлялась в пяти экземплярах специально назначенными комиссиями и не предназначалась для обнародования и тем более для публикации. Каждый экземпляр переводился на три государственных языка Цинской империи: маньчжурский, китайский и монгольский. Один экземпляр — большого формата в обложке из крас-

ного шелка — хранился в Императорском хранилище исторических сочинений (Хуан ши шэн) в Пекине, другой, такой же, — в Палате высочайших предначертаний (Цзун шо гэ) в Шэньяне, третий, малого формата в обложках из красного шелка, — в Дворцовой палате Ганьцин (Ганьцин гун) в Пекине, четвертый, в том же оформлении, — в Дворцовой канцелярии (Нэйгэ), где для него предусматривалось специальное хранилище Шилу ку, и, наконец, последний, малого формата в обложках из темного шелка, — также в Дворцовой канцелярии [102, 87].

Как видим, «Шилу» предназначалась для очень узкого круга лиц: лично императора и членов императорской фамилии (1-й и 3-й экземпляры) и высших государственных сановников, связанных с дворцовым делопроизводством. Однако пятый экземпляр предназначался специально для выдачи на просмотр лицам, которые пользовались доверием, но не имели прямого доступа к «Шилу» [102, 87]. Это могли быть различные чиновники государственного аппарата и историки, подготовлявшие так называемые официальные исторические сочинения. События, изложенные в «Шилу», считались достоверными. В связи с этим интересно отметить, что, согласно дворцовому каталогу, в Государственной историографической комиссии (Цин ши гуань), где хранение «Шилу» не предусматривалось, находились восемь рукописей «Шилу» на китайском языке (шесть ксилографов удлиненного формата и два ксилографа квадратного формата), одна на маньчжурском и одна на монгольском [102, 187 — 188].

Более широкий доступ к «Шилу» был открыт лишь после падения династии Цин, так как по традиции эти материалы могли быть использованы в первую очередь для написания официальной истории этой династии. Отмеченная особенность «Шилу» — ее полузакрытый характер — значительно повышает интерес к ней как к историческому источнику. Материал здесь более достоверен, чем во многих других источниках, хотя при этом не следует упускать из виду и известной тенденциозности в освещении и трактовке фактов, стремления приукрасить «добродетели» царствовавших государей, их «миротворческую» роль. Возникает вопрос: подвергалась ли «Шилу» переработке придворными историографами после их первоначального написания, и если да, то насколько? Этот вопрос до сих пор остается спорным. Есть, например, мнение, что определенной переработке уже составленные к тому времени «Шилу» подверглись еще в конце XVII — начале XVIII в. [102, 196]. Есть мнения и о более поздней переработке [102, 181—196]. Конечно, мы можем предположить, что материалы были определенным образом обработаны заинтересованными официальными историографами. Однако вследствие указанной выше специфики этого труда представляется, что изменения коснулись его в гораздо меньшей степени, чем других исторических и литературных произведе-

ний, подвергшихся особенно заметной переделке во второй половине XVIII в.

«Шилу» представляет собой историческую хронику с систематическими, почти ежедневными записями о событиях, доходивших до сведения императорского двора. Хронологический принцип построения до известной степени облегчает ориентировку исследователя в безбрежном море приводимых здесь исторических документов и материалов.

При составлении «Шилу» в период Шуньчжи и Канси[2] были использованы следующие архивные документы:

1. Официальные документы государственного правления, своды законов, императорские поучения, полное собрание высочайших указов, доклады чиновников с мест о положении на границах; резолюции и предложения центральных правительственных учреждений.

2. Реестры, отражающие подъем окраинных целинных земель, основание пограничных городов, строительство военных постов в округах, областях и уездах, данные ежегодных переписей численности взрослого податного населения, сведения о возделывании полей, налогах, оброках, производстве чая, добыче соли, количестве отлитой монеты, а также о других финансовых, торговых, экономических, хозяйственных и прочих мероприятиях в империи.

3. Записи о приезде посланников и принесении «дани» отдаленными иностранными государствами, просьбы о разрешении торговли, приказы цзянцзюням о выступлении в походы и о подготовке к ним, донесения о военных успехах, «покорении» и «усмирении» различных народов и племен.

Даже этот краткий перечень позволяет, на наш взгляд, судить о широте и богатстве материалов «Шилу» периода правления Шуньчжи и Канси, о ценности этих материалов для исследователя, и в частности для исследования истории внешних сношений империи Цин в XVII в.

Например, в «Шилу» помещен большой конкретный материал о подготовке маньчжуров к военным действиям против русских поселений на Амуре, о походах маньчжурских войск на Албазин и о других событиях, предшествовавших заключению Нерчинского договора, что позволяет шаг за шагом проследить все этапы маньчжурской агрессии против Албазина и раскрыть планы Цинов по захвату русских владений в Приамурье.

Немалый интерес представляют также материалы «Шилу» о характере связей государства Цин с правителями Кореи, Монголии, Джунгарского ханства, Кукунора, Тибета и Вьетнама. Эти материалы дают представление о внешней политике цинского государства как агрессивной, направленной на захват территорий независимых государств во второй половине XVII в., и опровергают утверждения современных китайских националистов (руководителей КНР и части историков) о том, что народы

упомянутых выше государств искони являлись составной частью китайской нации.

Материалы «Шилу», относящиеся к более раннему периоду существования государства Цин (первая половина XVII в.) и свидетельствующие о походах маньчжурских войск против различных народностей северной части Северо-Востока [3], а также о характере связей маньчжурских ханов с вождями этих народностей, дают возможность сделать вывод о том, что в этот период маньчжурские феодальные правители не смогли завоевать упомянутые народности и присоединить их земли к владениям государства Цин, хотя и проводили захватническую политику. В основном походы маньчжурских войск заканчивались захватом живой силы — пленных мужчин и женщин, а также различного имущества. Никаких органов власти или военных постов и войск маньчжуры не оставляли на землях, подвергавшихся их набегам.

Можно утверждать, что в «Шилу» все важнейшие моменты внешней политики цинского Китая в XVII в. нашли свое отражение полнее, чем в каких-либо других письменных источниках цинского периода. Но, несмотря на то, что этот источник содержит весьма обширные и ценные материалы, в том числе официальные документы, отсутствующие в других источниках, он до последнего времени использовался в исследованиях по истории Китая XVII—XVIII вв. весьма редко, что объясняется, по-видимому, тем, что он издан сравнительно недавно.

Однако, не умаляя всех перечисленных достоинств хроники, не следует забывать, что она составлялась при императорском дворе и по прямому его указанию. Поэтому оценки тех или иных событий источника строго официальны и подчас тенденциозны. Из прочих недостатков «Шилу» как исторического источника следует назвать своеобразную датировку событий. Факты большей частью помечались тем днем и месяцем, в которые данный вопрос достигал императорской канцелярии или исходил из нее. Поэтому события, совершавшиеся в отдельных районах Китая или, что нам особенно важно, за его пределами, датировались с большим запозданием. При ссылке же на предшествующие события часто говорится лишь «ранее». К числу недостатков можно отнести и перегруженность источника второстепенными, не очень важными материалами. В то же время некоторые весьма ценные документы, в том числе даже императорские указы, не нашли в нем своего отражения. Следует отметить также трудность пользования источником, сведения которого не систематизированы, а поданы исключительно в хронологическом порядке. Поэтому, несмотря на свою сравнительную полноту, источник не может подменить собой другие исторические материалы по рассматриваемому периоду.

«Шилу» легла в основу «Цин ши гао» («Черновая история династии Цин») [40], написанной уже после падения цинского

правительства. Над составлением этого труда с 1914 по 1927 г. работало около 60 историков во главе с Чжао Эр-сюнем. Работа написана в традициях предшествующих официальных династийных историй и носит компилятивный характер. Как вполне обоснованно отмечает Г. В. Ефимов, для изучения внешнеполитической истории Китая «Цин ши гао» может быть полезна лишь ограниченно, так как это, по сути дела, сокращенное переложение материала «Шилу» [143, 51]. Отдельные факты были включены в «Цин ши гао» из других источников и в некоторых случаях могут служить дополнением к «Шилу». Материал «Цин ши гао» подобран тематически. Сведения об иноземных государствах и отношениях с ними сконцентрированы в трех подразделах: «Бан цзяо» («Международные отношения») в разделе «Чжи» («Трактаты») — цз. 159—166, «Фань бу» («Вассальные племена») и «Шу го» («Зависимые государства») в разделе «Лечжуань» («Жизнеописания») — цз. 523—540. В первый подраздел вошли данные о европейских и некоторых американских странах. Открывает его глава о России. В подраздел о вассалах включены материалы о различных племенах и народах, обитавших к северу и западу от Собственно Китая, как входивших в состав Цинской империи, так и оставшихся за ее границами. В этом подразделе специально выделены главы о различных монгольских племенах и народах Средней и Центральной Азии. В третьем подразделе сконцентрированы данные о государствах, сопредельных Китаю: Корее, Вьетнаме, Бирме, Таиланде и др. Однако трудно сказать со всей определенностью, чем именно руководствовались авторы «Цин ши гао», относя описание той или иной страны в один из двух последних подразделов.

Тематическое расположение материала в «Цин ши гао» значительно облегчает пользование источником. Следует также отметить, что датировка некоторых событий в «Цин ши гао» несколько расходится с «Шилу».

Интересный материал можно найти в «Да Цин хуйдянь» («Свод законов великой династии Цин»), включающем пять основных «Сводов законов», куда вошли законы, указы, распоряжения и прочие документы, подобранные в период царствования пяти различных цинских императоров [23]. Для предлагаемого исследования были использованы два наиболее ранних свода: «Канси хуйдянь» («Свод законов периода правления Канси»), опубликованный в 1690 г. [25], и «Юнчжэн хуйдянь» («Свод законов периода правления Юнчжэн»), опубликованный в 1732 г. [49]. «Канси хуйдянь» состоит из 162 цзюаней. Отрывки из него, касающиеся иноземных государств, тематически и хронологически подобраны в энциклопедическом труде Гу Цюаня «Гу цзинь ту шу цзичэн» («Полное собрание древних и современных карт и книг») [16].

Частичный перевод «Канси хуйдянь» на русский язык был

выполнен А. Леонтьевым под заглавием «Тайцзин гурунь и ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства» и издан в С.-Петербурге в трех томах в 1781—1783 гг. [69]. Однако А. Леонтьев перевел лишь 85 цзюаней из 162, составляющих этот труд. К тому же иногда его перевод приближается к пересказу. Все это делает его малопригодным для использования.

Второй из упомянутых сводов — «Юнчжэн хуйдянь» — мы использовали в первом его издании, которое вышло под заглавием «Юйчжи Да Цин хуйдянь» («Высочайше утвержденный свод законов великой династии Цин») [47]. Оно состояло из 250 цзюаней. Данные, относящиеся к внешним сношениям (в частности, отношения с монголами), помещены здесь в разделе «Лифаньюань» [47, цз. 221—222].

В этих двух сводах собраны довольно подробные сведения о приемах иностранных послов, порядке дипломатического производства и предметах «дани». Наряду с «данью» обычно перечисляются также товары, которые доставлялись в Китай для торговли.

Известный интерес для уяснения характера внешних отношений Цинской империи с зарубежными странами представляют собой «Генеральные правила предоставления дани двору» и «Правила торговли иноземных стран в Китае», помещенные соответственно в 72-м и 73-м цзюанях «Канси хуйдянь». Эти правила переведены на английский язык Дж. Фэрбэнком и Дэн Сы-юем [208].

Материалы о дипломатических отношениях и торговле Китая с Вьетнамом в XVII в. были почерпнуты также из дополнения к «Да Цин хуйдянь», а именно из «Цинь дин Да Цин хуйдянь шили» («Высочайше утвержденные исторические примеры из Свода законов великой династии Цин») [41]. Этот труд был составлен в 1819 г. Материалы о Вьетнаме из него были переведены на французский язык французским востоковедом Г. Дэвериа [85].

Некоторым, хотя весьма незначительным, дополнением к материалам «Шилу» могут служить данные о внешних связях Китая, помещенные в цинском продолжении энциклопедического троекнижия «Хуанчао сань тун» («Три свода [периода] царствующей династии») [4]. Его составляют «Цинчао вэнь сянь тункао» («Систематический свод и исследование литературных материалов о династии Цин») [39], «Хуанчао тундянь» («Полный свод [материалов] о царствующей династии [Цин]») [32], «Хуанчао тунчжи» («Полное описание [периода] царствующей династии [Цин]»).

Первый из упомянутых источников — «Цинчао вэнь сянь тункао» — был написан придворными историками по прямому указанию двора. Распоряжение императора о подготовке этого труда было отдано в 1747 г., а завершение его относится к кон-

цу XVIII в. В 300 цзюанях источника описываются события от начала династии Цин до 1785 г. Материал здесь расположен тематически, по тем же разделам, что в его первом прототипе — труде Ма Дуань-линя. Данные об отношениях цинского двора с сопредельными странами помещены в разделе «Описание окраинных земель» и отчасти в разделе «География». По своему расположению материал удобен для использования, внутри тематических описаний стран выдерживается хронологический принцип. По характеру он сборный: использованы «Шилу» и другие источники. Последнее обстоятельство и делает «Цинчао вэнь сянь тункао» полезным для нашего исследования, хотя по сравнению с «Шилу» материал здесь значительно сокращен и имеет пропуски.

Еще более краткую хронику внешних отношений Китая в рассматриваемое время можно найти в «Хуанчао тундянь». Составление его было начато по императорскому распоряжению в 1767 г. и закончено к концу XVIII в. Весь труд состоит из 100 цзюаней. В нем излагаются события от начала правления династии Цин до 1785 г. Использованный материал носит компилятивный характер. Он почерпнут из многих источников. Расположение материалов тематическое, по образцу энциклопедии «Тундянь». Сведения о связях с зарубежными странами помещены в цзюанях 97—100.

В «Хуанчао тунчжи» специальных разделов, посвященных описанию иноземных государств, вообще нет. Такого рода материал помещен в другом сводном труде, почти аналогичном по названию, но имеющем географический характер, — «Да Цин и тунчжи» («Полное описание великой империи Цин») [17]. Труд был составлен по высочайшему повелению коллективом ученых под руководством Цзян Тин-си. Первое предисловие от имени императора датировано 1744 г. Но в дальнейшем труд подвергся некоторой переделке и был закончен лишь к 1764 г. Сведения о зарубежных странах помещены в цзюанях 353—356. Основная часть разделов об иноземных государствах из этого труда была переведена на русский язык известным русским китаистом Н. Я. Бичуриным [59]. Несмотря на то что переводы Н. Я. Бичурина к настоящему времени не совсем отвечают современным требованиям, предъявляемым к научному переводу (в частности, в отношении терминологии, транскрипции и т. д.), отмеченный материал может представлять интерес своим подробным описанием административного устройства некоторых интересующих нас стран, товаров, которыми они торгуют, и другими подобного рода справочными данными.

Для изучения отношений империи Цин с ее северо-восточными соседями (в частности, Кореей и Монголией) дополнительно была использована хроника «Ши чао Дунхуа лу» («Записки из павильона Дунхуа о десяти императорах») [45], впервые составленная несколькими историками под руководством

Цзян Лян-ци в 1765 г. Их труд состоял из 16 цзюаней и охватывал события от начала правления династии Цин до 1735 г. Приблизительно через столетие эта хроника была продолжена Ван Сянь-цянем (1842—1918) и другими историками. В целом труд охватывает период царствования одиннадцати цинских императоров. Нами было использовано ксилографическое издание памятника, выпущенное в 1894 г. в Шанхае, повествующее о правлении десяти императоров и охватывающее события с 1616 по 1861 г. Но во введении к первой главе дается экскурс в более раннее время, вплоть до 1583 г. Таким образом, можно считать, что хроника освещает события 1583—1861 гг., т. е. не десяти, а одиннадцати правителей. Все продолжения хроники объединяются иногда под названием «Дунхуа сюйлу» («Продолжение записок из павильона Дунхуа») [24]. Имеются частичные переводы материалов «Ши чао Дунхуа лу» на европейские языки [84].

«Ши чао Дунхуа лу» составлена на основе «Шилу» и представляет, по существу, сокращенное переложение последней. Как и в ней, в «Ши чао Дунхуа лу» вошли документы (доклады, донесения чиновников, императорские указы) по различным вопросам, освещающие историю, экономику, внутреннюю и внешнюю политику. Как и в «Шилу», здесь материал расположен в хронологическом порядке. Однако в отличие от «Шилу» в «Ши чао Дунхуа лу» многие факты и документы приведены в сильно сокращенном виде, а некоторые вообще пропущены. Это, естественно, снижает ценность «Ши чао Дунхуа лу» как исторического источника, так как сокращения в некоторых случаях меняют само существо описываемых событий. Однако для полноты картины материалы «Ши чао Дунхуа лу» также полезны. Преимущество источника состоит в том, что благодаря его сравнительной краткости исследователю легко ориентироваться в канве событий.

Для характеристики истоков политики цинского правительства, в частности в Маньчжурии и сопредельных ей районах, большой интерес представляет «Ба ци тунчжи чуцзи» («Первоначальное издание Всеобщего описания Восьми знамен») [13]. Это — важнейший из известных сейчас источников по военной организации маньчжуров. Имеются два китайских издания памятника: «Ба ци тунчжи чуцзи», вышедшее в 1739 г. (250 цзюаней), и «Цинь дин ба ци тунчжи», изданное в 1799 г. (350 цзюаней). Нами использовано раннее издание.

Через 45 лет после выхода в свет «Ба ци тунчжи чуцзи», в 1784 г., в С.-Петербурге известным русским маньчжуристом и китаеведом А. Леонтьевым был опубликован первый в мировом китаеведении полный перевод этого капитального сочинения на русский язык. Это издание не утратило своей научной ценности и в настоящее время [74] [5].

«Ба ци тунчжи чуцзи» может быть отнесен отчасти к компилятивным источникам вследствие того, что некоторые его

разделы состоят из систематизированных по тематическому признаку сведений из «Да Цин хуйдянь», «Шилу» и других трудов о царствовании первых пяти маньчжуро-цинских правителей.

Вместе с тем в «Ба ци тунчжи чуцзи» есть целый ряд разделов, содержащих совершенно оригинальный материал, который нельзя найти ни в одном другом из известных в настоящее время исторических источников. Это, например, сведения о времени формирования нюру (условно: рота) Восьми знамен и их этническом составе (цз. III—X).

В особую группу можно отнести источники, составляющие официальные географические описания Северо-Востока.

Одним из наиболее ранних дошедших до нас описаний Северо-Востока является «Шэнцзин тунчжи» («Всеобщее описание земель Мукдена»), составление которого относится к 1684 г. [46].

Несмотря на свое название, этот источник приводит описание не только земель Мукдена, но также и соседних земель, известных составителям в данном регионе. «Шэнцзин тунчжи» имеет специальные разделы, посвященные землям Нингуты и Гирина (цз. 8). Однако аналогичный раздел по Хэйлунцзяну в издании 1684 г. еще отсутствует, и имеется лишь краткое упоминание о крепости Айхунь.

В последующий период «Шэнцзин тунчжи» многократно переиздавалось, причем значительно дополнялось и перерабатывалось. В настоящее время мы располагаем изданиями 1736, 1770, 1776 и 1782 гг. Последнее издание было «высочайше утвержденным» и значительно расширено по сравнению с изданием 1684 г. [43]. Оно состояло из 45 цзюаней, в том числе в него впервые вошла специальная глава по Хэйлунцзяну.

Наиболее ценными представляются сведения источника, касающиеся границ Цинской империи на Северо-Востоке (цз. 8). Широкий круг приводимых в труде сведений по исторической географии был использован нами для идентификации различных географических пунктов Северо-Востока.

Наконец, определенный интерес представляют и карты, которыми снабжалось каждое издание этого многотомного труда, в особенности возможность сравнения этих карт для выяснения эволюции географических представлений маньчжуров о землях Северо-Востока.

Первая попытка перевода выборочных сведений из «Шэнцзин тунчжи» принадлежит русскому синологу В. П. Васильеву [118]. Переведенные В. П. Васильевым отрывки снабжены комментарием. Это обстоятельство, а также большая насыщенность конкретным фактическим материалом, тщательно отобранным, придали небольшому труду В. П. Васильева значительную ценность. К сожалению, перевод В. П. Васильева не снабжен какими-либо ссылками на страницы и цзюани оригинала.

Другой источник аналогичного характера — «Цзилинь тун-

чжи» («Всеобщее описание земель Гирина»), составление и выпуск его в свет относятся к концу 90-х годов XIX в. [38]. Первая общая оценка и библиографические данные об этом труде, а также перевод нескольких его глав на русский язык принадлежат А. В. Рудакову — русскому китаеведу, замечательному переводчику, трудам которого мы должны отдать должное и сегодня [76]. Перевод снабжен комментарием, благодаря чему труд А. В. Рудакова имеет и научно-исследовательскую ценность. Источник использовался нами прежде всего для идентификации географических названий Северо-Востока, а также для извлечения из него данных о населении Северо-Восточного Китая, причем принимались во внимание комментарии, сделанные переводчиком.

Помимо отмеченных выше «официальных» описаний северо-восточных районов Китая и смежных с ними областей были использованы так называемые частные географические описания, т. е. произведения отдельных авторов. Здесь следует прежде всего остановиться на работе Ян Биня «Любянь цзилюе» («Описание земель внутри и вне Ивового палисада») [50]. Важность этого источника в особенности подчеркивается тем обстоятельством, что «Любянь цзилюе» принадлежит к числу весьма немногочисленных дошедших до нас трудов, созданных о Северо-Востоке непосредственно на месте китайскими ссыльнопоселенцами [96, 113—114].

Материал источника представляет собой собрание разнообразнейших сведений о землях северо-восточной окраины империи Цин, относящихся к различным историческим эпохам (как Мин, так и Цин) [6]. Источник является небольшой своеобразной энциклопедией по истории и быту северо-восточного района Китая в конце XVII — первой половине XVIII в., и это обстоятельство дает ему преимущество даже перед «Шэнцзин тунчжи».

Однако «Любянь цзилюе», несмотря на всю его важность и ценность для науки, до настоящего времени использовался в специальной литературе очень редко. Отдельные выдержки из «Любянь цзилюе» можно найти в работе китайского ученого XIX в. Хэ Цю-тао «Шофан бэйчэн» («Описание Северной границы») [35], в «Хэйлунцзян вайцзи» («Неофициальные записи о Хэйлунцзяне») [36] и др. В капитальном труде японских авторов по географии Маньчжурии, изданном под общей редакцией Куракити Сиратори, источник хотя и назван в списке использованных трудов, но аннотирован всего двумя строчками [110].

Другим интересным источником подобного рода является «Нингута цзилюе» («Краткое описание Нингуты») китайского ссыльнопоселенца У Чжэнь-чэня [30]. Так же как и «Любянь цзилюе», этот источник сообщает нам много интересных подробностей о событиях и деятелях того времени. Русским китаеведам он хорошо известен благодаря имеющемуся переводу В. П. Васильева [118, 79—109].

В этом источнике ценными для исследования внешних связей государства Цин являются свидетельства о приезде в Нингуту для ведения торговли представителей различных окрестных племен (хурха, хэйцзинь, фэйякэ и др.), что в цинских официальных источниках представляется как подношение дани. Большую ценность имеют также сообщаемые источником сведения этнографического характера об этих племенах.

По объему сообщенных сведений «Нингута цзилюе» значительно уступает рассмотренной нами выше работе Ян Биня — современника У Чжэнь-чэня, но имеет перед ней то преимущество, что в ряде случаев освещает вопросы, которые оставил без внимания автор «Любянь цзилюе».

Остановимся вкратце на источниках, проливающих дополнительный свет на историю взаимоотношений Китая с монголами и ойратами. Наибольший интерес в этом отношении представляет труд «Юйчжи циньчжэн пиндин шомо фанлюе» («Составленное по императорскому повелению описание государева похода и усмирения [населения] территории к северу от пустыни») [48]. Этот источник содержит в себе составленное по хронологическому принципу подробное изложение событий и подборку огромного количества документов, связанных с захватом Цинами Северной Монголии (Халхи) и войнами между маньчжурским государством и ойратским ханом Галданом, охватывая период с 1677 по 1699 г. Имеющийся в хранилище ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР экземпляр состоит из 40 цзюаней. Этот большой труд был составлен созданной по особому указу комиссией во главе с редактором Чжан Юй-шу (1642—1711). Ксилограф не датирован, но даты жизни его редактора, равно как и датировка предисловия 1709 годом собственноручно императором Канси, убеждают нас в том, что источник составлялся вскоре после описываемых событий. Это обстоятельство вкупе с документальным характером изложения делает его очень ценным для исследователя. Известно, что упомянутый выше источник имеется и на маньчжурском языке; по-видимому, он был переведен с китайского оригинала. В 1750 г. перевод этого источника с маньчжурского на русский язык был осуществлен прапорщиком И. Россохиным под заглавием «История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элеутского народа, кочующего в великой Татарии, состоящая в пяти частях» [66]. Неопубликованный перевод И. Россохина впервые широко использовал И. Я. Златкин в монографии «История Джунгарского ханства» [145, 238—240].

Совпадение хронологических рамок и структуры приведенного нами выше источника на китайском языке и перевода, сделанного И. Россохиным с маньчжурского, а также произведенная нами сверка текстов убедили нас в том, что в данном случае речь идет об одном и том же источнике, дошедшем до нас

в китайском оригинале и в русском переводе с маньчжурского оригинала. Отдельные мелкие расхождения могут быть отнесены не только за счет возможных недостатков русского перевода с маньчжурского, но и за счет разноязычности оригинала.

Следует сказать, что отмеченная И. Я. Златкиным тенденциозность источника, рассчитанная на прославление династии Цин и императора Канси (характерная, кстати, для всех изданий периода Цинской империи), проявилась здесь весьма четко.

Определенную ценность для исследования внешней политики Цинской империи в отношении ее соседей представляет «Хуанчао фань бу яо люе» («Краткий свод основных данных о вассальных племенах при царствующей династии»), составленный Ци Юнь-ши и Шоу Яном [33]. Он состоит из 22 цзюаней (18 основных и 4 дополнительных, содержащих генеалогические таблицы). Предисловие его помечено 1839 г.; впервые он был издан в 1845 г., переиздан в 1884 г. В этом труде, построенном по хронологическому принципу, содержится краткое изложение истории отношений Цинской империи с Южной (Внутренней) и Северной (Внешней) Монголией, ойратами, Восточным Туркестаном и Тибетом, а также приводятся биографии и дополнительные сведения о присвоении чинов и титулов феодалам захваченных земель. Сравнительно небольшой объем «Хуанчао фань бу яо люе» и тематический подбор материала в нем делают этот источник весьма полезным для изучения внешней политики Цинской империи в XVII в., хотя новых данных по сравнению с материалами «Шилу» он не приводит.

Следует также упомянуть сочинение «Мэнгу ю му цзи» («Записки о монгольских кочевьях»). Оно было переведено на русский язык П. С. Поповым и вышло в С.-Петербурге в 1895 г. [72]. Авторами этого сочинения, изданного в Китае в 1867 г., были Чжан Му и Хэ Цю-тао. В нем содержится описание географического положения и границ кочевий монголов Южной Монголии, Северной Монголии и ойратов, кроме того, приводятся краткие биографические сведения о монгольских владетелях описываемых аймаков. К сожалению, отсутствие точных географических координат, замененных указанием расстояния от столицы Китая Пекина до описываемого кочевья в китайских ли, значительно уменьшает ценность этого сочинения. Можно также отметить встречающиеся расхождения в датировке создания маньчжурскими правителями знамен в присоединенных аймаках с данными «Шилу».

Для изучения внешней политики Цинской империи, и в частности китайско-вьетнамских отношений, помимо указанных выше источников были использованы две работы китайских авторов XIX в., имеющие компилятивный характер. Материалы их заимствованы из более ранних письменных памятников, и потому эти работы можно отнести к разряду источников. Первая из них — «Шэн у цзи» («Записки о священных войнах») из-

вестного китайского автора середины прошлого века Вэй Юаня (1794—1856) [14; 15]. Книга была написана к 1842 г. и тогда же впервые издана. Она состоит из 12 цзюаней и содержит описание всех наиболее примечательных военных кампаний, предпринятых цинским правительством с 1616 по 1842 г., при этом часто даются экскурсы в прошлое. Материал о Вьетнаме помещен в цзюане 6 в связи с описанием китайско-вьетнамской войны конца XVIII в. и хронологически доведен только до 1808 г. Этот труд во многом проникнут националистическими чувствами автора, который писал его под несомненным влиянием первого крупного военно-политического поражения империи Цин в войне с Англией в 1840—1842 гг. Однако это обстоятельство привело к тому, что некоторые оценки автора были отличны от «официальных». В результате труд подвергся тщательному цензурному редактированию.

В работе над этим источником мы пользовались переводом упомянутых материалов о Вьетнаме, выполненным французским синологом Г. Дэвериа [85]. Этот перевод в целом не вызывает сомнений. Его существенным недостатком является отсутствие постраничных ссылок на оригинал. Это вызывает особые затруднения, ибо, как будет отмечено, перевод Г. Дэвериа помимо «Шэн у цзи» включает и другой источник. Факты из них даются иногда вперемешку, что затрудняет их проверку и использование.

Работа «Юенань цзилюе» («Краткое описание Вьетнама») принадлежит перу цинского чиновника Сюй Янь-сюя, который в 1868—1869 гг. по роду службы занимался китайско-вьетнамскими отношениями [28]. Написана книга между 1869 и 1877 гг. Компилятивный ее характер отмечается самим автором в предисловии [28, 2а]. Материалы для написания этой книги были почерпнуты автором из более ранних источников и сгруппированы по тематическим разделам: история, представление дани, церемониал, торговые связи, границы и т. п. Один из двух цзюаней, составляющих книгу, целиком посвящен географическому описанию Вьетнама. Несмотря на сжатость и неполноту изложения, некоторые моменты, отмеченные Сюй Янь-сюем, интересны для сопоставления с прочими материалами по китайско-вьетнамским отношениям.

* * *

Проблемы, которые рассматриваются в предлагаемой работе, до настоящего времени еще не получили должного освещения в научной литературе. В китаеведении в целом сравнительно слабо изучен период конца XVII—XVIII в. [см. 193, 55—56]. Много лакун остается и в изучении внешней политики империи Цин. Этот факт отмечается советским исследователем Г. В. Ефимовым [142, 10]. Особенно справедливо это по отношению к то-

му периоду, когда создавалась империя Цин, и времени непосредственно после ее создания, т. е. к XVII в. Достаточно сказать, что пока нет монографий, посвященных интересующей нас проблеме. Однако те или иные аспекты ее поднимаются во многих общих работах, исследованиях смежного профиля, научных работах по истории отдельных стран и народов и в отдельных статьях. Здесь можно найти как общую оценку основных направлений цинской внешней политики, так и определение взаимоотношений Китая с некоторыми его соседями. В такой последовательности (внешняя политика империи Цин в целом, а затем страницы из истории ее взаимоотношений с отдельными странами, которым посвящены специальные главы в нашем исследовании) мы остановимся на некоторых научных работах.

В работах советских ученых внешняя политика империи Цин в отношении соседних народов расценивается как захватническая. А. Л. Нарочницкий, отмечая завоевательный характер цинской политики XVII—XVIII вв. в отношении сопредельных стран, связывает это с общей реакционностью всей внутренней и внешней политики Цинской империи на данном этапе [174, 619]. С. Л. Тихвинский рассматривает агрессивность цинского правительства в тесной связи с его реакционной национальной политикой внутри Китая [193, 40]. Советские историки ставят вопрос: чему служила агрессивная цинская политика? В этой связи С. Л. Тихвинский пишет: «Завоевательные походы... и жестокое покорение выступлений китайского и неханьских народов способствовали обогащению маньчжурских и китайских феодалов, укреплению военно-полицейского аппарата Цинов» [193, 64].

В советской литературе вопросы возникновения причин агрессивной политики империи Цин в XVII—XVIII вв. поставлены еще в 1936 г. В монографии, посвященной проблеме проникновения Цинов в Центральную Азию, Л. И. Думан впервые обратил внимание на внутриполитические факторы, толкавшие цинскую правящую верхушку на путь экспансии [133, 57—58]. Помимо простого стремления к ограблению соседних народов, обычно сопутствующему завоевательным планам в эпоху феодализма, автор акцентировал внимание на социальной, классовой стороне этого вопроса. Он приходит к заключению, что на путях внешней экспансии цинское правительство пыталось найти выход из обострившихся классовых противоречий в империи, отвлечь внимание масс от антифеодальной борьбы [133, 59—60].

В советской литературе ставилась также проблема преемственности и традиции в китайской внешней политике и дипломатии. Традиционность была характерна для многих черт и сторон цинской политики. Отмечая моменты, почерпнутые цинскими властями из арсенала древних и средневековых китайских политиков, А. Л. Нарочницкий называет следующие: стремление

китайской стороны всячески унизить иноземных послов во время их представления двору; толкование подносившихся иноземными послами подарков как «дани» цинскому императору; унизительность фразеологии китайских дипломатических документов для тех лиц, кому они адресовались [174, 620]. Говоря об общетеоретической доктрине построения внешних отношений китайской империей (в том числе и империей Цин), которая рассматривала все иноземные страны как вассалов Китая, А. Л. Нарочницкий отмечает, что такой подход был рассчитан на внушение китайскому народу и соседним странам преувеличенного понятия о могуществе цинской монархии [174, 621].

Сущность традиционных методов китайской дипломатии и их применение на практике в эпоху, непосредственно предшествующую воцарению цинской династии (в империи Мин), исследуется в монографии А. А. Бокщанина «Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв.» [114]. Разбирая конкретные проявления «вассалитета» иноземных стран по отношению к Китаю на примере стран Южных морей (обмен посольствами, присылка «дани», титулование местных властителей, предписание пользоваться китайским летосчислением и т. д.), он приходит к выводу, что такой «вассалитет», не подкрепленный прочими политическими акциями, был чисто номинальным и его нельзя считать какой-либо формой политической зависимости [114, 42]. В заключение автор отмечает то значение, которое имели традиционные воззрения и методы китайской дипломатии минского времени для последующего периода Цин [114, 200—201].

Отдельные аспекты внешней политики империи Цин рассматриваются в коллективном труде «Новая история Китая» под редакцией С. Л. Тихвинского [175], статьях Г. В. Мелихова, а также в его книге «Маньчжуры на Северо-Востоке. XVII век» [162] и в книге В. С. Кузнецова «Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в.» [152].

Историки Китайской Народной Республики в недалеком прошлом давали оценку внешней политики империи Цин, близкую к оценке советских авторов. Возьмем для примера коллективный труд «Очерки истории Китая» под редакцией Шан Юэ [179]. Политика маньчжурских властителей и правящей группировки в начале XVII в. (до перенесения центра империи Цин в Китай в 1644 г.) в отношении соседних племен и народов характеризуется здесь как захватническая [179, 486]. Говоря же о причинах агрессивной политики цинского государства после 1644 г., авторы отмечают, что завоевательные походы были предприняты маньчжурами «в целях расширения территории, упрочения своего господства, а также физического уничтожения китайцев и отвлечения их внимания от антиманьчжурской борьбы» [179, 544].

Однако с начала 60-х годов на страницах китайских изда-

ний стали появляться оценки цинской политики, прямо противоположные отмеченной выше. Характерна в этом отношении статья Лю Да-няня «Лунь Канси» («О Канси») [92]. По мнению автора, завоевательная политика Цинской империи была лишь «стабилизацией границ», а сами войны велись с целью «покончить с феодальной раздробленностью». Расширение территории империи Цин, по мнению Лю Да-няня, отвечало интересам народных масс, а политическое единство в рамках империи — интересам малых национальностей. Автор негодует на тех, кто рассматривает политику Канси в отношении соседних народов «как территориальную экспансию или покорение других национальностей».

Аналогичную позицию заняли и некоторые другие китайские ученые. Например, Фань Вэнь-лань в ходе дискуссии, опубликованной в журнале «Синь цзяньшэ», заявил применительно к китайской внешней политике: «Нельзя расширение территории считать агрессией, а слабые и гибнущие национальности объявлять объектами агрессии... Действия сильной нации или государства, направленные на расширение своей территории, соответствуют законам общественного развития своего времени» [89, 52].

Не нужно объяснений, чтобы понять всю надуманность и тенденциозность подобных теорий. Эти взгляды китайских историков уже подвергались заслуженной и обоснованной критике со стороны советских ученых [193, 67—72; 123, 16—20]. Всецело солидаризируясь с данной критикой, мы считаем нецелесообразным повторяться в опровержении подобных ненаучных, шовинистических теорий некоторых китайских ученых, вставших на позиции великодержавного ханьского национализма. За последние годы в газетах и журналах КНР было помещено немало статей, в которых авторы продолжают рассматривать историю Китая, в частности историю нового времени, с позиций китаецентризма. По существу, смысл всех этих многочисленных статей заключается в фальсификации исторических фактов, в попытке представить различных соседей Китая, независимых народов, как вассалов его или даже как часть китайской нации.

Отдельные моменты, характеризующие те или иные черты внешней политики империи Цин в отношении соседних стран, отмечались буржуазными западноевропейскими, американскими и японскими историками. Так, например, О. Латтимор называет одной из целей, которую преследовали цинские политики на раннем этапе существования империи, стремление не допустить создания вблизи своих границ сколько-нибудь крупного государственного или племенного объединения. Для этого, отмечает он, маньчжуры прибегали к тактике натравливания одних народов и племен на другие, а затем выступали в роли арбитра, что облегчало вмешательство в их дела [219, 184].

Общие проблемы внешней политики Цинской империи, в частности вопрос о традиционности внешнеполитических методов, поднимаются японским исследователем Банно Масатака. Однако основным предметом его исследований является политика Цинов на позднем этапе (с середины XIX в.) [201].

Наиболее обстоятельной в интересующем нас аспекте работой буржуазных авторов является исследование Дж. Фэрбэнка и Дэн Сы-юя «О даннической системе при Цинах» [208], построенное на тщательном изучении довольно широкого круга источников с привлечением многих научных работ на китайском, японском и западноевропейских языках. Авторы подходят к изучаемой ими проблеме с нескольких сторон: характеризуют общие принципы внешних отношений империи Цин, ставят вопрос о традиционности китайской политики этого периода и в связи с этим останавливаются на внешних связях Китая в предшествующее. минское время (XIV—XVII вв.), рассматривают проблемы внешней торговли империи Цин, выделяют отношения между империей и европейскими державами.

Дж. Фэрбэнк и Дэн Сы-юй считают, что внешние связи Китая в указанное время строились на базе традиционной «даннической системы». Эта система, проявлявшаяся в соблюдении ряда определенных формальностей (поднесение «дани», получение императорской печати и инвеституры и т. д.), была «тем механизмом, с помощью которого варварские, то есть не китайские, районы ставились на свое место во всеобъемлющей китайской политической и тем более этической схеме» [208, 139].

Нам представляется, что термин «даннической система» не совсем точно передает сущность сложившихся внешних отношений Китая. Сами авторы исследования отмечают, что формальности, связанные с этой системой, далеко не ограничивались поднесением «дани». Поэтому более правильно было бы говорить о системе предопределенного, номинального вассалитета многих зарубежных стран, на основе которой китайские средневековые политики пытались строить свои внешние отношения [7]. Кроме того, следует учитывать, что внимание Дж. Фэрбэнка и Дэн Сы-юя сосредоточивается на одной, дипломатической, стороне взаимоотношений империи Цин с внешним миром, оставляя вне поля зрения такие важные моменты, как ее войны и территориальная экспансия. Авторы также не ставили своей целью показать внешнюю политику маньчжурской империи до 1644 г. Поэтому внешняя политика империи Цин нуждается еще в дальнейшем серьезном исследовании.

Об этом свидетельствует и тот факт, что интересующие нас проблемы были вновь затронуты в недавно опубликованном сборнике «Китайский мировой порядок. Традиционные китайские международные отношения», под редакцией Дж. Фэрбэнка [204]. В него вошли как статьи общего характера, посвященные общетеоретическим вопросам внешних связей Китая, так

и исследования, раскрывающие взаимоотношения между Китаем и отдельными странами. В общетеоретическом плане большой интерес представляет предпосланное сборнику «Введение» Дж. Фэрбэнка. Он отмечает, что во многовековой практике отношения между Китаем и окружающим миром сложились в определенную систему, которую можно сопоставить с системой международных отношений, выросшей в Европе [204, 2]. Отличительной чертой в китайской системе международных отношений автор называет концепцию китаецентризма, т. е. мысль о преобладании Китая. При этом Дж. Фэрбэнк отмечает, что идеология «китаецентризма» связана с иерархичностью и неэгалитарностью самого китайского общества в древности и средневековье. В этом свете «китаецентризм» является попыткой китайских политиков и мыслителей распространить привычные для них отношения, сложившиеся внутри страны, на весь мир [204, 2].

Дж. Фэрбэнк отмечает, что «китайский порядок мира» мог существовать лишь для китайской стороны и что страны, вступавшие с Китаем во взаимоотношения, имели свою собственную точку зрения на эти связи. «Китайский порядок мира, — заключает он, — был цельной идеей лишь для китайской стороны и только лишь как норматив, как идеальный образец» [204, 12].

Заслуживает внимания попытка Дж. Фэрбэнка выделить в виде схемы основные методы китайской политической практики в отношении тех или иных стран [204, 13]. И хотя по отдельным моментам представленной схемы можно полемизировать, мысль о том, что эта практика была весьма разнообразна в зависимости от обстоятельств, не вызывает сомнения.

Менее удачна, на наш взгляд, попытка выделить три зоны стран, характеризуемых общностью направления и восприятия китайской политики [204, 2]. Основным критерием здесь служит для автора степень китайского влияния. Но последнее было весьма переменчивой величиной и в зависимости от обстоятельств могло то усиливаться, то ослабевать в какой-либо отдельной из перечисляемых Дж. Фэрбэнком стран.

Нельзя также согласиться с утверждением Дж. Фэрбэнка, что китайская точка зрения на окружающие страны «была обоснована культурными мотивами и ориентирована в политические» [204, 11]. По нашему мнению, будучи ориентирована в политику, эта теория (или же точка зрения) обосновывалась политическими же мотивами в гораздо большей степени, чем какими-либо другими.

Тем не менее основные положения, высказанные Дж. Фэрбэнком в отмеченном сборнике, имеют для нас непосредственный интерес, так как автор выдвигает их, базируясь в основном на материале цинского периода. Внешнеполитическая теория и практика Китая этого периода (по крайней мере до второй по-

ловины XIX в.) вполне обоснованно рассматривается Дж. Фэрбэнком и другими участниками упомянутого сборника как традиционная, непосредственно связанная с предшествующим опытом китайцев в данном направлении. (Некоторых статей этого сборника, посвященных отношениям Китая с отдельными странами, мы коснемся ниже.)

* * *

Перейдем к рассмотрению основной научной литературы, использованной при написании отдельных глав предлагаемого исследования.

Наибольшее освещение в литературе получили проблемы консолидации маньчжурского государства, отношений маньчжуров с соседними северными и северо-восточными племенами, а также с Россией. Видное место здесь принадлежит трудам русских дореволюционных и советских авторов. Среди них следует в первую очередь назвать работу В. Горского [124]. Несмотря на целый ряд недостатков, отдельные оценки В. Горского в отношении политики маньчжуров заслуживают внимания. Так, например, многочисленные походы маньчжуров на север и северо-восток совершенно справедливо оцениваются как кратковременные военные экспедиции, ставившие своей целью в первую очередь захват живой силы соседних племен и увод ее на территорию государства Маньчжоу, а также захват военной добычи [124, 48—50].

Из многочисленных работ А. В. Гребенщикова полезной для нас оказалась его книга «Маньчжуры, их язык и письменность» [126]. В этой работе содержится краткий очерк истории консолидации маньчжурской народности. Построена она на русской и западноевропейской литературе.

В трудах русских и — позднее — советских историков из интересующих нас проблем больше всего внимания уделялось расселению отдельных народностей Дальнего Востока в XVII—XVIII вв. Среди этих работ следует в первую очередь отметить труды академика Л. И. Шренка, В. И. Огородникова и Б. О. Долгих [198; 177; 132].

Проблеме расселения народов Дальнего Востока на рубеже XVI—XVII вв. посвящена также статья Е. П. Лебедевой «Расселение маньчжурских родов в конце XVI — начале XVII в.» [155], представляющая собой краткое изложение сведений из маньчжурского источника 1744 г. Подробная ее характеристика уже публиковалась Г. В. Мелиховым [162, 12], и поэтому здесь нет необходимости повторяться.

Наиболее полно вопросы отношений маньчжурского государства с соседними северными и северо-восточными племенами и народами в интересующий нас период отражены в недавно вышедшей монографии Г. В. Мелихова «Маньчжуры на Северо-

Востоке (XVII в.)» [162]. Дальнейшая разработка указанной проблемы предлагается автором в третьей главе настоящей работы.

Вопрос о связях маньчжурского государства с Кореей в XVII в. не освещался в специальных исследованиях. Он затрагивается или в общих работах по истории Кореи, или в трудах по истории корейско-китайских связей.

Из работ советских авторов можно упомянуть главу «Корея в XVI — первой половине XVII в.», написанную М. Н. Паком, во «Всемирной истории» [181]. Однако интересующие нас вопросы здесь освещаются весьма кратко, а проблема дипломатических отношений Кореи с маньчжурами вообще не затрагивается [181, 693]. Вряд ли можно согласиться с утверждением автора о том, что маньчжурские гарнизоны были выведены из городов Анчжу, Чончжу и Ыйчжу лишь в результате народного восстания [181, 693]. Во-первых, гарнизон был оставлен лишь в одном Ыйчжу, а во-вторых, он был выведен по настоянию корейских властей почти через девять месяцев после окончания войны.

В некоторой степени представляет определенный интерес для изучаемых нами проблем работа советского кореиста Ю. В. Ванина «Экономическое развитие Кореи в XVII—XVIII вв.» [116]. В работе, в разделе «Внешняя торговля», сообщается о корейско-китайской торговле, о поездке корейских купцов с послами, направляющимися к маньчжурскому двору, об ответных миссиях. Автор сообщает о существовании нескольких центров корейско-китайской торговли; он приводит данные о том, что́ вывозилось из Кореи купцами и что́ привозилось.

Работы корейских авторов, в которых затрагиваются интересующие нас вопросы, весьма немногочисленны. Среди них прежде всего заслуживает внимания «История Кореи», подготовленная коллективом Института истории Академии наук КНДР, в двух томах. Первый том, вышедший в Пхеньяне в 1956 г. и переведенный на русский язык, охватывает и XVII в. [146].

Интересующий нас вопрос освещен в главе XIII весьма кратко. В основном здесь говорится о возвышении государства маньчжуров, его борьбе с минским Китаем и об участии Кореи на стороне последнего, а затем весьма кратко освещены две войны цинского государства с Кореей (1627, 1636—1637 гг.), причем главным образом показан ход военных действий. Кроме того, излагаются договоры, заключенные Кореей с маньчжурами в 1627 и 1637 гг.

Нами использована работа китайских авторов Чжан Чжэнлана и других, посвященная связям Китая и Кореи [100]. В этой научно-популярной работе дается краткий очерк отношений между Китаем и Кореей на протяжении пяти тысяч лет. Очень сжато освещается вопрос о вторжении маньчжуров в Корею. При освещении событий 1627—1636 гг. автор, базируясь на

версии официальных маньчжурских документов, допускает известную тенденциозность.

Переходя к рассмотрению научной литературы о взаимоотношениях империи Цин с Монголией, необходимо отметить, что число работ, в которых имеются сведения по интересующему нас вопросу, сравнительно невелико.

Во втором издании «Истории Монгольской Народной Республики» [147], являющемся плодом совместной работы монгольских и советских историков, содержится краткое изложение отношений между маньчжурским государством и монголами в XVII в., дается четкая оценка агрессивной политики маньчжурского двора в отношении Южной и Северной Монголии.

В 1964 г. вышла книга советского монголоведа И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства (1635—1758)» [145]. Автор, разбирая вопрос о халхасо-ойратской войне 1688 г., касается политики цинского двора в отношении Халхи в этот период. И. Я. Златкин правильно указывает на то, что маньчжурские правители умело воспользовались затруднительным положением халхаских феодалов, потерпевших поражение в войне с ойратами, для того чтобы поставить их перед необходимостью перехода в подданство маньчжурского императора.

Агрессивной политике цинского правительства в отношении монголов посвящена недавно опубликованная монография И. С. Ермаченко «Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII веке» [141]. В пятой и шестой главах предлагаемой работы И. С. Ермаченко продолжает исследование поднятых в монографии вопросов.

Из монографий русских дореволюционных авторов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме, можно назвать книгу А. Позднеева «Монгольская летопись „Эрдэнийн эрихэ“» [75], которая дает сравнительно полное освещение маньчжуро-халхаских отношений в интересующий нас период, используя монгольские источники и некоторые китайские компилятивные работы. Однако труд А. Позднеева имеет и крупные недостатки, прежде всего он тенденциозен и под влиянием китайских источников содержит апологетику маньчжурских правителей, что было уже отмечено И. Я. Златкиным [145, 12].

В книге другого русского исследователя, Д. Покотилова, «История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634 (по китайским источникам)» [186] содержатся краткие сведения о связях между Цинской империей и Чахарским ханством в начале XVII в., оказавших определенное влияние на развитие маньчжуро-монгольских отношений в этот период.

В исторической литературе на китайском языке также нет специальных исследований, посвященных истории маньчжуро-монгольских отношений в XVII в. Отдельные стороны этой проблемы в известной мере освещаются в работах историков КНР по истории Внутренней (Южной) Монголии.

Из числа подобного рода работ прежде всего стоит назвать книгу Токто (Тао-кэ-то) «Нэй Мэнгу фачжань гайшу чу гао» («Очерки развития Внутренней Монголии»). Оценивая политику маньчжурских правителей в отношении монголов, автор правильно указывает на ее откровенную враждебность и агрессивность. Он пишет о том, что маньчжурские правители отдавали себе ясный отчет как в военных возможностях монголов, так и в важности занимаемых ими территорий в стратегическом отношении, поэтому «первоначальное покорение Южной Монголии было основной задачей их агрессии на западе» [98, 127]. Стремление чахарского Лигдан-хана объединить южных монголов под своей властью, не получившее поддержки монгольских феодалов, было чревато для маньчжуров опасностью усиления монголов. Поэтому маньчжурские правители активизировали борьбу за подчинение Южной Монголии.

Приводимые Токто сведения о маньчжурской системе управления населением присоединенных южно-монгольских аймаков, о лишении их феодалов политической самостоятельности и установлении над ними строгого контроля, завуалированного подачками маньчжурского двора, помогают воссоздать картину маньчжурско-монгольских отношений после присоединения Южной Монголии к маньчжурскому государству.

В то же время следует отметить противоречивость позиций автора при оценке им исторической роли завоевания маньчжурами Южной Монголии. Идя наперекор своим собственным выводам и собранному в книге богатому фактическому материалу, Токто пишет, что «дело объединения маньчжурскими правителями всех народностей в единое великое государство объективно сыграло передовую историческую роль, хотя оно же нанесло серьезный ущерб народностям нашей страны и прежде всего монгольской народности» [98, 134]. По-видимому, автор не смог преодолеть влияния великодержавного китайского шовинизма, сторонники которого восхваляли маньчжурских правителей за порабощение некитайских народов и создание «великого государства», т. е. Цинской империи. Совершенно очевидно, что политика подавления и захвата соседних народов, которую проводили цинские императоры, не только имела своим следствием бедствия и угнетение этих народов, но и тормозила общественное развитие, прогресс всей китайской нации, страдавшей от разорительных войн и разрушения производительных сил.

Значительно меньший интерес по полноте изложения и собранному в ней материалу о внешних связях монголов представляет книга Юй Юань-аня «Нэй Мэнгу лиши ганъяо» («Очерки истории Внутренней Монголии») [105].

Из работ современных буржуазных ученых следует остановиться на трудах американского ученого О. Латтимора, многие годы занимавшегося изучением проблем, связанных с гра-

ницами Китая. В 1941 г. вышла его книга, посвященная широкому кругу вопросов, связанных с отношениями Китая с окружавшими его с севера и запада соседями, начиная с древнейших времен и кончая XX в. [217]. В этой многоплановой работе содержится ряд отдельных высказываний о причинах борьбы, возникшей между Чахарским ханством и маньчжурским государством, и о роли Южной Монголии (он называет ее «восточными монголами») в этой борьбе. О. Латтимор отмечает, что поражение чахарского Лигдан-хана помешало объединению монголов под эгидой чахарского хана в сильное государство, которое могло бы соперничать с маньчжурами в завоевании Китая [217, 86]. Причину же быстрого захвата Южной Монголии маньчжурами О. Латтимор несколько односторонне усматривает в том, что монголам «удобнее было занимать положение подчиненных союзников, что давало право на награды со стороны завоевателей, нежели мешать маньчжурам в господстве над Китаем» [217, 86]. Здесь автор упускает такой важный момент, как неспособность разобщенных монгольских аймаков противостоять натиску централизованного маньчжурского государства.

В более ранней работе о монголах Маньчжурии [218], увидевшей свет в 1934 г., автор справедливо указывал на большой интерес, который представляет изучение ранней стадии развития маньчжуро-монгольских отношений или изучение истории монголов, процесса распространения могущества маньчжуров на Китай и т. д. Не меньшего внимания заслуживает и указание автора на то, что характер ранних маньчжуро-монгольских отношений был фальсифицирован позднейшими интерпретациями китайских авторов, а также на то, что этим вопросам не уделялось достаточно внимания европейскими учеными.

В 1962 г. О. Латтимор издал еще одну книгу, куда вошли написанные им с 1925 по 1958 г. статьи, посвященные проблемам границ Китая в их историческом развитии [219]. В этой книге по интересующим нас вопросам маньчжуро-монгольских отношений автор не дает ничего нового, повторяя мысли, высказанные в упомянутых нами выше работах автора.

Вопрос о взаимоотношениях цинского государства с ойратами изучен еще недостаточно. Специальных трудов на эту тему не создано. Несмотря на то что об ойратах и Джунгарском ханстве существует сравнительно большая литература как на русском, так и на иностранных языках [см.: 70; 72; 75; 113; 127; 150; 194; 200; 203; 205 и др.], вопрос об отношениях ойратов с Цинской империей, в особенности в первой половине XVII в., освещался слабо.

Даже в такой обобщающей работе, едва ли не первой в мире рассматривающей с исчерпывающей полнотой историю Джунгарского ханства, как труд И. Я. Златкина [145], вопрос об отношениях ойратов с цинским государством занимает сравни-

тельно небольшое место. Значительно больше внимания уделяется войне Галдана за Халху с Цинской империей. Такое положение в известной степени объясняется объективными причинами — недостаточностью материалов источников. Даже китайские источники, значительно полнее других освещающие эти внешние связи ойратов и Цин, сравнительно мало сообщают о первой половине XVII в.

Литература об ойратах, использованная нами в дополнение к китайским источникам, была с исчерпывающей полнотой охарактеризована и правильно оценена И. Я. Златкиным [145, 5—25], с выводами которого мы в основном согласны. Это избавляет нас от необходимости давать здесь обзор литературы на русском и иностранных языках об ойратах. Мы позволим себе высказать лишь некоторые дополнительные соображения о ряде трудов.

Небезызвестная работа монаха Иакинфа (Бичурина), долгое время в XIX в. являвшаяся чуть ли не единственным трудом об ойратах [113], получила заслуженно отрицательную оценку Б. Я. Владимирцова, отметившего наличие в ней неточных и ошибочных указаний [122, 167]. Для наших целей упомянутая выше работа Бичурина, так же как и другие его труды по Джунгарии и Восточному Туркестану [например, 58], не имеют большого значения, так как в них приводятся крайне скудные данные об ойратско-маньчжурских отношениях в XVII в., к тому же позаимствованные не из первоисточников.

Необходимо отметить, что труд Г. Е. Грум-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» [127], правильно оцененный И. Я. Златкиным как компиляция, все же дает много интересных справочных материалов. Он насыщен конкретными историческими фактами, извлеченными из русских архивных материалов, русской и иностранной литературы и из переводов на русский язык некоторых монгольских источников. Правда, об отношениях ойратов с Цинами в XVII в. автор сообщает немного, используя главным образом упоминавшиеся нами работы А. М. Позднеева, Бичурина и М. Курана («Центральная Азия в XVII и XVIII веках. Империя калмыков или империя маньчжуров?») [58; 59; 75; 205].

Что касается упоминавшейся выше работы А. Позднеева, то, несмотря на все недостатки, в том числе и процинскую ориентацию автора, приведенный в ней конкретный материал дополняет литературу об ойратах, в частности по вопросам маньчжуро-ойратских отношений, а также о характере отношений между правителем Джунгарского ханства Галданом и халхаскими феодальными владетелями.

Иностранная литература уже, в общем, правильно охарактеризована И. Я. Златкиным, и нам нет необходимости подробно говорить о ней. Добавим лишь об упоминавшемся выше труде

М. Курана «Центральная Азия в XVII и XVIII веках. Империя калмыков или империя маньчжуров?» [205]. Он имеет очерковый характер, рассматривая большой круг вопросов без глубокого анализа. Основной материал, посвященный XVII в., помещен в главе V книги М. Курана [205, 45—63]. Здесь рассматриваются такие вопросы, как внешняя политика Джунгарского ханства в отношении России, Тибета, связи с народами Центральной Азии, походы ойратского хана Галдана в Восточный Туркестан и войны против Халхи и Цинской империи.

Из работ советских авторов заслуживает внимательного отношения упоминавшийся труд И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства» [145]. Это первое и пока единственное в мире исследование, посвященное всем сторонам жизни ойратов: их ранней истории начиная с XIV—XV вв., общественному строю ойратов в XV—XVI вв., историческим предпосылкам и образованию Джунгарского ханства, распространению ламаизма среди ойратов. Заканчивается труд И. Я. Златкина описанием гибели Джунгарского ханства в 1759 г., т. е. уничтожения его цинскими войсками.

Интересующий нас период XVII в. рассматривается в третьей и четвертой главах упомянутой выше работы [145, 162—318]. Здесь, как и в других главах, большое место занимают вопросы социально-экономического строя, внутренней и внешней политики, главным образом в отношении России и Монголии. Ойратско-цинские связи до войны с Галданом освещаются недостаточно полно. Это объясняется тем, что автор не имел возможности пользоваться китайскими источниками. Исключение составляет период войны Галдана за Халху, исследование которого базируется на переводе маньчжурского источника, имеющегося и в китайской версии. Перевод на русский язык, как мы указывали, был сделан в 1750 г. И. Россохиным. К сожалению, И. Я. Златкин не имел возможности сверить перевод с оригиналом и привлечь другие китайские источники для проверки данных перевода и выводов оригинала. В результате он оказался в сильной зависимости от использованного им перевода и вынужден безоговорочно принимать выводы маньчжурского источника.

Ограниченность источниковедческой базы (мы имеем в виду в первую очередь неиспользование китайских источников) привела к тому, что И. Я. Златкин в некоторых случаях, правда сравнительно немногих, делает выводы, недостаточно обоснованные материалами источников. Об этом мы говорим в соответствующем разделе данной работы, поэтому не будем здесь повторяться. Следует отметить еще один крупный, на наш взгляд, недостаток работы, посвященной изучению истории ойратов: многие даты, взятые из перевода маньчжурского источника, неправильно переведены на русское летосчисление. Несмотря на отмеченные недостатки, «История Джунгарского хан-

ства» является весьма полезным трудом и большим вкладом в мировую науку.

Вопросы истории китайско-вьетнамских отношений в различные эпохи привлекают все большее внимание советских исследователей, которые за последнее время выпустили ряд статей [158; 159; 183]. Однако ограниченность источниковедческой базы (почти полное отсутствие вьетнамских источников) вынуждает советских ученых пользоваться в своих исследованиях главным образом китайскими материалами, как правило тенденциозно освещающими, а иногда и просто искажающими историю Вьетнама, тем более историю его отношений с Китаем. В особенности это относится к позднему средневековью.

Среди немногочисленных работ по вопросу китайско-вьетнамских отношений в рассматриваемый нами период следует указать статьи и монографию Г. Ф. Мурашевой [166; 167; 168; 169], которая использовала не только китайские, но и вьетнамские источники. Подробный разбор ее работ дан в рецензии А. А. Бокщанина («Народы Азии и Африки», 1976, № 2), поэтому здесь нет необходимости повторяться.

Китайские ученые не создали полноценных, научно обоснованных трудов по затрагиваемой нами проблеме. Имеющиеся краткие очерки и статьи посвящены главным образом вопросам культурных связей между Китаем и Вьетнамом. При этом изучение китайско-вьетнамских отношений базировалось почти полностью на китайских источниках, отражавших традиционные взгляды великодержавных ханьских шовинистов.

Для современных китайских историков, писавших о китайско-вьетнамских отношениях, характерны чрезмерное преувеличение, вопреки исторической реальности, факта дружественных связей между двумя странами и полное замалчивание агрессивных войн, проводившихся китайскими императорами в различные периоды древности и средневековья, фактов вторжения китайских войск на территорию Вьетнама, их зверств и грабежей, насильственного попирания независимости вьетнамского народа и навязывания ему китайских порядков и национального гнета, а также фактов длительной и героической борьбы вьетнамского народа, сумевшего отстоять свою независимость.

В этом отношении типичным является очерк Чэнь Сю-хэ [103]. Ему свойственны отмеченные выше пороки работ современных китайских историков. Очерк охватывает историю китайско-вьетнамских связей с древности до 1955 г. включительно. Наибольший интерес в очерке представляют материалы (частично из вьетнамских источников, изданных на китайском языке) о китайской иммиграционной волне во Вьетнаме в середине и второй половине XVII в.

Довольно интересный фактический материал о деятельности китайских эмигрантов во Вьетнаме в XVII в. содержится в краткой статье Шао Сюнь-чжэна [104].

В буржуазной научной литературе на Западе, в частности во Франции, проблема китайско-вьетнамских отношений в рассматриваемый период не получила детального и глубокого исследования. Мнения французских специалистов о характере этих отношений разделились. Некоторые из них, в частности Ш. Мэйбон, без достаточных оснований утверждали, что Вьетнам в XVII в. был вассалом Цинской империи [223, 374—379]. Но другие авторы полагали, что вассалитет этот был чисто формальным [168, 79; 169, 89]. К ним относится и Ле Тхань Кхой, живущий и работающий во Франции. В своей работе «Вьетнам. История и цивилизация» он отмечает, что после установления официальных отношений Вьетнама (Дайвьета) с империей Цин кратковременные трения из-за Каобанга были устранены и отношения между двумя странами нормализовались [220, 257]. Ни о каком вассалитете Ле Тхань Кхой даже не упоминает, рассматривая отношения между Вьетнамом и Цинской империей как равные.

В книге американского исследователя Х. Хинтона «Отношения Китая с Бирмой и Вьетнамом» [214] отмечается различный подход Цинской империи к так называемым (по китайской терминологии) государствам-данникам. Однако Х. Хинтон, на наш взгляд, допускает при этом неправильную трактовку данного вопроса. Во-первых, американский ученый безоговорочно и некритически воспринимает свидетельства китайских источников, составленных на основе китаецентристской концепции, по которой все государства, общавшиеся с Китаем, якобы были данниками, вассалами. Поэтому употребление Х. Хинтоном термина «даннические государства» без конкретного анализа отношений этих государств с Китаем и без раскрытия подлинной сущности их связей мы считаем неправомерным. Далее, Х. Хинтон допускает еще одну ошибку, свойственную всем буржуазным исследователям, объясняя различный подход к некитайским народностям чисто расовыми моментами.

Безусловно, цели китайской внешней политики в прошлом не были одинаковы применительно к различным районам и странам. Например, английский востоковед В. Парселл, освещая отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии, подчеркивал особое место Вьетнама и Бирмы. Он писал, что существует различие в самом характере связей этих двух стран с Китаем по сравнению с Филиппинами, Сиамом, Малаккой и Индонезией [225, 64]. Однако нам кажется, что стремление Х. Хинтона объяснить различные отношения расовыми корнями лишено основания. Неидентичность политических целей китайского правительства в отношении тех или иных стран диктовалась учетом конкретного положения и своих возможностей.

Мы не можем также согласиться с трактовкой Х. Хинтоном вопроса о вассалитете Вьетнама в отношении Цинской империи или, как он формулирует, «вассального или даннического стату-

са в пределах китайского влияния». Сама по себе эта формулировка двусмысленная и затемняет сущность подлинных отношений между двумя странами.

Раскрывая суть указанного им «даннического статуса», Х. Хинтон отмечал, что Вьетнам признавал себя данником Китая, имея в виду, что он не подвергнется оккупации и избежит установления на его территории китайской администрации. Вместе с тем Китай признавал автономию Вьетнама на условиях соблюдения даннической системы. Вьетнам же соглашался присылать дань раз в три года, следовать китайскому календарю, обычаям китайского двора и «руководству Китая в иностранных делах» [214, 5].

В изложении Х. Хинтона вассальные отношения выглядят как нечто строго определенное и неукоснительно исполнявшееся. Однако на практике этого не наблюдалось. Х. Хинтон употребляет слово «признать» в отношении обеих стран. Между тем хорошо известно, что одной из характернейших черт вассалитета, поддерживаемого Китаем, было отсутствие каких-либо договорных обязательств. Термин «автономия» в связи с положением Вьетнама неудачен, ибо он создает впечатление о вхождении страны в китайскую империю. Х. Хинтон не раскрывает также одного из самых существенных, на наш взгляд, положений, которое могло бы в какой-то степени подтвердить его концепцию непререкаемого вассалитета, а именно, что́ подразумевается под словами «следовать... руководству Китая в иностранных делах».

Отдельные стороны истории взаимоотношений Китая и Вьетнама рассматриваются в различных статьях упомянутого нами сборника «Китайский мировой порядок» [204]. М. Мэнколл, например, высказывает точку зрения, близкую к точке зрения Х. Хинтона. М. Мэнколл считает, что Вьетнам был одной из стран, полностью разделявшей китайские теоретические догмы относительно международных связей, и сознательно придерживался их в своих отношениях с Китаем. Автор строит эти доводы на том, что Вьетнам, как и Китай, руководствовался конфуцианством в своей жизни и политике. Он пишет: «Вьетнам, подобно Корее и Рюкю, был государством-данником Китая, участвуя в мировом порядке в Восточной Азии на базе своего собственного конфуцианского наследия — продукта многовекового прямого контроля Китая и косвенного политического и культурного влияния» [204, 66]. В подтверждение своей точки зрения М. Мэнколл приводит послания вьетнамских королей в Китай, выдержанные в том стиле, которого требовал китайский двор от иноземцев. Однако, по нашему мнению, формальная сторона вьетнамо-китайских отношений (в частности, выдерживание дипломатических посланий в «китайском стиле» и выполнение других норм китайского ритуала дипломатических связей) заслоняет для автора вопрос о сущности от-

ношений между обеими странами. Мы считаем, что одной лишь формальной стороны недостаточно для того, чтобы называть Вьетнам «государством-данником» Китая в каком-либо особом смысле, нежели все прочие иноземные страны, которые китайцы считали «данниками».

Отдельные замечания о политике вьетнамских правящих кругов в отношении Китая имеются в работе английского исследователя Д. Холла «История Юго-Восточной Азии» [195], переведенной на русский язык. Однако основное внимание во внешних связях Вьетнама в XVII—XVIII вв. Д. Холл уделяет его отношениям с европейскими странами. В книге приводится также материал о китайских переселенцах во Вьетнаме в XVII в. [195, 295—296].

Переходя к обзору литературы, посвященной русско-китайским отношениям в XVII в., следует отметить, что советские историки уделяли внимание различным вопросам этих отношений, но особый интерес был проявлен к событиям, связанным с заключением Нерчинского договора. Уже в 1938 г. Л. И. Думан по этому поводу писал: «По этому договору устанавливалось, правда, временное соглашение о границах между Китаем и Россией, причем из владений России исключалась Амурская область. Русское правительство, не желая обострять отношения с Китаем и терять выгоды взаимной торговли, пошло на значительные уступки, передав Маньчжурской империи земли, ей, по существу, не принадлежащие. Амурская область была заселена независимыми племенами, и Россия, завоевав эту область, вовсе не захватывала территорию Цинской империи» [136, 2].

Специально рассматриваемой проблеме посвящена работа П. Т. Яковлевой «Первый русско-китайский договор 1689 года» [199]. Монография построена на широком круге русских источников и архивных документов, значительная часть которых публикуется впервые. В книгу помимо собственно истории Нерчинского договора включена также и история русской колонизации Даурии и Приамурья и все основные этапы русско-китайских отношений до 1689 г., в ней приведен большой фактический материал по крестьянской колонизации и хозяйственному освоению русскими Приамурского края.

Удачное освещение в работе всех основных вопросов темы является безусловной заслугой автора, отмеченной еще первыми рецензентами книги А. Н. Копыловым и В. С. Мясниковым [149].

Вместе с тем следует отметить, что даже в такой специальной работе, как книга П. Т. Яковлевой, история агрессии Цинской империи на Амуре дана чрезвычайно кратко, в чем, безусловно, сказалось отсутствие в распоряжении автора маньчжуро-китайских материалов. Нехватка их ощущается также при изложении автором хода самих нерчинских переговоров. Маньчжурские документы и материалы, не использованные авто-

ром, сообщают много нового для лучшего уяснения хода нерчинских переговоров и изменения позиций маньчжуро-цинской стороны, которая в освещении этих документов представляется гораздо более логичной и последовательной, хотя и не меняет своего враждебного к России и захватнического, агрессивного характера.

Из других специальных работ по русско-китайским отношениям, использованных нами, следует назвать труды Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова [64; 130; 170; 172; 173], В. А. Александрова [111] и сборники русских архивных материалов [51; 65; 53; 77; 78; 79; 171]. Здесь не представляется возможным дать полную оценку перечисленных работ, тем более многочисленных статей по указанной теме. Однако нельзя не отметить, хотя бы бегло, всего положительного, ценного, что сделали советские авторы — наши предшественники за последние годы.

В труде «Первые русские дипломаты...» Н. Ф. Демидова и В. С. Мясников, еще раз введя в научный оборот архивные документы, оставшиеся после И. Петлина и Ф. Байкова («Роспись» и статейный список) и изучавшиеся свыше двух столетий отечественными и зарубежными историками, впервые попытались провести исследование сохранившихся вариантов отчетов И. Петлина и Ф. Байкова [64]. В результате было обнаружено столь существенное расхождение в текстах, что стало возможным говорить об отдельных вариантах статейных списков как о самостоятельных документах. Для нас в упомянутом труде особенно ценна была вторая его часть, составленная Н. Ф. Демидовой, — о посольстве Ф. И. Байкова в Китай (1654—1658 гг.). Автор дал весьма ценное глубокое исследование архивных материалов о подготовке посольства Ф. И. Байкова, его поездке и деятельности в Китае в качестве посла. С основными выводами автора нельзя не согласиться. Наши расхождения по отдельным частным вопросам, приведенные в соответствующем разделе данного коллективного труда (о политике династии Цин в отношении России), вызваны тем, что целый ряд конкретных вопросов посольских связей России с Цинской империей еще до сих пор не выяснен из-за недостаточности архивных материалов.

Упомянутые работы В. С. Мясникова внесли много нового в изучение русско-китайских отношений. Они в основном базируются на глубоком изучении русских архивных материалов, впервые используемых с такой полнотой и дополняемых иногда данными китайских источников. В. С. Мясникову принадлежит детальная разработка проблемы разграничения между Россией и Цинской империей в XVII в. В изучении Нерчинского договора 1689 г. им сделано много полезного, уточняющего и дополняющего приведенный выше труд П. Т. Яковлевой.

Весьма интересна монография В. А. Александрова «Россия на Дальневосточных рубежах» [111]. Опираясь на русские ар-

хивные материалы, а также работы русских дореволюционных и советских авторов, В. А. Александров сумел с достаточной полнотой показать хозяйственное освоение Забайкалья и Приамурья русскими переселенцами во второй половине XVII в. В его труде также широко показаны дипломатические и торговые связи России с Цинской империей, Северной Монголией и Джунгарией в 60—70-х годах XVII в., маньчжуро-цинская агрессия в 80-х годах против русских владений в Приамурье. Наконец, в работе В. А. Александрова излагается подготовка посольского съезда, ход переговоров и заключение Нерчинского договора. Заключительная глава труда посвящена русско-китайской торговле через Нерчинск в конце XVII в.

В целом В. А. Александров правильно освещает основные вопросы русско-китайских отношений во второй половине XVII в. (на более раннем периоде автор специально не останавливается); его работа насыщена конкретными данными из русских архивных материалов и вносит много нового, дополняя ранее вышедшие исследования советских авторов.

В. А. Александров весьма правильно подметил, что Нерчинский договор фактически был навязан России силой и что вынужденная территориальная уступка со стороны последней «могла иметь лишь временный характер» [111, 193]. Безусловно правильным является указание В. А. Александрова на то, что не только военный шантаж со стороны маньчжурских представителей на переговорах в Нерчинске (что отмечается многими исследователями) сыграл большую роль при заключении договора, но не меньшее значение имел и тот факт, что еще до переговоров, летом 1689 г., русские владения по берегам Амура и Аргуни были захвачены цинскими войсками [111, 187].

Некоторые наши расхождения по частным вопросам отмечены в разделе о политике цинской династии в отношении России, и здесь нет необходимости повторять их.

Необходимо хотя бы кратко сказать об использованных нами сборниках русских архивных материалов: «Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы, т. 1, 1608—1683», «Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы, т. 2, 1686—1691» [77; 78].

Оба тома снабжены вводной статьей, подробными комментариями, раскрывающими характер документов, их происхождение и разъясняющими исторические имена, географические и племенные названия, маньчжурские и китайские термины и отдельные события, связанные с документами.

Характерной чертой этого издания является полнота публикации сохранившихся документов почти за весь XVII в. Оно перекрывает своим содержанием все более ранние публикации архивных документов на русском языке. В отличие от прежних изданий документов, в особенности изданий XVIII и первой половины XIX в., в которых имело место небрежное и неполное

воспроизведение текстов, отсутствие ссылок на место хранения и подлинность документов, а также комментариев, упомянутое издание избавлено от этих недостатков. В этом его ценность, и оно может служить подлинной источниковедческой базой для исследования проблем русско-китайских отношений.

Второй том документов и материалов по русско-китайским отношениям состоит из статейного списка Ф. А. Головина и нескольких приложений: двух переводов Нерчинского договора — с латинского и маньчжурского языков, перевода китайского сочинения «Пиндин лоча фанлюэ» («Высочайшая стратегия усмирения русских») [27] и биографии известного маньчжурского военачальника Лантаня, а также записок двух иезуитов, находившихся на службе у цинского императора, — Т. Перейры и Ф. Жербийона.

Документам и материалам предпосланы статьи В. С. Мясникова «Вторжение маньчжуров в Приамурье и Нерчинский договор» и Н. Ф. Демидовой «Статейный список Ф. А. Головина и принципы его публикации». Ко всем материалам второго тома даны подробные комментарии и указатели.

Статейный список Ф. А. Головина публикуется впервые. В нем освещаются не только подготовка к переговорам с цинской стороной, сами переговоры и условия, в которых проходило заключение Нерчинского договора, но и все перипетии русско-китайских, русско-монгольских и китайско-монгольских отношений в 1686—1691 гг. Хотя он был частично использован (еще до публикации) в работах русских и советских историков, это нисколько не умаляет его значения для будущих исследователей. Нами статейный список Ф. А. Головина был широко использован при освещении вопроса о политике Цинов в отношении России.

Меньшее значение для нас имел помещенный во втором томе «Русско-китайских отношений» перевод «Пиндин лоча фанлюэ», так как это сочинение китайского автора представляет собой компиляцию с использованием в основном некоторых материалов «Шилу». Тенденциозная обработка этих материалов, иногда неполное и неточное их цитирование автором «Пиндин лоча фанлюэ» снижают ценность этого источника. Нам он служил для сравнения с данными «Шилу», иногда дополняя их новыми фактами.

Следует сказать, что «Пиндин лоча фанлюэ» освещает ограниченный отрезок времени (сентябрь 1689 г. — январь 1690 г.) и представляет собой небольшой труд (четыре главы, всего 60 двойных китайских страниц), который нельзя даже сравнить с использованными нами материалами «Шилу», насчитывающими свыше 10 тыс. страниц.

Оба тома документов и материалов по русско-китайским отношениям — значительный вклад в историческую науку. Они облегчают труд исследователей, использующих русские архив-

ные материалы. Для нас они оказались большим подспорьем, помогая более полно и объективно представить многие факты, тенденциозно освещенные китайской историографией, и раскрыть агрессивную сущность внешней политики цинского государства.

В целом в советской литературе накоплен большой фактический материал по отмеченным нами проблемам и закреплен ряд верных научных оценок.

Нет необходимости подробно говорить о китайской литературе по русско-китайским отношениям в XVII в., так как она частично уже освещалась советскими учеными. Например, одна из основных работ автора XIX в. Хэ Цэ-тао — «Шофан бэйчэн» («Полное описание Северной границы») [35] [8] получила оценку в трудах ряда советских ученых [см. 162, 14—16; 68, 68; 170, 34]. На труд другого известного китайского ученого цинского времени, Вэй Юаня, «Шэн у цзи» («Записки о священных [императорских] войнах») [14; 15] дана подробная аннотация в работе Л. И. Думана [133, 47—50].

Хэ Цю-тао и Вэй Юань придерживались официальной точки зрения на русско-китайские отношения, господствовавшей в то время, т. е. стояли на позициях китаецентристской концепции, которая была идеологической основой внешней политики китайских императоров в древнее и средневековое время, а также маньчжурских императоров Цинской династии. Поэтому естественно, что цинские ученые одобряли агрессивные войны, проводившиеся правящей маньчжурской династией как против русских владений в Приамурье, так и против других соседних народов. По этой же причине Хэ Цю-тао, например, не останавливался перед искажением и фальсификацией исторических фактов, стремясь «доказать» права Цинской империи на земли в районе Нерчинска. Однако ему все же пришлось признать, что Албазин (Якса) и земли, лежащие по р. Аргунь, были включены в состав Цинской империи только в результате военных действий Канси против русских [35, цз. 15, 1а—1б]. Фактически это признание о том, что упомянутые районы не принадлежали Цинской империи.

В труде Хэ Цю-тао приводится большое число документов и материалов о событиях, имевших место на Северо-Востоке в рассматриваемый нами период. Это позволяет отнести данный труд к разряду компилятивных источников. В нем собрано много сведений из различных, более ранних исторических сочинений и первоисточников (немалое место среди которых отводится материалам из «Шилу»). Однако сверка показывает, что материалы из «Шилу» приводятся автором весьма неполно, допускаются пропуски и прямое искажение текста, что дает нам основание считать Хэ Цю-тао отнюдь не беспристрастным составителем, в известной мере фальсификатором.

Китайские ученые гоминьдановского периода, писавшие по

вопросам русско-китайских отношений, заимствовали аргументы Хэ Цю-тао, и их выводы перекликались с его концепцией. Наиболее ярким выразителем этих великодержавных шовинистических взглядов был видный гоминьдановский политический деятель и историк Цзян Тин-фу. В своей работе [99], краткая оценка которой дана В. С. Мясниковым [170, 35], он пытается вопреки историческим фактам, свидетельствующим об агрессивных действиях и жестокости маньчжуро-цинских войск во время их набегов на приамурские племена (уничтожение местного населения, узаконенный грабеж, насильственный увод жителей из их родных мест), приписать агрессию России. Однако он вынужден признать, что не подвластное государству Цин местное население Приамурья, которое он без всякого основания именует «пограничными жителями нашей страны», добровольно переходило на сторону России [99, 10]. Это признание опровергает его утверждение об агрессии России. Кроме того, Цзян Тин-фу приходит к заключению, отражающему объективную реальность, что маньчжурские войска во время своих кратковременных набегов дальше Албазина не проникали [99, 5]. Следует добавить к этому, что экспедиции маньчжуро-цинских войск в районе Албазина имели место в тот период времени, когда Албазин находился под контролем русских властей и был освоен в экономическом отношении.

Из других трудов, вышедших в гоминьдановский период, можно отметить книгу китайского историка Гу Цзе-гана [88], который продолжал научную деятельность и после создания КНР. В этой книге Гу Цзе-ган, следуя традиции цинской историографии, обосновывает «права» Цинской империи на ту или иную территорию лишь фактом проведения маньчжурских военных экспедиций в эти районы, игнорируя их цели и характер как кратковременных грабительских набегов, не приводивших к занятию и освоению новых земель.

На более объективных позициях стоял другой гоминьдановский автор, Лю Сюань-минь [93]. Его работа специально посвящена отождествлению места проживания различных народностей и племен Дальнего Востока, в том числе и самих маньчжуров, в интересующий нас период. Основную ценность этой работы составляет обширный фактический материал по исторической географии указанных районов, собранный автором из широкого круга источников (главным образом различных географо-статистических описаний). Поставленную задачу — отождествление размещения племен — Лю Сюань-минь выполняет в целом добросовестно. Однако это не мешает неправильной, на наш взгляд, оценке им многочисленных, но кратковременных и эпизодических военных набегов маньчжуров на соседние племена как захвата определенной территории.

Правильную оценку целей этих походов — получение «дани», привлечение живой силы и захват рабов, но отнюдь не освое-

ние данных территорий — дает современный китайский автор Мо Дун-инь [94, 74].

Историки КНР не смогли полностью освободиться от влияния традиционной историографии, базировавшейся на позициях китаецентристской концепции. В этом отношении характерен труд Чжао Цюань-чэна [101], который стоял на совершенно аналогичных с Гу Цзе-ганом позициях. В его книге встречаются утверждения, текстуально почти полностью совпадающие с высказываниями по тем же предметам в упомянутом выше труде Гу Цзе-гана. Специальных научно обоснованных трудов о русско-китайских отношениях историки КНР не создали. Однако начиная с 60-х годов в китайских газетах и журналах появилось немало статей о русско-китайских отношениях. В этих статьях искажаются исторические факты и подлинная история подменяется сфабрикованной и фальсифицированной по рецептам националистов-маоистов лжеисторией.

Здесь нет необходимости останавливаться на этой литературе, тем более что она подверглась критике со стороны советских ученых — С. Л. Тихвинского [192а, 64—96], В. С. Мясникова [170, 35—36], Б. П. Гуревича [129, 45—63], Г. В. Мелихова [164].

В западноевропейской и американской научной литературе проблема территориальной экспансии Цинской империи в Приамурье специально не рассматривалась. Некоторые упоминания о связанных с нею вопросах можно найти только в работах, посвященных общей истории маньчжуров. В этой связи следует прежде всего назвать исследование Дж. Росса [227]. Дж. Росс совершенно правильно отмечает чрезвычайную раздробленность и слабость чжурчжэньских племен, в том числе и маньчжурских, независимых друг от друга и от китайского влияния [227, 6].

В работе Дж. Бэддли [200], посвященной в основном истории русско-китайских отношений и построенной на русских источниках, ряд интересующих нас проблем освещается весьма кратко. Например, о Нерчинском трактате и обстоятельствах, сопутствовавших его заключению, автор лишь бегло упоминает в общем введении [200, т. 1, 6].

О. Латтимор, много работавший над историей Монголии, правильно указывает, что в первой половине XVII в. от четверти до трети территории современного Северо-Востока принадлежало монгольским племенам [219, 308—312, 325]. Он считает Ивовый палисад «границей между маньчжурами и китайцами на востоке и маньчжурами и монголами на западе» [218, 225].

Некоторые общие положения по интересующим нас вопросам содержатся в недавно вышедшей в США работе Дж. Фэрбэнка, Э. Рейшауэра и А. Крэйга «История Восточноазиатской цивилизации» [209]. Общая оценка ее дана С. Л. Тихвинским [193, 55,

57, 58, 59, 60, 62, 63] и Л. А. Березным [111а, 53—57]. Добавим, что, хотя Дж. Фэрбэнк без всяких оснований и доказательств выдвигает тезис о «сюзеренитете» Цин над местными племенами Северной Маньчжурии [209, 45], он правильно подмечает, что маньчжуры пытались установить свой военный контроль над районом Амура только после укрепления своего положения во Внутреннем Китае в начале 80-х годов XVII в. [209, 48], т. е. тогда, когда Россия уже давно владела Приамурьем.

В работе лишь несколько абзацев уделено Нерчинскому договору. Автор отмечает, что к моменту нерчинских переговоров позиции Цинов были ослаблены растущим могуществом западных монголов (имеются в виду ойраты) и это привело к отсрочке переговоров, а также вынудило Канси ускорить заключение соглашения. Дж. Фэрбэнк при этом игнорирует обстановку военного нажима со стороны цинских послов, имевшую место на переговорах [209, 48—49].

Среди японских исследований, наиболее полно освещавших весь комплекс проблем территориальной экспансии Цинской империи на Северо-Востоке, следует указать на работы Ивакити Инаба — крупнейшего специалиста по истории и исторической географии Северо-Востока в минскую и цинскую эпохи [108, 109].

Хотя Ивакити Инаба по своим взглядам весьма близок к китайским ученым-националистам (он считает, что кратковременные военные набеги маньчжурских войск приводили к покорению местных племен и к присоединению их территории к государству Цин) [108, т. 2, 107], вместе с тем он признает, что на Амуре происходила русская крестьянская колонизация и что политика русского государства, направленная на привлечение к России приамурского населения, была весьма успешной [108, т. 2, 116]. Перечислив русские остроги, построенные с 1667 по 1682 г. на Амуре и Зее, он отмечает, что таким образом русские распространились по всему левому берегу Амура [108, 117].

Позиция другого японского автора, также крупного специалиста по истории Маньчжурии и Монголии, Дзинъити Яно [106, 107], в общих чертах близка к точке зрения Ивакити Инаба. Однако в ряде случаев, особенно в более поздних работах, оценки и выводы Дзинъити Яно более трезвы. Так, в работе «История Маньчжоу-го» [106], касаясь проникновения маньчжуров на Северо-Восток и Хэйлунцзян, он правильно отмечает, что «распространение влияния маньчжуров на Северо-Восток и Хэйлунцзян происходило только в результате войны с Россией, и маньчжурское чиновничество утвердилось в различных районах Гирина и Хэйлунцзяна тоже только после этой войны» [106, 171—172].

В «Истории Маньчжоу-го» Дзинъити Яно особое место отводит Ивовому палисаду. Он правильно пишет, что Ивовый пали-

сад был призван, с одной стороны, служить границей с Монголией, с другой — границей с Кореей [106, 168—169]. Охват укреплениями Ивового палисада действительной родины цинской династии — района г. Синцзина — был произведен, по мнению автора, для ее защиты от вторжения корейцев [106, 167]. Определив местоположение линии Ивового палисада, японский историк приходит к правильному выводу, что эта линия укреплений показывала «пределы распространения Маньчжоу», т. е. маньчжурского государства [106, 168].

Мы даем здесь краткий обзор японской литературы, так как более полное освещение ее помещено в недавно опубликованном труде одного из авторов этой главы [см. 162, 22—25].

Ознакомление с названной работой Дзинъити Яно показывает, что уже со времени ее опубликования (1933 г.) формулировки автора по многим вопросам были не столь категоричны, как у Ивакити Инаба. В целом же позицию Дзинъити Яно можно назвать противоречивой: с одной стороны, он склонен признавать некие «права» Цинской империи на Амуре, с другой — говорит о принадлежности амурских земель Русскому государству [106, 222—223].

Дальнейшая эволюция научных взглядов Дзинъити Яно прослеживается на примере выполненной им совместно с Ивакити Инаба работы «История Кореи и Маньчжурии», вышедшей в 1935 г. в серии «Всемирная история» (№ 11) [109]. Здесь отдается должное масштабам русского освоения Приамурья в рассматриваемый нами период, говорится о выдающемся героизме и стойкости первых русских землепроходцев [109, 523—528]. Дзинъити Яно в написанных им разделах отмечает, что в эдиктах Канси признавался факт владения русскими Амуром. В связи с этим Дзинъити Яно говорит уже об определенной уступке Русским государством территории в пользу Цинской империи [109, 531]. В данной работе он совершенно определенно высказывает свое мнение, что Нерчинск не был территорией Цинской империи [109, 532].

Для нас очевидно, что причиной указанной эволюции взглядов Дзинъити Яно явилось его ознакомление с более широким кругом исторических источников по отмеченным вопросам, в частности с русскими материалами. Однако до конца преодолеть тяготевшие над ним традиционные представления японскому историку так и не удалось.

Для ознакомления со сложными вопросами исторической географии, топонимики и этнографии районов, именовавшихся позже Маньчжурией, среди прочих материалов источников и литературы оказалась также полезной капитальная работа японских авторов «Историческая география Маньчжурии» под общей редакцией Куракити Сиратори [110].

В заключение следует также отметить, что известную помощь в работе над описанием использованных источников ока-

зали труды Г. В. Ефимова «Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая» [143], Н. В. Кюнера «Новейшая история стран Дальнего Востока» (часть 1. Обзор источников и литературы) [154], Дэн Сы-юя и К. Биггерстаффа «Аннотированная библиография избранных китайских справочных трудов» [229].

Таков круг основных работ, затрагивающих различные аспекты рассматриваемой темы. Приведенный выше их краткий обзор позволяет констатировать, что, несмотря на известные достижения в разработке тех или иных составляющих ее проблем, имеются еще недостаточно освещенные вопросы, различные и противоположные оценки и трактовки исторических событий и фактов. Все это лишний раз подтверждает необходимость дальнейшего освещения затронутой тематики на основе более широкого привлечения источников и углубленного подхода к их материалам.

Глава 2

ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ЦИН В XVII в.

Внешняя политика государства Цин на протяжении XVII в. не была неизменной. Ее тактические приемы и методы менялись в зависимости от экономического и политического положения внутри страны и от обстановки на ее границах. Однако можно с уверенностью утверждать, что общей тенденцией внешней политики Цинов на протяжении большей части XVII в. были ее необычная динамичность и агрессивность.

В нашу задачу не входит детальный и конкретный разбор внешней политики маньчжурского государства в отношении соседей: это сделано в соответствующих главах данной монографии. Мы хотим лишь показать общие принципы этой политики и формы ее применения.

Цинское государство окончательно сложилось в 30—40 годы XVII в. [1]; с этого времени мы и будем рассматривать его внешнюю политику. Однако в процессе сложения маньчжурского государства (с конца XVI в.) уже проявлялись те черты внешней политики, которые получили развитие после 40-х годов XVII столетия. В связи с этим мы считаем возможным наметить следующие условные этапы внешней политики маньчжурского государства: 1. Сложение цинского государства и формирование его внешней политики (1591—1644 гг.). 2. Завоевание маньчжурами Китая (от захвата Северного Китая до полной победы над китайским народом — 1644—1683 гг.). 3. Усиление агрессии Цинов с 80-х годов до конца XVII в.

На первом этапе внешняя политика осуществлялась в условиях перехода от племенного союза Маньчжоу к военно-феодальному государству Цзинь, а затем Цин, когда основатели его, Нурхаци и Абахай, постепенно объединяли собственно чжурчжэньские племена на Ляодунском полуострове (в южной части), а затем завоевали племена Хулуньского объединения (хада, хойфа, ула и ехэ). Позднее (в 1627—1644 гг.) велась борьба против более отдаленных племен — воцзи, варка, хурха и др., походы против которых совершались еще в первом и втором десятилетиях XVII в.

В этот же период была предпринята попытка подчинения южномонгольских племен (Внутренней Монголии) вначале (с конца XVI в. до 1619 г.) мирным путем — посредством завязывания посольских связей и заключения брачных союзов между правящим маньчжурским домом и родо-племенной верхушкой соответствующих монгольских племен, а позднее (с 1619 г.) военными средствами, что привело в конечном счете к завоеванию Чахарского ханства (1635 г.).

Во втором десятилетии XVII в. началась борьба маньчжурского государства против Минской империи, закончившаяся захватом столицы Китая Пекина в 1644 г. И наконец, первый этап ознаменовался тремя походами на Корею (1619—1621 гг., 1627 г., 1636—1637 гг.), закончившимися превращением Кореи в вассала государства Цин.

Как видим, первый этап был насыщен значительными для судеб цинского государства политическими и военными событиями. Несмотря на постоянные войны, характерные для этого периода, большую роль сыграла и дипломатия. Она подготавливала условия для завоевания соседних народов. В то же время при помощи дипломатии закреплялись победы маньчжурских войск, побежденным народам навязывались соглашения, так называемые клятвы о союзах и дружбе.

Отличительной чертой внешней политики на первом этапе, особенно в начале его, было стремление обеспечить консолидацию сил маньчжурских племен и укрепление маньчжурского государства за счет приобретения материальных и людских ресурсов у соседних народов, а не захват территории покоренных народов, в особенности отдаленных. Этим можно объяснить то, что в Маньчжурии, например, к моменту завоевания Северного Китая и даже значительно позднее территориальные владения цинского государства ограничивались лишь южной и центральной ее частью. Этим же объясняется и тот факт, что и в Корее маньчжуры не аннексировали территорию, ограничившись превращением корейского государства в вассала Цинов. Причина этого заключалась в том, что на первом этапе маньчжуры, являясь малочисленным народом, не располагали достаточными силами и умением для того, чтобы удержать за собой в течение длительного времени завоеванные территории, тем более отдаленные от основных центров маньчжурского государства.

На втором этапе, укрепив свое государство и приобретя достаточный опыт господства над другими народами, маньчжуры выдвинули новую задачу — присоединение чужих территорий. В этот период внешняя политика Цин осуществлялась в иных условиях. Прежде всего, маньчжурское государство к середине столетия окрепло, стабилизовалось, закрепив за собой значительную территорию в южной и центральной частях Маньчжурии, окончательно подавив сопротивление различных племен и

народов, проживавших на этой территории. Тем самым были укреплены тылы цинского государства. Кроме того, был установлен мир на границах с Кореей, с которой сложились стабильные отношения.

Новый этап в жизни цинского государства и в его внешней политике ознаменовался упорной борьбой за завоевание огромной китайской территории. После того как династия Цин воцарилась на китайском престоле, ей пришлось преодолевать вооруженное сопротивление китайского народа, отстаивавшего свою независимость. Эта борьба продолжалась десятки лет. Лишь в 1664 г. маньчжурским завоевателям удалось захватить всю материковую часть Китая, но китайский народ под руководством Чжэн Чэн-гуна создал базу сопротивления на Тайване. Лишь к 1682 г. цинские войска подавили восстание У Сань-гуя и др., а в 1683 г. захватили Тайвань, окончательно сломив сопротивление китайского народа.

Внешняя политика на этом этапе была направлена как на укрепление политического влияния Цинской империи в соседних с ним государствах — в Кукуноре, Тибете, Джунгарском ханстве и позднее во Вьетнаме, так и на превращение Халхи в своего вассала.

Цинская дипломатия шаг за шагом добивалась ослабления позиций Халхи, натравливая отдельных феодальных ее правителей друг на друга и оказывая поддержку некоторым из них. Активное наступление цинской дипломатии, применявшей традиционные китайские методы вплоть до вмешательства во внутренние дела, а также использовавшей ламаизм, широко распространенную среди монголов религию, дало положительные результаты. По существу, еще до окончательного присоединения Халхи к Цинской империи ее феодальные владетели, делившие власть в стране между собой, были превращены в вассалов Цинов.

Особых успехов цинская дипломатия добилась в Кукуноре, где до 1653 г. управлял Гуши-хан, глава части хошоутов (одной из групп ойратов), а впоследствии его потомки. С Гуши-ханом были установлены прочные посольские связи, сопровождавшиеся систематическим обменом подарками, велась меновая торговля.

В Тибете благодаря воздействию цинской дипломатии удалось добиться тесных дружественных отношений с теократическим правителем Тибета Далай-ламой V, ставшим послушным орудием Цинов. Использовав верховных священнослужителей ламаистской церкви, маньчжурские правители сумели укрепить свои позиции в странах, где был широко распространен ламаизм (Кукунор, Тибет, Халха, Джунгарское ханство).

С Джунгарским ханством еще до начала 70-х годов XVII в. Цины также установили посольские связи, но они не были столь регулярными, как с Кукунором. Однако и с джунгарскими ханами, нойонами и тайджи, т. е. с феодальными правителями

различных рангов, владения которых не имели общей границы с Цинской империей, велась эпизодическая торговля и совершался обмен подарками, которые в официальных цинских документах назывались «данью от ойратов», хотя, по существу, правители Джунгарского ханства не были даже номинальными вассалами Цинов.

В конце 70-х годов XVII в. джунгарский Галдан-Бошоктухан попытался подчинить различные группы независимых или полузависимых ойратов, в частности алашаньских хошоутов, правитель которых Очирту-хан был им убит. Это привело к обострению отношений Галдана с Цинами, которые еще больше обострились, когда против Галдана выступил халхаский Тушэту-хан Чихунь-Доржи, связанный родственными узами с покойным Очирту-ханом.

С этого времени цинская дипломатия стала направлять свои усилия на создание коалиции с участием алашаньских хошоутов и некоторых халхаских феодалов, направленной против Галдана. Одновременно принимаются меры в отношении раздувания противоречий внутри Джунгарского ханства, противопоставления Галдану другого джунгарского хана — Цэван-Арабдана.

В 1660—1666 гг. империя Цин устанавливала официальные отношения с Вьетнамом. Столь поздняя активизация внешней политики в отношении южного соседа объясняется тем, что Цины лишь к 1664 г. окончательно овладели Южным Китаем. Более или менее регулярные посольские связи с Вьетнамом поддерживались до начала 80-х годов XVII в. В этот период основной целью внешней политики Цинов в отношении Вьетнама было сохранение раскола его, поддержка сепаратизма Каобанга (провинция, граничащая с Китаем), с правителями которого (представителями феодального дома Маков) Цины поддерживали тесные связи так же, как и с королевским правительством Ханоя.

Внешняя политика цинских правителей в отношении России с самого начала основывалась на неправильном представлении об этой стране. Не имея связей с западным миром, Европой, за исключением Голландии, и не зная о роли России на международной арене, маньчжурские богдыханы вначале, когда московским правительством была предпринята попытка установить с государством Цин официальные дипломатические и торговые связи, отнеслись к русским послам как к представителям вассального государства, а привозимые ими подарки, обычные в дипломатической практике того времени, восприняли как дань. Естественно, что такое отношение не могло не повлиять отрицательно на связи двух стран.

Выход русских землепроходцев на Амур в 40—50-х годах XVII в., освоение ими Приамурья и создание поселений в районах, не входивших в состав Цинской империи и ей не принад-

лежавших, были восприняты маньчжурскими правителями как угроза их безопасности. Цины заняли враждебную позицию в отношении России, не останавливаясь перед применением оружия против русских поселенцев на Амуре, создавая военные конфликты и обостряя тем самым отношения со своим новым соседом, от которого их отделяло расстояние почти в тысячу километров, заселенное независимыми племенами. Поездки русских дипломатов, и в 70-х годах воспринимавшиеся по-прежнему как приезд послов с данью от вассала — русского белого царя, не привели до конца 80-х годов к улучшению отношений между двумя странами.

В целом внешнюю политику цинских правителей на втором этапе можно охарактеризовать как активную, наступательную и агрессивную.

Третий этап (1683 г. — конец XVII в.), сравнительно небольшой по времени, также насыщен крупными событиями.

Главное, что характеризовало внешнюю политику Цинов в этот период, — дальнейшее усиление агрессии, открытое вмешательство в борьбу Халхи с Галданом, привлечение на свою сторону кукунорских феодалов, отправление огромной китайско-маньчжурской армии против джунгарского хана, ведение с участием некоторых халхаских феодалов продолжительной войны с ним, закончившейся полным разгромом сил Галдана и трагической смертью последнего в 1697 г. Таким образом было подорвано могущество Джунгарского ханства, а главное — ликвидирована опасность возможного объединения халхаских монголов с западными монголами-ойратами.

В ходе войны с Галданом Цины одержали еще одну важную победу на внешнеполитическом фронте: через своих ставленников — часть феодальных владетелей Халхи — Канси добился в 1691 г. на съезде всех князей Южной и Северной Монголии включения Халхи в состав Цинской империи. Следовательно, к концу XVII в., ослабив Джунгарское ханство и захватив Халху, Цинская империя укрепила свои позиции на севере и северо-западе.

В отношении России цинское правительство продолжало свою агрессивную политику, пытаясь вытеснить русских поселенцев с Амура. В конечном счете оно было вынуждено вступить на путь переговоров с Россией, заключив с ней договор. Нерчинский договор — венец внешней политики Цинов в XVII в. — был заключен под военным нажимом, территориальные статьи его насильственно навязаны русским представителям. Царское правительство в тех условиях было не в состоянии перебросить на Амур крупные военные силы, чтобы защитить свои владения в Приамурье. Оно вынуждено было пойти на территориальные уступки Цинам в интересах установления мира на Дальнем Востоке и развития торговли с Цинской империей.

В отношении Вьетнама проводилась прежняя политика, направленная на укрепление влияния Цинской империи в этой стране. По-прежнему поддерживались связи через послов, привозивших из Вьетнама дань, жаловались титулы ванов вьетнамским королям — вассалам Цинской империи.

В дальнейшем, развязав себе руки на западе, севере и северо-востоке, Цины усиливают свое давление на Вьетнам. Это нашло свое отражение в территориальных разногласиях в 1697 г. в связи с захватом пограничными цинскими властями трех районов, принадлежавших Вьетнаму. Решение цинского правительства оставить без внимания требование вьетнамского короля Ле Хи Тонга вернуть ему эти три района свидетельствовало об агрессивности цинской политики в отношении Вьетнама в конце XVII в.

Основные принципы внешней политики цинского государства в отношении своих соседей зародились и широко применялись уже на первом этапе. В дальнейшем под влиянием заимствованных китайских традиций и цивилизации они лишь совершенствовались, приобретали более тонкий, иногда завуалированный характер, а также дополнялись новыми чертами. В связи с этим очень трудно выделить специфическое в методах внешней политики для каждого этапа. Вот почему мы считаем более рациональным, чтобы не повторяться, говорить о принципах и методах внешней политики в целом на всех этапах, иногда подчеркивая наиболее характерное, превалирующее на каждом из них.

Идеологической основой внешней политики государства Цин была древняя китайская концепция господства Сына Неба (императора) над народами Вселенной, согласно которой император, якобы управлявший Поднебесной по воле Неба, являлся сюзереном, а все остальные народы были его вассалами, подопечными. Согласно этой концепции, Китай был центром Поднебесной, а народы, его окружавшие, представляли собою периферию, внешнее, а все вместе составляло одну семью. В знак своего уважения к Сыну Неба и подчинения ему как своему сюзерену правители этих «вассальных народов» периодически обязаны были присылать ему «дань», являться к его двору и выполнять по его приказу те или иные требования, чаще всего оказывать ему помощь своими войсками. Упомянутая выше концепция послужила основой для взаимоотношений китайских императоров с иноземцами, которых китайские господствующие круги, всех без исключения, считали варварами [2].

Рожденная в господствующих сферах древнего китайского общества, эта концепция оказалась весьма живучей: несмотря на многократные политические бури и потрясения, в результате которых рушились многие государственные образования на территории Китая, она постоянно являлась практическим руководством во внешней политике многих царствовавших в Китае ди-

настий с глубокой древности до середины XIX в., т. е. на протяжении свыше трех тысячелетий.

Для этой концепции характерным было то, что она не считалась с реальной действительностью, с подлинными отношениями между Китаем и другими народами. Она исходила из предвзятого представления о китайском народе как об особом, избранном Небом народе, а о его правителях — как о сыновьях Неба, по воле последнего и с его помощью управляющих миром, в то время как другие народы, по этой концепции, второсортные, подчиненные, всегда стоящие ниже, более слабые, нуждающиеся в опеке [3]. Хотя некоторые народы, общавшиеся с Китаем, стояли на более низком уровне социально-политического и культурного развития, тем не менее в действительности они, а тем более те, которые не уступали Китаю по всем показателям общественного развития, не были его вассалами. Из истории Китая известно, что более отсталые народы часто навязывали китайскому народу свою волю, устанавливали господство над ним.

Следует сказать, что маньчжурские ханы охотно взяли на свое вооружение эту концепцию, рассматривавшую всех иноземцев, с которыми им приходилось вступать в дипломатические отношения, в качестве вассалов, хотя на самом деле часто они не были таковыми. Правда, эта концепция, ставшая идеологической основой внешней политики Цинов, получила наиболее широкое распространение после захвата маньчжурами Китая. Но и до этого, может быть в менее ярко выраженных формах, она освещала практику дипломатических отношений с монгольскими племенами, с Кореей, частично с племенами, населявшими северную часть Маньчжурии.

Китайские источники цинского периода, в том числе и дипломатические документы, постоянно подчеркивают, что правители различных народов, имевших официальные отношения с маньчжурским государством, представляли маньчжурским ханам, а позднее цинским императорам дань, которая считалась последними одной из главных основ вассальных отношений.

Фактически же, как правило, эти подношения не были данью, а представляли собой обычные в условиях средневековья подарки, привозимые послами одной страны правителю другой при установлении дипломатических отношений или при выполнении того или иного дипломатического поручения. В ответ на эти подарки пославший их получал не менее, а иногда даже и более щедрые дары от правителя страны, куда ездили послы. В этих случаях нельзя говорить ни о вассальных отношениях, ни о дани. Так, например, было с Гуши-ханом, правителем Кукунора, далай-ламой тибетским, с некоторыми ханами и тайджи из Джунгарского ханства. Их подарки, строго говоря, не были данью, хотя в китайских источниках их называют данью (гун). Это были дары в знак уважения, широко распространен-

ные в дипломатической практике средневековья во многих странах. В русских дипломатических документах XVII в. эти подарки назывались «государевы любительные поминки».

О том, что цинские правители, как и их предшественники — китайские императоры, считали все страны, отправлявшие послов в Китай, своими вассалами, а привозимые послами подарки воспринимали как дань, ярко свидетельствуют, например, такие факты. В 1656 г. в Пекин прибыл голландский посол. По этому поводу Палата ритуалов представила доклад следующего содержания: «Голландское государство прежде не вносило дани. Ныне посол прибыл ко двору. Поистине — это результат [распространения] династией доблести и цивилизации. Озабоченные тем, что [путь посла] далекий и опасный, разрешаем вносить дань один раз в пять лет, доставляя [ее] через Гуандун» [21, цз. 102, 22а].

На этот доклад последовали указания императора: «Голландия искренне проявляет почтение и долг, привозя дань морем. Так как их путь опасен и далек, приказываю прибывать ко двору [с данью] один раз в восемь лет. Этим [решением] выражаем сочувствие отдаленному народу» [21, цз. 102, 22а].

При отправлении голландского посла на родину с ним был направлен специальный указ, в котором вновь подчеркивалось, что, несмотря на отдаленность страны и опасный путь, правитель ее проявил почтительность и уважение к цинскому дому. Далее отмечалось, что голландский государь «выполнил обязанности представления дани, отправив ко двору [посла], хотя [Голландию] отделяют [от Китая] 10 тыс. ли. Это свидетельствует о преданности и выполнении долга» [21, цз. 102, 22а]. Далее вновь повторяется указание об отправлении послов к цинскому двору один раз в восемь лет [21, цз. 103, 20б].

Точно такое же отношение было и к русским гонцам и послам. Например, в 1655 и 1669 гг. по случаю приезда русских гонцов в императорском указе и в китайской хронике того времени отмечалось о прибытии русских посланников с данью [21, цз. 91, 20б; 22; цз. 31, 13а—13б].

Совершенно очевидно, что ни Голландия, ни Россия не посылали дани, а их послы или гонцы привозили обычные в дипломатической практике того времени подарки. Эти подношения большей частью представляли собой своеобразную форму обмена, меновой торговли на высшем уровне между правителями разных стран, олицетворявшими государства. Следует сказать, что, как правило, послы, привозившие «дань», и сопровождавшие их лица занимались торговлей в столице цинского государства в отведенных им для этой цели пунктах.

Но была и другая, подлинная дань, представляемая по определенному регламенту, установленному цинскими властями. В одних случаях она была необременительной, в других — значительной, иногда даже тяжелой. Так, например, различные

монгольские племена вначале представляли дань, состоящую из «девяти белых», т. е. восьми белых лошадей и одного белого верблюда. Конечно, для правителя племени, даже малого, в условиях Монголии это была ничтожная, чисто символическая дань. С Кореи взималась более тяжелая дань: золотом, серебром, тканями разных сортов — 14 тыс. кусков, различными мехами, чаем, бумагой, зерном (рисом) и другими предметами. Причем для Кореи она была весьма обременительной и временами невыполнимой.

В отношении монгольских племен и Вьетнама дань устанавливалась соответствующими законоположениями, в других случаях — специальным соглашением между обеими сторонами (например, в отношении Кореи), причем определялись сроки ее представления, состав и количество. Нарушение установленных правил о дани вызывало нарекания со стороны цинских властей в адрес данников. Известно, что правители монгольских племен неоднократно получали выговоры за нарушение сроков представления дани. Тяжелое взыскание было наложено на Корею в 1631 г. за то, что размер присланной ею дани был меньше установленного. В течение 1632—1633 гг. маньчжурские власти неоднократно требовали от корейского вана присылки дани определенного качества. Дело дошло даже до того, что в 1632 г. односторонним актом маньчжурского хана дань была увеличена в 10 раз в наказание за то, что ее доставляли в меньшем количестве, чем было установлено. При этом маньчжурский хан угрожал на время прервать посольские связи с Кореей.

Из этих фактов видно, что маньчжурские правители придавали большое политическое значение представлению дани в интересах поддержания своего престижа как сюзерена. В то же время дань служила средством воздействия на вассалов, в особенности тогда, когда они забывали о своих вассальных обязанностях. Иногда же данью пользовались в качестве орудия политической игры, стараясь показать «доброту» и «гуманность» цинского императора, который вопреки решениям чиновников снижал требования, установленные в отношении вассалов. Например, в 1664 г. так было с Вьетнамом, представившим дань не в соответствии с законоположениями. Вопреки предложению Палаты ритуалов, настаивавшей на том, чтобы в будущем следовать установленным требованиям, Канси разрешил принимать от Вьетнама дань, даже если будут нарушены существующие правила (о сроках и количестве).

Наряду с чисто формальной зависимостью, которую можно охарактеризовать как номинальный вассалитет (например, халхаских ханов до 1691 г.), цинскому правительству иногда удавалось добиться подлинного, реального вассалитета тех или иных соседних государств и властителей. Проявлением его было не только представление дани, но и другие обязательства со стороны вассалов — направление ко двору маньчжурских ханов

заложников, обычно сыновей вассальных правителей, предоставление в распоряжение сюзерена войск по его требованию, т. е. участие в военных действиях против его врагов, иногда принудительные условия торговли и др.

Как при номинальном, так и при подлинном вассалитете предусматривалось вручение вассалам регалий власти: печати, грамоты — инвеституры, а также пожалование китайских или маньчжурских титулов. Однако надо осторожно подходить к показаниям источников о вручении регалий власти; нельзя считать, что они во всех случаях выражают идею подлинного вассалитета. Сплошь и рядом, как это было, в частности, с Гуши-ханом — ойратским правителем Кукунора — в середине XVII в., пожалование регалий власти и титула в 1653 г. было лишь чисто внешним проявлением близких, дружественных отношений. Оно ничего не меняло в положении самого Гуши-хана и в его отношениях с государством Цин. Тем не менее, с точки зрения Цинов, этот акт был проявлением высшего благоволения, фавора со стороны маньчжурского императора, символом сюзеренитета его над правителем другой страны.

Для правителей государств, получавших регалии власти и титулы, этот факт имел большое моральное значение — он повышал их авторитет среди соседних народов, подчеркивая, что они пользуются официальным признанием и, возможно, реальной поддержкой со стороны сильного государства Цин. В то же время награждение титулами правителей приносило им и материальные выгоды, так как сопровождалось вручением ценных подарков.

Иногда пожалование титулов было своеобразной компенсацией за определенные заслуги, в частности во время войны. Например, в 20—30-х годах XVII в. маньчжурские ханы часто награждали старшин южномонгольских племен за успешное участие в борьбе с чахарским правителем — Лигдан-ханом. Так, в октябре 1627 г. за успешные операции против Чахарского ханства племяннику правителя племени наймань Очир-тайджи было пожаловано звание хошучо [20, цз. 3, 36б]. В 1651 г. представителю монгольской знати доло-чэнцзэ цзюнь-вану Шосаю за участие в подавлении крестьянского восстания под руководством Ли Цзы-чэна, а также за другие боевые операции был пожалован титул хэшо-чэнцзэ цинь-вана [21, цз. 54, 5б—6а].

Во всех этих случаях, независимо от цели и характера награждения титулами, маньчжурские ханы выступали как бы в роли сюзеренов, покровителей иноземных правителей.

Что касается вручения регалий власти, то иногда они отражали действительное соотношение сил на дипломатической арене, свидетельствовали о вмешательстве маньчжурских ханов в государственные дела своих соседей, в вопросы престолонаследия и управления страной. Такой вывод можно определенно сделать в отношении Кореи, монгольских племен, частично Вьетна-

ма. Например, в отношении вассальных монгольских правителей, так называемых вай фань мэнгу (внешние вассалы-монголы), Палата ритуалов в 1660 г. в своем докладе на имя Шуньчжи рекомендовала предоставить право наследования (после смерти тайджи) только сыновьям умерших, но не разрешать наследование их старшим и младшим братьям [21, цз. 132, 16а]. Как известно, маньчжурские ханы утверждали назначение наследников престола в Корее при жизни корейских ванов, а затем после их смерти всегда присылали грамоту на возведение на престол ранее утвержденных наследников. Так было в 1639, 1645, 1649, 1655, 1659 и 1675 гг. [31, цз. 293, 12б, 15а—15б, 16а—16б].

Вассалы обязаны были в определенные сроки являться ко двору маньчжурских императоров на аудиенцию. Кроме того, они должны были посылать своих представителей с подарками к дням рождения императора, его жены и сыновей, к празднованию Нового года, а также в дни траура по царствовавшей особе.

Неявка вассала ко двору, даже по уважительным причинам, строго наказывалась. Например, в императорском указе за май 1659 г. строго осуждалась неявка некоторых монгольских ванов. Так, хотя цзюнь-ван Дархань Батур, опоздавший ко двору, признал свою вину и был освобожден от наказания, но все же намечавшееся награждение его титулом цинь-вана было отменено [21, цз. 125, 17—18].

Большое значение придавалось отправлению к императорскому двору заложников, как правило сыновей (иногда младших братьев) вассального правителя.

По-видимому, приезд заложников рассматривался маньчжурскими ханами как самое эффективное средство воздействия на вассалов, наиболее реальная гарантия выполнения ими своих обязательств. Такой вывод напрашивается хотя бы из того факта, что в 1636 г. хан Абахай готов был отменить военный поход против Кореи, если бы корейский ван прислал заложников [20, цз. 28, 49а]. Во всяком случае, этот факт свидетельствовал о том, что институт заложников играл большую роль.

Наряду с указанными выше обязанностями подлинных вассалов была еще одна, выполнению которой маньчжурские ханы уделяли большое внимание. Речь идет об участии в военных действиях против врагов цинского государства, об оказании ему помощи войсками. Обычно такие обязательства фиксировались в клятвах о союзе или же в документах, навязанных маньчжурами побежденным. В качестве примера можно сослаться на указ Абахая корейскому вану от 22 февраля 1637 г., по которому Корея должна была послать войска на помощь Цинам в случае их борьбы с Минской империей [20, цз. 33, 30б—31а].

Как известно, и в дальнейшем корейский ван выполнял навязанные ему военные обязательства, неоднократно посылая по

приказу маньчжурских ханов войска против Минского государства и даже против русских казаков.

Эти же военные обязанности должны были выполнять и правители некоторых монгольских племен. Маньчжурские ханы ввели даже штраф с правителей монгольских племен, подчинявшихся маньчжурскому государству, за уклонение от выполнения военных обязанностей.

Большое значение Цины придавали внешним формам проявления вассалитета, пусть даже номинального. Они составляли законоположения, правила о различных церемониях обращения с вассалами: о представлении дани, приезде послов от вассальных правителей по различным поводам, их приеме, вручении грамот, печатей, титулов и т. д. и т. п. Все эти вопросы, в особенности церемонии приема послов, нашли свое отражение в многочисленных статьях различных законов Цинской империи.

При Цинах церемониал приема послов, привозивших «дань», и представления их императору копировал минский [4]. В нашу задачу не входит подробное освещение этого вопроса. Укажем лишь на то, что цинские власти, как и их предшественники в минском Китае, требовали от иностранных послов, которых рассматривали как представителей вассальных стран, соблюдения унизительного для послов придворного этикета [5], в частности процедуры «сань гуй цзю коу» («три раза на колени, девять поклонов»). Суть ее заключалась в том, что посол должен был трижды опуститься на колени, каждый раз отвешивая три земных поклона [208, 138—139].

Как известно, русский посол Ф. И. Байков, побывавший в Цинской империи в середине XVII в., отказался выполнить этот унизительный церемониал и поэтому не был допущен на аудиенцию к императору [21, цз. 135, 2б; 64, 94—95].

Необходимо обратить внимание на то, что, хотя цинские власти рассматривали все окружающие их народы в качестве своих вассалов, они установили дифференцированный ритуал общения с ними в зависимости от степени подчинения последних Цинам. Эта дифференциация сказалась и в терминологии, применявшейся для обозначения тех или иных народов, и в регламентировоании «дани» (ее количества и сроков представления).

Так, например, Корея после принятия в 1627 г. клятвы о дружбе в цинских документах именовалась братским государством (сюнди чжи го) [6], а после войны 1636—1637 гг. — вассальным [государством] (цзюнь чэнь) [7] [20, цз. 37, 28б], иногда восточным вассалом (дун фань) [20, цз. 39, 6б]. Северных монголов цины называли монгольскими вассалами (мэнгу фань) или внешними вассалами (вай фань), в то время как ойратов и южных монголов, присылавших подарки — «дань», маньчжурские власти не называли вассалами, а именовали перешедшими к цивилизации, принявшими цивилизацию (гуй хуа) или присоединившимися (гуй фу, гуй лай); последнее название применя-

лось только в отношении южных монголов. Причем, по нашему мнению, принявшие цивилизацию находились в меньшей зависимости, за ними шли присоединившиеся и, наконец, фань — действительные вассалы. Мы не беремся утверждать, что так было во все времена господства династии Цин, но для XVII в. данные источников позволяют сделать такой вывод.

Начиная с глубокой древности и на протяжении всего средневековья в Китае во внешней политике применялся основной традиционный принцип, выраженный формулой «и и чжи и» («с помощью варваров обуздывать варваров»). Главный смысл этого принципа заключался в том, чтобы во имя интересов своего государства, создания благоприятных условий для его существования и процветания натравливать друг против друга окружающие народы, не допускать их объединения и создания сильных централизованных государств, стремиться к их ослаблению и раздроблению, разжигать сепаратистские тенденции, сталкивать между собой вождей племен, используя различные противоречия в целях их ослабления. Этот принцип борьбы с окружающими китайцев народами хорошо усвоили и господствующие классы иноземных завоевателей Китая, в том числе маньчжурские феодалы во главе со своими ханами и императорами.

Маньчжурские ханы успешно проводили в жизнь этот традиционный принцип. Так, еще в период правления Нурхаци маньчжуры использовали борьбу между племенами дунъо и хада для нападения на них. При этом были выдвинуты мотивы, весьма характерные для проводников политики «с помощью варваров обуздывать варваров». Маньчжурский хан заявил, что если мы сейчас не используем обстоятельства и не выступим первыми, то потом они вновь установят мир и дружбу и обязательно увеличат силы против нас [19, цз. 1, 20а].

Еще более яркое воплощение получила эта политика в период борьбы с монгольскими племенами. Прежде всего маньчжурские ханы добились раскола среди южномонгольских племен, переманив на свою сторону путем подкупа правителей некоторых из них. Так, еще Нурхаци удалось создать коалицию из ряда монгольских племен против сильного Чахарского ханства. В дальнейшем эта коалиция расширилась и была использована уже ханом Абахаем для разгрома и уничтожения Чахарского ханства в 1635 г., при этом также были использованы и внутренние противоречия в ханстве, борьба между различными феодальными и племенными группировками Чахара.

Политика натравливания различных государств друг на друга для того, чтобы ослабить, а затем разбить их по одиночке, проводилась маньчжурскими ханами на протяжении длительного времени. При этом ее применяли не только в отношении кочевых племен, где легче было использовать родо-племенные противоречия, но и против сильных оседлых государств, таких, как огромная Минская империя и Корея. Например, когда

цинское государство начало войну с Минами, оно стремилось не только разрушить союз Кореи с Минской империей, но и натравить Корею против Мин. С этой целью еще 4 мая 1619 г. Нурхаци направил письмо к корейскому вану, в котором обвинял Минов в жестокости, в угнетении других, подчеркивал, что Мины стремятся к господству над маньчжурами и Кореей, что принесет позор последним (перевод письма см. стр. 96 настоящей работы) [19, цз. 6, 16б]. В другом письме корейскому вану от июня 1627 г., уже после того как Корея потерпела поражение в войне с Цинами и вынуждена была дать обязательство порвать отношения с Минами, Абахай по-прежнему старается очернить минского правителя, заявляя: «Все государства Поднебесной созданы по велению Неба. А правитель минского государства только себя считает Сыном Неба, а к правителям всех [остальных] государств относится как к стоящим ниже его, всевозможными средствами оскорбляет и издевается [так, что] действительно невозможно терпеть» [20, цз. 3, 14б] [8].

Как известно, в 1637 г. Цинам удалось вовлечь Корею (после ее второго поражения в войне) в борьбу против Минской империи. Кроме того, еще при Нурхаци, в 1620 г., была предпринята попытка вовлечь чахарского Лигдан-хана в войну против Минов. Но последний отклонил предложение о военном союзе, не желая признавать гегемонии Нурхаци. Тем не менее в борьбе против Минов маньчжурскому хану удалось в 1629 г. использовать правителей других южномонгольских племен.

Точно такую же политику проводили маньчжурские ханы и в отношении Кореи, привлекая к войне с ней монгольские племена. Характерно, что еще в 1631 г. в очередном послании корейскому вану Абахай, упрекнув его в нарушении данной им в 1627 г. клятвы о союзе с Цинами и о разрыве с Минами, недвусмысленно угрожал ему тем, что он направит на него подчинившихся Цинам монголов [20, цз. 8, 10б]. В дальнейшем, когда Цины спровоцировали новую войну против Кореи в 1636 г., на их стороне участвовали монгольские ваны и бэйлэ [20, цз. 32, 12б—13а; 31, цз. 293, 10а].

Во второй половине XVII столетия Цины натравливали друг на друга ойратские племена: поддерживали правителя Кукунора Гуши-хана, а затем его потомков в надежде столкнуть их с правителями Джунгарского ханства, создавали в 80-х годах XVII в. коалицию из хошоутских ойратов против Галдана. В то же время против него Цины натравливали некоторых халхаских феодалов. Одновременно в целях ослабления Джунгарского ханства и внесения раскола в среду джунгарских феодальных владетелей Цины оказывали поддержку одному из влиятельных джунгарских ханов, Цэван-Арабдану, столкнув его с Галданом.

Цинская дипломатия, стремясь привлечь союзников или собираясь столкнуть между собою народы, с которыми Цинам предстояла борьба, использовала как уговаривание или подкупы,

так и скрытые или явные угрозы. Примером может служить обращение в конце 1651 г. к ойратскому Батур-тайджи в связи с укрытием ойратами одного из владетельных феодалов халхаского дзасакту-ханского аймака Омбо-эрдэни, который выступил против государства Цин. В этом обращении-указе Шуньчжи требовал борьбы с Дзасакту-ханом, угрожая в противном случае крупными неприятностями [21, цз. 61, 4а—4б].

В другом случае цинская дипломатия прибегла к различным посулам. 6 сентября 1696 г. император Канси направил послание упоминавшемуся выше Цэван-Арабдану, сообщив о разгроме ойратских войск Галдана под Чамдо на р. Тэрэльчжи и о бегстве самого Галдана. Канси призывает Цэван-Арабдана поймать живым или убить Галдана: «Следует его (Галдана.— *Л. Д.*) обязательно уничтожить, чтобы успокоить жизнь ойратов и монголов... Если [ты] живым схватишь его, то доставь живым. Если убьешь его, в таком случае доставь его голову. Коли так поступишь, тогда ты проявишь еще большие послушание и покорность, чем прежде. И я (император.— *Л. Д.*) одарю тебя неисчерпаемыми милостями» [22, цз. 175, 16а—16б]. Этот отрывок завершает длительную доверительную переписку Канси с Цэван-Арабданом, которого ему удалось перетянуть на свою сторону в борьбе с Галданом.

Широко применяя метод угроз и одновременно посулов, т. е. своеобразную политику «кнута и пряника», Цины были щедры на различные обещания — пожалования титулов, должностей, денежных и других подарков, прибегая к подкупу правителей и старшин племен. Так было и во время войн, когда Цины подкупали и вносили разложение в ряды противника, так было и в мирные дни, когда они предпринимали попытки подчинить своему влиянию те или иные народы. В этом отношении ярким примером является факт щедрого одаривания двух тайджи из «пяти халхаских племен», перешедших на сторону маньчжуров в начале 1623 г. Они были одарены одеждами из различных мехов, золотом, серебром, волами, лошадьми, рабами, жилищами, пахотной землей, им пожалованы командные звания. Кроме того, одному из них в жены была отдана дочь Нурхаци, а другому — дочь одного из представителей маньчжурской знати [19, цз. 8, 10а—10б].

Такой шаг маньчжурского хана дал свои плоды — он оказал влияние на других монгольских вождей, которые, в свою очередь, вместе со своими войсками и подданными стали переходить на сторону маньчжуров, за что они также были щедро вознаграждены [19, цз. 8, 15б].

Так же щедро были одарены перешедшие в 1625 г. на сторону маньчжуров корейцы Хан Юн и Хан Ый после восстания против корейского вана. Они получили чины и должности, рабов, землю, скот, дома и деньги и др. [20, цз. 9, 10а].

Позднее, в 1634 г., маньчжурский хан Абахай обращается с

посланием к чахарским цзайсанам, обещая им награды — назначение на государственные должности за добровольный переход на его сторону [20, цз. 18, 26а].

Широко применялись подкупы и в период борьбы за Халху. Еще в 1636 г. маньчжурский хан, желая укрепить свои связи с халхаским Цэцэн-ханом Шолоем, послал последнему ценные подарки, состоявшие из золота, шелковых тканей, лука, меча, соболей и др. [75, 125]. Этот шаг маньчжурского правителя способствовал тому, что и другие халхаские ханы (Тушэту-хан и Дзасакту-хан) пошли на сближение с Цинами, стали посылать посольства к цинскому двору и получать ответные ценные подарки. В дальнейшем, учитывая сложную обстановку в Халхе и противоречия между ханами и отдельными аймаками, маньчжурские ханы подкупали тех, кто мог оказаться полезным.

В 1658 г. маньчжурский хан отправил своих послов с подарками к Тушэту-хану и к Цэцэн-хану, призывая их в своих грамотах держаться его «благосклонных милостей» и присоединиться к его «задушевным и конечным пожеланиям» [75, 163]. С такой же грамотой и подарками маньчжурские послы ездили в 1659 г. к Дзасакту-хану Норбо [75, 164].

В дальнейшем, в период создания цинским императором Канси коалиции против Галдана, опять в ход были пущены подкупы, щедрые подарки, чтобы привлечь на свою сторону и затем использовать в борьбе против джунгарского хана некоторых ойратских владетельных феодалов.

Канси путем щедрых даров удалось перетянуть на свою сторону и ряд алашаньских владетельных правителей, бежавших с Алашаня под давлением Галдана. Среди них был Батурэркэ-джионг (Хэлоли), не только прощенный за ограбление племен маоминган и уратов, но и милостиво принятый в 1686 г. по прибытии в Пекин. Его встречали по регламенту встреч великих тайджи, т. е. приравняли к ойратским ханам, возглавлявшим чоросов, торгоутов и дэрбэтов. Канси лично пожаловал ему соболью шубу [33, цз. 9, 18а], а затем предоставил земли для кочевья. Неоднократно Канси посылал подарки и Цэван-Арабдану и его матери Ану-хатум [22, цз. 145, 11, цз. 153, 14б—15а].

Таковы далеко не все факты о политике подкупа, проводившейся маньчжурскими правителями, но и они весьма показательны. Что касается метода угроз, то мы уже приводили некоторые данные, в дальнейшем нам придется еще говорить об этом при рассмотрении других вопросов, в частности в связи с пропагандой, направленной на разложение рядов противника.

Характерной чертой агрессивной внешней политики цинского государства было ее искусное прикрытие показным миролюбием. В многочисленных дипломатических документах Цинов настолько искусно маскируется агрессивная сущность маньчжуров миротворческой фразеологией, что после знакомства с ними может создаться впечатление о миролюбивой политике Цинской

империи. Это ложное впечатление и ввело в заблуждение дореволюционного русского ученого А. Позднеева, восхвалявшего политику маньчжурских правителей в отношении Халхи и ойратов [75]. Только глубокое изучение конкретных фактов, сопоставление и анализ документов цинской дипломатии позволяют раскрыть агрессивную сущность ее, прикрытую дымовой завесой из рассуждений о миролюбии, гуманности, любви ко всем народам и якобы искренней озабоченности о судьбах малых народов и каждого человека во Вселенной.

Как известно, цинские правители первыми начинали войны с окружавшими их народами, первыми нападали и захватывали принадлежавшие этим народам земли и уводили на свою территорию население, превращая его в рабов и крепостных или используя в дальнейшем для пополнения своей армии. В то же время маньчжурские ханы всегда сваливали вину за спровоцированные ими войны на свои жертвы и подчеркивали свое миролюбие. Так, в 1627 г. в письме бэйлэ Гунчусы-батуру из монгольского княжества Найман Абахай, говоря о войнах с различными государствами, замечает, что маньчжуры воевали не из любви к войне [20, цз. 2, 5б]. Оправдывая свои вторжения на территорию Минской империи, Абахай в этом же письме писал: «Я неоднократно желал наладить хорошие отношения с Минами, но они не соглашались» [20, цз. 2, 5б—6а].

Точно так же Абахай снимает с себя ответственность за вторжение в Корею, указывая, что Цины издавна были в хороших отношениях с Кореей, но она сама порвала дружбу, «отвернулась от нас и перешла на сторону Мин» [20, цз. 2, 7а].

Известно, что маньчжурские ханы были большими мастерами провокаций и отличались умением выдумывать предлоги для вторжения на чужую территорию. Факты, приведенные в данной монографии, показывают лицемерие агрессоров. В действительности вся практическая деятельность Абахая и его предшественников, их политика в отношении соседей ничего общего не имеют с утверждением в цитированном выше письме Абахая о стремлении к миру со всеми государствами [20, цз. 2, 7а]. В таком же противоречии с фактической деятельностью Абахая находится его заявление в письме четырем южномонгольским бэйлэ (май 1627 г.): «Разве можно считать войну хорошим [делом], а мир плохим!» [20, цз. 3, 13а].

На протяжении всего XVII в. захватническая политика Цинов также прикрывается рассуждениями о миролюбии. В 40—50-х годах XVII в., проводя агрессивную политику в отношении Халхи, Цины оправдывали ее тем, что в 1646 г. на территории Халхи нашли убежище восставшие южномонгольские суниты, подданные Цинов, во главе с Тингисом, которые были поддержаны халхаскими правителями Тушэту-ханом и Цэцэн-ханом Шолоем. Как известно, в связи с этим Цины ввели свои войска в Халху, считая вполне правомерным вторжение на чужую

территорию для преследования своих подданных. Искреннее изумление вызвала у них попытка халхасцев оказать им сопротивление. Император Шуньчжи в грамоте ойратскому тайджи Очирту, посланной в 1650 г., писал: «Мы не хотели вводить войска в Халху. Отправили армию только [для того], чтобы преследовать и покарать сунитов. А халхаские Тушэту-хан [Гомбо] и [Цэцэн]-хан Шолой, возглавив народ, оказали сопротивление, что вызвало гнев высокого Неба и привело их к поражению» [21, цз. 48, 18]. В этой же грамоте подчеркивалось «миролюбие» Цинов: «Мы со времени объединения Поднебесной вообще-то проводили карательные походы, но никогда еще не брались за оружие по всякому поводу, не злоупотребляли [военными] действиями в отношении тех, кто не имел вины» [21, цз. 48, 17].

В 1656 г. в связи с нарушениями границ кукунорскими ойратами Шуньчжи обратился к их старшинам с письмом, в котором подчеркивается стремление Цинов к миру и их сочувствие всем народам: «Мы имеем намерение помогать далеким народам. Желаем совместно [с ними] достигнуть на этом свете радостного мира» [21, цз. 103, 11а].

Здесь же говорится, что Цины питают чувство любви ко всему живому и поэтому относятся снисходительно к мелким проступкам ойратов (имеется в виду переход границы и захват скота) [21, цз. 103, 11а].

«Миролюбие» Цинов в данном случае объясняется просто: еще не закрепившись во Внутреннем Китае после захвата там престола и сталкиваясь с недовольной и беспокойной Халхой, маньчжурские феодалы и их правители в этот период стремились наладить хорошие отношения с кукунорскими ойратами, прощая им частые нарушения границ, которые не были четко определены. К тому же надо учесть, что после смерти Гуши-хана (1653 г.), правителя Кукунора, с которым у Цинов были хорошие отношения, связи с кукунорскими ойратами и влияние на них были ослаблены.

Особенно ярко проявляется показное миролюбие цинских правителей при императоре Канси в период борьбы за присоединение Халхи. Канси был умным политиком, хитрым и изворотливым дипломатом. Чтобы ослабить Джунгарское ханство, он стремился натравить на него Кукунор и Халху. А в конечном итоге его цель сводилась к тому, чтобы захватить Халху и подчинить Цинской империи Джунгарское ханство. Ради этого Канси не брезговал никакими средствами. В дипломатии он применял традиционные китайские методы, среди которых маскировка агрессивных действий показным миролюбием занимала большое место.

В конце 1677 — начале 1678 г. Канси взял на себя обязанности посредника в возникшем между Галданом и халхаскими правителями конфликте, призывая обе стороны к миру. Так, в

указе от 5 ноября 1677 г., адресованном дасюэши, а впоследствии посланном Галдану и правителям Халхи, Канси выступает в роли «миротворца», заявляя: «Мы будем весьма рады, если они (ойраты и халхасы. — *Л. Д.*) поддержат наши стремления относиться одинаково и гуманно [ко всем] и по-прежнему будут жить в мире и дружбе друг с другом, пользоваться великим благоденствием» [22, цз. 69, 20б].

Эти кажущиеся миролюбие и гуманность, так ярко отраженные в указе, не что иное, как дипломатический маневр, прикрывавший подлинные намерения Цинов самим укрепиться в Халхе и отвести от нее удар Галдана. Такой дипломатический ход Канси был вызван, с одной стороны, тем, что цинское правительство к тому времени еще не было готово к активной борьбе с Галданом, против него еще не была создана коалиция алашаньских и кукунорских хошоутов с привлечением некоторых халхаских владетельных феодалов. С другой стороны, цинское правительство было занято подавлением восстаний внутри страны (до 1683 г.).

Эта двуликость цинской дипломатии была ярко продемонстрирована в отношениях с джунгарским ханом Галданом. После заключения Нерчинского договора 1689 г. Канси, развязав себе руки на Северо-Востоке, сбрасывает маску миротворца и в 1690 г. направляет войска против Галдана, вторгшегося в Халху. Тем не менее в период острой борьбы, военных сражений цинской армии с ойратами Канси в своих неоднократно отправлявшихся письмах и указах вновь стремился представить себя миролюбцем, сторонником мира и дружбы со всеми народами и их правителями, в том числе и с Галданом. Однако это не помешало ему 13 августа 1690 г., получив сообщение о стремлении Галдана отступить с занятой им территории в связи с наступлением цинской армии, значительно превосходившей силы ойратов, дать указания цинским военачальникам преследовать и уничтожить Галдана. В этот же день Канси отправил письмо Галдану, в котором сообщил, что он послал войска не для уничтожения ойратских войск Галдана, а для беседы цинского командования с ним и установления дружбы [22, цз. 147, 10б]. Для большей убедительности Канси ссылается на исторический опыт ведения переговоров в связи с заключением Нерчинского договора 1689 г.: «Ты, [как видно], не слышал, что прежде наша династия отправила войска к русским, чтобы с помощью морали добиться дружбы: не воюя, пришли к миру» [22, цз. 147, 10б—11а].

Как известно, цинские войска во время переговоров в Нерчинске использовались для демонстрации силы и оказания давления на русских представителей, участвовавших в переговорах, т. е. для дипломатического шантажа. Совершенно очевидно, что ссылка Канси на переговоры в Нерчинске служила лишь дипломатическим прикрытием подлинных намерений Канси уничто-

жить Галдана. Галдан, по-видимому, понимал неискренность слов Канси о миролюбии. Поэтому в своем письме, доставленном 19 августа 1690 г., Галдан сообщает, что уже после того, как представители далай-ламы и Канси договорились с ним о делах, связанных с мирным урегулированием конфликта, он подвергся нападению со стороны цинских войск, при этом были убиты дети его племянника. Используя этот случай, Галдан развенчивает утверждения Канси о миролюбии [22, цз. 147, 19б].

Собственно, и сам Канси в кругу приближенных не скрывал своих агрессивных намерений [22, цз. 147, 23б]. Это лишний раз свидетельствует о том, что разговоры о миролюбии и желании вести переговоры с Галданом были лишь дипломатической уловкой, с помощью которой Галдана собирались заманить в ловушку.

Можно было бы привести десятки документов, исходивших от Канси (его послания Галдану, указы и пр.), в которых агрессия Цинов прикрывается словами о стремлении к миру и дружбе. Но в этом нет необходимости, так как уже приведенные выше данные дают полное представление о методах цинской дипломатии.

В арсенале средств дипломатического воздействия цинского государства широкое применение нашла пропаганда идей объединения народов под эгидой Цинской империи. Собственно, эти идеи имеют своей основой уже упоминавшееся учение о Сыне Неба, но они облекаются в новую форму — на первое место в них выдвигается не тезис подчинения всех народов одному центру — Китаю, а утверждение об объединении всех народов в одну семью во главе с отцом-императором, который в равной мере заботится о благополучии всех своих детей (т. е. народов). В этой семье народов не может быть различий между центральным (т. е. китайским) и внешними народами — ко всем одинаковое отношение со стороны отца-императора, «благодетеля».

Эти идеи объединения народов тоже не новы — они появились около двух тысяч лет тому назад. Цины заимствовали и взяли их на вооружение своей внешней политики. Однако на первом этапе существования цинского государства — до 50-х годов XVII в. — концепция о единстве народов широко не применялась, хотя рассуждения о воле Неба, выдвигающего правителей, о Сыне Неба как главе Поднебесной, о народах — детях мы обнаруживаем и в ранних дипломатических документах Цинов [20, цз. 3, 14б, цз. 5, 29б—30а].

Во второй половине XVII в., после захвата Северного Китая, эти идеи китаецентризма окончательно выкристаллизовались и нашли широкое применение во внешней политике Цинов. Наиболее полно и ярко они отражены в переписке Канси с Галданом в связи с конфликтом джунгарского хана с некоторыми правителями Халхи. В указе от 5 ноября 1677 г. Канси претен-

довал на роль повелителя Вселенной, считая население ее своими детьми [22, цз. 69, 20б].

В инструкциях Китату и Фэй Ян-гу и указах Канси от 12 августа 1682 г., посланных Галдану и халхаским правителям, подчеркивалась необходимость исходить из принципа, что все народы представляют собой единое целое и не следует делить их на маньчжуров и монголов, что надо добиваться согласия и гармонии (сехэ) [22, цз. 103, 14а—14б] [9].

Этот принцип общности и неделимости народов умело использовала цинская дипломатия для внушения соседним народам мысли об их неразрывности с маньчжурами, с Цинской империей. В другом указе Канси от 3 ноября 1683 г., посланном Галдану, от последнего требовали принятия взглядов Цинов на мир как на единую семью: «Ты, Галдан-Бошокту-хан, надеюсь, не пойдешь вразрез с моими намерениями рассматривать [народы] четырех морей как единую семью, а центр (Китай. — *Л. Д.*) и периферию (другие народы. — *Л. Д.*) как единое целое» [22, цз. 112, 13б]. В этом послании Канси ставит точку над «и», по существу требуя от Галдана подчинения Цинам, поддержки их внешней политики в Центральной Азии. Совершенно очевидно, что эта политика была направлена на объединение ойратов, халхасов (восточных монголов) и других народов под эгидой Цинской империи.

Выдвигая идею объединения народов и господства над Вселенной, по своей сущности великодержавную, шовинистическую, Канси добивался признания за ним права вмешательства в конфликт между Халхой и Джунгарским ханством. В дальнейшем, когда Галдан разгромил халхаские войска Тушэту-хана, Джэбдзун-Дамбы и др., Канси в августе 1688 г., а затем в мае 1689 г. вновь напомнил ему, что управляет Вселенной он, Канси [22, цз. 136, 4б], а народы всей земли являются его детьми [22, цз. 140, 25а].

Маньчжурские императоры в интересах своей экспансионистской внешней политики широко использовали религию — ламаизм, подобно тому как в завоеванном Китае для укрепления своего положения они опирались на конфуцианство. Ламаизм был широко распространен в Тибете, Кукуноре, Халхе, Южной Монголии и Джунгарском ханстве — вот почему цинские правители для достижения своих целей действовали через священнослужителей ламаистской церкви, прежде всего опираясь на Далай-ламу V Нагван Лобсан-чжамсо (1617—1682) и панчэн-ламу.

Цинские правители рассчитывали через далай-ламу добиться влияния в Кукуноре, Халхе и Джунгарском ханстве. Частично это им удалось. Первым шагом Цинов было установление тесных контактов с далай-ламой и Гуши-ханом (первое посольство от Гуши-хана — в 1637 г., впервые присылка «дани» от далай-ламы — в 1642 г.). В дальнейшем осуществлялись регу-

лярные взаимные связи между далай-ламой и цинской династией. Для укрепления связей далай-лама был приглашен в Пекин, столицу Цинской империи. В октябре 1652 г. в специально обнародованном указе по поводу встречи далай-ламы совершенно четко было сказано, что, учитывая влияние далай-ламы в Монголии, ему было послано приглашение еще в годы правления Абахая, затем приглашение было повторено в 1643 г. Далее в этом же указе высказывается опасение, что если далай-ламе не будет оказан соответствующий прием, то это может отрицательно отразиться на попытках Цинов подчинить Халху [21, цз. 68, 2а—2б]. Вопрос о встрече далай-ламы обсуждался при дворе, где и было решено для этой цели отправить хэшо-чэнцзэ цинь-вана Шосая [21, цз. 69, 8б—9а; 145, 225—226].

Желая задобрить далай-ламу и расположить его в свою пользу, Цины не скупились на расходы: банкеты следуют один за другим, ему преподносят золотые изделия, атлас и другие подарки. А при отъезде ему были устроены торжественные проводы: дан банкет, затем вручены подарки — золото, серебро, жемчуг, нефрит, шелка и т. п. [21, цз. 72, 10б]. Сопровождали его в поездке князь Шосай и гушань-бэйцзы Гурмахун и Удахай вместе с почетным эскортом из офицеров и солдат Восьми знамен.

Вскоре после отъезда далай-ламы в Тибет были посланы высокопоставленные чиновники Палаты ритуалов и Лифаньюаня для вручения первосвященнику ламаистской церкви золотой печати и грамоты. В грамоте восхвалялись заслуги Далай-ламы V в распространении буддизма [21, цз. 74, 18а—19а].

Судя по тому, что Цинам удалось сохранить мирные отношения с ойратами, в особенности с кукунорскими, а также наладить регулярные связи с далай-ламой, который постоянно отправлял своих послов к цинскому двору с подарками, получая ответные дары, можно сделать вывод об установлении цинскими властями тесных связей с Тибетом. Эти отношения не ограничивались только посольскими связями, известно также, что далай-лама получил согласие цинского правительства на обмен лошадей на чай, т. е. на меновую торговлю [22, цз. 4, 9б—10а].

Впоследствии далай-лама оказывал Цинам значительные услуги в их внешнеполитических и дипломатических акциях. Так, в 1667 г. он оказал воздействие на владетельных правителей кукунорских ойратов, отговорив их от вторжения на территорию Цинской империи, что имело большое значение для последней, так как в то время Цины вели упорную борьбу с китайским народом на юго-востоке.

И позднее, в период борьбы за Халху и ослабления Джунгарского ханства, далай-лама оказывал Цинской империи большие услуги. Ни одна дипломатическая акция цинских правителей в этих районах не обходилась без его участия.

В 1682 г. Далай-лама V умер, но смерть его была скрыта регентом дибой, который продолжал переписку с Цинами от имени далай-ламы. А в 1684 и 1685 гг. по предложению Канси от имени далай-ламы диба направлял своих послов в Халху, где они совместно с цинскими послами должны были примирить враждующие группы феодальных владетелей [75, 183—184].

Несмотря на то что диба явно оказывал поддержку Галдану, он был вынужден, как представитель ламаистской церкви, в целом ряде вопросов прислушиваться к мнению цинских властей. Такова была логика событий; ламаистская церковь была поставлена на службу цинской дипломатии, связь между ними оказалась настолько тесной, что даже диба, пытавшийся проводить антицинский курс политики и симпатизировавший Галдану, в конечном счете вынужден был капитулировать перед Канси.

В заключение считаем необходимым остановиться на вопросе, который тесно связан с внешней политикой цинского Китая, хотя на первый взгляд имеет отношение лишь к войне. Мы имеем в виду то, что в наше время именуется «психологической войной», «пропагандой на противника» или «разложением противника». Такая пропаганда широко велась Цинами как накануне спровоцированных ими войн, так и в ходе их. В задачу входило внесение разлада в ряды защитников страны-соперника и подрыв его единства, использование различных противоречий (классовых, имущественных, служебных) в целях возбуждения недовольства властями, командованием и т. д. Эта пропаганда имела своей целью ослабить противника и выиграть войну с наименьшими потерями и в более короткий срок; таким образом, она была подчинена в конечном счете задачам внешней политики.

Характер, содержание упомянутой выше пропаганды, ее методы и средства были различными, они определялись конкретно-историческими условиями. Так, при отправлении 28 января 1635 г. в Хэйлунцзян маньчжурских полководцев Бациланя и Самшики с войсками им был дан наказ Абахая о том, как вести пропаганду среди местного населения, которое они должны были покорить или переселить на внутренние земли Цинов. В этом наказе говорилось: «Перед вашим наступлением надлежит говорить им следующее: „Ваши предки были людьми одного с нами государства (? — *Л. Д.*). Это ясно засвидетельствовано записями в книгах (? — *Л. Д.*). Вы прежде не знали этого и, естественно, стремились отделиться от нас. Наш государь давно хотел послать к вам людей, чтобы подробно пояснить вам это, но был весьма занят и не сделал этого. Нынешний наш приход к вам совершен только в ваших интересах“» [20, цз. 21, 15; цит. по: 163, 89].

В этом конкретном случае цинская дипломатия пыталась воздействовать на расовые чувства, внушить населению Хэйлунцзяна, что они соплеменники маньчжуров и выходцы из одного

государства, что маньчжуры заботятся об их интересах. Как видно из приведенного отрывка, маньчжурский хан Абахай не останавливался перед искажением исторических фактов, считая, по-видимому, что все средства хороши для достижения поставленной цели.

Несколько иной характер имела идеологическая обработка корейского населения во время войны с Кореей. Так, в обращении от 25 декабря 1636 г. к корейским чиновникам, армии и народу маньчжурский хан прежде всего стремился сложить с себя ответственность за спровоцированную им войну и возложить вину на корейского вана, всячески подчеркивая свое миролюбие и стремление к дружбе с Кореей [20, цз. 32, 17б]. В заключительной части обращения содержится призыв к населению соблюдать спокойствие и осторожность, продолжать трудиться и не действовать легкомысленно. В обращении говорится, что тем, кто покорится, не только не будет нанесено никакого ущерба, а, напротив, будет оказана поддержка, оказавшие же сопротивление будут уничтожены [20, цз. 32, 18б].

В другом обращении, от 11 января 1637 г., к властям и командованию г. Анчжу маньчжурский хан снова возлагает ответственность за войну на корейского вана и его приближенных, якобы нарушивших договор 1627 г. о союзе [20, цз. 32, 23а]. Указывая, что маньчжурские войска уже усмирили восемь областей Кореи, Абахай призывал командование и власти г. Анчжу не защищать изолированный город, который все равно падет. И опять, как и в первом обращении, последовали угрозы и посулы [20, цз. 32, 23б—24а]. Абахай заявил, что им не следует беспокоиться о том, что корейский ван лишит их жизни, если они сдадут город, так как им будет гарантирована защита со стороны маньчжурского хана.

В период войны с Минами Абахай неоднократно обращался к командованию и властям минских городов с призывом прекратить сопротивление и переходить на сторону цинского государства. Иногда маньчжурские правители в целях привлечения на свою сторону минских военачальников искусно использовали малейшие противоречия между ними и минской центральной властью. Так было с минским цзянцзюнем Шэнь Чжи-сяном, защищавшим о-в Шичэн, которому угрожали цинские войска после разгрома Кореи в 1637 г. Желая овладеть этим островом без боя, маньчжурский правитель Абахай обратился с письмом к Шэнь Чжи-сяну, предлагая ему перейти на сторону Цинов (письмо датировано в «Шилу» 23 октября 1637 г.). При этом Абахай, зная, что Шэнь Чжи-сян убил одного из минских военачальников и захватил войска другого, шантажирует его этим, заявляя: «[Если ты], генерал, ныне пожелаешь вернуться в минское государство, то правитель его отнюдь не помилует тебя за то, что [ты], генерал, нарушал приказы об оказании помощи Корее, неоднократно отдававшиеся Минами, и не оказал [этой]

помощи, а также [за то, что ты] самовольно убил инспектора армии Хуана, захватил войска [минского генерала] Чань Хунфаня и за [другие] проступки» [20, цз. 38, 14а].

В то же время Абахай стращает Шэнь Чжи-сяна тем, что если он не поторопится перейти на сторону маньчжуров, то цинские войска совместно с корейским флотом нападут и захватят о-в Шичэн и тогда, заявляет Абахай, «опасаюсь, что переход [твой], генерал, на мою сторону не будет [считаться] заслугой, а возвращение к Минам будет невозможным» [20, цз. 38, 14а—14б].

В борьбе с чахарскими монголами в 1634 г. Абахай пытался также воздействовать на них идеологически. Обращаясь к чахарским цзайсанам, он взывал к их расовым чувствам, подчеркивая близость маньчжуров и монголов: «Хотя язык в нашем и вашем государствах различен, но одежда у нас одинаковая. Чем опираться на чужеродных для вас минцев, не лучше ли присоединиться к нам!» [20, цз. 18, 26а—26б]. Призывая цзайсанов к добровольному переходу на сторону маньчжуров, Абахай обещал: «Тем, кто со своими подданными перейдет и сдастся, будет позволено управлять делами своего государства; все они получат назначение на службу» [20, цз. 18, 26а].

И в дальнейшем, на протяжении XVII в., маньчжурские правители часто прибегали к методам разложения изнутри своих противников. Особенно широко эти методы применялись в период борьбы с Галданом. На этот счет существует очень много свидетельских показаний китайских источников. Мы приведем лишь некоторые из них, наиболее характерные.

В октябре 1696 г. Канси начинает осуществлять в отношении Галдана «политику умиротворения», которая предусматривала наряду с карательными действиями методы идеологического воздействия на подчиненных Галдана, на оставшиеся верными ему войска. Канси рассчитывал на разложение рядов противника изнутри. Для этой цели использовались взятые в плен или добровольно перешедшие на сторону цинских властей ойраты. В одном из обращений, от 15 ноября 1696 г., адресованном Галдану и его ближайшему соратнику Даньцзилле, Канси призывает ойратов к смирению и покорности, за что обещает различные блага руководителям и подчиненным [22, цз. 177, 12б].

20 ноября 1696 г. было отправлено обращение Канси к соратникам Галдана Дамдин-Арабдану и Дамдин Гомбо. Призывая к покорности, Канси обещает им за это богатство и знатность: «Когда придет [эта] грамота, возглавьте своих соплеменников и приходите с повинной. Я предам забвению вашу вину, заключающуюся в том, что прежде вы присоединились к Галдану. Непременно сделаю вас богатыми и знатными, а для ваших людей добьюсь [того], чтобы каждый мог жить и трудиться, чтобы жены и дети полностью соединились [с ними] и жили спокойно» [22, цз. 177, 17а].

Не следует думать, что цинские власти в действительности собирались выполнить свое обещание в отношении Галдана, если бы он пришел с повинной. Об этом свидетельствует следующий факт. 15 ноября 1696 г., как указывалось, было послано Галдану и Даньцзилле приведенное выше письмо, а накануне, 14 ноября, Канси дал указание Государственному совету о преследовании и уничтожении Галдана [22, цз. 177, 10б].

Но для того чтобы внести раскол в лагерь Галдана, оторвать от него колеблющихся соратников, Канси не жалел средств — он действительно оказывал помощь, назначал на должности и давал почетные звания тем из ойратских руководителей, кто отходил от Галдана и переходил на сторону Цинов. И это приносило свои плоды.

Обращения к Галдану и его соратникам с призывом покориться посылались и в дальнейшем, вплоть до самой смерти Галдана. Характер этих обращений мало чем отличался от приведенных выше. Новым, пожалуй, было то, что в них с большей силой звучали мотивы запугивания неизбежной гибелью, если Галдан и его соратники не придут с повинной.

В обращении к ойратским руководителям (тайджи, цзайсанам) и к народу, датированном 2 мая 1697 г., Канси стремится противопоставить ойратский народ Галдану, взвалить на последнего всю вину за бедствия народных масс: «Неоднократно посылал Галдану указы, требуя от него покорности. Тогда бы я непременно оказал всему ойратскому народу поддержку, чтобы он мог добиться благополучия. Галдан упорствует в дурном поведении и не раскаивается. Вместе с тем не думает о вашем народе, не мыслит покориться. В другое время, когда придут [мои] войска, вашему народу трудно будет избавиться от плена и уничтожения» [22, цз. 182, 19а—19б].

Следует сказать, что кампания по разложению противника дала положительные результаты: многие близкие соратники Галдана, военачальники и старшины различных рангов, а также рядовые ойратские массы стали переходить на сторону цинских властей, началось массовое разложение лагеря Галдана.

Приведенные выше данные об основных принципах внешней политики цинской династии, о различных методах и формах цинской дипломатии свидетельствуют о том, что эта политика была весьма активной, наступательной и агрессивной в XVII в. При этом речь идет о внешней политике в отношении своих ближайших соседей.

Кроме того, следует указать на традиционность внешней политики Цинской империи, заимствование ею принципов, форм и методов дипломатии древнего и средневекового Китая, в особенности минского. Это обстоятельство свидетельствовало об известной консервативности цинской дипломатии, архаичности ее методов, что создавало трудности при установлении дипломатических связей с сильными державами.

Глава 3

ОБЪЕДИНЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ЧЖУРЧЖЭНЬСКИХ ПЛЕМЕН НУРХАЦИ И ЗАВОЕВАНИЕ ИМИ КИТАЯ

Чжурчжэньские племена в конце XVI — начале XVII в. и завоевание их Нурхаци

К концу XVI — началу XVII в. население современного Северо-Восточного Китая состояло из трех основных групп: оседлое, большей частью земледельческое — ханьцы (китайцы), проживавшие на землях северо-восточной окраины Минской империи — на так называемых землях Ляодуна и Ляоси; кочевое — монгольские племена, которым принадлежало в те времена около двух третей территории Северо-Востока, и множество мелких разрозненных племен и родов, именовавшихся в минской историографии нюйчжэнями, т. е. чжурчжэнями. Часть этих нюйчжэней также проживала оседло в небольших городках-крепостях, обычно каждый род со своим старшиной или вождем, а другая часть вела кочевой или полукочевой образ жизни, занимаясь главным образом охотой и рыболовством.

Необходимо сразу же отметить, что все без исключения китайские авторы XV—XVI вв. чжурчжэнями называли народности и племена, проживавшие за пределами территории минского Ляодуна. Это обстоятельство объясняется слабым, совершенно недостаточным знакомством китайцев в те времена с обширной территорией современного Северо-Восточного Китая, где проживало большинство этих племен. Чжурчжэни разделялись минскими авторами на три основные группы: чжурчжэни Цзяньчжоу и Маолиня, чжурчжэни Хайси и дикие чжурчжэни.

Источники собственно чжурчжэньского происхождения называют за пределами минского Ляодуна следующие отдельные чжурчжэньские племена, получившие свои названия по рекам, горам, долинам и пр.: маньчжоу, суксухухэ, ваньянь, дунъо, чжэчэнь, хада, ехэ, хойфа, ванцзя; нэинь, чжушэли и ялуцзян района Чанбошаня; воцзи, варка и хурха Восточного моря [19, цз. 1, 2; 94, 82]. Интересно отметить, что племя Нурхаци — талантливого политического и военного деятеля, с именем которо-

го связано объединение чжурчжэньских племен и создание маньчжурского государства, — именуется в «Да Цин Тайцзу Гаохуанди шилу» как владение Маньчжоу в числе мелких чжурчжэньских племен Цзяньчжоу.

Нурхаци был сыном Сяньцзу и внуком одного из маньчжурских «шести предков», а именно Цзинцзу. Со стороны матери (Сюань-хуанхоу) он приходился внуком другому крупному чжурчжэньскому вождю, Вангао [108, т. 1, 53; 94, 88—89]. Территорию владения Маньчжоу, вождем которого был Нурхаци, составляли земли, расположенные к востоку от гор Улин и в верхнем течении Суцзыхэ. Именно эта территория и явилась той базой, на которой окрепло могущество Нурхаци, начавшего осуществлять постепенное завоевание своих соседей. Идентификация большого числа городов и селений местных чжурчжэньских племен, упоминаемых в Шилу в связи с военными походами вождя Маньчжоу, позволила определить территорию их проживания [об этом см. 163].

Историю дипломатической и военной активности Нурхаци, в результате которой вокруг Маньчжоу к 1619 г. были объединены все соседние племена, можно разделить на несколько этапов: 1583—1589 гг., 1589—1598 гг. и 1599—1613 гг.

В 1583—1589 гг. Нурхаци подчинил своих непосредственных соседей — племена округа Цзяньчжоу. Исторические события, предшествующие этому начальному периоду деятельности Нурхаци, в результате которого им было осуществлено завоевание и объединение вокруг Маньчжоу всех племен Цзяньчжоу, были впервые подробно освещены русским синологом В. Горским [124, 29—35]. Непосредственным поводом для этих завоеваний явилась месть Нурхаци тогдашнему правителю Маньчжоу Никан-вайлану — виновнику гибели родных Нурхаци.

В 1585 г. первым объектом завоевания Нурхаци явилось соседнее с Маньчжоу племя суксухухэ, земли которого находились в нижнем течении р. Суксухухэ и простирались на запад до слияния ее с р. Хуньхэ. На востоке его непосредственным соседом было племя Нурхаци, на севере — племя чжэчэнь, на юго-востоке — хуньхэ. Одновременно велась борьба с племенем чжэчэнь.

К 1589 г. в результате главным образом военных завоеваний Нурхаци в основном объединил племена суксухухэ, хуньхэ, чжэчэнь, дунъо, суань и ванцзя, т. е. все племена Маньчжурского объединения и земель округа Цзяньчжоу, чем было положено начало процессу «собирания» чжурчжэньских племен. Покоренные племена, а также их территории были включены в состав владения Маньчжоу.

Объединение соседних племен под эгидой Маньчжоу осуществлялось Нурхаци с помощью не только военных, но и дипломатических методов. К сожалению, данные источников о дипломатической деятельности Нурхаци чрезвычайно скудны.

Среди приемов дипломатии Нурхаци, о которых сообщают маньчжурские хроники, основное место занимали различные способы всемерного привлечения на свою сторону верхушки местных племен. В начальный период своей деятельности Нурхаци, как правило, сам лично непременно выезжал для встречи старшин соседних племен. Он лично сопровождал гостей до своей резиденции.

Желая переманить на свою сторону старшин еще не присоединенных племен, Нурхаци осыпал приезжавших всевозможными милостями, устраивал в их честь многочисленные пиры, щедро одаривал подарками: золотом, серебром, шелковыми тканями. Гостю обещали личное покровительство и защиту, особенно в случае его согласия перейти к Нурхаци на постоянную службу. Очень часто высокий гость уезжал с пожалованной ему девушкой из какого-либо родовитого маньчжурского дома, часто дочерью или сестрой самого Нурхаци. Таким образом устанавливались родственные и политические связи. Приезжавшие владельцы, породнившись с Нурхаци, оказывались уже в определенном подчиненном положении по отношению к правителю Маньчжоу.

Так наряду с военными средствами Нурхаци использовал хорошо продуманную и почти безотказно действовавшую систему привлечения новых союзников. Как правило, осуществление такой политики приводило к тому, что по прошествии некоторого времени, обычно очень скоро, вождь того или иного племени прибывал во владения Нурхаци уже на постоянное жительство со своими сыновьями, рабами и воинами, число которых колебалось от нескольких десятков до тысячи и более боеспособных мужчин, и верою и правдою служил своему новому государю.

Обычно из пришедших людей создавались нюру (роты), а бывший вождь или старшина назначался командиром такой нюру. Он оставался, таким образом, начальником своих людей, но теперь уже в новом качестве — низшего командира в стройной иерархии чинов Восьми маньчжурских знамен. После его смерти чин этот, как правило, передавался его сыну или ближайшему родственнику.

Этой политикой всемерного подчеркивания своего уважения к старейшинам и вождям северо-восточных чжурчжэньских племен Нурхаци добивался огромных успехов: к нему на службу, судя по данным «Ба ци тунчжи чуцзи», непрерывным потоком приходили старшины местных селений и городков со своими людьми.

Приход под руку Нурхаци того или иного местного вождя, в свою очередь, иногда вызывал цепную реакцию как со стороны его родственников, так и соперников — вождей соседних племен. В этом отношении позволим себе привести один, на наш взгляд, наиболее типичный пример — приход к Нурхаци некоего Кангули из местности Намдулу, принадлежавшей племени воцзи. Ис-

точник сообщает, что Кангули, приехав к Нурхаци, просил его принять в подданство также и брата своего Какэдули, который был готов последовать к маньчжурскому вождю с пятью подчиненными ему старшинами и с 1000 с лишним боеспособных людей, со всеми рабами и домашними, оставив свои прежние жилища и возделанные пашни по р. Хуньчунь [74, т. 10, гл. 152, 106]. Нурхаци, естественно, приветствовал такой массовый переход. Он выслал навстречу присоединившихся к нему своих сановников. Позднее он женил Кангули на дочери маньчжурского феодала Дуцин-батура. Массовый переход, по-видимому, имел важное значение. По этому поводу даже был издан специальный указ [74, т. 10, гл. 152, 107].

Нурхаци женил на своей младшей сестре Эчэня из племени чжушэли, пришедшего к нему одним из первых. Пожаловав ему также 30 лошадей, 30 лат, 30 меховых шуб, множество другого платья и различной утвари, он переселил его в местность Хулэ, предоставив 100 цинов пахотной земли, дом и несколько семей подчиненных людей [74, т. 15, гл. 222, 36—37].

Каждому, изъявившему желание переселиться во владения Нурхаци, предоставлялось готовое жилище, одежда и вообще все необходимое для обоснования на новом месте, включая и кухонную утварь. Он получал наравне со всеми остальными свою долю в военной добыче, рабов из военнопленных и пр.

Естественно, что такие щедрые вознаграждения, слухи о которых мгновенно распространялись повсеместно, привлекали к Нурхаци все большее и большее число местных князьков, единодушным желанием которых было отныне служить под началом такого мудрого, щедрого и могущественного правителя, приобретавшего с каждым годом все больший вес и влияние среди местных чжурчжэньских правителей. Именно этим можно объяснить массовые добровольные переходы к Нурхаци, сведениями о которых изобилуют маньчжурские источники.

Однако такие приходы вовсе не носили только стихийный и случайный характер. Они в значительной степени были результатом активной и планомерной деятельности самого Нурхаци. Например, он широко практиковал засылку своих людей в соседние племена для призыва их к нему на службу. Еще одним важным направлением внешнеполитической деятельности Нурхаци было заключение союзов, пусть весьма кратковременных и ненадежных, но позволявших ему лавировать и добиваться своих целей в сложной обстановке раздробленности и постоянной вражды между отдельными чжурчжэньскими племенами. К сожалению, сведения об этом в источниках весьма скудные. Растущее могущество созданного Нурхаци в короткие сроки племенного объединения, его умение разбираться в людях способствовали непрерывному притоку к нему новых и новых мелких правителей, искавших у него прежде всего защиты и покровительства. Проводимая Нурхаци политика всячески приукраши-

валась, а непрерывные и, надо сказать, успешные военные захваты всемерно оправдывались [74, т. 11, гл. 162, 69].

Но нельзя утверждать, что все население местных племен стремилось под власть Маньчжоу и его вождя. Это стремление было характерно главным образом для племенной знати лишь некоторых племен, но не для всего населения их. Известны случаи, когда рядовые члены племени убивали своих старшин, которые выражали особые симпатии к маньчжурам и Нурхаци и стремились к переходу на его сторону. Так было, например, с правителем племени курка Ланчжу [74, т. 10, гл. 146, 1—2] . В некоторых случаях старшины отдельных городов решительно отказывались признать свою зависимость от Нурхаци даже после гибели своего сюзерена — вождя того или иного чжурчжэньского племени. Среди таких старшин можно назвать, например, бэйлэ Цзиртайси из владения ехэ, оставшегося в единственном незавоеванном городке этого племени, но не согласившегося примкнуть к победителю, несмотря на то что его сын уже находился на службе у маньчжуров [74, т. 10, гл. 150, 61—62].

Хотя в маньчжурских официальных документах деятельность Нурхаци, несомненно, значительно идеализирована, но все же следует признать, что он, безусловно, был исключительно талантливым политиком и полководцем и это в значительной степени способствовало успеху его политики привлечения на свою сторону руководителей многих мелких племен и объединению их.

Нельзя согласиться с оценкой политики Нурхаци, данной В. Горским, который указывал, что Нурхаци «хотел управлять племенами более посредством родственного старшинства, чем силою оружия и законами победителя» [124, 29]. Это, несомненно, идеализация маньчжурского хана, его политики, которая заключалась не только в установлении родственных связей со старшинами в целях консолидации племен, но главным образом была также политикой насильственного присоединения различных племен к объединению Маньчжоу, политикой войн, разорения и угона населения тех территорий, куда отправлялись в поход воины Маньчжоу. Основным средством объединения были не добровольный приход, не сплочение соседних племен на базе экономически более развитого владения, не путь всемерного развития экономических связей, а именно военное объединение, носившее ярко выраженный насильственный характер и не останавливающееся перед применением весьма жестоких средств.

История объединения Нурхаци соседних племен, как мы показываем ниже, — это прежде всего история непрерывных войн завоевателя против этих племен, а их присоединение к Маньчжоу — главным образом результат военного нажима, а не следствие каких-либо мирных дипломатических акций.

После объединения всех племен Цзяньчжоу внимание завое-

вателя привлекают территории соседних неманьчжурских племен, в первую очередь трех так называемых чанбошаньских племен — ялуцзян, нэинь и чжушэли (названия двух первых племен произошли от названий рек, происхождение названия «чжушэли» неясно).

Племя чжушэли было присоединено к Нурхаци в ноябре 1593 г. «Шилу» отмечает, что Юлэнъэ-чжангинь — вождь племени чжушэли — боялся прихода войск ехэ и его союзников, ведших войну с Нурхаци, и поэтому Нурхаци в ноябре 1593 г. послал войска в целях привлечения его на свою сторону [38а, цз. 1, 11б].

Племя нэинь было окончательно присоединено к Нурхаци в мае 1594 г. [38а, цз. 1, 11б; 50, цз. 3, 44] [1]. История завоевания этого племени полна жестокостей, творимых завоевателями. Например, крепость племени нэинь, построенная в горах Фодогушань и оказавшая сопротивление войскам Нурхаци, подверглась трехмесячной осаде, а после захвата ее все защитники были перебиты [13, цз. 201, 6б—7а].

В 1598 г. Нурхаци совершил первый поход на племя варка, во время которого подчинил себе 20 селений и захватил более 10 тыс. человек [38а, цз. 1, 12а].

В 1595—1599 гг. в Хулуньском объединении происходили политические процессы, имевшие важное значение для дальнейшей судьбы входивших в него племен хада, хойфа, ула и ехэ. Ехэ, наиболее могущественное из этих племен, было завоевано Нурхаци последним, уже после начала войны правителя Маньчжоу с минским Китаем.

В племени хада, вожди которого первоначально занимали главенствующее положение среди других владений Хулуньского объединения, между представителями правящего дома началась борьба за власть. Эти междоусобицы ослабили хада, что усилило стремление ехэ прибрать его к своим рукам. Просьба правителей хада о помощи и покровительстве, обращенная к минскому Китаю, была оставлена без внимания.

Тогда хада обратилось за помощью к Нурхаци, прислав к его двору своих заложников. Опасаясь сближения хада с владением Маньчжоу, ехэ поспешило само заключить союз с хада, причем залогом этого союза должно было послужить уничтожение войсками хада двухтысячного маньчжурского отряда, посланного Нурхаци на земли этого племени.

Действия правителя хада были расценены Нурхаци как измена. Нурхаци направил против хада все свое войско. Однако Минская империя на этот раз не осталась безучастной свидетельницей гибели хада, а с помощью дипломатического и прямого военного нажима воспрепятствовала Нурхаци продолжать успешно начатые военные действия. Это вмешательство Китая позднее послужило основанием для сформулирования одной из семи «обид», которые вскоре Нурхаци предъявил Минской им-

перии, и явилось формальным поводом начала военных действий против нее.

История войн Нурхаци с упомянутыми выше четырьмя племенами также дает множество примеров увода захваченного в плен населения этих племен на территорию владения Нурхаци. Завоевание племени хада было завершено в конце 1599 г. после похода войск Маньчжоу.. Причем, как утверждает маньчжурский источник, после захвата штурмом одного города все остальные города, подчинявшиеся хада, перешли на сторону Нурхаци [38а, цз. 2, 1б].

В 1604 г. Нурхаци захватил две крепости — Чжан и Ацилань, находившиеся в юго-восточной части земель племени ехэ. Кроме того, было захвачено 7 селений, взято в плен более 2 тыс. человек [38а, цз. 2, 2б].

Однако основное внимание после покорения хада Нурхаци обратил на племя хойфа, проживавшее в бассейне р. Хуньхэ.

Следует сказать, что в борьбе с соседними племенами, в частности с хойфа, Нурхаци широко применял военную хитрость и засылку в их стан шпионов. Например, к племени хойфа был заслан некий Сеугэнь маньчжурского знамени Белое с каймой для сбора сведений о военных силах. Завоевав доверие правителя племени хойфа Байиньдали, Сеугэнь был направлен в качестве доверенного лица Байиньдали к правителю племени ула с целью заключения между двумя владениями договора о военном союзе против Нурхаци. Правитель ула Бучжаньтай дал в руки маньчжурского лазутчика Сеугэня все необходимые доказательства готовности ула и хойфа вступить в военный союз, направленный против Нурхаци. С этими доказательствами Сеугэнь тайно покинул двор правителя ула и вернулся к Нурхаци.

Добытые таким образом данные Нурхаци использовал для обвинения хойфаского правителя в «измене» и начала военных действий против хойфа.

29 октября 1607 г. Нурхаци выступил в поход против хойфа. Войска хойфа были разбиты, в бою погибли Байиньдали и его сыновья. После захвата главного города племени — Хойфачэна и привлечения Нурхаци на свою сторону оставшегося в живых населения племя хойфа потеряло свою самостоятельность.

Завоевания свои Нурхаци неизменно оправдывал ссылкой на нарушения якобы противником прежних соглашений, клятв, союзов, а также на нанесенные ему личные обиды и «оскорбления». Такое оправдание захватов являлось государственной политикой в отношении соседей, проводившейся маньчжурами в течение длительного времени. Нурхаци прививал своим воинам глубокую убежденность в том, что они сражаются за правое дело, за якобы попранную справедливость. Это повышало моральный и боевой дух маньчжурского войска и в значительной степени обусловливало его победы.

Вот, например, характерное обращение к воинам Чуаня, сына Нурхаци, командира маньчжурского отряда, посланного в 1607 г. на выручку маньчжуров, окруженных войсками племени ула. В этом обращении Чуань клеймил правителя племени ула Бучжаньтая: «Этот Бучжаньтай как перед нами, так и перед небом — великий преступник. Вина его в том, что он прежде без всякого повода на нас с войском нападал. Но в конце концов он попал к нам в плен и за свой злонамеренный поступок был закован в цепи. Уже тогда он был достоин смертной казни — мы же высокую милость ему оказали: честно отпустили назад в его улаское владение и там поставили правителем (?! — *Г. М.*) [2]. ...Не думайте, что такой бессовестный человек в сражении может успех иметь... Кары неба ни ныне, ни в будущем он избегнуть не сможет!» [74, т. 9, гл. 133, 130—131]. В этом выступлении Чуаня, характерном для маньчжурских руководителей, мы находим и традиционное упоминание о постоянной помощи маньчжурам со стороны Неба, и прямую историческую фальсификацию о зависимости от маньчжуров владения ула, задачей которой было свидетельствовать о справедливой позиции маньчжуров.

В 1607—1611 гг. войска объединения Маньчжоу под руководством Нурхаци и его сподвижников совершили несколько походов против племени воцзи в различные местности, им населенные. Обычно эти походы заканчивались захватом пленных и уводом с собой населения, ибо целью их было пополнение людских ресурсов. Например, в борьбе с племенем воцзи было захвачено в 1607 г. 2 тыс. пленных [13, цз. 137, 10б], в 1609 г. — свыше 2 тыс. и, наконец, в 1611 г. — свыше 1 тыс. пленных [38а, цз. 2, 4б; 13, цз. 141, 3а].

К концу 1611 — началу 1612 г. относится и первое военное столкновение Нурхаци с племенем хурка, оказавшим ожесточенное сопротивление. В результате боев и захвата крепости Чжакута маньчжурские войска под руководством Эйду, если верить китайским источникам, убили свыше тысячи местных жителей и захватили в плен 2 тыс. человек. После завоевания других населенных пунктов Эйду прислал к Нурхаци еще 500 семей, захваченных в плен [13, цз. 142, 3б—4а].

В течение 1607—1613 гг. Нурхаци совершал походы на племя ула, во главе которого стоял упоминавшийся выше вождь Бучжаньтай. Первый поход в 1607 г. был связан с борьбой за г. Фэйю. Затем, в апреле — мае 1608 г., 5-тысячное войско Нурхаци отправилось во второй поход на это племя, захватило крепость Иганьшань, при этом было убито свыше тысячи ее защитников, а оставшиеся в живых уведены в плен. 23 октября 1612 г. Нурхаци вновь вторгся в земли ула. Войска Бучжаньтая уклонились от решительного сражения. Нурхаци, продвинувшись вниз по течению р. Улахэ, захватил пять второстепенных городов ула, крепость Цзиньчжоу и отступил назад [38а, цз. 2, 5а].

В конце февраля 1613 г. под г. Фурха Нурхаци наголову разгромил 30-тысячное войско ула. Сам Бучжаньтай спасся бегством к ехэ. Остальные, к тому времени еще не покоренные, городки ула сдались на милость победителя [38а, цз. 2, 6а].

Военные успехи Нурхаци были обусловлены наличием у него хорошо организованной и достаточно вооруженной армии с высокой военной дисциплиной. После завоевания ула из четырех аймаков Хулуньского объединения вне контроля Нурхаци оставалось одно ехэ. Несколько лет Нурхаци вел борьбу с ехэ и минским Китаем, в результате походы на более отдаленные племена Северо-Востока временно не совершались.

Во взаимоотношениях с ехэ маньчжурская дипломатия проявляла наибольшую активность. Так, например, источники упоминают о том, что некоего Мандули, родом тоже из ехэ, пришедшего на службу к Нурхаци еще задолго до завоевания этого племени, 12 раз посылали на родину для привлечения к Нурхаци местного населения, прежде всего родственников и бывших сподвижников. Все эти миссии он осуществил успешно и за это был пожалован чином бэйгуань [74, т. 14, гл. 211, 9—10].

Перед первым военным столкновением с ехэ Нурхаци направил туда своего посланника Хэчэня, которому поручил склонить ехэ к добровольному подчинению, однако эта миссия успехом не увенчалась. Когда же Хэчэнь с аналогичной миссией был направлен к ехэ вторично, он был там схвачен, брошен в заточение, затем умерщвлен. Позднее, когда в 1619 г. Нурхаци завоевал ехэ, он отдал распоряжение рассчитаться за гибель своего посланца — казнить сына правителя ехэ [74, т. 10, гл. 150, 69—70]. В октябре 1614 г. на ехэ было двинуто 40-тысячное маньчжурское войско. Маньчжуры захватили ехэскую крепость Усу [38а, цз. 2, 6б] [3].

В 1616 г. Нурхаци объявил себя ханом созданной им династии Поздняя Цзинь, приняв для своего правления девиз Тяньмин (Небесный мандат).

Успешно завершив походы против минского Китая, 20 февраля 1619 г. маньчжурское войско вновь вторглось в земли ехэ, предало огню и мечу несколько десятков селений и городков, находящихся недалеко от столицы племени — г. Ехэчэна [38а, цз. 3, 1а]. В сентябре того же года Нурхаци захватил Ехэчэн, после этого сдались и остальные городки вместе с их гарнизонами [38а, цз. 3, 6б—8а]. Завоеванием племени ехэ был завершен период подчинения Нурхаци всех нюйчжи Хайси, значительно пополнивших население государства Маньчжоу.

В сентябре и ноябре 1625 г. Нурхаци посылал войска «покарать» племя хурка, причем в первом походе было захвачено 500 семей. Во втором походе войско во главе с четвертым сыном Нурхаци Абахаем выступило против «хурха северной части Восточного моря и захватило 1500 пленных» [13, цз. 139, 20а—20б].

Таким образом родоначальник маньчжурской династии Цзинь Нурхаци завершил завоевание чжурчжэньских племен, являвшихся непосредственными соседями Маньчжурского объединения, а также совершил большое число походов на ряд более отдаленных племен. 21 сентября 1626 г. Нурхаци умер.

Период правления Абахая был, так же как и при Нурхаци, ознаменован широкими дипломатическими контактами и большим числом военных походов маньчжуров — теперь на отдаленные племена периферии Северо-Восточного Китая (варка, хурха и солоны). Во время этих походов маньчжуры по-прежнему не стремились присоединить какую-либо территорию, а старались захватить живую силу этих племен.

Обращает на себя внимание чрезвычайно большое число посольств от отдаленных вождей варка, хурха и солонов к маньчжурскому двору по их собственной инициативе, что в известной степени свидетельствует об их политической самостоятельности и независимости от маньчжуров. Целью этих посольств обычно было поднесение подарков (сянь) маньчжурскому хану, товарообмен с маньчжурами [см., например, 20, цз. 14, 30б (посольство Сэнгэ); цз. 21, 14а (посольство Ирбяо с товарищами); цз. 16, 11а—11б (посольство Фэйянгу и др.); цз. 18, 20б (посольство Балдачи из племени солонов); цз. 59, 24б (посольство Мотэнгэ) и т. д.], что в китайских источниках, в соответствии с традиционным языком официальной дипломатии, без всякого основания именовалось «принесением дани».

Наряду с приемом посольств от племен и поддержанием со многими из них регулярного товарообмена маньчжуры продолжали совершать кратковременные походы на эти племена, уводили на территорию маньчжурского государства живую силу, захватывали военную добычу, угоняли лошадей, рогатый скот, увозили женьшень, меха и т. д.

Первый поход на племя варка был предпринят 29 августа 1629 г. С 1629 по 1637 г. на варка, по данным «Шилу», было совершено не менее пяти походов, в результате которых была захвачена и уведена маньчжурами основная часть населения этого племени. Эти походы вызывали протесты со стороны Кореи, так как варка проживали в непосредственной близости от ее границ и частично находились под ее влиянием. Но маньчжуры игнорировали дипломатические ноты Кореи [20, цз. 18, 21а—21б, цз. 21, 12а—12б; цз. 28, 41б и др.].

Одновременно маньчжуры организовали походы и против племени хурха. Главным поводом для начала войны был отказ хурха подносить маньчжурскому двору «дань» [20, цз. 17, 34а—34б] или, по существу, как позднее пояснил маньчжурский источник, совершать торговый обмен с маньчжурами на выгодных для последних условиях [20, цз. 23, 27а—27б]. Поход на хурха, возглавленный военачальниками Бациланем и Самшикой [20, цз. 21, 14б—16а], завершился захватом богатой военной

добычи и большого числа пленных. Несмотря на успех походов против хурха, маньчжурам не удалось включить в сферу своего влияния все роды этого племени.

Упорной была и борьба маньчжуров против солонов. Несмотря на то что их правитель Бомбогор по собственной воле прибыл к маньчжурскому двору с подарками 4 июня 1637 г. [20, цз. 35, 3б—4а], Абахая не удовлетворила такая форма связей с солонами. Он стремился к установлению своего влияния и полного контроля над ними. В связи с этим Абахай спровоцировал войну 1639—1640 гг. против солонов и других местных племен на правом берегу Амура [20, цз. 51, 8а—23б], в результате которой солоны были разгромлены. Небольшая часть их была переселена на земли монгольского аймака Горлос, попала в зависимость от Цинов и вынуждена была платить им дань [20, цз. 51, 32а—32б]. Однако война с солонами не привела к захвату их территории. Маньчжуры не оставили свои гарнизоны в землях солонов и не создали там свои органы власти. Солоны по-прежнему управлялись своими родовыми вождями.

Анализ борьбы маньчжуров с отдаленными племенами, освещаемой официальными цинскими источниками, позволяет сделать вывод о том, что Цины в этот период не добивались присоединения территории этих племен и ничего не предпринимали для этого, что главной целью военных действий, как и прежде, при Нурхаци, был захват и увод населения племен для пополнения Восьмизнаменных войск и что наряду с мерами военного принуждения маньчжуры прибегали к средствам политического воздействия, о чем свидетельствуют некоторые наказы Абахая маньчжурским военачальникам. Так, в указе полководцу Сарцзю в сентябре 1639 г. Абахай говорил: «Уговаривайте тех, кто оказывал нам сопротивление, переходить на нашу сторону. Казните тех, кто убил или поранил наших воинов» [20, цз. 48, 4б—5а]. Еще более ранний пример относится к 1635 г., когда был предпринят поход на Амур против местных племен и Абахай дал наказ своим полководцам применять меры политического воздействия для привлечения населения на свою сторону, не гнушаясь фальсификации исторических фактов. Однако дальние походы маньчжуров в 30-е и в начале 40-х годов XVII в. не приводили к расширению их границ на севере. Рубежи их государства, как и позднее — до 80-х годов, находились за тысячи километров к югу от Амура.

Войны Нурхаци и его преемников с Минской империей

Провозглашение Нурхаци верховным правителем государства Маньчжоу и заметное усиление маньчжуров в непосредственной близости от границ Минской империи в Ляодуне обострили отношения между последней и маньчжурами.

Еще в октябре 1614 г., когда правители племени ехэ, которым в то время угрожал Нурхаци, обратились за помощью к Минской империи, китайский император, понимая, что разгром племени ехэ создаст угрозу захвата маньчжурами Ляодуна, части минского государства, направил для защиты ехэских городов тысячу китайских солдат с огнестрельным оружием [19, цз. 4, 10б]. Одновременно были усилены гарнизоны в пограничной зоне в Ляодуне. А Нурхаци как номинальному вассалу Китая было предложено прекратить военные действия против ехэ [19, цз. 4, 10а].

Эти действия Минов вызвали недовольство Нурхаци. Но, не имея в то время реальных сил для борьбы против Минской империи, маньчжурский хан ограничился посылкой ноты командующему минскими войсками в Фушуне, в которой оправдывал свои действия против ехэ поддержкой последними враждебных маньчжурам племен ула и хада и нападениями на маньчжурскую территорию.

В мае 1616 г. минское правительство, обвинив маньчжурских переселенцев в перенесении пограничных столбов, нарушении границ и распашке земель в Ляодуне, принадлежавших китайцам (в районах Чайхэ, Саньча и Фуань), запретило собирать здесь урожай и принудило увести маньчжурское население на территорию Нурхаци [19, цз. 4, 11б]. Маньчжурские власти подчинились этому приказу, но в отправленном Минам письме обвинили китайскую администрацию в захвате маньчжурской территории [19, цз. 4, 13а—13б].

Нурхаци стал активно готовиться к военным действиям против Минской империи, но удерживал от преждевременного выступления маньчжурских военачальников, которые высказывались за немедленную войну против Китая [19, цз. 4, 16а—17а].

Нарушения китайско-маньчжурской границы продолжались, по-видимому, с обеих сторон, о чем в известной степени свидетельствовал обмен официальными письменными протестами [19, цз. 4, 17а—17б]. Дело дошло даже до задержания гуаннинским сюньфу Ли Вэй-ханем маньчжурских посланцев, прибывших с нотой по поводу пограничных столкновений [19, цз. 4, 5б—6а].

В феврале 1618 г. Нурхаци впервые заявил своим приближенным о намерении в ближайшее время выступить против Минской империи [19, цз. 4, 9б], а позднее в указе Совету ванов и бэйлэ и перед войсками, готовыми выступить в поход, объявил следующие «семь великих обид», якобы вынудивших его начать военные действия против Минской империи: 1) убийство китайскими властями ни в чем не повинных отца и деда Нурхаци; 2) нарушение Китаем клятвы, данной при заключении соглашения о границах, об их незыблемости, и направление китайских войск за границу, на помощь ехэ; 3) убийство маньчжурских посланцев Фэньгяня и Кангуру, направленных для

разъяснения обстоятельств казни китайских нарушителей границы — перебежчиков; 4) нарушение правителем ехэ ранее данного обещания выдать свою дочь за Нурхаци; 5) посылка Минской империей своих войск для уничтожения урожая в трех областях (Чайхэ, Саньча и Фуань), якобы принадлежавших маньчжурам; 6) получение от Минов оскорбительной грамоты и дерзкое поведение посла, привезшего ее; 7) принуждение Нурхаци отказаться от завоеванного владения хада и возвратить захваченных бэйлэ пленных, которые впоследствии перешли в руки ехэ. В заключение в своем послании Совету ванов и бэйлэ Нурхаци объявил о том, что Небо покровительствует ему и он готовится к борьбе с Китаем: «Прежде аймаки Хулуньского сейма сами начали войну против меня, и Небо, осудившее их поступки, защитило меня своим щитом. Ныне Китай, увлеченный пристрастием к ехэ, сам идет против истины и справедливости, и я не в силах более переносить кровавых обид; иду мстить империи оружием» [19, цз. 4, 12а—13б; подробнее см. 124, 47—59].

28 мая 1618 г. 20-тысячное маньчжурское войско под командованием Нурхаци выступило в поход против Мин и вскоре подошло к стенам китайской крепости Фушунь в минской пограничной линии в Ляодуне. Командующий гарнизоном Фушуня Ли Юн-фан, к которому было направлено письмо Нурхаци, без боя сдал маньчжурам крепость. В Фушуне, а также в Дунчжоу и Магэньдане было захвачено 300 тыс. пленных. Их увели в Маньчжоу. Взятые китайские города и крепости были срыты маньчжурами до основания [19, цз. 5, 16б, 17а]. В течение лета 1618 г. маньчжурским войскам, вновь отправленным в Ляодун, удалось захватить ряд крепостей (Фуань, Санар), а позднее, в августе 1618 г., города Цинхэ, Дуцян, Цяньчан. При этом, не надеясь удержать за собой захваченные крепости и города, Нурхаци дал указания разрушить их, а население, пленных и запасы продовольствия увезти в Маньчжоу [19, цз. 5, 24а—24б]. Предложение гуаннинского сюньфу восстановить мир при условии возвращения всех захваченных пленных было отвергнуто Нурхаци [19, цз. 5, 23б—24а].

Набеги на Ляодун продолжались и в дальнейшем одновременно с военными действиями против племени ехэ.

Минское правительство предприняло решительные меры: была подготовлена 200-тысячная хорошо вооруженная армия под общим командованием китайского генерала, наместника Ляодуна Ян Хао, которая должна была, разделившись на четыре корпуса (Ду Суна, Ма Лина, Ли Жу-бо и Лю Тина), действовать в четырех направлениях. Эти четыре корпуса после успешного продвижения по маньчжурской территории должны были соединиться под стенами маньчжурской столицы г. Синцзина [19, цз. 6, 3б—4а] и завершить разгром Маньчжоу.

Отсутствие единства и согласованности среди китайских ко-

мандиров корпусов, нарушение Ду Суном, командиром среднего корпуса, срока выступления и другие неувязки в выполнении плана кампании позволили маньчжурам сначала разгромить наголову при переправе через р. Хуньхэ [19, цз. 6, 5а—8б] войска Ду Суна, а затем, разобщив силы минской армии, нанести поражение другим корпусам. Получив донесение о полном разгроме корпусов Ду Суна и Ма Лина, Ян Хао отдал приказ об отступлении корпусов Ли Жу-бо и Лю Тина, продвигавшихся по землям Маньчжоу, причем корпус Лю Тина находился уже в 50 ли (25 *км*) от Синцзина [19, цз. 6, 10а—10б]. Ли Жу-бо получил приказ и отступил, а до Лю Тина распоряжение Ян Хао дойти не успело.

Для разгрома армии Лю Тина маньчжуры пошли на хитрость. Они заслали в его лагерь своего лазутчика, уверившего Лю Тина в том, что Ду Сун находится уже у стен Синцзина и успешно осаждает город. Поддавшись на обман, Лю Тин ускорил продвижение своего корпуса и вскоре был атакован с фронта маньчжурской конницей сына Нурхаци — Абахая, а с тыла переодетыми в китайскую военную форму маньчжурскими воинами под командованием бэйлэ Дайшаня. Корпус Лю Тина был также разгромлен [19, цз. 6, 11а—15а; 124, 72—74].

Таким образом последовательно была ликвидирована военная опасность, угрожавшая маньчжурскому государству — 50-тысячное маньчжурское войско одержало победу над значительно превосходящим его неприятелем, что предопределило успешный для маньчжуров дальнейший ход борьбы на Северо-Востоке.

В июле 1619 г. маньчжуры вторглись в пределы минского Ляодуна и захватили Кайюань, где было взято много пленных [19, цз. 6, 18б—20а], в августе 1619 г. войска Нурхаци овладели Телином [19, цз. 6, 22а—24а].

После разгрома ляодунской армии и казни Ян Хао и Ли Жу-бо наместником в Ляодуне был назначен талантливый и дальновидный Сюнь Тин-би, принявший решительные меры к обороне края. Была усилена линия фортификационных сооружений, 180-тысячная китайская армия разделена на гарнизоны, которые разместились в крупных опорных пунктах Северо-Востока: Фушуне, Цинхэ, Айяне, Чайхэ, Саньча, Чжэньцзяне и др. Однако через год вследствие закулисных интриг при дворе Сюнь Тин-би был смещен, и на его место назначен генерал Юань Ин-тай.

Весной 1621 г. Нурхаци вторгся в пределы Ляодуна, осадил и вскоре взял сильно укрепленный Шэньян, защищаемый 70-тысячным войском. Затем маньчжуры, преследуя остатки разбитых китайских войск, подошли к главному городу Ляодуна Ляояну [19, цз. 7, 13а—17б], который после нескольких тяжелых штурмов был взят. Таким образом, маньчжуры захватили весь Ляодун [19, цз. 7, 17б—20а].

После захвата Ляодуна маньчжуры отказались от прежней политики угона населения и возвращения на свои земли. Теперь Нурхаци решил прочно закрепить за собой завоеванную территорию и оставить население на прежних местах. Больше того, Нурхаци принял решение о перенесении столицы маньчжурского государства в Ляоян [19, цз. 7, 21б—22а].

В военных действиях между маньчжурами и Китаем наступила кратковременная передышка, в течение которой китайские наместники принимали все меры для укрепления обороноспособности Ляоси, единственной области, оставшейся у Минской империи на Северо-Востоке, а маньчжуры собирали силы для нового нападения, сурово расправляясь с мятежниками в тылу. Зимой 1622 г. маньчжуры вышли на западный берег Ляохэ. Маньчжурские войска осадили крепость Сипин. Бездарность и трусость, а также прямое предательство китайских военачальников, в частности Сунь Дэ-гуна, привели к разгрому китайской армии, подошедшей для выручки города. Население Ляоси было охвачено паникой. Маньчжуры без боя заняли административный центр Ляоси — г. Гуаннин, а затем такие крупные города, как Цзиньчжоу, Далинхэ, Сяолинхэ и др. — всего более 40 городов и крепостей [19, цз. 8, 11а—13а]. Все население, захваченное в Ляоси, было уведено в Ляодун; как и в других сравнительно отдаленных местах, маньчжуры не закрепили за собой захваченных городов, временно оставив свой гарнизон только в Гуаннине, но и он вскоре был отозван [19, цз. 8, 13б—14а].

Неслыханное поражение китайских войск заставило минский двор заменить руководство армией на Северо-Востоке. В конце 1622 г. верховным главнокомандующим на Северо-Востоке был назначен Сунь Чэн-цзун, которому на некоторое время удалось укрепить позиции Минов в этом районе.

Сунь Чэн-цзун за три года (в период необъявленного перемирия и прекращения маньчжурами военных действий против Китая) укрепил Гуаннин и о-в Цзюхуадао, ставшие опорными пунктами в Ляоси; в районе между Шаньхайгуанем и Нинъюанем был размещен хорошо вооруженный гарнизон. В городах Цзиньчжоу, Далинхэ, Сяолинхэ, Суншань, Синшань, Юдунь и др. также поставлены гарнизоны. Восстановлена 110-тысячная китайская армия [124, 90—91].

Однако не прекращавшиеся при минском дворе придворные интриги привели к тому, что в начале 1626 г. Сунь Чэн-цзун был смещен с занимаемого поста. Назначенный вместо него Гао Ди постепенно свел на нет все достигнутые здесь успехи. Он снял оборону с крепостей, лежащих за заставой Шаньхайгуань, в результате была ослаблена линия внешней обороны Ляоси.

В марте 1626 г. к стенам Нинъюаня подошли войска Нурхаци [19, цз. 10, 5а]. Усиленный войсками всего округа гарнизон Нинъюаня, имевший в своем распоряжении артиллерию, отразил две атаки маньчжуров [19, цз. 10, 6а]. Потерпев поражение

под Нинъюанем, маньчжуры осуществили военную операцию против лежащего в 16 ли от города о-ва Цзюхуадао. Здесь они сожгли 2 тыс. минских судов — основные силы китайского флота в Бохайском заливе — и все склады с провиантом — более тысячи построек [19, цз. 10, 6а—6б].

После смерти Нурхаци Минская империя прислала свою делегацию во главе с представителем ламаистской церкви Ли на церемонию похорон первого маньчжурского хана и для принесения поздравлений новому монарху, показывая таким образом свою готовность к мирным переговорам с маньчжурами. Маньчжуры же расценили присылку китайской делегации как намерение разведать военно-политическую обстановку в маньчжурском государстве [19, цз. 10, 15б].

Однако передышка в борьбе с Минской империей нужна была и маньчжурам, у которых к этому времени обострились отношения с Кореей и Чахарским ханством, да к тому же еще не было завершено присоединение мелких разрозненных племен Северо-Востока.

Чтобы выиграть время и обеспечить невмешательство Минской империи в маньчжуро-корейскую войну, Абахай отправил в феврале 1627 г. послание наместнику Нинъюаня Юань Чунхуаню, в котором предложил неприемлемые для Китая условия заключения мира: маньчжуры прекратят набеги на Китай, а китайцы за это должны при заключении мирного договора выплатить им 100 тыс. лянов золота, 1 млн. лянов серебра, 1 млн. кусков шелка и 10 млн. кусков ткани [20, цз. 2, 4б].

В случае заключения договора маньчжурская сторона предлагала ежегодно предоставлять Китаю 10 жемчужин, 1 тыс. шкурок соболей и 1 тыс. цзиней женьшеня в обмен на 10 тыс. лянов золота, 100 тыс. лянов серебра, 100 тыс. кусков шелковых тканей и 300 тыс. кусков простой ткани [20, цз. 2, 4б]. Несмотря на эти трудные для Китая требования маньчжуров, начались переговоры. Однако эти переговоры для обеих сторон были не более как желанием выиграть время. Китаю нужна была передышка для восстановления разрушенной маньчжурами линии обороны, для укрепления пограничных пунктов и пополнения запасов провианта. Маньчжурам нужно было нейтрализовать Китай на время их борьбы с Чахаром и Кореей. Началась длительная и пространная дипломатическая переписка.

В посланиях Абахаю Юань Чун-хуань писал, что «обиды» Нурхаци, о которых маньчжурская сторона вновь напомнила в последнем послании, относятся к прошлому, что Минская империя оскорблена разорением и опустошением Ляодуна и требует возвращения его Китаю. В послании запрашивались причины нападения маньчжуров на Корею. Юань Чун-хуань сообщал, что Китай согласен на заключение мирного договора, но отказывается принять предложенные Абахаем условия [20, цз. 2, 8а—12б].

Абахай в своих посланиях, как и Нурхаци, признал терри-

торию Ляоси собственностью Минской империи, но отказался возвратить Ляодун. Он утверждал, что войн, причиной которых было только справедливое определение границ, можно избежать при безусловном признании Цзинь (маньчжуров) самостоятельным и независимым от Китая государством и оставлении Ляодуна в составе его территории. Абахай, настаивая на этих главных требованиях, уступал по другим вопросам, он соглашался на более почетное написание имени китайского императора в официальных документах (одним иероглифом выше своего имени), а также наполовину уменьшил выплаты, которые Мины должны были внести при заключении мира, и отказался определить стоимость ответных подарков за «дань», которые маньчжуры обещали ежегодно представлять минскому двору, оставив это на усмотрение минского императора [20, цз. 2, 1б—9а].

Эти «уступки» Абахая вызвали у минского правителя иллюзии о возможности уладить дела с маньчжурами без какого-либо ущерба для престижа Минской империи. Однако маньчжурское государство, использовав время переговоров для борьбы с Кореей и добившись от нее разрыва союза с Минской империей, возобновило военные действия против последней.

Непосредственным предлогом для начала войны послужило полученное маньчжурами известие об укреплении китайцами пограничных городов [20, цз. 2, 15б—16а]. Перед выступлением маньчжурских войск китайскому командованию было направлено письмо с угрозами в адрес Китая.

В июне 1627 г. маньчжурские войска подступили к г. Далинхэ; гарнизон города отступил, не приняв боя. Многие китайские военачальники перешли на сторону маньчжуров. После военного успеха под Далинхэ маньчжуры осадили Цзиньчжоу, затем Нинъюань, но на этот раз атаки маньчжурских конных латников под предводительством самого Абахая не дали никаких результатов [20, цз. 2, 23б]. Маньчжуры не сумели взять ни Цзиньчжоу, ни Нинъюаня и, понеся значительные потери, вынуждены были возвратиться в Ляодун.

Неудачные военные действия заставили маньчжуров пойти на возобновление мирных переговоров с Минами и на ряд существенных для Китая уступок, в частности на возвращение Ляодуна. Абахай согласился именоваться ханом и получить печать на управление своими владениями из рук китайского императора, т. е. вернуться к прежним отношениям номинального вассалитета, существовавшим между маньчжурами и Минской империей. Однако переговоры были сорваны из-за несговорчивости китайского императора, утратившего чувство реальности и требовавшего полной покорности маньчжурского правителя минскому двору.

В ноябре 1629 г. Абахай объявил об очередном походе, но уже не на Ляоси, а на территорию Минской империи за Вели-

кой стеной [20, цз. 5, 24а—24б], что представляло большую опасность для маньчжуров, так как надо было преодолеть сопротивление многих укрепленных городов и многочисленной армии. В конце ноября 1629 г. маньчжуры прорвались через Великую стену у пункта Дааньков, взяли г. Цзуньхуачэн и двинулись прямо на Пекин [20, цз. 5, 26б—27а].

Маньчжуры распространяли многочисленные прокламации, в которых, объявляя китайского императора виновником войны, призывали китайское население к переходу на их сторону. Так, в одной из прокламаций говорилось: «Не я, а ваш император и вельможи... отвергли мир. Они желали войны, и она пришла, но так ли она легка, как они думали? Дарую жизнь чиновникам, ученым, народу и солдатам — всем, кто добровольно покорится моей воле, и смерть ожидает тех, кто будет сражаться или только возьмется за оружие. Они погибнут не от моего меча: их собственный повелитель обрек их на гибель!» [124, 71].

Маньчжурские войска сравнительно легко преодолели сопротивление китайских войск на пути от Великой стены до Пекина, одерживая одну победу за другой. Вскоре маньчжурские войска подошли к стенам Пекина (столицы Минской империи) — к воротам Шахэмынь. Маньчжурам удалось даже вызвать панику в лагере ее защитников. Кроме того, они сумели оклеветать и погубить Юань Чун-хуаня, в котором Абахай видел опасного противника [124, 125—128].

Столица не была подготовлена к обороне; ее ждала печальная участь в случае упорного штурма маньчжурских войск. Но последние, захватив богатую добычу, отошли от Пекина, опасаясь за Шэньян и свои новые владения в Ляодуне, где оборона была ослаблена в связи с походом маньчжурских войск на Пекин. Еще находясь под Пекином, Абахай в декабре 1629 г. предложил минскому императору заключить мир. Однако посланец Абахая не был допущен в Пекин, и две копии грамоты были брошены перед городскими воротами китайской столицы [74, т. 15, гл. 236, 74].

В феврале 1630 г. главные силы маньчжуров попытались овладеть г. Чанли, но безуспешно. Однако они захватили округ Юнпин и города Цяньань, Дуньчжоу и Цзуньхуа [20, цз. 6, 3б—5а, 7б—8а], где после ухода основных сил маньчжуров за Великую стену были оставлены сильные гарнизоны. Такая оккупация ряда пунктов на территории Собственно Китая знаменовала собой создание плацдарма для повторения набега и таила в себе огромную опасность для Минской империи.

В связи с этим минское правительство приняло решительные меры: 200-тысячное войско, вооруженное артиллерией, было направлено против маньчжурских гарнизонов, с ним взаимодействовала армия Сунь Чэн-цзуна, вновь назначенного ляодунским наместником. Под напором китайских войск маньчжуры начали отступать, оставляя один за другим занятые ранее горо-

да (Луаньчжоу, Цяньань, Юнпин и др.). Отступление маньчжурских войск было похоже на бегство. Да бэйлэ Аминь и другие маньчжурские военачальники были отданы Абахаем под суд [20, цз. 7, 10б—24а].

В 1631 г. маньчжуры вновь направили свои войска на Ляоси, причем в августе их военачальникам был дан указ Абахая, в котором подчеркивался справедливый характер войны, которую вели маньчжуры. Первым был осажден г. Далинхэ. Китайские войска оказывали упорное сопротивление. Лишь после длительной осады 16 октября 1631 г. маньчжурам удалось захватить город [20, цз. 10, 14б—15а]. Абахай не сумел взять лишь укрепленного г. Цзиньчжоу, но его гарнизон был блокирован маньчжурскими войсками и не предпринимал активных действий.

Положение Минской империи в этот период начало осложняться в связи с развернувшимся крестьянским восстанием во главе с Ли Цзы-чэном и др. в Шаньси и Шэньси, к которому примкнуло огромное число дезертиров из китайской регулярной армии. Вместе с тем на сторону маньчжуров перешли со своими войсками изменившие Минской империи китайские командующие в г. Дэнчжоу Кун Ю-дэ и Гэн Чжун-мин, а также командующий гарнизоном о-ва Гуанчжоу Шан Кэ-си. Все они были встречены маньчжурским правителем с почестями. Из войск, перешедших на сторону маньчжуров, были созданы две армии Зеленого знамени.

В этих условиях ослабления Минской империи маньчжурский Совет бэйлэ и дачэней в июле 1633 г. по указанию Абахая обсудил вопрос об отношениях с ближайшими соседями (Кореей, Чахарским ханством и Китаем), и абсолютным большинством было принято решение — вести борьбу в первую очередь против Минской империи, не дать ей возможности укрепить северо-восточные границы [74, т. 9, гл. 136, 239]. Маньчжурские военачальники предлагали различные варианты военных действий против Китая, но все они сводились к операциям на территории Собственно Китая, к осаде и захвату Пекина и других пунктов, к созданию прочных баз во Внутреннем Китае [74, т. 9, гл. 136, 239; гл. 140, 315; т. 11, гл. 162, 72—73]. Характерно, что китайцы, перешедшие на сторону маньчжуров, также советовали идти на Пекин и обосновали необходимость этого предложения [74, т. 11, гл. 173, 174]. Таким образом, внешнеполитический курс маньчжурского государства по отношению к Минской империи оставался прежним: ведение непрерывных военных действий до тех пор, пока маньчжуры не обеспечат себе почетного мира с Китаем на предложенных ими условиях.

В этот период маньчжуры еще не претендовали на китайский трон. Однако впоследствии, когда явственно обозначились военное преимущество маньчжуров и политическая неустойчивость в стане их противника, их цели претерпели изменения:

на первый план была выдвинута задача установления маньчжурского господства непосредственно над всем Китаем и узурпация у минской династии императорского трона.

В июле 1633 г. маньчжурские войска под командованием Юэто выступили на Люйшунькоу и захватили всю южную часть Ляодуна, на которую до того времени власть маньчжуров не распространялась. Здесь они овладели богатой добычей [124, 145]. На юге Ляодунского полуострова был оставлен постоянный маньчжурский гарнизон.

С 1634 г. маньчжуры неоднократно вторгались в пределы Собственно Китая. В сентябре 1634 г. они двинулись в Китай четырьмя колоннами, на виду у бездействовавшей китайской армии опустошили окрестности Пекина и в ноябре вернулись в свои земли с богатой добычей [13, цз. 136, 9а—10а].

В 1635 г. в Китай была направлена армия под командованием Доргоня. Пройдя через заставу Нинъугуань, армия Доргоня разорила провинцию Шаньси, захватила города Дайчжоу, Синьчжоу, Инчжоу и Чунчжоу. Все население этих городов и 76 тыс. голов скота были уведены маньчжурами в Ляодун.

5 мая 1636 г. Абахай официально принял императорский титул, назвав свою династию Дай Цин (Великая Цин).

В июле 1636 г. «Шилу» отмечает начало подготовки к очередному походу против минского государства. 12 августа маньчжуры вторглись во Внутренний Китай. Как донесли маньчжурские командующие, еще до перехода через Великую стену ими было захвачено 15 230 пленных [20, цз. 30, 17б—18б].

Маньчжурские войска под командованием Ацзигэ и Абахая вступили в Китай через проход Душикоу и захватили здесь 12 городов, много пленных и большое число скота [20, цз. 31, 2а—2б]. Во время этого набега маньчжуры вновь дошли до стен Пекина. Главные силы китайских армий опять бездействовали, и захватчикам не было дано генерального сражения.

Параллельно с ходом корейской кампании 1636—1637 гг. продолжались и военные действия в Ляоси. Маньчжуры непрерывно беспокоили китайские гарнизоны, кроме того, вели успешные военные действия на море [20, цз. 30, 24б] и неизменно наносили поражения высылаемым против них китайским частям. Начавшаяся в сентябре 1636 г. осада г. Цзиньчжоу, в которой участвовали лучшие маньчжурские полководцы, оказалась безрезультатной [20, цз. 30, 31б]. Вскоре после успешного окончания корейской кампании маньчжуры вновь возобновили военные действия против Минской империи в Ляоси и Северном Китае.

В сентябре 1638 г. игра в мирные переговоры была прервана маньчжурской стороной под тем предлогом, что Минская империя в действительности не стремится к миру [20, цз. 43, 21а], и маньчжурским полководцам был отдан приказ выступить с войсками на Мин [20, цз. 20, 22а, 25а—26а]. С этого времени

развернулись непрерывные военные действия между маньчжурами и Минской империей, приносившие неизменные военные успехи маньчжурам.

В ноябре 1638 г. войска под командованием Доргоня через слабо защищенный проход Циншаньгуань в Великой стене вторглись на Северо-Китайскую равнину. Пройдя близ Пекина на Чжочжоу, маньчжурские войска разделились здесь на восемь колонн и начали движение на юг, прочесывая и грабя районы, через которые проходили [20, цз. 41, 5б—7а]. Разгром немногочисленных войск китайского главнокомандующего Лу Сяншэна у г. Инлу полностью развязал маньчжурам руки. Маньчжурские войска захватили и сожгли города Чжэньдин, Гуанпин, Шуньдэ и Домин, после чего вступили в пределы провинции Шаньдун.

Шаньдунский командующий Ян Сы-чан сконцентрировал все местные гарнизоны китайских войск на пути маньчжуров у г. Дэчжоу. Однако маньчжуры, взяв г. Линьцинчжоу и переправившись через Великий канал, обошли китайскую армию с флангов и подступили под главный город провинции — Цзинань, который немедленно сдался неприятелю.

На обратном пути маньчжурская армия с огромным обозом на виду у многочисленной китайской армии беспрепятственно переправилась у г. Тяньцзиня через Великий канал. В 1638—начале 1639 г. маньчжуры прошли через провинции Чжили, Шаньдун и Шаньси, разорили 58 китайских городов и захватили и увели с собой свыше 460 тыс. пленных [20, цз. 45, 22б—23а].

Несмотря на блистательные успехи отдельных кратковременных набегов маньчжурских войск на Внутренний Китай, территория Ляоси, непосредственно примыкавшая к владениям маньчжурского государства, все еще находилась под контролем Минов. Это мешало беспрепятственным походам маньчжуров в Собственно Китай и созданию там прочного плацдарма для последующего завоевания всего Китая.

В этот период Цзу Кэ-фа и другие китайцы, верой и правдой служившие маньчжурам, представили Абахаю совместные доклады, в которых пространно доказывали, что мир с китайцами выгоден только Минской империи, которая, воспользовавшись им, сможет укрепить свое внешнеполитическое и военное положение. Если же Абахай пойдет на заключение мирного договора, необходимо, по мнению Цзу Кэ-фа и др., добиться разорения Шаньхайгуаня и овладения маньчжурами всей территорией Ляоси для того, чтобы иметь возможность в любое время оказывать военное давление непосредственно на Пекин [74, т. 11, гл. 175, 257—258].

В 1641 г. маньчжурские войска под командованием Цзиэрхалана осадили г. Цзиньчжоу, который должен был пасть в связи с истощением сил осажденных [20, цз. 51, 18б—33б]. На помощь Цзиньчжоу минский двор отправил из Нинъюаня

130-тысячную армию под командованием Хун Чэн-чоу, полностью укомплектованную военным снаряжением и провиантом [20, цз. 56, 12а, 22б—26б]. Учтя печальный опыт предыдущих столкновений с маньчжурами, китайская армия продвигалась вперед, принимая все возможные меры предосторожности. Провиант для армии Хун Чэн-чоу и гарнизона Цзиньчжоу предполагалось перевезти сначала в Синшань, затем в Суншань, а отсюда уже в осажденный маньчжурами Цзиньчжоу. Однако этот план был сорван вмешательством специального правительственного эмиссара Чжан Жо-ци, прибывшего в армию и получившего указания из Пекина ускорить движение войск.

В результате ограничения инициативы китайского командования армия Хун Чэн-чоу терпела одну неудачу за другой. Этому способствовали также гибкая тактика маньчжурских войск, устройство засад, перерезывание путей следования китайских войск, нападение на обозы и т. д. В результате китайские войска вынуждены были отступить и повернуть обратно к Нинъюаню. Это привело их к окончательной гибели, ибо их настигли преследовавшие маньчжурские войска, кроме того, спереди и с флангов их теснили находившиеся в засаде маньчжуры [20, цз. 57, 21б—30а].

За несколько месяцев китайская армия потеряла только убитыми 53 780 человек [74, т. 9, гл. 131, 91—92]. В результате этого похода маньчжуры захватили города Цзиньчжоу, Гашань, Суншань и Синшань [124, 176]. После такого жестокого поражения минский двор, на этот раз по собственной инициативе, решил обратиться к Абахаю с предложением начать мирные переговоры.

Однако, стремясь «сохранить лицо» и показать, что не он просит мира, а маньчжуры [20, цз. 61, 27а—28б], китайский император прибег к такому дипломатическому трюку: он направил к Абахаю китайскую делегацию не с личным указом о предложении мира, а со своей резолюцией якобы на донесение главы минского военного ведомства Чэнь Синь-цзя, сообщавшего о желании маньчжуров заключить мир [74, т. 9, гл. 131, 91—92]. Тон и содержание этого письма китайского императора вызвали гнев Абахая, и он отослал китайских делегатов обратно в Пекин.

После этого ко двору Абахая было отправлено настоящее официальное посольство, чтобы начать мирные переговоры. Однако условия договора, предложенные Абахаем, не были приняты китайской стороной. Абахай, в частности, предлагал обмен посольствами на равных началах, а также обязывал Минскую империю присылать к маньчжурскому двору 10 тыс. лянов золота и 1 млн. лянов серебра в обмен на 1 тыс. цзиней женьшеня и 1 тыс. шкурок соболя. Границы между китайской и маньчжурской империями по предложению Абахая устанавливались по горному хребту, лежащему между Нинъюанем и Шу-

анпу, и горам Ташань с признанием Ляньшаня нейтральной территорией, соответственно к каждой из сторон отходила и прилегающая зона моря. Между двумя государствами должна была вестись торговля [124, 103]. Эти условия не были приняты Минской империей.

В ноябре 1642 г. маньчжуры провели очередной набег на Китай [20, цз. 63, 13б]. Во время похода были разорены три китайские области, 18 округов и 67 уездов, было захвачено 369 тыс. пленных и 550 тыс. голов скота. Огромный обоз маньчжуров протянулся на 150 *км* от Тяньцзиня до Чжочжоу и до моста Лугоуцяо и в течение более 20 дней переправлялся через мост близ Пекина на глазах у китайской армии [20, цз. 63, 29б—34б; цз. 64, 24а—24б]. Поход успешно закончился летом 1643 г. За успехи маньчжурский полководец Абатай был награжден 10 тыс. лянов серебра [20, цз. 65, 2а—2б].

10 сентября 1643 г. Абахай скончался.

В 1644 г. во время подготовки маньчжурами нового набега на Китай к регенту Доргоню прибыл посланник китайского военачальника У Сань-гуя, пригласивший маньчжуров войти через заставу Шаньхайгуань во Внутренний Китай, чтобы помочь в подавлении повстанцев Ли Цзы-чэна, взявших к тому времени Пекин. Доргонь отказался, справедливо опасаясь какой-либо западни. У Сань-гую пришлось восемь раз упрашивать маньчжуров послать войска [37, 370; 81, 600]. Наконец Доргонь принял предложение У Сань-гуя, и маньчжурские войска вступили в Пекин. С этого времени начался новый этап завоевания маньчжурами Внутреннего Китая.

Глава 4

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КОРЕИ

Корея стала объектом агрессивной дипломатии маньчжуров еще до того, как к власти пришла династия Цин. Уже при Нурхаци, когда только что сформировавшееся маньчжурское государство начало войну с Минской империей, маньчжуры пытались оказать давление на Корею [1] и заставить ее порвать союз с Китаем. Известно, что с конца XIV в., с приходом к власти в Корее династии Ли (1392—1910 гг.), между Китаем и Кореей установились мирные и дружественные отношения, переросшие в период японо-корейской, или имчжинской, войны (1592—1598 гг.) в военный союз. Помощь, оказанная Китаем Корее в этой войне, несомненно, еще более укрепила китайско-корейские отношения.

Корея уже через 20 лет, когда маньчжурские ханы начали войну за захват Ляодуна, послала на помощь Китаю 13-тысячную армию под командованием Кан Хоннипа [146, 335]. Совместные действия китайско-корейской армии, однако, не привели к успеху: минские войска были разгромлены, а корейские, понеся значительные потери, в апреле 1619 г. прекратили борьбу и сдались маньчжурам. Во время переговоров с маньчжурским командованием корейский парламентер, посланный командующим корейскими войсками, следующим образом объяснил причину участия корейцев на стороне Китая: «Мы прибыли сюда не по своему желанию. Прежде, когда японцы вторглись в наше государство, захватили наши города, заняли нашу территорию и создали опасное положение, мы благодаря помощи, оказанной нам [Китаем], заставили японские войска отступить. Ныне, чтобы отблагодарить за благодеяние, получили приказ прибыть сюда. Вы умиротворили нас, и мы должны перейти на [Вашу] сторону» [19, цз. 6, 13б—14а].

По-видимому, после этого Нурхаци сделал вывод о возможности перетянуть Корею на свою сторону и лишить Минскую империю союзника. И маньчжурский хан начал дипломатическое наступление на Корею. Прежде всего он отправил на родину командующего корейскими войсками и других командиров, сдавшихся маньчжурам, а также двух маньчжурских чиновни-

ков с письмом к корейскому правителю (информация об этом посольстве помещена в «Шилу» за 4 мая 1619 г.). В этом письме Нурхаци старался возбудить недовольство Кореи Минской империей. Вот, например, что писал он в своем послании: «Корея помогала Минам войсками. Мы знаем, что это не по Вашему желанию, что [Вы] не могли поступить иначе. К тому же Мины некогда помогли Вам в войне с японцами. Поэтому [Вы] отблагодарили их за такое благодеяние, приняв участие [в войне с нами]» [19, цз. 6, 16а; 31, цз. 293, 7б]. И далее в этом же послании говорится: «Разве допустимо, чтобы существовало только великое государство, а малое целиком погибло? Мин является великой страной... ведет себя разнузданно, усиливает жестокость и несправедливость, угнетает [другие] государства и приносит им бедствия. Разве ван не знает об этом? Мы наслышаны о намерениях минского правителя (чжу). Он желает, чтобы его сыновья управляли нами, маньчжурами, и твоей Кореей, что поистине опозорит оба наши государства. Ван должен сказать о своих намерениях. [Поскольку] оба наши государства не враждуют, [то] будете ли с нами строить планы, как отомстить Минам, либо, коль скоро вы помогали Минам, не оставите их? Об этом сообщите нам» [19, цз. 6, 16б—17а; ср. 31, цз. 293, 7б].

Так в 1619 г. маньчжуры начали дипломатическую разведку позиции Кореи, причем они старались запугать корейского правителя тем, что его страна подпадет под власть наследников китайского императора. Маньчжуры надеялись вбить клин между Кореей и Китаем. Однако их дипломатический демарш не принес успеха. Об этом свидетельствует привезенный специальным послом ответ корейского правителя. В письме корейского вана (помещено в «Шилу» в информации за 9 июля 1619 г.) дан уклончивый ответ на обращение маньчжурского хана, тем не менее совершенно четко указывается, что Корею связывают с династией Мин сыновние отношения и нарушение их означало бы нарушение великого долга.

«...Правитель маньчжурского государства и мы, — говорится в письме, — живем по соседству. Мины и мы в течение более 200 лет не враждовали. Ныне Ваше государство враждует с Минами, в результате войны, которую Вы ведете между собой, народ страдает. Мины и наше государство подобны отцу и сыну. Разве осмелится сын ослушаться отца? Нельзя отвергнуть то, что является великим долгом... Наши оба государства охраняют каждый [свою] территорию, вновь налаживают прежнюю дружбу. Разве это не прекрасно?» [19, цз. 6, 17б—18а].

Нурхаци, конечно, понимал, что принудить Корею порвать дружеские отношения с Минской империей трудно. Так, в феврале 1620 г. он писал чахарскому Лигдан-хану: «Хотя язык у Минов и Кореи различный, [но] порядок ношения траурной одежды одинаковый. Оба государства исстари связаны между

собой и единодушны в [своих] стремлениях» [19, цз. 7, 3б]. Отвергнув домогательства маньчжуров, Корея сохранила союз с Минской империей и оказывала ей посильную помощь, не вступая, правда, в открытую борьбу с маньчжурскими завоевателями. В частности, Корея укрывала перебежчиков из Ляодуна, отступивших под натиском маньчжурских войск. Это обстоятельство вызвало новый дипломатический демарш Нурхаци. В одном из своих писем (помещено в «Шилу» за 12 мая 1621 г.) он писал корейскому правительству: «Маньчжурский император (хуанди) [2] шлет письмо корейскому вану. Если ты по-прежнему желаешь помогать Минам, тогда [нечего и разговаривать]! В противном случае убежавших из Ляо[дуна] солдат, которые переправляются через р. Чжэньцзян и разбегаются, следует всех вернуть. Ныне чиновники и население Ляодуна уже обрили головы [3] и покорились. Чиновники вернулись к прежним делам. Если ты примешь уже перешедшее на нашу сторону ляоское население, укроешь и не выдашь [его], то этим окажешь помощь только Минам» [19, цз. 7, 22б].

Маньчжурские власти не ограничились лишь письменными предупреждениями. Вскоре против Кореи, не пожелавшей разорвать союз с Минской империей, они применили оружие. По-видимому, это было еще связано с тем, что минский полководец Мао Вэнь-лун, преследуемый маньчжурскими войсками, отступил в Корею и укрылся на о-ве Кадо (совр. Пхидао) [146, 335]; корейцы снабжали его провиантом и не препятствовали его войскам вести военные действия на границе Кореи и Ляодуна [100, 102]. В конце 1621 г. Нурхаци отдал приказ да бэйлэ Аминю возглавить 5-тысячное войско, вторгнуться в Корею и уничтожить войска минского полководца Мао Вэнь-луна.

Вскоре после истребления части китайских сил маньчжурские войска были выведены из Кореи [19, цз. 8, 10а]. Но маньчжурские ханы лишь на время оставили в покое Корею. После объединения чжурчжэньских племен маньчжуры захватили Ляодун, а затем разработали планы захвата Кореи и Монголии. Об этих планах Нурхаци доложил на сборе бэйлэ и прочих маньчжурских сановников в апреле 1622 г.: «Наше государство получило содействие Неба. [Мы] приобрели земли Ляодуна... На юго-востоке находится Корея, на севере — Монголия. Оба государства еще не покорены» [19, цз. 8, 17а].

В последующие годы отношения между маньчжурами и Кореей продолжали обостряться, так как остатки войск Мао Вэнь-луна, действовавшие на границах Кореи и Ляодуна, получали поддержку корейских властей, а также и потому, что маньчжуры оказывали покровительство мятежным элементам в Корее. Например, в 1625 г. они приютили сына Ли Кваля, восставшего против вана Кореи, Хан Юна и его племянника Хан Ыя, участвовавших в этом же мятеже. Маньчжуры не только предоставили политическое убежище беглецам, но и назначили их на

чиновничьи должности, дали им рабов, землю, дома, скот и прочее имущество [19, цз. 9, 9б—10а].

23 февраля 1627 г. маньчжурский хан отдал приказ да бэйлэ Аминю, бэйлэ Цзиэрхалану, Ацзигэ и другим возглавить войска и отправиться в поход против Кореи. Это произошло вскоре после дворцового переворота в Корее, в результате которого прежний ван Кванхэгун был смещен своим племянником Инчжо, занявшим престол. По-видимому, маньчжурский хан Абахай рассчитывал на то, что борьба дворцовых групп ослабит сопротивление корейской армии и облегчит победу маньчжурским войскам. Как всегда в подобных случаях, маньчжурский правитель стремился оправдать свои агрессивные действия. В указе, обнародованном в тот же день, когда был отдан приказ о наступлении войск на Корею, Абахай назвал свое вторжение карательным походом. В этом указе отмечалось: «Чаосянь (Корея. — *Л. Д.*) в течение нескольких поколений была виновной [перед] нашим государством. По справедливости следует объявить карательный поход. Однако этот поход [проводится] не только для покарания Чаосяня. Минский Мао Вэнь-лун приблизился к ее (Кореи. — *Л. Д.*) морским островам и, пользуясь их помощью, свирепствует, принимает наших мятежников. Поэтому [мы] и снарядили войска в поход [против него]» [20, цз. 2, 2а—2б].

Абахай собирался одним ударом убить двух зайцев: покончить с Мао Вэнь-луном и захватить Корею. О причинах войны он сообщил корейскому вану позже, когда маньчжурские войска успешно продвигались по землям Кореи. Примерно в середине марта 1627 г. ван Кореи прислал командующему маньчжурскими войсками да бэйлэ Аминю письмо, в котором обвинил маньчжурское государство в том, что оно без всяких причин начало военные действия и вторглось на территорию Кореи [20, цз. 2, 15б—16а; 45, тяньцун 2, 25б]. В ответном письме (в «Ши чао Дунхуа лу» оно датировано 15 марта 1627 г.) Аминь подробно сообщил следующие причины, побудившие маньчжурского правителя начать войну:

1. В период завоевания маньчжурами племени варка (в одном из посланий маньчжурского хана это событие датируется 1600 г.) [см. 20, цз. 3, 2б] корейские войска на границе вступили в борьбу с маньчжурской армией.

2. Корея не поблагодарила маньчжурского хана, когда он по просьбе корейского вана убедил своего зятя, уласского бэйлэ Бучжаньтая, отвести его войска с корейской территории, куда он неоднократно вторгался.

3. В 1619—1620 гг. Корея неоднократно направляла свои войска на помощь Минам и совместно с ними действовала против маньчжуров. Но после поражения минских и захвата в плен корейских войск пленных не казнили, а вернули на родину. Однако корейский правитель не поблагодарил за это.

4. Корея укрывает минского военачальника Мао Вэнь-луна, который захватил острова и беспокоит и грабит народ Ляодуна, пожалованного якобы Небом маньчжурам. Несмотря на обращение маньчжурских властей к корейскому вану с требованием схватить и передать им Мао Вэнь-луна, ван не послушался.

5. Корейцы не поблагодарили Цинов за то, что они в 1621—1622 гг. пытались разгромить и захватить Мао Вэнь-луна, не принося вреда корейцам.

6. Корейский ван в тяжелый для минского полководца период, когда он не мог получать провианта от Минов, помог Мао Вэнь-луну, предоставив ему землю для посева.

7. Корея не прислала своего посла для того, чтобы выразить соболезнование в связи со смертью Нурхаци, последовавшей 30 сентября 1626 г., и с поздравлением восшедшего на престол нового государя Абахая. По мнению Аминя, такой поступок тем более непростителен, так как Корея находилась в дружественных отношениях с покойным ханом, тогда как минское государство, являвшееся врагом маньчжуров, прислало своего посла выразить соболезнование [20, цз. 2, 16а—17а; 45, тяньцун 2, 25б].

Приведенные выше обвинения Кореи не выдерживают никакой критики. Прежде всего, часть их относится к далекому прошлому. Более того, маньчжуры сами вторгались в корейские земли, разрушали села и города и убивали жителей (например, в 1619, 1621, 1624 гг.).

Ряд обвинений кажется просто надуманным, например упрек Кореи в том, что она не отблагодарила маньчжурского хана за вторжение его войск, топтавших корейские земли, преследуя Мао Вэнь-луна, и якобы не нанесших вреда корейцам, или обвинение в том, что Корея не направила посла с соболезнованиями (ведь корейский ван мог и не знать о смерти хана, кстати, в письме корейского вана так и объясняется этот факт) [см. 20, цз. 2, 18б—19а].

Что касается деятельности Мао Вэнь-луна, то корейская сторона не могла полностью нести ответственность за это. Мао Вэнь-лун был послан минским правительством и опирался на авторитет и поддержку Минской империи. Вступить в борьбу с Мао Вэнь-луном означало бы не только порвать традиционные дружественные связи с минским государством, но и начать войну с ним, что было не только противоестественно и неразумно, но и не под силу Корее. К тому же, почему корейское правительство должно было нести ответственность за то, что маньчжуры были бессильны в борьбе с Мао Вэнь-луном и не могли расправиться с ним, пытаясь это сделать в конце 1621 г. и в сентябре 1624 г.? Что же касается земель, которые Мао Вэнь-лун обрабатывал, то эти земли корейское правительство не передало ему добровольно — они были захвачены Мао Вэнь-луном в качестве военного плацдарма. Следовательно, Корею

можно было обвинить лишь в том, что она не оказала противодействия Мао Вэнь-луну, но о причинах этого мы говорили выше. Совершенно очевидно, что выдвинутые маньчжурскими властями семь обвинений Кореи, с нашей точки зрения, не заслуживали серьезного внимания, но они использовались маньчжурским государством для оправдания своих агрессивных действий.

Война с Кореей оказалась весьма удачной для маньчжурского государства. Маньчжурская армия быстро продвигалась по территории Кореи. Из доклада да бэйлэ Аминя [20, цз. 2, 12б—25а] мы знаем, что 1 марта 1627 г. его войска подошли к границам Кореи, в тот же день захватили Ыйчжу, вырезали защищавших город солдат и захватили в плен жителей. Оставив там для охраны 1000 солдат, маньчжуры атаковали о-в Чхольсан, где находился Мао Вэнь-лун, разгромили его войска, но сам он спасся бегством. 2 марта 1627 г. маньчжуры захватили г. Чончжу. 5 марта осадили г. Хансан и после упорного сопротивления овладели им. Через три дня, т. е. 8 марта, после упорного боя захватили г. Анчжу, причем охранявшие город 20 тыс. корейских солдат частично были истреблены, частично взяты в плен. Отдохнув здесь четыре дня, войска направились в Пхеньян.

13 марта корейские войска сдали город без боя, причем первыми бежали представители командования. В тот же день маньчжурская армия, переправившись через р. Тэдонган, разбила здесь свой лагерь, а на другой день достигла г. Чунхва [20, цз. 2, 13а—15б]. 15 марта сюда прибыли послы корейского вана с письмом от него. В письме предлагалось отвести маньчжурские войска с территории Кореи и начать переговоры о мире [20, цз. 2, 16а]. Эта инициатива корейского вана была продиктована создавшимся положением в стране. Стремительное продвижение маньчжурской армии и недостаточная боеспособность корейских войск показали, что продолжать войну невозможно: это привело бы к новым жертвам, разрушениям и потере еще большей территории.

В ответном письме да бэйлэ Аминя, в котором он выдвинул семь пунктов обвинения Кореи, командующий маньчжурскими войсками соглашался приостановить дальнейшее наступление на пять дней, в течение которых должен прибыть корейский посол. В ультимативной форме Аминь писал корейскому вану: «Если действительно желаешь вести переговоры, [то] быстрее отправляй посла. Если будет нарушено условие и [посол] не приедет [вовремя], то наша армия тотчас же с воодушевлением будет продвигаться вперед» [20, цз. 2, 17б].

В другом послании Аминя, отправленном с гонцом сразу же после упомянутого выше письма, предлагалось направить доверенное лицо для ведения мирных переговоров, причем указывалось, что маньчжурские войска будут отведены после завершения переговоров [20, цз. 2, 19а]. По-видимому, корейский

представитель не прибыл в назначенное время, так как маньчжурская армия продолжала наступление: 21 марта она достигла г. Хванчжу, находившегося южнее Чунхва, и заняла его [20, цз. 2, 10а]. На другой день прибыли корейские послы, сообщившие, что вслед за ними приедет доверенное лицо корейского вана для переговоров. Казалось бы, все благоприятствовало наступлению мира. Но неожиданно да бэйлэ Аминь заявил остальным бэйлэ, возглавлявшим войска, что он намерен с основными силами продвигаться вперед. Это встретило возражение многих бэйлэ, заявивших Аминю, что он нарушает данное им корейскому вану слово, что следует подождать прибытия корейского сановника, выслушать его, а затем принимать решение. Однако вопреки советам бэйлэ Аминь во главе войск отправился дальше на юг. Корейской столице угрожала опасность. Тогда корейский ван вместе с женой и сыновьями бежал на о-в Канхвадо, а старший сын его направился в г. Чончжу. Значительная часть населения столицы разбежалась.

Тем временем маньчжурские войска продолжали наступление. 23 марта они вышли из Пхёнсаня, занятого накануне. На пути им встретился корейский посол, которому было предложено следовать за войсками. В беседе с да бэйлэ Аминем посол сообщил, что он уполномочен корейским ваном вести переговоры. Одновременно он указал, что его страна готова признать свою вину, и дал понять, что ожидает предъявления Корее материальных претензий, ценой которых можно было бы прийти к определенным решениям. Он просил остановить войска.

Ход дальнейших событий показал вероломство Аминя, его неискренность в переговорах с корейским послом. Делая вид, что согласен с послом, Аминь попросил назвать пункты для размещения маньчжурских войск. Когда посол назвал три пункта, в каждом из которых было примерно 300—400 дворов, все бэйлэ и дачэнь пожелали разместить здесь войска. Однако Аминь не согласился с ними и приказал готовиться к походу против столицы [20, цз. 2, 20б]. Разногласия среди маньчжурских военачальников привели к тому, что часть из них (бэйлэ Юэто и младший брат Аминя бэйлэ Цзиэрхалан) с войсками направилась в Пхёнсань, находившийся в 30 ли от расположения главных сил маньчжурской армии, где, по их мнению, можно было ждать окончания мирных переговоров [20, цз. 2, 21а].

Дальнейшие события развивались следующим образом. Корейский посол был оставлен в маньчжурском лагере, а для переговоров с корейским ваном на о-в Канхвадо был отправлен фуцзян Лю Син-цзо. Как сообщает «Шилу», при встрече с ваном маньчжурский посланец держался вызывающе и вел переговоры без дипломатической вежливости. Разгневанный спокойствием и молчанием вана Лю Син-цзо назвал его «истуканом... дерзким и грубым», обвинил его в том, что он любит себя возвеличивать, не думает о бедствиях народа и т. д. [20, цз. 2,

21а—21б]. Перед корейским ваном маньчжуры выдвинули следующие условия, при которых мог быть заключен мир: направить к маньчжурскому командованию сына или младшего брата вана, который должен будет дать Небу и Земле клятвенное обещание о заключении союза; ежегодно, следуя существующим церемониям, представлять дань скотом и другими местными изделиями. Маньчжурские войска будут выведены только «после завершения дела» [20, цз. 2, 21б] [4].

Корейский ван предложил маньчжурам сначала отвести свои войска, затем начать переговоры о мире, но это предложение было отклонено Лю Син-цзо. Тогда ван отправил своего младшего брата Ли Гака, который вместе с Лю Син-цзо прибыл в Пхёнсань. Здесь в торжественной обстановке в присутствии Аминя, всех бэйлэ и других военачальников Восьми знамен брату корейского вана пришлось выполнить унизительную церемонию коу-тоу (коленопреклонение и земные поклоны). Затем Ли Гак преподнес подарки (100 лошадей, 100 тигровых и барсовых шкур, 400 кусков тонкого полотна и 15 тыс. кусков холста), вслед за чем был устроен банкет [20, цз. 2, 22б].

После окончания мирных переговоров командование маньчжурских войск всячески затягивало решение вопроса об их отводе. Бэйлэ Юэто даже внес предложение, чтобы корейский ван сначала дал клятву о союзе, после чего войска будут выведены [20, цз. 2, 22б]. Но это предложение вызвало возражение да бэйлэ Аминя, который заявил, что, если кто желает, пусть возвращается, а он обязательно отправится в столицу вана, где снова возобновит переговоры. Несмотря на разногласия среди маньчжурского командования, в конечном счете было все же решено вновь отправить к корейскому вану маньчжурского посла с предложением о принятии клятвы. На Канхвадо были отправлены Лю Син-цзо и Бакши Курчань. Переговоры с корейскими сановниками, а затем и непосредственно с ваном продолжались несколько дней, после долгих споров было принято решение о процедуре заключения мира и о тексте клятвы.

18 апреля 1627 г. клятва была принята. Ее подписали с маньчжурской стороны да бэйлэ Аминь и восемь военачальников, с корейской стороны — ван Инчжо и восемь сановников [20, цз. 2, 23б—24а].

После окончания процедуры заключения мира маньчжурские послы отправились в обратный путь. 19 апреля 1627 г. они вернулись в расположение маньчжурской армии, а на другой день от имени всех бэйлэ и дачэней был составлен доклад хану о всех перипетиях мирных переговоров с Кореей. С большим трудом доклад был доставлен в Мукден Бакши Курчанем: ему и сопровождавшей его охране пришлось выдержать несколько стычек с отступившими из Пхеньяна корейскими частями, командование которых не было осведомлено о мирных переговорах [20, цз. 2, 24а, 24б].

Следует сказать, что маньчжурская сторона не выполнила условий мирных переговоров. Например, она не вывела из Кореи свои войска. В указе маньчжурского хана да бэйлэ Аминю (указ помещен в «Шилу» в информации от 3 мая 1627 г.), посланном с Бакши Курчанем, наряду с указанием о том, чтобы не наносить вреда покорившемуся корейскому народу, оставить его на прежних местах, чтобы каждый спокойно жил, поскольку Корея теперь уже находится в дружбе и мире, говорится об оставлении войск (1 тыс. маньчжуров и 2 тыс. монголов) в Ыйчжу [20, цз. 2, 25а—25б]. Чтобы как-то оправдать этот шаг, маньчжурский хан рекомендует да бэйлэ Аминю в письме корейскому вану сообщить: «Собственно, мы потому разместили войска в Ыйчжу, чтобы защищаться от Мао Вэнь-луна. Если ты не будешь снисходительным к последнему, то наши войска также будут выведены из Ыйчжу» [20, цз. 2, 26а].

По существу, это был самый настоящий шантаж. Еще более разнузданно вел себя главнокомандующий маньчжурскими войсками Аминь. Уже после завершения мирных переговоров и принесения клятвы Аминь заявил своим подчиненным бэйлэ, что при возвращении армии на родину можно разрешить ей грабить корейское население. Бэйлэ Юэто и др. заявили, что после того, как была дана клятва о союзе и в тексте клятвы стоят их имена, учинить грабеж населения — это значит нарушить долг [20, цз. 2, 26б]. Аминь не согласился с возражениями и дал указание командирам Восьми знамен разрешить войскам грабить в течение трех дней на захваченной территории [20, цз. 2, 27а].

Наряду с клятвой, данной корейским ваном на о-ве Канхвадо, его младший брат Ли Гак дал клятву в Пхеньяне, причем в «Шилу» приводится лишь текст пхеньянской клятвы, которая впоследствии стала основой отношений Кореи с маньчжурским государством. В клятве говорится: «Великого маньчжурского государства да бэйлэ Аминь, гушань-эчжэнь Намутай, Хэшоту, Гусаньтай, Шибохунь, Даэрха, Чээргэ, Какэдули, Боэрцзинь, младший брат корейского вана Ли Гак и восемь сановников (фамилии те же, что и в тексте клятвы вана. — *Л. Д.*) [свидетельствуют]: после [принятия] клятвы о союзе ван государства Чаосянь (Корея. — *Л. Д.*) Инчжо должен представить императору маньчжурского государства подарки (лиу). Если нарушит [слово] и не представит или же примет послов маньчжурского государства не по правилам [церемонии] встречи послов минского государства, по-прежнему будет таить обиду [в отношении] маньчжурского [государства], ремонтировать и вновь строить городские стены и рвы, обучать войска или же разрешит остаться и не отправит обратно тех, кто был захвачен маньчжурами в плен, включен в состав населения [маньчжурского], а затем бежал в Чаосянь, или же, нарушив данное ваном слово, вступит в [дружеские] отношения с находящимся

далеко от него государством Мин, а не предпочтет вступить в [дружеские] отношения с [находящимся] поблизости маньчжурским [государством], [то тогда] следует пожаловаться Небу и Земле и отправиться в военный поход [против] него. Небо и Земля осудят вана государства Чаосянь и навлекут несчастье на него. Если же ван государства Чаосянь не нарушит клятву, [то] будет вместе [с нами] в мире и дружбе. Да бэйлэ маньчжурского государства Аминь [если] без причины применит военную силу, [то] также навлечет несчастье, подобно ему [вану]. Если оба государства будут вечно следовать клятве, то Небо и Земля будут покровительствовать им» [20, цз. 2, 27а—28а].

Текст клятвы свидетельствует о том, что главными обязательствами Кореи были: представление дани, разрыв дружественных связей с Минской империей, отказ от обучения войск и укрепления городов, возвращение беглых.

Чем объяснить, что маньчжурские правители отказались от полного завоевания Кореи? По-видимому, не закончив войны с Внутренней Монголией и Минской империей, маньчжурам трудно было рассчитывать на то, что им удастся держать в повиновении свободолюбивый корейский народ. Следует также учесть, что, хотя корейская армия прекратила сопротивление к моменту заключения соглашения, в стране развернулось народное сопротивление, стали действовать партизанские отряды в провинции Пхёнандо [146, 337]. В этих условиях маньчжурский хан предпочел длительной борьбе против корейского народа заключение договора на сравнительно легких для Кореи условиях.

В тот период для маньчжуров было очень важно исключить из борьбы Корею, обезопасить свой тыл и лишить Минскую империю союзника. Это вовсе не означало, что маньчжуры оставят Корею в покое в будущем, примирятся с ее нейтралитетом.

Вскоре после окончания войны и возвращения основных сил маньчжурских войск на родину корейский ван ставит перед маньчжурским ханом вопрос о выводе оставшихся в Корее (в Ыйчжу) его войск. В письме от 20 августа 1627 г. корейский правитель отмечал, что во время заключения мира обе стороны заявили, что каждая из них будет охранять свои границы. Однако часть маньчжурских войск осталась в Корее, они «...мешают населению заниматься земледелием, повсюду грабят. Разве Вашему государству не известно об этом?» [20, цз. 3, 31б].

В ответном письме маньчжурского хана (в «Шилу» датировано 29 августа 1627 г.), по-видимому стремившегося оставить свои войска в Корее на длительное время, указывалось, что пребывание маньчжурских войск в Ыйчжу — вынужденная мера предосторожности против возможного нарушения мира со стороны Минской империи. Далее отмечалось, что, для того чтобы воспрепятствовать вторжению Минов, ван должен направить свои войска для защиты Ыйчжу и в этом случае маньчжурские войска будут отозваны [20, цз. 3, 32а].

чжурские войска должны быть отведены. Однако, указывал хан, «если войска Вашего государства еще не придут, а наши войска будут отведены, опасаюсь, что подданные Мин используют лазейку и рано или поздно по-воровски захватят [Вашу территорию]» [20, цз. 3, 32а—32б].

Второе письмо корейского вана от октября 1627 г. вновь содержит ссылку на клятву о выводе войск, данную при подписании мирного договора. Далее в письме вполне логично указывается: «Территорию нашего государства мы сами охраняем. Какие же имеются основания [думать, что] кто-то по-воровски захватит ее?» [20, цз. 3, 37а]. В результате обмена письмами маньчжурские войска в октябре 1627 г. были выведены из Ыйчжу (информация об этом помещена в «Шилу» под 21 октября 1627 г.) [20, цз. 3, 37б].

После заключения договора 1627 г. между Кореей и маньчжурским государством установились регулярные посольские связи и велась оживленная торговля. Следует сказать, что маньчжурские власти уделяли большое внимание представлению Кореей дани и ведению торговли. Так, уже в начале 1628 г., т. е. вскоре после окончания военных действий, в Корею был отправлен посол Инээрдай с указом о торговле, а в марте — апреле того же года был открыт рынок в Чунгане [31, цз. 293, 8а]. До 1631 г., судя по китайским источникам, особых нарушений договора 1627 г. не наблюдалось.

После поражения Кореи в 1627 г. маньчжуры установили размер дани местными изделиями, которую Корея должна была представлять два раза в год — весной и осенью. До 1631 г. Корея добросовестно выполняла навязанные ей условия. Но размер дани, присланной весной 1631 г., оказался меньше установленного. В связи с этим маньчжуры задержали прием дани, а ответные подарки корейскому вану, переданные через его посла, были также уменьшены. На вопрос корейского посла цаньцзяну Инээрдаю, ведшему переговоры, не связано ли уменьшение ответных подарков с тем, что дань прислана в меньшем количестве, последовал резкий ответ: «Прежде Вы помогали Минам нападать на нас, это привело к тому, что мы открыли военные действия и потребовали [от Вас] ответственности. Твой ван бежал на острова. Наше государство поступило весьма щедро, вернув [Вам] территорию. Вы сами согласились с усердием отправлять дань. А ныне осмеливаетесь сравнивать количество [дани с подарками]!» [31, цз. 293, 8а].

Маньчжурские власти, отправив корейского посла на родину, оставили у себя его сына. Вместе с тем корейскому вану было послано письмо, в котором высказывалось недовольство уменьшением дани и нарушением договора [31, цз. 293, 8а]. В апреле 1631 г. корейский правитель прислал дополнительную дань и конфликт был разрешен. Однако маньчжуры по-прежнему не оставляли Корею в покое, предъявляя ей всё новые

требования. Так, в середине того же года маньчжурский хан, собираясь в поход против Минской империи, потребовал от Кореи предоставления ему военных кораблей. Но ван отказал ему в этом. Тогда в начале 1632 г. в Корею вновь был направлен маньчжурский посол Бакши Курчань с грамотой, в которой корейские власти обвинялись в том, что они не препятствуют корейским подданным переходить на территорию маньчжурского государства, где они якобы занимались контрабандной торговлей, браконьерством и даже совершали убийства маньчжурских подданных, а также в том, что Корея укрывает беглых преступников маньчжурского государства и вновь уменьшила количество присылаемой дани. В грамоте маньчжурский хан требовал от корейского вана представлять дань в установленном количестве и возвращать беглых [31, цз. 293, 8а].

По донесению вернувшихся маньчжурских послов, корейский ван подчинился требованиям хана. Однако в сообщении о присылке дани корейским ваном в начале 1632 г. указывалось, что она вновь была меньше установленной [31, цз. 293, 8а].

На протяжении 1632—1633 гг. между корейским ваном и маньчжурским ханом велась интенсивная переписка, главным образом по вопросам дани и торговли. В этой переписке привлекает внимание тот факт, что, хотя маньчжуры постоянно требовали от корейских властей представления определенного количества дани, рассматривая дань как символ вассальной зависимости, не меньшее, если не большее, значение придавали они и взаимной торговле.

В 1632 г. маньчжуры объявили об увеличении дани в 10 раз, о чем писал корейский ван в начале 1633 г. Маньчжурский хан в ответном письме в марте того же года признал, что увеличение дани было репрессивной мерой: «В прошлый раз дань, присланная твоим государством, была по количеству мала и по качеству плоха. Поэтому теперь установлена сравнительно большая дань» [31, цз. 293, 8а]. Маньчжурский хан при этом предупреждал, что, если Корея не будет присылать установленного количества дани, следует прекратить отправление послов, т. е. временно прервать посольские связи. Вместе с тем корейскому вану предлагалось продолжать торговлю [31, цз. 293, 8а].

Однако это не значит, что маньчжуры отказывались от получения дани из Кореи; они предложили, чтобы вместо дани корейский ван отправил свои войска и военные корабли для использования их в походе против Минской империи. В упомянутом выше письме маньчжурский хан писал: «Если ты жалеешь финансы, тогда должен помочь нам один раз войсками для похода против Мин, чтобы откупиться за нападение на нас (?! — *Л. Д.*). Еще [должен] отправить 300 больших кораблей для нападения на острова, этим ты искупишь вину за укрытие нашего беглого народа» [31, цз. 293, 8а]. Заключительные слова письма звучат ультимативно: «Или помоги войсками и кораб-

лями, или вноси дань и подарки! Вану следует поразмыслить и поскорее решить» [31, цз. 293, 8а]. Совершенно очевидно, что маньчжурский правитель чувствовал свое военное превосходство и действовал агрессивно.

По-видимому, корейское правительство предпочло представить дань, чем ввязаться в войну с империей Мин на стороне маньчжуров. Об этом можно судить по тому факту, что в середине 1633 г. из Кореи был прислан посол с данью. В ответ маньчжурский хан пожаловал корейскому вану черных соболей и наградил в соответствии с существовавшими правилами посла и сопровождавших его лиц. Одновременно в Корею был направлен цаньцзян Инээрдай с людьми для ведения торговли [31, цз. 293, 8б]. В письме корейскому вану маньчжурский хан дал понять, что маньчжуры отнюдь не намерены отказываться от дани, даже если она будет прислана в меньшем размере, чем того требуют маньчжурские власти: «Хотя количество [присылаемой] дани недостаточно, [но], если часто не принимать [ее], опасаюсь, что [это будет] противоестественно миру, [установившемуся] между братьями. Поэтому принимаем дань. Что касается золота, серебра и рогов, то ван был скуп, возможно, [из-за того, что] эти три вида [дани] уже кончились. В таком случае следует по-прежнему представлять остальные местные изделия согласно [установленному] количеству. Ван [должен] об этом хорошенько подумать» [31, цз. 293, 8б].

Несмотря на острые разногласия с Кореей, в частности по вопросу о взаимной торговле и нелегальном переходе границы подданными обеих сторон (вопрос о дани, по-видимому, был урегулирован, так как в переписке последующих трех лет он не поднимался вновь), маньчжуры, будучи заняты войной с Внутренней Монголией и Минской империей, не рисковали разрешать свои споры с Кореей оружием. Об этом можно судить хотя бы по докладу бэйлэ Цзиэрхалана из Палаты уголовных наказаний (доклад помещен в «Шилу» в информации от 23 июля 1633 г.), который предлагал применить к Корее политические и экономические санкции, воздержавшись от военного выступления. «Корея не ценит договора с нами, следует вернуть ее дань и временно прекратить с ней торговлю, но не обязательно проводить карательный поход [против нее]» [20, цз. 14, 18а—18б].

Надо сказать, что маньчжуры были больше заинтересованы в торговле с Кореей, чем корейцы. Об этом свидетельствует переписка по данному вопросу. В ней маньчжурские власти обвиняли корейского вана в том, что он якобы препятствует развитию торговли. Из письма маньчжурского хана от октября 1633 г. видно, что со времени заключения договора 1627 г. маньчжуры настаивали на том, чтобы взаимная торговля велась 4 раза в год. Корея не согласилась с этим требованием. В результате было принято решение о проведении торговли на тер-

ритории Кореи лишь два раза в год — весной и осенью, причем только в Ыйчжу [31, цз. 293, 8б].

Маньчжуры пытались навязать Корее свои условия торговли, в частности установили высокие цены на женьшень, который они вывозили, в то же время добивались снижения цен на корейские товары, иногда самовольно устанавливая цены на рынках. В качестве доказательства можно привести жалобу корейского вана, который в сентябре 1633 г. писал маньчжурскому хану: «Когда Ваш посол прибыл в Хверен, [он] приказал купцам продавать и покупать по уравненным (навязанным. — *Л. Д.*) ценам. Я не знаю, будут ли обе [стороны] довольны [этим]» [31, цз. 293, 8б]. Совершенно очевидно, что такое вмешательство маньчжурского посла не могло не вызывать недовольства с корейской стороны.

Вместе с тем и маньчжурские власти были недовольны торговлей с Кореей. Они предъявляли претензии в отношении цен, отсутствия доброкачественных товаров и закрытия рынков. Так, в упомянутом выше письме маньчжурского хана от октября 1633 г. были высказаны жалобы на снижение цен на женьшень и закрытие рынков корейской стороной. «По-прежнему [Вы] нарушаете соглашение. Прежде была установлена цена на женьшень [в размере] 16 лянов. Твое государство, ссылаясь на то, что у Вас женьшень не употребляют, давало только 9 лянов. И несмотря на указания, что отсутствует необходимость в женьшене, каждый год [твои люди] переходят с твоей территории на нашу и, пренебрегая виной, собирают этот „ненужный" корень. Почему же [так] поступают? Что касается закрытия твоим государством рынков, то не для того ли [это делается], чтобы поставить [нас] в затруднительное положение в связи с потребностью нашего государства в одежде?» [31, цз. 293, 8б].

Из приведенного письма, а также и из других посланий маньчжурского хана видно, что маньчжурские власти были недовольны положением в торговле и настаивали на расширении ее. Корейский ван, возможно, вполне искренне ссылался на недостаток товаров как у государства, так и у частных лиц. Так, в письме корейского вана, привезенном Инээрдаем по возвращении из Кореи в ноябре 1633 г., сообщалось: «Государственные запасы уже иссякли. Островных товаров (вероятно, японских. — *Л. Д.*) уже давно нет. Не имеем товаров, чтобы заполнить рынок. Прошу Ваше государство извинить [нас]» [31, цз. 293, 8б]. В ответном послании маньчжурского хана, отправленном с Инээрдаем в декабре 1633 г., указывалось: «Оба государства дружат, но не торгуют. Это неразумно» [31, 293, 8б].

В апреле 1634 г. при возвращении корейского посла на родину с ним было послано вану письмо, в котором указывалось на необходимость во время открытия рынков для взаимного торга отправить чиновников для установления цен и строго при-

казать торговцам не прекращать торговли шелковыми тканями и не сокращать торговлю бумагой. В ответ на это послание корейский ван прислал в мае того же года письмо, в котором сообщал, что в период весенней торговли у корейских купцов шелка и полотна было мало, кроме того, значительно уменьшилось количество бумаги [31, цз. 293, 9а].

Дальнейшая переписка между маньчжурским ханом и корейским ваном по вопросу о торговле показала, что Корея стремилась всячески ограничить торговлю с маньчжурами и свести ее главным образом к торговле, которую будут вести послы и сопровождавшие их лица. По-видимому, правительство Кореи и корейских купцов не устраивали те условия торговли, которые навязывали им маньчжурские власти (установление цен, выгодных маньчжурам, определение ассортимента товаров и т. д.).

Если верить обвинениям маньчжурской стороны, то Корея предпочитала вести контрабандную торговлю с маньчжурскими подданными. Так, маньчжурский хан писал корейскому вану в конце 1634 г.: «Разве тайная торговля с нашим беглым населением не увеличивает злоупотреблений? Ведь уже выяснено, что твои подданные из Кёнхына и других пунктов тайно торгуют с нашими беглыми людьми. Разве подобные злоупотребления исходят не от твоего государства?» [31, цз. 293, 9а]. По-видимому, корейский ван, не желая обострять отношений с маньчжурским государством и опасаясь репрессий с его стороны, вынужден был принять на себя вину за сокращение торговли. Об этом можно судить по письму корейского вана, доставленному в начале 1635 г. (январь — февраль) новым послом.

В ответ на этот шаг корейской стороны маньчжурский хан дал указание принять присланную дань. В своем письме маньчжурский хан, удовлетворенный признанием вины корейским ваном, писал: «Ван ныне сам осознает свои проступки, за которые уже порицался. К чему об этом нам снова говорить?» [31, цз. 293, 9а]. Однако в этом же письме вновь ставится вопрос о торговле и повторяются упреки в том, что когда приезжали маньчжурские послы, то не было корейских товаров, а когда велась контрабандная торговля, то неизвестно откуда товары появлялись.

В течение последующих двух лет между маньчжурским государством и Кореей поддерживались нормальные двусторонние посольские связи два раза в год, причем приезжавшие послы и сопровождавшие их лица вели торговлю. Однако в этот период обе стороны нарушали границы, причем маньчжурские власти обвиняли в этом Корею, чиновники которой якобы не в состоянии были осуществлять контроль на границе. Больше того, в конце 1635 г. маньчжурский хан в посланном с Мафутой письме вновь обвинил корейского вана в том, что он поощряет вторжение корейцев на маньчжурскую территорию с целью приоб-

ретения женьшеня и для осуществления рыбной ловли, а также в том, что он запрещает купцам продавать маньчжурскому государству хорошие товары.

В начале 1636 г. маньчжуры обвинили корейского вана еще и в том, что он в прошлом письме не употребил иероглиф «фын» («имею честь доложить»[5]), снизил цены на женьшень, оказал якобы помощь Минам в Пхидао, снабдив продовольствием китайцев. В ответ на это корейский ван направил к маньчжурам своего посла с письмом, в котором объяснил, что он всегда с уважением относился к маньчжурскому хану и если допустил ошибку в недавней переписке, упустив знак «фын», то сделал это не намеренно. Что касается цен на женьшень, то они никогда не были постоянными. Далее ван отрицал факт оказания помощи в Пхидао китайским кораблям [31, цз. 293, 9б][6].

В этом письме большое внимание уделяется вопросам торговли, при этом сокращение торговых связей между Кореей и маньчжурским государством корейский ван объясняет тем, что эта торговля не выгодна для купцов. Купцы стремятся получить прибыль, но кто же из них поедет торговать, если цены в Пхидао (откуда отправлялись корейские купцы) такие же, как и в маньчжурском государстве? [20, цз. 27, 6а]. Далее приводятся жалобы на маньчжуров, которые мешают торговле и даже самочинно расправляются с купцами; так, указывается, что часто они захватывают корейские корабли, груженные рисом [20, цз. 27, 6а]. Что касается отсутствия товаров высшего качества[7], на что жалуются маньчжуры, то это объясняется тем, что минские власти запретили вывозить их за границу [20, цз. 27, 6б]. Далее корейский ван сообщил, что им приняты строгие меры, запрещающие контрабандную торговлю, и виновные будут сурово наказываться вплоть до смертной казни. Вместе с тем корейский ван уведомил, что положение с финансами в Корее весьма напряженное, давая этим понять, что ему трудно посылать маньчжурам большую дань. В то же время корейский ван отвергал обвинение в том, что он пренебрежительно относится к братской дружбе [20, цз. 27, 7а].

Сопоставляя факты, приведенные в переписке обеих сторон, и учитывая вмешательство маньчжурских властей в торговые дела Кореи, о чем говорилось выше, следует сделать вывод, что обвинения, выдвинутые маньчжурской стороной против Кореи, не были ничем обоснованы. Они служили средством давления на корейского вана в целях получения от него различных уступок и основанием для оправдания подготавливаемых агрессивных действий в отношении корейского государства.

Надо сказать, что после того, как маньчжуры летом 1635 г. одержали победу над Чахарским ханством, их политика в отношении Кореи стала более агрессивной. Известная самостоятельность Кореи, ее твердая позиция в вопросах торговли не удовлетворяли маньчжурских правителей. К тому же война с

Минской империей толкала маньчжуров на решительные действия против Кореи, которую они стремились превратить не только в во всем послушного вассала, но и в союзника в борьбе с Минской империей. Маньчжурам нужен был прочный мир и спокойствие на границах с Кореей; их беспокоило то, что последняя может выступить на стороне Минской империи и нанести им удар с тыла. Корейские правители держались с достоинством в отношениях с маньчжурским государством; свободолюбивый корейский народ с его богатыми традициями борьбы за независимость никогда добровольно не принял бы маньчжурского господства. Корейский ван отнюдь не собирался быть послушной марионеткой маньчжурского хана. Об этом свидетельствует упомянутая выше переписка между двумя странами, ее тон и характер, а также дальнейшее поведение корейского вана в условиях нарастающей угрозы со стороны маньчжуров и претензий маньчжурского хана на роль владыки народов.

По мере роста сил маньчжуров, укрепления могущества их государства в результате подчинения соседних племен и народов (маньчжурских племен на юге Маньчжурии, различных монгольских племен в Южной Монголии) возрастали их честолюбивые замыслы и агрессивные тенденции в отношении соседних народов. К этому времени относится принятие маньчжурским ханом титула хуанди (император), который до этого времени имел только китайский император. В марте 1636 г. восемь хоши-бэйлэ и 17 гушань-дачэней предложили маньчжурскому хану в связи с десятилетием его царствования принять почетный титул. Хан ответил, что он желает, чтобы об этом предложении знати было доведено до сведения корейского вана. Представители маньчжурской и монгольской аристократии обратились по этому поводу с письмом к корейскому вану. Одновременно в Корею был отправлен маньчжурский посол Инээрдай [20, цз. 27, 11б—13а]. По-видимому, маньчжурский хан стремился выяснить реакцию корейского вана на такой беспрецедентный шаг в Восточной Азии.

Корейский ван не только не ответил согласием на предложение маньчжурских и монгольских бэйлэ, но не стал даже читать письма бэйлэ и не принял маньчжурского посла, поручив встретиться с ним своему министру. Чем объяснить такое небывалое поведение корейского вана?

Корея не могла согласиться с предложением о присвоении маньчжурскому хану титула императора, так как это значило бы признать его владыкой Поднебесной, что автоматически ставило бы Корею в подчиненное, зависимое от него положение. В то же время согласие Кореи на предложение маньчжурской и монгольской знати могло бы рассматриваться как желание унизить достоинство минского императора, т. е. враждебный акт в отношении его. На это Корея пойти не желала. Вместе с тем вызывающее поведение маньчжурского посла, о чем стало из-

вестно из последующей переписки, также оказало влияние на позицию корейского вана. Прежде всего, Инээрдай в оскорбительном тоне вел беседу с корейским министром, отказался взять ответное письмо корейского вана, угрожал корейским чиновникам. Наконец, не дождавшись приема у корейского вана, отобрал у населения корейской столицы лошадей и вопреки обычным правилам самовольно выехал из столицы [20, цз. 28, 6а—6б].

Вслед за Инээрдаем был послан корейский гонец, который, догнав маньчжурского посла, вручил ему на имя хана ответное письмо корейского вана. Как указывается в информации, помещенной в «Шилу» за 25 апреля 1636 г., Инээрдай силой отобрал у гонца письма, адресованные пограничным чиновникам и содержавшие указания крепить оборону границ [20, цз. 28, 6б]. По-видимому, эти указания были даны в связи с наглым поведением Инээрдая и опасением, что после его возвращения маньчжуры станут совершать набеги на границы Кореи.

Маньчжурская сторона резко реагировала на ответное письмо корейского вана (сообщение об этом помещено в «Шилу» в информации за 25 апреля 1636 г.). Маньчжурские сановники, созванные на совет для принятия решения по письму вана, были разгневаны: «Предложили отправить большую армию, [чтобы] уничтожить Чаосянь» [20, цз. 28, 9б]. Маньчжурский хан принял решение предложить корейскому вану прислать в качестве заложников своих сыновей и сыновей сановников, а если последует отказ — решить вопрос о походе и наказании Кореи [20, цз. 28, 9б].

Ход дальнейших событий показал, что маньчжурские феодалы, окрыленные успехом в борьбе с Минской империей, не оставляли мысли о превращении Кореи в своего подлинного и послушного вассала. Они не были удовлетворены ее позицией и ждали лишь удобного повода для начала войны. Тем не менее почти до конца 1636 г. между обеими сторонами продолжался обмен послами и письмами. Следует отметить, что корейские послы держались с достоинством. Любопытно, что во время церемонии, посвященной провозглашению маньчжурского хана императором и перемене названия маньчжурского царства Цзинь на Цин, корейские послы не поклонились маньчжурскому хану (информация об этом помещена в «Шилу» за 15 мая 1636 г.). Последний обвинил корейского вана в намерении спровоцировать конфликт, заявив: «[Корейский ван] желает, чтобы мы первыми пошли на конфликт, убив его послов, а затем намерен возложить на нас ответственность [за то], что мы нарушили клятву о союзе. Поэтому побудил их (послов. — *Л. Д.*) так [поступать]» [20, цз. 28, 22б]. Эта же мысль повторена и в письме маньчжурского хана корейскому вану, помещенном в «Шилу» за 19 мая 1636 г. В этом письме после изложения истории взаимоотношений между обеими сторонами и перечисления

«проступков» корейского вана в прошлом и настоящем[8] маньчжурский хан в ультимативной форме потребовал: «Ты, ван, если сам осознаешь [свои] преступления и раскаешься в них, должен послать сыновей и братьев в качестве заложников. В противном случае мы в определенный [день] отправим большую армию к твоим границам, и если ты даже раскаешься, то будет поздно» [20, цз. 28, 49а].

Из дальнейшей информации «Шилу» мы узнаем, что корейский посол на обратном пути в Корею, вскрыв письмо маньчжурского хана и ознакомившись с его содержанием, оскорбительным по существу и по форме (как указывает корейский посол, в письме употребляется местоимение «ты», вместо «Вы», содержатся порицание и брань, совершенно отсутствует выражение уважения), не решился вернуться с этим письмом на родину, чтобы не позорить своего «отца-государя». Достигнув маньчжурского пограничного пункта Тунъюньбао, корейский посол вернул письмо правителю этого города [20, цз. 28, 52а—53б; 31, цз. 293, 10а].

О дальнейшем обострении отношений между Кореей и государством Цин свидетельствовал тот факт, что прибывший в ноябре 1636 г. корейский посол не был принят маньчжурским ханом, который в указе послу писал: «Твой ван не принял моей грамоты и отправил моего посла обратно. С какой стати мы будем читать твое письмо?» [20, цз. 31, 17а; 31, цз. 293, 10а]. Вслед за этим корейский посол вместе с письмом был отправлен обратно.

В середине декабря 1636 г. маньчжурский император отдал приказ Военной палате о сборе войск, назначив созыв их в Шэнцзине на 25 декабря [20, цз. 32, 12б—13а]. По-видимому, этот приказ был выполнен, так как в информации за 27 декабря сообщается о том, что все монгольские ваны и бэйлэ вместе с возглавленными ими войсками собрались в Шэнцзине [20, цз. 32, 18б], а в сообщении от 28 декабря указывается, что император отдал приказ цинь-ванам и бэйлэ отправиться в поход против Кореи [20, цз. 32, 19а].

Перед походом маньчжурский император прочитал в храме предков молитву, в которой прозвучала жалоба на Корею и излагались причины войны. О них же говорится и в указе маньчжурского императора, обращенном к воинам.

Обвинения, выдвинутые в этих документах в адрес Кореи, относились как к событиям давно минувших дней (до 1627 г.), так и последних лет и даже месяцев. Например, Корею обвиняли в том, что она в 1619—1620 гг. помогла минским войскам в борьбе с маньчжурами, а во время похода маньчжуров против Ляодуна и захвата его (1621—1622 гг.) помогала ляодунскому населению скрываться на островах и снабжала его продовольствием. Далее Абахай обвинял Корею в том, что после заключения соглашения в 1627 г. корейское население наруша-

ло границы, вторгалось на территорию маньчжурского государства, где занималось рыбной ловлей и охотой, корейские власти принимали китайцев, бежавших из Маньчжурии, и передавали их минскому государству, в то же время препятствовали переходу минских подданных на сторону маньчжуров. Корейское правительство обвинялось также в том, что оно отказалось предоставить боевые корабли маньчжурам для борьбы с Минами [20, цз. 32, 13а—15а].

По существу, за бóльшую часть обвинений Корея уже расплачивалась кровью своих подданных и сравнительно тяжелой данью. Поэтому они не могли быть поводом к новой войне. Вероятно, маньчжурский император, чувствуя шаткость своих обвинений против Кореи, приводит новый аргумент — нарушение Кореей десятилетней дружбы, выразившееся в том, что ее ван дал приказ усилить пограничные заставы и подготовиться к военным действиям. Этим, по утверждению маньчжурского императора, корейский ван «нарушил союз и дружбу... замыслил предательство» [20, цз. 32, 16а]. Итак, вопрос о войне с Кореей был решен, началась интенсивная подготовка к ней.

Наряду с отправлением регулярных войск маньчжурский император направил в столицу Кореи 300 солдат-диверсантов под видом торговцев. Их возглавили Мафута, Шовэнкло и др. (информация «Шилу» от 29 декабря 1636 г.) [20, цз. 32, 20а].

Нет необходимости подробно рассказывать о ходе военных действий, которые были непродолжительными: начались в конце декабря 1636 г., а закончились к февралю 1637 г. победой маньчжурских войск и полным разгромом корейских сил. Ход войны показал, что Корея не была подготовлена к борьбе с регулярными маньчжурскими войсками. Несмотря на упорство корейских воинов и мирного населения, маньчжуры сравнительно легко подавляли очаги сопротивления. Уже к 5 января 1637 г. маньчжурские войска разбили лагерь южнее Ыйчжу [20, цз. 32, 21а]. Части под командованием доло-бэйлэ Юэто, по полученному от него 9 января сообщению, подошли к Пхеньяну, причем пхеньянский сюньфу, не приняв боя, бежал [20, цз. 32, 22б]. В этот же день маньчжурские войска под командованием Мафуты, Лаосы, Убая и других достигли столицы. Желая выиграть время, корейцы вступили в переговоры с маньчжурским командованием и даже устроили банкет в его честь. А тем временем корейский ван тайком бежал в г. Намхансан. Узнав об этом, 10 или 11 января Мафута с войсками подступил к г. Намхансану и осадил его [20, цз. 32, 25а].

Наряду с применением военной силы маньчжуры прибегали и к «психологическому» воздействию, пытаясь дезориентировать корейское население, а также расколоть корейское командование, подорвать его доверие к корейскому вану. В этом отношении весьма характерны обращения маньчжурского императора к чиновникам, к армии и народу Кореи, а также к властям г. Ан-

чжу с призывом прекратить сопротивление и покориться [20, цз. 32, 17а—18б, 22б—24б].

Первое обращение датировано в «Шилу» 25 декабря 1636 г. Вначале в нем говорится о «миролюбии» маньчжурского императора и желании его сохранить добрососедские отношения с Кореей. Далее указывается, что война вызвана корейским ваном, нарушившим союз и дружбу, причем приводятся те же обвинения, которые выдвигались в указе Абахая, обращенном к маньчжурским воинам, о чем уже говорилось выше. В заключение в обращении говорилось: «Мы, собственно, не желали наносить Вам вред, это Ваши государь и чиновники навлекли бедствия на Вас. Вы только живите спокойно и радостно трудитесь. Будьте осторожны, не поступайте легкомысленно. Если [Вы] сами безрассудно убежите, то, вероятно, встретитесь с нашими войсками и подвергнетесь опасности. Оказавшие сопротивление будут уничтожены. Убежавшие будут взяты в плен. Тем же, кто добровольно покорится, не будет причинено никакого вреда. Более того, им будет оказана милостивая поддержка. [Об этом] доводим до сведения всех» [20, цз. 32, 18б]. Так маньчжурские власти пытались оказать морально-политическое воздействие на корейский народ и идейно разоружить его.

Теми же средствами дезинформации и обмана маньчжурские захватчики пытались воздействовать и на корейское командование. Так, в обращении к властям и командованию корейских войск в г. Анчжу говорилось: «Ван твоего государства и [его] приближенные обманули Небо и Землю, нарушили клятву о союзе, разорвали старую дружбу» [20, цз. 32, 23а]. Хотя это обращение помещено в «Шилу» за 11 января 1637 г., но в нем уже отмечалось, по-видимому в целях морального воздействия, что маньчжурские войска «глубоко вторглись в Чаосянь, усмирили восемь областей. Ты не защищай изолированный город и не надейся, что мои войска отступят» [20, цз. 32, 23б].

Далее, отмечая безвыходное положение корейского вана и невозможность скрыться на корабле в море, маньчжурский император угрожал беспощадной расправой тем, кто не покорится, и в то же время сулил избавить от бедствий тех, кто перейдет на сторону маньчжуров. Представляя себя миротворцем, маньчжурский император всю вину за войну, спровоцированную им же самим, взвалил на корейского вана и его чиновников: «Государь и чиновники твоего государства... первыми дали повод к войне» [20, цз. 32, 24а].

Осуществляя военные действия против столицы Кореи, а также против городов Намхансан, Ыйчжу, Анчжу и других, маньчжурский император в то же время направил войска и на корейские острова Кадо, Чхольсан и другие, опасаясь бегства туда вана с отступившими корейскими войсками. В информации от 24 января 1637 г. сообщалось о вторжении маньчжурских войск в столицу Кореи и разграблении ее населения

[20, цз. 32, 28б]. В «Шилу» за 25 января сообщается, что из столицы корейские войска, «не оказав сопротивления, бежали, [а маньчжуры] забрали все их имущество и скот» [20, цз. 32, 30б]. Грабеж и убийства сопровождали продвижение маньчжурских войск, что признавали сами захватчики.

Наиболее кровопролитные бои произошли под Намхансаном. Об этом можно судить по сообщениям китайских источников о потерях корейских войск. Так, «Шилу» в информации за 24 января 1637 г. сообщает, что под Намхансаном были разгромлены сначала корейские войска, насчитывавшие 18 тыс. солдат, прибывших на помощь городу, затем еще 5 тыс. Сообщается также о разгроме более мелких соединений численностью 500 солдат, а затем еще 200, собиравшихся оказать помощь осажденному городу [20, цз. 32, 29б—30а] [9]. В конце января — начале февраля к осажденному городу подошло новое подкрепление из других районов, но эти войска были разбиты маньчжурами [20, цз. 33, 12а]. В феврале 1637 г. Корея капитулировала [20, цз. 34, 12а]. Корейский ван направил своих сановников в ставку маньчжуров и выразил желание подчиниться приказам маньчжурского императора. Однако, судя по императорскому указу, помещенному в «Шилу» в информации за 11 февраля, маньчжурские власти не сразу приняли капитуляцию и корейский ван вынужден был еще раз обратиться к маньчжурам с письмом, привезенным его сановниками в лагерь императора.

В новом указе маньчжурского императора (помещен в «Шилу» в информации за 14 февраля 1637 г.), направленном с Инэрдаем и Мафутой, корейскому королю было предъявлено требование арестовать трех-четырех сановников, повинных в нарушении договора, и передать их Цинам для предания казни. Кроме того, вану было предложено покинуть осажденный город и лично явиться с повинной к императору [20, цз. 33, 19а—19б]. Из дальнейшей переписки видно, что корейский ван не сразу согласился на последнее предложение. Вместе с тем в письме вана указывается, что представляемое им государство, т. е. Корея, «желает быть вассальным владением (фань бан) и из поколения в поколение служить великому государству» [20, цз. 33, 26б].

После капитуляции корейского вана Цины направили ему указ, в котором потребовали, чтобы Корея отказалась от минского летосчисления, прекратила связи с минским государством, передала Цинам грамоты и печати, полученные от династии Мин, кроме того, отправила в качестве заложников ко двору двух сыновей вана, а также сыновей или (при отсутствии их) младших братьев сановников, применяла в переписке дайцинский календарь, посылала послов и подарки к Новому году и к торжественным дням царской семьи (к дням рождения императора, его жены и сыновей), а также в дни траура. Что касается порядка отправления корейских послов и обряда встречи

маньчжурских послов с корейским ваном, а также отдаривания послов, то Цины считали возможным оставить прежние минские правила.

Далее следовали и требования военного характера. Корейцы должны оказать Цинам военную помощь пехотой, кавалерией, а также военным флотом в случае похода цинских войск против минского государства. А в настоящее время в связи с походом маньчжурских войск против о-ва Кадо (Пхидао) корейский ван должен отправить туда стрелков и 50 кораблей. Что касается пленных, захваченных маньчжурской армией, то в случае их бегства после переправы армии через Ялуцзян предлагалось задерживать их и возвращать Цинам. Если пленные пожелают откупиться, то поступать в соответствии с интересами обоих правителей (т. е. цинского и корейского). Запрещалось строительство новых и укрепление старых городских стен. По-прежнему разрешалось торговать с Японией, вместе с тем на Корею возлагалась обязанность сопровождать японских послов, отправлявшихся к маньчжурскому двору. Среди требований Цинов был специальный пункт о племени варка. Во-первых, предлагалось вернуть всех варка, находящихся в Корее. Во-вторых, предусматривалось, если варка восточных границ будут тайно перебегать и селиться на корейской территории, не допускать торговли с ними, а при обнаружении варка задерживать их и отправлять к маньчжурам [20, цз. 33, 31а—31б].

В указе определялись также размеры дани, которую Корея должна была представлять один раз в год местными изделиями, золотом и серебром: желтого золота — 100 лянов, серебра — 1 тыс. лянов, рога буйволов — 200 пар, барсов (леопардов) — 100 шкур, оленей — 100 шкур, чая — 1 тыс. пакетов (бао), выдр — 400 шкур, белого полотна — 200 кусков, шелку разноцветного — 2 тыс. кусков, разноцветной льняной ткани — 400 кусков, разноцветного тонкого полотна — 10 тыс. кусков, холста — 1400 кусков, рису — 10 тыс. мешков и др. [20, цз. 33, 31б—32а].

24 февраля 1637 г., после того как маньчжурские войска захватили о-в Канхвадо и пленили жену и сыновей корейского вана вместе с семьями придворных сановников, состоялась церемония официального принятия маньчжурским императором капитуляции корейского вана. Она проходила в торжественной обстановке недалеко от Намхансана, откуда корейский ван отправился пешком вместе с гражданскими и военными чиновниками навстречу цинскому императору, восседавшему на троне вблизи своего военного лагеря. Корейский ван и сопровождавшие его сыновья и чиновники после свершения трехкратного коленопреклонения и девяти земных поклонов пали ниц перед императором и повинились в проступках. Затем корейский ван произнес короткую речь, подчеркнув великодушие императора, помиловавшего виновных и сохранившего гибнущее государ-

ство (Корею), о чем потомки будут вечно помнить [20, цз. 33, 33а].

Как указывается в «Шилу», в ответной речи цинский император подчеркнул, что ван корейского государства уже осознал свою вину и покорился, отныне и впредь он предан всем сердцем и не забудет милостей, ему оказанных. Поэтому не следует больше говорить о прежних делах, вспоминать о старом зле [20, цз. 33, 33б].

После произнесенных речей корейскому вану было приказано приблизиться к императору, и снова ван, его сыновья и сановники совершили трехкратное коленопреклонение и девять земных поклонов. Затем состоялся банкет, завершившийся церемонией возвращения захваченных в плен на Канхвадо жены и сыновей корейского вана и жен и детей его сановников, а также поднесения подарков корейскому вану, его жене, сыновьям и сановникам [20, цз. 33, 33б—34а].

Приняв капитуляцию, император приказал Инээрдаю и Мафуте отправить в корейскую столицу жену вана, его третьего сына вместе с домочадцами — 76 человек, а также жен и сыновей сановников — 166 человек, оставив в качестве заложников при императоре двух сыновей (старшего и среднего) корейского вана [20, цз. 33, 35а].

Так закончилась маньчжуро-корейская война 1636—1637 гг., приведшая к еще большей зависимости Кореи от государства Цин. Если после войны 1627 г. вассалитет Кореи носил номинальный характер и в основном сводился к уплате дани, то теперь, с 1637 г., он приобрел иные черты. Прежде всего, это нашло отражение в официальном наименовании Кореи. В 1627—1637 гг. маньчжурские ханы называли Корею братским государством (сюнди го), а корейского вана — «младшим братом», а с 1637 г., после капитуляции Кореи, ее стали называть вассальным государством (вайфань го). Так, в указе цинского императора от 14 сентября 1637 г. говорится, что маньчжурский император «изменил [название] братское государство на вассальное [государство], приказав ему из поколения в поколение охранять вассальное владение, ежегодно представлять дань, порвать с государством Мин. Если же я (император. — *Л. Д.*) отправлюсь в поход против Мин, [то] прикажу ему (корейскому вану. — *Л. Д.*) выступить соединенными [силами] речных и сухопутных войск» [20, цз. 37, 28б].

Это новое наименование Кореи встречается во многих цинских документах [см., например, 20, цз. 36, 15б]. В одном из документов Корея называется восточным вассалом (дун фань) [20, цз. 39, 6б]. Корейский ван в переписке с цинским императором отныне именовал себя слугой, вассалом (чэнь, чэнь-цзы) [20, цз. 39, 5—9, 13—17]. Интересно, что в одном из посланий корейского вана (датировано в «Шилу» 21 декабря 1637 г.) дана точная датировка превращения в вассала Цинов: «До 30

числа первого месяца [2-го года Чундэ] (24 февраля 1637 г. — *Л. Д.*) был вассалом (чэнь-цзы) минского государства. После этого числа являюсь вассалом Великого Цинского [государства]» [20, цз. 39, 17а].

Изменились и обязанности Кореи в отношении Цинов. Из уже приведенных выше данных видно, что теперь значительно возросла дань, которую Корея должна была ежегодно вносить маньчжурам. Корейцы должны были предоставлять Цинам по их требованию свою армию в случае войны с другими государствами, в частности с Минской империей, а также посылать сыновей вана к цинскому двору в качестве заложников (ни войск, ни заложников до 1637 г. Корея Цинам не посылала).

Следует отметить еще одно новое обстоятельство в отношениях Кореи с маньчжурским государством после 1637 г., подчеркивающее вассальную зависимость Кореи, — это пожалование цинским императором корейскому правителю титула вана. Эта традиция была заимствована маньчжурами у китайцев. В информации «Шилу» за 11 декабря 1637 г. сообщается об отправлении в Корею Инээрдая, Мафуты и Даюня с императорским указом о пожаловании Инчжо титула вана государства Чаосянь. В указе сообщалось, что, поскольку корейский правитель подчинился Цинам, он заслуживает пожалования титула вана. Одновременно ему были посланы золотая печать с яшмовой ручкой, грамота и различные подарки [20, цз. 39, 11а—11б]. В грамоте отмечалось, что так как корейский правитель осудил свои прежние проступки, то и император не должен помнить старого зла. И коль скоро определено новое вассальное владение, т. е. Корея, то следует вручить новый мандат на его управление и соответствующую печать. И далее следует формула пожалования инвеституры: «Жалую тебе, Инчжо, [титул] вана государства Чаосянь. Будь предан и покорен... Будь моей опорой... Из поколения в поколение регулярно поставляй дань» [20, цз. 39, 12а].

Вскоре после капитуляции корейский ван стал выполнять условия соглашения. Выше уже говорилось об оставлении при дворе цинского императора в качестве заложников двух сыновей вана. Кроме того, не прошло и нескольких месяцев, как маньчжуры потребовали от корейцев войска для участия в борьбе с Минской империей. Из донесения доло-у-ин цзюнь-вана Ацзигэ, датированного в «Шилу» 6 мая 1637 г., видно, что корейские войска участвовали в захвате маньчжурами о-ва Кадо (Пхидао) [20, цз. 34, 20а], где находились минские войска, за что командующий корейскими войсками цзунбин Лим Геноп и корейский ван получили от маньчжуров награды [20, цз. 35, 16].

В октябре 1637 г., цинский император, замышляя захватить у Минов о-в Шичэн, предполагал действовать совместно с корейским флотом, о чем мы узнаем из письма китайскому командующему войсками на этом острове [20, цз. 38, 13—14].

Что касается даннических обязательств, то, по-видимому, в связи с войной и ее последствиями Корея не была в состоянии в первый год выполнять их. В письме корейского вана (помещено в «Шилу» в информации за 26 февраля 1637 г.) сообщается об истощении ресурсов страны и о невозможности выплаты дани. В связи с этим последовал указ маньчжурского императора, освобождавший Корею от дани на два года (1637 и 1638). Решение вопроса о присылке подарков в дни торжеств, отмечаемых династией, передавалось на усмотрение корейского вана [20, цз. 34, 2б—3а]. Последний прислал 21 декабря 1637 г. своего посла с подарками (они рассматривались как часть дани) к празднику зимы и с поздравлениями [20, цз. 39, 12б—13а].

Следует сказать, что в дальнейшем корейский ван аккуратно выполнял свои обязательства в отношении Цинов. Например, в августе 1637 г. он направил к цинскому двору чиновника Палаты уголовных наказаний с докладом о задержании четырех беглых мужчин, переправившихся на корейскую территорию через р. Ялуцзян [20, цз. 37, 26а].

Маньчжурские же власти не всегда выполняли условия соглашения. Так, маньчжурский император отклонил просьбу корейского вана о выкупе пленных, несмотря на то что по соглашению 1637 г. этот вопрос следовало решать, исходя из интересов обеих сторон [20, цз. 36, 16—18].

В дальнейшем отношения Кореи с Цинами основывались на соглашении 1637 г. Корейские ваны ежегодно присылали дань, кроме того, из Кореи к Новому году и династическим праздникам постоянно прибывали послы, привозя подарки. Поездки к маньчжурскому двору совершались и по другим поводам — со специальными докладами, содержащими сведения о происшествиях на границах, о торговле, наказаниях провинившихся чиновников, в связи со смертью вана и назначением наследника престола и т. п. Если внимательно проанализировать информацию «Шилу» о связях государства Цин с Кореей, можно убедиться, что корейские послы и гонцы до конца XVII в. прибывали к цинскому двору два раза в год, а иногда и чаще.

Переписка маньчжурских императоров с корейскими ванами свидетельствует о том, что Корея до конца столетия не смогла освободиться от вассальной зависимости от Цинской империи. Это подтверждают многие факты, среди которых представление дани не являлось главным. По-прежнему цинские власти решали вопросы пожалования титулов, наследования корейского престола и даже женитьбы корейских ванов. Так, когда в июне 1645 г. скончался сын вана, назначенный Цинами еще в 1639 г. наследником престола, корейский ван просил императора Шуньчжи назначить наследником престола своего второго (среднего) сына. Шуньчжи дал согласие, и в конце 1645 г. в Корею были направлены послы для вручения специальной грамоты о назначении наследника престола [31, цз. 293, 15а].

В июле 1649 г. умер корейский ван Инчжо. Его жена, сообщив об этом цинским властям, просила пожаловать наследника престола титулом вана [21, цз. 44, 19б; 31, цз. 293, 15б]. В сентябре того же года специальные послы цинского дома вручили новому правителю Хёчжону грамоту-указ о пожаловании ему титула вана государства Чаосянь, а его жене — звания ван фэй [10]. Одновременно вану и его жене были вручены подарки от цинского императора [21, цз. 45, 15б]. В специальном повелении-приказе, врученном вану, содержались поучения о гуманности, преданности и сыновнем почитании. Среди отвлеченных и напыщенных рассуждений давались и практические советы, обычные для наставления вассалов. Например: «Сын должен наследовать отцу. Будь заслоном и далекой опорой...» Или: «Жалую тебе [титул] вана государства Чаосянь. Владей горами и реками. Строго соблюдай обязанности правителя [земель] на восток от моря. Укрепляй престол и передавай по наследству идеи преданности и честности, существовавшие в течение [многих] веков. Ты [во всем] этом будь почтителен, не пренебрегай моими приказами» [21, цз. 45, 16б].

Согласно заключенному соглашению Корея постоянно оказывала военную помощь. Так, в разгар войны с Минской империей в конце 30-х — начале 40-х годов XVII в. Корея по предписанию цинских властей неоднократно посылала свои войска для борьбы с Минами. В 1639 г. корейские войска участвовали в подавлении восточных хурха. За успешные действия и захват руководителя повстанцев корейскому вану было пожаловано 200 лянов серебра [31, цз. 293, 12б]. В апреле 1641 г. корейские войска численностью 1500 человек отправились в Цзиньчжоу для оказания помощи маньчжурским войскам под командованием хэшо цинь-вана Цзиэрхалана, воевавшим с Минами [31, цз. 293, 14а]. По-видимому, оказание военной помощи Цинам для Кореи было обременительным. Об этом можно судить по императорскому указу от сентября 1641 г., в котором цитируется доклад корейского вана. В докладе отмечается, что Корея неоднократно посылала войска, а так как путь далекий и трудный, то ван предложил оставлять войска на определенный срок до их замены. Это предложение было одобрено Цинами с оговоркой, что необходимое для войск довольствие должно доставляться без задержек. В мае 1642 г. были сменены корейские войска в Цзиньчжоу, кроме того, было послано 1500 человек, в том числе 1000 солдат и 500 слуг (носильщиков) в Синшань для оказания помощи при осаде его. В 1643 г. на смену гарнизону в Цзиньчжоу вновь были посланы корейские войска [31, цз. 293, 14а—14б]. Приведенными фактами не исчерпывалась военная помощь Кореи Цинам. Известно, что в октябре 1643 г. корейскому вану было пожаловано 500 лянов серебра за захват корейцами минского военного корабля-шпиона [31, цз. 293, 15а]. Число подобных фактов можно приумножить.

Цины обязали Корею участвовать и в борьбе с Россией. Так, 14 марта 1658 г. корейскому вану был вручен императорский указ, в котором предлагалось отправить 200 умелых корейских стрелков в карательный поход против русских, якобы нарушивших цинские границы и причинивших урон населению. В указе отмечалось, что маньчжурские войска уже отправлены, что корейскому вану следует снабдить свои войска всем необходимым и в июне 1658 г. они должны прибыть в Нингуту [21, цз. 115, 8б; 31, цз. 293, 16а].

Зависимость Кореи от Цинской империи проявлялась и в других областях. Например, Цины контролировали внешнеполитические связи Кореи с другими странами и строго регламентировали взаимное общение с ней. Так, в октябре 1639 г. правитель Японии прислал корейскому вану письмо с предложением направить ему товары местного производства. Ван доложил об этом маньчжурскому императору, приложив полученное письмо и подробные сведения о Японии [31, цз. 293, 12б]. А в апреле 1643 г. корейский ван сообщил Военной палате цинского государства о том, что в прошлом году у японского государя родился сын, и просил разрешения направить своего посла с поздравлениями и под этим предлогом ознакомиться с положением в Японии, на что и получил разрешение [31, цз. 293, 14б].

Само собой разумеется, что Корея была лишена возможности иметь какие-либо самостоятельные связи с империей Мин, поскольку последняя вела войну с цинским государством и Корея была втянута в военные действия, выполняя свои обязательства вассала. Тем не менее среди определенной части корейских правящих кругов политика Цин в отношении Минской империи встречала резкое возражение. Они сочувствовали Минам и стремились помочь им в борьбе с маньчжурскими завоевателями. Как указывает китайский источник, в конце 1642 г. два минских военных корабля прибыли к берегам Кореи. Маньчжурский император приказал захватить их, но это приказание не было выполнено. Тогда разгневанный император прекратил связи с Кореей. Корейский ван, опасаясь последствий, в секретном докладе на имя цинского императора выдал виновных. Он сообщил, что два сановника — Чхве Менгиль и Лим Геноп — установили тайные связи с государством Мин. Они снабжали прибывшие минские военные корабли продуктами, передавали им деньги, торговали с ними женьшенем. Попытка арестовать Лим Генопа не увенчалась успехом. Чхве Менгиля удалось схватить. Он сознался, что вел переписку с Минами. Было арестовано восемь человек. Впоследствии их казнили [31, цз. 293, 14б].

В связи с этими событиями в апреле 1643 г. в Корею был отправлен императорский указ, в котором сообщалось о казни восьми корейцев за связи с минским государством и содержа-

лось предупреждение, что в дальнейшем «те, кто установит тайную связь и будет торговать с Минами, а также те [из корейских властей], кто не захватит китайские корабли в случае их прибытия [в Корею], непременно будут наказаны по закону без снисхождения» [31, цз. 293, 14б].

Отношения Кореи с Цинской империей строго регламентировались цинскими властями и осуществлялись через Палату ритуалов, которая вела всю переписку и устраивала приемы послов. Как уже указывалось выше, корейские послы прибывали в столицу Цинской империи не только в связи с представлением дани, но и по различным другим поводам. Однако из сообщений источников можно понять, что Корея раз в год должна была посылать на аудиенцию к императору высокопоставленных чиновников определенного ранга [31, цз. 293, 15б]. Что касается обычных послов, привозивших дань, то, по-видимому, действовало общее для вассальных стран правило — посылались главный посол и его заместитель. Исходя из этого условия, в начале 1648 г. были определены нормы одаривания послов подарками [31, цз. 293, 15б].

Вначале, вероятно, не ограничивалось число лиц, сопровождавших послов и занимавшихся торговлей. Однако в конце 1658 г. последовал императорский указ, отмечавший, что Корея направляет с послами много лиц, которые занимаются торговлей и порождают беспокойство, что становится нетерпимым. Впредь предписывалось посылать, если будет необходимость, только главного посла и его помощника. А число сопровождавших их лиц, занимающихся торговлей, сократить на 80% [21, цз. 121, 20а—20б; 31, цз. 293, 16а]. Вероятно, такое ограничение было вызвано не столько стремлением сократить торговые связи, сколько боязнью возникновения политических осложнений. Как указывалось выше, маньчжурские власти были заинтересованы в торговле с Кореей.

Цинское государство стремилось вести торговлю в отведенных для этой цели пунктах, в частности в Хверене. Однако в переписке 1642 г. отмечалось недостойное поведение здесь маньчжурских чиновников, их бесчинства и вымогательства в отношении корейского народа [11]. Это вынуждены были признать цинские власти, проводившие расследование по жалобе корейского вана. Но вместе с тем они отмечали, что и местные корейские чиновники «нарушали этикет (правила) приема гостей» [31, цз. 293, 14б]. Тем не менее торговля продолжалась.

По данным очевидца, относящимся ко второй половине XVII в., из Хверена получали соль, кроме того, на границе велась торговля и другими товарами: «Соль получается из корейской области Хойнинфу (Хверен. — *Л. Д.*), находящейся отсюда (от Нингуты. — *Л. Д.*) в 700 ли... Без всякого повода запрещено переходить границу с той и с другой стороны; но каждый год в 10-й луне, с разрешения императорского, приезжают для

покупки соли и для торгу быками, лошадьми, бумагой, кистями, веерами, железом, рисом и прочим» [118, 97].

Цинские власти всячески стремились расширять торговлю с Кореей. Так, когда в 1663 г. корейский чиновник привез в цинскую столицу 100 соболей, которые не были внесены в сопроводительный документ, Палата ритуалов просила императорского указа о наказании его. В ответ на это Канси не только освободил корейского чиновника от наказания, но и потребовал, чтобы корейский ван отменил все документы на ведение торговли [22, цз. 8, 4б—5а]. А когда в июле 1685 г. корейский ван сообщил, что в стране пало много скота от эпидемии и что народ лишился возможности заниматься земледелием, в связи с чем просил временно прекратить торговлю, Палата ритуалов после долгого обсуждения этого вопроса вынесла решение о том, что корейский ван должен уплатить штраф в размере 10 тыс. лянов серебра. В связи с этим поступило указание Канси: «Малое государство — внешнего вассала [следует] на первый раз простить. Велеть по-прежнему торговать» [31, цз. 294, 16б—17а].

Если цинские власти были заинтересованы в торговле с Кореей, даже когда покорили весь Китай, то естественно, что в более ранний период, когда они были отрезаны от многих рынков, торговые отношения с Кореей имели еще большее значение.

Следует сказать, что и Корея была заинтересована в торговом обмене с Цинской империей, в особенности в приобретении зерна. В источниках приводятся данные, свидетельствующие о непосредственном обращении к Цинам корейских властей с просьбой о продаже им зерна. Так, в конце 1697 г. корейский ван обратился к маньчжурам с просьбой открыть торговлю зерном в г. Чунгане. Но Палата ритуалов не удовлетворила его просьбу. Лишь после вмешательства Канси была разрешена торговля зерном, при этом отмечалось, что за последние годы в Корее были неурожаи и народ страдает от недостатка продовольствия, а в Шэнцзине (Мукдене) в настоящее время сосредоточены большие запасы зерна [31, цз. 294, 17а].

В отношениях между Цинской империей и Кореей немалое место занимал вопрос о нарушении границ, неоднократно выдвигавшийся во второй половине XVII в., причем маньчжурской стороной. Это отнюдь не означало, что виновата была только Корея. Нарушения границ, главным образом для ведения контрабандной торговли, имели место с обеих сторон, но корейские власти не предъявляли претензий Цинам. Зато последние не упускали случая использовать пограничные инциденты для напоминания Корее о необходимости соблюдения пограничного режима и для вмешательства в ее внутренние дела. Так, в конце 1652 г. в связи с тем, что были обнаружены случаи сбора корейцами женьшеня на маньчжурской территории, для проведения дознания в Корею направлен нэйюань сюэши Сунахай, одновременно послан указ корейскому вану [31, цз. 293, 15б].

В информации «Шилу» за 12 августа 1655 г. помещен указ цинского императора корейскому вану, в котором сообщается о переходе корейцами границы, порубке леса на маньчжурской территории и убийстве двух человек из племени хурха — Екешу и Елэму. В указе корейскому вану высказывается упрек в том, что к ответственности привлечены только два человека, хотя границу перешло много людей, причем им ставится в вину лишь переход границы, а не убийство. Далее указывается, что ван должен строго и сурово наказывать за проступки. В указе сообщается, что в Корею командированы нэйдачэнь Убай, шилан Цзюэло Кээрхунь и сюэши Чжэкуна, которым поручено совместно с ваном еще раз расследовать обстоятельства дела и наказать виновных, а о принятых мерах доложить императору [21, цз. 92, 18б—19б]. Закончилось это дело казнью трех корейцев и ссылкой остальных. Специально было приказано освободить тех корейских чиновников, которые первоначально производили дознание [31, цз. 293, 15б].

В 1664 г. Государственный совет, основываясь на указаниях императора, вынес специальное решение, которое было доведено до сведения корейского вана: «Не разрешать корейскому населению переходить границу, собирать женьшень и рубить лес» [22, цз. 11, 14а].

В 1685 г. корейские граждане вновь нарушили границу. Они собирали женьшень и убили нескольких цинских чиновников. В мае 1686 г. корейский ван сообщил, что в деле замешано 28 человек [22, цз. 125, 14б—15а]. И опять расследованием занимались цинские чиновники, за которыми осталось последнее и решающее слово о мерах наказания виновных. Цинская Палата уголовных наказаний предложила казнить все 28 человек. Канси счел возможным предать казни лишь шесть главарей [22, цз. 126, 6а]. Интересно отметить, что Палата ритуалов, тоже занимавшаяся расследованием этого дела, весьма пренебрежительно отозвалась о корейском ване, отмечая, что он слаб, а его чиновники самовольничают. В частности, было предложено наказать одного из высокопоставленных чиновников [22, цз. 125, 24б—25а]. Но решение о нем было предоставлено вынести корейскому вану, который сместил его и других чиновников с должностей.

Канси же, любивший показать себя радетелем человечества, заботливым и милостивым «отцом народа», по докладу корейского вана о принятом решении дал указание оставить виновных на службе, но снизить на четыре ранга в чиновном звании. И, как всегда в таких случаях, этот шаг цинского императора объяснялся в указе щедростью души, гуманностью [22, цз. 127, 22а—22б]. На корейского вана был наложен штраф в размере 20 тыс. лянов серебра [31, цз. 294, 17а].

Из приведенных выше данных видно, что цинские власти использовали конфликты на границах для вмешательства во

внутренние дела Кореи; они творили суд и расправу над корейскими гражданами, навязывая корейскому вану свою волю.

Так же было и при решении других вопросов. Например, в 1654—1655 гг. цинские власти снимали с постов корейских чиновников. Дело дошло до того, что корейскому вану пришлось просить о восстановлении ряда сановников в качестве членов Государственного совета Кореи [21, цз. 83, 21б], а маньчжурский император поучал вана, как управлять делами Кореи [21, цз. 87, 17б—18а].

В 1657 г. Цины обвинили младшего брата корейского вана в том, что во время поездки в маньчжурскую столицу он покрывал контрабандную торговлю сопровождавших его лиц, которые скупали серу. Для расследования этого дела в Корею были направлены высокопоставленные цинские чиновники. Императорским указом корейскому вану было предложено совместно с ними выяснить обстоятельства тайной покупки серы, обсудить меры наказания и доложить обо всем [21, цз. 107, 19б—20а].

Окончательное решение было вынесено Палатой ритуалов, предложившей освободить непосредственных виновников от смертной казни в связи с тем, что их преступления совершены накануне общей амнистии в Цинской империи. По этой же причине был освобожден от наказания и младший брат корейского вана. Это решение император одобрил [21, цз. 111, 10б].

Позднее, в 1661 г., люди сопровождавшие посла с данью, вновь тайком скупали у населения серу. Напуганный ван доложил об этом Цинам, ожидая решения цинского правительства. К счастью, эти события произошли в тот период, когда на престол вступил новый император и вану Кореи поручили самому во всем разобраться и доложить, освободив его на этот раз от вмешательства цинских чиновников.

В дальнейшем, до конца XVII в., Корея продолжала регулярно представлять дань в соответствии с соглашением. Иногда цинское правительство уменьшало количество тех или иных видов дани, а временами даже полностью освобождало от них. Так, в сообщении «Шилу» от 24 февраля 1693 г. приводился указ цинского императора в связи с представлением Кореей дани. В указе отмечалось, что Корея из поколения в поколение искренне и с уважением подносила дань местными изделиями, а только что еще прислала 3 тыс. ружей. Указом предлагалось впредь навеки освободить Корею от присылки части ежегодной дани — желтого золота в количестве 100 лянов, синего и красного дерева и хлопка [22, цз. 158, 4б—5а].

В связи с этим в том же году (сообщение «Шилу» от 28 сентября 1693 г.) корейский ван Сукчон направил своего посланника с письмом, в котором благодарил цинского императора за освобождение от части дани. Для посланника был устроен банкет, и ему преподнесли подарки [22, цз. 160, 7а].

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что после того, как Корея с 1637 г. стала вассальной, зависимой от цинского государства страной, она утратила самостоятельность в решении как внешнеполитических, так и внутренних вопросов и одновременно до конца XVII в. аккуратно и добросовестно выполняла свои обязательства вассала, регулярно посылая дань, заложников и оказывая военную помощь Цинской империи.

Глава 5

ЗАВОЕВАНИЕ МАНЬЧЖУРАМИ ЮЖНОЙ МОНГОЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

К началу XVII в. Южная Монголия находилась в состоянии феодальной раздробленности и делилась на ряд самостоятельных княжеств, наиболее сильным из которых было Чахарское ханство во главе с Лигдан-ханом, старшим по положению среди потомков Чингисхана и носившим поэтому номинальный титул всемонгольского хана.

Чахарское ханство, а также княжества Харачин и Тумэт находились в значительном отдалении от территории складывавшегося маньчжурского государства [1].

Среди южномонгольских княжеств ближайшими соседями маньчжуров были княжества Хорчин и «пять халхаских племен» [2], феодалы которых первыми установили дипломатические отношения с маньчжурским правителем Нурхаци.

Политическая жизнь Южной Монголии конца XVI — начала XVII в. характеризовалась постоянными раздорами и междоусобицами в среде монгольских феодалов, а также частыми военными набегами монголов на пограничные территории Китая, в результате которых обогащалась феодальная верхушка монгольских княжеств. Особенную активность в военных действиях против китайской империи Мин проявлял чахарский Лигдан-хан.

Наиболее раннее упоминание в источниках об установлении дипломатических контактов между маньчжурами и монголами относится к 1594 г., когда монгольские феодалы Минган из княжества Хорчин и Лууса из «пяти халхаских племен» впервые прислали послов ко двору Нурхаци и установили с ним дружественные отношения [19, цз. 2, 19а].

В дальнейшем, по утверждению «Тайцзу шилу», происходил постоянный обмен послами между Нурхаци и монгольскими князьями. Однако до 1605 г. в источниках не встречается каких-либо конкретных упоминаний о маньчжуро-монгольских отношениях. Лишь весной этого года ко двору Нурхаци прибыл монгольский тайджи Энгэдэр из княжества Байют с подношением, состоящим из 20 лошадей [19, цз. 3, 9а]. С этого времени на-

чался период оживления маньчжуро-монгольских отношений. В начале 1607 г. Энгэдэр, возглавив послов от «пяти халхаских племен», вновь прибыл с подношениями к маньчжурскому правителю. В письме, привезенном Нурхаци, монгольские владетели называют его «мудрым и могущественнейшим императором» [19, цз. 3, 9а—9б] [3]. Подобное возвеличение маньчжурского правителя, несомненно, отражало рост его военного и политического влияния.

Дальнейшие отношения между маньчжурами и южномонгольскими княжествами развивались главным образом в традиционных для феодальной дипломатии формах посольских связей и заключения брачных союзов. Маньчжурский правитель и члены его рода брали себе в жены дочерей высших монгольских феодалов. Особенно прочные связи были установлены в то время между верхушкой маньчжурского общества и феодалами княжества Хорчин.

Усиление маньчжурского государства и вступление его в борьбу с империей Мин в конце второго десятилетия XVII в. повлекло за собой изменение характера маньчжуро-монгольских отношений. Монгольские феодалы, длительное время обогащавшиеся за счет подарков от искавшего мира с монголами китайского правительства и за счет военных набегов на пограничные территории Китая, враждебно встретили появление нового соперника в сфере отношений с Китаем. В августе 1619 г., когда маньчжуры овладели китайским городом Телинчэном, 10-тысячное монгольское войско напало на маньчжуров. Среди монгольских военачальников, руководивших этой операцией, источник называет Дзайсая из «пяти халхаских племен», Пакба (?) из княжества Джаруд, сына хорчинского тайджи Мингана по имени Санарсай и др. Это свидетельствует о том, что в выступлении принимали участие воины почти из всех княжеств Южной Монголии. Однако монголы не добились успеха. Маньчжурское войско нанесло им сокрушительное поражение. Были захвачены в плен десять крупных монгольских феодалов и среди них один из руководителей монгольского войска, бэйлэ Дзайсай с двумя сыновьями, тайджи Сэбэн из княжества Джаруд, сын хорчинского тайджи Минганя и др. [19, цз. 6, 22б].

Поражение под Телинчэном вызвало различную реакцию у чахарского Лигдан-хана, не принимавшего участия в походе, и у правителей тех южномонгольских княжеств, которые участвовали в нападении на маньчжурские войска. В декабре 1619 г. ко двору Нурхаци прибыли одновременно послы от Лигдан-хана и от многих феодалов «пяти халхаских племен». В своем послании Лигдан-хан в резкой форме требовал от Нурхаци не совершать более военных набегов на территорию империи Мин. В противном случае чахарский хан угрожал военными действиями [19, цз. 6, 32а].

В китайских источниках и исторической литературе такое

заявление Лигдан-хана объясняется исключительно успехами минской дипломатии, которая пыталась в создавшихся условиях найти союзников в борьбе с новым противником Китая — маньчжурским государством и одновременно обезопасить свои границы от набегов монголов [186, 214—215; 26, т. 914, цз. 327, 17]. Однако анализ последующих событий позволяет нам усомниться в этом. Гораздо большее значение имело, по нашему мнению, стремление Лигдан-хана сохранить за собой свободу действий в отношениях с Минской империей и положение «всемонгольского хана» среди феодалов Южной Монголии.

Послание Лигдан-хана вызвало взрыв негодования при маньчжурском дворе. Одни придворные предлагали казнить послов, другие — отрезать им носы, уши и отправить обратно. Маньчжурский хан принял решение задержать чахарских послов [19, цз. 6, 32б—33а]. Лишь в феврале 1620 г. к Лигдан-хану был направлен маньчжурский посол Тус-убаши с письмом, в котором Нурхаци предлагал Лигдан-хану заключить военный союз против Минов как союз двух родственных по обычаям и общественному устройству народов, подобно существовавшему в то время союзу между Минской империей и Кореей [19, цз. 7, 3б].

Следует заметить, что заключение политических союзов с южномонгольскими княжествами, предоставлявшее маньчжурским правителям возможность использовать военные силы монголов в борьбе со своими противниками, главным образом в борьбе с Китаем, впоследствии широко осуществлялось маньчжурским двором. Историки, изучавшие проблему ранних маньчжуро-монгольских отношений, отмечали важную роль южных монголов в возвышении маньчжурского государства [219, 431].

Получив в ответ на свой ультиматум предложение Нурхаци вступить в союз, главенствующая роль в котором, по всей вероятности, отводилась маньчжурскому правителю, Лигдан-хан также приказал схватить маньчжурского посла. Вскоре до маньчжурского двора дошли слухи, впоследствии оказавшиеся ложными, что посол Нурхаци был казнен Лигдан-ханом и принесен в жертву. Тогда Нурхаци приказал казнить посла Лигдан-хана [19, цз. 7, 4б—5а].

Таким образом, и попытка чахарского хана укрепить свой престиж в глазах маньчжурских правителей, и стремление главы маньчжурского государства Нурхаци склонить Лигдан-хана к военному союзу против Минской империи не имели положительных результатов. Оба правителя заняли открыто враждебные позиции, остававшиеся неизменными вплоть до падения Чахарского ханства под натиском маньчжуров в 30-х годах XVII в.

Совершенно иной характер имели действия монгольских феодалов тех княжеств, войска которых напали на маньчжуров под Телинчэном. В отличие от Лигдан-хана они прибегли к

возобновлению мирных переговоров с маньчжурским правителем как к средству смягчить создавшуюся обстановку.

12 ноября 1619 г., т. е. одновременно с прибытием посольства от Лигдан-хана с письмом к маньчжурскому хану, прибыли послы от феодалов «пяти халхаских племен» [19, цз. 6, 33а]. Письмо начиналось с извинения за действия Дзайсая, руководившего нападением на маньчжурские войска у Телинчэна. Далее монгольские феодалы предлагали маньчжурскому правителю заключить военный и политический союз против минского Китая. В письме говорилось: «Мины — враждебное нам государство. Если идти войной против него, необходимо совместно и единодушно составить планы похода на Шаньхайгуань. В случае заключения мира с Минами следует также совместно принять об этом решение... Если Мины пришлют много подарков для Вашего государства и меньше для нашего, Ваше государство не должно принимать их» [19, цз. 6, 33а]. Монголы обязывались поступать так же.

Предложение монгольских феодалов полностью отвечало основному направлению внешней политики маньчжурского государства. Нурхаци тотчас же направил посольство из пяти человек для заключения союза с «пятью халхаскими племенами». Собравшиеся на съезд монгольские феодалы и маньчжурские послы, исполнив ритуал [4], произнесли клятву перед Небом и Землей в том, что обе стороны будут совместно составлять планы походов против Минов, не станут односторонне решать вопросы о мире и о приеме подарков [19, цз. 6, 33б—34б] [5].

Удовлетворенный таким исходом дела, маньчжурский хан тотчас же предпринял ряд демонстративных шагов, направленных на то, чтобы убедить монгольских феодалов в своей верности союзу. В частности, был освобожден один из сыновей Дзайсая, захваченный в плен вместе с отцом. Нурхаци пожаловал ему шелковую одежду, пояс, сбрую, оседланную лошадь и отправил на родину [19, цз. 7, 5б].

Однако дальнейшие события свидетельствуют о том, что предпринятые феодалами «пяти халхаских племен» попытки заключить антиминский союз с маньчжурами были лишь тактической уловкой после понесенного монголами поражения у Телинчэна. В июле 1620 г. маньчжурский посол, возвращавшийся с богатыми подарками от тайджи Даячу из княжества Джаруд, был ограблен вооруженными людьми из того же княжества [19, цз. 7, 6а]. Направленный к монголам «пяти халхаских племен» маньчжурский посол, вернувшись, доложил Нурхаци: «Все бэйлэ пяти халхаских племен изменили союзу. Не прибыли [на встречу] послы от бэйлэ всех племен, явились лишь посланцы от двух бэйлэ» [19, цз. 7, 8а].

Весной 1621 г. монгольские феодалы возобновили военные действия. В мае войска Нурхаци овладели Шэньяном. Воспользовавшись моментом, когда основные силы маньчжуров покину-

ли город, около 2 тыс. монгольских конников напали на Шэньян, но были разбиты оставшимися в городе маньчжурскими войсками [19, цз. 7, 22а]. После поражения монгольских войск, Нурхаци потребовал чрезвычайно большой выкуп за освобождение взятого в 1619 г. у Телинчэна монгольского феодала Дзайсая, и южномонгольские феодалы вынуждены были согласиться. 8 августа 1621 г. «пять халхаских племен» представили в качестве выкупа за Дзайсая 10 тыс. голов скота, а также прислали двух его сыновей и дочь в качестве заложников [19, цз. 8, 9б][6]. Готовность монгольских феодалов выполнить жесткие требования маньчжурского правителя знаменовала наступление нового этапа в маньчжуро-монгольских отношениях, до тех пор развивавшихся на равноправной основе.

Стремясь обезопасить свой тыл в борьбе с Минской империей и усилиться за счет южномонгольских княжеств, правители государства Цзинь с 1623 г. приступили к активным политическим и военным действиям, направленным на завоевание и присоединение Южной Монголии. Первым объектом для нападения было выбрано княжество Джаруд, которое Юй Юань-ань считает наиболее сильным из «пяти халхаских племен» [105, 84].

В мае 1623 г. Нурхаци отправил 3-тысячное войско в поход против джарудского феодала Ананя, обвинив его в убийстве маньчжурских послов. Достигнув кочевья монгольского феодала, маньчжурское войско разгромило его. Анань, его отец, сын и приближенные были убиты. Маньчжуры захватили всех жен Ананя, рабов, его войско, народ, скот и вернулись с награбленным [19, цз. 8, 21б]. По сообщению источника, захваченные в плен монголы были розданы принимавшим участие в походе маньчжурским военачальникам и солдатам, а также государственным чиновникам [19, цз. 9, 4а]. Первый поход маньчжуров в Южную Монголию не только продемонстрировал силу маньчжурского оружия, но и позволил Нурхаци сделать важный вывод о необходимости применения в борьбе с монголами тактики дробления сил противника и уничтожения его по частям [19, цз. 9, 4а]. Эта тактика легла в основу дальнейшей политики маньчжуров в отношении Южной, а впоследствии и Северной Монголии.

Первым серьезным успехом маньчжурского правительства в его деятельности, направленной на раскол сил южномонгольских феодалов, явилось заключение союза с соседним княжеством Хорчин. Феодальная верхушка этого княжества на протяжении многих лет была связана с маньчжурским двором, заключая брачные союзы и обмениваясь послами.

В апреле 1624 г. маньчжурский хан направил в княжество Хорчин посла с предложением заключить договор «о крепком союзе и дружбе» [19, цз. 9, 4б]. После недавних побед маньчжуров над княжеством Джаруд это предложение маньчжурского хана, как и ожидалось при маньчжурском дворе, было

принято хорчинскими феодалами. Союз между маньчжурским государством и княжеством Хорчин был заключен и в дальнейшем укреплен рядом межгосударственных браков. В словах произнесенной перед Небом и Землей клятвы отчетливо выразилась основная направленность союза против Чахара: «Маньчжоу и Хорчин, оба государства, испытывая негодование из-за оскорбления со стороны Чахара, устанавливают дружбу и заключают союз» [19, цз. 9, 5а].

Для маньчжурских правителей ценность заключенного союза состояла в том, что он играл роль клина, нарушавшего единство рядов южных монголов и острием своим направленного против чахарского Лигдан-хана, который был самым непримиримым противником маньчжурских завоевателей. Кроме того, маньчжуры, по-видимому, опасались, что Лигдан-хан мог стать во главе объединения южномонгольских княжеств.

Античахарская направленность союза не осталась вне поля зрения Лигдан-хана. В сентябре 1625 г. хорчинский тайджи Ууба прислал сообщение о намерениях Лигдан-хана выступить с войском против Хорчина и о том, что бóльшая часть южномонгольских феодалов поддерживает чахарского хана [19, цз. 9, 14а—14б].

В декабре Ууба направил маньчжурскому хану письмо, в котором сообщал о нападении на него войск Лигдан-хана и просил помощи. Нурхаци направил свои войска на помощь Ууба. Узнав об этом, Лигдан-хан уклонился от сражения и отступил [19, цз. 9, 19а—19б]. Перед маньчжурскими правителями открылись дальнейшие возможности расширения агрессии против южномонгольских княжеств.

На протяжении 1626 г. маньчжурские войска совершили два похода в земли Южной Монголии. В мае 1626 г. маньчжурская армия напала на княжество Барин (одно из «пяти халхаских племен»). Разграбив кочевье баринцев [19, цз. 10, 8б], 10-тысячная конница маньчжуров совершила рейд по землям вдоль р. Шара-Мурэн [7] и вернулась с богатой добычей и большим числом пленных (источник называет цифру 56 500, включающую пленных и захваченный скот), которые были розданы полководцам и воинам [19, цз. 10, 9б].

В конце ноября 1626 г. маньчжурские войска вторично напали на княжество Джаруд [20, цз. 1, 12б]. Они захватили у монголов скот и увели в плен 271 человека [20, цз. 1, 16б]. Повторяя опыт заключения союза с княжеством Хорчин, преемник Нурхаци Абахай не замедлил реализовать результаты своих побед в отношениях с княжествами Аохан и Найман.

В конце марта 1627 г. маньчжурский хан послал письмо монгольскому бэйлэ Гунчус-батуру из княжества Найман с предложением объединиться с Сайчин-джорикту из княжества Аохан и начать переговоры об установлении дружественных отношений с маньчжурским государством [20, цз. 2, 5б—7а]. Продол-

жавшиеся около четырех месяцев переговоры закончились в конце июля 1627 г. заключением союза между маньчжурским государством и княжествами Аохан и Найман. В тексте союзной клятвы подчеркивалась античахарская сущность союза, заключенного якобы в ответ на притеснения чахарским Лигдан-ханом «пяти халхаских племен» [20, цз. 3, 29б—30а].

Подобная трактовка событий позволяла маньчжурскому правителю играть роль защитника южномонгольских княжеств от посягательств Лигдан-хана и открывала широкие возможности использования в своих целях тех монгольских феодалов, чьи интересы шли вразрез с централистскими устремлениями чахарского хана, пытавшегося объединить под своей властью княжества Южной Монголии.

О том, что подобная политика маньчжурского двора имела под собой реальную почву, свидетельствует прибытие в марте 1628 г. ко двору маньчжурского хана послов из княжества Харачин. Харачинские феодалы предложили начать совместные военные действия против Лигдан-хана [20, цз. 4, 5а]. Следует добавить, что этим событиям предшествовали военные действия между силами чахарского хана и княжествами Харачин и Тумэт, в которых победу одержали чахарцы [105, 85].

С осени 1628 г. маньчжурские правители приступили к непосредственной подготовке военных действий против чахарского Лигдан-хана. Приняв решение напасть на Чахарское ханство, Абахай в октябре 1628 г. направил послов в княжества Хорчин, Харачин, Аохан, Найман и к «пяти халхаским племенам», приказав феодалам этих племен собраться с войсками в условленном месте [20, цз. 4, 18а].

Как сообщается в «Шилу», 2 октября 1628 г. маньчжурский хан Абахай с войском выступил в поход против чахарского Лигдан-хана. По пути следования маньчжурских войск на запад к ним присоединились войска феодалов монгольских княжеств Харачин, Найман, Аохан и «пяти халхаских племен» [20, цз. 4, 19б—20а]. Отдельно выступили феодалы княжества Хорчин, самого первого союзника маньчжуров среди южных монголов [20, цз. 4, 20б]. Такое поведение хорчинских феодалов могло быть продиктовано их нежеланием отказаться от самостоятельности в своих действиях и разделить полученные трофеи с маньчжурским правителем.

Поход, организованный маньчжурами осенью 1628 г., не принес им больших успехов. Хотя объединенные маньчжуро-монгольские силы продвинулись до хребта Хинган и, жестоко подавляя сопротивление, захватили большое число пленных и скота [19, цз. 4, 21а], однако основные силы Лигдан-хана не были уничтожены. Понадобилось еще несколько лет и немало усилий, чтобы окончательно разгромить Чахарское ханство. Но поход этот все же имел большое значение для маньчжуров, ибо в ходе его было положено начало использованию маньчжурами воен-

ной силы южномонгольских княжеств в своих целях. Маньчжурский хан Абахай в апреле 1629 г. издал указ, разосланный затем всем феодалам монгольских княжеств, принесшим клятву в дружбе и союзе с государством Цзинь. В указе отмечались обязанности монголов в случае начала военных действий уже не только против Чахарского ханства, но и против Минской империи. Указ гласил:

«Поскольку все Вы присоединились [к нам], то в случае объявления срока выступления войск каждый из Вас должен с воодушевлением идти в бой и, объединив все силы, без промедления дать отпор врагу. Если наши войска направятся в Чахар, все управляющие делами знамен бэйлэ от 13 до 70 лет обязаны принять участие в походе. За нарушение [этого приказа] будет полагаться штраф в размере 100 лошадей и 10 верблюдов. Прибывшие в установленное место с опозданием в три дня должны будут уплатить штраф в размере 10 лошадей...

В случае выступления против минского государства в походе от знамени обязаны участвовать один да бэйлэ, два тайджи, 100 конников. За нарушение приказа будет налагаться штраф в размере 1000 лошадей и 100 верблюдов. С тех, кто прибудет на установленное место сбора с опозданием в три дня, будет взиматься штраф в размере 10 лошадей. С того, кто не явится за то время, пока наше войско будет находиться на вражеской территории, будет взиматься штраф в размере 1000 лошадей и 100 верблюдов. Занимающиеся грабежом в месте сбора [войск] будут оштрафованы на 100 лошадей и 10 верблюдов» [20, цз. 5, 11а—11б].

Из текста указа очевидно, что маньчжурские правители стремились добиться поголовного участия монгольских феодалов в борьбе против Чахарского ханства для того, чтобы лишить их возможности поддерживать Лигдан-хана. В указе впервые говорится об обязанности монголов участвовать в борьбе маньчжурского государства против Минской империи. О значении, которое придавали маньчжурские правители этому участию, свидетельствует увеличение в десять раз штрафов за нарушение приказа во время военных действий против Китая по сравнению со штрафами за аналогичные проступки во время похода на Чахар.

В дальнейшем маньчжурские правители широко использовали военную силу южномонгольских княжеств не только в борьбе против Чахарского ханства, но и в процессе завоевания Китая. Весьма ярким фактом, проливающим свет на значение монгольских войск в борьбе маньчжуров с Чахарским ханством, является попытка Абахая организовать новый поход на Чахар в апреле 1631 г. В ответ на разосланный феодалам всех княжеств приказ явиться с войсками на сбор, хорчинский тушэту эфу Ууба представил Абахаю доклад, в котором доказывал несвоевременность похода. Он заявил, что монголы сумели вы-

ставить очень небольшое войско и не могут снабдить воинов хорошими лошадьми [20, цз. 9, 1б—2а]. Абахай, как отмечает «Шилу», вынужден был согласиться с предложением монгольского феодала отложить поход и приказал вернуть свои войска [20, цз. 9, 2а], уже начавшие продвижение на запад.

Организация нового похода на Чахар началась весной следующего года. В апреле был разослан указ маньчжурского хана с приказанием всем монгольским феодалам, принесшим клятву в союзе, явиться со своими войсками на соединение с маньчжурской армией для нового выступления против Чахарского ханства [20, цз. 11, 20б].

19 мая Абахай, возглавив войска, выступил в поход. Как сообщает «Шилу», в местности Дурби к нему присоединились феодалы из княжеств Харачин и Тумэт. У реки Шара-Мурэн ожидали встречи с маньчжурским войском 25 феодалов из княжества Джаруд, феодалы из княжеств Аохан, Найман и Ару-Харачин. Позднее в местности Джэгун-Удэ к основным силам присоединились феодалы княжеств Барин и Хорчин. Последних возглавлял Ууба, инициатор отмены предыдущего похода [20, цз. 11, 21б—24а].

Несмотря на то что монгольские феодалы на сей раз выполнили приказ маньчжурского хана, он все же выразил свое неудовольствие тем, что монгольские военачальники «привели войска в неполном составе и в разное время» [20, цз. 11, 25а]. Однако дальше словесных порицаний в адрес «нерадивых» союзников дело не пошло. Напротив, стремясь воодушевить монгольских феодалов, Абахай неоднократно награждал их ценными подарками и в особом указе, обращенном к монгольским войскам, призывал отомстить чахарскому хану за прошлые обиды [20, цз. 11, 25а—25б].

Все эти меры, однако, не дали желанного результата. Среди монгольских участников похода были противники борьбы с Чахарским ханством. Так, в ночь, когда продвигавшиеся на запад маньчжуро-монгольские войска достигли местности Хэнаяй, по сообщению источника, «два старых монгола, родственники гушань-эчжэнь из знамени эфу Дарха, украли шесть отличных лошадей, тайно бежали в монгольское Чахарское государство, [где] сообщили чахар-монголам: маньчжуры с бесчисленным войском пришли походом против Вашего государства; мы же с армией дошли до Хэнаяй и бежали вперед» [20, цз. 11, 27б].

Таким образом, фактор внезапности был потерян, и Лигдан-хан сумел уклониться от встречи с превосходящими силами противника. Когда маньчжуро-монгольские войска перевалили хребет Хинган и подошли к оз. Дар, Абахай получил известие о перекочевке Лигдан-хана со своими людьми в местность Кёк-дэрэсу, которая находилась на расстоянии одного месяца пути от оз. Дар. Из других источников маньчжуры узнали, что Лигдан-хан «приказал людям своего племени покинуть родные

земли и бежать на запад, направил людей в Гуйхуачэн сообщить, чтобы тотчас же переправляли через Хуанхэ богатых людей и скот. Чахарцы бросили все обозы и поспешно бежали» [20, цз. 11, 27б].

Последующие события показали, что военные планы маньчжуров в отношении чахарского хана строились на внезапности нападения. Лишившись этого, маньчжурский хан повел кампанию, руководствуясь соображениями момента. Не будучи уверенным в том, что его войску удастся настигнуть бежавших в отдаленные районы чахарцев, и испытывая затруднения со снабжением армии, он принял решение изменить направление движения войск и идти в район Гуйхуачэна, где имелось больше возможностей пополнить запасы продовольствия [20, цз. 11, 28б—29а]. Впоследствии это решение Абахая было осуждено Ацзигэ — одним из восьми высших маньчжурских бэйлэ. Ацзигэ утверждал, что оно было ошибочным, ибо Абахаю не удалось осуществить задуманный план — сокрушить и захватить в плен основные силы чахарского хана, в том числе и самого Лигданхана [20, цз. 14, 19б].

Продвижение объединенного маньчжуро-монгольского войска по степям Южной Монголии сопровождалось грабежом и убийствами населения. В «Шилу» приводятся многочисленные указы Абахая, запрещающие убивать пленных, заниматься грабежом, разрушать и грабить храмы, причинять вред монахам [20, цз. 11, 29а—29б]. Узнав от пленного чахарца о том, что Лигдан-хан находится поблизости от местности Халаманай, Абахай отдал распоряжение приостановить поход на Гуйхуачэн, намереваясь повернуть войска для преследования основных сил Лигдан-хана [20, цз. 11, 31а]. Однако новые данные, полученные маньчжурской разведкой, не подтвердили сообщения пленного чахарца [20, цз. 11, 33б]. На созванном Абахаем военном совете, в котором принимали участие маньчжурские и монгольские военачальники, было принято решение прекратить бесполезную погоню за Лигдан-ханом и, захватив в плен оставшихся на территории Чахарского ханства монголов, вторгнуться в пределы Китая [20, цз. 11, 34а].

Абахай, разделив войска на два крыла, приказал командующему левым крылом Ацзигэ отправиться к минской границе в район Датуна и Сюаньфу и захватить находившихся там чахарцев. Правое крыло, которым командовал маньчжурский бэйлэ Цзиэрхалан, было направлено к р. Хуанхэ в районе Гуйхуачэна с той же целью захвата пленных [20, цз. 11, 35б].

Наступление шло широким фронтом и быстро развивалось. Как сообщалось в «Шилу», «войска... западного направления дошли до гор Мунахань на Хуанхэ, восточного — достигли Сюаньфу. Захватили в плен все население, жившее и скрывавшееся на территории от Гуйхуачэна к югу до минской границы. Присоединившихся превратили в хукоу» [20, цз. 11, 36а].

Маньчжурский хан разбил свою ставку у Гуйхуачэна. В указе бэйлэ, командовавшим войсками обоих крыльев, Абахай приказывал: «Вы соответственно подберите конницу и отправьте ее в район Хуанхэ, с тем чтобы оказать помощь военной силой. Если пленных много и можно будет увести их — уводите. Если же не сможете увести всех, то уполномочиваю полководцев действовать сообразно обстоятельствам... По-прежнему глубоко вторгайтесь на их (чахарцев. — *И. Е.*) территорию для того, чтобы усмирить их. Когда наши войска будут возвращаться, можете самовольно разрушать их хижины, уничтожать провиант. Мы остановились в Гуйхуачэне, чтобы выждать» [20, цз. 11, 36б]. В приведенном указе отчетливо сформулированы основная цель похода, состоявшая в захвате населения Чахара, а также методы разрушения и грабежа, с помощью которых маньчжуры вели борьбу против Чахарского ханства.

Внезапность нападения войск маньчжурского хана и присоединившихся к нему монгольских племен привела к тому, что в плен попала и та часть бежавшего ранее за Хуанхэ населения Чахарского ханства, которая, не ожидая нового нападения, возвратилась к этому времени обратно. В донесениях военачальников маньчжурскому хану из района р. Хуанхэ утверждалось: «Число захваченных нами пленных исчисляется тысячами» [20, цз. 11, 36б]. В руки маньчжурских завоевателей попала и та часть монгольского населения, которая успела укрыться в укреплениях китайской крепости Шахэбао. Минские чиновники безо всякого сопротивления выдали их в ответ на ультимативное требование Абахая.

Дальнейшая судьба пленных монголов была определена указом, изданным Абахаем перед уходом войск из Гуйхуачэна. Указ гласил: «Всех пленных, захваченных войсками во время похода, раздать воинам. Перешедших к нам не трогать. В каждом знамени... искусных ремесленников объединить в пятьдесят дворов и каждому двору выдать вола. Каждое знамя из числа захваченных [в плен] женщин [обязано] передать в казну десять человек. Золото, серебро, скот и другие [трофеи] следует забрать с собой; они будут розданы после возвращения из похода. Пленных, которые будут вести себя дерзко и затруднять выполнение приказа о перемещении, убивать. Старых и малолетних, тех, кто не годен, всех отпустить» [20, цз. 12, 2б—3а].

Основной результат предпринятого маньчжурами в 1632 г. похода против Чахарского ханства состоял в том, что маньчжуро-монгольское войско, пройдя по территории Чахара, захватило в плен и увело с собой большое число чахарского населения, нанеся тем самым решающий удар по силе и могуществу чахарского хана. Хотя Лигдан-хан сумел уклониться от прямого военного столкновения с превосходящими силами противника, окончательное падение Чахарского ханства стало лишь вопросом времени.

Понимая, что чахарский хан не сможет в самое ближайшее время восстановить военную мощь, маньчжуры в течение полутора лет не предпринимали новых военных походов против него. Они были заняты укреплением своей власти над присоединенными княжествами Южной Монголии и совершали набеги на пограничные районы Минский империи.

Выжидательная позиция маньчжурских правителей в значительной мере объяснялась еще и тем, что им стало известно о начавшемся расколе среди подвластных Лигдан-хану и бежавших с ним монгольских феодалов. В источниках встречаются неоднократные сообщения о переходе чахарских феодалов к маньчжурскому хану. В числе первых на сторону маньчжуров перешел подданный Лигдан-хана дзайсанг Ташхайту-хулуг с отрядом в 20 человек и небольшим числом скота. Он сообщил, что «государственные люди (Чахара. — *И. Е.*) помышляют о мятеже» [20, цз. 13, 26б]. Эти и им подобные факты укрепляли в маньчжурских правителях уверенность в том, что дни Чахарского ханства сочтены.

При обсуждении в июле 1633 г. в совете маньчжурских сановников, бэйлэ и дачэней вопроса об очередном завоевательном походе 15 из 16 участников обсуждения предложили, не обращая внимания на Чахар, совершить поход против Минской империи [20, цз. 14, 18а—28а]. Это предложение было реализовано летом 1634 г., когда Абахай принял решение объявить поход против Минской империи, причем не через Шаньхайгуань, как предлагал военный совет, а через район Датуна. Это, по его мнению, давало возможность, начав военные действия против Китая, одновременно захватить остатки чахарского населения. Стремясь облегчить выполнение поставленной задачи, Абахай обратился с письмом к чахарским феодалам, обещая зачислить на службу тех из них, которые добровольно перейдут со своими людьми к маньчжурам, и советовал поторопиться с принятием решения [20, цз. 18, 26а—26б].

17 июня 1634 г. возглавляемое Абахаем маньчжурское войско выступило из Шэнцзина в поход на запад. По мере продвижения войск к ним присоединились со своими отрядами феодалы монгольских княжеств Тумэт, Барин [20, цз. 18, 35а—35б], Ару (очевидно, Ару-Хорчин) [20, цз. 19, 1б], Джаруд, Ару-Оннют и 5-тысячное войско княжества Хорчин [20, цз. 19, 2б—3а]. Расчеты маньчжурского правителя на использование противоречий среди чахарских монголов полностью оправдали себя. С начала июля стали учащаться случаи перехода к маньчжурам больших групп беженцев из Чахара, возглавлявшихся монгольскими феодалами. Действуя испытанными методами подкупа, маньчжурский хан щедро награждал переходивших на его сторону чахарских феодалов.

К 10 июля захваченных маньчжурскими войсками и добровольно сдавшихся чахарцев распределили между восемью маньч-

чжурскими знаменами. Некоторых причислили к монгольским бэйлэ семи знамен и отправили в Шэнцзин [20, цз. 19, 7а].

24 июля часть объединенных маньчжуро-монгольских войск под командованием маньчжурского бэйлэ Дайшаня направилась к Датуну, крепости на китайской границе. Войска под командованием Тулуши были направлены в район Гуйхуачэна — место наибольшего скопления чахарских беженцев [20, цз. 19, 15а]. 18 августа войска Тулуши достигли Гуйхуачэна, где им сдались восемь чахарских дзайсанов, один джиноног и одна из жен Лигдан-хана — Гортулэн с 1200 дворами [20, цз. 19, 23а—23б]. Переход чахарских феодалов на сторону маньчжуров с сентября принял массовый характер. Этому способствовала внезапная смерть Лигдан-хана, вокруг которого группировались чахарские феодалы, не желавшие поддаваться на посулы маньчжурских правителей.

28 сентября, в день, когда Абахай отозвал войска под командованием Дайшаня, действовавшие на территории Китая, прибыли посланцы от 30 чахарских феодалов с известием о смерти Лигдан-хана от оспы в местности Дацаонань. Они же сообщили о том, что 30 чахарских феодалов, возглавляемых Гармаджинонгом, с 6 тыс. взрослых мужчин и членами их семей идут сдаваться маньчжурскому хану [20, цз. 20, 3а]. 19 октября возглавляемые Гармой чахарские феодалы действительно прибыли и сдались маньчжурам [20, цз. 20, 17б—18а].

Еще раньше, 7 октября, в военном лагере Шандучэн маньчжурские власти приписали к Восьми знаменам и поставили на довольствие сдавшихся без боя монгольских феодалов. О численности их можно судить по приводимым в «Шилу» цифрам. Так, к основному, Желтому знамени были приписаны 245 мужчин во главе с тремя дзайсанами, кроме того, 242 верблюда, 180 лошадей, 376 волов и 2270 баранов. Приблизительно такие же цифры приведены и по остальным знаменам [20, цз. 20, 13б—14а].

Приведенные нами выше и другие аналогичные данные источника позволяют утверждать, что в результате похода 1634 г. маньчжурские правители не только добились достижения своих политических целей, уничтожив в лице Лигдан-хана главного противника среди южных монголов, но и значительно укрепили основное орудие своей завоевательной политики — маньчжурские знамена.

В условиях массового перехода чахарских феодалов к маньчжурам и угона чахарского населения для маньчжурских правителей не составило особой трудности сломить остатки чахарских сил, которые группировались около последнего правителя независимого Чахарского ханства — сына Лигдан-хана Эджэ. Задача облегчалась тем, что Эджэ был в то время ребенком.

Летом 1635 г. маньчжурские войска под командованием младшего брата Абахая, бэйлэ Доргоня, в местностиТориту за-

хватили врасплох Эджэ и его мать Сутай и вынудили их сдаться без сопротивления [33, цз. 1, 21а—22а].

В феврале 1636 г. произошло новое распределение чахарских феодалов и воинов между знаменами [20, цз. 22, 4б—7а].

В «Шилу» содержатся сведения о том, что феодалы 46 южномонгольских княжеств в апреле 1636 г. обратились с просьбой к Абахаю «возвысить титул», т. е. принять по праву победителя титул «всемонгольского хана», который носил ранее Лигдан-хан [20, цз. 28, 10б].

Разобщенность южномонгольских княжеств и умелое использование маньчжурскими правителями противоречий в лагере монгольских феодалов сыграли важную роль в потере Южной Монголией политической самостоятельности. Распространение юрисдикции маньчжурского государства на население Южной Монголии, введение знаменной системы управления и установление строгого контроля над деятельностью монгольской администрации завершили процесс окончательного подчинения южномонгольских княжеств власти маньчжурского правителя. Недавние союзники превратились в подданных цинского императора, занимавших в Цинской империи особое положение «внешних вассалов».

Глава 6

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ХАЛХИ К ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

С падением Чахарского ханства Северная Монголия, или Халха, лишилась заслона, до того времени прикрывавшего ее от агрессивных устремлений маньчжурских завоевателей.

К началу XVII в. Северная Монголия делилась на семь самостоятельных княжеств и называлась «Халхаин долон хошун» («Семь халхаских хошунов») [147, 172—173]. Среди феодальных владетелей Халхи особенно выделялись три могущественных феодала — Тушэту-хан, Дзасакту-хан и Цэцэн-хан. К началу XVII в. они подчинили себе остальных владетельных князей и сыграли важную роль в последующей истории Северной Монголии [147, 173]. По сведениям, приводимым А. Позднеевым, аймак Дзасакту-хана находился в районе Хангая, подчиненные Тушэту-хану монголы кочевали по берегам Толы, верховьям Орхона и дальше на запад вдоль р. Тамир. Аймак Цэцэн-хана располагался по р. Керулен [75, 97].

Халхаские феодалы не принимали участия в борьбе южномонгольских аймаков с маньчжурскими завоевателями [147, 173]. Состояние феодальной раздробленности, в котором находилась Северная Монголия к началу XVII в., ослабляло внимание халхаских феодалов к событиям, происходившим за пределами Халхи. Однако падение Чахарского ханства и переход всей Южной Монголии под власть маньчжурского правителя заставили их задуматься над своей участью в ближайшем будущем. Пытаясь отвести от себя нависшую угрозу, ханы Северной Монголии выступили с инициативой установления мирных отношений с цинским двором. Первые шаги в этом направлении были сделаны халхаским Цэцэн-ханом, владения которого находились ближе всего к маньчжурской территории.

14 января 1636 г. ко двору маньчжурского государя прибыло посольство от халхаского Цэцэн-хана, а также от феодалов княжеств Учжумуцин, Сунит, Хаоцит, Абага [1] в составе четырех послов и 132 сопровождавших. В представленном халхаскими послами письме выражалось желание начать постоянный обмен посольствами и жить в мире с маньчжурским государст-

ьом [20, цз. 26, 11б] [2]. Прибывшие послы получили особо щедрое вознаграждение от Абахая, ибо они, как объясняет «Шилу», были первым халхаским посольством [20, цз. 27, 17а]. В сентябре 1637 г. Цэцэн-хан прислал новое посольство с дарами маньчжурскому правителю, состоявшими из 40 лошадей, шкурок соболя и выдры [20, цз. 38, 5б].

В октябре 1637 г. впервые прибыли послы от Тушэту-хана, представившие в качестве даров два золотых лука и трех коней [20, цз. 38, 9а]. В сентябре 1638 г. Тушэту-хан совместно с феодалами аймака Тумэт вновь прислал посольство с дарами, состоявшими из лошадей, верблюдов, собольих шкурок, мехов выдры, дикого кота, перьев орла, дробовиков и прочих предметов [20, цз. 43, 15а]. Китайские источники эти подношения называют «данью». Однако пестрый состав их и эпизодичность приезда халхаских послов позволяют рассматривать эти подношения не как дань, а как обычное для норм феодальной дипломатии подношение даров от одного правителя другому при установлении между ними дипломатических контактов.

Занятые укреплением своей власти в присоединенных южномонгольских аймаках и походами в Китай, Цины поддержали попытки халхаских феодалов установить с ними мирные отношения. Маньчжурские правители применяли уже испытанный в отношениях с южными монголами способ щедрых одариваний и наград для привлечения на свою сторону. Так, в марте 1636 г. [20, цз. 27, 16а] и в январе 1637 г. [20, цз. 32, 7а] Абахай отправил в Халху посольство с подарками Цэцэн-хану и другим халхаским владетелям.

Мирные посольские связи Халхи с Цинской империей продолжались до 1646 г. В октябре 1643 г. подданный Тушэту-хана, Ноэршэцзи, поднес маньчжурскому императору оседланных лошадей, серебро, деньги, чай, благовония и другие вещи, которые были приняты [21, цз. 2, 11б].

В декабре 1644 г. Тушэту-хан представил «дань» из диких мулов, лошадей и пр. [21, цз. 20, 15а]. В следующем году он прислал в качестве «дани» лошадей, но в «Шилу» не указывается, сколько их было [21, цз. 20, 23а—23б]. В этих записях по-прежнему не сообщается об отдаривании прибывавших монгольских послов согласно установленным нормам, что было характерно для более поздних отношений между Цинской империей и Халхой. То обстоятельство, что непременным компонентом всех халхаских подношений был скот, позволяет предполагать, что одной из главных, если не главной целью халхаских посольств в этот период был обмен скота на товары китайского производства, особенно на ткани и чай, в которых нуждались кочевники.

Однако с укреплением положения маньчжуров в Южной Монголии и успехами их в завоевании Минской империи, особенно после того как в 1644 г. внук Нурхаци Фулинь был провозглашен китайским императором, характер маньчжуро-халха-

ских отношений резко изменился. В дипломатии цинского двора отчетливо проявились стремления добиться от халхаских феодалов признания их зависимости от маньчжурского императора.

Для достижения этой цели маньчжурские правители прибегли к использованию военной силы. Летом 1646 г. глава южномонгольского аймака сунитов Тингис со своими людьми, ранее перешедший в подчинение к маньчжурскому императору, бежал к Цэцэн-хану Шолою. Маньчжуры постарались использовать представившийся случай для того, чтобы нанести военный удар не только по Тингису, но и по Цэцэн-хану [21, цз. 26, 2б].

14 июня 1646 г. был издан указ о мобилизации всех южномонгольских войск для похода на Халху. В середине июня 1646 г. в поход выступили маньчжурские войска под командованием Додо [21, цз. 26, 2б—3а]. Вначале возглавляемые Тингисом суниты уклонялись от сражения с маньчжурским войском, но преследователи настигли их у горы Оутэкэшань и навязали бой. Под натиском превосходящих сил противника суниты потерпели поражение и бежали. Войска Додо отбили маньчжурскую принцессу и, переправившись через р. Тола, продолжали преследование. В новом сражении суниты были окончательно разбиты. В руки маньчжурских и южномонгольских воинов попали члены семей убитых сунитских феодалов и их имущество, но Тингису удалось все же бежать [21, цз. 27, 8б]. 27 августа населению Южной Монголии было объявлено об «усмирении» сунитов [21, цз. 27, 10б].

Продолжая преследование бежавшего Тингиса, маньчжурские войска продвигались к западу от р. Тола. Тушэту-хан и Цэцэн-хан попытались силой оружия остановить продвижение неприятельского войска. 23 августа войска Додо достигли урочища Чжацзибулак, где им преградила дорогу 20-тысячная армия под командованием двух сыновей Тушэту-хана. В происшедшем сражении войска Тушэту-хана потерпели поражение. На следующий день та же участь постигла 30-тысячное войско Цэцэн-хана, пытавшееся закрыть маньчжурам выход из урочища Чжацзибулак [21, цз. 27, 19б]. Неудачи монгольских войск можно объяснить раздробленностью, царившей в среде халхаских феодалов, и разобщенностью действий халхаских ханов.

Несмотря на одержанные победы, маньчжурские войска были измотаны. Поэтому Додо принял решение прекратить продвижение войск по Халхе. 26 августа его войска отправились в обратный путь [21, цз. 27, 19б]. Хотя войска Тушэту-хана и Цэцэн-хана были разгромлены, Додо все же не сумел окончательно решить поставленную перед ним задачу — захватить в плен Тингиса и халхаского Цэцэн-хана.

Поход маньчжурских войск в Северную Монголию убедил маньчжурское правительство в нецелесообразности использования в тот момент военных сил для подчинения Халхи. Отдаленность Северной Монголии вызывала значительные трудности в

снабжении маньчжурского войска провиантом и фуражом, тогда как война в Китае оттягивала главные силы маньчжуров.

В то же время вопрос об отношениях с Халхой был тесно связан с проблемой обеспечения безопасности северных границ Цинской империи, что имело особое значение в условиях непрекращающейся войны в Китае. Поэтому цинский двор попытался решить вопрос о подчинении халхаских ханов своему влиянию мирным путем. Эти действия маньчжурского правительства нашли отражение в дипломатической переписке, частично вошедшей впоследствии в «Шилу».

Наступление на независимость халхаских ханов цинский двор начал с конкретных требований, связанных с событиями лета 1646 г. В указе от 12 октября 1646 г., разосланном феодалам Халхи, содержались требования схватить и выдать маньчжурам Тингиса и его брата Тэнгитэя. В противном случае маньчжурские власти угрожали вновь вторгнуться в Северную Монголию [21, цз. 28, 6а].

Указ аналогичного содержания был отправлен в мае 1647 г. Цэцэн-хану в ответ на его просьбу восстановить мирные отношения. В указе от лица маньчжурского императора Цэцэн-хану предоставлялось самому сделать выбор: либо схватить Тингиса и его людей и выдать их маньчжурскому двору, либо военным путем уничтожить Тингиса и оставшихся сунитов. В случае невыполнения этих предложений маньчжурское правительство угрожало новым карательным походом против сунитов и требовало от северомонгольских феодалов в целях гарантирования невмешательства с их стороны прислать близких и доверенных сановников в качестве заложников ко двору императора [21, цз. 31, 14а—14б].

Однако попытка цинского двора применить свой излюбленный метод натравливания одних монголов против других не имела в данном случае успеха. Халхаские ханы на все требования маньчжуров отвечали полным молчанием.

После того как Тингис сдался цинским властям в 1648 г. халхаские ханы сделали попытку возобновить прежние, основанные на добровольном начале связи с Цинской империей. В этом же году Тушэту-хан и Цэцэн-хан прислали послов с подарками, как сообщает источник, представили «доклады с просьбой о прощении», а Цэцэн-хан поднес Шуньчжи в качестве «выкупа за совершенные проступки (очевидно, имелись в виду события лета 1646 г.) 100 верблюдов и 1000 лошадей» [33, цз. 3, 3б]. В ответ на это оба хана получили новое повеление прислать ко двору цинского императора своих сыновей и младших братьев [33, цз. 3, 3б], но они вновь отделались молчанием.

В эти годы в дипломатические отношения с маньчжурским государством вступили глава Сайн-нойонского аймака Даньцзин-лама (Номун-хан) и Дзасакту-хан [3].

Не отказывая в приеме послов, прибывавших с подарками

(в китайских источниках они названы данью) от халхаских ханов, цинское правительство в то же время продолжало стремиться установить отношения зависимости Халхи от Цинской империи. Воспользовавшись вооруженным нападением в 1650 г. подчиненного Дзасакту-хану Омбо-эрдэни на Гуйхуачэн [21, цз. 48, 3а], маньчжурский император предъявил Дзасакту-хану, Тушэту-хану, Даньцзин-ламе и другим крупным и мелким бэйлэ новое требование: «Верховные ханы, бэйлэ, бэйцзы Ваших мест должны принести клятву перед Небом и Землей» [21, цз. 48, 5а], т. е. поклясться в заключении дружественного союза с Цинской империей.

Значение предъявленного маньчжурским императором требования отнюдь не ограничивалось лишь стремлением оградить территорию своей империи от набегов халхасов. Как показывает история, заключение аналогичных союзов с княжествами Южной Монголии, оформленных принесением клятвы, было традиционным для маньчжурской дипломатии и для дипломатии кочевых народов (какими были монголы) способом оформления своих отношений с иноземными властителями. Особенностью таких союзов было отнюдь не равноправие сторон, а признание слабой стороной решающей роли в союзе стороны более сильной, которой в данном случае было маньчжурское государство, т. е. признание определенной зависимости [4].

Справедливость этого вывода подтверждается позицией халхаских ханов. Вначале требование маньчжурского императора принести клятву в знак заключения союза, как в свое время требование выдать Тингиса, игнорировалось халхаскими феодалами. Затем в течение нескольких лет шла дипломатическая борьба, в которой маньчжурское правительство использовало и подкуп, и нажим, и угрозы нового военного вторжения. Халхаские ханы, со своей стороны пытались выставить контрпретензии, стремясь уклониться от выполнения этого требования. Не добившись от халхаских ханов согласия поклясться в заключении союза с Цинской империей, маньчжурское правительство прибегло к новому способу заставить северомонгольских феодалов признать зависимость от цинской династии, позаимствовав его из арсенала традиционных норм и методов китайской дипломатии.

В указе, направленном 13 января 1651 г. Дзасакту-хану, Даньцзин-ламе, Омбо-эрдэни, большим и малым бэйлэ, император предлагал: «Отныне, если Вы хотите прекратить военные действия, навеки установить дружбу, то пусть главы Ваших племен (ханы. — *Й. Е.*), а также бэйлэ и бэйцзы поклянутся перед Небом и Землей. Хотите мира — значит, будет мир. Если некоторые гушань бэйцзы не захотят мира, то они к Вам, желающим мира бэйцзы, не будут иметь никакого отношения. Если же мы будем наказывать их, Вы также не должны оказывать им помощь. Бэйцзы, заключившие с нами дружбу, по устанавлива-

емым правилам обязаны согласно принадлежности к знаменам один раз в год приносить дань [императору]. Бэйцзы каждого знамени обязаны представить дань, состоящую из одного [белого] верблюда и восьми [белых] лошадей (так называемая дань из девяти белых. — *И. Е.*) и присылать ко двору [императора] сановников для аудиенции.

Мы также будем награждать их подарками согласно правилам. Помимо этого каждый может по своему усмотрению посылать других послов и торговать. Если Вы подчинитесь моему указу, то Ваши бэйцзы могут присылать ко двору сановников. В противном же случае не присылайте их» [21, цз. 51, 8б].

В конце марта — начале апреля того же, 1651 г. были установлены правила вознаграждения халхаских и ойратских послов [21, цз. 54, 27б]. Процитированный выше указ свидетельствует о том, что развивавшиеся прежде на добровольной основе неупорядоченные отношения с Халхой маньчжурское правительство стремилось перевести в регулярные. В обязанности халхаских ханов и крупных феодалов входило представлять дань из «девяти белых», которая в глазах цинского правительства являлась выражением зависимости Халхи от Цинской империи [5].

Однако халхаскими ханами этот указ был воспринят как знак согласия цинского правительства продолжать дипломатические и сопутствующие им торговые отношения с Халхой. Обязанность выплачивать регулярную дань не вызвала в среде северомонгольских феодалов такого сопротивления, как требование принести клятву о союзе. По-видимому, они не придавали ей такого принципиального значения, как цинская дипломатия. Через несколько месяцев после издания указа ко двору маньчжурского императора стали прибывать послы с данью от халхаских ханов. В «Шицзу шилу» упоминается о банкете, устроенном 12 мая 1651 г. для прибывавших с данью послов от Тушэту-хана и Дзасакту-хана [21, цз. 55, 17а]. В сентябре того же года был устроен банкет для посольства от Тушэту-хана, состоявшего из 884 человек, и посольства от Цэцэн-хана в составе 309 человек [21, цз. 59, 5а].

Но все эти факты отнюдь не свидетельствовали о желании халхаских ханов установить с Цинской империей отношения, оформленные клятвой о союзе. Напротив, северомонгольские феодалы продолжали игнорировать требование маньчжурского правительства принести клятву. Такая позиция халхаских правителей вызвала новый дипломатический нажим со стороны маньчжурского императора. Поводом для очередного ультиматума цинское правительство избрало нападение халхасов на людей подчинившегося маньчжурам южномонгольского княжества Барин.

В указе маньчжурского императора, изданном в октябре 1651 г. и направленном Тушэту-хану, Цэцэн-хану, Даньцзин-ла-

ме, крупным и мелким бэйлэ, т. е. правителям восточной части Халхи, выдвигалось требование полностью вернуть уведенных в Халху баринцев. Только при этом условии император давал свое разрешение на дальнейшее представление дани «главами четырех знамен», т. е. правителями восточной части Халхи, хотя отказывался принимать дань от других более мелких феодалов. Император угрожал полным разрывом дипломатических отношений в том случае, если халхаские ханы откажутся удовлетворить его требование [21, цз. 60, 12а—12б].

Реакция халхаских ханов на этот ультиматум обманула ожидания цинского правительства. Халхаские феодалы отказались представлять в будущем навязанную им дань из «девяти белых» под тем предлогом, что полученное ими от маньчжурского императора вознаграждение было слишком скудным. В качестве контрпретензии на требование вернуть людей из княжества Барин халхаские ханы высказали свое неудовольствие тем, что цинские власти охотно принимали и награждали беглецов из Халхи [21, цз. 70, 7б].

Однако все заявления халхаских правителей были отвергнуты в оскорбительном для них тоне. Император в указе, адресованном Тушэту-хану, Цэцэн-хану и Даньцзин-ламе, заявил: «Я — повелитель Поднебесной, а Вы — старшины маленьких государств величиной с пулю. [Вы] присылали в качестве дани местные продукты, и я одаривал [Вас] как полагается. А Вы, утверждая, что вознаграждение скудное, и соответственно требуя увеличить его, самовольно заявляли, что если вознаграждение останется прежним, то Вы не станете приносить дань из девяти белых. [Вы] хотите навлечь на себя войну» [21, 70, 7б]. Открыто угрожая, маньчжурский император продолжал настаивать на безоговорочном выполнении халхаскими ханами требования прислать ко двору старших бэйцзы, с тем чтобы они поклялись в дружбе [21, цз. 70, 7б—8а], т. е. принесли клятву о заключении союза с Цинской империей.

Угрозы не возымели своего действия. Халхаские ханы попрежнему отказывались принести клятву о союзе с Цинской империей и представлять дань из «девяти белых». Временное прекращение посольских связей халхаских ханов с Цинской империей повлекло за собой и прекращение торговых связей, в которых остро нуждалось население монгольских степей, занимавшееся кочевым скотоводством и не имевшее развитого ремесла. Очевидно, именно это обстоятельство было одной из главных причин, заставивших халхаских ханов в конце концов отступить.

Первыми пошли на уступки правители Западной Халхи. По сообщению китайского источника, 6 марта 1655 г. Дзасактухан Биширэлту и Омбо-эрдэни, виновные в нападении на людей из южномонгольского аймака Барин, представили маньчжурскому императору доклад, в котором повинились в своем преступ-

лении, просили мира, дружбы, принесли в дань верблюдов и лошадей [21, цз. 88, 31а].

Судя по показаниям того же источника, примеру Дзасактухана не замедлили последовать правители Восточной Халхи. 27 марта того же года Джебдзун-Дамба-хутухта представил доклад, в котором просил мира и дружбы, а также поднес лошадей и собольи шкурки [21, цз. 89, 10б]. В апреле 1655 г. дань верблюдами, лошадьми и местными продуктами поднесли Даньцзин-лама и Цэцэн-хан. Для членов их посольства был устроен пир и выданы награды [21, цз. 90]. 12 мая ко двору маньчжурского императора прибыли четверо тайджи, виновных в нападении на аймак Барин и в захвате людей этого аймака и их имущества. Они, как сообщает источник, «повинились» перед маньчжурским императором в совершенных преступлениях и внесли дань, состоящую из верблюдов и лошадей, за что были, в свою очередь, щедро вознаграждены [21, цз. 91, 3а—9б].

Таким образом, в течение трех месяцев все ханы и крупнейшие феодалы Северной Монголии, за исключением Тушэту-хана, выразили готовность подчиниться требованиям маньчжурского императора. Используя момент, маньчжурское правительство поспешило еще раз объявить халхаским ханам условия, при выполнении которых оно согласно было на возобновление и продолжение посольских, а следовательно, и иных связей с Халхой.

В императорском указе, отосланном 8 июня 1655 г. Тушэту-хану, который с 1651 г. не присылал посольств к цинскому двору, Даньцзин-ламе, Цэцэн-хану и Мэргэн-нойону, говорилось: «Вы, желая укрепить дружбу, сможете встретиться с ними (маньчжурскими чиновниками, прибывшими с указом. — *И. Е.*), произнести клятву о союзе и каждый год представлять дань в установленном размере, а также вести торговлю. Мы, со своей стороны, будем награждать Вас подарками и не станем принимать Ваших беглецов, которые прибудут сюда после заключения союза, будем отсылать их обратно. Если же не установим дружбу и не закрепим союз, а Вы будете присылать дань, мы (император. — *И. Е.*) не примем ее, отдадим приказ принимать и щедро одаривать прибывающих к нам [Ваших] беглецов. Обдумайте это» [21, цз. 91, 13б—14а].

Таким образом халхаским правителям был поставлен ультиматум. Продолжение отношений с Цинской империей ставилось в прямую зависимость от клятвы в дружбе и союзе, которую должны были принести маньчжурскому императору северомонгольские ханы и крупнейшие феодалы. В случае отказа халхаских правителей исполнить это требование цинский двор вновь угрожал разрывом дипломатических, а следовательно, и торговых отношений с Халхой.

22 июня 1655 г. был направлен императорский указ правителям Западной Халхи Биширэлту-хану, Омбо-эрдэни, а также

крупным и мелким бэйлэ [21, цз. 91, 17б—20а]. Содержание его было аналогично упомянутому выше указу, но тон более резкий.

Одинаковые по своей сути требования цинского двора были встречены по-разному. Восточнохалхаские феодалы, владения которых располагались ближе к Цинской империи и которые имели более тесные связи с ней, первыми пошли на выполнение требований маньчжурского правительства. Через месяц после издания указа от 8 июня 1655 г. дань, состоявшую из верблюдов и лошадей, прислал Тушэту-хан [21, цз. 92, 4б]. В ноябре того же года Тушэту-хан, Даньцзин-лама, Цэцэн-хан и Мэргэн-нойон представили императору доклад о том, что они готовы принести клятву в мире и дружбе [21, цз. 94, 7а].

В январе 1656 г. прибывшие послы от Тушэту-хана, Цэцэн-хана и других крупных феодалов Восточной Халхи, с халхаской стороны, и доло-ань-цзюнь-ван Иолэ с маньчжурской стороны, в здании Цзун-жэнь-фу, исполнив подобающий ритуал, произнесли клятву [21, цз. 96, 13а].

Закрепляя достигнутые успехи и одновременно демонстрируя перед халхаскими феодалами свое право «властителя Поднебесной», Шуньчжи пожаловал звание дзасака восьми крупнейшим правителям, среди них были четыре правителя Восточной Халхи — Тушэту-хан, Цэцэн-хан, Даньцзин-лама и Мэргэн-нойон — и четыре правителя Западной Халхи — Биширэлту-хан (Дзасакту-хан), Лубсан-тайджи, Цэцэн-нойон и кундулунь-тоинь, что, очевидно, является китайской транскрипцией титула хундулен-тойн. По утверждению А. Позднеева, этот титул принадлежал тайджи Дамба, родственнику Дзасакту-хана.

Только дзасакам вменялось в обязанность ежегодно приносить ко двору маньчжурского императора дань из «девяти белых». В ответ они получали от него вознаграждение, состоявшее из одного серебряного сосуда для чая весом в 30 лянов, серебряного блюда, 30 кусков шелка и 70 кусков простой синей материи. Для членов посольства, прибывавшего с данью, устраивался банкет [21, цз. 95, 10а]. Звание дзасака не было наследственным и каждый раз жаловалось императором [21, цз. 103, 14б].

С момента принесения восточнохалхаскими правителями клятвы о заключении союза с Цинской империей отношения с Восточной Халхой развивались так, как этого добивалось в течение длительного времени маньчжурское правительство.

По-иному обстояло дело с Западной Халхой, правители которой хотя и получили от цинского императора титулы дзасаков, но не принесли клятвы о союзе с Цинской империей. Неоднократные ультиматумы цинского правительства с требованием либо дать клятву о союзе, либо не присылать своих послов с данью [6] на деле не соблюдались ни халхаскими владетелями, ни цинским двором. Так, в «Шицзу шилу» хотя и отсутствуют сведения о принесении западнохалхаскими дзасаками клятвы о

союзе, но встречаются упоминания о приеме послов с данью от Дзасакту-хана в 1657 и 1658 гг. [21, цз. 112, 14б; цз. 118, 4а; цз. 121, 4б]. Более того, маньчжурское правительство проявило явную заинтересованность в продолжении связей, вмешавшись с этой целью во внутриполитическую жизнь Западной Халхи.

В 1661 г., после смерти Дзасакту-хана Норбо, который регулярно присылал посольства ко двору маньчжурского императора, в Халхе разгорелась острая междоусобная борьба по поводу наследования титула Дзасакту-хана. Источники связывают ее с именем дзасака Лубсана-тайджи. Лубсан-тайджи под предлогом того, что ханский титул в нарушение права первородства перешел не к старшему, а ко второму сыну Норбо — Ваншуку, напал с войском на аймак Дзасакту-хана, убил Ваншука и передал ханский титул Цу-мэргэну — старшему сыну Норбо. В междоусобную борьбу вмешались правители Восточной Халхи Тушэту-хан Чихунь-Дорчжи и Даньцзин-лама, поддерживавшие сторонников убитого Ваншука [33, цз. 3, 6а; 196, 391]. В результате возникшей смуты часть западнохалхаских феодалов, в том числе дядя Ваншука Гомбо-йэлдэн, перешли в подданство маньчжурского императора, а часть — к феодалам Восточной Халхи [33, цз. 3, 6а]. Последнее обстоятельство стало причиной раздора между феодалами Западной и Восточной Халхи, который позднее использовали в своих интересах маньчжурские правители.

Утвердившийся в титуле Дзасакту-хана Цу-мэргэн не проявлял стремления поддерживать посольские связи и приносить регулярную дань цинскому императору.

В «Шэнцзу шилу» с 1661 по 1671 г. зафиксирован лишь один случай представления дани из «девяти белых» от Дзасакту-хана — в сентябре 1667 г. [22, цз. 23, 26б]. Обращает на себя внимание тот факт, что именно в этом году Лубсан-тайджи, ставленником которого являлся Цу-мэргэн, был разбит ойратами и Цу-мэргэн, очевидно, искал поддержки у цинского двора.

Стремясь изменить создавшееся положение, маньчжурский император пошел на прямое вмешательство во внутриполитическую жизнь Халхи. В 1670 г. Канси издал указ: «Отстранить Цу-мэргэна, назначить Цэнгуня [в качестве] преемника титула Дзасакту-хана, собрать его людей» [33, цз. 3, 6б; 75, 173].

Других сведений об этом факте источник не приводит. Однако косвенные данные, содержащиеся в «Шэнцзу шилу» о ежегодном, начиная с 1671 г., представлении Дзасакту-ханом дани из «девяти белых», позволяют предположить, что маньчжурское правительство добилось передачи титула Дзасакту-хана своему ставленнику. Об этом свидетельствует и обращение Дзасакту-хана к императору с жалобой на действия правителей Восточной Халхи. В представленных императору двух докладах Дзасакту-хан жаловался на то, что феодалы Восточной Халхи за-

держали и не соглашаются вернуть тех из людей аймака Дзасакту-хана, которые во время смут из-за наследования ханского титула и вооруженного вмешательства Лубсана-тайджи в 1662 г. бежали в Восточную Халху. Стремясь придать своей просьбе большее значение, Дзасакту-хан сообщал также, что он неоднократно обращался к далай-ламе, который направил своего посла Джарбуная созвать халхаских феодалов на съезд с целью примирить их между собой, но Тушэту-хан отказался прибыть на этот съезд [22, цз. 114, 10б].

Маньчжурский император Канси не мог отнестись безучастно к этой жалобе по разным причинам, и прежде всего, конечно, из соображений престижа. Не меньшую роль играли, очевидно, и планы цинского двора постепенно укреплять свое влияние на политическую жизнь Халхи. Кроме того, осуществляя прямую военную агрессию в Приамурье, маньчжурское правительство было заинтересовано в тот момент в прекращении междоусобной борьбы в Халхе и в использовании халхаских феодалов против России. Маньчжурский император постарался заручиться согласием далай-ламы участвовать в примирении враждовавших халхаских феодалов.

В марте 1684 г. Канси направил к далай-ламе посла с указом, в котором предлагал главе тибетской церкви послать в Халху влиятельного ламу, который, встретившись там с маньчжурским послом, способствовал бы примирению между Дзасакту-ханом и Тушэту-ханом [22, цз. 114, 10б—12а].

Возвратившиеся от далай-ламы в октябре 1685 г. маньчжурские послы привезли сообщение о том, что взамен направленного ранее в Халху Семба-Чембу-хутухты, который по пути скончался в Гуйхуачэне [48, цз. 3, 6а], согласно вновь полученному императорскому указу далай-лама направил ламу Галдан-ширету для примирения халхаских ханов [48, цз. 3, 9а]. Император приказал отправить военный отряд с продовольствием навстречу посланцу далай-ламы и сообщить, что наиболее удобным временем для его прибытия император считает четвертый или пятый месяц будущего года, когда ввиду хорошего состояния пастбищ кочевникам-монголам легче будет собраться на съезд [48, цз. 3, 10а].

В апреле 1686 г. Канси приказал шаншу Арни в сопровождении двух тайджи и ламы Ациту-Дорджи выехать для встречи с ламой Галдан-ширету. Одновременно к десяти крупнейшим халхаским феодалам, в том числе к Дзасакту-хану, Тушэту-хану, Цэцэн-хану и Джебдзун-Дамба-хутухте, были отправлены эмиссары с императорским указом. В указе Канси называл себя «правителем Вселенной» и, объясняя тем самым свое вмешательство в дела Халхи, призывал халхаских феодалов вернуть друг другу захваченных во время смуты подданных и восстановить в Халхе мир и спокойствие [48, цз. 3, 18а; 22, цз. 125, 12б].

Первым из халхаских феодалов выразил свое желание участвовать в съезде глава ламаистской церкви в Халхе Джебдзун-Дамба-хутухта [48, цз. 3, 25б; 22, цз. 127, 27а]. Его примеру последовали остальные крупные северомонгольские феодалы, и в ноябре 1686 г. Канси получил от шаншу Арни донесение о состоявшемся съезде. В нем сообщалось, что 23 сентября Арни огласил перед собравшимися на съезд халхаскими ханами, джинонгами и тайджи указ императора с призывом примириться. Этот призыв к миру, как сообщалось в донесении, нашел отклик у халхасов. 10 октября Дзасакту-хан, Тушэту-хан и 60 уважаемых цзайсанов, избранных джинонгами, крупными нойонами и тайджи из своей среды, а также посланцем далай-ламы Галдан-ширету и верховным халхаским ламой Джебдзун-Дамба-хутухтой, перед образом Будды дали клятву вернуть прежним хозяевам захваченных из обоих крыльев тайджи и народ и жить с этого момента в вечном мире и согласии [48, цз. 3, 25б; 22, цз. 127, 27а]. Аналогичное донесение Канси получил и от посланца Далай-ламы Галдан-ширету.

Несмотря на кажущийся успех съезда, практических результатов он не имел. Обстановка в Халхе продолжала оставаться напряженной и летом 1688 г. усложнилась еще и начавшимися военными действиями между ойратским ханом Галданом и халхаским Тушэту-ханом [7].

В этих условиях цинское правительство на первых порах внешне продолжало играть роль бескорыстного и беспристрастного миротворца, в действительности же оно руководствовалось соображениями политической выгоды и преследовало далеко идущие планы в отношении Халхи. Эта позиция маньчжурского двора ярко проявилась летом 1687 г., когда Тушэту-хан представил доклад, в котором сообщал о полученном от ойратского хана Галдана письме с обвинениями Джебдзун-Дамба-хутухты в оскорблении далай-ламы [8]. Тушэту-хан сообщал также о готовности Галдана оказать военную поддержку Дзасакту-хану и о военных приготовлениях ойратского хана против Восточной Халхи. В конце доклада Тушэту-хан выразил сомнения в отношении своих последующих действий — пребывать ли ему в бездействии, или вести военную подготовку [48, цз. 4, 7а—8а; 145, 266—267].

В ответе цинского императора на это донесение халхаского хана сквозило недоверие к достоверности сообщенных Тушэту-ханом сведений и давалось распоряжение отправить Тушэту-хану письменный приказ твердо соблюдать данную ранее клятву о мире [48, цз. 4, 8б]. Маньчжурский император, по-видимому, не только сомневался в правдивости сообщения Тушэту-хана, находившегося длительное время в напряженных отношениях с Дзасакту-ханом, но и опасался возникновения военного конфликта между ойратским ханом и халхаскими феодалами, к которому в тот момент цинское правительство, занятое подготов-

кой военной агрессии в Приамурье, не было готово. Однако отосланное Тушэту-хану приказание императора соблюдать клятву о мире, естественно, не могло повлиять на ход событий в Халхе.

30 октября 1687 г. Тушэту-хан и другие халхаские правители передали маньчжурскому императору новый доклад, который должен был убедить Канси в том, что халхасам действительно угрожает ойратский хан Галдан. В докладе сообщалось о притязаниях Галдана на роль защитника ламаизма. Тушэту-хан сообщал также, что он получил сведения о том, что Галдан двинул свои войска на Халху, поэтому он вынужден также выступить в поход [48, цз. 4, 8б—9б; 22, цз. 131, 8б—9б].

На это сообщение халхаского хана последовало решение Государственного совета, утвержденное затем Канси, направить к ойратам и к халхасам послов с указом императора о прекращении военных действий. Маньчжурское правительство не изменило своей позиции и в критический для восточнохалхаских правителей момент, наступивший в 1688 г. после военного нападения Галдана на Халху.

Эти события отражены в докладе Джебдзун-Дамба-хутухты, представленном императору летом 1688 г. Поскольку мы не располагаем другими данными о событиях в Халхе в этот период, позволим себе привести полностью текст этого доклада: «В прошлом году узнал, что Галдан возглавил 30-тысячное войско, пришел разными дорогами, уговорил нашего Дзасакту-хана, а также Дэкдэхэй-Моргэнь-ахая и Дармашири-нойона взбунтоваться. Наш Тушэту-хан, [помня о том], что в прошлом году семь знамен поклялись в мире, и [опасаясь], что если они сейчас взбунтуются, то на что [это] будет похоже[9], возглавив войско, схватил и вернул этих троих людей. Узнав также, что младшие братья Галдана Дорджиджаб и Гунчжан-Гунбу, возглавив войска, пришли, захватили из правого крыла банди Дайчин-тайджи, Бардан-тайджи, Бутуксэн-хутухту, их людей, скот и ушли, Тушэту-хан преследовал и убил Дорджиджаба, а захваченные им Бутуксэн-хутухта, Бардан-тайджи и другие, всего 5 человек, неизвестно где находятся. Остальных тайджи и их подчиненных [Тушэту-хан] всех захватил и вернул. Слышали также, что Галдан возглавил войско, пришел тремя дорогами. Тушэту-хан с кукунорским Лобцзаном-Гунбу, возглавив войска, дошел до мест расположения Галдана — Кара-Эрцика и Цаган-Эрцика. [Там] он встретил посла далай-ламы, который сказал: „Император и далай-лама повелели Вам помириться с ойратами. Каждый должен, возглавив свои войска, отойти". Тушэту-хан не осмелился воспротивиться, отступил в местность Чукэдуциноэр, чтобы дождаться съезда. Сейчас Галдан из-за Хангайских гор ограбил и схватил тайджи правого крыла... (перечисляются имена. — *И. Е.*), дошел до местности Темур. Сын Тушэту-хана

Галдан-тайджи имел с ним битву. В сражении погибло несколько сот человек. Лишь Галдан-тайджи, а также Орчим-дайчин и еще восемь человек. избежали гибели. Кроме того, слышали, что Даньцзин-Вэньбу, Даньцзилла и Дугар-Арабдан с войском пришли и взяли местность Эрдэни-джоу, которая отстоит от места моего жительства всего лишь в двух днях пути. Положение критическое. Я представил доклад императору, одновременно поднял войска. Помня о больших милостях Вашего императорского величества... умоляю срочно оказать помощь» [48, цз. 4, 15а—17б; 22, цз. 136, 1б—3а] [10].

В ответе маньчжурского правительства на доклад Джебдзун-Дамба-хутухты необычайно четко проявилось истинное отношение «цинских миротворцев» к судьбам Халхи: «Вы, Халха и ойраты, ранее приносили дань нашей династии. Узнав о том, что между вами возникла взаимная ненависть, [мы] послали [своих] людей с указом примириться. Ныне, если вы, действительно находясь в безвыходном положении, перейдете к нам, [мы], конечно, примем вас и обеспечим пропитанием. Так как ты искренне доложил о своей просьбе, пожаловали тебе один хадак и, оказав милость, наградили твоих послов» [48, цз. 4, 17а] [11].

Таким образом, цинское правительство, сбросив личину миротворца, открыто заявило халхаским феодалам о своих намерениях использовать создавшееся для халхасов тяжелое положение в своих политических интересах. Цинский двор обещал свою поддержку халхаскому первосвященнику лишь в том случае, если халхаские феодалы откажутся от политической самостоятельности и согласятся войти в состав Цинской империи.

Дальнейшие действия цинского правительства в отношении северомонгольских феодалов летом 1688 г. по-прежнему строились на выжидании того момента, когда халхаские правители под давлением обстоятельств вынуждены будут пойти на выполнение поставленных перед ними условий.

Поступавшие в этот период донесения от маньчжурских чиновников, оказавшихся летом 1688 г. по тем или иным причинам в Халхе, убеждали маньчжурский двор в правильности избранного им курса. В донесении маньчжурского сановника Арни от 16 июля 1688 г., направлявшегося через территорию Халхи для встречи с русским полномочным послом Ф. Головиным, подтверждались сообщения Джебдзун-Дамба-хутухты о жестоком разгроме сына Тушэту-хана Галдан-тайджи ойратскими войсками и о бегстве Джебдзун-Дамба-хутухты и прочего халхаского населения на юг [48, цз. 4, 17б—19а; см. также 145, 269—270].

В донесении маньчжурского чиновника Ананьды, совершившего поездку в Халху по случаю смерти Цэцэн-хана, подтверждались сведения, сообщенные Арни. Особое внимание Ананьда обратил на бегство халхаского населения к линии маньчжурских караулов и выразил опасение, что паника среди халхасов может

вызвать ответное смятение в пограничных землях Цинской империи. Он сообщал также, что халхаские беженцы отказывались уходить от линии маньчжурских караулов, объясняя, что они вынуждены были бежать сюда под напором ойратских войск [48, цз. 4, 20б—21б; 22, цз. 136, 2а—2б; 145, 270].

Бегство халхаского населения к границам Цинской империи поставило цинское правительство перед необходимостью четко определить свое отношение к этому событию, а через него и ко всем участникам событий в Халхе.

Собрав членов Государственного совета, Канси предложил либо пропустить беженцев за линию маньчжурских караулов, либо, усилив караульные войска, отдать им приказ постепенно продвигаться на север, в местности, где собралось бежавшее от военных действий халхаское население [48, цз. 4, 22а] [12].

От того, как будет решен этот вопрос, зависело, будет ли Цинская империя втянута в военные действия между халхасами и ойратами, или же правительство ее сумеет найти способ, не отталкивая халхасов, сохранить позицию выжидания в халхаском вопросе.

Маньчжурские сановники приняли решение отложить обсуждение вопроса о халхаских беженцах на один месяц [48, цз. 4, 30а]. В то же время цинские власти использовали момент для оказания политического давления на Джебдзун-Дамба-хутухту, побуждая его прямо высказать желание войти в состав Цинской империи [48, цз. 4, 29а—29б]. Однако халхаский первосвященник не соглашался на это до тех пор, пока силы Тушэту-хана не были разгромлены ойратскими войсками в решающем сражении.

В критическую для себя минуту халхаский хан еще раз обратился к цинскому императору с просьбой оказать ему помощь в борьбе с Галданом. В информации за 30 августа 1688 г. «Юйчжи циньчжэн пиндин...» приводит обращение Тушэту-хана к Канси: «Я с давних времен искренне приносил дань, полагая, что в случае, если [у меня] появится сильный враг и создастся опасное положение, я смогу надеяться на помощь. Ныне Галдан поднял войска и напал на меня. Положение действительно критическое. Хотя у меня мало войск, но я решил сразиться с Галданом, [однако] боюсь, что не смогу устоять. Почтительнейше прошу Небесную династию выслать войска на помощь, о чем докладываю» [48, цз. 4, 32б—33а; см. также 145, 273].

Однако тщетно халхаский хан выражал надежду на то, что маньчжурский император вспомнит о клятве 1655 г. в дружбе и союзе между Цинской империей и халхаскими ханами. Государственный совет, обсудивший по приказу императора просьбу Тушэту-хана о помощи, принял решение отказать ему из соображений «высшей справедливости», не желая якобы отдавать предпочтения ни ойратам, ни халхасам [48, цз. 4, 33а] [13]. Но маньчжурские сановники толковали справедливость явно по-свое-

му. Как сообщает источник, они предложили императору следующее: «Прежде [чем посылать войска на помощь], нужно заставить Тушэту-хана, подобно тому, как [это сделали] 49 внутренних знамен (Южная Монголия. — *И. Е.*), перейти в подданство нашей династии. [Тогда] Галдан ни в коем случае не посмеет напасть, а если и нападет, то наша династия не будет бездействовать» [48, цз. 4, 33а—33б] [14]. Решение Государственного совета оканчивалось словами: «Если Тушэту-хан со своими людьми перейдет [к нам] в подданство, следует сохранить за ним ханский титул и устроить его» [48, цз. 4, 33а—33б]. Рекомендации членов Государственного совета были предельно четкими и не выходили за рамки оправдавшего себя на практике метода бить монголов силами самих же монголов (в данном случае бить халхасов силами ойратов).

Цинскому правительству не пришлось долго ожидать столь желанной ситуации, когда халхаские феодалы окажутся в безвыходном положении и будут вынуждены согласиться со всеми предложениями маньчжурского императора. 28—29 августа 1688 г. в сражении у оз. Олохуйнор ойратские войска разбили силы халхасов, возглавлявшихся Тушэту-ханом. Сам хан бежал в места, где кочевал Джебдзун-Дамба-хутухта [15].

Оказавшись в тяжелом положении, высшие халхаские феодалы Тушэту-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта обратились к маньчжурскому императору с просьбой принять их с людьми в свое подданство. 1 октября 1688 г. на такой шаг решился Тушэту-хан, несколько позднее — Джебдзун-Дамба-хутухта [48, цз. 5, 5б—6б].

Составленный Лифаньюанем на основании обращений Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты доклад по приказу Канси был обсужден членами Государственного совета, который вынес следующее решение: «Следует принять и дать пропитание [халхасам], устроить их» [48, цз. 5, 7б; 22, цз. 137, 4б].

Канси утвердил это решение и приказал шаншу Арни отправиться к линии караулов, передать Джебдзун-Дамба-хутухте и Тушэту-хану указ императора об удовлетворении их просьбы. Одновременно Арни должен был объявить бежавшим к линии маньчжурских караулов халхаским феодалам указ императора строго следить за своими людьми. В указе сообщалось, что виновных монголов будут наказывать по законам внутренних земель, т. е. по законам Цинской империи [48, цз. 5, 8а].

Арни поручалось также проверить число халхаских беженцев и их состав. В результате проверки выяснилось, как доложил Арни, что к этому времени у линии караулов находилось свыше 30 тайджи, 600 лам и банди, 2 тыс. дворов и 20 тыс. простого люда. Кроме того, число халхасов, бежавших к границе, но еще не прибывших, было весьма велико [48, цз. 5, 11б; 22, цз. 137, 13б].

Потерявшие при бегстве скот и имущество, лишенные привычных хозяйственных связей, халхаские беженцы испытывали огромные трудности. Особенно тяжелое положение для них создалось весной и осенью 1689 г. В ноябре 1689 г. Канси, обращаясь к членам Государственного совета, констатировал: «Пришедшие сдаться халхасы голодают и терпят серьезные бедствия, грабят друг друга» [48, цз. 5, 31а].

Цинские власти в течение некоторого времени ограничивались лишь эпизодической помощью хлебом и скотом голодающим халхасам, особую заботу проявляя при этом о халхаских феодалах [22, цз. 140, 31б; цз. 141, 15а]. В дальнейшем, после заключения Нерчинского договора в августе 1689 г., цинское правительство занялось вопросом организации административного управления среди халхаских беженцев и определением их дальнейшего положения в составе Цинской империи.

В обстановке, когда халхаское население во многом вышло из-под административного контроля своих прежних феодалов и когда часть бывших халхаских дзасаков еще не успела или не захотела последовать за Тушэту-ханом и Джебдзун-Дамба-хутухтой [16], цинское правительство ограничилось решением назначить дзасаками шесть крупных джинонгов и тайджи из подданных Цэцэн-хана (Восточная Халха) и двух тайджи из правого крыла (Западная Халха), сохранив за ними прежние халхаские титулы. В отношении же остальных халхасов, чьи дзасаки еще не прибыли, Государственный совет рекомендовал их временно разделить между знаменами (источник не уточняет, какими именно). Окончательное оформление акта вхождения Халхи в состав Цинской империи и официальное объявление халхаским феодалам ее будущего статуса, одинакового со статусом 49 знамен, т. е. Южной Монголии, Государственный совет предлагал провести весной 1690 г. [22, цз. 142, 13б—14б].

Согласившись с Государственным советом, Канси в апреле 1690 г. издал указ о созыве на большой съезд дзасаков и крупных феодалов от 49 знамен и от халхасов. Государственный совет внес предложение провести этот съезд в присутствии императора и отложить его проведение до весны 1691 г. Утвердив первую часть предложения, Канси настоял на том, чтобы съезд был назначен на август 1690 г. [48, цз. 6, 1б; 22, цз. 145, 2а].

Однако вторжение войск Галдана в пределы Южной Монголии летом 1690 г. [17] внесло поправку в план маньчжурского императора. Лишь в начале февраля 1691 г. Канси вновь приказал Государственному совету обсудить халхаские дела и выразил свое намерение лично присутствовать на съезде [48, цз. 9, 2б].

Это решение императора свидетельствует о важности, которую маньчжурское правительство придавало успешному проведению съезда. В сложившейся политической обстановке окончательное определение судеб Халхи являлось весьма важным звеном в отношениях Цинской империи с Россией и в особенности

с ойратским ханом Галданом, Цинское правительство спешило политически оформить вхождение Халхи в состав Цинской империи, стремясь развязать себе руки для решительной вооруженной борьбы против ойратского хана. Кроме того, участие императора в делах съезда, очевидно, должно было поднять значение последнего в глазах халхаских феодалов и заставить их отнестись с почтением ко всем решениям цинского правительства.

Съезд халхаских и южномонгольских феодалов происходил в последних числах мая 1691 г. Местом его проведения была избрана местность Циси (Семь ручьев) между реками Шанду и Картун, в окрестностях озера Долоннор [22, цз. 150, 21б], поэтому в историю он вошел как Долоннорский съезд. Для оповещения халхаских феодалов к ним были направлены маньчжурские чиновники с приказанием заранее прибыть в места сбора, отведенные левому и правому крылу. Император отправился на съезд в сопровождении огромного войска из маньчжурских и китайских знамен, причем всем войскам было приказано находиться в состоянии полной боевой готовности [22, цз. 150, 21б—22а]. Присутствие войск на съезде диктовалось, по-видимому, не только соображениями предосторожности на случай нового военного наступления Галдана, но и тем, что оно должно было оказывать влияние на халхаских феодалов, делая их более сговорчивыми.

Ритуал проведения съезда преследовал цель продемонстрировать перед его участниками высший авторитет императорской власти и в то же время путем раздачи наград и подарков завоевать расположение и укрепить связи будущих подданных цинского императора с его двором.

29 мая цинский император появился перед прибывшими на съезд южномонгольскими и халхаскими феодалами. Порядок их расположения был предметом особого обсуждения Лифаньюаня [22, цз. 151, 6б]. Согласно ему все халхаские феодалы по степени знатности располагались семью рядами. В первом ряду находились Тушэту-хан, Джебдзун-Дамба-хутухта, младший брат убитого Дзасакту-хана Цэванджаб и Цэцэн-хан [22, цз. 151, 6б]. Халхаские ханы и остальные феодалы совершили перед сидящим на троне императором три коленопреклонения и девять земных поклонов. Затем им поднесли угощение, причем находившиеся в первых трех рядах, т. е. наиболее знатные халхаские феодалы, получили чаши с вином из рук императора, остальным вино разнесли маньчжурские военачальники. Тогда же всем участникам съезда были розданы подарки, состоявшие из серебра и шелка. Особенно богатые пожалования получили Тушэту-хан, Джебдзун-Дамба-хутухта, Цэцэн-хан и Цэванджаб [22, цз. 151, 10а—11а].

Подготовив таким образом почву, Канси приказал на следующий день объявить указ, в котором решалась судьба Халхи:

«Во время съезда, видя вашу искренность и благодарность, [решили] организовать вас по одному образцу с 49 знаменами, проявив тем самым свою заботу о вас как об одном целом [с ними]» [22, цз. 151, 12б; 48, цз. 10, 12а]. Затем в указе сообщалось, что Тушэту-хану и Цэцэн-хану сохраняются их прежние ханские титулы. Место убитого Дзасакту-хана оставлялось временно свободным. Его младшему брату Цэванджабу жаловался титул хэшо цинь-вана. За халхаскими дзасаками сохранялись их звания дзасаков, но прежние монгольские титулы джиноног и нойон заменялись титулом доло-цзюнь-ван.

Введение знаменной системы управления по образцу административного управления Южной Монголией означало окончательное лишение халхаских правителей их политической независимости и включение Халхи в состав Цинской империи, что подчеркивалось и заменой старых монгольских титулов феодальной знати титулами, принятыми в Цинской империи.

Стремясь как можно скорее установить административный контроль над халхасами, Канси еще до завершения съезда отдал приказ шаншу Арни сформировать у халхасов знамена, разделить их на цзолины, раздать им земли для кочевья [22, цз. 151, 15б]. Однако в условиях продолжавшейся подготовки к вооруженной борьбе с Галданом все эти мероприятия имели весьма ограниченный характер, и к всестороннему их проведению цинские власти приступили только после 1697 г., когда были разгромлены ойратские силы и умер Галдан.

Долоннорским съездом завершилась многолетняя борьба между династией Цин, стремившейся заставить халхаских ханов подчиниться власти цинского императора, и халхаскими правителями, сопротивлявшимися, часто достаточно пассивно, этим попыткам. В ходе борьбы маньчжурская дипломатия использовала широкий арсенал средств, начиная от вооруженного вторжения в Халху в 1646 г. и кончая беззастенчивым вымогательством у халхаских ханов согласия войти в состав Цинской империи в тот момент, когда силы их были окончательно подорваны в вооруженной борьбе с Галданом.

Феодальная раздробленность Северной Монголии и как следствие ее раздоры и междоусобная борьба в среде монгольских феодалов в значительной мере облегчили Цинам задачу лишить Халху политической самостоятельности и включить ее в состав Цинской империи.

Глава 7

ПОЛИТИКА ДИНАСТИИ ЦИН В ОТНОШЕНИИ ДЖУНГАРОВ (ОЙРАТОВ)

Установление связей с ойратами в 30—60-х годах

Вопрос о связях Цинов с джунгарами изучен еще недостаточно. Несмотря на то что об ойратах и Джунгарском ханстве существует сравнительно большая литература как на русском, так и на иностранных языках, вопрос об отношениях их с Цинами, в особенности в первой половине XVII в., исследован еще слабо. Это в известной степени объясняется объективными причинами — недостаточностью материалов источников. Даже китайские источники, более полно освещающие этот вопрос, чем, скажем, внутреннюю историю ойратов, сравнительно мало сообщают о связях последних с Цинами в первой половине XVII в.

Начало связей ойратов с маньчжурами относится к 30-м годам XVII в., т. е. к периоду до воцарения династии Цин на китайском престоле. Маньчжуров от ойратов отделяли значительные пространства, поэтому ни те, ни другие в течение длительного времени не могли оказывать друг на друга активного влияния. Этим объясняется и тот факт, что даже после установления между ними непосредственного контакта большой политической активности с обеих сторон не наблюдалось на протяжении более 30 лет.

Китайские источники, в первую очередь «Шилу», а вслед за ними и другие, отмечают, что начало связей между ойратами и маньчжурами было положено хошоутским [1] Гуши-ханом, который первым из ойратских владетельных правителей прислал к цинскому двору посла с подарками, именуемыми в источнике данью (это сообщение датировано в «Шилу» 27 ноября 1637 г.) [20, цз. 39, 2а].

Из этого сообщения видно, что лишь в конце 1637 г. впервые завязались отношения маньчжуров с хошоутами. Кроме хошоутских правителей, к этому времени, как свидетельствуют китайские хроники, никто из ойратов не пытался установить с цинским домом даже символических связей. В дальнейшем на-

ступил перерыв во взаимоотношениях с хошоутами, и лишь в 1642 г. Гуши-хан, а вместе с ним главы ламаистской церкви Тибета далай-лама и панчэн-лама присылали «дань»; в это же время послал «дань» и брат Гуши-хана Хундулун-убаши [33, цз. 9, 2б], а в 1643 г. и другой его брат — Сэрин-Хатан-батур [33, цз. 9, 3а].

Можно ли считать, что с 1637—1642 гг. устанавливаются вассальные отношения между одной из ойратских племенных групп, т. е. хошоутами, и династией Цин, можно ли рассматривать присылавшиеся ойратами подарки как дань, как это делают китайские источники?

Если исходить из реальных фактов, из политической обстановки того времени, то, несомненно, не могло быть и речи о превращении ойратов в 30—40-е годы XVII в. в вассалов или данников маньчжурских ханов. В самом деле, маньчжурские феодалы во второй половине 30-х и первой половине 40-х годов XVII в. делали еще только первые шаги на внешнеполитической арене. Они не сумели к этому времени подчинить себе многие народности на Севере Маньчжурии, впереди еще предстояла борьба с огромной Минской империей. Им удалось лишь сломить сопротивление Южной, или Внутренней, Монголии и превратить ее в своего вассала, причем не очень покорного. Не была еще покорена Халха.

Ойраты были слишком далеки и недосягаемы для маньчжуров. Их разделяли независимые владения в Северной и Восточной Монголии, также не подчинявшиеся маньчжурским ханам. К середине 30-х годов XVII в., несмотря на феодальную раздробленность среди ойратских владетельных правителей и их известную самостоятельность, постепенно сложилась центральная власть под руководством Хара-хулы чоросского, а после его смерти в 1634 г. вместо него стал править его сын и преемник Эрдэни-Батур-хунтайджи. С 1635 г. уже можно говорить о существовании Джунгарского ханства [145, 151], хотя у некоторых местных правителей и сохранились сепаратистские тенденции. Проявлением их, как нам кажется, был конфликт между Батур-хунтайджи и правителем хошоутов Туру-Байху (впоследствии Гуши-хан). В результате этого конфликта Туру-Байху и другие правители хошоутов, а также часть торгоутских владетелей [2] откочевали (между 1636 и 1638 гг.) в Кукунор, где было создано самостоятельное ойратское государство хошоутов во главе с Туру-Байху.

Вскоре после откочевки в Кукунор Туру-Байху при содействии далай-ламы захватил Тибет и убил светского его правителя дэси Цзанбу [127, т. 2, 637; 33, цз. 9, 2б]. По-видимому, это событие надо датировать 1643 г. [3]. Не все хошоутские правители переселились в Кукунор. Из братьев Туру-Байху — Байбагас-хан захватил Ситао, а Хундулун-убаши и Буёт-хон остались на старых кочевьях [33, цз. 9, 2а].

Еще до откочевки хошоутов выделились и откочевали в Россию в связи с нехваткой земли и конфликтом с Хара-хулой большинство торгоутов во главе с Хо-Урлюком и часть дэрбэтов [145, 159, 167] [4]. Это событие в русской литературе датируется 1628—1630 гг. [127, 630—631]. Из торгоутских владетелей на старых кочевьях, по китайским данным, остался брат отца Хо-Урлюка Ойгун-чабчачи [33, цз. 9, 2а].

Для 30-х годов XVII в. были характерны смешанные поселения или кочевья (например, в Кукуноре хошоуты расселялись совместно с торгоутами). Китайские авторы XIX в. после сообщения об откочевках в Кукунор и Россию делают такой вывод об оставшихся: «И вот на Алтае остались только две группы: джунгары и дэрбэты, к ним также примыкали кочевья той ветви хошоутов и торгоутов, которые еще не откочевали [в Кукунор и Россию]» [33, цз. 9, 1б].

Известно также, что сын хошоутского Байбагас-хана — Очирту-тайджи, за которого Батур-хунтайджи выдал свою дочь, примерно в 1638 или 1639 г. вернулся в Джунгарию и, по существу, стал вторым правителем ханства, будучи верным другом Батур-хунтайджи. В 1657 г. далай-лама пожаловал Очирту-тайджи титул цэцэн-хана.

Итак, к 40-м годам XVII в., т. е. примерно к тому времени, когда маньчжуры готовились к последнему и решающему наступлению на Собственно Китай, основные группы ойратов находились далеко от тех, кто стал их считать своими данниками. Ойраты к этому времени не имели никаких контактов с маньчжурскими завоевателями, и их интересы на внешней арене еще не сталкивались. Ближе всех к владениям маньчжуров находился Байбагас-хан с частью хошоутов, но ни он, ни его родичи не вступали первыми в отношения с маньчжурскими ханами и не были их вассалами. Впрочем, не были вассалами и правители других племенных групп ойратов, в том числе и Гуши-хан. Однако последний по своей собственной инициативе в конце 30-х годов XVII в. установил тесные контакты с династией Цин. Этот шаг Гуши-хана можно объяснить тем, что он находился в конфликте с Батур-хунтайджи (следствием чего отчасти явилась откочевка хошоутов в Кукунор) и искал в лице маньчжурских ханов союзников в борьбе с Батур-хунтайджи.

Следует сказать, что и маньчжурские ханы, со своей стороны, оказывали всяческое внимание Гуши-хану, делая на него ставку и стремясь использовать его для борьбы с соседями и в целях оказания влияния на другие группы ойратов. Как сообщают китайские источники, кукунорские ойраты, подчинявшиеся Гуши-хану, оказывали помощь маньчжурским войскам против восставших ганьсуских мусульман в 1649 г., за что были награждены титулами [33, цз. 9, 4б—5а] [5].

Как сообщает источник, Гуши-хан еще раньше был отмечен особой «милостью» маньчжуров: так, в 1646 г. после представ-

ления «дани» Гуши-хану были пожалованы латы, шлем, лук и стрелы. Но дело не только в подарках, которыми обычно обменивались правители различных стран при отправлении своих послов. Более важным является указание китайского автора на то, что тогда же маньчжуры «побуждали [Гуши-хана] управлять всеми ойратами» [33, цз. 9, 3б]. Вот в чем причина столь большого внимания маньчжуров к Гуши-хану. По-видимому, они решили противопоставить его правителю Джунгарского ханства Батур-хунтайджи, вбить клин между ними и, возможно, этим вызвать новый конфликт в лагере ойратов, чтобы ослабить их.

Надо отметить, что ни в одном сообщении китайской хроники о присылке ойратами в 30—40-х годах XVII в. так называемой дани нет указаний на то, что эти ойраты изъявили покорность или «повернулись к цивилизации» (этими словами маньчжурские ханы обычно выражали идею перехода других народов в вассальную зависимость от династии Цин, хотя на самом деле этой зависимости и не существовало). Следовательно, сами маньчжурские правители прекрасно отдавали себе отчет в том, что у них нет оснований называть ойратов своими данниками. Позднее, в 50-х годах, маньчжурские ханы в грамоте, посланной Гуши-хану, писали, что он «искренне склонился к цивилизации... стремился [всем] сердцем [быть] почтительным и покорным» [21, цз. 74, 19а]. Однако эти выражения, часто употреблявшиеся в переписке цинских властей с правителями соседних народов, далеко не всегда отражали подлинный характер отношений, существовавших между ними.

Тем не менее в китайских документах того времени Гуши-хан выделяется маньчжурскими властями из значительного числа ойратских правителей, поддерживавших с 50-х годов XVII в. связи с династией Цин, его имя чаще других ойратских родоплеменных старшин встречается на страницах китайских источников. В частности, показателен и такой факт, что до середины XVII столетия он единственный из ойратских правителей удостоился получить в 1653 г. от цинской династии почетное звание, грамоту и золотую печать, которые были направлены ему с сопровождавшими далай-ламу цинскими сановниками Наннукэ и Сю Ши-даем [21, цз. 74, 20а]. На печати начертан был полный титул, полученный Гуши-ханом от цинского императора: «Мудрый Гуши-хан, уважающий цивилизацию и долг». Не случайно, по-видимому, грамота была вручена Гуши-хану в год смерти Батур-хунтайджи. Цины рассчитывали на то, что Гуши-хан возглавит Джунгарское ханство и будет их «помощником и опорой», т. е. вассалом Цинов, о чем свидетельствует упомянутая выше грамота [21, цз. 74, 19а—20а]. В то же время и Гуши-хан, вероятно, рассчитывал на известную помощь со стороны маньчжуров в случае борьбы с Батур-хунтайджи или другими ойратскими ханами, поэтому он придерживался политики нейтралитета в отношениях с Цинской империей.

С 50-х годов связи Цинской империи с ойратами расширились. Теперь уже не только Гуши-хан и его ближайшие родичи (Сэрин-Хатан-батур, Хундулун-убаши, Далай-Батур и Очирту), но и правители других ойратских племенных групп направляют к цинским властям своих послов с подарками и в торговых целях. Поэтому нельзя согласиться с утверждением И. Я. Златкина, что между Джунгарским ханством и Китаем к 50—60-м годам не существовало никаких отношений [145, 224]. Если принять во внимание, что Очирту-тайджи с 1640 г. стоял, как и Батур-хунтайджи, во главе ойратского чулгана [145, 169], т. е. был соправителем Джунгарского ханства, то его связи с династией Цин надо рассматривать не как личные, а как официальные.

Еще в 1647 г. Очирту-тайджи отправил к цинскому двору посла с подарками, верблюдами и лошадьми [33, цз. 9, 4б]. Более подробные данные о связях Очирту-тайджи с династией Цин относятся к 1650 г., когда в апреле — мае к цинскому двору дважды прибывали послы Очирту-тайджи с подарками или, как сообщает китайский источник, с данью лошадьми и по этому поводу был устроен банкет [21, цз. 48, 9б, 17а]. 12 мая 1650 г., т. е. в день прибытия посла Очирту-тайджи, к последнему маньчжурские власти отправили шивэя Шуэрхунакэ с императорским указом, проливающим некоторый свет на отношения Цинов и Джунгарского ханства. Содержание указа не оставляет сомнений в том, что маньчжурский император искал в лице ойратов союзника в борьбе с еще не покоренными халхасами и поднимавшими восстания вассалами Цинов — монголами из Внутренней (Южной) Монголии. До этого указа, как известно, цинские войска вторглись в Халху под предлогом преследования Тингиса, главы сунитов, поднявшего восстание (1646—1648 гг.) и бежавшего в Халху к Цэцэн-хану Шолою, оказавшему ему поддержку. Продвижение маньчжурских войск в Халхе привело к столкновению с войсками халхаских правителей, Тушэту-хана и Цэцэн-хана.

В дальнейшем, оказывая давление на Халху и, по-видимому, готовясь к новому нападению на нее, Цины предприняли дипломатическую акцию, пытаясь по меньшей мере нейтрализовать ойратов — ближайших соседей Халхи, а если удастся, то и привлечь к борьбе против нее. В упомянутом указе цинское правительство стремится представить себя миротворцем, желающим избежать войны и урегулировать конфликты мирным путем [21, цз. 48, 17б—19а]. Маньчжурский император Шуньчжи требовал, чтобы Джунгарское ханство оказало ему помощь или в крайнем случае сохраняло нейтралитет: «Хотя [Вы находитесь] в захолустье и в далекой пустыне, [но если] будет возможность, то при удобном случае будем оказывать друг другу помощь. Если не сможете [оказать помощь], то направляйте послов и поддерживайте дружественные отношения. Так поступать

было бы очень хорошо» [21, цз. 48, 17б]. Концовка указа звучит императивно: «Коль скоро Вы стараетесь быть послушными, то, если мы снова начнем войну с Халхой, Вы не должны оставаться с ними в дружественных отношениях. Подумайте об этом!» [21, цз. 48, 19а] [6].

Связи Очирту-тайджи с династией Цин не обрываются на этом. В 1653 г. Очирту-тайджи отправил в Цинскую империю для продажи 10 тыс. лошадей [145, 224], в 1655 г. дважды (в июле и декабре) направлял послов с «данью» лошадьми [21, цз. 92, 6б; цз. 95, 11б]. Кроме Очирту подарки («дань») цинскому двору посылали и его сыновья Эрдэни Гэрдиба и Илагуксань-баньдида-хутухта [33, цз. 9, 3б, 5а], а также младшие братья главы Джунгарского ханства Батур-хунтайджи — Моргэнь-дайцин и Чухур-убаши [33, цз. 9, 3б]. Последний присылал подарки в 1669 г. [22, цз. 29, 3а].

В начале следующего года с подарками приезжал посол нового главы Джунгарского ханства Сэнгэ [22, цз. 31, 22б]. К сожалению, китайские хроники не всегда сообщают, от каких ойратов поступали подарки («дань»), часто не указывают или указывают не полностью имена и титулы ойратских феодальных правителей, присылавших «дань». Например, в «Шилу» сообщается о прибытии послов с подарками от Батур-бэйлэ в 1650 г., Эрдэни-тайджи в 1651 г., Батур-нойона в 1653 г., Батур-тайджи в 1656 г.

Кроме чоросов связь с династией Цин имели также и дэрбэты из Джунгарского ханства, кочевавшие вместе с Очирту-цэцэн-ханом. Например, в 1657 г. дэрбэтский тайджи Тоинь (сын известного дэрбэтского правителя Далай-тайши) направил к цинскому двору посла Хошиху и других с «данью» лошадьми [33, цз. 9, 7а].

Следовательно, на основе приведенных выше данных, можно сделать вывод, что с 50-х годов XVII в. династия Цин значительно расширяет свои связи с различными группами ойратов, в том числе и с чоросами, господствовавшими в Джунгарском ханстве.

В связи со сближением границ Цинской империи и ойратов, главным образом хошоутов, возникли новые проблемы в их взаимоотношениях: вопросы соблюдения пограничного режима, уточнения традиционной границы и др. Оставались нерешенными и вопросы торговли, ее упорядочения, отношения обеих сторон к событиям в Халхе и т. д.

В связи с этим большой интерес представляет указ Шуньчжи от 29 ноября 1651 г., адресованный Батур-тайджи [7]: «Твой народ прежде был в мире и дружбе с нашей династией. [Но], когда [подчиненный] халхаского Дзасакту-хана Омбо-эрдэни нарушил дружбу и, совершив преступление, бежал на Вашу территорию, Вы самовольно укрыли [его]. [Надеемся, что] Вы либо нанесете поражение Дзасакту-хану и доложите об этом,

либо возвратите Дзасакту-хана на прежние земли. В таком случае между [нашими] обеими странами не будет утрачена старая дружба. Не следует из-за других подвергать себя беде. Подумайте над этим!» [21, цз. 61, 4а—4б].

Это послание свидетельствует, во-первых, о существовании мирных и даже дружественных, по утверждению авторов указа, отношений между ойратами и Цинской империей, во-вторых, показывает, что цинская дипломатия начинает активизироваться и действует методом скрытых угроз, не решаясь еще угрожать ойратам войной.

В дальнейшем связи различных племенных групп ойратов с Цинской империей не прекращались. Об этом можно судить по регулярным приездам в Пекин ойратских послов, причем их прибытие было связано не только с представлением «дани», как это пытаются доказать китайские источники, но, на наш взгляд, главным образом с ведением торговли. До установления регулярных связей с Цинской империей свои потребности в обмене ойраты удовлетворяли главным образом за счет рынков России и частично Средней Азии. Это, как и стремление получить военную помощь, определило интенсивные дипломатические отношения ойратов с Россией [8].

С начала 50-х годов XVII в. вопросы определения границ и нормализации торговли неоднократно ставились в переписке между цинским двором и ойратскими правителями. Это нашло отражение в указах цинского императора. Так, в 1656 г. в одном из указов, адресованном сыновьям Гуши-хана после смерти последнего, говорится о необходимости упорядочить вопрос об установлении пунктов для торгового обмена [33, цз. 9, 6б]. В 1657 г. послы торгоутских владетельных старшин — Лобцзаннойона и его сына Дорчжи кроме «дани» (200 верблюдов и лошадей) привели с собой еще 1000 лошадей для продажи, прося разрешить им торговлю в Гуйхуачэне. Цинский двор дал на это свое согласие [33, цз. 9, 7а] [9].

В следующем указе сыну Гуши-хана цэцэн-дайцину [10] от 26 декабря 1658 г. вновь поднимается вопрос о постоянных местах торговли с ойратами (кукунорскими хошоутами): «Что касается мест для торговли, то прежде были определены рынки. Приказываю [установить] для приезда и отъезда пункты — синининский Чжэньхайбао, Бэйчуань и Хуншуй в провинции Ганьсу, нельзя произвольно разъезжать по дорогам других мест» [21, цз. 122, 3б—4а; ср. 33, цз. 9, 7б]. Из этого отрывка видно, что кукунорские ойраты должны были проезжать, чтобы торговать, только через установленные контрольные посты.

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод, что торговый обмен между Цинской империей и ойратами в 50-х годах, безусловно, существовал и осуществлялся он, по-видимому, в северной части провинций Сычуань и Ганьсу, а также в Гуйхуачэне (Внутренняя Монголия).

С 50-х годов XVII в. во взаимоотношениях династии Цин с ойратами (кукунорскими) приобрел значение пограничный вопрос. Характерно, что наибольшую остроту он получил после смерти Гуши-хана. К этому времени, если верить китайским источникам, ойраты много раз нарушали границу Цинской империи, грабили местных жителей и т. д., что вызывало протесты Цинов. По-видимому, основная причина нарушений границы заключалась в неопределенности последней. В указе Шуньчжи от 4 октября 1656 г., адресованном ойратским правителям Батур-тайджи и Тушэту-батур-дайцину [11], выдвигались вопросы о нарушении границ и неоднократных грабежах населения, о подданстве так называемых фань (тангу́тов — жителей Сикана и Сычуани), часть которых в прошлом подчинялась монголам и с которых кукунорские ойраты брали дань. Кроме того, в указе поднимался и вопрос о пограничной торговле. Приведем часть этого интересного документа: «За последние несколько лет Вы неоднократно вторгались во внутренние земли (Собственно Китай. — *Л. Д.*), угоняли лошадей и быков, оказывали сопротивление правительственным войскам... Если правда, что монголы (имеются в виду ойраты. — *Л. Д.*) грабили, то следует по количеству [награбленного] возместить убытки... Что касается определения местожительства [для] китайцев и монголов и застав (проходов. — *Л. Д.*) для торговли, то [этот вопрос] следует обстоятельно рассмотреть. На основе старых решений определить [места] для кочевий и земледелия. Не допускать перехода границ и причинения беспокойства» [21, цз. 103, 10б—11б; ср. 33, цз. 9, 6а—6б].

Указ не разрешил противоречий между Цинами и ойратами, оставив открытыми вопросы о границах и торговле. Кукунорские ойраты не откликнулись на призыв Шуньчжи, и положение на границе по-прежнему оставалось напряженным. Этим, вероятно, можно объяснить появление через два с лишним года нового указа императора, цитированного нами выше, от 26 декабря 1658 г., в котором вновь поднимаются те же вопросы, что и в 1656 г. Ниже приводится выдержка из него относительно режима на границах.

«Мы на этот раз великодушно прощаем Ваши прежние проступки. [Но стоимость] захваченных [при вторжении] вещей прикажите возместить... [Что касается] въезда и выезда за пределы границ, то, конечно, будем блюсти великую предосторожность и не потерпим [самовольного] перехода и бесчинств [вторжения]. Отныне и впредь тангуты (фаньжэнь), находящиеся в пределах [наших] границ, [но] прежде вносившие дань тебе, пусть считаются твоими подданными. [Но, когда будете] брать дань с [ваших] подданных тангутов, Вы должны определить число [направляемых] людей, сначала послать старшин, которые, [проезжая] по дороге через главные заставы, должны довести до сведения всех чиновников, охраняющих посты, и за-

тем уже переходить границы, [чтобы] взимать дань... Если же не исправитесь и по-прежнему [будете] самовольно вторгаться, то этим Вы отвернетесь от щедрых благодеяний [императора] и сами возьмете на себя всю ответственность. Существуют государственные законы, и мы (император. — *Л. Д.*) не можем действовать лично от себя. И-ты берегись их!» [21, цз. 122, 3а—4а; ср. 33, цз. 9, 7а—7б] [12].

Из этого указа видно, что границы по-прежнему нарушались. Цинское правительство объясняет это желанием кукунорских ойратов осуществить свое право на взимание дани с тех народов, которые когда-то были подданными западных монголов, предков ойратов. Приведенный указ, хотя и содержит скрытую угрозу в адрес ойратских правителей Кукунора, все же свидетельствует о нежелании династии Цин идти на открытый конфликт с ойратами и решать его военными средствами. Впоследствии пограничные вопросы не были сняты с повестки дня, об этом свидетельствуют донесения цинских чиновников. Так, в 1665 г. ганьсуйский тиду Чжан Юн просил об увеличении правительственных войск в Синине в связи с угрозой вторжения кукунорских ойратов в Ганьсу.

По докладу Чжан Юна были приняты меры для укрепления обороны границ. В следующем году Чжан Юн вновь сообщил об усилившейся опасности вторжения ойратов в Ганьсу. Положение на границах Кукунора и Ганьсу, т. е. там, где Цинская империя непосредственно соприкасалась с владениями хошоутов, обострилось. В 1667 г. назревало вооруженное столкновение. Но положение спас далай-лама. Он оказал давление на ойратских (кукунорских) тайджи, уговорив их не нарушать границу Цинской империи. В результате этого ойраты, ранее разместившие свои кочевья в районе Хуанчэнэра и Дацаотаня, который Цины считали своим, ушли оттуда и даже представили во искупление «вины» верблюдов, лошадей и баранов [33, цз. 9, 8а—8б].

На наш взгляд, такая позиция далай-ламы, оказавшего существенную помощь династии Цин в момент, когда чрезвычайно обострились ее отношения с кукунорскими ойратами, не случайна и будет более понятной, если мы проследим характер связей далай-ламы с Цинами на протяжении 20—25 лет, предшествовавших описываемым событиям.

По-видимому, впервые тибетский Далай-лама V установил связь с Цинами в 1642 г., когда он вместе с панчэн-ламой и тибетским правителем Цзанбой (тогда еще не свергнутым Гуши-ханом) представил «дань». В следующем году ответный визит был сделан цинским послом, справлявшимся по поручению своего правительства о здоровье далай-ламы [33, цз. 9, 2б]. Так начались регулярные ежегодные связи между первосвященником Тибета далай-ламой и династией Цин, не прерывавшиеся на протяжении последующих 25 лет.

Вчерашние последователи шаманства и недавно принявшие ламаизм, маньчжурские ханы прекрасно представляли себе силу воздействия ламаизма на умы восточных монголов и ойратов, огромную роль далай-ламы и его влияние на приверженцев этой религии. Вот почему Цины оказывали такое большое внимание далай-ламе, всячески подчеркивая свое почтительное отношение к нему как к живому Будде на земле. Этим можно объяснить и приглашение далай-ламы в Пекин, к императорскому двору. Еще в 1649 г. далай-лама сообщил, что прибудет ко двору летом 1652 г. [21, цз. 45, 9б].

19 мая 1651 г. маньчжуры направили в Тибет своего посла Добцзан-гуси с указом императора и подарками, в его миссию входило, по-видимому, повторно пригласить далай-ламу прибыть к цинскому двору [21, цз. 56, 1б]. Далай-лама ответил согласием [21, цз. 62, 1б—2а]. В сентябре 1652 г. он прислал письмо, в котором просил императора решить, где им встретиться: в Гуйхуачэне или в Дайгэ. По-видимому, по соображениям престижа Шуньчжи уклонился от встречи, мотивируя занятостью военными делами, и сообщил, что для встречи далай-ламы направлен принц крови (цинь-ван) [21, цз. 67, 26а—26б].

Однако вопрос о встрече далай-ламы с цинским императором в пути оказался не таким простым, каким он представлялся вначале. 5 октября 1652 г. был издан специальный императорский указ, предлагавший сановникам высказать свое мнение относительно встречи далай-ламы. В заключительной части указа говорилось: «Поскольку уже пригласили [далай-ламу] и если мы не отправимся встречать его, то он обязательно вернется с полпути. Опасаемся, что в результате этого Халха не покорится [нам]» [21, цз. 68, 2а]. Были высказаны два диаметрально противоположных мнения: маньчжурские сановники считали, что император должен выехать на границу, чтобы лично встретить далай-ламу [21, цз. 68, 2а; ср. 145, 225—226]; китайские сановники предложили для встречи далай-ламы послать лишь одного представителя высшей знати и уговорить далай-ламу жить за Великой стеной [21, цз. 68, 2а]. Последний совет был принят императором Шунчжи [21, цз. 68, 32а—32б]. Для встречи далай-ламы на границе были направлены хэшо-чэнцзэ цинь-ван Шосай и другие сановники [21, цз. 69, 8б—9а].

Далай-лама прибыл в Пекин 14 января 1653 г. и нанес визит императору в Южном парке, преподнеся подарки — лошадей, местные изделия. В его честь был устроен банкет [21, цз. 70, 20б]. Основная цель, которую ставил маньчжурский император, приглашая далай-ламу, — еще большее сближение с ним и воздействие через него на правителей монголов, чтобы добиться покорения Халхи. Об этом говорилось совершенно открыто. Цинские власти не скупились на подарки далай-ламе, надеясь задобрить и расположить его к себе [21, цз. 71, 16б]. Цины рассчитывали на длительное пребывание далай-ламы в столице им-

перии. Но неожиданно возникло осложнение, вызвавшее беспокойство среди маньчжурских сановников: 23 января 1653 г. от Гуши-хана прибыл посол с «данью», который одновременно передал далай-ламе просьбу Гуши-хана быстрее вернуться на родину [21, цз. 70, 26б]. По-видимому, эта просьба была вызвана внутриполитическими событиями в Джунгарском ханстве: смертью Батур-хунтайджи (зимой 1653 г.) [145, 206] и обострившейся борьбой за ханский престол.

18 февраля 1653 г. далай-лама обратился к императору с просьбой разрешить ему вернуться на родину, мотивируя тем, что климат этих мест ему не подходит, что он уже заболел, сопровождающие его также больны [21, цз. 71, 20а]. Эта просьба обсуждалась Государственным советом. Было принято решение: «Не нужно расспрашивать далай-ламу... Коль скоро лама специально приглашен, то следует пожаловать [ему] золото, серебро, шелк, дать ему звание и титул, поднести грамоту и печать» [21, цз. 71, 20б]. Эта рекомендация была одобрена императором.

Нет оснований считать, что внезапный отъезд далай-ламы из Пекина был связан с обострением отношений между ним и Цинами или с какими-то его антицинскими настроениями. Весь ход последующих событий, скорее, позволяет высказать противоположное мнение.

В марте 1653 г. в связи с предстоящим отъездом далай-ламы был устроен банкет. Затем ему были вручены подарки: золото, серебро, жемчуг, нефрит, шелк и другие вещи [21, цз. 72, 10б]. Сопровождать далай-ламу до местности Дайгэ приказано было хэшо-чэнцзэ цинь-вану Шосаю, гушань бэйцзы Гурмахуну и Удахаю, возглавившим почетный эскорт из офицеров и солдат Восьми знамен [21, цз. 72, 12б].

Вскоре после отъезда далай-ламы из Пекина, 18 мая 1653 г., были отправлены высокопоставленные чиновники Палаты ритуалов и Лифаньюаня для вручения первосвященнику ламаистской церкви в Тибете грамоты и золотой печати. В грамоте говорилось о доблести и величии Лобсан-чжамсо, его роли в распространении буддизма, о том, что в знак его заслуг и в связи с прибытием ко двору, доставившим императору необычайную радость, ему жалуются грамота и золотая печать, а также титул: «Индийский (!) живой будда великой доброты. Управляющий в Поднебесной буддийской религией, повсеместно распространяющий вачир-дара (буддийские догмы) далай-лама» [21, цз. 74, 18а—19а]. На печати была сделана такая же надпись.

Возможно, далай-лама получил грамоту и печать за то, что сумел оказать влияние на кукунорских правителей и побудить их к установлению и сохранению мирных отношений с Цинской империей. В дальнейшем далай-лама продолжал поддерживать дружественные связи с цинским двором, не только регулярно

направляя своих послов с подарками и получая ответные дары, но и беспрекословно выполняя различные указания цинских императоров.

6 июля 1653 г. далай-лама прислал благодарственное письмо за пожалование ему грамоты и печати, представив подарки — лошадей, янтарь и другие предметы [21, цз. 76, 5а]. В следующем году примерно в то же время он вновь прислал подарки «местными изделиями» [21, цз. 84, 24а], упорно именуемые в китайских хрониках данью. Через три месяца из Пекина был направлен чиновник с ответными подарками и с пожеланиями доброго здоровья далай-ламе. Такой обмен подарками происходил почти каждый год. В то же время Цины поддерживали с далай-ламой чисто деловые связи. Так, в 1661 г. далай-лама в ответ на свою просьбу получил согласие цинского правительства на торговлю в Бэйшэнчжоу [22, цз. 4, 9б—10а].

Как уже упоминалось выше, в 1667 г. далай-лама оказал прямую услугу Цинам, отговорив владетельных правителей кукунорских ойратов от вторжения в Цинскую империю. В дальнейшем далай-лама неоднократно оказывал услуги Цинам, выступая посредником между ними и ойратами или восточными монголами. Но эти события относятся к периоду господства Галдан-Бошокту-хана в Джунгарии, открывшему новую полосу отношений между ойратами и Цинской империей.

Приведенные выше данные позволяют говорить о тесных и дружеских связях династии Цин с далай-ламой. Что касается Джунгарского ханства, то до 70—80-х годов XVII в. оно поддерживало эпизодические посольские связи с Цинской империей. Раньше других посольские, а затем торговые связи с Цинами были установлены кукунорскими ойратами (хошоутами). Однако между ними и Цинской империей после смерти Гуши-хана отношения обострились в связи с нарушением ойратами пограничного режима из-за неопределенности самих границ, отсутствия точного территориального размежевания.

Политика в отношении Галдана, кукунорских и алашаньских ойратов в 70—80-х годах

Царствование императора Канси, охватывавшее рассматриваемый период, ознаменовалось укреплением господства маньчжурских феодалов внутри завоеванной страны и значительными успехами в области внешней политики, осуществлением завоевательных войн, приведших к значительному расширению империи и выдвижению ее форпостов далеко на запад, север и северо-восток.

При Канси были полностью завоеваны материковые районы Китая (к 1664 г.), подавлены последние очаги сопротивления китайского народа. Завоеватели-маньчжуры стали полновласт-

ными хозяевами страны. Несмотря на то что китайский народ не примирился с захватчиками и неоднократно поднимал восстания против господства династии Цин (например, в 1663 г. восстания в Фуцзяни под руководством Ван Те-фу; в 1680 г. — в Шэньси во главе с Ян Ци-луном; в конце 1673 г. — под предводительством У Сань-гуя, оказавшего в прошлом маньчжурам большую услугу при вторжении в Китай), господство маньчжурских феодалов не было поколеблено. Тем не менее, отвлекая значительные воинские силы и материальные ресурсы страны, эти восстания влияли на внешнюю политику Цинов, принуждая их к политическим маневрам.

Агрессивную политику Канси проводил в отношении ойратов. Прежде всего он стремился столкнуть между собой различные группы ойратов, а также восточных монголов (Халху) с западными (ойратами), а затем, пользуясь их ослаблением, подчинить Цинской империи и тех и других. Однако Цины натолкнулись на неожиданное сопротивление со стороны Джунгарского ханства, особенно возросшее со времени прихода к власти Галдан-Бошокту-хана.

После смерти Батур-хунтайджи (зимой 1653 г.) и Гуши-хана (в 1656 г.) внутренняя борьба за власть между различными группами ойратских феодалов обострилась. Особенно упорной она была в Джунгарском ханстве, где в борьбу за наследство были вовлечены не только две враждующие группировки правящих чоросов, но и их союзники — хошоуты. Одну из этих групп возглавлял младший сын Батур-хунтайджи — Сэнгэ, к которому перешла верховная власть в ханстве. Его поддерживали хошоутский Очирту-тайджи, друг и соратник покойного Батур-хунтайджи, и стоявшие за ним хошоутские феодалы.

Оппозиция, противостоявшая Сэнгэ, состояла из его старших братьев (Цэцэн-тайджи, Цзотба-батур и др.), считавших себя несправедливо обойденными при распределении наследства, и поддерживавших их феодалов как из группы чоросов, так и из хошоутов, во главе которых стоял Аблай-тайджи, брат Очирту-тайджи (вражда между братьями, возникшая еще раньше тоже на почве раздела отцовского наследства, усилилась в связи с политической борьбой за верховную власть в Джунгарском ханстве [13]).

Следует сказать, что в период правления Сэнгэ обострились отношения Джунгарского ханства с Россией и восточными монголами. Поездки послов Сэнгэ и ответные русские посольства в 1664—1668 гг. показали, что Сэнгэ требует возвратить ему бывших его кыштымов (вассалов), плативших ему ранее ясак (так называемых белых калмыков-телеутов) и перешедших теперь в подданство русского царя, угрожая войной в случае невозвращения телеутов. Наряду с этим Сэнгэ выражал недовольство тем, что томские воеводы задержали его послов, не допустили их поездки в Москву [145, 218—220].

Диаметрально противоположную позицию занял в то время хутухта Галдан, а также многие ойратские тайджи. Встретившись с русским послом В. Былиным 6 апреля 1668 г. и узнав от него содержание заявления Сэнгэ, Галдан сообщил, что все хутухты и ламы отрицательно относятся к войне с русским государем и к походам ради возвращения телеутов [145, 220]. По-видимому, Галдан уже в то время вынашивал идею захвата власти и искал поддержки у России.

Несмотря на угрозы Сэнгэ, Джунгарское ханство не развязало войны против русских владений в Сибири, вероятно, из-за обострения внутреннего положения. Но обмен посольствами между Сэнгэ и Россией временно, до 1670 г., был прекращен.

Крупным событием во взаимоотношениях Джунгарского ханства со своими соседями была борьба его в 1667 г. с последним представителем династии Алтын-ханов — Лубсан-тайджи в связи с попыткой последнего заставить киргизов платить ясак, на что претендовало и Джунгарское ханство. Разгромив войска Лубсан-тайджи и захватив его в плен, Сэнгэ положил конец династии Алтын-ханов [145, 216—217; см. также 127, т. 2, 642]. Однако эта победа не укрепила положения Сэнгэ в Джунгарском ханстве, не ликвидировала противоречий между ойратскими феодалами, боровшимися за власть. В конце 1670 г. Сэнгэ был убит старшими братьями Цзотба-батуром и Цэцэн-тайджи [145, 230] [14].

Сразу же после этих событий на историческую арену вступает Галдан, единоутробный брат Сэнгэ. Галдан — духовный ученик тибетского далай-ламы, сам хутухта, после получения известия об убийстве Сэнгэ сложил с себя духовное звание и поспешил (по одним данным, из Тибета, по другим — из Алашаня, где он был в гостях у хошоутов) в родные кочевья. Здесь он вступает в борьбу с претендентами на престол, расправляется с убийцами Сэнгэ, ведет борьбу со своим дядей Чухур-убаши [127, т. 2, 642—643]. Преодолев сопротивление ряда могущественных чороских феодалов, Галдан становится главой Джунгарского ханства.

Первыми шагами Галдана на внешнеполитической арене были его активные переговоры с русскими властями в целях достижения соглашения по вопросу о ясаке и установления добрососедских отношений. В дальнейшем он даже добивался заключения военного союза с Россией [145, 246—249].

В первые годы после прихода к власти Галдан стремится также наладить дипломатические связи и установить нормальные торговые отношения с Цинской империей, придерживаясь прежнего курса, проводившегося Сэнгэ. Об этом свидетельствует письмо Галдана цинскому императору, посланное в конце 1672 г., в котором он просил разрешить ему на обычных основаниях направлять послов и представлять «дань», как это делал раньше его старший брат Сэнгэ. Обращение Галдана встрети-

ло положительное отношение Канси [22, цз. 38, 7а], после чего 4 февраля 1643 г. прибыл посол от Галдана с подарками, вознагражденный на общих основаниях [22, цз. 40, 21а] [15]. В дальнейшем Галдан регулярно присылал послов с дарами, называемыми в китайских источниках данью [16]. Послы Галдана принимались с почестями, предусмотренными правилами, и соответствующим образом вознаграждались, а привозимые ими подарки никогда не возвращались. Исключение составляет посольство Галдана 1677 г., когда часть подарков, привезенных послом, не была принята на том основании, что они представляли собой трофеи (лук, стрелы и другие предметы), захваченные Галданом во время нападения на владения Очирту-цэцэн-хана и убийства его [22, цз. 67, 6а]. Однако цинское правительство не решилось порвать дипломатические отношения с Галданом за убийство им Очирту-цэцэн-хана [17].

В связи с вторжением Галдана на Алашань, где в то время находились кочевья части хошоутов, и разгромом владений Очирту-цэцэн-хана многие из соратников последнего, хошоутские феодалы, бежали в Кукунор (Цинхай), где по-прежнему господствовали потомки Гуши-хана, и во владения Цинской империи. Реальная опасность вторжения Галдана нависла и над Кукунором. Все эти обстоятельства выдвинули новые проблемы во взаимоотношениях между Цинской империей, кукунорскими ойратами и Галданом.

Цины прежде всего приняли меры для защиты своих границ. В то же время они воздерживались от активного вмешательства в борьбу Галдана с хошоутскими владетельными правителями. По-видимому, это объясняется тем, что к концу 70-х годов династия Цин была занята подавлением восстания У Сань-гуя, Ван Фу-чэня и др. Однако это не означало, что политика Цинов в отношении Галдана была пассивной. Как указывалось выше, часть алашаньских ойратов (хошоутов) бежала на территорию Цинской империи и Кукунора, о чем сообщалось в «Шилу» в конце 1677 г.

Из доклада цинских пограничных губернаторов видно, что ойратский Батур-эркэ-джионг Хороли [18] и др., потерпев поражение от Галдана, вторглись в пределы Цинской империи. Они захватили у местного населения скот и лошадей. Свой поступок они объясняли крайне тяжелым положением [22, цз. 69, 19б]. Правительственные войска, охранявшие границу, отогнали ойратов.

Судя по заявлению посла Галдана (помещено в «Шилу» за 5 ноября 1677 г.), прибывшего к этому времени в Чжанцзякоу, действия Галдана против алашаньских хошоутов и его намерение отправиться в военный поход против Халхи объяснялись тем, что «Очирту-цэцэн-хан и халхаский Тушэту-хан с двух сторон напали на нашего тайджи (Галдана. — *Л. Д.*)» [22, цз. 69, 20а]. Из этого заявления видно, что против Галдана действо-

вала коалиция части ойратских феодалов (в основном алашаньских хошоутов) и некоторых халхаских ханов.

Бежавшие с Алашаня Батур-эркэ-джионг и др. просили временно поселить их в пределах Цинской империи. По-видимому, разрешения они не получили и самовольно заняли удобные для кочевья земли в Наньшани и Сучжоу (пров. Ганьсу). Об этом можно судить из последующих докладов цинских чиновников и указов Канси. Императорским указом дацзянцзюню Тухаю предлагалось принять меры по усилению охраны пограничной территории, в то же время послать способных и опытных чиновников в места пребывания ойратских старшин для того, чтобы разъяснить им императорский указ, в котором ойратам приказывалось покинуть занятую ими территорию и не доводить дело до вооруженного конфликта [22, цз. 70, 20а—20б].

17 апреля 1678 г. Тухай доложил, что ойраты постепенно уходят за пограничные заставы, но находятся они в крайне тяжелом положении [22, цз. 72, 15б].

Примерно в это же время Тухай доложил на основании сообщений ойратских тайджи, бежавших из Ситао, что Галдан собирается напасть на Сихай (Кукунор) и, возможно, вторгнется в Дацаотань [22, цз. 72, 23а]. В связи с этим был послан цинский гонец к хошоутскому правителю в Кукуноре Далай-батур-тайджи с предложением организовать оборону [22, цз. 72, 23б; 33, цз. 9, 11а].

Вместе с тем из показаний китайских источников видно, что Цины в 1678 г. готовы были отдать в жертву Галдану кукунорских ойратов, лишь бы он не нарушал границ Цинской империи. В этот трудный для кукунорских хошоутов час Цины не вспомнили о своих обязательствах «сюзерена» по отношению к «вассалам». Но в то же время Цины не собирались уступать Галдану даже незначительной части своей территории и намеревались упорно оборонять границы империи [22, цз. 72, 23а—23б; 145, 255—256]. Возможно, Кукунор был слишком малой ставкой и за него не следовало бы бороться, в стратегических планах Канси в то время он не играл значительной роли. Вероятно, учитывались и моральные права Галдана на Кукунор, о которых он вскоре не преминул заявить [19]. Наконец, по-видимому, были и соображения тактического характера: втравить Галдана в конфликт с кукунорскими ойратами и Халхой и тем самым ослабить его силы. И хотя все последующие действия Цинов осуществлялись именно в этом направлении, внешне цинские правители стремились представить себя миротворцами, якобы в одинаковой степени отстаивающими интересы и ойратов и халхасов.

В этом отношении характерен указ Канси дасюэши от 5 ноября 1677 г., последовавший в результате доклада Чжан Юна, Хачжаня и Сунь Сы-кэ.

Приведем выдержку: «Мы слышали, что ойраты и халха[сы] питают ненависть друг к другу и берутся за оружие... Если из-за пустяка ойраты и халха[сы], возненавидев друг друга, дойдут до гибели, мое сердце не вынесет этого... Следует направить посла, чтобы рассудить их и избавить народ от бедствия» [22, цз. 69, 20а—20б].

Однако эти слова «сочувствия» и рассуждения о том, что сердце императора не выдержит, если ойраты и халхасы будут взаимно истреблять друг друга, были обычным дипломатическим приемом, рассчитанным на доверчивых людей. Цинам было совершенно безразлично и даже, может быть, на руку, что халхасы и ойраты будут истреблять друг друга, это ослабило бы Джунгарское ханство и Халху и облегчило бы осуществление захватнических планов Цинской империи.

В дальнейшем, на протяжении 1679—1685 гг., большое место во взаимоотношениях цинского правительства с ойратскими правителями и владетельными феодалами по-прежнему занимали вопросы расселения алашаньских ойратов, нарушения ими границ, грабежа населения и др. Так, в середине 1679 г. вновь встает вопрос о Батур-эркэ-джинонге, его племяннике Ханьдутайджи, его младшем брате Тусету Лобцзане, замешанных в нападении и ограблении племен уратов и маоминган, а также ордосских племен [33, цз. 9, 12а—12б; 22, цз. 80, 15а—15б] [20]. Этот вопрос, как и вопрос об окончательном поселении Батур-эркэ-джинонга, освещался в ряде донесений чиновников и императорских указов [22 цз. 81, 9а—9б].

В указе императора Канси рекомендуется отправить чиновников к месту пребывания Батур-эркэ-джинонга и детально выявить обстоятельства убийства и ограбления уратов [22, цз. 81, 9б]. Только 7 октября 1681 г. Батур-эркэ-джинонг прислал гонца с данью и письмом, в котором приносил извинения за своих подданных, виновных в грабежах, и просил снисхождения [22, цз. 97, 9а—9б]. Однако на этом инцидент не был исчерпан. Через год, 18 октября 1682 г., Батур-эркэ-джинонг вновь представил доклад, в котором пытался объяснить проступки своих подданных незнанием ими законов. Вместе с тем он указывал на крайнюю бедность тех, кто угнал лошадей, и на его стремление откупиться за виновных своими средствами и пожертвованиями родственников. Далее в этом же докладе Батур-эркэ-джинонг просил разрешить его подчиненным и родственникам торговать в Нинся, расположенном сравнительно близко от места пребывания тех, кто с ним бежал от преследования Галдана [22, цз. 104, 24б].

Вопреки предложению Лифаньюаня о наказании виновных Канси решил освободить их от предоставления недостающего числа лошадей для полного возмещения убытков и избавить их от наказания, в то же время строго предупредить Батур-эркэ-джинонга о недопущении конфликта [22, цз. 104, 25а]. По-ви-

димому, Батур-эркэ-джинонг представлял немалый интерес для Цинов в планируемой борьбе с Галданом. Этим можно объяснить снисходительное отношение Канси к родственнику покойного Очирту-цэцэн-хана.

Вопрос о Батур-эркэ-джинонге и его кочевьях вновь возник в 1683 г. в связи с сообщением ордосского бэйлэ Суналабу о том, что Батур-эркэ-джинонг разместился на берегу Хуанхэ, около Ордоса.

Судя по указу Канси от 5 сентября 1683 г., кратко пересказывавшему историю бегства Батур-эркэ-джинонга и Гомбо-Арабдана после убийства Очирту-цэцэн-хана, цинский император представлял себе значение обоих беглецов в предстоящей борьбе с Галданом. Это вытекает из следующих слов указа: «Ныне слышали, что Гомбо-Арабдан взял в жены дочь халхаского Тушэту-хана... Если Галдан-Бошокту пожелает пойти с войсками против Гомбо-Арабдана и Батур-эркэ-джинонга, то, вероятно, халхаский Тушэту-хан будет наступать с тыла, а если [Галдан] пожелает с войсками выступать против Халхи, то, вероятно, Гомбо-Арабдан и другие нападут на него с тыла. Поэтому совершенно невозможно захватить Батур-джинонга... Положение [таково, что] смута обязательно возникнет изнутри... Это дело [о Батур-эркэ-джинонге] надо временно отложить, подождать возвращения в столицу и [тогда] снова доложить» [22, цз. 111, 7а; 40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 12а—12б].

Совершенно очевидно, что, тайно лелея мысль о создании коалиции потомков Очирту-цэцэн-хана с халхаскими феодалами (в частности, с Тушэту-ханом) против Галдана, Канси не торопился с решением вопроса о кочевьях Батур-эркэ-джинонга. По-видимому, ко времени появления цитированного указа такой союз уже формировался. Теперь нужно было подтолкнуть Галдана на более активные действия против хошоутов, для чего необходим был повод. И Цины нашли его. Они решили натравить Галдана на Батур-эркэ-джинонга. Как сообщается в этом же указе, Канси предложил Галдану забрать к себе Батур-эркэ-джинонга и др. как своих подданных. Цины заведомо знали, что последний добровольно не полезет в петлю (Галдан не простил бы ему борьбы в прошлом и бегства), что Галдану для задержания Батур-эркэ-джинонга потребуется применить силу, а это вызовет отпор не только со стороны последнего, но и со стороны его союзников и родичей, в первую очередь Гомбо-Арабдана. Последнему же окажет помощь халхаский Тушэту-хан, так будут приведены в действие силы, способные если не сокрушить, то значительно ослабить Галдана.

Безусловно, вопрос о Батур-эркэ-джинонге был поставлен перед Галданом с чисто провокационными целями для того, чтобы вовлечь Галдана в войну с хошоутскими феодалами, а заодно и с частью феодальных правителей Халхи. Возможно, что Галдан догадывался об этом и поэтому уклонился от немедлен-

ного решения вопроса о Батур-эркэ-джинонге, попросив для этой цели более двух лет.

Следует сказать, что по докладу посла Китата, ездившего к Галдану [21] с предложением схватить Батур-эркэ-джинонга и Эрдени-хошоци, наказать их и послать откуп Цинам, Канси приказал Государственному совету подготовить решение. В представленном позднее решении [22], одобренном Канси, предлагалось отложить вопрос о захвате Батур-эркэ-джинонга и др. до мая 1685 г., как предлагал Галдан [22, цз. 111, 16а].

Надо сказать, что помимо намерения Канси столкнуть Галдана с хошоутами, бежавшими с Алашаня, он имел и другие планы — подчинить своему влиянию последних. В то же время Цины по-прежнему стремились держать ойратов подальше от границ. В этом смысле показательно поведение цинских властей в отношении потомков Очирту-цэцэн-хана. Выше говорилось об этом в связи с Батур-эркэ-джинонгом, такое же отношение Цинов было и к внуку Очирту-цэцэн-хана Лобцзан-Гомбо-Арабдану, который в сентябре 1682 г. просил помощи в связи с тяжелым положением и разрешения кочевать со своими людьми на территории Лунтоушаня [22, цз. 104, 6а; ср. 145, 254].

Цины не разрешили Лобцзан-Гомбо-Арабдану кочевать в этом пограничном районе, по-видимому, из опасения, что его подданные будут нарушать пограничный режим и вызывать беспорядки [22, цз. 104, 7а] [23]. Этот отказ не был случайным — он характеризовал политику династии Цин, всячески препятствовавшей расселению ойратов близ своих границ. Такую же политику цинские власти проводили и в отношении кукунорских хошоутов, с которыми поддерживали тесные связи на протяжении нескольких десятилетий.

Приведем один пример. В «Шилу» за 1 февраля 1684 г. помещено решение Государственного совета в связи с посланием кукунорского Моргэнь-тайджи, который, сообщая о заслугах своего отца в прошлом, просил предоставить для кочевий земли в районе Хуанчэнэртаня. Кстати, Моргэнь-тайджи имел некоторые основания претендовать на эту территорию, так как еще в 1667 г. ряд ойратских тайджи из Кукунора временно кочевали на землях Хуанчэнэра и Дацаотаня, а затем ушли оттуда по приказу далай-ламы [33, цз. 9, 8б]. По-видимому, это были спорные земли, хотя цинские власти считали их своими как раньше, так и теперь, в 1684 г. Просьба Моргэнь-тайджи была отклонена на том основании, что на этой территории, по утверждению маньчжурских властей принадлежащей Цинам, живет китайское население, которое не сможет ужиться с ойратами, так как образ жизни последних отличается от китайского [22, цз. 113, 19а—19б].

Отношения Цинской империи со своими ближайшими соседями, с кукунорскими хошоутами, несмотря на некоторые разногласия по территориальным вопросам, в общем-то были нор-

мальными, и между ними по-прежнему, в духе старых традиций, происходил систематический обмен подарками, когда ойратские послы приезжали в столицу Цинской империи. Однако, сохраняя хорошие отношения с кукунорскими ойратами, Канси организовал тайное наблюдение за ними, по-видимому не доверяя им. С этой целью был направлен в Сунпань резидентом Чжаньбила, которому в императорском указе от 23 июня 1680 г. были даны четкие инструкции по разведке и наблюдению также за кукунорским правителем Далай-Батур-тайджи [22, цз. 90, 9б—10а].

Иначе обстояло дело с Галданом. С ним Цины вели тонкую игру: поддерживая враждебные Галдану силы (кукунорских и бежавших с Алашаня хошоутов; а также некоторых халхаских феодалов), одновременно старались внушить ему, что Цины питают к нему дружеские чувства и оказывают знаки внимания. По-прежнему регулярно прибывали к цинскому двору с подарками послы Галдана (в 1681, 1682, 1683, 1686 гг.) [24], а подданные Галдана вели с Цинской империей торговлю. В посланиях Галдана и Канси за десятилетие — до середины 80-х годов — не было и намека на ведущуюся между ними скрытую борьбу: все было чинно, церемонно, соблюдался дипломатический этикет, сопровождавшийся взаимным обменом любезностями и пожеланиями мира и дружбы.

Даже попытка вторжения Галдана в Турфан, о чем в Пекин доложил генерал Чжан Юн 17 августа 1679 г. [22, цз. 82, 5б—6а], не вызвала дипломатической акции со стороны Канси, хотя последний считал Турфан своим вассалом. Намерение Галдана захватить Кукунор, как было указано выше, также не встретило отпора со стороны Цинов. По-видимому, еще не был окончательно сколочен союз халхаских и ойратских (в основном хошоутских) феодалов против Галдана. Временно отказавшись от давления на Галдана силой, Канси пытался воздействовать на него и других монголо-ойратских правителей мерами пропаганды.

Специальная кампания по «мирному» завоеванию умов и сердец своих соседей (халхасов и ойратов) была проведена во второй половине 1682 г. Нашелся и предлог для этой цели — победа над внутренними врагами (усмирение восстания «трех князей») и сообщение об этой победе своим «вассалам», которым по случаю торжества жаловались подарки. Эта кампания проводилась довольно широко. Она должна была, по замыслу Канси, охватить различных ойратских и халхаских правителей, к которым направлялись специальные послы [22, цз. 103, 13а]. К Галдану были направлены нэйдачэнь Китат, шивэй первого ранга Гиоро-Сунью и Ананьда. Отправляемые послы получили подробную инструкцию от Канси в отношении церемонии встречи с ойратскими и халхаскими правителями, поведения при вручении грамоты и подарков, при встречах с населением и т. д. В

специальном указе Канси от 12 августа 1682 г. обращалось внимание Китата на то, что цинские послы в переговорах должны исходить из принципа, которого придерживались маньчжурские ханы: все народы представляют собой единое целое, не следует разделять маньчжуров и монголов, необходимо добиваться согласия и гармонии. Этот принцип, представлявший собой модифицированную «китаецентристскую» догму, умело использовался в пропаганде для того, чтобы внушить соседним народам мысль об их общности и неразрывности с маньчжурами, с Цинской империей и о необходимости подчиняться ей или даже слиться с ней.

Как известно, цинская дипломатия всегда придавала большое значение дипломатическому этикету и знакам уважения по отношению к маньчжурским ханам. Однако в инструкции, данной Китату императором, делались некоторые уступки монголам: «Они (монголы. — *Л. Д.*) прежде при соблюдении правил [этикета] поступали согласно монгольским обрядам. Если ойраты и халхасы, придерживаясь этих монгольских правил, будут весьма уважительными и почтительными, то и этого достаточно» [22, цз. 103, 15а].

Интересны указания Канси в отношении поведения послов. Предусматривалось, что если в пути у послов будут украдены лошади и верблюды, т. е. совершится мелкая кража, то не следует заставлять возмещать эти утраты. В случае прибытия ойратов или халхасов в места остановок послов рекомендовалось встречать их приветливо, хорошо обходиться с ними [22, цз. 103, 16а—16б].

В духе инструкций, приведенных выше, был и указ Канси на имя Галдан-Бошокту-хана, помещенный в «Шилу» под той же датой — 12 августа 1682 г. [22, цз. 103, 16б—17б]. Подчеркивая, что отец и старший брат Галдана поддерживали дружественные отношения с Цинами и в течение многих лет представляли им «дань», Канси отмечает, что Галдан воспринял их традиции, не прерывал связей с Цинской империей, за что заслуживает одобрения и щедрых подарков. Далее в указе отмечалось: «Вы, приняв эти пожалования, должны еще более поддерживать добрые намерения, всем сердцем относиться с уважением и покорностью, чтобы содействовать моим гуманизму и мягкости и намерениям установить гармонию и согласие во всех владениях [22, цз. 103, 17 а]. Аналогичные грамоты были пожалованы хадхаским ханам, джинонгам и тайджи, т. е. владетельным правителям различных рангов.

Из приведенного указа видно, что во второй половине 1682 г. цинские власти еще надеялись укрепить отношения с Галданом, питая иллюзии в отношении его «покорности и почтительности» и возможности вовлечь его в коалицию (на севере и северо-западе) под эгидой Цинов. По возвращении Китат в своем донесении сообщал, что Галдан принял посла в соответствии с этике-

том: «Галдан, преклонив колени, принял грамоту и наградил [посла] различными подарками. Затем спросил о здоровье императора» [22, цз. 111, 13а) [25]. В беседе с послом Галдан интересовался внутренним положением империи [22, цз. 111, 13б].

Дальнейшие переговоры посла Китата с Галданом велись через его цэцэн-цзайсана Уэрчжаньчжаба. Мы уже указывали выше, что главной темой переговоров был вопрос о Батур-эркэджинонге и Эрдэни-хошоци. Китат затронул также вопрос о полномочиях послов Галдана, о снабжении их соответствующими документами, сославшись на имевшие место недоразумения в прошлом. Галдан ответил, что его послы всегда имеют документ с печатью, но возможно, что его подданные, торговавшие в Цинской империи, выдавали себя за послов. «Отныне и впредь, если я буду отправлять послов, — заявил он,— надлежит пользоваться документом с печатью, в котором будут отмечены год, месяц и день» [22, цз. 111, 14б—15а] [26]. Посольство Китата 22 февраля [27] 1683 г. отправилось в обратный путь. Вслед за ним Галдан направил своих послов Эркэ-гэлун Чахань-Ойгуна, Чжоликту-Ойгуна и Пэньчука с подарками [22, цз. 111, 15а].

Посольство Китата, а также прием, оказанный Галданом Китату, были оценены положительно цинскими высшими властями, что нашло свое отражение в решении Государственного совета, отметившего соблюдение Галданом необходимых церемоний при принятии императорской грамоты и подчеркнувшего, что Галдан «в течение поколения вносит дань, поддерживает хорошие отношения...» [22, цз. 111, 16а].

Нельзя согласиться с утверждением И. Я. Златкина о том, что в конце 1683 г. «начало меняться отношение Пекина и к самому Галдану. Примирительная ранее политика цинского правительства стала приобретать все более жесткие формы» [145, 263]. По мнению И. Я. Златкина, это проявилось прежде всего в ограничении торговли и сокращении ойратских послов в Цинскую империю до 200 человек. Об этом якобы свидетельствовало послание Канси к Галдану, отправленное в конце 1683 г. [145, 263—264]. Мы считаем, что обострение отношений Цинов с Галданом относится к более позднему времени (к концу 80-х годов XVII в.). Что касается упомянутого послания Канси, то оно относилось не только к Галдану, но и к правителям других племенных групп ойратов и было вызвано не изменением политики, а участившимися нападениями торговых людей, сопровождавших ойратских послов, на халхаских мирных жителей, кочевавших со своим скотом. Этим и была вызвана такая мера, как ограничение числа ойратских представителей, прибывавших на территорию Цинской империи. Такое положение вещей бывало и в прошлом и также вызывало ответные меры цинских властей.

Так, еще в 1656 г. цинское правительство разрешило только 100 турфанским представителям приезжать с «данью», из них

только 30 разрешался въезд в столицу (подробнее об этом см. стр. 223—224 настоящей работы). Вот почему меры, принятые в отношении представителей Галдана, мы считаем обычными, а не чрезвычайными, отражавшими изменения во внешней политике. Это подтверждается и упомянутым указом Канси от 3 ноября 1683 г., отмечающим рост числа «послов» и их бесчинства в пути:

«За последние годы из твоих мест прибывало более 1000 послов, иногда же по нескольку тысяч человек [приезжали] непрерывно. По дороге за Великой стеной (т. е. за границей.— *Л. Д.)* [они] отнимали скот у монголов, а перейдя [наши] границы, своевольно выпускали его, топтали хлеба на полях, задерживали мирных людей, грабили имущество. Таких безрассудных поступков очень много...

Впредь из направляемых тобой послов, представляющих дань и имеющих свидетельства (удостоверения с печатью), только 200 посланцам разрешается въезд на внутреннюю территорию, а остальным всем дозволяется торговать в Чжанцзякоу и Гуйхуачэне.

Тем же, кто прежде не пользовался твоими свидетельствами и самостоятельно вносил дань, [например] элеутскому Гармадайцин-хэшоуци, хошоутскому [владетелю] Борокудзи-тайджи, дэрбэтскому [владетелю] Алдар-тайджи, торгоутскому Аюки-тайджи, также не будет разрешен проезд на нашу территорию более чем 200 посланцам.

Впредь, направляя послов, необходимо выбирать способных старшин, которые смогут осуществлять строгий контроль.

Если в дороге [твои люди] по-прежнему будут грабить, наносить вред народу и создавать беспорядки, то они будут наказаны согласно законам нашей династии» [22, цз. 112, 12а—13б; 145, 263—264].

Итак, содержание указа свидетельствует о том, что его появление вызвано участившимися столкновениями ойратов с местным населением. Ограничения, введенные Цинами, распространялись не только на Галдана, но и на правителей всех племенных групп ойратов, даже на тех, которые находились в дружеских отношениях с Цинами. Об этом свидетельствует такой факт. Когда зимой 1685 г. Батур-эркэ-джинонг отправился к цинскому двору в сопровождении 700 человек, только 200 из них были пропущены во Внутренний Китай, а остальные вынуждены были остаться в Гуйхуачэне [33, цз. 9, 16б].

Вопрос о торговле с ойратами не имел четкой юридической базы, правовых основ, поэтому постоянно вызывал недоразумения. Вспомним, что еще в 50-х годах XVII в. он неоднократно поднимался кукунорскими хошоутами. В 70—80-х годах этот вопрос вновь становится актуальным, теперь уже в связи с отношениями Цинов с Галданом и другими ойратскими феодальными правителями. Необходимо было внести ясность в целый

ряд вопросов, в частности в вопрос о местах торговли. Не случайно 7 ноября 1686 г. в «Шилу» появляется сообщение о прибытии представителей от ойратских правителей — Тухар-тайджи [28] и Галдан-тайджи — для ведения переговоров о взаимной торговле [22, цз. 127, 22б]. В связи с этим были получены указания Канси о том, что ойратам, представляющим четырех великих тайджи [29], в том числе Галдана, разрешается торговать в столице, а представителям малых тайджи — в Чжанцзякоу. Было приказано также составить определенные правила, регулирующие торговлю ойратов с Цинской империей [22, цз. 127, 23а].

Вскоре, однако, вопросы торговли отошли на второй план, так как возник конфликт между халхаскими правителями и Галданом, в который была вовлечена и Цинская империя. В середине 80-х годов вновь оживляется переписка между Цинами и хошоутами, бежавшими с Алашаня.

В 1684 г. ко двору Канси прибыл с «данью» посланец от Ханьду и Эрдэни-хошоци, который просил простить их за ограбление уратов. Указом Канси они были прощены [33, цз. 9, 14б; 40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 12б]. Несомненно, это решение Канси находилось в тесной связи с его политикой сколачивания сил, враждебных Галдану. В этих целях Канси продолжает укреплять связи и с другими правителями хошоутов, как кукунорских, так и алашаньских. Например, Канси с радушием принял прибывшего ко двору одного из кукунорских независимых правителей ойратов, Батур-эрдэни-дайцин Хулумши, разрешив ему следовать за экипажем императора. После возвращения на свои кочевья он оказывал Цинам активную помощь, в частности следил за Галданом. Когда последний вторгся в Халху, Хулумши сосредоточил подчиненные ему войска на границе, намереваясь помочь цинской армии [33, цз. 9, 17а].

В этот период укрепились связи цинских властей с Батур-эркэ-джинонгом. В 1685 г. он просил пожаловать ему грамоту и печать. Однако советники императора предложили не давать согласия «в связи с тем, что кочевья его еще не определены» [33, цз. 9, 15б; 40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 12б].

В обнародованном вслед за этим указе Канси предлагалось Батур-эркэ-джинонгу Хороли вместе с Лобцзан-Гомбо-Арабданом поселиться в одном и том же месте по усмотрению цинских властей. После устройства на этих землях Хороли и Лобцзан-Гомбо-Арабдана указом предусматривалось: «Пожаловать [им] звания и титулы, преподнести золотую печать и императорскую грамоту, чтобы этим выразить [нашу] императорскую волю восстановить уничтоженное, продолжить прерванное» [33, цз. 9, 15б; 40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 12б]. После получения указа Хороли выразил желание поселиться на северном склоне Алашаня. В связи с этим был отправлен посол к далай-ламе с грамотой императора, в которой сообщалось, что срок, наме-

ченный Галданом для принятия Хороли[30], уже прошел несколько месяцев тому назад и что Хороли и др. еще не устроены. По этому поводу Канси высказал далай-ламе упрек за то, что он якобы не заботился о благе потомков Очирту-цэцэн-хана, находящихся в бедственном положении [33, цз. 9, 15б, 16б; 40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 13а]. Далее в грамоте предлагалось встретиться послам далай-ламы и Канси для того, чтобы определить кочевья для Хороли, Лобцзан-Гомбо-Арабдана и др. [40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 13а; 33, цз. 9, 16б].

Как видно из упомянутой грамоты, Канси по-прежнему стремился действовать совместно с далай-ламой при оказании существенной помощи группировке алашаньских хошоутов, стоявшей в оппозиции к Галдану.

В начале 1686 г. Хороли прибыл в Пекин, где его встречали как великого тайджи, т. е. приравняли к Галдану и другим ойратским ханам. Канси лично пожаловал Хороли соболью шубу. В его честь был устроен банкет. В указе, опубликованном в связи с приездом ко двору Хороли, всячески подчеркивалось сочувствие Цинов пострадавшему от Галдана Хороли и вновь высказывалось пожелание Канси поселить Хороли вместе с внуком Очирту-хана — Лобцзан-Гомбо-Арабданом [33, цз. 9, 18а].

В августе 1686 г. в Пекин прибыл посол далай-ламы с посланием последнего. В этом послании, в основном посвященном вопросу расселения Хороли и Лобцзан-Гомбо-Арабдана, указывалось, что возле Алашаня земельные пространства ограниченные, поэтому далай-лама обращается с просьбой к Канси: «Выбрать место, изобилующее травой и водой, и разместить их (ойратов. — *Л. Д.*)» [22, цз. 127, 5а].

Далее сообщалось, что посол далай-ламы Цицик-Далай-Хамбо Лобцзан отправлен на встречу с цинским послом и должен прибыть в Алашань в ноябре [22, цз. 127, 1а; 40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 13а]. Со стороны Цинов направлен правый шилан Лифаньюаня Ладугу, которому было дано задание, встретившись с послом далай-ламы, определить места поселения и вызвать туда Хороли и Лобцзан-Гомбо-Арабдана, а также разрешить Эрдэни-хошоци кочевать вместе с ними, если он пожелает [22, цз. 127, 5б].

В докладе Ладугу, помещенном в «Шилу» за 27 декабря 1686 г., сообщалось о встрече с послом далай-ламы, а также с Хороли, которому были названы земли, передававшиеся ему для кочевий в Алашане, кроме того, оговаривались границы кочевий. Лобцзан-Гомбо-Арабдан, по сообщению Ладугу, не прибыл к месту встречи по той причине, что вынужден был приготовиться к отражению ожидавшегося нападения на него Галдана [22, цз. 128, 5а—6а; 40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 13а; 33, цз. 9, 18б—19а][31]. Итак, к началу 1687 г. лишь Хороли был поселен в Алашане. Вместе с ним выразил желание кочевать и Эрдэни-хошоци [40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 13а].

Канси поддержал предложение Ладугу поселить вместе с Хороли и Галдан-дорчжи [22, цз. 128, 7а]. Одновременно с этим представители Канси и далай-ламы совместно с Батур-эркэджинонгом Хороли разработали правила о наказаниях для ойратов за нарушение границ и грабеж населения.

По существу, эти правила регламентировали отношения между ойратами и цинскими властями и устанавливали пограничный режим. Основные положения этих правил приведены в упомянутом выше докладе Ладугу. Они предусматривали смертную казнь виновных в убийстве пограничного населения и краже скота у него и конфискацию в пользу казны жен, детей и скота совершивших преступление ойратов. На участников грабежа и на тех, кто тайно вторгался на границы и кочевал, даже не принимая участия в грабежах, налагался штраф в размере 27 голов скота. Было предусмотрено также взимание штрафа и с цзайсанов и джинонгов за нарушение закона их подчиненными [22, цз. 127, 6а—6б] [32]. Эти правила, по замыслу их составителей, должны были распространяться также на Эрдэнихошоци и его подчиненных.

Активное вмешательство Канси в решение вопроса о судьбах потомков Гуши-хана и Очирту-цэцэн-хана, их расселении, а также составление правил о наказании ойратов с участием представителей династии Цин способствовало усилению влияния последней на хошоутов и установлению известного контроля над ними. Это не только облегчило Цинам ведение борьбы с Галданом за господство в Халхе, но и дало возможность подорвать могущество Джунгарского ханства изнутри. Вся дальнейшая политика Канси была направлена на то, чтобы не допустить объединения монголов, чего добивался Галдан, подчинить монгольских ханов и превратить их в вассалов Цинской империи.

Канси сумел в противовес Галдану создать коалицию некоторых ойратских старшин с частью халхаских правителей, но ему не удалось полностью парализовать действия Галдана, направленные на объединение Джунгарского ханства с Халхой.

Борьба Галдана за объединение западных и восточных монголов. Халхасо-ойратская война и вмешательство Цинской империи

Как уже отмечалось, Канси пытался сплотить силы, враждебные Галдану. Хотя эта попытка в известной степени ему и удалась, но это не изменило стремление Галдана объединить западных и восточных монголов и тем самым создать мощное препятствие на пути экспансии Цинской империи.

Следует сказать, что начавшаяся в 1688 г. война между Джунгарским ханством и Халхой была спровоцирована халха-

ским Тушэту-ханом Чихунь-Доржи и его братом, халхасским первосвященником Джэбдзун-Дамба-хутухтой, что подтверждается перепиской Галдана с Канси и последнего с далай-ламой. Признал это и Канси.

Из донесения халхаского Тушэту-хана Чихунь-Доржи, цитируемого в «Шилу» за октябрь 1687 г., совершенно очевидно, что Тушэту-хан первым выступил во главе войск против Галдана [22, цз. 131, 9а, 10а]. В одном из писем Галдана Канси говорилось: «Джебдзун-Дамба и Тушэту-хан нарушили учение (религию) далай-ламы, неуважительно отнеслись к Ширету[33]... в конце концов начали военные действия» [22, цз. 136, 3б][34].

Позднее, в сентябре 1688 г., шивэй Ананьда, основываясь на разведывательных данных, сообщил о беседе Галдана с послом далай-ламы, в которой Галдан заявил о желании отомстить за своего младшего брата Дорджиджаба, убитого Тушэту-ханом: «Если я примирюсь с Тушэту-ханом, тогда кто отплатит за жизнь моего младшего брата Дорджиджаба? Я [готов] всеми силами бороться в течение 5—6 лет и обязательно уничтожу Халху, обязательно схвачу Джебдзун-Дамбу...» [22, цз. 136, 19б].

В другом заявлении Галдана, высказанном в конце 1688 г., о котором сообщили шивэй Ананьда и лама Шаннань-дорчжи, дополнительно указывается, что Тушэту-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта также убили Дзасакту-хана и Дэкдэхэй-Моргэньахая, захватили их владения, вторглись на территорию Галдана и грабили ее [22, цз. 137, 24б; 145, 276].

В грамоте Канси далай-ламе (датирована в «Шилу» 8 февраля 1689 г.) цинский император полностью признает вину Тушэту-хана, спровоцировавшего войну: «И вот халхаские Тушэту-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта сами навлекли [на себя] гибель, нарушили указ [императора], подняли оружие и первыми начали военные действия. Убили Дзасакту-хана и еще убили младшего брата Галдана — Дорджиджаба. Вслед за этим Галдан начал военные действия и нанес поражение Халхе. Это бедствие от раздоров, вызванных вначале Халхой. Мы не возлагаем вину за это на Галдана» [22, цз. 139, 8а]. Эти же мысли Канси высказал в своей грамоте Галдану, помещенной в «Шилу» за 31 мая 1689 г. В грамоте после перечисления проступков Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты указывается: «Ты [Галдан], из-за того, что они первыми начали, вслед за этим открыл военные действия и разгромил Халху. В этом вина Халхи, а не твоя» [22, цз. 140, 26а; ср. 145, 277].

Приведенные выше свидетельства показывают, что ответственность за возникновение войны между Джунгарским ханством и Халхой целиком ложится на тех феодальных владетелей, которые были возглавлены Тушэту-ханом и Джебдзун-Дамба-хутухтой, а не на Галдана. Это понимал и Канси. Однако он оказывал покровительство Тушэту-хану и его сторонни-

кам и не соглашался с требованием Галдана о выдаче ему виновников войны. Причина этого заключалась в том, что Канси стремился использовать своих халхаских марионеток для аннексии Халхи и организации отпора Галдану.

Вместе с тем Канси, готовясь к будущим схваткам с Галданом, пытался усыпить его бдительность своими мирными предложениями. Если некритически подойти к показаниям китайских источников и целиком на веру принимать то, что писал Канси в своих указах и грамотах на имя Галдана и далай-ламы, то может создаться впечатление, что Канси постоянно выступал в роли миротворца, искренне призывавшего к примирению и прекращению военных действий со стороны Галдана и его противников в Халхе. На самом деле все было значительно сложнее, и маска «миротворца» нужна была Канси до тех пор, пока он не укрепил свои позиции в Халхе и не мобилизовал силы для борьбы с Галданом.

Канси проводил гибкую политику, меняя тактику в зависимости от соотношения сил и возможностей, от положения в Халхе и Цинской империи. Вначале, когда возник конфликт между Джунгарским ханством и Халхой, Цины попытались примирить враждующие стороны. Еще в октябре 1687 г. в ответ на донесение халхаского Тушэту-хана о том, что Галдан готовится к вторжению в Халху, Государственным советом было принято решение, одобренное Канси, направить императорский указ далай-ламе, Галдану и Тушэту-хану с призывом не допускать военных действий и восстановить дружественные отношения [22, цз. 131, 9б] [35]. В указе Галдану всячески подчеркивается, что Канси, как правитель Вселенной, одинаково относится как к своим, так и к чужим. Далее высказывается надежда, что Галдан, из поколения в поколение проявлявший покорность и уважение и долгие годы аккуратно присылавший дань, своевременно сообщит императору о своих намерениях начать войну [22, цз. 131, 10а].

В заключение в указе отмечалось: «Если по получении указа прекратите военные действия и наладите дружбу, то это значит, что [ты проявишь] свои чувства уважения и покорности, и мы действительно будем рады этому» [22, цз. 131, 10а—10б]. Аналогичный указ был направлен Тушэту-хану.

Такая миротворческая позиция Канси, выразившаяся не только в призыве к миру, но и в запрещении сателлитам Цинов выступать в поддержку Тушэту-хана [36], объясняется отнюдь не гуманностью и миролюбием Канси, а создавшимися условиями в Халхе и обострением отношений Цинской империи с Россией. В самой Халхе происходила борьба между различными группами феодальных правителей. Галдан имел опору в лице Дзасакту-хана и др. По-видимому, идея объединения западных монголов с восточными находила поддержку в Халхе. Это видно хотя бы из того факта, что в 1688 г. Галдан сравнительно

быстро подавил сопротивление Тушэту-хана и его сторонников и овладел территорией Халхи.

В то же время Цины не были подготовлены к войне: на границах с Халхой находились лишь немногочисленные охранные войска, армия не была отмобилизована и подведена к границам. Вмешательство Цинов в монгольские дела без достаточных оснований могло привести к росту антиманьчжурских настроений и к еще большей консолидации западных и восточных монголов. Кроме того, к этому времени еще не был решен вопрос о северо-восточных границах Цинской империи, не отрегулированы отношения с Россией, обострившиеся в связи с нападением китайско-маньчжурских войск на Албазин.

В таких условиях Цины не могли идти на обострение отношений с Галданом и вступать в открытую борьбу на два фронта. Самое лучшее, что они могли сделать, — это уговорить Галдана приостановить военные действия, чтобы получить возможность подтянуть к границам цинские войска. При этом Канси надеялся повлиять на Галдана и правителей Халхи, считая их своими вассалами-данниками: в эдиктах Канси красной нитью проходит указание на то, что «ойраты и халхасы обязаны [представлять] дань нашей династии. Следует направить им указы о прекращении военных действий» [22, цз. 131, 9б].

Из документа в документ кочует фраза, показывающая претензии Канси на господство над народами мира. Наиболее ярко она представлена в грамоте Галдану от мая 1689 г., уже после разгрома Халхи Галданом: «Мы управляем Вселенной (Юйнэй). Народы всей земли — наши дети» [22, цз. 140, 25а].

Принимая роль правителя Вселенной и считая халхасов и ойратов своими данниками, Канси оправдывал свое вмешательство во внутренние дела Халхи и Джунгарского ханства, в конфликт между ними. Под маской миротворца он скрывал свое подлинное лицо агрессора, стремившегося захватить Халху, а также подчинить себе, хотя бы в качестве покорного вассала, правителя Джунгарского ханства — Галдана. Еще до того как призывы к миру не дали успеха, причем не из-за Галдана, а в связи с отказом Тушэту-хана принять участие в примирительном съезде [37], на созыве которого настаивал Канси, последний переходит от слов к делу.

Прежде всего Канси принимает меры по сосредоточению цинских войск на границах с Халхой. Так, еще в июле 1688 г., т. е. ко времени поражения халхаских войск сына Тушэту-хана, в связи с донесением шаншу Арни об успешном продвижении войск Галдана по территории Халхи в императорском указе отмечалась необходимость усиления обороны пограничной территории [22, цз. 135. 25б]. 9 августа 1688 г. в указе Канси в адрес Хэшо Юй-цинь-вана Фуцюаня говорится уже о конкретных мерах по подготовке к отпору Галдану. Было приказано корцинь-скому тушэту цинь-вану Шачжину и Дархан-цинь-вану Баньди

послать 10-тысячное войско, кроме того, предложено шэнцзинским (мукденским) цзянцзюню и фудутуну отправить тысячное войско [22, цз. 136, 9а—9б].

После донесения шилана Вэньды и шивэя Ананьды о поражении близ оз. Олохуйнор [38] войск Тушэту-хана и бегстве его к месту пребывания Джебдзун-Дамбы Канси своим указом обязал сановников принять меры обороны. Были даны конкретные указания о дислокации войск, использовании монгольских (халхаских) войск различных знамен и размещении их в стратегически важных пунктах [39].

Наряду с военными приготовлениями Канси пытается воздействовать на Галдана и экономическими мерами.

Джунгарское ханство было заинтересовано в торговле с Цинской империей, и, несмотря на войну с Халхой, Галдан неоднократно обращался к Канси с просьбой по-прежнему разрешать ойратам поездки в Китай с целью торговли. Так, в октябре 1688 г. посол Галдана, прибывший в столицу Цинской империи, просил разрешить торговать на обычных условиях [22, цз. 137, 5а]. Позднее (в конце 1688 г.) Галдан повторил свою просьбу в беседе с Гуньчук-дархан Нансу, направленным к нему цинскими властями. В последовавшем за этим решении Государственного совета вопрос о торговле откладывался на будущее [22, цз. 137, 25б—26а].

31 мая 1689 г., при отправлении послов к Галдану, Канси в специальном указе рекомендовал им припугнуть Галдана тем, что будут перерезаны пути связи и торговли с Цинской империей, что нанесет ущерб ойратскому народу [22, цз. 140, 24б—25а; 145, 278]. Таким образом Канси пытался воздействовать на Галдана не только призывами к миру, но и методами шантажа.

Выступая под маской миротворца и благодетеля, якобы одинаково относящегося ко всем народам, Канси отдавал свои симпатии тем правителям Халхи, которые готовы были служить ему и превратить свой народ в рабов Цинов. После поражения войск цинских марионеток — халхаских правителей (Тушэту-хана, Джебдзун-Дамба-хутухты и подчиненных им тайджи), бегства их в пределы Цинской империи и захвата Галданом Халхи цинское правительство открыто стало оказывать им поддержку [22, цз. 136, 7а—7б] [40]. 1 октября в «Шилу» приводится подробное сообщение — доклад 28 ванов и тайджи монгольских знамен (Баринского, Учжумуцинского, Кэшиктэнского, Хорчинского и др.) с выражением покорности Цинам. К этому же времени на сторону Цинов перешли Тушэту-хан с младшим братом Шидиширн-батур-тайджи, Джебдзун-Дамба-хутухта с сыновьями и абаханские тайджи [22, цз. 137, 4а]. В связи с этим Государственный совет вынес решение, одобренное Канси: «Халхаское государство разрушено. Тушэту-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта искренне изъявляют желание подчиниться. Следует принять их и оказать им поддержку» [22, цз. 137, 4а—4б].

По существу, Канси, оказав поддержку разгромленным войскам Тушэту-хана и других халхаских феодалов, рассчитывал использовать их в борьбе против Галдана. Вместе с тем переход на сторону Цин части феодальных правителей Халхи, боровшихся с Галданом, был использован Канси для превращения Халхи в будущем в свое вассальное владение. Однако агрессивную политику в отношении Халхи он прикрывал вуалью милосердия и заботы. Письма и грамоты, посланные Канси Галдану и далай-ламе, — яркое свидетельство лицемерия цинского императора. Так, в грамоте Канси Галдану, датированной в «Шилу» 31 мая 1689 г., отмечалось, что разгромленным халхасам была оказана помощь в беде, поскольку они перешли на сторону Цинской империи. В грамоте подчеркивалось, что Канси заботился обо всех, попадавших в беду [22, цз. 140, 26а—27а].

Чтобы оправдать свои действия, якобы исключительно гуманные, Канси прикрывался авторитетом далай-ламы: «Подобным образом поступаем не только мы, [император]. Как и мы, далай-лама стремится поддержать всех живущих» [22, цз. 140, 27а]. Далее в грамоте содержится призыв прекратить войну.

Следует отметить, что Канси имел основания ссылаться на далай-ламу. И это не было пропагандистским трюком в целях воздействия на религиозные чувства Галдана. Канси действительно удалось убедить далай-ламу (или, точнее, заменившего его дибу, так как далай-лама к тому времени умер) и добиться от него поддержки позиции Цинов по вопросу о прекращении войны в Халхе. Канси выступал единым фронтом с тибетскими теократическими властями с самого начала конфликта между Галданом и халхаскими феодалами. Так, еще 23 апреля 1686 г. по просьбе Канси от имени далай-ламы в Халху был отправлен тибетский представитель Галдан-ширету для участия в съезде халхаских князей в целях примирения их. В грамоте Канси, направленной в том же месяце ханам семи знамен (хошунов) Халхи, говорится о совместной акции далай-ламы и цинского императора по умиротворению Халхи [22, цз. 125, 11а—13а] [41]. Позднее, в 1687—1689 гг., дипломатические демарши Канси в отношении Галдана также поддерживались окружением далай-ламы. Об этом с полной ясностью сообщается в грамоте Канси далай-ламе, датированной 8 февраля 1689 г. Здесь освещается история конфликта между Галданом и правителями Халхи и совместных с далай-ламой попыток воздействовать на враждующие стороны в целях их примирения. В этой же грамоте цитируется заявление якобы далай-ламы, одобряющего предпринятые Канси шаги, его линию поведения [22, цз. 139, 7б] [42].

Канси добился от тибетских теократических властей, выступавших от имени далай-ламы, одобрения своей политики в Халхе не только на словах. Как известно, диба от имени далай-ламы направил к Галдану своего представителя Цицик-Далай-

Хамбо, который совместно с гонцом Канси пытался убедить Галдана прекратить военные действия [22, цз. 139, 8а].

Однако в начале 1690 г. прибывший с подарками якобы от далай-ламы посол Шамбалин-Хамбо сообщил о том, что диба от имени далай-ламы высказал пожелание схватить Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту и выдать их Галдану, гарантировав сохранение им жизни [22, цз. 143, 11б] [43]. Такое предложение шло вразрез с планами Канси и было выгодно Галдану, который неоднократно требовал выдачи ему упомянутых лиц. Как известно, далай-лама все время безоговорочно поддерживал Канси, поэтому последний усомнился в достоверности устного сообщения Шамбалин-Хамбо. Цинский император направил к далай-ламе посла с указом, в котором подробно излагались история конфликта и позиция Канси, прежде поддерживаемая далай-ламой, отрицательное отношение императора к предложению далай-ламы, а также сомнения в том, что это предложение исходило от самого далай-ламы [22, цз. 143, 12б—13б].

Подозрения Канси имели основание. Как выяснилось позднее, далай-лама умер еще в 1682 г., но смерть его тщательно скрывалась. И хотя переписка с маньчжурским императором велась от имени далай-ламы, на самом деле она осуществлялась дибой, по-видимому, симпатизировавшим Галдану.

Вернемся к вопросу о взаимоотношениях Галдана с цинским правительством. Посланный к Галдану представитель Канси шаншу Лифаньюаня Арни 19 сентября 1689 г. [44] достиг ставки Галдана и 30 сентября 1689 г. имел с ним беседу, в которой Галдан заявил о своем согласии с намерением Канси восстановить мир для всех. Галдан выразил надежду и в дальнейшем получать указания императора, которые он будет выполнять с уважением [45]. Наряду с этим Галдан еще раз указал на виновность Джебдзун-Дамба-хутухты и Тушэту-хана, беспричинно начавших войну и убивших Дзасакту-хана и Дэкдэхэй-Моргэньахая. Галдан обвинял халхаских правителей в нарушении указов Канси [22, цз. 142, 24б—25а].

Ответ Арни не содержал ничего нового по сравнению с прежними заявлениями Цинов. Как и раньше, признавалась правота Галдана, но вместе с тем подчеркивалось, что Канси, как правитель Поднебесной, заботится обо всех. Арни рекомендовал Галдану не поднимать вопроса, о котором тот неоднократно докладывал [22, цз. 142, 25а—25б].

Поездка Арни в Джунгарское ханство еще раз подтвердила, что Галдан по-прежнему настаивает на требовании выдать ему главных виновников войны — Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту, но вместе с тем выяснилось, что он не желал порывать свои отношения с Цинской империей.

Дальнейший ход событий показал, что Канси вел двойную игру, стремясь превратить Халху в покорного вассала Цинской

империи или даже в неотъемлемую часть ее. Об этом свидетельствует решение Государственного совета от 19 ноября 1689 г., в котором давались указания об установлении в Халхе дзасаков, передаче их в управление послушным Цинам представителям монгольской знати, сохранении прежнего названия Халхи и назначении туда маньчжурских чиновников [22, цз. 142, 12б—15а].

В 1690 г. Канси переходит к открытой, ничем не завуалированной агрессии в отношении Галдана. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во первых, после заключения Нерчинского договора 1689 г. Цинская империя упрочила свои позиции на Северо-Востоке и урегулировала отношения с Россией. Это дало возможность Цинам часть своих войск перебросить на границу с Халхой. Во-вторых, Канси получил известия об ослаблении позиций Галдана в Джунгарском ханстве в связи с обострением внутренней борьбы между ойратскими феодалами. Так, уже в упомянутом выше указе Канси далай-ламе от 18 января 1690 г. сообщалось со ссылкой на донесение Арни о разгроме сил Галдана Цэван-Арабданом и о тяжелом положении Галдана [22, цз. 143, 13а].

Цины стремились использовать Цэван-Арабдана и других ойратских феодальных владетелей в предстоящей вооруженной борьбе с Галданом. В конце 1689 — начале 1690 г. Канси оказал поддержку ойратскому феодалу Эрэнчэн-тайджи (сыну Чухур-убаши), бежавшему из Джунгарского ханства со своими родичами и зависимыми людьми (1000 человек) и перешедшему на сторону Цинов [22, цз. 143, 6а]. В 1690 г. также была оказана помощь Лобцзан Икэминаню, бывшему джунгарскому тайджи из племенной группы хойтов, отложившемуся от Галдана и перешедшему на сторону Цинов. Его поселили на Алашане [33, цз. 9, 22а].

Война Цинской империи против Галдана (1690—1697 гг.)

С середины 1690 г. война за Халху вступила в новый период: в борьбу против Галдана открыто включились цинские войска. Канси сбросил маску миротворца.

Первыми начали военные действия цинские войска во главе с Арни. Этому предшествовало отправление цинским императором гонца к Галдану с грамотой (сообщение о ней датировано в «Шилу» 30 июля 1690 г.), в которой Канси впервые открыто угрожал Галдану нападением на него, если Галдан осмелится нарушить границы, подразумевая, по-видимому, и границы Халхи. В этой грамоте цитировалось письмо Галдана, присланное незадолго до того и отличавшееся весьма примирительным тоном, что было признано Канси: «То, что [ты] доложил, очень ясно. Ныне опять услышал, что ты вновь поднял войска и ве-

дешь войну против Халхи. Поэтому послал шаншу Арни оборонять нашу территорию от беспорядков... Ныне отправляю с грамотой (указом) к тебе вайлана Арбитэгу и Даньлая. Ты еще можешь изменить намерения. [Но] коль скоро нарушишь границы, я отправлю с войсками ванов, бэйлэ и тайджи всей [империи], и они нанесут тебе удар» [22, цз. 146, 21а—22а]. Тон этой грамоты отличается от прежних указов Галдану. Если раньше Канси стремился уговорить Галдана прекратить военные действия в Халхе, то теперь он стал угрожать ему.

События в Халхе тем не менее бурно развивались. Они свидетельствовали о том, что Галдан не просто грабитель и бунтовщик, как его рисовали цинские власти, а борец за объединение монгольского народа и что его вступление в Халху поддерживалось многими хошунами [46]. В то же время в самой Халхе возникали постоянные конфликты в среде владетельной знати [75, 211], что облегчало действия Галдана, использовавшего внутренние противоречия халхаской родовой аристократии. Преследуя своих врагов — халхаских феодалов (Тушэту-хана и др.), Галдан вступил в пределы Внутренней Монголии.

В июле 1690 г. на имя Канси пришло донесение об успешном продвижении Галдана и нападении его на Кундулун-Бошокту [22, цз. 146, 23а]. По приказу Канси шаншу Арни со своими войсками был направлен навстречу ойратам [22, цз. 146, 23б]. В этом же месяце на р. Урхуй произошло первое сражение цинских войск, возглавляемых Арни, с 20-тысячной армией Галдана [47] [22, цз. 146, 23б]. В этом сражении маньчжуро-монгольские войска были разбиты Галданом [145, 286; 75, 214] и отступили в Орчжэйту, дожидаясь подкрепления [22, цз. 146, 24б—25а]. Свою неудачу Арни объяснял задержкой артиллерийских частей и тем, что ойраты, получив подкрепление, стали окружать цинские войска [22, цз. 146, 24б], которым грозил, повидимому, полный разгром. За поражение на р. Урхуй Арни и Цзиэртабу были наказаны: по указанию Канси их вывели из состава Государственного совета и понизили в звании на четыре ранга [22, цз. 146, 25а] [48].

Канси понимал, что его прежние миролюбивые заявления в адрес Галдана и тога миротворца, в которую он рядился, не вяжутся с агрессивными действиями Арни, который первым напал на Галдана. Чтобы снять с себя ответственность за эти действия и оправдаться перед ойратским правителем, Канси прибег к дипломатическим увертками. Сразу же после получения реляции Арни он отправил с гонцами письмо к Галдану [49], поручив им сообщить, что нападение войск Арни было совершено без его санкции, что император хотел предупредить выступление дзасаков против Галдана, для чего послал гонца с указаниями приостановить готовящееся нападение. Что касается применения военных сил Арни, то это, по мнению Канси, «было значительным превышением меры» [22, цз. 146, 25б].

Забегая вперед, скажем, что позднее в очередной грамоте Галдану Канси вновь пытался обелить себя, сваливая все на Арни, находя, однако, оправдание и для него в том, что он вынужден был якобы защищать границы от вторжения Галдана [22, цз. 147, 14а]. Мы имеем все основания не верить этим утверждениям Канси, так как в начале августа 1690 г. он отдал приказ об отправлении дополнительных сил на помощь Арни [22, цз. 147, 2а—2б]. В том же месяце, получив сообщение о намерении Галдана отступить с занятой им территории, Канси дал указания нэйдачэню Дун Го-вэю преследовать и не упускать Галдана. Далее он приказал нэйдачэню Амиде отобрать хороших лошадей и солдат и преследовать Галдана [22, цз. 147, 10б]. Канси опасался, что Галдан будет недосягаем. Все помыслы цинского императора были направлены на уничтожение Галдана. Об этом свидетельствует его приказ Амиде: «Если Галдан пожелает бежать [с занятой им территории], то преследовать и уничтожить [его], не упуская случая» [22, цз. 147, 10б].

13 августа Канси писал Галдану, что он послал войска не для уничтожения его, а для беседы с ним и установления дружбы [22, цз. 147, 10б—11а]. Все усилия цинской дипломатии были направлены на то, чтобы удержать Галдана в непосредственной близости от цинских границ у Великой стены, куда он проник с войсками, не дать ему уйти на север, где он был бы недосягаем. С этой целью, как уже говорилось, Канси оказывал дипломатический нажим на Галдана, пытаясь завлечь последнего в заготовленную ловушку.

Вскоре после отправки гонцов с упомянутым выше письмом Канси от Галдана прибыл посланец Дархан-гэлун с ответным посланием, в котором весьма кратко объяснялись причины вторжения Галдана во Внутреннюю Монголию, т. е. на территорию, которую Цины с 1636 г. считали своей: «Халхасы мои враги. Преследуя их, проник на пограничные посты (т. е. на границу. — *Л. Д.*). Никогда до этого не осмеливался нарушать законы китайского императора» [22, цз. 147, 13а] [50].

Ответ Галдана написан в примирительном тоне и с дипломатическим тактом. Судя по всему, он не хотел обострения отношений с Цинской империей, но в то же время признавал за собой право преследования своих врагов.

Из ответного послания Канси видно, что он остался на прежних позициях и относился непримиримо к Галдану, но он завуалировал свои агрессивные планы рассуждениями о миролюбии. Он писал: «Из доклада твоего посланца Дархан-гэлуна видны почтительность и искренность. Я, управляя Поднебесной, уважаю верность и долг и презираю обман... Ты говорил далай-ламе, что законы являются едиными, в таком случае следовало бы и пожалеть все живущее, успокоить Халху, добиться того, чтобы семь хошунов [также получили] мир, покой и радость, и этим помочь моим намерениям. Из полученных сведений из Си-

нина узнал, что Цэван-Арабдан, сообщив о твоих преступлениях далай-ламе, собирался поднять войска и покарать тебя. Применять оружие — это нехорошее дело. Я собирался с далай-ламой совместно решить [вопрос] о примирении... Имел в виду, что ты послушаешь далай-ламу, отведешь войска и прекратишь войну, и [тогда бы] все получили мир и радость... Но как и прежде, [ты] отказался, самовольно грабил и первым начал подрывать религию (ламаизм. — *Л. Д.*)» [22, цз. 147, 13а—15а; см. 145, 288].

Дальнейший ход событий подтвердил слухи об отходе Галдана из Южной Монголии на север. Так, в «Шилу» сообщается, что Галдан, отправив 1 августа 1690 г. своего посла к Канси, на другой день тайком ушел со своими войсками на север, что было подтверждено войсковой разведкой [22, цз. 147, 16б].

Тем временем отправленный ранее с войсками нэйдачэнь Амида доложил, что к нему 19 августа 1690 г. прибыли гонцы от Джирун-хутухты (лама Джамба) и Илагуксань-хутухты (Нилун-гэлун), передавшие следующее заявление Галдана: «С того времени, как я вторгся в [Китай], я никого не грабил» [22, цз. 147, 19а; 145, 288]. Из донесения Амиды (помещено в «Шилу» за 22 августа 1690 г.) видно, что Галдан знал об отправлении против него большой цинской армии, но это его не пугало [22, цз. 147, 19а]. Из этого же донесения Амиды ясно, что оба хутухты (Джирун и Илагуксань) и Шаннань-дорчжи уже договорились обо всех делах и Галдан собирался на следующий день послать доклад об этом, но ночью на него напали войска Арни и др., были убиты дети его племянника. Галдан резонно задает вопрос: «Разве это не война?» [22, цз. 147, 19б] — разоблачая тем самым утверждения Канси о его миролюбии и стремлении к установлению мира с ойратами.

В новом донесении Амида (помещено в «Шилу» за 24 августа 1690 г.) сообщает о встречах с посланцами Джирун-хутухты (на этот раз с Вэйчжэн-гэлуном) и Галдана (Донгосуэром), прибывшими к нему. Галдан уже в третий раз объяснил (через посланцев), что он вторгся в границы в погоне за своими врагами и что совершенно не занимался грабежами [22, цз. 147, 21б]. Из этой переписки видно, что Галдан, снимая с себя ответственность за грабежи, признавал нарушение им границы Китая, оправдывая это стремлением отомстить своим врагам.

Тем временем цинские власти не оставляли мысли о преследовании и уничтожении Галдана. Канси, несмотря на болезнь, лично принял участие в походе против Галдана вопреки настойчивым требованиям сановников вернуться. «[Если же] ныне из-за моей болезни, — заявил Канси, — действительно трудно будет выдержать [поход] и я лично не схвачу и не уничтожу этого бандита, то буду очень сожалеть» [22, цз. 147, 23б].

Канси дал одновременно указания командующему войсками левого крыла цинь-вану Фуцюаню проводить тактику «сдержи-

вания» Галдана, сводившуюся в тех условиях к усыплению бдительности последнего и задержанию его вблизи китайских границ под предлогом проведения переговоров.

О выполнении предписания Канси цинь-ван Фуцюань доложил в очередном донесении (помещено в «Шилу» за 29 августа 1690 г.), сообщив, что направил Галдану письмо от своего имени и от имени царевича: «Мы с тобой поддерживаем желтую религию, долгое время дружили. Ныне ты, преследуя халхасов, вторгся в наши границы. Император специально приказал нам обсудить и решить это дело, установив навеки мир и дружбу... В настоящее время [мы] должны где-то встретиться, чтобы решить великое дело. В связи с этим посылаем письмо и скот в качестве дара» [22, цз. 147, 25а].

В другом донесении цинь-вана Фуцюаня (помещено в «Шилу» за 2 сентября 1690 г.) сообщается, что он отправил посланца для «сдерживания» Галдана и грамоту в его адрес, в которой еще раз указывалось, что Канси послал Фуцюаня для ведения переговоров и установления вечной дружбы. В конце грамоты указывалось, что посол направлен в связи с заявлением Джирун-хутухты о том, что он совместно с другими добился принятия предварительного решения о дружбе с Галданом [22, цз. 147, 27б].

Из этого документа можно заключить, что Джирун-хутухте, посланцу далай-ламы, удалось добиться согласия Галдана на налаживание отношений, а цинский император после такого заявления провоцировал новое столкновение с войском Галдана. Это произошло 3 сентября 1690 г. в местности Улан-Бутун, находившейся в 350 *км* от Пекина.

В донесении цинь-вана Фуцюаня, помещенном в «Шилу» в информации за 5 сентября 1690 г., приведено сообщение об этом сражении [подробнее об этом см.: 75, 215—127; 145, 290—291]. Из донесения цинь-вана Фуцюаня видно, что, хотя Галдан, застигнутый врасплох в Улан-Бутуне, потерпел серьезное поражение, цинские войска не сумели полностью разгромить его силы. Более того, маньчжурские войска вынуждены были отойти на свои прежние позиции [22, цз. 148, 3а; 145, 290]. Последующая попытка Фуцюаня на другой день добиться разгрома ойратских войск также не принесла ему успеха [22, цз. 148, 3б—4а].

Галдан, по-видимому желая получить передышку, начал переговоры с цинским командующим. Для этого он посылал в лагерь цинь-вана Фуцюаня сначала Илагуксаня, а затем 6 сентября 1690 г. Джирун-хутухту. От имени Галдана Джирун-хутухта объяснил причины вторжения ойратских войск на территорию, которую Цины считали своей, и их поведение невежественностью ойратов [22, цз. 148, 4а]. Галдан, если верить Джирун-хутухте, пошел на некоторые уступки — не требовал выдачи Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты, а просил Канси отправить Джебдзун-Дамба-хутухту к далай-ламе [22, цз. 148, 4б; 145,

292]. В то же время Галдан, по утверждению Джирун-хутухты, говорил в смиренном тоне, называя Канси «правителем всей Вселенной», а себя «старшиной малого племени», который «разве осмелится бесчинствовать» [22, цз. 148, 4а; 145, 292].

В результате переговоров цинь-ван Фуцюань не только согласился приостановить наступление войск, которыми он лично командовал, но и принял решение известить командующих армиями других направлений, чтобы они также временно прекратили наступление [22, цз. 148, 5а; 145, 293].

Следует сказать, что Галдан воспользовался создавшейся передышкой. Он понимал, что ему нельзя оставаться на чужой территории, и принял решение отступить на север. Китайские источники не приводят точной даты отступления Галдана. Из донесения цинь-вана Фуцюаня (помещено в «Шилу» за 17 сентября 1690 г.) видно, что Галдан переправился через Шара-Мурэн и, перейдя через горы Дацзишань, ушел к озеру Ганганур [22, цз. 148, 7а].

К 17 сентября 1690 г. ранее посланные к Галдану шивэй У Дань и др. вернулись с послом Галдана дархань-гэлуном Сиди-эркэ-цзайсаном, привезя специальное письмо от ойратского правителя. В письме Галдан дает обещание, скрепив его клятвой перед изображением будды, впредь не вторгаться в Халху [22, цз. 148, 7б]. По прибытии донесения цинь-вана Фуцюаня Государственный совет решил, что верить клятве Галдана нельзя, так как он вновь ограбил три роты в Кэшиктэнском аймаке. Поэтому следует немедленно приступить к истреблению Галдана и его сил [22, цз. 148, 8а].

Маньчжурский двор всеми силами стремился полностью разгромить ойратов и, главное, физически уничтожить Галдана, но для этого надо было не допустить его бегства на север. Вот почему после отступления Галдана из Улан-Бутуна цинские власти вновь прибегли к тонкой дипломатической игре, в которой применялись и лесть, и щедрые посулы, и лицемерие.

Из нового донесения цинь-вана Фуцюаня (помещено в «Шилу» в информации за 20 сентября 1690 г.) видно, что 13 сентября 1690 г. он направил к Галдану Илагуксань-хутухту. Последний вернулся 17 сентября 1690 г. с письмом от Галдана. В письме Галдан поклялся, что будет навеки верен указам императора. В то же время Илагуксань-хутухта устно заявил, что Галдан дал клятву перед изображением будды, признал свою вину за вторжение в пределы Китая и просил прощения у императора, обещая впредь с уважением относиться к императорским указам и выполнять их [22, цз. 148, 8б—9б].

В другом письме, доставленном Джирун-хутухтой, Галдан сообщал, что уходит за границы Китая и будет ждать указаний императора [22, цз. 148, 9б]. Цинь-ван Фуцюань, докладывая о письмах Галдана, от себя сообщил, что, учитывая тяжелое положение Галдана после поражения, можно предположить,

что «Галдан не осмелится оказывать сопротивление императору. Он смиренно просит милости и прощения... И хотя нельзя ему полностью верить, тем не менее свою просьбу он изложил с почтением и покорностью» [22, цз. 148, 9б—10а]. Это мнение Фуцюаня было поддержано Государственным советом, который обратился с просьбой к императору разрешить Галдану переправиться через границу и ждать указаний [22, цз. 148, 10а]. Вслед за этим к Галдану были отправлены шилан Ээрхэту и Илагуксань-хутухта с указом Канси. В указе пересказывается вся история конфликта Галдана с некоторыми правителями Халхи и ход переговоров с ним через Джирун-хутухту и Илагуксань-хутухту, перечисляются «проступки» Галдана, причем Канси не останавливается перед фальсификацией фактов. Приведем лишь заключительную часть указа:

«Впоследствии услышал, что ты глубоко вторгся [в нашу страну], внося беспокойство и смятение. Я знал, что ты прежде присылал дань и поддерживал дружественные отношения, поэтому отправил цинь-вана Фуцюаня и царевича с войсками, чтобы [вопрос] решить с тобой вместе, а не для того, чтобы покарать тебя [51]. Твои войска (дословно: массы) первыми ринулись [в бой], и тогда только поднялись мои войска [52]. После этого сражения ван и сановники докладывали и просили еще раз вступить в бой. Но я сдержал их... [53]. Ныне ты в клятвенной грамоте просишь об искуплении вины и добиваешься мира. Ван (цинь-ван Фуцюань. — *Л. Д.*) и сановники, следуя моим и далай-ламы стремлениям к совершению добра, не стали войсками преследовать [тебя] и убивать [твоих подчиненных]... Если вновь нарушишь слова клятвы и будешь самовольничать, грабить и вызовешь волнения, я подниму войска и обязательно покараю тебя, не остановившись на полпути» [22, цз. 148, 11а—12а; ср. 145, 295]. Из указа видно, что Канси, использовав ослабление сил Галдана, стремился вырвать у него ряд уступок и главным образом заставить его отказаться от борьбы за освобождение Халхи от цинского гнета. В то же время он держал наготове войска, чтобы в любую минуту дать отпор Галдану. Об этом свидетельствуют решение Государственного совета от 21 сентября 1690 г. и указ Канси в связи с этим решением [22, цз. 148, 12а— 13а], а также указ от 6 ноября 1690 г. [22, цз. 149, 6а—7а].

Лишь после получения от Галдана нового подтверждения в том, что он раскаялся и соблюдает указания, данные ему Канси (информация в «Шилу» от 27 ноября 1690 г.), цинский император приказал вернуть войска цинь-вана Фуцюаня и другие части [22, цз. 149, 12б—13а]. Так неудачно закончился поход Галдана во Внутреннюю Монголию, откуда он бежал в район Кобдо во главе войска, состоявшего из нескольких тысяч человек [15, цз. 3, 31; 75, 218]. После ухода из Внутренней Монголии Галдан оказался в тяжелом положении, лишившись обоза

и скота. Кроме того, из-за войны прекратились торговые связи ойратов с Китаем, и это ухудшило их положение. Вероятно, поэтому Галдан обратился к Канси за помощью: «Со времени беспорядков в Халхе торговля не велась. Прошу проявить милосердие и пожаловать серебро, чтобы прокормить народ» [22, цз. 149, 23а] [54]. Лифаньюань и Государственный совет отказали ему. Но Канси изменил их решение: «Галдан слезно просит. Приказываю пожаловать ему 2 ляна серебра» [22, цз. 149, 23б] [55]. Совершенно очевидно, что такая подачка не помогла бы Галдану, она лишь оскорбляла его. Чтобы представить себе ничтожность этой суммы для целого народа, достаточно сказать, что цинский солдат, если даже взять самого низкооплачиваемого, в XVIII в. получал кроме натурального пайка 1 лян серебра в месяц [42, цз. 8, 15].

Положение Галдана осложнялось еще и тем, что в тылу у него, в Джунгарии, сохранился грозный соперник — Цэван-Арабдан, который ждал благоприятного случая для выступления против Галдана. Как указывает Вэй Юань, Цэван-Арабдан полностью захватил в Или прежде подчинявшиеся Галдану аймаки [15, т. 2, 23] и стал кочевать по р. Боротала [75, 225].

В марте 1691 г. дасюэши Исанъа, Аланьтай и другие прислали доклад (помещен в «Шилу» в информации за 10 марта 1691 г.), в котором сообщали о тяжелом положении Галдана и о его новом вторжении в Халху в местность Архалай [22, цз. 150, 11а]. Этот рейд на территорию Халхи не был новым наступлением с целью захвата ее. Его можно рассматривать, скорее, как попытку улучшить положение подчиненного ему народа за счет захвата кочевий со скотом.

Канси, который к тому времени в основном закончил мобилизацию и подготовку войск к новому походу, предпринял ряд дипломатических акций, направленных на окончательное превращение Халхи в зависимое от династии Цин владение. С одной стороны, Канси вел подготовку к проведению Долоннорского съезда, в задачу которого входило провозглашение подданства Халхи Цинам (подробнее см. стр. 158—160 настоящей работы), с другой — глава Цинской империи пытался оказать давление на Галдана, чтобы заставить его отказаться от дальнейшей борьбы. С этой целью Канси направил Галдану указ (помещен в «Шилу» за 10 марта 1691 г.), в котором обещал помочь ему, если он будет лоялен, или даже щедро вознаградить при условии прихода Галдана с повинной [22, цз. 150, 11б—13а (весь указ)]. Канси, используя тяжелое положение Галдана, пытался сломить его сопротивление: прибегал и к посулам, и к угрозам, намекая на возможность применения военных мер.

Цинские власти, воспользовавшись временной передышкой, вызванной ослаблением сил Галдана, энергично провели кампанию за присоединение Халхи к империи. В последних числах мая 1691 г. они добились на Долоннорском съезде принятия ре-

шения о вхождении Халхи в состав Цинской империи. А в конце июня 1691 г. Канси обратился к далай-ламе с большим указом (указ помещен в «Шилу» за 26 июня 1691 г.), в котором предупреждал, что если Галдан нарушит клятву, которую он дал раньше, и вторгнется в Халху, то он пошлет большую армию и уничтожит его [22, цз. 152, 1б—3б].

В ноябре 1691 г. от имени давно умершего далай-ламы диба прислал с послом Дэмбэньэр-Нансу ответное письмо (это письмо и указ Канси помещены в «Шилу» за 5 ноября 1691 г.). В письме сообщалось, что далай-лама делал все для примирения ойратов с халхасами, направив своих послов для этой цели, и что последние не были осведомлены о невыполнении Галданом указаний и приказов Канси [22, цз. 153, 4а].

В устном сообщении, переданном через посла, диба, прикрываясь именем далай-ламы, подчеркивал, что последний относился к обеим враждующим сторонам беспристрастно и призывал их к миру [22, цз. 153, 4б]. В указе Канси на это письмо и устное сообщение далай-ламы вновь, в третий раз, возлагалась ответственность за срыв мирных переговоров между халхасами и ойратами на Джирун-хутухту и на ближайшее окружение далай-ламы, которых Канси обвинил в сговоре с Галданом: «Ты, лама, прежде с уважением относился к приказам... — говорится в указе. — Однако твои приближенные и Джирун-хутухта — все имели тайные намерения, не следовали моим и твоим стремлениям... Но тебе [Джирун] докладывал, что прилагает все силы для примирения, что [Галдан] повиновался и дал клятву [о дружбе]... Причина этого [заключается] не только в помыслах одного Джируна, твои приближенные также заодно [с ним] стремились к корысти и вводили в заблуждение тебя, потворствуя и прикрывая содеянное Галданом... Я отчетливо понимал, что ты, лама, не причастен к этому, поэтому я не порицал тебя» [22, цз. 153, 4б—6а; ср. 145, 298]. Канси не знал, что к этому времени уже не было в живых преданного ему Далай-ламы V и что под его именем действовал тибетский диба.

Наряду с попыткой заручиться поддержкой далай-ламы и добиться одобрения последним агрессии Цинов в отношении Халхи Канси пытался укрепить свои отношения с Цэван-Арабданом. С этой целью к нему с декабря 1691 по октябрь 1692 г. были отправлены две посольские миссии [22, цз. 153, 14б—15а; цз. 156, 5б—6а]. Вторая миссия не добралась до Цэван-Арабдана; глава ее, Мади, 21 сентября недалеко от Хами был убит людьми Галдана. Это убийство вызвало большой резонанс и стало предметом длительной переписки между Канси и Галданом. В дальнейшем Канси по-прежнему стремился привлечь Цэван-Арабдана на свою сторону.

Так, в марте 1693 г. после приезда от Цэван-Арабдана посланника Шакэхай-лату Канси вновь направил Цэван-Арабдану грамоту и подарки. В грамоте Канси подчеркивал благожела-

тельное отношение к Цэван-Арабдану и стремление поддерживать с ним дружеские связи: «Ты, Цэван-Арабдан, [хотя] живешь далеко и в пустынной местности, совершенно искренно подносишь дань местными изделиями, спрашиваешь о здоровье (соблюдаешь принятый дипломатический этикет. — *Л. Д.*)... Я глубоко тронут этим. Ныне я принял всю представленную тобой дань. Так как твой посол Шакэхай-лату и др. возвращаются, жалую тебе в личное пользование 10 кусков цветного шелка. То, о чем ты тайно доложил, я уже знаю» [22, цз. 158, 8б—9а]. Последняя фраза грамоты, правда нераскрытая, позволяет предполагать, что между Канси и Цэван-Арабданом существовали более тесные доверительные отношения.

С июля 1691 по июль 1692 г. Канси вновь пришлось вести борьбу с когда-то перешедшим на его сторону ойратским алашаньским князем Батур-эркэ-джинонгом Хороли, совершившим нападения на халхасов и ограбившим их. Он также отказался подчиниться указу Канси о переселении его в Чахар [22, цз. 152, 4а—4б, 11б].

Сопротивление Батур-эркэ-джинонга и его сородичей и подчиненных к весне 1692 г., вероятно, не было окончательно сломлено, так как в «Шилу» за 7 августа 1692 г. сообщается о том, что некогда покорившиеся вместе с Батур-эркэ-джинонгом Ханьду-тайджи, Лубсан-эринчин и др. замыслили бежать к Цэван-Арабдану, с ними бежал и Цицик-тайджи [22, цз. 155, 19б; 33, цз. 9, 28а; 40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 14б]. В августе 1694 г. Цицик-тайджи был убит цинскими карателями [22, цз. 164, 6б; 33, цз. 9, 29б; 40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 14б].

Сам Батур-эркэ-джинонг после принесения повинной был размещен в Хэланьшани (Нинся), с ним был поселен и его младший брат Боцзи [22, цз. 162, 7а]. 22 февраля 1694 г. Батур-эркэ-джинонг прибыл ко двору с данью и был награжден согласно существующим правилам [22, цз. 162, 11б].

С 1692 по 1696 г. проходила интенсивная дипломатическая переписка между Цинской империей, Галданом и далай-ламой. Галдан, продолжая присылку «дани» Цинам, стремился поддерживать торговлю с ними. Цины пытались организовать продовольственную блокаду, изолировать Галдана от его основной базы в Джунгарии, а также натравить против него Цэван-Арабдана. 28 октября 1692 г. к Цинам от Галдана прибыл посол Эрдэни Джорджи, привезший «дань» и передавший пожелания здоровья императору. В весьма кратком письме Галдан впервые выразил желание «нижайше просить щедрой гуманности вернуть на прежние земли семь хошунов» [22, цз. 156, 9б]. Следует сказать, что тон письма Галдана весьма спокоен. Это вынужден был признать и Канси, который в указе дасюэши отмечал: «Просмотрел донесение Галдана. Слова [его] почтительны и покорны. Из расспросов послов также [видно, что] он не имеет других намерений» [22, цз. 156, 10а].

Однако Канси по-прежнему не оставлял мысли покарать и уничтожить своего врага. В том же указе он предложил членам Государственного совета решить вопрос, нужно ли готовить войска к походу против Галдана. Как решение Государственного совета, так и новый указ императора имели в виду конкретные меры по подготовке войск [22, цз. 156, 10а—10б] [56]. В то же время Канси не оставил без ответа обращение Галдана. Отказав Галдану в возвращении населения семи хошунов на прежние земли, Канси мотивировал это тем, что халхасы хорошо устроены на новом месте и не пожелают вернуться на родину, где будут обречены на голодную смерть. Одновременно Канси заявил, что требование Галдана является нарушением с его стороны клятвы, данной им самим [22, цз. 156, 12а, 13б].

Обвинив Галдана в убийстве цинского посла Мади, Канси упрекнул его в неуважительном отношении к далай-ламе: «Совершенно ясно, что ты нарушил клятву, вызвал конфликт и начал войну. Разве далай-лама приказывал тебе убивать моих послов, требовать покорившихся мне людей?» [22, цз. 156, 13б]. В заключение в своем послании Канси указывает на то, что обо всех изложенных выше обстоятельствах он сообщил далай-ламе [22, цз. 156, 14а] [57].

Письмо Канси Галдану совершенно ясно показало, что Канси отвергает все требования Галдана и стремится взвалить на него ответственность за войну. В то же время Канси в упомянутом выше письме к далай-ламе, стараясь скомпрометировать Галдана и настроить против него тибетского первосвященника, обвиняет Галдана в том, что он двурушничал и обманывал далай-ламу, не уважая его учения и веры.

Приведенные выше документы дают основания для следующего вывода. По-видимому, Галдан понимал, что соотношение сил не в его пользу, поэтому он искал возможности к мирному соглашению, хотя бы временному. Канси, наоборот, занял более агрессивную позицию, концентрируя войска и готовясь к новому походу, хотя каждое его послание сопровождалось заявлением о стремлении к миру, к созданию счастья и рая на земле для всех народов.

Галдан, со своей стороны стараясь поддерживать с династией Цин мирные отношения, в то же время искал поддержки у монгольского народа. Этой цели служили прокламации, распространенные им в Монголии через своих гонцов, отправленных с «данью» к цинскому двору. О кратком содержании прокламаций сообщается в грамоте Канси Галдану, помещенной в «Шилу» и датированной 29 декабря 1692 г. [22, цз. 157, 13б]. «В твоих прокламациях говорится, что ты действуешь в интересах учения Дзонхавы. Мы [тоже] поддерживаем учение Дзонхавы» [22, цз. 157, 14а].

Всячески афишируя свою поддержку желтошапочной религии, Канси упрекал Галдана в том, что его люди нарушают эту

религию [22, цз. 157, 14б—15а]. Канси решил изолировать Галдана от источников продовольствия. С этой целью в указе Государственному совету от 6 февраля 1693 г. он предложил отправить в Хами войска, находящиеся в Нинся, и приказать ганьсускому тиду Сунь Сы-кэ не допускать снабжение продовольствием Галдана из Хами [22, цз. 158, 2а].

Эта тактика изоляции Галдана и удушения его голодом проводилась и в дальнейшем. Косвенно об этом свидетельствовал указ Канси, отправленный с послами Галдана Шахасунь-беком и Чжоэрбэнем в ответ на письмо Галдана (сообщение об указе и письме датируется 17 июня 1693 г.), в котором он отрицал свою причастность к убийству цинского посла Мади. Повторяя прежние обвинения и расценивая последнее письмо Галдана как неискреннее, а его требование о выдаче Джебдзун-Дамба-хутухты и Тушэту-хана и о возвращении семи хошунов на старые места как якобы не соответствующее намерениям далай-ламы, Канси в своем новом указе угрожал Галдану. В то же время он предлагал ему принести повинную, обещая сохранить жизнь: «Если ойраты вторгнутся на территорию, [находящуюся под управлением] далай-ламы и Сихая (Кукунор), мы тотчас же покараем... Если ты, доведенный до крайности, принесешь повинную, то, как я [писал] и в прежних указах, согласен сохранить тебе жизнь — можешь переселиться поближе к границам, и тебе будут оказаны щедрые милости и поддержка, не сомневайся и не бойся» [22, цз. 159, 10а—10б].

До 1695 г. Канси не предпринимал военных действий против Галдана, придерживаясь тактики выжидания. Возможно, это объяснялось недостаточной подготовленностью цинских войск.

Весной 1694 г. Канси провел мероприятия по укреплению охраны границ в связи с военными действиями между войсками Цэван-Арабдана и Галдана [22, цз. 162, 26б]. Галдан тем временем не прекращал связей с цинским двором, посылая своих представителей с данью и для торговли. По сообщению «Шилу» от 24 мая 1694 г., Фэй Ян-гу доложил о прибытии от Галдана послов с данью в сопровождении более 2 тыс. человек. Послы Галдана заявили: «Мы действительно прибыли осведомиться о здоровье императора» [22, цз. 163, 8б]. Послов задержали в Гуйхуачэне. В переданной им грамоте Канси отмечалось: «Вы делаете вид, что поддерживаете дружбу, [а на самом деле] просачиваетесь и оставляете людей для проведения разведки, повсюду занимаетесь шпионажем» [22, цз. 163, 9а]. Вслед за этим Канси дал указание казнить захваченных ранее агентов Галдана — Сайтэ и др. [22, цз. 163, 16б—17а].

Репрессии против агентов Галдана, недопущение его послов в столицу Цинской империи и ограничение торговой деятельности ойратов — это все звенья одной цепи в политике Канси, направленной на «умиротворение» Галдана.

Дальнейшая переписка между Галданом и Канси, в частно-

сти письмо Галдана от 2 июля 1694 г. и ответный указ Канси, показали, что обе стороны остались на прежних позициях. Галдан по-прежнему требовал выдачи ему Джебдзун-Дамба-хутухты и Тушэту-хана, а также возвращения на прежние земли жителей семи хошунов. Канси продолжал обвинять Галдана в нарушении клятвы, в засылке мусульман для шпионажа, в нарушении ламаистского учения [22, цз. 163, 19а—21а].

Канси начал требовать личной встречи с Галданом для ведения переговоров, а также скорейшего ответа с указанием срока и места встречи [22, цз. 163, 22а—22б].

Возможно, что Канси решил заманить Галдана в ловушку, чтобы расправиться с ним без особого труда. Однако он учитывал, что Галдан может отказатья от встречи в лагере врага. В этом случае он требовал от Галдана новой клятвы — отказа от Халхи, полного покаяния и казни виновников убийства цинского посла Мади. В заключение Канси угрожал Галдану: «Если по-прежнему будешь упорствовать и не раскаешься, а [также] пожелаешь обманывать, в таком случае навеки прекращу торговлю с твоими посланцами (разрядка наша. — *Л. Д.*)... Посылаю этот указ также далай-ламе» [22, цз. 163, 22б—23а].

Эти угрозы Канси подкреплял подготовкой к новой войне против Галдана. Прежде всего была проведена разведка сил и намерений Галдана. О ее некоторых результатах можно узнать из указа Канси, помещенного в «Шилу» в хронике за 27 августа 1694 г. В указе сообщалось о допросе пленного ойрата, показавшего, что Галдан проявлял большое внимание к владениям правителя хотохойтов — Гэньдун-дайцина, ибо дважды посылал своих людей для разведки кочевий последнего [75, 233]. Предположив, что Галдан, вероятно, попытается напасть на Гэньдун-дайцина, Канси дал распоряжение об отправке войск из Нинся и Гуйхуачэна к р. Тола, а затем к кочевьям Шибтуй-хатан-батура, куда откочевал Гэньдун-дайцин, для нападения на Галдана [22, цз. 164, 7а]. При этом в указе подчеркивалось: «Нынешние обстоятельства весьма благоприятны, ни в коем случае их нельзя упускать» [22, цз. 164, 7а—7б; 75, 233—234].

Вслед за этим Канси назначил Фэй Ян-гу главнокомандующим войсками, а Лантаня и Сифу — его советниками. Войска Лантаня должны были следовать в арьергарде за войсками Фэй Ян-гу и Сифу. Кроме того, было приказано шаншу Арни возглавить монгольские силы и отправиться в авангарде [22, цз. 164, 8а—8б].

В августе 1694 г. Канси принял решение начать военные действия против Галдана, однако вскоре ему пришлось отменить свое решение и отложить поход до 1696 г. Произошло это, во-первых, потому, что цинские войска до наступления морозов не были окончательно отмобилизованы, а во-вторых, из-за того, что Галдан изменил свои намерения и собирался якобы напасть

на Гуйхуачэн, о чем свидетельствуют данные указа Канси, помещенного в хронике за 22 сентября 1694 г. [22, цз. 164, 14б—15а]. Канси еще не раз приходилось менять решения о сроках отправления цинских войск против Галдана, во-первых, в связи с тем, что Галдан, осуществляя гибкую тактику, уклонялся от встречи с превосходящей его силы цинской армией и действовал на выгодных для себя направлениях. Во-вторых, по той причине, что в Халхе создалась ситуация, не совсем благоприятная для маньчжурских захватчиков.

Наряду с борьбой халхаских феодалов за владение кочевьями и скотом происходили выступления против феодалов их зависимых албату (например, баргутов) [75, 235—237]. Потребовалось время для подавления восстаний и для примирения враждующих халхаских феодалов.

Канси в течение 1695 г. проводил разведку сил и позиций Галдана. Так, 24 мая поступило донесение от халхаского Урцзантайджи-цэцэна [58], который сообщал, что Галдан еще в 1694 г. поселился в местности Кунцзяцзидахунь. В сентябре 1694 г., услышав, что Цины отправляют войска к Гэньдун-дайцину, Галдан принял меры по укреплению обороны. Он собрал войска и поставил передовые посты для разведки. Когда угроза миновала, войска с постов были отозваны [22, цз. 166, 18а—18б].

В августе 1695 г. из опроса послов Галдана — Мэй-цзайсана и Булат-ходжи выяснилось, что Галдан в 1695 г. кочевал на территории Тамира, имел намерение напасть на Гэньдун-дайцина, затем спуститься вниз по р. Керулен и вторгнуться на территорию Цэцэн-хана западнее Корциня. В связи с этим Государственный совет принял ряд мер по усилению разведки за движением войск Галдана [22, цз. 167, 18а].

Показания послов Галдана о пребывании его на Тамире подтвердились специальной разведкой, о чем сообщил в сентябре 1695 г. цзянцзюнь Фэй Ян-гу [59]. В этой связи Канси дал указания отправить 2 тыс. солдат из Мукдена и 1 тыс. солдат из Нингуты. Приказано также привести в боевую готовность войска, отправленные из столицы [22, цз. 167, 20а].

В том же месяце Канси получил известия, что Галдан с войсками прибыл на Керулен. В связи с этим он дал указания отправить цинские войска против Галдана [22, цз. 168, 6а—6б]. Из доклада цзянцзюня Фэй Ян-гу (цитируется в указе Канси, помещенном в «Шилу» в хронике за 17 октября 1695 г.) видно, что Галдан вторгся в кочевья халхаских феодалов Шибтуй-хатан-батура и Намчжил-тойна, затем «бежал на р. Тола, спустился по ней и устремился на запад в направлении урочища Хухэнэ-Тарна» [22, цз. 168, 12б—13а].

Из донесения цзянцзюня Фэй Ян-гу Канси сделал вывод, что Галдан «действительно не имеет намерений отправиться во внутренние [земли]», и дал указание вернуть войска на место прежней дислокации [22, цз. 168, 13а] [60]. В расчеты Канси вхо-

дило заманить Галдана поближе к расположению основных сил цинских войск, в Южную Монголию (Внутренняя Монголия), чтобы окончательно расправиться с ним. Об этом свидетельствует и такой хитрый ход Канси, как использование хорчинского тушету цинь-вана Шачжина, с которым Галдан пытался установить тесные связи, послав в 1695 г. ему письмо с просьбой отправить людей Шачжина на помощь Галдану. Канси, получив это перехваченное письмо Галдана, решил заманить Галдана на Юг, поближе к расположению цинских войск [22, цз. 168, 8б—9а; 75, 241]. Об этом мы узнаем из секретного указа Канси Шачжину, в котором упоминается и о перехваченном письме Галдана [61]. По-видимому, этот ход Канси был разгадан Галданом, и он не собирался лезть в капкан, расставленный для него.

Характерно, что, когда Галдан вторгся в кочевья Шибтуй-хатан-батура и Намчжил-тойна, Канси, чтобы убедиться в присутствии самого Галдана в этом районе, направил к нему посла Арбитэгу с указом, о чем сообщается в «Шилу» за 29 сентября 1695 г. [22, цз. 168, 10б]. Миссия Арбитэгу кроме сбора разведывательных данных имела цель создать видимость сохранения Цинами официальных посольских связей с Галданом. Активно готовясь к войне с Галданом, Канси до последнего момента не порывал дипломатических отношений с ним, хотя не раз на протяжении 1694—1695 гг. угрожал ему полным разрывом. Такая тактика Канси была направлена на то, чтобы представить себя в роли миротворца и усыпить бдительность противника.

Галдан, по-видимому, разгадал и эту игру Канси и, со своей стороны, поддерживал ее, так как тоже был заинтересован в сохранении посольских связей как для ведения торговли с Цинской империей, так и для засылки в Монголию своих агентов.

На протяжении 1695 г. Галдан по-прежнему посылал Цинам своих послов с подарками, придерживаясь принятого дипломатического этикета. В то же время он продолжал настаивать на своих требованиях о выдаче ему виновников войны — Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты и возвращении населения семи хошунов Халхи на прежние земли. В своих письмах к Канси, в частности в письме, привезенном 6 апреля 1695 г. послом Таслан-ходжой, Галдан придерживался спокойного и даже благожелательного тона в отличие от цинского императора, который позволял себе в грамотах Галдану резкость и грубость, не останавливаясь перед оскорблениями и угрозами [22, цз. 166, 10а—11а].

В августе 1695 г. Галдан прислал с очередным посольством письмо [62], в котором дал ответы на вопросы, поставленные ранее Канси. Новое в этом письме — ссылка на то, что по вопросу о выдаче Джебдзун-Дамба-хутухты и Тушэту-хана и возвращении халхасов семи хошунов в свое время была якобы договоренность между послом далай-ламы Джирун-хутухтой и цинским представителем У Данем, поэтому Галдан просит посту-

пить так, как было решено. По вопросам отправления заложников — Даньцзиллы и Дамдин-Гомбо — и личной встречи с Канси Галдан вновь уклонился от положительного ответа, ссылаясь на трудности в их решении [22, цз. 167, 17а].

Тогда Государственный совет вынес решение о том, чтобы отослать посла обратно, не посылая Галдану указа императора. Однако Канси приказал отправить с послом Галдана ответную грамоту, тон которой тот же — обличающий и угрожающий, что и в прежнем письме (в апреле 1695 г.). Новое в нем — упоминание о прибытии послов далай-ламы и дибы, просивших простить Галдана [22, цз. 167, 18а—18б].

Упомянутое в грамоте письмо далай-ламы и дибы было доставлено их послами в мае 1695 г. В нем они просили не лишать Галдана и Цэван-Арабдана ханского титула и милостиво пожаловать им грамоту и печать. Кроме того, они обратились к Канси с просьбой отвести обратно находившиеся на границе с Кукунором цинские пограничные войска [22, цз. 166, 17а]. Эта просьба вызвала гневную реакцию Канси, который выпустил специальный указ (датирован 21 мая 1695), недвусмысленно обвинивший дибу в связях с Галданом: «Диба является внешним вассалом. Как смел [он] в докладе просить об отводе пограничных войск нашей династии? Это козни Галдана. Мы [установили] охранные войска, так как Галдан вторгался в наши земли» [22, цз. 166 17а—17б]. Дипломатическая акция дибы показала, что Галдан пользуется поддержкой тибетских правящих кругов, которые, возможно по его наущению, просили Канси отвести цинские войска с границ Кукунора.

В конце 1695 г. Канси получил еще одно письмо от Галдана, привезенное Арбитэгу. Оно по-прежнему отличалось вежливым, дипломатическим стилем и свидетельствовало о том, что Галдан твердо стоит на своих позициях. Отвечая на обвинение в грабеже халхасов, Галдан сообщает, что ему не известно о том, что на его территории были ограблены путники. Далее он указывает, что он отправил один отряд с письмом к Намчжил-тойну с благожелательными намерениями, а тот счел, что на него собираются напасть, и поэтому оставил свой скот и ушел. Заканчивает свое послание Галдан просьбой не оставить его милостями и пожаловать ему императорскую грамоту [22, цз. 169, 13б]. Взбешенный уклончивым ответом Галдана, Канси дал указание не посылать грамоты, чего требовал дипломатический этикет.

9 декабря 1695 г. Фэй Ян-гу доложил, что Галдан находится на территории Баян-улан [22, цз. 168, 1б—2а]. Стало совершенно ясно, что он не собирается наступать на Южную Монголию[63]. Но в то же время упомянутая выше переписка между Галданом и Канси показала, что Галдан, не доверяя Цинам, не рискнет отправиться на встречу с цинским императором. Таким образом, планы Канси заманить Галдана в ловушку и расправиться с ним провалились. Канси решил начать военные действия.

В том же месяце Канси дал предварительные указания членам Государственного совета отправить войска в трех направлениях: восточном, западном и центральном. Общее командование возлагалось на цзянцзюня Фэй Ян-гу. Несмотря на противоречивость и неполноту данных о численности войск, отправляемых по трем направлениям, можно на основании информации, приведенной в «Шилу» за 24 декабря 1695 г., определить, что всего предполагалось отправить вместе с обслуживающим персоналом немногим больше 57 тыс. человек [22, цз. 169, 8а—9а] [64]. Если учесть дополнительно отправленных, то максимальная численность войск, действовавших против Галдана, составит около 85 тыс. человек [65].

Что касается сроков выступления армии, то они неоднократно менялись в пределах марта — апреля 1696 г. [22, цз. 170, 9а; цз. 171, 4а; цз. 173, 6б]. По расчетам Канси, отраженным в указе от 7 марта 1696 г., главные силы цинских войск должны были преодолеть расстояние до Баян-улана, где находилась ставка Галдана, за полтора месяца и прибыть туда к 25 мая 1696 г. [22, цз. 171, 2б—3а]. В другом указе (от 10 марта 1696 г.) Канси назначил срок соединения войск Фэй Ян-гу с большой армией центрального направления на р. Тола в последней декаде 4-го месяца (21—30 мая) [22, цз. 171, 5б]. Наряду с этим давались указания о взаимодействии войск обоих направлений.

Судя по докладу Фэй Ян-гу (помещен в «Шилу» за 20 апреля 1696 г.) о начале продвижения войск, поход был начат в предусмотренное Канси время. По предварительным подсчетам Фэй Ян-гу предполагал достигнуть р. Тола 24 мая, а Баян-улана — 27 мая [22, цз. 171, 31б—32а].

В указе от 30 марта 1696 г. Канси дал конкретные распоряжения по войскам. Он требовал строгой дисциплины в походе и только по его приказу вступать в бой с войсками Галдана [22, цз. 171, 20б—21б]. И все же Канси опасался, что Галдан не примет боя и улизнет до прихода главных сил цинской армии. Чтобы выяснить намерения Галдана, Канси отправил к нему своих посланцев — шивэя Кэшиту и чжуши Бао Чжу. Галдан принял их и передал Канси письмо, но в обратный путь отправил цинских посланников без лошадей, пешком, желая, по-видимому, выиграть время. В начале мая 1696 г., т. е. уже после того как поход начался, посланники вернулись (информация об этом помещена в «Шилу» за 4 мая 1696 г.). Канси допускал, что Галдан, отправив цинских посланников в обратный путь пешком, рассчитывал уйти подальше от наступавших цинских войск, тем не менее он был убежден, что если армия под командованием Фэй Ян-гу достигнет р. Тола в намеченный срок — 24 мая 1696 г., то войска Галдана окажутся в окружении и не смогут улизнуть. Но в случае опоздания этой армии Галдан под покровом ночи сумеет отступить [22, цз. 172, 2б—3а].

Цинские войска продолжали продвигаться к рекам Керулен и Тола. По-видимому, среди сановников, окружавших Канси, возникли сомнения в успехе похода, некоторые из них, возможно, опасались за свою жизнь, другие боялись за Канси. Во всяком случае, его уговаривали вернуться. Об этом свидетельствовал доклад Исанъа, Сонготу и Дун Го-вэя. Реакция Канси на этот доклад [66] была весьма бурной. Созвав сановников, он обратился к ним с указом, резко критикуя их: «Мы обязательно казним тех, кто не идет отважно вперед, топчется на месте и отступает... Наша армия уже прибыла сюда. Галдана можно схватить и уничтожить, и как [можно] согласиться [с тем, чтобы] трусливо отступить назад!» [22, цз. 172, 5б—6а].

В указе Канси, направленном Фэй Ян-гу и помещенном в хронике «Шилу» за 13 мая 1696 г., цитируется донесение разведчика Чэкчу. Он сообщил со слов Очира, посланца Шачжина, что Галдан в начале мая перенес свою ставку с р. Тола на р. Керулен. По мнению Чэкчу, в конце первой декады мая Галдан находился недалеко от цинской армии. Канси в указе рекомендует командующему войсками западного направления Фэй Ян-гу тщательно блокировать и оборонять дорогу, по которой попытается скрыться Галдан, не допустить, чтобы он спустился вниз по течению [22, цз. 172, 9а—9б]. 14 мая 1696 г. Канси посылает членам Государственного совета указ, в котором предлагается в связи с возможным отступлением Галдана на восток при приближении правительственных войск к Керулену отправить для преследования ойратов мукденские, нингутаские и хэйлунцзянские войска. В тот же день были даны указания разведчикам отправиться на Керулен и вести наблюдения за войсками Галдана [22, цз. 172, 10б].

Вслед за тем поступило донесение от Фэй Ян-гу (помещено в хронике за 22 мая) о том, что его войска прибудут к р. Тола (в местность Хара-хош) только 2 июня 1696 г. вместо, как ранее предполагалось, 24 мая [22, цз. 172, 13а]. В связи с этим 22 мая 1696 г. к Фэй Ян-гу был отправлен шивэй Элиньчжэн с императорским указом, уведомляющим о том, что императорские войска будут действовать в зависимости от обстоятельств. Одновременно Канси приказал Фэй Ян-гу срочно уведомить, по какой дороге он будет продвигаться [22, цз. 172, 15а—15б]. Опасаясь, что Галдан отступит до прихода императорских войск, Канси, чтобы задержать его, намеревался отправить к нему посла после прибытия императорской армии в Толин.

Посланные к Галдану Хусун Додань и шивэй Каварда по возвращении доложили, что 4 июня 1696 г. достигли Керулена, но не встретили следов противника [22, цз. 173, 9а—9б]. На другой день, на рассвете, туда прибыл отряд ойратов численностью около тысячи человек во главе с Даньцзиллой. Он пытался напасть на маньчжурские авангарды и отбить у них лошадей. Узнав о прибытии цинской армии во главе с импера-

ром и о том, что войска Фэй Ян-гу уже достигли Орхона и Толы, Даньцзилла, напуганный этой вестью, быстро ускакал с отрядом, предварительно взяв у посланцев Канси грамоту, адресованную Галдану [22, цз. 173, 9б] [67]. Вскоре Галдан отдал приказ об отступлении [22, цз. 173, 12б—13а; 75, 247—248].

В информации «Шилу» за 7 июня 1696 г. отмечается, что вернувшийся из разведывательной поездки Бошику-норбу сообщил: «Когда мы достигли Керулена, ойраты уже все ушли. Судя по следам лошадей, это случилось два дня [тому назад]» [22, цз. 173, 12а]. Канси лично во главе авангарда войск преследовал Галдана, встречая на пути следы панического бегства последнего [22, цз. 173, 13а], но догнать его не удалось.

В указе членам Государственного совета от 11 июня 1696 г. Канси вынужден признать, что если преследовать Галдана всей армией с громоздкими обозами, то вряд ли из этого что получится. Он предложил послать за ойратским ханом легкую конницу [22, цз. 173, 18а].

Канси был в полной уверенности, что Галдану не избежать разгрома. В письме к императрице (помещено в «Шилу» за 12 июня 1696 г.) он сообщал, что через несколько дней придут известия об окончательном разгроме сил Галдана войсками Фэй Ян-гу и Масыхи [22, цз. 173, 22а]. И действительно, вскоре после отправления письма императрице Канси получил донесение Масыхи от 14 июня о разгроме войсками Фэй Ян-гу на р. Тэрэльчжи сил Галдана [22, цз. 173, 24а]. В докладе от 17 июня Фэй Ян-гу сообщал, что 12 июня его войска приблизились к Чамдо, разведчики на р. Тэрэльчжи обнаружили следы ойратов. Передовой отряд цинских войск, посланный со специальной целью заманить Галдана в ловушку, при столкновении с ойратами начал отступать в расположение главных сил армии западного направления. Галдан во главе 10-тысячной армии, преследуя авангард цинских войск, наткнулся на главные силы и вынужден был вступить в бой. Ойратские войска были наголову разгромлены. Ночью, воспользовавшись темнотой, Галдан вырвался из окружения, его преследовали на протяжении более 15 *км*. Было убито свыше 2 тыс. человек, захвачено в плен более 100 человек [22, цз. 173, 26а—27а]. По дополнительному сообщению Ананьды, на месте сражения осталось убитыми более 3 тыс. ойратов, в плен захвачено несколько сот человек. Остальные были ранены или бежали. Галдану удалось скрыться с небольшим отрядом всадников.

Хотя войска Галдана потерпели серьезное поражение, но вопрос о борьбе с джунгарским ханом не был снят с повестки дня. Это признавал сам Канси в письме императрице (помещено в «Шилу» за 17 июня 1696 г.), отправленном уже после победы цинских войск под Чамдо: «Пока этот бандит не уничтожен, границы ни на один день не будут спокойны» [22, цз. 173, 29а].

По сообщению сдавшихся ойратов, Галдан в разговоре со

своими сподвижниками перекладывал вину за поход в район Керулена на далай-ламу, якобы уговорившего его отправиться туда вопреки его желанию [22, цз. 173, 27б]. Это заявление усилило подозрения Канси относительно связи Галдана с тибетскими теократическими властями. Кроме того, от пленных ойратов стало известно, что далай-лама уже давно умер.

В связи с этим Канси приказал всю имеющуюся переписку на тибетском или монгольском языках между далай-ламой, панчэн-ламой, дибой, с одной стороны, и Галданом — с другой, изучить и срочно переслать (по-видимому, после перевода) в императорский лагерь, не разглашая этого [22, цз. 173, 33а]. Затем Канси приказал Лифаньюаню уведомить кукунорских тайджи о разгроме и бегстве Галдана, о смерти далай-ламы и сокрытии этого факта дибой, который поддерживал Галдана и поощрял его выступления. Кукунорским тайджи предлагалось схватить Галдана, если он отправится на запад, и отправить к цинским властям, приказывалось задержать и отправить Цинам дочь Галдана, выданную замуж за сына Бошокту-джинонга, и людей Галдана, которые находятся в Кукуноре [22, цз. 174, 1а].

Соответствующее послание Канси было отправлено в Тибет с обвинением дибы в целом ряде проступков: «Я щедро возвысил его (дибу. — *Л. Д.*), пожаловав ему титул вана Тибета. Он, диба, внешне уважал законы Дзонхавы, а втайне был связан с Галданом, обманывал далай-ламу, панчэна и нанес вред принципам Дзонхавы. Прежде посланный им Джирун-хутухта по прибытии к Галдану молился за последнего и выбирал дни сражений. Когда я [в интересах] всех живых призвал панчэна, то [он], диба, препятствовал и не отправил [его]... Если действительно далай-лама жив, то пусть встретится с направляемым ныне моим послом и скажет Галдану, [чтобы тот] действовал по моим указам... Если же [диба] по-прежнему обманет моего посла, не допустит встречи с далай-ламой, то [я] не потерплю этого» [22, цз. 174, 15а].

Следует сказать, что на этом не закончилась переписка Канси с тибетскими властями. Забегая немного вперед, отметим, что Канси решил предать огласке поведение дибы. С этой целью 6 сентября 1696 г. одновременно были отправлены послания почти одинакового содержания далай-ламе, панчэн-ламе, далай-хану (Далай Батур-тайджи), дибе и Цеван-Арабдану. Во всех этих посланиях Канси обвиняет дибу в поддержке Галдана, в частности его последнего похода на Керулен, в интригах против панчэн-ламы, которому были созданы препятствия для выезда из Тибета в Пекин по приглашению Канси [22, цз. 175, 5а—17а].

Канси извещает далай-ламу, панчэн-ламу и др. о том, что в Халхе оставлены цинские войска для преследования и уничтожения Галдана и что посланы указания кукунорским старшинам схватить Галдана и отправить его к цинскому двору [22, цз. 175, 6б—7б].

Таким же было послание Канси и к Далай-хану с обвинением дибы в неуважении далай-ламы и обмане народа, в связях с Галданом и в оказании ему помощи. В конце послания Канси призывает Далай-хана поддерживать с Цинами хорошие отношения [22, цз. 175, 10а—11а].

В большом послании к дибе пересказываются все те обвинения, которые были ранее высказаны ему, а также в посланиях к далай-ламе, панчэн-ламе и Далай-хану [22, цз. 175, 11а—14б]. Изложив свои претензии, Канси требует от дибы подробного и правдивого рассказа о смерти далай-ламы, уважения панчэн-ламы и допущения его к руководству делами ламаистской церкви, ареста Джирун-хутухты и отправления к Цинам дочери Галдана. В противном случае Канси угрожал дибе суровой расправой, запугивал его военным походом цинской армии в Тибет [22, цз. 175, 14а—14б]. В послании к Цэван-Арабдану Канси просит его помощи в поимке Галдана и призывает сохранить верность династии Цин [22, цз. 175, 16а—16б].

В это же время Канси отправил в Кукунор и Тибет посла чжуши Бао Чжу, поручив ему главным образом разузнать подробности смерти далай-ламы и содействовать передаче панчэн-ламе управления делами ламаистской церкви, а также добиваться выдачи Джирун-хутухты и увода тех ойратов, которые явятся с повинной [22, цз. 175, 16б—17а]. Канси своими дипломатическими демаршами в Тибете, Кукуноре и Джунгарии добивался активной помощи со стороны Цэван-Арабдана, кукунорских и тибетских властей в деле окончательного разгрома оставшихся сил Галдана и поимки последнего. Канси поставил также перед собой цель обезвредить дибу, подорвать доверие к нему в ламаистском мире, в особенности среди руководящих кругов. В противовес дибе, власть которого Канси стремился ограничить светскими делами, цинский император выдвигал панчэн-ламу, по-видимому наиболее преданного Цинам представителя теократических кругов Тибета.

Из донесения фудутуна Ананьды от 9 июля 1696 г., основанного на опросе ойратов, прибывших из районов р. Боло, стало известно, что Даньцзилла и Дамдин-Гомбо соединились с Дамдин-Арабданом на территории Боло [68], и вскоре после этого каждый из них отдельно, во главе небольших отрядов численностью свыше 100 человек, отправился к Галдану. Далее сообщается о недовольстве среди ойратов и стремлении некоторых старшин отойти от Галдана [22, цз. 174, 5б—6б].

Другое сообщение, датированное 1 августа 1696 г., исходило от шилана Силы, допрашивавшего перешедших на сторону Цинов ойратских военачальников — Дамбу-хашиху и др. [69]. По мнению допрошенных, в сложившихся условиях единственная возможность укрыться для Галдана — это отступление в Тибет, на пути к которому находится г. Хами, где пребывают подданные Галдана — мусульмане, от которых он сможет получить ло-

шадей и продовольствие. Другие пути бегства для него закрыты. Кукунорские тайджи также не будут препятствовать продвижению Галдана. В Тибете Галдан встретит хороший прием, так как он находился в дружественных отношениях с дибой.

Далее опрошенные ойраты показали, что если Даньцзилла и Дамдин-Гомбо находятся вместе с Галданом, то они обязательно отправятся с ним в Тибет [22, цз. 174, 17б—19а]. По показаниям других сдавшихся ойратов, после поражения Галдан бежал на р. Тамир с 5-тысячным войском. Отсюда 26 июля 1696 г. он отправился к Вэньцзиню [22, цз. 174, 25б—26а]. Учитывая свидетельства покорившихся ойратов, Канси принял меры по преследованию и уничтожению оставшихся сил Галдана.

Еще 7 августа 1696 г. он дал указание Ананьде, тогда находившемуся в Синине, возглавить войска Батур-эркэ-джинонга и расквартироваться в Булунгире и других местах. В случае получения известий о Галдане и его сыне немедленно схватить и казнить их [22, цз. 174, 21а—21б].

Следует сказать, что Канси наткнулся на сопротивление кукунорских тайджи и представителей тибетских правящих кругов, саботировавших указания цинского императора о выдаче ему дочери Галдана, которая была замужем за сыном кукунорского Бошокту-джинонга. Канси послал в Кукунор Эрланбао. Но посол далай-ламы в Кукуноре Шамбалин-Хамбо отказал посланнику Канси под предлогом, что этот вопрос может быть решен лишь съездом кукунорских тайджи. Последний, собравшись 5 августа 1696 г., тоже ничего не решил, сославшись на то, что без указания далай-ламы съезд не правомочен самостоятельно решать такой важный вопрос [22, цз. 175, 1б—2а].

Вскоре стало известно, что в лагере джунгарского хана обострились противоречия, назрел раскол между Галданом и другими руководителями ойратов, резко ухудшилось продовольственное положение. Так, в донесении от 15 сентября 1696 г. представителя командования цинских войск Ласи сообщалось, что 1 августа 1696 г. Дамдин-Гомбо порвал с Галданом и ушел на запад. Арабдан (вероятно, здесь имеется в виду Дамдин-Арабдан) тоже якобы покинул Галдана [22, цз. 175, 18б].

Из сообщения Ласи от 7 октября 1696 г. стало известно, что Дамдин-Гомбо перешел на сторону Цэван-Арабдана, а Дамдин-Арабдан направился на поселение в Кутуйчжабаку, отделившись от Галдана. У последнего к октябрю осталось немногим более тысячи человек. Из них большая часть не имела продовольствия и жилья [22, цз. 176, 8а]. Тяжелое положение Галдана и его соратников усугублялось поражением в октябре 1696 г. войск Даньцзиллы, посланных в Вэньцзинь для захвата продовольствия [22, цз. 176, 18б].

В этих условиях Канси пришел к выводу, что следует применить иную тактику в отношении джунгарского хана — тактику «мирного» урегулирования конфликта путем разложения лагеря

Галдана, постепенного отрыва от него его ближайших сподвижников, а также рядовых ойратов, а затем принудить и самого Галдана к капитуляции. Такая политика называлась «умиротворением» («чжаофу»). Об этом говорилось в заключительной части указа Канси от 19 октября 1696 г.: «Ныне главным считать умиротворение. Поэтому я указал дацзянцзюню [Фэй Янгу] послать к Галдану его покорившихся людей, призвать [его к смирению]. Хотя ныне Галдан [еще] не покорился, но, после того как его подчиненные разбегутся, он вынужден будет покориться» [22, цз. 176, 15а].

Следует сказать, что политика «умиротворения» отнюдь не исключала применения методов насильственного подавления оставшихся ойратов. Например, Канси планировал проведение карательного похода весной 1697 г. [22, цз. 176, 18б]. Политика «умиротворения» предусматривала и такие мероприятия цинских властей, как благоустройство добровольно перешедших на сторону цинов ойратов, пожалование им званий и должностей, предложение лидерам ойратов добровольно принести повинную и покориться.

Венцом политики «умиротворения» были обращения Канси в конце 1696 г. к главным руководителям ойратов — Галдану, Даньцзилле, Дамдин-Арабдану, Дамдин-Гомбо и др. В этих обращениях Канси обещал им богатство и высокое положение. В то же время, используя их, он стремился посеять семена сомнения и недоверия среди ойратских руководителей, а главное — оторвать их от Галдана. Подобные обращения, причем с одинаковым содержанием, датированные в «Шилу» 15 ноября 1696 г., были направлены одновременно Галдану и Даньцзилле. Лицемерно выражая свое сочувствие гибнущим от голода ойратам, Канси призывал их к смирению и покорности, за что обещал сохранить им жизнь и безопасность, гарантировал различные блага как руководителям, так и народу [22, цз. 177, 12б]. В конце обращения Канси не скупился на обещания и посулы богатства и почестей тем руководителям, которые покорятся: «Коль скоро ныне уже некуда податься, Вам следует скорее повести за собой народ и выразить искреннюю покорность. Я непременно сделаю Ваши семьи богатыми. а [Вас] лично окружу почетом» [22, цз. 177, 13а—13б].

Обращаясь одновременно к Галдану и Даньцзилле, Канси рассчитывал, по-видимому, на то, чтобы поссорить их. Той же цели служило и обращение к Дамдин-Арабдану и Дамдин-Гомбо, датированное 20 ноября 1696 г. [22, цз. 177, 15а—17б]. По своему содержанию оно почти не отличается от упомянутого выше. Главное в нем — стремление показать «великодушие» Канси в отношении тех, кто перешел добровольно на сторону Цинов после поражения войск Галдана в Чамдо.

Следует сказать, что Канси в этом письме наряду с обещаниями всяких благ угрожал расправой, если Дамдин-Арабдан

и Дамдин-Гомбо не примут его предложение: «Непременно совместно с Цэван-Арабданом и Гэньдун-дайцин-бэйлэ в определенный срок осуществлю карательный поход. Советую Вам заранее принять лучшее решение» [22, цз. 177, 17б].

Призывая руководителей ойратов к прекращению борьбы, Канси одновременно не оставлял мысли об окончательном разгроме ойратов и даже физическом уничтожении Галдана. Так, после получения сообщения от перебежчика о том, что Галдан 17 октября направился в Хами, Канси указывал Государственному совету: «Ныне Галдан уже направился в Хами. Следует использовать этот случай, чтобы быстрее покарать и уничтожить [его]» [22, цз. 177, 10б].

Канси был одержим мыслью об убийстве Галдана; он даже стремился лично расправиться с ним. Так, в указе от 20 ноября 1696 г. Канси выразил намерение лично отправиться в поход для поимки Галдана. Он указывал, что лишь после того, как Галдан будет схвачен и казнен, он успокоится [22, цз. 177, 17б—18а].

Таким образом, проводя политику «умиротворения», цинские власти одновременно приняли все меры, чтобы не дать возможности Галдану уйти в Хами, а оттуда в Тибет. Тем временем продолжались переходы на сторону Цинов ойратских старшин и военачальников, ранее подчинявшихся Галдану. Так, в информации «Шилу» за 25 ноября 1696 г. сообщается о принесении повинной ойратскими военачальниками Будали и Норбу-цзайсаном, прибывшими во главе соплеменников [22, цз. 178, 1б—2а]. Из сообщения от 5 декабря 1696 г. известно, что Норбу-цзайсану Канси предоставил чин и пожаловал соболью шапку и котиковую накидку [22, цз. 178, 4а].

В сообщении от 19 декабря 1696 г. говорится о прибытии посланца Галдана Гэлэй-гуина. Гэлэй-гуин был вызван на аудиенцию к Канси, который говорил ему о своем миролюбии и гуманности, приведя примеры благожелательного отношения к покорившимся ойратам [22, цз. 178, 9б]. По-видимому, беседа Гэлэй-гуина с Канси убедила первого в необходимости отойти от Галдана, пока еще не поздно и не все потеряно, и заслужить благодарность со стороны цинского императора. Да и сам Галдан, посылая Гэлэй-гуина, стремился выяснить намерения Канси и, возможно, добиться от него уступок. Косвенным свидетельством этого является опубликованный сразу после беседы Канси с посланцем Галдана императорский указ (помещен в «Шилу» за 20 декабря 1696 г.), в котором отмечалось: «Ныне Галдан, находясь в крайне бедственном положении, направил Гэлэй-гуина просить пожалеть [его]. Моим намерением по-прежнему является желание умиротворить его [мирным путем]» [22, цз. 178, 10б—11а].

После встречи с Гэлэй-гуином Канси 21 декабря отправил послание Галдану и Даньцзилле, настаивая на их капитуляции.

Одновременно Канси угрожал Галдану карательным походом, если тот не покорится. Это было передано устно через Гэлэйгуина: «По возвращении ты скажи Галдану, чтобы он лично пришел покориться. В противном случае я непременно отправлюсь в карательный поход. Я буду в здешних местах охотиться и ждать тебя. В течение 70 дней сообщи свой ответ. По истечении этого срока я сразу же отправлю войска» [22, цз. 178, 12б].

Об упорстве Канси и его стремлении во что бы то ни стало расправиться с Галданом свидетельствует такой факт. После того как был установлен срок сдачи Галдана, один из чиновников доложил, что скоро кончится продовольствие, предназначенное для императора и его свиты. В гневе Канси отдал приказ о казни докладчика, а затем заявил, что он будет есть снег, но не повернет обратно свои войска [22, цз. 178, 13а].

В указе Канси от 30 декабря 1696 г. раскрывается показное миролюбие цинского императора, согласившегося принять повинную от джунгарского хана, а на самом деле стремившегося к уничтожению последнего: «Только Галдан — вероломный, не заслуживающий доверия человек, действительно ли он покорится, еще трудно поверить. Следует по-прежнему готовить войска, откормить лошадей и на будущий год отправить армию для того, чтобы подавить и уничтожить [его]» [22, цз. 178, 16б].

Был отдан приказ цзянцзюню Фэй Ян-гу (информация в «Шилу» датирована 17 января 1697 г.) отправить офицеров в Датун для того, чтобы отобрать оружие и лошадей, подготовиться к военному походу следующей весной [22, цз. 178, 20б—21а].

В целях дальнейшего разложения в лагере ойратов и воздействия на умы тех, кто еще поддерживал Галдана, Канси издал указ о пожаловании группе сдавшихся ойратов чиновничьих званий и должностей [22, цз. 178, 21а]. Эти меры, применявшиеся и в дальнейшем, дали эффект: ойратские старшины со своими подчиненными переходили на сторону Цинов. Например, в сообщении за март 1697 г. отмечается принесение повинной ойратскими тайджи Чагань-дорджи и Гумэн-дорджи [22, цз. 180, 19а]. За ними последовали и другие [22, цз. 181, 2б, 5б].

Из показаний перебежчиков и пленных, о чем довольно часто сообщает «Шилу», видно, что Галдан с небольшой группой людей находился в тяжелом положении, которое с каждым днем ухудшалось в связи с принятием цинским правительством мер, ограничивавших возможность его передвижения. Отдельные показания перебежчиков свидетельствуют о том, что Галдан в феврале—марте 1697 г. находился в местности Саксат-хурик, где побывали в это время послы Канси юаньвайлан Бошиси и битеши Чаншоу [22, цз. 181, 14б, 18б].

В указе Канси от 8 марта 1697 г. приводятся близкие к истине данные (на основе показаний перебежчиков) о численности оставшихся у Галдана сил — всего 400—500 человек [22,

цз. 180, 20б]. Наиболее интересные сведения о настроениях Галдана и его приближенных помещены в «Шилу» за 20 апреля и 1 мая 1697 г. [22, цз. 181, 22а—27а; цз. 182, 15а—15б]. Например, Галдан заявил при встрече с цинским представителем 7 марта 1697 г.: «Я слышал, что мудрый император щедр на милостивые указы. Не в состоянии выразить радость. Отныне, если последуют какие-либо указания императора, буду действовать в соответствии с ними» [22, цз. 181, 22б—23а]. Возможно, эта речь была обычным дипломатическим маневром с целью выиграть время.

В докладе, привезенном цинским послом Бошиси, сообщается о том, что ближайшие соратники Галдана недовольны им [22, цз. 181, 24б]. Так, Даньцзилла имел твердое намерение перейти на сторону Цинов [22, цз. 181, 25а]. Он сообщил Гэлэйгуину о том, что неоднократно, но безуспешно уговаривал Галдана покориться [22, цз. 181, 26а] [70]. Из сообщения того же Гэлэй-гуина, перебежавшего к Цинам с семьей, видно, что Галдан не имел намерения склонять голову перед Цинами [22, цз. 181, 26б].

Даже личное горе (убийство в бою в 1696 г. его жены и пленение его сына Сайбтэн-Барчжура зимой 1697 г.) [71] не сломило его. Галдана покинули ближайшие его соратники (Даньцзилла, Дамдин-Арабдан, Гэлэй-гуин, Дугар-Арабдан и др.). Канси создал против него коалицию, добившись привлечения на свою сторону кукунорских тайджи, Цэван-Арабдана и халхаских ханов. Наконец, цинские войска отправились в новый поход.

Канси дал указание направить послов с грамотой к Цэван-Арабдану, чтобы побудить его послать войска для уничтожения Галдана (информация «Шилу» за 2 мая 1697 г.) [22, цз. 182, 17а]. Почти одновременно с этим (сообщение в «Шилу» за 21 апреля 1697 г.) был получен доклад фудутуна Ананьда, в котором говорится, что получено сообщение от Цэван-Арабдана о том, что он отправил против Галдана своего сына Аюйши-Цзанцзичжаба во главе 20-тысячного войска [22, цз. 182, 4а—4б]. Так постепенно замыкалось кольцо вокруг Галдана. Но главную роль в борьбе с последним сыграла цинская армия.

Вместе с этим многие представители монгольской знати в ответ на обращение цзянцзюня Фэй Ян-гу изъявили желание следовать за цинскими войсками и снабдить их продовольствием на четыре месяца за счет собственных средств. Их решение было одобрено императором Канси [22, цз. 182, 13б].

В этой сложной обстановке Галдан все же, по-видимому, надеялся на помощь правящей тибетской ламаистской верхушки и больше всего на помощь дибы. Диба же в переписке с Канси и в беседах с цинским послом чжуши Бао Чжу, ездившим в Тибет, клялся в верности Цинам и отрицал свою связь с Галданом, а также другие обвинения, о которых уже говорилось выше. Ди-

ба заявил, что если он и провинился, то сделал это не преднамеренно [22, цз. 180, 9а—11б]. Канси хотя и не доверял дибе, но, понимая, что от него многое зависит в отношении умиротворения ойратов, решил простить его. Вскоре в ставку Канси прибыл посол дибы Ниматан-хутухта с секретным докладом дибы (информация «Шилу» за 10 апреля 1697 г.), в котором сообщалось о том, что далай-лама умер 16 лет тому назад, а его преемнику уже 15 лет. Диба просил Канси временно держать это в секрете [22, цз. 181, 15б].

Приведенные выше данные позволяют предположить, что между Канси и дибой было достигнуто согласие. Диба удовлетворил, по крайней мере внешне, все требования Канси, добившись от него лишь одного обещания — не казнить Джирун-хутухту. Но все уступки дибы, по-видимому, были маневром. На самом деле он стремился помочь Галдану, оказавшемуся в безвыходном положении. Это стало известно Канси из сообщения цинского посла Ин Гу, вернувшегося 21 апреля 1697 г. из поездки к Цэван-Арабдану. Из доклада Ин Гу видно, что Цэван-Арабдан, уже отправившийся в поход против Галдана, был возвращен послом далай-ламы Дархан-Эмчи, фактически действовавшим по указанию дибы [22, цз. 182, 2а].

Другой факт, вызвавший негодование Канси и раскрывший интриги дибы, приведен в докладе фудутуна Ананьда (помещен в «Шилу» за 21 апреля 1697 г.). Ананьда сообщил, основываясь на письме Галдан-доржи, внука Очирту-цэцэн-хана, о том, что кукунорские старшины получили письмо от имени далай-ламы и дибы, в котором им предлагалось вместе со своими подчиненными, захватив оружие, прибыть 19 февраля 1697 г. на съезд в местность Чагань-Толохай [22, цз. 182, 2а—2б; 145, 315]. Это было расценено советниками Канси как приготовление к военному походу в целях оказания помощи джунгарскому хану, как обман цинского двора дибой [22, цз. 182, 2б—3а].

Тем не менее положение Галдана значительно ухудшилось. Об этом свидетельствует ответ Галдана на грамоту Канси, привезенный ойратским послом Лама-чжабом [72]. В докладе он сообщает: «Мы не имеем жилищ, чтобы проживать, не имеем верховых лошадей, чтобы выехать, не имеем зерна для пропитания. Мои подчиненные Дамдин-Арабдан, Чэрэн-Дорчжи, оказавшись в тяжелом положении, разбежались, отправились ловить зверей [для пропитания]. Не смогу собрать их и спросить их мнение [о капитуляции]. После того как [они вернутся], расспрошу и снова доложу» [22, цз. 182, 16а]. Из ответа Галдана видно, что он уклоняется от капитуляции под предлогом отсутствия ближайших соратников, с которыми он должен посоветоваться. В то же время Галдан выдвинул требование вернуть ему перебежчиков.

Вслед за этим Канси дал указание направить пленных ойратов, в частности Даньцзичжаба, сына кормилицы Галдана, к

Галдану и Даньцзилле, чтобы призвать их к покорности [22, цз. 182, 16б]. В послании к Галдану Канси упрекнул его за неискренний ответ на предложение о капитуляции и за требование вернуть перебежчиков. Канси предупредил Галдана: «Коль скоро не поймаем тебя в нынешнем году, то в будущем году вновь отправим войска для преследования и покарания. Безусловно, не остановимся на полпути. Ты об этом как следует поразмысли» [22, цз. 182, 18а]. Канси обратился с посланиями и к Даньцзилле, а также к ойратским тайджи, цзайсанам и хашиха, призывая всех их покориться и обещая им за это славу, почет и богатство, а Даньцзилле титул бэйлэ, если он сумеет привести к покорности Галдана или же в случае принесения им и его подданными повинной [22, цз. 182, 18б].

В обращении к ойратским тайджи, цзайсанам, хашиха и подчиненным им ойратам Канси пропагандировал идею равенства между народами, которой якобы придерживается он сам, и заботы обо всех народах: «Я не разделяю [народы] на центральный и внешние, желаю всем спокойной жизни, чтобы они радостно жили и пользовались миром» [22, цз. 182, 19а].

Одновременно с этим было отправлено послание Цэван-Арабдану (информация «Шилу» за 2 мая 1697 г.) [22, цз. 182, 19б—21а]. Сообщая о тяжелом положении Галдана, покинутого соратниками, Канси призывает Цэван-Арабдана покарать Галдана [22, цз. 182, 20а—20б]. 3 мая 1697 г. Канси отдал окончательное распоряжение об отправлении 7 мая войск против джунгарского хана. Канси был твердо уверен, что на этот раз Галдан не уйдет. При встрече с дасюэши Исанъа Канси заявил: «Ныне Галдану некуда бежать. Галдан или покорится, или же покончит самоубийством. В противном случае мы обязательно схватим его» [22, цз. 182, 25а]. Окруженный со всех сторон врагами и потеряв поддержку ойратских народных масс, Галдан 3 мая 1697 г. покончил жизнь самоубийством, приняв яд [22, цз. 183, 7б] [73].

Смерть Галдана положила конец продолжительной войне. Отныне стало возможным осуществление честолюбивых планов цинского императора: рухнули препятствия к полному овладению Халхой, она лишилась поддержки извне в борьбе с агрессией Цинов. Перед Цинской империей открылись новые возможности для усиления своего влияния на тибетские теократические власти, которое было поколеблено после смерти Далай-ламы V.

Со смертью Галдана и после капитуляции его сподвижников закончился неудачей важнейший этап борьбы за объединение монгольского народа и освобождение его от зависимости от Цинской империи.

Глава 8

ОТНОШЕНИЯ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ С ХАМИ И ТУРФАНОМ

Династия Цин вскоре после прихода к власти в Китае начала восстанавливать отношения с городами-государствами Хами и Турфаном, существовавшими ранее при династии Мин. Хами и Турфан находились как бы между молотом и наковальней: с одной стороны, на них оказывало давление Джунгарское ханство, с другой — им угрожала агрессия Цинов. Поэтому они были вынуждены лавировать между этими, по существу, враждебными для них силами.

В 1646 г. к Цинам прибыл посол с подарками от правителя Турфана Султана Абдулла-Ахмет-ацзи-хана. В связи с этим был опубликован указ, в котором отмечалось, что поскольку Турфан получил от Минов грамоты и печать, то теперь правитель его может прислать посла для выяснения вопроса о пожаловании титула его хану. Кроме того, в указе предлагалось турфанскому правителю время от времени приезжать ко двору с поздравлениями и присылать большую и малую дань по старым, вероятно минским, правилам [33, цз. 15, 1б]. Из указа 1646 г. видно, что маньчжурские власти считали себя преемниками династии Мин, ее наследниками, и что поэтому ее вассалы являются их вассалами, и что Турфан до установления династии Цин посылал в Китай «дань». Однако, как и во многих других случаях, вряд ли следует считать данью те подарки, которые посылал правитель Турфана, так как взамен их он получал не менее ценные дары, называемые маньчжурской стороной вознаграждением.

Следует сказать, что, вероятнее всего, турфанцы приезжали в столицу Цинской империи отнюдь не ради привоза «дани», а для ведения торговли. Косвенно об этом мы узнаем из другого указа 1646 г., в котором турфанцам предлагается торговать в столице — в подворье для приезжающих и в Ланьчжоу под контролем властей, но не разрешается торговать кованым железом и оружием [33, цз. 15, 1б]. Примерно к этому же времени относится и установление связей Цинской империи с Хами [33, цз. 15, 2а].

В последующие годы в отношениях Цинской империи с Турфаном и Хами произошел некоторый спад. На время прекратились приезды послов этих государств в столицу. Это было вызвано восстанием дунган против Цинов, вспыхнувшим в провинции Ганьсу в 1649 г. под руководством Дин Го-чэня, мусульманина из Хэси. К восставшим примкнули мусульмане Хами и Турфана [33, цз. 15, 2а—2б].

После подавления восстания Цины пытались восстановить связи с Хами и Турфаном. Когда в 1651 г. старшина мусульман Кэбай прибыл в Цзяюйгуань, назвавшись послом Хами, и просил о восстановлении связей [1], тиду пров. Ганьсу Чжан Юн согласился возобновить отношения при условии, если Хами полностью вернет жителей внутренних земель (Китая), вероятно, принимавших участие в восстании Дин Го-чэня. Такое же требование было предъявлено послу Турфана, прибывшему в 1653 г. с аналогичной просьбой [33, цз. 15, 2б—3а].

Как выяснилось позднее, 150 подданных Цинской империи были захвачены джунгарским Батур-хунтайджи и только 15 человек — Кэбаем, который в 1655 г. возвратил их маньчжурским властям [33, цз. 15, 3б]. По-видимому, на этом инцидент был исчерпан, так как в 1656 г. посол Турфана вновь прибыл в столицу Цинской империи с подарками (верблюдами и лошадьми), которые были у него приняты [22, цз. 101, 12а].

Следует сказать, что приезду турфанских послов собирались помешать кукунорские ойраты под руководством Гомбо-тайджи. Однако ганьсуский сюньфу Чжоу Вэнь-юй предпринял меры по охране, что позволило гонцам благополучно завершить свой путь.

В связи с приездом в 1656 г. турфанских послов в столицу Цинской империи возник вопрос о численности сопровождавших его людей. Дело в том, что обычно послов или гонцов, привозивших подарки императору, сопровождало большое число людей, в том числе охрана посольства и купцы. Как докладывал шэньсийско-сычуаньский цзунду Цзинь Ли, при Минах турфанцев, привозивших «дань», сопровождало 400—500 человек, многие из них не возвращались, а поселялись на территории Китая. В результате в пяти областях провинции Ганьсу значительно увеличилось мусульманское население, что привело, по мнению докладчика, к беспорядкам, имевшим место в прошлом [2]. Далее Цзинь Ли сообщал, что и ныне турфанцы, приезжая с «данью», берут с собой много мужчин и женщин [33, цз. 15, 4а].

В связи с этим докладом и приездом турфанского посла последовал императорский указ на имя турфанского Абдулла-хана [3], помещенный в «Шилу» за 19 октября 1656 г. В нем впервые Цины регламентировали порядок отношений с Турфаном, установили сроки прибытия с «данью», число гонцов (послов) и сопровождавших их лиц. Мы опускаем начало указа, где в выспренних тонах говорится об «умиротворении 10 тыс. стран»

и о подчинении внешних (иностранных) государств и искреннем принесении ими «дани». Непосредственно о Турфане в указе говорилось:

«Ныне опять прислали посла, представившего дань. [Это] искреннее стремление действительно заслуживает одобрения!

Раздумывая о [том, что] твое государство находится далеко и отдельно [от нас] горами и реками и что путь [оттуда] нелегкий, [считаю], что следует увеличить вознаграждение, чтобы поощрять преданность. Ныне, отправляя обратно прибывшего посла, специально жалую тебе атласа 338 кусков, тонкого шелка (тафты) 723 куска, чтобы выразить [наше] расположение.

Отныне и впредь приказываю присылать дань один раз в 5 лет. Число людей, представляющих дань и вступающих в пределы заставы (Собственно Китая. — *Л. Д.*), не должно превышать 100 человек. Не разрешается брать с собой женщин. В столицу могут въехать только 30 человек. Остальные остаются и размещаются в провинции Ганьсу. И, дождавшись возвращения тех, кто повез в столицу дань, должны отправиться за заставу (покинуть Собственно Китай. — *Л. Д.*). Не дозволяется долго оставаться на внутренней территории.

Привезенные товары разрешается, согласно [установленным] правилам, продавать в столице в подворье для приезжающих. Не допускается по дороге под предлогом задержки чинить беспорядки.

Количество дани следует ограничить четырьмя западными и десятью монгольскими лошадьми, не следует подносить больше. [В этом] воплощаются мои стремления предоставить привилегии и облегчение далекому народу» [21, цз. 103, 22а—22б].

Из этого указа видно, что так называемая дань носила чисто символический характер, она не была обременительной для Турфана и в экономическом отношении не приносила больших выгод Цинской империи. Действительно, за 5 лет получить 14 лошадей, при этом послать ответные подарки не меньшей ценности правителю государства-«данника», да еще вознаградить гонцов, которые содержались за государственный счет, — вряд ли это приносило какую-либо экономическую выгоду. Но зато в политическом отношении такое положение устраивало династию Цин: ведь за государством, которое она представляла, сохранялась слава могущественного сюзерена, покровителя многих народов. Самолюбие тщеславных цинских императоров было удовлетворено.

Одновременно приведенный указ раскрывает подлинный характер посольств из Турфана как торговых миссий, основной целью которых было ведение торговли с Цинами. Собственно, других намерений и интересов у Турфана в этот и последующий периоды в отношении Цинской империи не было.

Следует отметить еще одну черту во взаимоотношениях династии Цин с Турфаном, да и с другими государствами, — это

последовательно проводившееся ограничение числа иностранцев, въезжавших в страну, сведение его к минимуму. По-видимому, цинские правители ощущали непрочность своего положения в завоеванной стране и боялись широких контактов китайского населения с другими народами.

Интересно отметить еще одну деталь во взаимоотношениях с Турфаном, лишний раз подтверждающую, что турфанские посольства были, по существу, торговыми миссиями. Мы имеем в виду регламентированное вознаграждение за привозимые послами Турфана подарки, которое производилось преимущественно шелком. Так, в «Шилу» за 6 октября 1656 г. приводится запись об установлении правил вознаграждения за предоставляемую Турфаном «дань»: «За 4 одногорбых верблюдов выдавать атласа и тонкого шелка (тафты) — каждого по 12 кусков; за 1 западную лошадь атласа и шелка — каждого по 2 куска; за 324 малые монгольские лошади атласа и тонкого шелка — каждого по 324 куска; за 2 цяня алмазов тонкого шелка — 20 кусков; за одну тысячу цзиней [4] нефритового камня — 300 кусков шелка; за 200 малых ножей — 40 кусков шелка; за 4 западных лука — 8 кусков шелка, за 2 цветных ковра — 8 кусков шелка; за 1 седло — 1 кусок шелка; за 4 пары рогов антилопы — 6 кусков шелка» [21, цз. 103, 12а—12б] [5].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что так называемая дань представляла собой обмен равноценными подарками — фактически товарами. Потому эту «дань» можно рассматривать как форму меновой торговли, которая велась, так сказать, на высшем уровне.

Связи Турфана и Хами с Цинской империей, судя по данным китайских источников, со второй половины XVII в. были прерваны и возобновились лишь к 70-м годам. Однако и в 70-х годах они не были регулярными, и в основном сводились к односторонним приездам посольско-торговых миссий из Турфана, привозивших так называемую дань. Китайские источники сообщают о прибытии послов из Турфана в 1673 [6], 1674, 1681, 1686, 1687 гг.

По-видимому, в 1674 г. цинские чиновники попытались увеличить «дань» в нарушение установившихся традиций о размере и характере ее. В связи с этим последовал указ Канси, отмечавший, что Турфан не нарушал правил представления «дани» и впредь следует придерживаться их. Однако состав «дани», по-видимому, был изменен: кроме лошадей предлагалось привозить яшму [33, цз. 15, 5а].

В конце 1681 г. из Турфана от султана Махмут Эминь-батур-хаши-хана прибыл посол Ислам-ходжа с «данью». Поскольку турфанский правитель нарушил срок и доставил «дань» не через 5, а через 7 лет, он прислал объяснение: «Так как в моем государстве произошла смута, [я] не мог в срок представить дань. Ныне, к счастью, наступило спокойствие, [поэтому] на-

правляю Ислам-ходжу с данью. Столица Небесной династии находится на крайнем востоке, а я пребываю на крайнем западе. В связи с этим прошу пожаловать решение, как [быть] в будущем: следует ли по-старому привозить дань?» [22, цз. 98, 4б].

Палата ритуалов, куда было передано объяснение турфанского султана, вынесла решение, что он должен представлять «дань» согласно указу Канси от 1673 г. Однако Канси дал распоряжение освободить Турфан от выплаты «дани» лошадьми, учитывая его отдаленность [22, цз. 98, 8б]. Посол Турфана был допущен во дворец на прием одновременно с халхаскими и ойратскими послами и присутствовал на банкете, данном в честь послов [22, цз. 98, 6а, 15б, 19а].

Через пять лет, в середине 1686 г., Палата ритуалов вновь разбирала вопрос о «дани», присланной Турфаном. На этот раз Ула-ходжа, посол турфанского правителя, привез четырех западных и десять монгольских лошадей, двух одногорбых верблюдов, а также орлов. По-видимому, Цины сочли это нарушением ранее установленных правил. Так, Палата ритуалов вынесла решение: «Известно, что государство Турфан уже получило императорский указ — следует уважать установленные правила. Однако [учитывая], что дань искренне привезена издалека, на этот раз следует разрешить внести ее. Впредь надлежит действовать на основе установленных правил» [22, цз. 126, 18б]. Император одобрил это решение.

Турфанский посол находился в столице Цинской империи, очевидно, больше полугода, так как в начале 1687 г. в «Шилу» приводятся две информации: одна — о пожаловании турфанскому правителю Махмуту Эминь-батур-хаши-хану 397 кусков шелка, а также о награждении посла Улу-ходжи и других согласно существующим правилам [22, цз. 128, 14а]; другая — о приеме турфанских послов в императорском дворце и совершении ими принятых церемоний (т. е. девять земных поклонов) [22, цз. 128, 16а—16б]. Примерно за месяц до этого (в конце 1686 г.) в «Шилу» приводилось письмо турфанского правителя, сообщавшего, что он отправил с данью Улу-ходжу и пять других старшин. В этом же письме Махмут Эминь-батур-хаши-хан просил возвратить подданных Турфана, которые ранее сопровождали посольства, но не были допущены в столицу и обосновались сначала в Ганьчжоу и Сучжоу, а затем в связи со смутами переселились в Синин. На это письмо последовало указание цинского императора, в котором отмечалось, что Турфан весьма искренне представляет дань и поэтому Палате ритуалов следует выяснить обстоятельства дела и вынести соответствующие решения. Вслед за этим Палата ритуалов сообщила, что в Синине нет подданных Турфана и, следовательно, переселять никого не следует. Канси одобрил это решение [22, цз. 128, 11а—11б].

Как известно, в конце 70-х — начале 80-х годов Галдан захватил Восточный Туркестан. Та же судьба постигла Хами и

Турфан. Однако последний, по-видимому, попал под власть Цэван-Арабдана, когда Галдан вторгся в Халху и был втянут в длительную войну с Цинами. В то же время Турфан, как свидетельствуют приведенные выше данные, продолжал поддерживать связь с Цинской империей, направляя туда раз в пять лет посольства для ведения торговли.

Вероятно, так обстояло дело до 90-х годов, после чего в китайских источниках отсутствуют сообщения о приездах послов из Турфана, но зато в них встречаются косвенные данные о подчинении его Цэван-Арабдану. Канси в своем указе последнему от 15 марта 1696 г., сообщая о том, что отправил по разным направлениям большую армию против Галдана, и опасаясь, что соседние народы будут напуганы этим, просит Цэван-Арабдана: «Ты повсюду разъясни своим подданным, включая [жителей] районов Турфана, чтобы все спокойно жили и не разбегались от страха» [22, цз. 171, 8а] [7]. Признавая Турфан подданным Цэван-Арабдана, цинские власти тем не менее оставляли за собой право непосредственно обращаться к правителю Турфана. Так, например, в 1695 г. в связи с предстоящим походом большой цинской армии против Галдана Канси одобрил предложение шаншу Палаты уголовных наказаний Туна уведомить правителя Турфана, что ему не следует опасаться похода цинской армии, так как ее цель — наказать только Галдана за его преступления [33, цз. 15, 7а].

Что касается Хами, то, по-видимому, его связи с Цинской империей были прерваны сразу же после захвата его Галданом, так как в китайских источниках ничего не сообщается о представлении правителем Хами «дани» Цинам. Однако в период войны Цинской империи с Галданом из-за Халхи связи Хами с ним также были ослаблены, но совсем не прекращались. Об этом свидетельствует попытка Галдана получить продовольствие из Хами, когда он находился под Кобдо, о чем сообщалось в указах Канси от 6 февраля 1693 г. и 20 марта 1693 г. [22, цз. 158, 2а, 12а]. Об этом же мы узнаем и из доклада Лантаня от 7 октября 1693 г.: «Когда великая армия пройдет через Хами, то убьет и разгонит мусульман, которые платили налоги Галдану (разрядка наша. — *Л. Д.*)» [22, цз. 160, 8б].

В донесении другого цинского военачальника [8], Суданя, также сообщается о подчинении Хами Галдану уже в течение многих лет: «Хамийские мусульмане прежде, уже в течение многих лет, платили налоги Галдану и другим монголам, и это началось не теперь» [22, цз. 160, 9б]. По-видимому, до 1696 г. Хами был тесно связан с Галданом, получавшим оттуда продовольствие и иногда вооруженных воинов.

Осенью 1696 г. хамийский правитель Абдулла Дархан-бек, видя неизбежную гибель Галдана и в то же время опасаясь мести со стороны ойратов, прислал в Цзяюйгуань уведомление,

в котором выражал свою покорность Цинам [22, цз. 176, 3б]. В ответном послании цинских властей ему предписывалось поймать и выдать Галдана, если он убежит во владения хамийского Абдуллы. Далее указывалось, что если он снабдит Галдана продовольствием или поможет ему бежать, то послание Абдуллы о покорности не будет принято [33, цз. 15, 7б].

В дальнейшем (в конце 1696 г.) хамийский правитель Абдулла направил посла Нарын-бека с данью верблюдами и лошадьми. В присланной грамоте Абдулла сообщал, что его род «белых чалмоносцев» присылал дань давно, но впоследствии не мог устоять перед мощными силами Галдана и вынужден был подчиниться ему. В указе Канси по этому поводу предлагалось Абдулле впредь не связываться с мятежниками (т. е. с Галданом), одобрялись послушание Абдуллы и его намерение схватить Галдана, как только он появится в пределах Хами. Хамийский правитель был награжден платьем, собольей шапкой и золотым поясом [33, цз. 15, 8а; 22, цз. 178, 18б] [9].

В феврале 1697 г. Абдулла послал своего старшего сына Гопа-бека с отрядом в 300 человек для захвата Галдана. Правда, Галдану удалось скрыться, но был схвачен его сын [22, цз. 179, 6а—6б, цз. 180, 16б—17а]. После этого Абдулла направил к Канси своего младшего сына Байки-бека с уведомлением о поимке сына джунгарского хана. В письме Абдулла выражал опасение, что теперь ойраты затаили глубокую ненависть к нему и его владение — Хами — в опасности. Указом от 27 марта 1697 г. Абдулле и его сыновьям Гопа-беку и Байки-беку были пожалованы шелк, серебро и парадные одежды [22, цз. 181, 3б; 33, цз. 15, 8б].

Дальнейшая переписка между правителем Хами и пограничными цинскими военными властями свидетельствовала о том, что Абдулла, подвергаясь давлению со стороны Цэван-Арабдана, неоднократно требовавшего возвращения сына Галдана и других ойратов, захваченных хамийцами, искал покровительства и защиты у Цинской империи. В посланиях правителя Хами отмечается, что его владение слабое и ему не хватает сил для борьбы с ойратами, что Цэван-Арабдан снова будет требовать возвращения пленных ойратов и если их не отдать, то он начнет войну. Абдулла даже просил прислать цинские войска [33, цз. 15, 9а—9б; 22, цз. 182, 5б].

Вероятно, не желая ссориться с Цэван-Арабданом, пока еще был жив Галдан, Канси не рискнул послать войска в Хами, который в прошлом был вассалом Джунгарского ханства. В его ответе на письма Абдуллы содержались советы, ни к чему не обязывавшие Канси: «не бояться», «не выдавать пленных ойратов, если их будут требовать» [10] [33, цз. 15, 9б].

После самоубийства Галдана его соратник Даньцзилла, захватив труп Галдана, бежал в Хами, где его встретил Абдулла. В дальнейшем хамийский правитель снабдил Даньцзиллу

продовольствием и отправил с ним своего сына Гопа-бека с отрядом, чтобы сопровождать его в Цинскую империю.

За преданность и верную службу Цинам Абдулле указом Канси было пожаловано звание дзасака первой степени с сохранением старого звания дархана. Кроме того, ему была пожалована печать, его сыновья назначены беками второй степени. Абдулле также было предложено ведать делами знамени [33, цз. 15, 10а].

В дальнейшем Цины, использовав хамийского правителя Абдуллу, прочно укрепили свои позиции в Хами: там был создан отряд знаменных войск (цидуй), поставлены командиры для управления им — джангин, цаньлин, цзолин и др. [33, цз. 15, 10а].

Таким образом, полный разгром войск джунгарского хана Галдана и смерть его, чего Цины добивались в течение многих лет, дали возможность Цинской империи не только прибрать к рукам Халху, но и укрепить позиции в Хами, являвшемся наиболее близким и удобным плацдармом для борьбы с Джунгарским ханством. Правитель Хами, являвшийся номинальным вассалом Цинов до конца 70-х — начала 80-х годов XVII в., попал в еще большую зависимость, а территория его стала опорной базой Цинской империи на крайнем западе, используя которую цинские правители в XVIII в. проводили агрессивные войны против Джунгарского ханства и Восточного Туркестана.

Глава 9

ОТНОШЕНИЯ ЦИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С ВЬЕТНАМОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Официальные отношения Цинской империи с Вьетнамом складывались в условиях весьма сложной внутриполитической обстановки в обеих странах. После падения династии Мин и захвата маньчжурскими завоевателями северных районов Китая южные и приморские провинции страны долгое время служили базой сопротивления властям. К 1664 г. войскам центрального правительства удалось овладеть почти всем Южным Китаем. Но вплоть до 80-х годов здесь продолжали вспыхивать восстания, подчас приводившие к полной потере контроля цинского правительства над южными провинциями. Это нужно учитывать, ибо отношения Китая с Вьетнамом велись главным образом по сухопутным коммуникациям через южные китайские провинции.

Политическое положение во Вьетнаме (в описываемое время страна называлась Дайвьет, а в Китае была известна как Аньнань) также было сложным. Власть королей (вуа) из династии Ле была номинальной. Вьетнам переживал внутренний раскол. Северные его районы (Тонкин, совр. Бакбо) были подвластны могущественным феодалам из рода Чинь, носившим наследственный титул регентов-соправителей (тюа). Их резиденция находилась в Тханглонге (совр. Ханой). Центральные районы (Аннам, совр. Чжунгбо) были под контролем правящего феодального дома Нгуенов, фактически основавших здесь во второй половине XVI — начале XVII в. самостоятельное государство. Позже официальной их резиденцией становится г. Фусуан (совр. Хюе). С 1620 г. между этими двумя вьетнамскими государствами происходили ожесточенные и продолжительные войны, шедшие с переменным успехом и безрезультатно закончившиеся в 1674 г. Кроме того, граничащая с Китаем пров. Каобанг не подчинялась власти правительства Чиней. Там была полноправным властителем династия феодального дома Маков, узурпировавшего в 1527—1533 гг. власть династии Ле, но затем потерпевшего неудачу в столице и закрепившегося в Каобанге.

Описанная ситуация влияла на политику вьетнамских властителей и определяла различное к ним отношение со стороны цинского правительства. Кс всему сказанному следует добавить, что китайско-вьетнамские связи уже имели почти 2-тысячелетнюю историю. На протяжении столетий Вьетнам подвергался неоднократным китайским завоеваниям и вновь добивался самостоятельности. Благодаря географической близости китайское влияние здесь пустило глубокие корни. Оно проявлялось и в социально-политической сфере, и в области культуры. Вьетнамская знать перенимала китайские институты, стороны жизни. Многие вьетнамцы знали китайский язык. Это облегчило развитие официальных отношений между обоими государствами. Вьетнамские короли издавна получали инвеституру от китайских императоров, считавших их (как и властителей других соседних стран) своими вассалами.

После воцарения на вьетнамском престоле нового короля он сообщал об этом китайскому императору. Китайский двор, получив сообщение, направлял королю торжественный указ, провозглашавший его ваном (властителем) своей страны, а также соответствующие данному рангу знатности и принятые этикетом регалии: парадное платье, государственную печать и т. д. Официальные отношения поддерживались при помощи традиционного для внешнеполитических связей Китая обмена посольскими миссиями. Стремление обезопасить себя от новых китайских завоеваний заставляло Вьетнам более или менее аккуратно придерживаться предлагаемых Китаем норм взаимоотношений.

Данные вьетнамских источников, приводимые Г. Ф. Мурашевой, свидетельствуют, что вьетнамские правящие круги попытались извлечь выгоду из сложной политической ситуации, возникшей в Китае после падения династии Мин в 1644 г. В 1647 г. вьетнамские войска под предводительством Чинь Така предприняли поход в провинцию Гуандун [166, 128]. Цели похода трактуются в источниках по-разному. В одном случае речь идет о намерении возвратить вьетнамские земли, уступленные Китаю в XVI в., в другом — о захвате всей провинции, некогда населенной вьетнамской народностью [167, 42, 134—135]. Но войска Чинь Така потерпели поражение.

Вскоре после этого вьетнамские короли попытались установить официальные связи с теми, чья власть распространялась тогда на южные районы империи — отпрысками свергнутой династии, так называемыми Южными Минами. В 1645—1646 гг. центром Южных Минов были провинции Чжэцзян и Фуцзянь. В это время Тан-ван (Чжу Юй-цзянь) объявил себя императором в Фучжоу. Туда и направил морем посольство восшедший в 1649 г. на вьетнамский престол король Ле Тхан Тонг. Однако вьетнамские послы не застали Южных Минов в Фуцзяни: еще в 1647 г. Тан-ван был убит, а новый импера-

тор — Гуй-ван (Чжу Ю-лан) — был провозглашен в Гуанси. Туда вслед за кочующим южноминским двором направились и вьетнамские послы. В результате Ле Тхан Тонг получил от Гуй-вана инвеституру и соответствующие регалии: императорский манифест, утверждавший его в «должности», государственную печать и календарь, исчислявший годы девизом правления Гуй-вана. По одним данным, это произошло в 1649 г. [85, 5—6], по другим — в 1651 г. [103, 20]. Есть также мнение, что начало отношениям Южных Минов с Вьетнамом было положено в 1647 г., когда китайцы дали инвеституру (прислали государственную печать и свидетельство на титул) вьетнамскому королю. При этом последнему возвращался титул правителя страны и ликвидировался существовавший до того статут наместничества [167, 41]. Если предположить, что миссия 1647 г. имела место, то инициатива, проявленная Ле Тхан Тонгом в 1649 г., становится более понятной. Однако, как отмечалось выше, вьетнамские короли по традиции извещали Китай о своем воцарении. Поэтому посольство 1649 г. могло быть снаряжено и без китайской миссии 1647 г. Во всяком случае, миссию 1647 г. (если она вообще не является результатом смешения событий 1647 и 1649 гг.), на наш взгляд, нельзя связывать с единственным и последним получением инвеституры вьетнамскими королями от Южных Минов [167, 41]. Что же касается изменения статута Вьетнама по отношению к Китаю в конце 40-х годов XVII в., то в китайских источниках об этом не упоминается.

Южным Минам, сопротивлявшимся цинским войскам, было важно поддерживать спокойствие на своих южных границах. Они даже попытались заручиться помощью Вьетнама. С этой целью в конце 1651 г. Гуй-ван направил своих послов ко всесильному Чинь Чангу. Он просил у вьетнамского правителя помощи войсками и снаряжением [103, 20]. Однако, занятое борьбой с Нгуенами, правительство Чиней не оказало помощи Южным Минам [103, 20]. Единственное, на что пошли вьетнамцы, — они пропустили Гуй-вана через свою территорию в 1656 г., когда он вынужден был бежать кружным путем в Юньнань [85, 6]. Есть данные, что посланцы Южных Минов в 1651 г. даровали Чин Чангу титул «помощник вана (правителя) страны Аньнань» [167, 42—43].

В 1659 г. цинские войска нанесли решительное поражение силам сопротивления в Юньнани и вышли к северным рубежам Вьетнама. Через два года Гуй-ван бежал в Бирму, но был выдан оттуда командующему цинскими войсками на юге У Саньгую и через год казнен. В 1659 г. вьетнамский двор в Тханглонге понял, что Южные Мины обречены и что у власти в Китае утвердилась новая династия — Цин. В конце 1659 г. «ведающий освоением территорий» Хун Чэн-чоу докладывал двору в Пекине, что навстречу китайским войскам в Юньнани

были «по своей воле» высланы вьетнамские посланцы [21, цз. 127, 20а]. Они заявили о своей «искренности» и поднесли подарки. Прислал их, по сообщению Хун Чэн-чоу, некто, носивший пышный титул столичного военачальника, великого наставника государства, гражданского и военного гуна. Так как речь идет не о короле, то это, очевидно, был соправитель Чинь Кан (Динь-выонг). Самое главное для нас отметить, что посольство из Вьетнама пришло «по своей воле», т. е. без нажима со стороны цинских властей. Это была, по всей вероятности, попытка вьетнамцев застраховаться от возможного вторжения в их пределы цинских войск. Такая гипотеза подтверждается тем, что данное вьетнамское посольство не ставило своей целью установление официальных дипломатических отношений. Оно было прислано к армии, а не ко двору Цинов. Такое неофициальное посольство не вызвало никаких практических ответных действий со стороны цинского правительства. В летописях отмечено лишь, что известие о послах было доведено до сведения двора [1].

Не остались равнодушными к выходу цинских войск к границам Вьетнама и правившие в Каобанге Маки, ибо их владения непосредственно примыкали к Юньнани. В самом начале 1660 г. оттуда прибыло посольство сообщить о «сдаче их и переходе на сторону» Цинов [21, цз. 130, 14а]. Нужно отметить, что еще во времена Минов Маки сумели добиться наименования своих владений китайским «инородческим командным округом», а себя — «уполномоченными» в этом округе [21, цз. 130, 14а]. Поэтому помимо заявления о своей «сдаче и переходе на сторону» Цинов, которое было не чем иным, как предосторожностью, ибо войска Каобанга не сталкивались с цинскими армиями, Маки просили у цинского двора подтверждения названных титулов [39, цз. 196, 7450 (2)]. Это было бы равносильно признанию новым правительством Китая прежнего сепаратистского обособления Каобанга. Однако цинское правительство не спешило с таким признанием: дело было спущено на рассмотрение в правительственные канцелярии [21, цз. 130, 14а]. Надо думать, что это диктовалось закономерным стремлением детальнее разобраться в обстановке во Вьетнаме [2].

Осенью 1660 г. к цинскому двору прибыло первое официальное посольство от вьетнамского короля Ле Тхан Тонга (Ле Тхэн Тонг) [40, цз. 2, 1а]. Сразу же оговорим, что все дальнейшие дипломатические отношения с Китаем фактически правившие на севере Вьетнама Чини предпочитали строить от имени номинальных королей из династии Ле. Послы доставили китайскому императору послание, а также ставшие с давних пор традицией для подобных миссий дары «из местных изделий», которые в китайских официальных документах именовались данью.

В послании говорилось об искренних намерениях вьетнамского правительства и содержалась, согласно китайской интерпретации, сакраментальная фраза о «сдаче и переходе на сторону» Цинов [16, т. 217, 21а; 39, цз. 196, 7450(2)]. Послание было передано лично императору и вызвало «высочайшее» удовольствие [39, цз. 196, 7450(2)]. Тем не менее есть основания предполагать, что вьетнамское посольство не было допущено в столицу. Во-первых, сообщение о прибытии послов помещено в одном из источников в докладе губернатора Гуандуна [16, т. 217, 21а]. Во-вторых, в «Шилу», где подробно освещаются все решения и мероприятия китайских властей по делу об этом посольстве, нет упоминаний о «высочайшей аудиенции» для вьетнамских послов. Такая аудиенция была центральным моментом пребывания в Китае иноземных посланцев, если они оказывались в столице.

Выработка решения и подготовка ответных дипломатических шагов в отношении Вьетнама была поручена Палате ритуалов. Однако решение было составлено лишь через полгода, летом 1661 г. Здесь, надо думать, сказалась неизбежная волокита, присущая громоздкой бюрократической машине, унаследованной цинскими правителями Китая от более ранних времен. В решении говорилось: «Король Вьетнама Ле Тхан Тонг всей душой обратился к Китаю. Он имеет заслуги в совместном подавлении разбойников. Согласно установленному порядку следует наградить его 100 лянами серебра, 4 отрезами парчи, полотна и шелка по 4 [штуки каждого] на 12 одежд с подкладкой» [22, цз. 2, 12б]. Вместе с тем Военной палате предлагалось составить «милостивый указ» от имени императора для отправки во Вьетнам.

О каких именно «заслугах» в подавлении «разбойников» (этим термином в официальных цинских документах и источниках обозначались силы сопротивления цинскому государству) идет речь, не указано. Однако в других источниках есть упоминания, что вьетнамские власти оказали помощь цинским войскам в организации военной экспедиции против «пиратов», т. е. сил сопротивления на море [32, цз. 98, 3б]. Из этого следует, что, пытаясь установить дружественные отношения с цинским правительством, вьетнамские власти подтвердили свою «искренность» практическими шагами против антиманьчжурских сил.

Что же касается «установленного порядка» для ответных даров, о котором говорится в решении, то из другого источника явствует, что Палата ритуалов предлагала нормы, принятые для подарков правителям островов Рюкю [16, т. 217, 21а]. Однако император решил, что в отношении первого официального посольства следует проявить большую щедрость. В ответной реляции Палате ритуалов он писал: «Ваша Палата исходит из старых, минских решений, предусмотренных ритуалом,

по которому иноземные страны рассматривались как низшие. Но это отличается от нашего ритуала. Составьте другое постановление» [22, цз. 2, 13а]. Это единственный встреченный нами в письменных источниках случай, где маньчжурские властители пытаются по-иному взглянуть на традиционную систему взаимоотношений Китая с зарубежными странами как с низшими, обязанными подчиняться китайцам. Однако бюрократическая китайская машина, поставленная цинскими правителями себе на службу, исправила этот «грех». Как увидим, отправленное во Вьетнам послание было вполне выдержано в духе китайских традиционных отношений к иноземцам.

Но указание о пересмотре решения в сторону большего благоволения по отношению к вьетнамскому королю осталось в силе. Тогда Палата ритуалов внесла новое предложение: поднести королю 500 лянов серебра, два отреза атласа с изображением драконов, два отреза без оных изображений, по два отреза парчи, пестрого шелка и атласа на 12 одежд с подкладкой. Это решение удовлетворило благой порыв императора [22, цз. 2, 13а]. Имеются данные, что такая щедрость была продиктована желанием вознаградить Вьетнам за уже отмеченное участие вьетнамских войск в искоренении «разбойников» на море [28, цз. 1, 40б].

Текст указа, направленного во Вьетнам Военной палатой от имени императора, весьма красноречив для уяснения целей и методов цинской политики во время установления официальных отношений с этой страной. Приведем его с небольшими сокращениями: «Приносить дань и стремиться к гуманности — истинный долг каждого подданного. Тем, кто уже проявил свою искренность и обратился к Китаю, даруются императорские указы, распространяющие [монаршую] милость... Это очень важно для соблюдения законов государствования. Ты, Лє Тхан Тонг, король Вьетнама, затерянной на юге пустынной местности, печешься о твоем народе, а также смог внять указаниям и покориться нам... В [тексте] твоего послания определенно видна искренность и верность. Уже прежде ты исправно исполнял свой долг, ныне же по своему совершенству ты приближаешься к идеалу короля. Мое сердце преисполнено глубокой радости. Дарую указ о пожаловании тебе грамоты, а также дарую присланному тобой чиновнику... серебряные деньги, платье и другие товары... Это отражает мою радость и стремление привлекать иноземцев на свою сторону добрым отношением. Ты, получив сей милостивый указ, должен быть еще более предан и старателен. Вечно будь нашим защитным барьером и вассалом! Строго соблюдай обязанности по подношению дани... Отнесись с уважением к сему специальному указу» [22, цз. 2, 20б—21а].

Как видно, в указе слегка затронуты некоторые принципы внешних отношений Китая, чтобы оттенить место и значение

указа для его адресата. Вкраплены в текст и нотки унижения иноземного властителя, чтобы подчеркнуть «расстояние» между ним и «богоподобным» императором Китая. И тут же, чтобы адресат не обиделся, подбавлена прямолинейная лесть в его адрес. Содержатся и наставления, одно из которых весьма характерно для уяснения целей, преследовавшихся китайцами издавна во многих зарубежных странах: обеспечить вассалитет этих стран, выражавшийся в исполнении определенного церемониала (в частности, присылке дани), и стремиться к тому, чтобы соседние страны были заграждением на пути возможного вторжения извне. Естественно, правительство феодального Китая далеко не всегда довольствовалось лишь такими целями. Примером тому служит многовековая история самого Вьетнама. Но в рассматриваемый период цинский двор, занятый борьбой за свое господство в самом Китае, еще не мог ставить оптимальных задач в отношении Вьетнама.

В подтверждение своего расположения к вьетнамским послам цинский двор выслал двух сановников, а также эскорт из пеших и конных воинов для сопровождения миссии до границы [22, цз. 2, 21а]. Но, оказывая такой почет, Китай в то же время не направил в 1661 г. ответного посольства во Вьетнам. Императорский указ и дары вьетнамскому королю должен был доставить присланный из Вьетнама посол [22, цз. 2, 13а]. Это, как нам кажется, было вызвано вполне определенными причинами. Дело в том, что, решая вопрос о Вьетнаме в 1661 г., чиновники из Палаты ритуалов усомнились в «искренности» вьетнамского короля. В «Шилу», например, есть запись: «Чиновники из Палаты, в связи с тем что в послании [короля Вьетнама] лишь говорилось о намерении присылать дань, не подавали прошения об обмене государственной печати и императорских указов. Поэтому командующему войсками в Гуанси был послан приказ расследовать дело и подать о том докладную записку» [22, цз. 4, 5б]. Эта запись сделана осенью 1661 г., но повествует о событиях (как здесь специально отмечено), происходивших за два месяца до присылки вьетнамского посольства осенью 1660 г. [22, цз. 4, 5б].

Этот факт интересен с нескольких сторон. Во-первых, он показывает, что перед направлением посольства в Китай вьетнамский двор решил позондировать почву, выяснить возможность вступления в официальные отношения с цинским правительством через провинциальные китайские власти. Во-вторых, получив предписание «расследовать дело», гуансийские военные власти начали действовать: послали во Вьетнам неофициальный запрос о возможности возвращения присланных Южными Минами регалий власти. Одновременно, очевидно, была достигнута договоренность о присылке посольства с «данью». Цинское правительство, следовательно, ожидало возвращения регалий, а посольство 1660 г. обмануло их надежды. Возможно, именно

этим объясняется недопущение вьетнамских послов в столицу и воздержание от ответного посольства.

Требование возвращения регалий, дарованных предшествующей правящей династией, было выдвинуто цинским правительством не только по отношению к Вьетнаму. Например, еще в 1637 г. оно было предъявлено Корее. Позже такое требование было зафиксировано в «Генеральных правилах представления дани двору», вошедших в изданный в 1690 г. свод законов в следующем виде: «Когда иноземные страны при подношении дани двору вернут императорские печати, дарованные им при Минах, учреждениям, ведающим этими делами, позволяется даровать им послание» [208, 164]. Однако в этой формулировке, как видим, возвращение регалий не являлось предварительным условием установления официальных отношений. Обстановка же, складывавшаяся в отношениях с Вьетнамом в 1660—1661 гг., была похожа на выдвижение подобного условия.

Это дополнительное условие, не имевшее прецедента в отношениях Китая и Вьетнама ранее, задело вьетнамские власти. Прислав посольство в 1660 г., они временно воздержались от ответа относительно регалий, а затем ответили отказом. Этот отказ стал известен цинскому двору осенью 1661 г. Мотивировка отказа в переложении китайских летописцев звучала следующим образом: «Ле Тхан Тонг в ответ сообщил, что в прежние времена, по прежнему порядку не возвращали и не обменивали государственную печать и императорские указы, а только ждали распоряжения о порядке представления дани и в установленные сроки подносили ее» [22, цз. 4, 6а].

После этого военный губернатор провинции Гуанси Юй Ши-яо прислал в столицу докладную записку с ходатайством о том, чтобы цинский двор дал инвеституру королю Вьетнама: направить туда императорский указ о титуловании и государственную печать [22, цз. 4, 6а]. Иначе говоря, он предлагал не настаивать на предварительном возвращении аналогичных регалий, полученных Вьетнамом ранее. Докладная записка была передана для обсуждения в Палату ритуалов [22, цз. 4, 6а]. Очевидно, чиновники Палаты продолжали придерживаться прежней точки зрения. Но тем не менее в начале 1662 г. Юй Ши-яо получил от центрального правительства приказ: направить во Вьетнам послание, «привлекающее» эту страну к Китаю. Этот словесный штамп прикрывал собой не что иное, как приглашение прислать в Китай следующее посольство «с данью» [22, цз. 5, 15а].

В этом же году из Вьетнама был прислан «в дар» цинским властям один из схваченных здесь отпрысков ранее царствовавшего в Китае минского дома. В благодарность за это вьетнамскому королю было даровано 30 отрезов тканей на одежду и на подкладку к ней и 500 лянов серебра [28, цз. 1, 40б].

Однако официального посольства к цинскому двору при этом не последовало.

Весной 1663 г. Юй Ши-яо сообщил в столицу о смерти вьетнамского короля Ле Тхан Тонга. Наследник престола Ле Хюйен Тонг известил цинские власти об этом событии специальным «скорбным докладом» [22, цз. 8, 15а—15б]. Очевидно, процедуры, связанные со сменой престолонаследника, задержали снаряжение следующего посольства в Цинскую империю. Оно было послано лишь в конце 1663 г. и прибыло в Пекин в начале 1664 г. [22, цз. 10, 18б]. На этот раз вьетнамские послы были допущены в столицу, несмотря на то что они также не возвратили требуемых цинским правителем регалий. Послы передали благодарность от Ле Хюйен Тонга за императорский указ 1661 г. и сопровождавшие его подарки. Согласно существующему в Китае ритуалу посольство доставило китайскому императору послание и «дань» из «местных» товаров.

Текст послания, полученного Цинами в 1664 г., приводится в китайских источниках. Это весьма красноречивый документ. Содержание его составляют три основных тезиса. Первый — восхваление китайского императора: «Поистине, когда мудрый становится правителем, слава и стечение счастливых обстоятельств сопутствуют династии... Вы, ваше почитаемое императорское величество, неприступны, как высокий клен. Ваша проницательность и теплота достойны уважения» [22, цз. 10, 18б]. Второй — вежливое самоунижение: «Ослепительный блеск с небес воспринимается плодородной почвой как драгоценность... Я пользуюсь милостью получать ваши указания и, как все южные звезды, стремлюсь к северу. Ценя награды, я желаю стать вторым после императора образцом. Обращаю взоры ввысь, к тому, кто таит в душе гуманность, распространяющуюся на дальние края, кто утраивает то, чем я располагаю. Изо всех сил стремлюсь исполнять свой долг короля» [22, цз. 18б—19а]. Наконец, третий тезис излагает некоторые чисто китайские воззрения на зарубежные страны: «Образцом для всех стран является любовь к приказаниям свыше. Способы управления начинаются от Чэн Тана (основатель династии Шан. — *А. Б.*). Наставления свыше повсюду нужны для успокоения. Следование церемониалу идет с древности, со времен Чжоу (китайской династии XI—III вв. до н. э. — *А. Б.*). К настоящему времени множество иноземцев прозябают в невежестве в отдаленных краях» [22, цз. 10, 18б].

Помимо этого послание не содержит никаких просьб, сообщений и других каких-либо позитивных моментов. Основное его назначение — служить знаком благодарности за присланные дары и императорский указ 1661 г. Трудно судить, подвергся ли приведенный текст послания переделке в китайских дипломатических канцеляриях. Вьетнамцам, издавна знакомым с китайским церемониалом и языком, были хорошо известны

тонкости китайской официальной казуистики. Поэтому наличие типично китайских оборотов и терминов в тексте послания еще не служит доказательством его переделки. Мы не можем также с достоверностью сказать, на вьетнамском или китайском языке был написан подлинник послания. В условиях сложной внутренней обстановки в стране вьетнамский двор в Тханглонге, желавший заручиться поддержкой Цинской империи, должен был не скупиться на похвалы императору. Однако также несомненно, что послание, как и любые письменные документы, поступавшие в Китай из-за рубежа, проходило цензурную проверку в китайской дипломатической службе и, следовательно, в него могли быть внесены некоторые изменения. Согласно принятому в Китае церемониалу послы должны были по прибытии в столицу прежде всего представить свое послание в Палату ритуалов. Церемониал передачи послания был торжественно обставлен [28, цз. 1, 37б—38а]. В тот же день Палата ритуалов пересылала послание в Государственную канцелярию (Нэйгэ) [28, цз. 1, 38а]. Таким образом, на страницах китайских официальных историй и сборников докладов такие послания появлялись, лишь пройдя через отмеченные учреждения.

Вьетнамское посольство было с почетом принято в Пекине. В его честь был дан банкет в Палате ритуалов [22, цз. 11, 4а]. Однако вместе с тем Палата подняла вопрос о «несоответствии» предметов «дани», доставленной посольством, тем вещам, которые были кодифицированы для подобных случаев китайскими церемониями. Согласно этой кодификации «дань», подносимая первым посольством от нового престолонаследника, должна была отличаться от «ординарной дани». Поэтому чиновники из Палаты ритуалов предлагали передать послам письменное наставление, предписывавшее придерживаться китайской кодификации [22, цз. 11, 3б]. Ответ Государственной канцелярии на это предложение был весьма категоричен: «Вещи, представленные в дань иноземными странами, которые восхищаются всем китайским, полностью и без промедления принимать, и не следует при этом соблюдать нормы, соответствующие Своду установлений» [22, цз 11, 3б].

Более того, именно по той причине, что это была первая «дань», присланная Ле Хюйен Тонгом, предписывалось отправить ему особенно щедрые ответные дары [22, цз. 11, 13б]. Палата финансов отпустила для этого 100 лянов серебра и 7 отрезов шелка [85, 8].

В том же, 1664 г. цинское правительство наконец решило отправить ответное посольство во Вьетнам. Возглавлял его член Дворцового секретариата (Нэймишуюань) У Гуан, а помощником посла был начальник канцелярии Палаты ритуалов Чжу Чжи-юань [22, цз. 11, 24б]. Целью посольства опять-таки не было дарование инвеституры вьетнамскому королю. Оно

направлялось, по крайней мере официально, для принесения жертв «духу умершего» Ле Тхан Тонга [22, цз. 11, 24б]. Послы должны были зачитать императорский манифест и торжественно сжечь перед усыпальницей вьетнамского короля жертвенные дары, список которых был составлен самим императором.

Возможно, что китайское посольство неофициально должно было попытаться еще раз воздействовать на вьетнамское правительство в Тханглонге, чтобы оно вернуло полученные от Южных Минов регалии. Такое предположение обосновывается тем, что в следующем сообщении о Вьетнаме в китайских летописях говорится о неоднократных побуждениях со стороны Китая к возвращению этих регалий. Упомянутое сообщение приурочено к докладу Палаты ритуалов о прибытии нового вьетнамского посольства в 1666 г. Видя, что и на этот раз их усилия оказались тщетными и вьетнамское посольство не доставило требуемых регалий, чиновники из Палаты ритуалов, не скрывая своего раздражения, предложили принять решительные меры: «В нынешнем году Ле Хюйен Тонг из Вьетнама согласно правилам прислал дань. Ему неоднократно посылались императорские манифесты, предписывавшие вернуть полученные в эру правления Юнли поддельные указы и государственную печать [3]. Он долго медлил и не присылал, ссылаясь на то, что нет такого порядка возвращать все это. После того мы намеревались послать чиновника к пограничным заставам, чтобы он лично искоренил неуважение к распоряжениям Небесной династии (Цинского двора. — *А. Б.*). Просим дать распоряжение командующему войсками в Гуанси направить во Вьетнам бумагу, вновь содержащую ясное императорское распоряжение поторопиться с присылкой в столицу поддельных указов и печати, приурочив это к доставке очередной дани. В противном же случае не принимать их послов» [22, цз. 18, 12б].

Соответствующая бумага была послана. Посольство же 1666 г., очевидно, не было пропущено в столицу Китая, ибо никаких упоминаний о его приеме, кроме упомянутого выше сообщения о нем, в китайских источниках нет.

Угроза прекращения официальных отношений возымела действие. Уже через три месяца главнокомандующий китайскими войсками в провинциях Гуандун и Гуанси докладывал центральному правительству о получении из Вьетнама «поддельного» императорского указа, помеченного годами правления Юнли, и золотой государственной печати [22, цз. 19, 5б]. Цинский императорский двор, добившись своего, немедленно снарядил посольство во Вьетнам для присвоения Ле Хюйен Тонгу китайского титула «ван» [22, цз. 19, 5б]. По мысли китайцев, это как бы включало титулуемого в китайскую иерархию знатности. Но в отличие от собственно китайских ванов получившие этот титул зарубежные властители выделялись в особый разряд «вассальных», или «иноземных», ванов.

В то же время титулование ваном было той формой, в которую облекалась инвеститура, дававшаяся китайским императорским двором зарубежным правителям. На современном дипломатическом языке это можно назвать официальным признанием.

Исполнить процедуру титулования Ле Хюйен Тонга ваном было поручено «ученому» из Дворцовой историографической палаты (Нэйгэшиюань) Чэн Фан-чао, а «вторым послом» назначили помощника начальника Палаты ритуалов Чжан Ян-би [22, цз. 19, 5б].

Послы имели специальные инструкции от императора, как производить титулование [85, 9]. Они должны были торжественно зачитать императорский указ о присвоении титула и передать его вьетнамскому королю вместе с государственной печатью и китайскими парадными одеяниями[4]. Печать была отлита из серебра и позолочена. Она имела форму четырехугольника, сторона которого была приблизительно равна 9 *см*, а толщина — 2,5 *см*, ручка печати была в виде изображения верблюда [85, 9]. На нижней стороне выгравирована надпись: «Ван страны (название государства)». Такая печать приравнивала получившего ее к китайско-маньчжурским принцам второй категории. Принцы же первой категории получали печать из золота с ручкой в виде черепахи. Такую печать из всех иноземных правителей, поддерживавших отношения с Китаем, имел лишь ван Кореи. Печать же, которая была дарована вьетнамскому королю, полагалась также согласно китайской традиции правителям Лаоса, Сиама, Бирмы и островов Рюкю [85, 9].

В упомянутом выше сообщении о возврате Вьетнамом регалий говорится о золотой печати. Это показывает, что правительство Южных Минов, стремясь получить помощь и поддержку со стороны Вьетнама, не поскупилось на повышение «ранга» вьетнамских королей, прислав им золотую печать. По-видимому, не рассчитывая получить золотую печать от Цинов, вьетнамские власти в течение пяти лет упорно не возвращали регалии, полученные ими от династии Мин. Лишь в 1666 г., как уже говорилось, вьетнамский король уступил требованиям цинского императора. В ответ на это он был титулован ваном, также получил императорские дары, которые, по предложению Палаты ритуалов, были отпущены в таком количестве, какое полагалось давать в ответ на доставленную «дань» [16, т. 217, 21а]. Это являлось знаком любезности, ибо в сообщении о возврате регалий ни о какой «дани» не упоминалось. Таким образом, период установления официальных отношений, длившийся с 1659 г., закончился в 1666 г.[5].

Полученные инвеституры, равно как и стремление добиться повышения «ранга», не было для вьетнамского двора в Тханглонге чистой формальностью, лишенной какого-либо практиче-

ского смысла. Вспомним отмеченную выше сложную политическую обстановку в стране. В условиях непрекращающихся войн с Севером Нгуены также неоднократно присылали в Китай своих посланцев, стремясь добиться титулования ванами и тем сравняться с северовьетнамским двором, получив подтверждение своей самостоятельности извне. Однако цинский двор каждый раз отвергал присылавшуюся Нгуенами «дань» и отказывался дать им инвеституру на том основании, что во Вьетнаме существует законная династия Ле [195, 295]. Однако, если бы конфликт из-за возврата регалий продолжался, цинский двор мог бы и пересмотреть свою позицию по отношению к Нгуенам.

Повышение своего авторитета и подтверждение своей «законности» извне было нужно правительству Чиней и в связи с положением в Каобанге. Дело в том, что цинский двор параллельно с установлением официальных отношений с правительством Чиней поддерживал связи и с Маками в Каобанге. Мы уже упоминали о посольстве, присланном оттуда в Цинскую империю в 1660 г. с просьбой о подтверждении полученных Маками от династии Мин титулов. Повременив более года с ответом, Военная палата после совещания с другими государственными учреждениями летом 1661 г. вынесла решение: за «выражение всемерного послушания» предлагалось повысить в чине «правителя Каобанга и других территорий», даровав ему звание «полководца, обратившегося к цивилизации» («гуй хуа цзянцзюнь») [22, цз. 2, 32а]. Но удостоверяющую это печать и императорскую грамоту предполагалось передать в Каобанг через посла, который прибудет в Китай с «данью» [22, цз. 2, 32а]. Императорский двор одобрил такое предложение.

Очевидно, это решение было доведено до сведения Маков, так как уже в конце 1661 г. они прислали ожидаемое посольство, однако оно уже было от сына умершего к тому времени правителя Каобанга [22, цз. 5, 3б] [6]. Наследник просил цинский двор передать ему просимые отцом титулы. Одновременно послы Маков передали просьбу, «ввиду того что [их] владения малы и расположены в отдалении», освободить их от положенной при восшествии на престол нового наследника дополнительной «дани» [22, цз. 5, 4а]. Китайский двор согласился на это. Посольство из Каобанга было принято в Китае согласно нормам, установленным для прочих иноземных миссий: в честь его устроен банкет и преподнесены подарки [22, цз. 5, 4а]. Вскоре Цины вынесли решение передать новому властителю Каобанга предназначенные для его отца титулы [22, цз. 5, 9б].

Что касается целей, которые преследовало цинское правительство, признавая сепаратизм Каобанга, то они, на наш взгляд, довольно ясны. Поскольку и владения Чиней, и Као-

банг лежали у границ Китая, цинское правительство не желало их объединения. Это диктовалось традиционным для китайской внешней политики принципом натравливания соседних государств друг на друга и стремлением не допускать укрупнения и усиления их в целях безопасности своих границ.

Конфликт между Маками, с одной стороны, и королями и Чинями — с другой, имел к описываемому времени длительную историю. И позиция Китая в этом вопросе способствовала его развитию и продолжению. В 1527 г. Мак Данг Зунг узурпировал престол, свергнув династию Ле. В 1533 г. династия Ле была восстановлена, но ее власть распространилась лишь на район провинций Нгеан и Тханьхоа в Аннаме. Основная же часть Тонкина все еще оставалась в руках Маков. Только в 1592 г. последние были изгнаны из Тханглонга Чинями, но удержали за собой Каобанг. Во время борьбы обе стороны обращались за поддержкой к Минам. Но минское правительство признавало наследственные права и того и другого правящего дома в пределах подвластных им территорий. Практически это означало непризнание прав династии Ле на Тонкин. Поэтому даже после 1592 г., как справедливо отмечает Д. Холл, Маки в Каобанге хотя и не обладали действенной силой, но все еще представляли большую опасность для правительства в Тханглонге [195, 152].

Продолжение конфликта относится к 1667 г. Войска Чиней разбили армию Маков и овладели Каобангом. Последний властитель из дома Маков, Мак Кинь Хоанг (Мак Кинь Ву), бежал в Китай. По некоторым сведениям, с ним вместе ушли 3 тыс. его приспешников [28, цз. 1, 16а]. Он подал императору пространный доклад с просьбой заступиться за него. Китайское правительство приняло Мак Кинь Хоанга и разрешило ему поселиться в г. Наньнине [22, цз. 25, 25б]. Летом 1668 г. императорский двор, возможно не без проявленной со своей стороны инициативы, т. е. соответствующего запроса, получил от Ле Хюйен Тонга бумагу с объяснениями. В ней говорилось, что война была начата во имя отмщения прежних обид, и излагалась вся история конфликта [22, цз. 25, 25б]. Очевидно, часть этого изложения попала, минуя «Шилу», в «Цин ши гао». Здесь описывается острая борьба вокруг престола начиная с 1516 г. [40, цз. 2, 1б]. Однако две последние резюмирующие фразы, заключающие это изложение, скорее похожи на выводы китайских правительственных учреждений по этому поводу. Они гласят: «Впоследствии (после 1592 г. — *А. Б.*) род Маков постепенно приходил в упадок, однако они сохраняли за собой одну область — Каобанг. К настоящему времени силы их еще более ослабли» [40, цз. 2, 1б].

Учитывая слабость правителей Каобанга и не желая усиления северовьетнамского государства Чиней, цинское правительство решило поддержать Маков. Во Вьетнам, на имя Ле Хюй-

ен Тонга, был отправлен императорский указ, представлявший собой пространную и аргументированную дипломатическую ноту. Начинался он ссылкой на оправдание Ле Хюйен Тонгом похода в Каобанг соображениями мести. Но, как гласил цинский указ, род Маков уже давно был истреблен династией Ле, за исключением двух отпрысков, оставшихся в Каобанге. Так что, делался вывод, месть уже свершилась. К тому же мятеж Маков — это дело столетней давности и люди, ответственные за него, давно умерли [22, цз. 25, 26а—26б].

Далее китайский двор переходил к прямым обвинениям: «Согласно твоему (Ле Хюйен Тонга. — *А. Б.*) сообщению, следует, что месть твоя удовлетворена, достигнуто согласие о мире и дружбе и каждый из вас (король и Мак Кинь Хоанг. — *А. Б.*) владел своей территорией... Ныне ты затеял конфликт, начал военные действия и говоришь, что опять-таки из мести. Тебе полагалось бы перед тем, как начать военные действия, прислать мне ясный и обстоятельный доклад обо всем и подождать императорского указа с наставлениями. Тогда как совсем не следовало, не спрашивая указаний, внезапно начинать военные действия, разорять землю Каобанга, убивать его военное и гражданское население» [22, цз. 25, 26а—26б].

Характерно, что здесь со всей определенностью говорилось о Каобанге как о самостоятельном государстве. Эта же мысль подтверждалась в данном указе и ссылкой на титулование Маков императорским двором в 1661 г. При этом Мак Кинь Хоанг и Ле Хюйен Тонг ставились в равное положение: и тот и другой прислали посольства в Китай и получили титулы. Тот факт, что полученные титулы были далеко не равнозначны по китайской субординации, в указе не подчеркивался.

Заключительная часть указа содержала требования: «Ныне, поскольку ты (Ле Хюйен Тонг. — *А. Б.*) сообщаешь, что уважаешь указания императора, прекрати войну. Захваченные земли и народ Каобанга — все возврати Мак Кинь Хоангу. Пусть каждый из вас обороняет свою территорию и поддерживает спокойствие, что соответствует моему стремлению умиротворять сердца всего народа. До конца будь верен своему долгу вассала и тогда надейся вечно располагать счастьем императорской любви. Тебе следует быть осмотрительным, думать и действовать, строго соблюдая мои указания. Не нарушай наставлений. В том и дан специальный указ» [22, цз. 25, 26б].

Доставить этот указ во Вьетнам было поручено чиновнику Государственной канцелярии Ли Сянь-гэну [22, цз. 25, 26а]. Через месяц после отправки посольства Ли Сянь-гэна в Пекин прибыла вьетнамская миссия с запоздалой благодарностью за титулование Ле Хюйен Тонга ваном [22, цз. 26, 4б]. Она доставила также «положенную дань», на этот раз удовлетворившую цинские власти. Назначением посольства, скорее всего, было задобрить цинский двор после получения из Китая за-

проса о военных действиях в Каобанге, ибо, судя по срокам, оно было отправлено до прихода Ли Сянь-гэна во Вьетнам и разминулось с ним в пути. Весьма характерно для цинской дипломатии то, что, несмотря на только что отправленный «грозный» указ, вьетнамскому посольству был оказан при императорском дворе, как положено по ритуалу, торжественный прием. Послам был устроен банкет, и они получили подарки [22, цз. 26, 4б]. При возвращении послов на родину их сопровождал столичный чиновник. Он должен был проводить посольство до пров. Гуанси, где местным властям надлежало отрядить чиновника из провинциального аппарата для сопровождения послов через границу. Такой порядок начиная с 1668 г. был принят за норму для проводов вьетнамских посольств [28, цз. 1, 48б].

Интересна характеристика политики Вьетнама в одном из решений Палаты ритуалов по поводу того же посольства 1668 г.: «Эта страна с уважением принимает нравственное перевоспитание (т. е. китайское влияние. — *А. Б.*) и выражает искренность, что достойно радости» [22, цз. 26, 7б]. Это была политика «кнута и пряника» в действии: с одной стороны, посылался «грозный» указ, а с другой — выражалось полное удовлетворение послам. Подобная тактика была присуща китайской дипломатии с древних времен.

Через год, летом 1669 г., Ли Сянь-гэн вернулся в Китай с ответом Ле Хюйен Тонга на требования цинского двора [40, цз. 2, 1б]. Такая задержка объясняется острой политической борьбой, развернувшейся при вьетнамском дворе после получения китайских требований. Правительство Чиней изыскивало возможности удержать Каобанг дипломатическими путями, но находившиеся в Тханглонге китайские послы не шли на уступки [166, 130—131]. Попытка ограничиться возвращением Макам лишь части их владений также не удалась [167, 45—46]. В результате после почти двухмесячных дебатов Чини были вынуждены принять китайские требования. Военная палата сообщала императору: «Из доклада [вьетнамского короля] явствует, что он полностью уважил распоряжения, предписанные императорским манифестом, и вернул Мак Кинь Хоангу земли и население областей Шилинь, Гуанъюань, Шанлан и Сяолан в Каобанге» [22, цз. 30, 6а] [7]. Это был крупный успех китайской дипломатии.

Двор в Тханглонге пошел на уступки, опасаясь, очевидно, вторжения цинских войск и новой узурпации с их помощью трона беглецом Маком. Однако, идя на попятную, вьетнамский двор попытался использовать давление на Маков в Каобанге мирными средствами. Наряду с сообщением о возврате Мак Кинь Хоангу его владений правительство Чиней просило императора направить в Каобанг указ о полном подчинении сепаратистов королевской власти [22, цз. 30, 6б].

Военная палата, обрадованная успехом Ли Сянь-гэна, предлагала обнародовать специальный императорский манифест об удачном окончании его миссии. На радостях чиновники предложили удовлетворить и просьбу вьетнамского двора. Для выполнения этого предполагалось вновь направить Ли Сянь-гэна во Вьетнам [22, цз. 30, 6а]. Императорский двор санкционировал эти действия. Однако о результатах повторной миссии Ли Сянь-гэна сообщений нет. Казалось, во вьетнамских делах наступило затишье. Но на деле в 1667—1669 гг. разыгрался лишь первый акт «каобангской эпопеи» с участием цинского правительства.

Второй акт приходится на 1673—1674 гг. В конце весны — начале лета 1673 г. в Цинской империи побывали посланцы и королевского двора и Каобанга. Но если в отношении первых китайские источники лишь кратко сообщают об их торжественном приеме при дворе, то вторые заставили цинское правительство вновь разбираться в наболевшем вопросе. Поводом к этому послужил следующий доклад Мак Кинь Хоанга: «Прежде Ле Хюйен Тонг вынудил меня бежать под покровительство Вашего двора. Император милостиво соизволил направить посла к Ле Хюйен Тонгу с указом, предписывавшим вернуть мне четыре области в Каобанге. Благодаря этому я смог обрести прежние земли. Но есть еще две области — Баолэ и Циюань — всего в них 12 сельских общин (шэ), таких, как Куньлунь, Цзиньма и другие, которые еще не возвращены. Прошу снова направить Ле Хюйен Тонгу императорский указ, чтобы он полностью возвратил захваченные земли» [22, цз. 42, 3б].

Для разбирательства дела было созвано совещание высших правительственных сановников. Как выяснилось, это был уже не первый доклад, в котором Мак Кинь Хоанг донимал цинский двор аналогичной просьбой [22, цз. 42, 3а—3б]. Однако цинские правительственные канцелярии не решались принять определенного решения, так как в жалобе Мак Кинь Хоанга от 1668 г. говорилось лишь о Каобанге, а не об упомянутых двух областях. Оттяжка решения мотивировалась цинскими чиновниками и тем, что спор происходит в иноземной стране [22, цз. 42, 3б]. Учитывая эти соображения, совещание предложило: «Решение долго не принималось. Многократно составлялись беспорядочные доклады, дел переделано множество. Не следует больше обсуждать это» [22, цз. 42, 3б]. Иными словами, претензии Маков предлагалось игнорировать. Император одобрил такое решение.

Эта позиция Цинов была продиктована, конечно, не тем, что чиновники из цинской дипломатической службы не могли разобраться в деле. При желании они могли уточнить, где лежат спорные районы. Важно вспомнить, что в решении Военной палаты летом 1661 г. о титуловании Маков они имено-

вались «правителями Каобанга и других территорий» [22, цз. 2, 32а]. Теперь же цинское правительство явно устранялось от какого-либо вмешательства в защиту интересов Маков, предоставляя событиям идти своим чередом. Возможно, оно понимало, что дальнейший нажим на двор в Тханглонге не приведет к успеху, а, наоборот, может свести на нет дипломатический успех 1669 г.

Но вслед за Маками весной 1674 г. вопрос о Каобанге подняло правительство Чиней. Это находится в прямой связи с прекращением длившихся более полувека войн с Нгуенами. Последние попытки Чиней овладеть донгхойской стеной и тем самым открыть дорогу на юг окончились неудачей в 1672 г. В следующем году их войска отошли, и столкновения прекратились на многие десятки лет. Война с Нгуенами закончилась для Чиней неудачно: они не добились присоединения Юга. Но прекращение ее развязало руки правительству Чиней в борьбе с сепаратизмом на севере, в первую очередь с Каобангом.

В начале весны 1674 г. в Пекин прибыло вьетнамское посольство. Оно доставило известие, что в связи с болезнью Ле Хюйен Тонга управление государственными делами взял на себя его младший брат Ле Зя Тонг [22, цз. 45, 10б] [8]. Это обстоятельство облегчало правительству в Тханглонге вновь поднять перед цинским двором вопрос о Каобанге. Послание Ле Зя Тонга цинскому двору начиналось следующими словами: «Прежние короли моей страны от века владели Вьетнамом, повелевали всеми подданными и всей территорией страны» [22, цз. 45, 10б—11а]. Далее шло краткое изложение событий, связанных с узурпацией Маками престола и их дальнейшими поражениями. При этом бегство Мак Кинь Хоанга в Китай в 1668 г. объяснялось «только расчетами избежать ответа за свои преступления» [22, цз. 45, 11а]. Затем говорилось о том, что требование императорского двора вернуть Каобанг Макам, переданное через Ли Сянь-гэна, вызвало огорчение Ле Хюйен Тонга. Но он не посмел ослушаться. В послании Ле Зя Тонга из этого делались весьма определенные выводы: «Каобанг — это от века подвластная мне земля, воровски захваченная мятежниками. Моим потомкам-наследникам будет поистине трудно примириться с таким положением. С земным поклоном умоляю императора о милости: приказать вернуть Каобанг в подчинение нашей стране» [22, цз. 45, 11а—11б].

Но послание 1674 г. на этом не кончалось. Желая всеми средствами предотвратить возможное заступничество цинского правительства за Маков, Ле Зя Тонг прибег к доносу. В заключении послания сообщалось, что якобы в тексте клятвы, зачитанной Мак Кинь Хоангом во время жертвоприношений духу его умершего отца, были слова о замышлении мятежа против Цинов [22, цз. 45, 11б].

Помимо «обычной дани» вьетнамские послы доставили еще

«местные товары» в знак упования на исполнение императором просимой «милости» [22, цз. 45, 11б]. Это походило на подкуп, поэтому цинское правительство, передав дело в Военную палату, распорядилось полностью отослать обратно упомянутые «местные товары» [22, цз. 45, 11б].

Военная палата, рассмотрев просьбу вьетнамского короля, вынесла решение придерживаться в вопросе о Каобанге позиций, принятых еще в 1668 г. Согласно им, напоминала Военная палата, Каобанг передавался Макам, а вьетнамским королям предписывалось поддерживать с ними «мирные и дружественные отношения» [22, цз. 46, 6б]. Что же касается доноса о злонамерениях каобангских правителей против Цинской империи, то Палата брала их под сомнение. Текст заупокойной клятвы, как считали разбиравшие дело китайские чиновники, мог быть составлен и раньше и никакого отношения к настоящему времени не иметь. К тому же они нашли в этом сообщении вьетнамского короля много путаного. Поэтому ему было предписано еще раз «подробно разобраться» в этом деле, а затем прислать цинскому правительству новое послание о результатах расследования [22, цз. 46, 7а].

Иными словами, дело откладывалось в долгий ящик, а позиция цинского правительства по вопросу о Каобанге оставалась прежней. Это прекрасно поняли при вьетнамском дворе: никакого повторного послания с обвинениями Маков во враждебности Цинам не последовало. Вместе с тем правительство Чиней на некоторое время отложило попытки уничтожения сепаратизма Каобанга. Таким образом, в 1673—1674 гг. Цинской империи вновь удалось сохранить статус-кво в отношениях между Маками в Каобанге и правительством Чиней. Как мы уже отмечали, это была главная цель цинского правительства в данном вопросе. Детали же его не интересовали. В этом отношении весьма показательно, что в 1673—1674 гг. были отвергнуты притязания как одной, так и другой стороны.

Но, естественно, статус-кво в этом вопросе не было прочным. Как отмечалось в послании Ле Зя Тонга от 1674 г., вьетнамские короли не могли отказаться от ликвидации сепаратизма Каобанга. Они выжидали лишь удобного случая, который бы помешал Цинской империи поддержать Маков. На время Чини сосредоточили все свои силы на ликвидации другого сепаратистского феодального клана — дома Во. Но в 1677 г. наконец представился удобный случай выступить против Маков. Он был связан с событиями в Цинской империи.

В 1673 г. началось восстание так называемых трех вассалов-князей, одну из главных ролей в котором играл У Саньгуй, в прошлом оказавший неоценимые услуги Цинам и назначенный ими наместником провинций Юньнань и Гуйчжоу. В 1673—1675 гг. восставшие добились значительных успехов: волнения охватили 11 провинций Китая, и повстанцы угрожали

цинскому правительству в Пекине. Однако затем цинским войскам удалось сломить наступление восставших. Армия У Сань-гуя оттеснялась все далее на юг. В этих условиях цинский двор в самом конце 1677 г. направил во Вьетнам пространное послание с призывом оказать содействие в окончательном разгроме У Сань-гуя. Послание, составленное по китайской традиции в форме императорского указа, было отправлено на имя Ле Хюйен Тонга [22, цз. 69, 23б]. Это показывает, что цинское правительство не желало признавать его устранения с престола, между тем как к 1676 г. власть в Тханглонге находилась даже не у его преемника — Ле Зя Тонга, а у следующего короля — Ле Хи Тонга. Однако известие об этой последней перемене Цинская империя получила позднее.

Начиналось послание цинского двора пространными обвинениями в адрес У Сань-гуя. Ему приписывались все смертные грехи: намерение поддержать восстание Ли Цзы-чэна (которое, как известно, У Сань-гуй подавлял, перейдя на сторону иноземных завоевателей), черная неблагодарность за все милости, оказанные ему Цинами, плохое исполнение «сыновнего долга», осквернение духов своих предков и т. д. [22, цз. 69, 23б]. Но самым главным, с нашей точки зрения, обвинением было упоминание о попытках У Сань-гуя склонить к мятежу «внутренних и внешних врагов» цинского двора [22, цз. 69, 23б].

В послании сообщалось также об успехах цинских армий в борьбе с восстанием: отвоевана провинция Ганьсу, почти закончена очистка от восставших провинций Фуцзянь и Гуандун, успешные бои перенесены на территорию Юньнани, с тем чтобы затем овладеть Гуйчжоу и Гуанси. Из этого делался вывод, что дни У Сань-гуя сочтены. И только в конце излагались мотивы, побудившие цинский двор обратиться к Вьетнаму: «Боимся, что, оказавшись под давлением крайних обстоятельств, он (У Сань-гуй. — *А. Б.*) попытается бежать через Дянь на юг [9]. Этому непременно нужно помешать и задержать его до выдачи Сыну Неба» [22, цз. 69, 24а].

Просьба оказать помощь в задержании У Сань-гуя сопровождалась определенной лестью (правда, в весьма своеобразной форме) в адрес вьетнамских королей и увещеванием их: «Ныне, ввиду того что ваны Вьетнама издревле проявляли искренность к Китаю, преподносили дань, много лет выражали почтение и преданность и, находясь с нами в близких отношениях, служили нашим защитным барьером и вассалами со всей возможной верностью и уважением, ты непременно поймешь, что наш взбунтовавшийся подданный-разбойник — это наш общий враг» [22, цз. 69, 24а]. В заключительной части послания цинский император предлагал Вьетнаму принять непосредственное участие в подавлении восстания: «Территория вашей страны находится по соседству с нашей и поэтому вы всегда хорошо разбирались в обстановке. Вану следует подоб-

рать полководцев и солдат, объединить с нами сердца и усилия, ударить по их (мятежников. — *А. Б.*) жизненно важным стратегическим пунктам, добить их в собственном логове, заранее обезвредить бегущих от наказания разбойников. За такую преданность вы будете награждены, заслужите славу и почет. Считайте, что это приказ двора. Вану следует строго выполнять приказы двора. Начинайте действовать в установленный срок, чтобы доложить о крупных успехах» [22, цз. 69, 24а—24б].

Однако правительство Чиней не спешило ни действовать, ни докладывать об успехах. Вернее, оно немедленно приступило к действиям, но совершенно иного характера, нежели те, к которым побуждал цинский двор: оно нанесло решительный удар по Каобангу. Известие об этом Цины получили лишь в самом конце 1679 г. При этом правительство Чиней избрало весьма дипломатичную форму сообщения об этом. Послание, присланное в Китай от имени Ле Хи Тонга, содержало прежде всего поздравления с большой победой. Задержка очередного посольства объяснялась тем, что восстание в Цинской империи отрезало пути для «доставки дани». Суть же послания выражалась следующими словами: «У Сань-гуй... неоднократно присылал ко мне своих самозванных чиновников, которые разными способами — угрозами и посулами — требовали, чтобы я подчинился. Но как ни ничтожна моя преданность императору, я не посмел последовать за мятежниками. Но есть в нашей стране взбунтовавшийся подданный Мак Кинь Хоанг, который отвернулся от императорской милости и последовал за разбойниками. Он вошел в тайный сговор с У Сань-гуем, приказавшим более чем 10 тыс. пеших и конных воинов скрытно войти в Каобанг в моей стране с намерением нанести внезапный удар. Ныне с радостью полагаюсь на поддержку императорского оружия... Я направляю своего сановника в столицу Китая с поздравлениями двору и одновременно посылаю войска схватить и изгнать мятежную банду Мак Кинь Хоанга и воздать ему по заслугам за его преступления» [22, цз. 86, 13б—14а].

Для обсуждения, что предпринять в ответ, был собран Государственный совет, который решил: поскольку король Вьетнама не примкнул к восставшим и передал свои поздравления вместе с «данью», направить ему императорский манифест, побуждавший его поступать в том же духе [22, цз. 86, 14а].

Что же касается вопроса о Каобанге, то цинское правительство решило обойти его молчанием. Это было явной уступкой вьетнамцам. Такая тактика мотивировалась двумя соображениями: во-первых, тем, что не была исключена возможность вступления Мак Кинь Хоанга в союз с У Сань-гуем, а во-вторых, тем, что войска Чиней уже вошли в Каобанг и войну невозможно остановить [22, цз. 86, 14а—14б]. Решающим был, несомненно, последний из этих доводов: цинское правительство уступило, так как поняло, что основной удар по Каобангу уже

нанесен. Рассчитывать же на успех повторного требования очистить Каобанг, как это было в 1668 г., цинский двор не мог. Последнее можно объяснить следующими обстоятельствами. Хотя в 1679 г. с большими усилиями восстание на Юге страны было подавлено, но в Сычуани и Хунани продолжалось сопротивление до 1681 г. Поэтому к моменту получения известия о разгроме Каобанга цинские власти еще не чувствовали себя достаточно прочно, чтобы вмешиваться в конфликт с Вьетнамом.

Дальнейшие сведения о Мак Кинь Хоанге неточны и противоречивы. По одним данным, он бежал в Китай, в г. Фучжоу [22, цз. 102, 5б], по другим — умер, а в Китай бежал его младший брат с оставшимися родственниками и приближенными [22, цз. 102, 6а; 40, цз. 2, 2б]. Так или иначе, к 1682 г., когда цинская Военная палата разбирала вопрос о том, как поступать с находившимися в Китае беженцами из Каобанга, Мак Кинь Хоанга уже не было в живых. Его младший брат рассматривался цинскими чиновниками как его ближайший сообщник. Это не благоприятствовало последнему, ибо цинские власти стали склоняться к тому, что Мак Кинь Хоанг действительно оказывал помощь У Сань-гую. Они исходили при этом из двух моментов: доклада военного губернатора Гуанси, где подтверждались связи Маков с восставшими, и еще одного послания вьетнамского короля, обвинявшего Маков в снабжении войск У Сань-гуя продовольствием [22, цз. 102, 5б—6а].

Мы не можем с достоверностью сказать, пытались ли Маки в Каобанге заручиться поддержкой У Сань-гуя [10]. Однако подозрения маньчжурского правительства подкреплялись тем фактом, что некоторые вьетнамские феодалы принимали участие в действиях повстанцев в южных провинциях. Например, осенью 1674 г., в момент успешных действий войск У Сань-гуя, главнокомандующий цинскими войсками в Гуандуне и Гуанси докладывал: «Чжисунь [11] из северной части Вьетнама (Цзяочжи) Янь Чи (имя дано в китайской транскрипции. — *А. Б.*) поднял мятеж. Он воспользовался удобным случаем и начал возню. Его войска выстроены вдоль границы. Намерения его нельзя предугадать. Прошу усилить оборону» [22, цз. 48, 23а]. Центральные власти распорядились привести пограничные гарнизоны в Гуанси в боевую готовность, усилить разведку, а главнокомандующему войсками на юге Шан Кэ-си предписывалось перебросить туда подкрепления [22, цз. 48, 23а]. Тем не менее войска Янь Чи перешли границу, взяли несколько городов, но затем потерпели поражение. Можно предполагать, что в дальнейшем он принял участие в военных действиях в Гуанси и Гуйчжоу во время восстания «трех вассалов-князей», ибо есть упоминания о нем как о мятежнике и известия о его убийстве в 1677 г. в г. Гуйлине [22, цз. 73, 9б].

Очевидно, что упомянутый чжисунь, а возможно, и другие

вьетнамские феодалы действовали против цинских властей на свой страх и риск, без согласования с правительством в Тханглонге. Это обстоятельство также могло повлиять на позицию цинских властей в отношении вьетнамских сепаратистов вообще и Маков в частности.

Под давлением всех перечисленных обстоятельств Военная палата в 1682 г. вынесла вердикт о виновности перед Цинской империей младшего брата Мак Кинь Хоанга. В то же время Палата указала на «смягчающие обстоятельства», состоящие в том, что он «сдался на милость победителя» и передал цинским властям печать, подтверждавшую дарованный Маком императорским двором титул [22, цз. 73, 6а]. В связи с этим предлагалось простить его и не подвергать наказанию. Тем не менее чиновники из Палаты считали, что «он иноземец и ему не подобает жить в Китае. Его вместе с пришедшими с ним родственниками следует возвратить во Вьетнам, а королю направить бумагу, чтобы он не допустил его убийства, принял и дал возможность [спокойно] жить» [22, цз. 73, 6а].

Императорский двор одобрил такое решение. Естественно, выдача вьетнамцам была бы для брата Мак Кинь Хоанга равносильна казни. Однако он не дожил до претворения в жизнь этого решения, так как заболел и умер в окрестностях г. Сычэна [40, цз. 2, 2б]. Остальные 350 человек, бежавшие с ним в Цинскую империю, летом 1683 г. были препровождены под конвоем до пункта Наньгуань на границе Вьетнама и китайской провинции Гуанси. Здесь их передали вьетнамским чиновникам [22, цз. 111, 8б]. В «Цин ши гао» изложение этих событий заканчивается весьма лаконичным комментарием: «И род Маков вслед за тем прекратил свое существование» [40, цз. 2, 2б].

Описанные события были последним отзвуком «дела о Каобанге», который был подчинен правительством Чиней еще в 1677—1678 гг.

Выдача родственников и приближенных Маков вьетнамскому правительству могла иметь для цинских властей определенное практическое значение. Дело в том, что антицинские силы, группировавшиеся главным образом на Юге Китая, после поражений и неудач часто пытались уйти во Вьетнам или на близлежащие острова. Оттуда они вновь возвращались в Китай в надежде разжечь новый пожар сопротивления. Поэтому цинское правительство неоднократно было вынуждено обращаться к Вьетнаму с требованиями выдать перешедших туда китайских «разбойников» и «пиратов». В то же время Цинская империя была согласна выдавать вьетнамским властям их перебежчиков.

Как отмечалось выше, первые сведения о вьетнамской помощи цинскому правительству в подавлении «пиратов» относятся к началу 60-х годов XVII в. [85, 6]. В 1665 г. командующий войсками в Гуандуне известил правительство о высадке

на берегах Китая отрядов «пиратов» под предводительством Хуан Мин-пяо и Яна Второго. Они, по сообщению докладчика, прибыли из северной части Вьетнама и подстрекали к восстанию ссыльных людей (Гуандун служил в то время местом ссылки) [22, цз. 14, 25б]. Затем сообщалось о разгроме высадившихся и захвате в плен 900 человек. Но остальным вместе с их предводителями удалось уйти в подвластные вьетнамцам районы. Они, очевидно, продолжали причинять беспокойство цинским властям, ибо через год, в 1666 г., императорский двор направил вьетнамскому королю пространное послание.

Послание начиналось недвусмысленным напоминанием о богатых подарках вьетнамским королям: «С того времени как твой отец выразил свою искренность и прислал дань, я направил во Вьетнам послов с дарами более щедрыми, чем предусмотрено этикетом для выражения монаршей милости» [22, цз. 19, 3б—4а]. Затем сообщалось, что отряды «пиратов» Яна Второго, Яна Третьего и Хуан Мин-пяо вместе с семьями обосновались во вьетнамских владениях. Цины уведомляли, что рассматривали их как «людей из вражеской страны» и намерены предпринять против них карательную экспедицию; они считали их врагами как Цинской империи, так и Вьетнама. Далее излагалось, что́ в этой связи желательно было бы предпринять Вьетнаму: «Особенно мы обеспокоены тем, чтобы иноземцы (вьетнамцы. — *А. Б.*) помнили о согласованности действий с нашими чиновниками из пограничных районов. Если ты (Ле Хюйен Тонг. — *А. Б.*) еще не вошел с ними (чиновниками. — *А. Б.*) в согласие по незнанию, то для того и дан ныне специальный императорский указ...» Далее в послании предлагалось схватить мятежников и передать их властям провинций Гуанси и Гуандун. В заключение отмечалось: «...Если же вы не схватите и не уничтожите разбойников и они не понесут наказания от подчиненных тебе чиновников, то боюсь, что могут возникнуть между нами военные действия. Тебе следует задуматься над этим. В том и дан специальный императорский манифест» [22, цз. 19, 4а—4б].

Чем закончился этот эпизод борьбы цинских властей с «пиратами», не известно. Ответа из Вьетнама не последовало, обещанные военные действия также не начались. Но Цинская империя, в свою очередь, в 1671 г. выдала вьетнамским властям их перебежчика. При этом цинские власти предложили выдать его на том основании, что Вьетнам является «подчиненной» («шу») Цинам страной [22, цз. 35, 14б].

Новая волна эмигрантов, оказывавших сопротивление цинским властям, хлынула во Вьетнам после подавления восстания У Сань-гуя в 1678—1679 гг. Летом 1679 г. в г. Туран, находившийся во владениях Нгуенов, прибыла китайская эскадра из 50 судов с 3 тыс. человек на борту. Это были остатки флота, оказывавшего цинским войскам сопротивление на юге.

Командовали флотом Ян Янь-ди, Чэнь Шан-чуань, Хуан Цзинь и Чэнь Ань-пин [104, 49]. Правительство Нгуенов было весьма обеспокоено прибытием нежданных гостей, изъявивших желание поступить к нему на службу. Но все же оно решило использовать их в своих интересах и передало этих людей в подчинение искавшему поддержки у Нгуенов властителю района современного Сайгона Анг Нону [195, 295].

Анг Нон был камбоджиец, и район Сайгона тогда также считался подвластным Камбодже. Но Анг Нон после неудачной попытки захватить камбоджийский престол бежал к Нгуенам. Получив в свое распоряжение китайский флот, он направился в район Сайгона. Здесь китайцы разделились на два отряда и основали два поселения: одно — в Митхо, на восточном притоке р. Меконг, где главой стал Ян Янь-ди, второе — в Бьенхоа во главе с Чэнь Ань-пином.

В 1682 г. Анг Нон с помощью отряда Ян Янь-ди вновь попытался овладеть престолом Камбоджи, но неудачно [195, 295—296]. Вскоре Ян был убит. Поселение же в Бьенхоа быстро росло. Сюда стали стекаться и другие китайские эмигранты, искавшие спасения от цинских властей. Приходили и купцы — китайские, японские и западноевропейские.

Вообще вьетнамские власти в отличие от китайских не были склонны выдавать перебежчиков, тем более что поток китайских беженцев во Вьетнам был несоизмерим с отдельными случаями бегства вьетнамцев в Китай. Согласно вьетнамским источникам, правительство Чиней еще в конце 1663 г. издало указ, в котором было предложено местным властям расселять китайских эмигрантов отдельно от вьетнамцев, «чтобы отделить чуждые обычаи» [103, 20]. Как видим, принимая китайских эмигрантов, вьетнамские власти не хотели допускать их ассимиляции с местным населением.

Эмиграция китайцев во Вьетнам продолжалась и после волны 1678—1679 гг. Например, в 1690 г. командующий войсками Гуандуна докладывал об успешном походе цинской экспедиции против «пиратов», укрывшихся на подвластных Вьетнаму о-вах Синьань [22, цз. 148, 20б]. В начале 90-х годов признал себя вассалом Нгуенов еще один предводитель китайского отряда — Мо Мэй (вьетнамское имя — Мак Кыу). Он был поселен в районе Хатиен к западу от дельты Меконга на берегу Сиамского залива. Туда стали стекаться китайские переселенцы, которые и основали там новые поселения, в частности Кампот [195, 296]. Еще одна группа китайцев основала г. Телон близ Сайгона.

Однако после 1683 г. вопросы эмиграции стали меньше тревожить цинское правительство. Это сказалось в некотором смягчении в 1683 г. так называемой политики морского запрета, одним из основных назначений которой было прервать связь сил сопротивления, действовавших на море и за рубежами

Цинской империи, с континентом. Несомненно, успокаивало Цинов и падение в том же году долголетней базы сопротивления им на о-ве Тайвань. 1683 год считается датой подавления сопротивления китайского народа и окончательного установления цинского господства.

С этого же времени наступает и сравнительно спокойный период в отношениях Цинской империи с Вьетнамом. Связи продолжали поддерживаться через послов. Основное внимание цинского правительства с 80-х годов стало уделяться вопросам ритуала приема вьетнамских миссий. Это проявилось в возникшем в 1683 г. «деле о дани» из Вьетнама. Чтобы лучше уяснить его, рассмотрим, как складывался ритуал принятия вьетнамских посольств при цинском дворе.

В общем, порядок приема и одаривания иноземных посольств при цинском дворе строился по определенному трафарету. Тем не менее почти для каждой страны были установлены свои особенности. Столь привычная для Китая иерархия, деление на высших и низших, распространялась, таким образом, и на зарубежных «вассалов». Соответственно к 60—80-м годам XVII в. особые нормативы были выработаны цинским правительством и для Вьетнама. Прием вьетнамских послов мог быть и простым и торжественным. В первом случае после прибытия посольства в столицу и торжественного вручения послания в Палате ритуалов через эту Палату подавался запрос о приглашении посольства на аудиенцию к императору. В ответ поступало распоряжение о дне и часе приема. Послы облачались в парадное платье и, сопровождаемые цинскими сановниками и придворными, направлялись во дворец. Император принимал их в одном из не главных по назначению залов дворца и был одет в повседневную одежду. Церемония приема сводилась главным образом к многочисленным коленопреклонениям и битью послами земных поклонов. Никаких бесед на аудиенции не велось кроме осведомления императора о здоровье послов и ответа последних [28, цз. 1, 38а—38б]. Эта церемония носила чисто процедурный характер. Ее главным назначением, по замыслу китайской дипломатии, было ослепить послов блеском двора, «недосягаемым» величием императора. Характерно в этом отношении, что послы во время приема оставались у дверей зала, что поклоны полагалось начинать еще во дворе перед палатами и что император вопрошал послов не непосредственно, а через своих приближенных, которые общались с переводчиками [28, цз.1, 38а—38б].

Торжественные церемонии отличались от ординарных тем, что император восседал в тронном зале, окруженный многочисленной свитой. Кроме того, торжественные приемы сопровождались чаепитиями, а также банкетами. На следующий день утром послы должны были благодарить императора перед главными дворцовыми воротами [28, цз. 1, 38б—39а]. По существу

же церемония приема оставалась той же. Вьетнамские послы должны были также участвовать в торжественных выходах императора по случаю праздников: Нового года, дня зимнего солнцеворота, дня рождения императора и др. [28, цз. 1, 38а].

Особые правила и нормативы существовали и для приема от вьетнамских послов «дани» и выдачи им ответных подарков. В 1661 г., как мы отмечали, Палата ритуалов предложила приравнять Вьетнам к о-вам Рюкю по норме положенных королю ответных даров [16, т. 217, 21а]. Это показывает, что ранее цинский двор не занимался вопросами ритуала для вьетнамских посольств. Мы помним также, что император лично внес коррективы в эти нормы в сторону увеличения. Следующий шаг в направлении кодификации был сделан в 1663—1664 гг., когда вьетнамские послы появились в столице Цинской империи. Цины установили, что из Вьетнама «дань» должна поступать раз в три года [16, т. 217, 21а]. Этот срок издревле предписывался китайским церемониалом почти для всех иноземцев-данников. Тем не менее цинское правительство вынесло специальное решение об установлении этого обычного срока специально для Вьетнама. Тогда же, в 1663—1664 гг., чиновники из Палаты ритуалов попытались в первый раз проявить строгость и в отношении кодификации доставленной оттуда «дани».

В 1665 г. был установлен путь, по которому «дань» из Вьетнама должна была поступать в Цинскую империю: через область Пинъянь в пров. Гуандун [16, т. 217, 21а]. В 1666 г. были определены нормы содержания цинских послов, отправляемых во Вьетнам, во время пути их следования. Это содержание должно было выдаваться только серебром, шелком и полотном [16, т. 217, 21а]. Тем самым забота об обмене этих товаров на пропитание и прочие дорожные нужды возлагалась на самих послов.

В 1668 г. вьетнамские послы привезли императору послания с благодарностью за титулование ваном и за присланные подарки, а также послание о получении королевским двором китайского распорядка доставки «дани» [16, т. 217, 21б]. В последнем послании содержалась просьба об изменении сроков доставки «дани», а именно: вместо раз в три года доставлять ее два раза в шесть лет. Казалось бы, это формальный момент. Однако он позволял правительству Чиней снаряжать посольства в Цинскую империю, когда ему удобно, не нарушая китайских нормативов и не вызывая претензий.

Чиновники из Палаты ритуалов обсудили эту просьбу и предложили удовлетворить ее. Их мотивировка сводилась к следующему: «Из просмотренного доклада вана [Вьетнама] явствует, что страна та лежит на окраине, за пределами земель, подвластных некогда Юю (иносказательно — за пределами Китая. — *А. Б.*). Путь оттуда далек, на пути стоят горы и ре-

ки. Поэтому доставлять дань тяжело и изнурительно. Хотя между тремя и шестью годами и есть разница во времени, но церемониал, долг и уважение [к Китаю] будут в обоих случаях соблюдены» [22, цз. 26, 7б]. Просьба Вьетнама была удовлетворена «высочайшим указанием» [16, т. 217, 21б].

Одновременно Палата ритуалов подняла вопрос о сопровождении вьетнамских послов цинскими сановниками на обратном пути до границы. Это было знáком чести и уважения, а кроме того, сопровождавшие должны были нести ответственность за охрану послов. Предложение также было одобрено императором, и для сопровождения стали посылать чиновника из Департамента по приему иноземных гостей (Сыкэ) при Палате ритуалов [16, т. 217, 21б].

Особенно пышно было принято Цинами вьетнамское посольство 1673 г. Послы Вьетнама и Сиама участвовали в торжественной церемонии по случаю дня рождения императора, принесли соответствующие поздравления, а затем присутствовали на банкете [22, цз. 41, 18б]. Церемония же передачи послания и «дани» вьетнамским посольством была устроена отдельно. Она проходила в главной парадной палате императорского дворца — Тайхэдянь и сопровождалась аудиенцией цинских чиновников [22, цз. 42, 2а].

В 1672 г. из Вьетнама была прислана «дань» с указанием точного срока, за который она подносилась: 1669—1672 гг. [22, цз. 45, 10б]. Иначе говоря, получив возможность варьировать присылку посольств в течение шести лет, вьетнамское правительство продолжало пока считать за основу принятый в Китае трехлетний эталон для срока доставки «дани». Но затем, после 1674 г., вьетнамские посольства не появлялись в Цинской империи до 1679 г. Правда, в послании вьетнамского короля от 1679 г. содержались оправдания по этому поводу: «Бунтовщик и разбойник У Сань-гуй, подняв мятеж, на несколько лет преградил дорогу, по которой наша страна доставляет дань... Прошу разрешить мне восполнить свою задолженность в дани» [22, цз. 86, 13б—14а].

Такая предупредительность была вызвана желанием правительства в Тханглонге не возбуждать недовольства Цинской империи после преподнесения ей постфактум известия о присоединении Каобанга. Однако «долг» по «дани» был покрыт лишь следующим вьетнамским посольством, в 1682 г. В конце этого года в Пекин прибыли четыре вьетнамских посла: один вручил послание и «ритуальные предметы», другой привез очередную «дань», третий доставил «дань» за 1672—1675 гг. и четвертый поднес «дань» за 1675—1678 гг. [16, т. 217, 21б].

Из-за этой партии подарков и было поднято Палатой ритуалов в самом начале 1683 г. упомянутое нами выше «дело о дани». Чиновники доложили двору, что число доставленной золотой и серебряной посуды меньше, чем указано в прило-

женных списках [22, цз. 106, 2а]. В ответ на это были получены следующие указания императора: «Вещи, доставляемые в дань иноземными странами, сами по себе не имеют серьезного значения. Они специально предназначены для того, чтобы выразить стремление сердца к Китаю, искренние намерения. Это достойно радости. Нехватка золотой и серебряной посуды — это пустяковое дело [12]. Что же касается прочих различных вещей, установленных правилами доставки дани, то пусть ваша Палата также требует их в соответственно меньшем количестве» [22, цз. 106, 2а—2б]. Это показывает, что в отношениях с Вьетнамом цинское правительство придавало большее значение политическому значению «дани», нежели торговому обмену, в который выливалась данная процедура благодаря ответным дарам императорского двора. Отметим также, что церемониал вручения ответных даров обставлялся весьма торжественно. Перед главными воротами дворца выставлялись столы с дарами вьетнамскому королю, а также членам посольств. Послы, облаченные в праздничные одежды, шли во дворец в сопровождении чиновников строго определенной дорогой. На церемонии присутствовало много цинских придворных. После предварительных коленопреклонений и земных поклонов послы должны были, принимая каждый подарок, становиться на колени [28, цз. 1, 39б—40а]. Иначе говоря, по форме это была настоящая дипломатическая (с точки зрения норм китайской дипломатии) акция.

Палата ритуалов, используя указания императора по поводу «дела о дани» 1683 г., вынесла решение впредь освободить Вьетнам от поднесения в «дань» простых шелков, благовоний «цзянчжэн», средне-черных ароматных свечей и съедобных древесных грибов [22, цз. 106, 2б]. Теперь Вьетнам должен был подносить императору золотую и серебряную посуду, рог носорога, слоновую кость, духи, орлиное дерево, благовоние «су», девясил, бумажные веера, местный шелк, местный тонкий шелк, местный белый тонкий шелк, бетелевые орехи, кедровые духи, кардамон и хлопчатобумажные ткани [85, 88—89]. В действительности же Вьетнам присылал в «дань» далеко не все из перечисленных товаров. Так, в 1682 г. вьетнамские послы преподнесли Цинам 4 набора золотых курильниц для благовоний, 20 серебряных чаш, 960 лянов орлиного дерева, 2368 лянов благовония «су», 20 бивней слоновой кости и 20 панцырей черепахи [16, т. 217, 21б]. Из этого примера можно сделать вывод, что ассортимент «дани» становился все менее разнообразным. Известно, что уже с 1656 г. цинское правительство начало проводить политику изоляции империи от внешнего мира, препятствуя выходу китайцев за рубеж и прибытию иностранцев. Однако это никак не относилось к принятию «послов-данников». Для привлечения последних Палата ритуалов по указанию императорского дворца выработала в 1663 г. следующее

правило: «Каждый иноземец, доставляющий дань, может привозить с собой товары для торговли. Их должны немедленно просматривать в дворцовых воротах Чунвэнь, переписывать в реестры и докладывать об этом Палате. Не следует облагать их налогом» [22, цз. 10, 10а].

Однако уже в 1668 г. был издан новый указ, запрещающий всем иноземцам торговать частными товарами в пределах Цинской империи [22, цз. 25, 22а]. Этим же распоряжением предписывалось пропускать в империю лишь товары, предназначенные для «дани». Еще раньше, в 1666 г., местным цинским властям предписывалось принимать послов с «данью» лишь в установленные сроки [22, цз. 25, 22а]. Трудно сказать, сколь пунктуально и успешно осуществлялись эти строгости на практике. Но они вошли в упомянутые нами выше «Генеральные правила представления дани двору». Правилами предусматривалась также строгая проверка местными цинскими властями «истинности» послов-данников [208, 164].

Эти правила издавна распространялись и на вьетнамские посольства, прибывшие в Цинскую империю. Правда, как отмечалось, Вьетнам выговорил себе льготы в отношении сроков прибытия посольств. В нашу задачу здесь не входит освещение причин и характера политики изоляции страны, проводившейся цинским двором. Но следует сразу оговорить, что эту политику нельзя представлять как стремление цинского правительства установить свою монополию на внешнюю торговлю путем ограничения частной купеческой практики в зарубежных связях. Это можно наглядно показать на примере Вьетнама. Помимо списка товаров, доставлявшихся оттуда в качестве «дани», китайские источники перечисляют «продукты» страны, т. е. те товары, которыми Вьетнам торговал с китайцами. Этих товаров гораздо больше, чем упомянутых в списке «дани» [85, 87—88].

Ответные дары цинского двора Вьетнаму за привезенную «дань» состояли из драгоценных металлов, различных дорогих тканей и парадной одежды. В 1685 г., когда Палата ритуалов рассматривала «Правила одаривания иноземцев», к принятым дарам для вьетнамских королей при вступлении их на престол предписывалось добавить 20 отрезов атласа. К обычному же отдариванию добавлялось по 50 отрезов материала на шитье одежды [22, цз. 123, 18б—19а]. Любопытно добавить, что позже, в 1721 г., для вьетнамского короля были установлены такие же нормы даров, как для правительства Голландии [28, цз. 1, 41а]. Помимо того, по нормам, установленным в 1664 г., подарки из различных тканей и одежды полагались и членам вьетнамских посольств, которые прибывали в Цинскую империю. Количество их было градуировано: послам, переводчикам, посланцам и т. д. [28, цз. 1, 40б].

В ответ на ликвидацию Вьетнамом в 1682 г. «задолженно-

сти в дани» цинский двор решил выказать свое благоволение не только здравствовавшему, но и уже умершим вьетнамским королям. Дело в том, что наряду с «данью» посольство 1682 г. доставило две официальные бумаги. Одна из них содержала поздравление по случаю «усмирения» цинскими войсками провинций Фуцзянь и Гуандун [22, цз. 104, 28а]. Вторая гласила: «Мой старший брат Ле Зя Тонг скончался в 3-ем месяце 1675 г. Я, смиренно опустив главу, последую Вашему мнению относительно управления государственными делами. Ввиду того что у Китая тогда были другие заботы, моим скромным чувствам трудно было достигнуть внимания императора» [22, цз. 104, 28а]. Последняя фраза — иносказательное оправдание промедления с сообщением о смерти вьетнамского короля ссылкой на восстание У Сань-гуя. Предшествующая же фраза — иносказательная просьба о титуловании «ваном», т. е. о получении инвеституры.

Получив эти известия, императорский двор положительно оценил деятельность Ле Зя Тонга. В Палату ритуалов поступило высочайшее указание. «Наследовавший престол Вьетнама Ле Зя Тонг представил дань и этим проявил усердие и искренность. Недавно он внезапно умер. Об этом можно глубоко сожалеть. Следует выразить [Вьетнаму] милость и сочувствие» [22, цз. 104, 28а]. Выбор методов для «выражения милости» был поручен чиновникам из Палаты ритуалов.

В результате весной 1683 г. во Вьетнам направилось цинское посольство. Возглавляли его Мин Пу и Сунь Чжо — оба из Академии Ханьлинь. Они везли с собой императорский указ — свидетельство на титул вана для Ле Хи Тонга. В указе восхвалялась искренность вьетнамского короля, выражалось удовлетворение по поводу его просьбы о титуловании и делался вывод, что он достоин унаследовать титул вана. Говорилось также, что приехавшие цинские послы уполномочены возвести Ле Хи Тонга в это звание. Кончался указ назиданием: «Тебе следует строго соблюдать пожалованный ранг нашего вассала, постоянно будь нашим защитным барьером с фланга. Управляй с пользой и не ленись. Без устали стремись приблизиться к идеалу. И впредь продолжай проявлять верность и сыновнее почтение. Пусть вечно продлевается мужская наследственность в твоем роду. Не нарушай указ великого императора!» [22, цз. 107, 7б—8а].

Есть также сведения, что цинские послы должны были изъять дарованную прежде цинским двором государственную печать и заменить ее новой, аналогичной формы [16, т. 217, 21б]. Это можно рассматривать как знак особого расположения цинского двора по отношению к новому вьетнамскому королю.

Одновременно с этой миссией из Цинской империи во Вьетнам было направлено второе посольство, возглавлявшееся членом Академии Ханьлинь У Хэ и помощником начальника Па-

латы ритуалов Чжоу Цанем. В их задачу входило вознести жертвы духам умерших Ле Хюйен Тонга и Ле Зя Тонга [22, цз. 107, 8а]. В китайской летописи по этому поводу имеется краткий комментарий, оправдывавший задержку с жертвоприношениями. В нем говорится, что в момент смерти Ле Хюйен Тонга в Гуанси шли военные действия, а о смерти Ле Зя Тонга вьетнамский двор сообщил с опозданием. Но как только Цины получили это известие, они сразу же направили китайских послов для исполнения церемоний [22, цз. 107, 8а]. Тем самым цинское правительство посмертно признало законность сменившихся на престоле вьетнамских королей и восстановило преемственность титулования их ванами. Это также означало отказ Цинской империи от каких-либо претензий по поводу присоединения Каобанга правительством Чиней.

Однако всего этого показалось цинскому правительству мало. Для того чтобы показать еще большее расположение к Вьетнаму, через три месяца после отправки отмеченных посольств решили подарить Ле Хи Тонгу надпись из четырех больших иероглифов, начертанных самим императором. Надпись гласила: «Преданный почтительный сын, оберегающий государство» [22, цз. 109, 5а].

В ответ на все это весной 1686 г. из Вьетнама было прислано посольство. Однако главный королевский посол умер в Цинской империи, не достигнув столицы [22, цз. 125, 9а]. Местным китайским чиновникам было предписано похоронить его с почестями и соблюсти положенные обряды. Но вместе с тем во Вьетнам, вероятно, было послано извещение, чтобы выслали нового главу посольства. Этот вывод напрашивается из того факта, что вьетнамское посольство было принято при цинском дворе лишь осенью 1686 г. Послы доставили бумагу с благодарностью короля за получение титула и подарков, а также «дань» из местных товаров [22, цз. 127, 8а]. Торжественный прием вьетнамской миссии был устроен во дворцовой палате Тайхэмэнь [22, цз. 127, 9а—9б]. При отъезде послов обратно им были даны установленные правилами награды, а для передачи королю — 50 отрезов ткани [22, цз. 127, 16б—17а].

В целом же в течение 80-х годов XVII в. в отношениях между Цинской империей и Вьетнамом не возникало каких-либо существенных спорных вопросов. Это можно объяснить следующим. Правительство Чиней, прекратив попытки покорения Нгуенов и сломив сепаратизм Каобанга, перестало нуждаться в непосредственной поддержке со стороны Цинской империи или же, наоборот, в нейтрализации его влияния на своих противников. Вместе с тем оно не решалось, как увидим, до определенного времени поднимать спорные вопросы, чтобы не вызвать рецидив поддержки цинским правительством сепаратизма Каобанга.

Цинский двор, в свою очередь, был вполне удовлетворен

позицией правительства Чиней во время восстания У Сань-гуя; к тому же, окончательно утвердившись к 1683 г. в Центральном и Южном Китае, цинское правительство начало вынашивать агрессивные планы в отношении своих северных и северо-западных соседей, ослабив внимание к южным рубежам страны. Однако уже в начале 90-х годов XVII в. период спокойных отношений между Цинской империей и Вьетнамом закончился. Возник спор по территориальному вопросу. Еще в конце 80-х годов местные власти китайской провинции Юньнань и пограничных районов Вьетнама стали оспаривать друг у друга деревни и районы [167, 52—53]. Согласно вьетнамским данным, вопрос о возвращении захваченных китайцами земель был официально поставлен вьетнамскими послами в 1690 г. [167, 52—53]. Посольство 1691 г. также передало цинскому двору претензии относительно захвата китайскими властями вьетнамских пограничных территорий [166, 136—137]. Цинское правительство не реагировало на это. В 1697 г. в Пекин прибыло очередное вьетнамское посольство, вновь предъявившее территориальные требования [22, цз. 185, 25а]. Наряду с «данью» послы вручили императору от имени Ле Хи Тонга следующее послание: «Три района моей страны — Уян, Хуте и Пуюань — захвачены вашим пограничным территориальным управлением. Прошу отдать приказ местным чиновникам, чтобы они передали эти земли нам обратно» [22, цз. 186, 5а]. Речь шла о территориях трех вьетнамских районов — Нгыузыонг, Ходьеп и Фовьен, входивших ранее в область Висуйен в Туйенкуанге и включенных китайцами в уезд Магуань пров. Юньнань.

Императорский двор обратился за консультацией к военному губернатору Юньнани, который в это время пребывал в Пекине. Тот ответил, что эти районы еще со времен империи Мин находились в пределах Китая, а с воцарением династии Цин уже более 30 лет уплачивают налоги китайским властям. Это не вьетнамская территория, делал вывод губернатор и предлагал подтянуть к границе войска [22, цз. 186, 5а—5б]. Приближенные императора, не дожидаясь, пока дело будет окончательно разрешено, отдали приказ пограничным гарнизонам в том районе быть наготове и не отступать. Они считали, как отмечено в летописи, «что поскольку эти земли уже давно помечаются на картах как китайские, то они являются внутренними землями, и их ни в коем случае не следует передавать обратно» [22, цз. 186, 5б]. Последняя формулировка весьма любопытна. Она показывает, что при цинском дворе не были уверены в принадлежности этих районов к Китаю. Тем не менее позиция двора была ясной: на уступку не идти.

Затем по личному приказу императора состоялось широкое обсуждение этого вопроса с привлечением видных ученых. Совещание вынесло следующее решение: «Ван Вьетнама Ле Хи Тонг совершенно не разобрался в этом вопросе. Не следует

прислушиваться к его безрассудным словам. Необходимо поскорее направить войска к границе и расквартировать их там. Возникновение этого инцидента — это безрассудство. Следует направить во Вьетнам письмо с упреками» [22, цз. 186, 5б]. Император одобрил такое решение. Ответа из Вьетнама не последовало.

Как справедливо отмечает Г. Ф. Мурашева, вопрос о принадлежности упомянутых пограничных земель представляется весьма запутанным, так как интерпретации вьетнамских и китайских источников по этому поводу подчас противоположны [166, 136; 167, 52]. Так или иначе, правительство Чиней и позже продолжало настаивать на возвращении спорных территорий и цинские власти в конце концов пошли на уступки. Но это выходит за рамки поставленной задачи характеристики политики цинского правительства в XVII в., поэтому можно сказать, что инцидент с территориальным спором подводит черту под историей китайско-вьетнамских отношений во второй половине XVII в. Теперь можно взглянуть на них в целом и подвести некоторые итоги.

Итак, предысторию отношений Цинской империи с Вьетнамом составляют связи правительства Чиней с Южными Минами в 1647—1659 гг. Становление официальных отношений цинского правительства с Вьетнамом происходило в 1659—1666 гг. Затем в течение 1667—1683 гг. основным содержанием этих отношений становится вопрос о Каобанге. С 1683 по 1690 г. осуществлялись обычные посольские связи. И наконец, 90-е годы ознаменовались вспышкой территориальных разногласий.

Как же в целом можно охарактеризовать отношения между цинским Китаем и Вьетнамом во второй половине XVII в.? Ответ на этот вопрос невозможно дать без учета взаимоотношений обеих стран, которые существовали между ними на протяжении многих сотен лет. Как отмечалось в обзоре литературы, вопрос о характере этих взаимоотношений остается дискуссионным. Основной вопрос, вызывающий споры, — насколько традиционный вассалитет Вьетнама по отношению к Китаю можно считать определенной формой политической зависимости. Попробуем под этим углом зрения проанализировать китайско-вьетнамские отношения в середине и в конце XVII в.

В период отмеченной предыстории установления прямых официальных контактов цинского правительства с Вьетнамом (1647—1659) маньчжурских завоевателей еще не интересовал Вьетнам. Внутриполитическое положение в Китае отодвигало на второй план заботу о зарубежных «вассалах». Правительство Чиней, в свою очередь, выжидало: с одной стороны, оно пыталось не прерывать связей с наследниками прежней династии — Южными Минами, но с другой — не оказывало им по-

мощи. Казалось бы, оказание военной помощи является первостепенным делом вассала. Тем не менее южноминские власти даже не пытались требовать такую помощь от Вьетнама на основании своих сюзеренных прав. Их послы лишь просили помощи, но не получили ее. Это показывает, что Вьетнам не был связан сколько-нибудь прочными политическими обязательствами по отношению к Китаю.

Насколько изменилось данное положение с установлением официальных отношений между обоими правительствами в 1659—1666 гг.? Основные разногласия в это время возникали не по вопросу об установлении вассалитета Вьетнама, что безоговорочно принималось обеими сторонами, а по сущей на первый взгляд мелочи — возвращении прежних инвеституриых регалий. Для цинского правительства это был вопрос престижа. Требование возвращения регалий касалось не только Вьетнама и не было заострено против этой страны, как таковой. Почему же это встретило сопротивление со стороны правительства Чиней? Здесь вряд ли приходится говорить о стремлении сохранить «вассальную» верность низвергнутым Минам. Очевидно, ответ нужно искать в вопросах престижа.

Скорее всего, вьетнамский двор опасался, как бы это новое для него требование (отказ, как мы помним, мотивировался отсутствием подобных прецедентов в прошлом) не повлекло за собой других, ранее не выдвигавшихся Китаем требований. Оно могло быть расценено как претензия цинского правительства на иные, чем прежде, отношения с Вьетнамом. Другими словами, вьетнамский двор безоговорочно соглашался на установление традиционных связей с Китаем в рамках вассалитета, который, по сути, был формальным, или номинальным. Но всякое новое требование, грозившее перерасти «номинальный вассалитет», вызывало опасения Вьетнама. В результате правительство Чиней уступило, но это не повлекло каких-либо качественных изменений в отношениях между обеими странами, так как, повторяю, для цинского правительства это был чисто престижный вопрос.

Конфликт из-за Каобанга также подтверждает номинальный характер вассалитета Вьетнама. Побудительным моментом поддержания сепаратизма Каобанга цинским правительством было характерное для китайской дипломатии стремление не допускать создания близ своих рубежей централизованных и сильных в военном отношении государств. Боязнь всякого усиления Вьетнама свидетельствует, что цинские власти не надеялись на «вассальную преданность» последнего. Двор в Тханглонге вынужден был отступить в 1669 г. из-за прямого нажима со стороны Цинской империи, а никак не ради «вассального послушания». Отложив на время исполнение своего замысла, правительство Чиней воспользовалось первым же удобным случаем, чтобы покончить с сепаратизмом Каобанга. Характер-

но, что Вьетнам полностью игнорировал просьбу Цинской империи об оказании военной помощи против У Сань-гуя в 1677 г., облеченную в форму требования сюзерена по отношению к своему вассалу.

По существу, в 1677 г. двор в Тханглонге предпринял шаги, противоречащие интересам и требованиям цинского правительства. После же достижения успеха вьетнамские власти представили дело как исполнение своих вассальных обязанностей. В этом наиболее ярко проявляется полная формальность такого «вассалитета». Характерным примером в том же отношении являются события 1691 и 1697 гг., когда вьетнамские посольства, прибывшие формально для представления очередной «дани», выдвинули территориальные претензии к Цинской империи. Само по себе выдвижение «вассалом» таких претензий к «сюзерену» также многое говорит о характере такого «вассалитета».

Иное дело, что вьетнамские правящие круги старались соблюдать требуемые от них формальные проявления «вассалитета» пунктуальнее, чем многие другие страны, которые поддерживали официальные отношения с Цинской империей. Причиной этого была не только географическая близость и постоянная опасность непосредственного вмешательства со стороны Китая, но и та исторически сложившаяся культурная близость обоих народов, влияние которой на всю историю китайско-вьетнамских связей справедливо отмечается Г. Ф. Мурашевой [167, 122]. Другими словами, степень проявления формальных признаков «вассалитета» не меняла, по нашему мнению, его номинального характера.

Учитывая сказанное выше, традиционную систему международных отношений, связывавших во второй половине XVII в. Цинскую империю и Вьетнам, можно охарактеризовать как «номинальный вассалитет».

Глава 10

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦИН В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Вопрос о русско-китайских отношениях в XVII в. освещался неоднократно как в дореволюционной русской и зарубежной литературе, так и советскими и иностранными авторами за последние несколько десятилетий. Поэтому в данной главе мы постараемся, насколько позволяют источники, осветить одну сторону проблемы — политику Цинской империи в отношении России. Конечно, нам иногда придется, хотя бы кратко, для сравнения приводить данные о политике Русского государства в XVII в., но это не является предметом нашего исследования, поэтому мы будем опираться на своих предшественников — советских авторов, более полно исследовавших эту проблему.

Как известно, поездки в Китай русских дипломатов и попытки Русского государства установить с ним торговые и дипломатические связи относятся еще к первой половине XVII в., т. е. к периоду до установления господства в Китае династии Цин [64]. Хотя эти попытки не привели к созданию прочных дипломатических отношений между двумя странами, тем не менее они в известной мере способствовали развитию, правда ограниченной, торговли между ними, дали много полезных сведений о Китае и о путях следования туда, внеся коррективы в прежние представления об этих путях.

Из официальных китайских документов, адресованных царю Михаилу Федоровичу, в русских архивах сохранились в переводе две грамоты от китайских властей Минской империи. Одна из них, по-видимому, относится к 1619 г. и исходит от минского Чжу И-цзюня (храмовое имя — Шэньцзун, девиз правления — Ваньли, 1573—1620) [56, 6—7; 130, 164]. Другая грамота, как отмечают советские исследователи, вероятно, исходит от последнего минского императора Чжу Ю-цзяня (храмовое имя — Сыцзун, девиз правления — Чунчжэн, 1628—1644) и может быть датирована второй половиной 1641—первой половиной 1642 г. (не ранее апреля — мая 1642 г.). Она была, по-видимому, доставлена тарским конным казаком Емельяном Вершининым [130, 167], ездив-

шим с караваном торгоутского тайши Дайчина в среднеазиатские и китайские города в 1641—1642 гг.

К сожалению, подлинников этих грамот в наших архивах не обнаружено, а перевод их, впервые опубликованный Н. Бантыш-Каменским [56, 7], вызывает сомнение (по титулатуре, тону, всему стилю) [1]. Китайские документы, адресованные правителям иностранных государств, так не оформлялись.

Судя по содержанию этих грамот, минские императоры приветствовали торговлю русских в Китае, приезд туда русских послов и взаимный обмен подарками между государями. Оба документа написаны в доброжелательном духе и свидетельствовали об отсутствии каких-либо столкновений интересов или недоразумений между правительствами обеих стран. Отношения же России с Цинской империей с самого начала приняли иной характер, о чем будет сказано ниже.

Ко времени уничтожения минской и установления господства цинской династии в Китае владения России расширились за счет приобретения территорий в Приамурье. Границы обоих государств значительно сблизились, хотя их и разделяли довольно обширные земли, заселенные независимыми племенами, не подчинявшимися ни Цинской империи, ни России. Правда, цинское правительство изредка предпринимало попытки обложить данью некоторые из этих племен, проживавших в бассейнах рек Сунгари, Амура и Уссури, но, занятое войною во Внутреннем Китае с китайским народом (1644—1683 гг.), оказавшим упорное сопротивление маньчжурским завоевателям, оно не было в состоянии подчинить племена Северной Маньчжурии и присоединить их территорию к Цинской империи. Больше того, борьба против китайского народа настолько отвлекла силы маньчжуров, численность которых была незначительной по сравнению с китайцами, что обезлюдела даже та часть Маньчжурии, которая находилась под контролем цинских властей: все боеспособное население было послано во Внутренний Китай.

К середине XVII в, когда молодое агрессивное государство Цин, распространявшее свою экспансию в различных направлениях — против монголов, ойратов, Кореи и китайского народа, столкнулось с большими трудностями на территории Внутреннего Китая, ему пришлось определять свои отношения с одним из сильнейших в Европе государств того времени — с Россией, проникновение которой на Дальний Восток не могло оставить равнодушным цинское правительство.

Рассмотрим кратко вопрос о позициях России на Дальнем Востоке.

В 40-х годах XVII в. началось проникновение русских казаков-землепроходцев в Приамурье, а вслед за этим интенсивное и быстрое освоение приобретенной территории [148; 199; 111; 173]. Походы русских землепроходцев Ивана Москвитина к берегам Охотского моря (в 1639—1640 гг.), Василия Пояркова —

по Амуру, Зее, к устью Сунгари, к Охотскому морю и по р. Улье (в 1643—1646 гг.), Ерофея Хабарова по Амуру, к устьям Сунгари и Кумары (в 1649—1650 гг.), Онуфрия Степанова (в 1650—1658 гг.) и др. сопровождались подчинением местного населения, переходом его в русское подданство и выплатой ясака. Об этом свидетельствуют архивные документы, подтверждающие также, что присоединенные к России ее новые подданные (тунгусы бассейнов рек Шилки и Аргуни, монголоязычные дауры и эвенки по Амуру и по берегам р. Зеи, амурские дючеры, натки, ачаны и др.) до прихода русских не были подданными маньчжуров и находились под властью независимых от цинского государства князьков. Никаких следов маньчжурского господства русские не обнаружили. Это вполне естественно, так как маньчжуры, хотя и проводили в 30—40-х годах XVII в. военные походы против племен хурха, варка и солонов, проживавших в бассейнах рек Сунгари, Уссури и среднего течения Амура [163, 87—92], но не предпринимали никаких попыток колонизации или закрепления за собой этих территорий путем создания здесь гарнизонов или органов власти.

Такое же положение было и позднее, при императорах Шуньчжи и Канси, когда в период борьбы за освоение Внутреннего Китая цинские власти не были в состоянии завоевать те племена на Амуре и Уссури, которые еще оставались независимыми.

Так, Василий Поярков в 1646 г., по возвращении из похода по рекам Зее, Шилке, куда он был послан из Якутского острога по указу царя Михаила Федоровича, сообщил, что только часть дауров, проживавших там, платила ясак хану Борбою [2]. Далее В. Поярков сообщил, что живущие по Амуру натки и гиляки ясак маньчжурам не платят [65, т. III, 50—56]. Допрос пленных дауров, захваченных Хабаровым в Албазине, подтвердил сообщения Василия Пояркова: часть даурских князей платила ясак маньчжурам, а часть не платила, например: «Да вверху де Шилки-реки есть неясачный князь Гантимур-улан...» [65, т. III, 56] [3].

Русские землепроходцы собирали ясак и приводили в русское подданство независимых даурских князей. Так, в отписке якутского воеводы Д. А. Францбекова в Сибирский приказ отмечалось, что в 1650 г. Е. П. Хабаров прислал из Албазина, занятого им в том же году, ясак, собранный с даурских князей Шилгинея, Лавкая и др. При этом сообщалось, что они и впредь желают платить ясак русскому царю и быть его подданными [82, стлб. 508, 21—23]. Платили ясак представителям русской администрации и другие родоначальники или старшины, например братья Тоенчины из племени дючеров [65, т. III, 523—528; 77, 194]. В отписке енисейского воеводы А. Ф. Пашкова от 25 июня 1654 г. в Сибирский приказ сообщалось о постройке на р. Шилка у оз. Иргень двух острогов «промеж неясачных людей» и «о приведении под государеву высокую руку» и о получении ясака с «10 землиц людей...» [82, стлб. 344, ч. 3, 574—575].

Русские землепроходцы не только собирали ясак, они строили остроги, заводили пашни, осваивали вновь присоединенные к России земли. Естественно, что в те времена, в условиях феодализма, колонизация новых земель не обходилась без насилия. Однако последнее, по-видимому, не играло главную роль. Ведь небольшое число землепроходцев (всего несколько сотен человек) в 40—50-х годах XVII в. не смогли бы присоединить к Русскому государству огромную площадь Приамурья, если бы местное население выступило против русской колонизации. Дело в том, что русское правительство старалось избегать насилия там, где это было возможно, и стремилось подчинить местное население мирными средствами. Об этом свидетельствуют неоднократные наказы руководителям казаков-землепроходцев не обижать местное население, не грабить и не разорять его. Например, в грамоте Сибирского приказа Онуфрию Степанову с товарищами от 15 марта 1655 г. говорится: «А однолично б есте наших даурских, и дючерских, и гилятцких [людей], которые учинились под нашею царского величества высокою рукою в вечном холопстве и ясак с себя дают, войною не розоряли и не грабили их и не побивали, жон и детей их в полон не имали и не крестили, а наш ясак збирали с них ласкою и приветом, а не жесточью, чтоб, видя нашу царскую милость, и иных немирных земель люди нам, великому государю, учинились в вечном холопстве и ясак с себя давали» [77, 204].

В этой же грамоте даются указания защищать местное население в случае нападения маньчжурских войск: «А будет какими мерами учнут на вас приходить богдойские или иные какие люди войною, и вы б, прося у бога милости, над теми людьми промышляли и поиск учинили, смотря по тамошнему делу, для их воинского приходу, а не напрасною ссорою для своей корысти. И даурских наших, и дючерских, и гилятцких ясачных людей от них оберегали, что вам над теми воинскими людьми поиск учинить, а себя и наших даурских, и дючерских, и гилятцких людей уберечь...» [77, 204].

Политика русского правительства, направленная на защиту населения Приамурья от набегов маньчжурских войск и на обеспечение нормальных условий для существования их мирного труда, безусловно, способствовала сравнительно быстрому освоению новых обширных земель, не принадлежавших цинскому государству.

Такая политика в отношении местного населения отвечала интересам последнего, о чем можно судить по докладу дворянина Д. И. Зиновьева после его возвращения из Даурской земли. Д. И. Зиновьев показал 12 декабря 1654 г. в Москве, что «даурские иноземцы» били челом государю Алексею Михайловичу, заявив, что «...они де, иноземцы, государю ясак с себя по своей мочи платить учнут, и быти под ево государскою царьского величества высокою рукою в вечном холопстве ради, только б госу-

дарь пожаловал, велел их оберегать от богдойского царя Андрикана» [77, 200] [4].

Вскоре после того как русские казаки присоединили к владениям России значительную территорию Приамурья, построили ряд острогов [5] и прочно обосновались там, цинские власти предприняли попытки вытеснить русских с Амура, из бассейна Аргуни и Сунгари и направили с этой целью туда маньчжурские войска. Об этом мы узнаем как из китайских источников, так и из русских архивных документов. По существу, это было начало проведения цинским правительством агрессивной политики против России.

Первое нападение маньчжурских войск во главе с джангином Хайсэ из гарнизона Нингуты на отряд Е. П. Хабарова было совершено в 1652 г., когда в сражении у Ачанского острога маньчжуры потерпели поражение [27, цз. 5 (вводный), 2б; 78, 660]. В связи с этим император Шуньчжи 9/19 октября 1652 г. издал указ, согласно которому Хайсэ был казнен, а посланный с ним военачальник Сифу наказан 100 ударами плетьми, отстранен от должности, но оставлен в Нингуте, по существу в ссылке [21, цз. 68, 24а].

В этом указе впервые сообщается об отправлении во второй половине XVII в. войск из Нингуты на Амур. В то время и до 80-х годов на Амуре ни цинских административных органов, ни маньчжурских войск не было, а Нингута находилась от Амура на расстоянии нескольких сотен километров. Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что Амурский бассейн не находился под властью маньчжурских ханов и что направление войск на такое далекое расстояние означало вторжение в чужие земли.

О сражении под Ачанским острогом более подробно, чем в китайских источниках, сообщал Е. П. Хабаров, указав, что на утренней заре 24 марта 1652 г. маньчжуры неожиданно напали на Ачанск, используя «огненный бой» — ружья и пушки. Как сообщил захваченный в плен «служилой человек Нюлгуцкого города, именем Кабышейка», ехали они от Нюлгуцкого города на конях три месяца. По сообщению Е. П. Хабарова, маньчжуры потеряли в бою 676 человек убитыми, а казаки — 10 человек убитыми и 78 ранеными [65, т. III, 359—361, 365—371; 77, 136—137].

С этого времени на протяжении почти десяти последующих лет цинское правительство вело военные действия против русских владений на Амуре, не объявляя войны и не выдвигая никаких претензий русскому правительству по дипломатическим каналам. В этом была особенность агрессивной политики Цинов в отношении России: официально Цины не вступали в конфликт с Русским государством, а враждебные действия против русских землепроходцев рассматривались ими как карательные меры против частных лиц, «нарушителей» границ, поставивших себя вне закона. Этой удобной ширмой цинские власти пытались при-

крываться и позднее, в 70-х годах XVII в., проводя агрессивную политику в отношении России и нападая открыто на ее владения на Дальнем Востоке. О том, что такая политика была не случайным явлением, а длительным, планомерным и рассчитанным курсом, свидетельствуют последующие события как на дальневосточных рубежах Русского государства, так и вообще в дипломатической практике цинского правительства.

Следующий поход маньчжурских войск против русских владений на Амуре был организован цинскими властями в 1655 г. 28 января 1655 г. Шуньчжи издал указ, по которому гушань-эчжэню Минъаньдали было приказано «возглавить правительственные войска и отправиться в поход против русских (лоча) на Хэйлунцзян» [21, цз. 87, 18б]. На этот раз нападению подвергся Кумарский острог. Минъаньдали напал на него, убил и захватил в плен многих, но затем вернулся из-за недостатка продовольствия [27, цз. 5 (вводный), 2б—3а; 78, 660]. Более подробное описание осады острога и сражений вокруг него дает Онуфрий Степанов, приславший отписку якутскому воеводе М. С. Лодыженскому в апреле 1655 г. О. Степанов сообщил, что осада острога длилась с 13 марта по 4 апреля, причем маньчжурские войска «били из пушек по всякой день и ночь», пытаясь трижды — 13, 20 и 24 марта — взять острог приступом [77, 206—207]. Судя по указанию китайского источника о том, что маньчжурские войска под командованием Минъаньдали отправлены из столицы и что поход организован по указу императора Шуньчжи, можно сделать вывод, что это была заранее обдуманная и подготовленная цинскими властями акция, а не неожиданная экспедиция. Об этом же свидетельствует и значительная численность маньчжурских войск, о чем сообщал О. Степанов: «...всее де тое богдойские силы было всякого люду 10 000» [77, 207]. Несмотря на неравные силы, русские казаки приняли бой и не только защищались, но и производили вылазки [77, 206].

Небольшой отряд казаков отстоял Кумарский острог. Но на этом не закончились агрессивные действия цинских войск. Их вторжение в Приамурье продолжалось до 1660 г. Так, китайские источники сообщают о походе нингутинского амбань-джангина Шархуды в 1657 г. в местность Шанцзяньухэй, а затем в 1658 г. в район, расположенный между Сунгари и Муданьцзяном, причем в обоих случаях казаки потерпели поражение [27, цз. 5 (вводный), 3а; 21, цз. 119, 4б—5а; 78, 660]. В «Шилу» за 13 августа 1658 г. помещена краткая информация о докладе Шархуды, в котором сообщалось о нанесении поражения русским казакам и захвате пленных, а также о приказе Военной палате после выяснения всех обстоятельств распорядиться в отношении пленных — раздать их воинам, отличившимся в боях [21, цз. 119, 5а].

Характерно, что для борьбы с русскими казаками император Шуньчжи пытался привлечь корейские войска, издав специаль-

ный указ об этом, датированный в «Шилу» 22 марта 1658 г. [21, цз. 115, 8б].

В приведенных выше сообщениях китайских источников речь идет о нападении маньчжурских войск на отряд О. Степанова и о полном разгроме его 30 июня 1658 г. близ устья Сунгари, где он был встречен подавляющими силами маньчжурских войск, плывших на 47 судах. В этом сражении были убиты О. Степанов и 270 служилых людей, а также захвачена «государева ясачная соболиная казна», т. е. собранный ясак [6].

В китайских источниках приводятся также данные о засаде и внезапном нападении маньчжурских войск под командованием цзунгуаня Бахая на русских в 1660 г. в месте впадения Сунгари в Амур, когда было убито 60 с лишним русских служилых людей, многие утонули, захвачено 47 женщин и детей [21, цз. 138, 16а; 27, цз. 5 (вводный), 3а; 78, 660].

Характерно, что китайский автор, сообщив о сражениях, происходивших в 1657—1660 гг., делает признание, что во всех случаях цинские войска возвращались с полпути, не добившись полного уничтожения русских, которые по-прежнему то появлялись, то исчезали [27, цз. 5 (вводный), 3а; 78, 660]. Это признание свидетельствовало о том, что, несмотря на численное превосходство маньчжурских войск, им не удалось к началу 60-х годов XVII в. вытеснить русских служилых и промышленных людей из Приамурья, хотя последние и понесли значительные потери в людях. По-прежнему русские продолжали собирать ясак. Больше того, в годы нашествия маньчжурских войск этот сбор иногда даже увеличивался. Так, если в 1651/52 г. в Москву поступило из Приамурья ясачной и десятинной казны на 320 руб., то в 1654/55 г. — на 4464 руб., в 1658/59 г. — на 2949 руб., а в 1660/61 г. — на 1557 руб. [111, 12]. Несомненно, эти данные свидетельствовали о прочных позициях русских властей в Приамурье и о лояльном к ним отношении местного населения.

Значительное сокращение ясачного сбора в 1658/59 г., по-видимому, можно объяснить тем, что во время вторжения маньчжурских войск в русские владения в начале и середине 50-х годов маньчжуры угоняли дауров и дючеров на р. Наун, о чем сообщал О. Степанов в 1654 г. [65, т. III, 523—528; 77, 195]. В отписке якутскому воеводе М. С. Лодыженскому от 22 июля 1656 г. он снова сообщал об угоне дючеров с Амура во внутренние маньчжурские земли, указывая на невозможность в связи с этим взимать ясак: «А что в прошлом во 163 году сбирал я, Онофрейко, с дючерских людей государев ясак, и тех улусов по Шингалу (Сунгари.— *Л. Д.*) не стало, и ясаку имать стало не с кого, все иноземцы сведены в Богдойскую землю, и по улусом, где были пашни, и те все улусы пусты и выжжены, и севов нет, хлеба не сеяно нигде нисколько» [77, 213].

Итак, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что русские владения в Приамурье, находившиеся от границ Цин-

ской империи на расстоянии многих сотен километров, подверглись нападению маньчжуро-цинских войск еще в начале 50-х годов XVII в. При этом необходимо отметить, что агрессивные действия цинских властей, одобренные маньчжурским императором Шуньчжи, не сопровождались какими-либо дипломатическими акциями, грамотами в адрес русского правительства, как это было обычно в практике отношений цинского государства с другими народами. Известно, что, как правило, совершая какой-либо агрессивный акт, цинское правительство пыталось дипломатическим демаршем, посылкой грамот правителям тех народов, на которые оно нападало, оправдать свои действия, взвалив вину на свои жертвы. Так было с Кореей, Внутренней Монголией и другими странами. Совершенно иначе обстояло дело в отношении России. Как указывалось выше, это было своеобразной тактикой в проведении агрессивной политики Цинов в отношении Русского государства. По нашему мнению, такая тактика объяснялась следующими обстоятельствами.

К середине XVII в. Цинская империя представляла собой сравнительно сильную агрессивную державу в Восточной Азии. Она подчиняла своему влиянию соседние народы, не встречая серьезного сопротивления своей агрессивной политике. Эти сравнительно легко доставшиеся успехи, вероятно, вскружили голову цинским властителям, создали у них гиперболическое представление о своем могуществе и подтолкнули их на новые агрессивные действия, на авантюристическую политику и в отношении нового относительно близкого соседа — Русского государства. Не следует забывать, что агрессивные устремления Цинов вдохновляла также навязчивая идея, унаследованная от китайских императоров, о величии Сына Неба как господина всей Вселенной и его миссии установления господства по крайней мере над соседними странами. Но, получив наглядный урок от русских казаков, успешно отражавших нападения маньчжурских войск, значительно превосходивших русские отряды по своей численности, цинские власти должны были призадуматься, прежде чем пойти на открытый военный конфликт с Русским государством. Тем более, что точного представления о России, ее могуществе, состоянии военных сил у маньчжуров не было. В этих условиях действовать вслепую, объявлять войну России Цины не решались. Они пытались сначала разведать силы русских в Приамурье, выяснить позиции России на Дальнем Востоке, при случае — если бы им пришлось давать объяснения своим агрессивным поступкам — сослаться на то, что они приняли казаков за вольных людей, даже преступников, нарушивших русские законы, бежавших от преследований со стороны властей и вторгшихся якобы в границы Цинской империи, что и вызвало ответные действия маньчжурских войск.

Таким образом, агрессию цинских войск в 50-е годы XVII в. следует рассматривать как разведку боем, хотя и осуществляв-

шуюся иногда значительными силами. Но за этой разведкой при благоприятных для Цинов условиях должны были последовать более значительные вторжения.

Характерно, что в китайских официальных документах, каковыми являются материалы «Шилу», кроме лаконичной информации о походе цинских войск против русских (лоча), на которую мы выше ссылались, до середины 1655 г. не имеется никаких данных о взаимоотношениях с Россией, с русским правительством, нет также и официальных разъяснений по поводу причин военных столкновений с русскими казаками в Приамурье. Создается впечатление, что китайские источники сознательно не сообщают подробностей о взаимоотношениях с русскими властями в Приамурье, что подбор документов в «Шилу» тенденциозен. Ведь не могло быть такого положения, чтобы при цинском дворе не получали подробной информации от маньчжурских военачальников о ходе военных действий в Приамурье и чтобы Государственный совет, да и сам цинский император, никак не реагировали на эти события. Ведь нам известно, что почти всякий факт, иногда даже малозначительный, касавшийся внешних связей Цинской империи со многими народами, находил отражение в «Шилу».

Первое сообщение о дипломатических связях с Россией, помещенное в «Шилу», датировано 25 июня 1655 г. Текст этого сообщения таков: «Указ [императора Цин] Чагань-хану[7] Русского государства (Олосыго) гласил: „Твое государство находится далеко на северо-западе. Прежде еще никто [от Вас] не прибывал в Китай (Чжун-хуа). Ныне ты[8] искренно обратился к цивилизации[9] и направил посланника с данью из местных изделий. Мы весьма одобряем это. Специально жалуем милостивой наградой. Тотчас же отпускаю обратно твоего посланника. Выражаю наши чувства гуманизма (дословно: мягкости), далеко распространяющиеся. Ты их с уважением прими. Навеки будь предан и послушен, и этим ответишь на милость и любовь [нашу]“» [21, цз. 91, 20б—21а] [10].

К сожалению, в источнике не указано, в связи с чем был опубликован приведенный выше указ. Но на основании сопоставления свидетельств китайских источников и данных русских архивных документов, а также даты указа можно сделать вывод, что он был дан в связи с прибытием в Пекин гонцов П. Ярыжкина и С. Аблина. Из русских архивных документов известно, что эти гонцы были отправлены Ф. Байковым в Китай во главе торгового каравана и для сообщения о предстоящем скором прибытии русского посла Ф. И. Байкова. Отправились они в путь из Тобольска 9 июля 1653 г. [64, 89; 77, 147]. Наступившая осень задержала их в улусах ойратского тайджи Аблая. Оттуда они смогли продолжать путь лишь весной 1654 г. [64, 89; 77, 151].

Так как кроме П. Ярыжкина и С. Аблина в 1653—1654 гг. никто в Пекин не направлялся[11], то совершенно очевидно, что

приведенный выше императорский указ является той грамотой русскому царю, которая была послана с русскими гонцами П. Ярыжкиным и С. Аблиным при их возвращении на родину [12]. Из датировки этого указа в «Шилу» видно, что в третьей декаде июня 1655 г. русские гонцы еще были в Пекине. Об их поездке и условиях пребывания в Пекине источники не сохранили подробных данных. Некоторые сведения о них дает один из вариантов статейного списка Ф. Байкова. В нем сообщается, что маньчжурские чиновники говорили Ф. Байкову: «...от вашего де великаго государя приезжал прежде тебя посол Петр Ярыжкин, а сказывался тот посол Петр Ярыжкин у своего великаго государя первой человек, да и тот де повеление все творил нашева царя — в приказ де к царевым людем приезжал и, на колено припадши, кланялся; а из которых де земель послы к нашему царю ни приезжают, а никоторые де послы царя нашего не видают; мы де его и сами не видаем, кроме ближних людей и уванов, по-русски бояр» [64, 131; 77, 178].

Трудно судить, так ли обстояло дело, как об этом сообщали маньчжурские чиновники Ф. И. Байкову, т. е. совершали ли русские гонцы обряд коу-тоу [13]. Впрочем, это не так существенно; важно, что результатом их поездки была первая официальная грамота маньчжурского императора русскому царю. Содержание грамоты и ее тон дают полное представление о мании величия цинских правителей, о принятии на вооружение цинской дипломатией великодержавной шовинистической концепции о Сыне Неба (императоре) как властителе Вселенной, традиционной для Китая и воспринимавшейся некитайскими кочевыми народами, устанавливавшими свое господство над Китаем в период средневековья и нового времени. Приведенная выше грамота написана в обычном для китайских императоров стиле, когда они обращались к своим подлинным или мнимым вассалам. В этой грамоте были и подчеркивание факта «обращения к цивилизации» (китайской, конечно), и посылки «дани из местных изделий» (на самом же деле это были принятые в дипломатической практике средневековья взаимно посылаемые правителями государств подарки), и указание на милостивую награду — пожалование подарков. Наконец, грамота заканчивалась обычной ссылкой на «гуманизм» цинских императоров и требованием быть «навеки преданным и послушным», которое всегда венчало грамоты китайских и маньчжурских императоров к своим вассалам.

Таким образом, первый дипломатический документ цинского императора русскому царю продемонстрировал стремление Цинов рассматривать Россию в качестве своего вассала и на этой основе строить свою внешнюю политику в отношении ее. Как мы указывали выше, такая тенденция в дипломатии определялась старой китайской традицией и, несомненно, отсутствием представления о Русском государстве, его могуществе.

Хотя в русских архивных документах имеется указание на

то, что привезенный в Москву Аблиным лист (т. е. грамота маньчжурского императора) был переведен [14], но в этих же документах не прослеживается реакция русского правительства на это первое послание маньчжурского императора. Создается впечатление, что русское правительство полностью игнорировало грамоту Шуньчжи и не сочло необходимым отвечать на нее, хотя, как известно из архивных документов, оно в это время проявляло большой интерес к установлению дипломатических отношений с Цинской империей и налаживанию торговли с ней.

Интересно отметить и другое обстоятельство: ни русское, ни цинское правительства не воспользовались поездкой П. Ярыжкина и С. Аблина для того, чтобы поставить вопрос об урегулировании дел в Приамурье, где к этому времени обстановка была накаленной. Возможно, что обе стороны считали его преждевременным, так как для каждой из них было много неясного о положении другой стороны, ее границах, населении, мощности армии, международном весе и внутреннем положении. Ведь только полной изоляцией от внешнего мира и отсутствием сведений о России (даже учитывая традиционную заносчивость китайской дипломатии) можно объяснить тот факт, что цинский император мог себе позволить называть подарки данью и требовать от русского царя «преданности и послушания навек».

Вместе с тем надо признать, что и русское правительство имело в то время также весьма слабое представление о Цинской империи, ее внутреннем и внешнем положении. Только этим можно объяснить такие факты, как отсутствие в 1650—1651 гг. точных данных о том, кто стоит во главе маньчжурского государства [15], а также предложение русских властей в 1650—1651 гг. царю Шамшакану перейти в русское подданство: «И в прошлом во 158 году воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да дьяк Осип Степанов того же приказного Ярофея Хабарова к тебе, царю Шамшакану, с невеликими же людьми посылали, а велели тебе, царю Шамшакану, сказать государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии милостивое жалованное слово, чтобы ты, царь Шамшакан, был под его государя нашего и великаго князя Алексея Михайловича, всеа Русии самодержца, высокою рукою, со всеми живущими под твоею областью...» [77, 133] [16].

Из других русских архивных документов видно, что к царю Шамшакану с предложением вступить в русское подданство был послан служилый человек Т. Е. Чечигин, однако датировка его поездки к Шамшакану противоречива: из одних документов можно сделать вывод, что он был послан в конце июля — начале августа 1651 г. [17], а из наказной памяти Сибирского приказа А. Ф. Пашкову (датирована не ранее 12 декабря 1654 г.) следует, что Т. Е. Чечигин с товарищами был послан к «богдойскому и никанскому царям в посланниках» 14 сентября 1653 г. с той же целью [77, 200].

Характерно, что и в конце 1654 — начале 1655 г. русское правительство не имело точного представления ни о маньчжурском, ни о китайском государстве, к тому времени окончательно еще не завоеванном цинскими войсками. Это видно из той же наказной памяти А. Ф. Пашкову, упомянутой нами выше. В ней даурскому воеводе предлагалось пять-шесть даурских служилых людей направить к богдойскому Андрикану и никанскому царям с предложением, чтобы они «...так же поискали великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, его царьского величества, милости и жалованья, учинилися под ево, царьского величества, высокою рукою, и дань ему, великому государю, давали...» [77, 201]. При этом в Москве полагали, что богдойский царь Андрикан находится на р. Сунгари, а никанский царь — недалеко от него [77, 201].

Правда, в этом же документе московское правительство выражало предположение, что богдойского и никанского царей не удастся уговорить вступить в подданство России, в этом случае даурскому воеводе Пашкову предлагалось уговорить этих царей разрешить русским людям «...с их людьми в их государствах и на обе стороны торговать повольною торговлею...» [77, 202].

Совершенно очевидно, что и в этих условиях, когда русское и цинское правительства не имели четкого представления друг о друге, трудно было решать какие-либо внешнеполитические дела, касавшиеся обеих сторон.

Русское правительство, более осведомленное о внешнеполитических и международных делах и, по-видимому, более заинтересованное в расширении торговли, взяло на себя инициативу установления дипломатических и добрососедских отношений с Цинской империей. С этой целью было решено послать в Пекин Ф. И. Байкова. О его посольстве писали до революции и в советское время, в частности ему посвящена весьма интересная монография Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова, основанная на тщательном и наиболее полном изучении архивных документов [64].

Как правильно отмечает Н. Ф. Демидова, посольство Ф. И. Байкова «...было подготовлено всей предысторией русско-китайских отношений» [64, 87]. И тот факт, что границы русских владений на Амуре приблизились к границам Цинской империи, хотя и находились за сотни километров от нее, порождал необходимость установления добрососедских отношений [18]. К этому же толкало русское правительство и стремление к расширению торговых связей с другими странами, а тем более с соседними.

Основная цель, ставившаяся перед посольством Ф. И. Байкова, заключалась, как это можно видеть из грамоты русского царя цинскому императору, в том, чтобы установить с Цинской империей нормальные добрососедские дипломатические отношения. Это очень четко выражено в грамоте: «А ныне мы, вели-

кий государь, наше царское величество, слыша то, что вы, бугдыхан-царь, со окрестными своими соседи, которые х Китайскому царьству поблиску, держишь дружбу и ссылку, и послы и посланники меж вами о дружбе и о любви на обе стороны ходят, и для того, что ваше Китайское царство подошло нашие царского величества отчины к украинным городом Сибирского царствия, хотим мы, великий государь, наше царское величество, с вами, бугдыханом-царем, от нынешняго времяни вперед быти в приятной дружбе и в любви и в ссылке так же, как мы, великий государь, наше царское величество, в крепкой дружбе и в любви и в ссылке с высокостольными великими государи с турскими салтаны и с персидцкими шахи и с-ыными окрестными великими государи, братьями нашими» [77, 167].

Другая цель посольства Ф. И. Байкова, не отраженная в грамоте царя, но ясно выраженная в других документах, в частности в наказной памяти ему, данной в феврале 1654 г., состояла в том, чтобы наладить торговые связи с Цинской империей. Как правильно отмечает Н. Ф. Демидова, посольство Ф. И. Байкова «...сохраняло первоначальную торговую направленность. Интерес к торговым вопросам вообще доминировал в посольских делах с народами Азии в XVII в.» [64, 91].

Об этом же свидетельствуют и архивные документы, относящиеся к поездке Байкова. Так, в памяти из Приказа Большой казны в Посольский приказ, датированной 2 февраля 1654 г., сообщается, что Байков послан в 1653 г. в Сибирь, в Тобольск, по государеву указу «для государева торгового промыслу» и ему было указано разузнать, какие товары следует покупать в Китае, а какие товары вывозить туда и на какую сумму, а также выяснить «... торг впредь п[ро]чен ли будет, и чаять ли немалые прибыли» [77, 151].

В наказной памяти Байкову были даны указания о подробном выяснении условий торговли в Китае, ценах на товары, составе их, прибылях и т. д. Вместе с тем Байкову было указано, как отвечать, если ближние люди императора будут его расспрашивать о других делах, о которых не сказано в царской грамоте, в частности о торговых делах, ему было приказано сообщить, что если маньчжурский государь пошлет в Московское государство вместе со своими послами «купетцких людей» с товарами, то русский царь «...пожалует послов ево и купчин своим государским жалованьем, и купчинам ево велит в Московском государстве торговать повольною торговлею, а своих государевых пошлин с них и с т[о]варов их во всем своем Московском государстве имати не велит» [77, 158—159].

Естественно, на Байкова возлагалась также задача собрать сведения о Цинской империи, о ее внутреннем и внешнеполитическом положении, в частности о том, с какими государствами Цинская империя состоит в дружбе, а с какими воюет. Особо интересовалось русское правительство тем, как отнесутся к его

послу, к царской грамоте, пойдет ли маньчжурский император на установление дипломатических отношений и отправит ли он, в свою очередь, в Россию своих послов и с ними купцов с товарами и т. д. и т. п. [77, 160—162].

Большое место в наказе Байкову занимали вопросы посольского ритуала. Были предусмотрены все детали, которых Байков должен строго придерживаться: грамоту царскую вручить только императору лично «... а ближним думным людем грамоты не давать и речи не говорить» [77, 154], т. е. не вступать в предварительные переговоры. При посещении императорского дворца «...Федору у бугдыхана-царя на дворе полате и никакому порогу не кланятца» [77, 155], если будет предложено — «в ногу царя отнюдь не целовати» [77, 156]. При приеме у императора «поклонитися по обычаю рядовым поклоном», справиться о его здоровье и передать, что царь пребывает «в добром здоровье» [77, 156]. В случае если маньчжурский император не осведомится о здоровье царского величества, Байков должен был сказать «...что к великому государю нашему, к его царскому величеству, он, бугдыхан-царь, оказуетца нелюбовью, что про его царского величества здоровье, как ведетца у всех великих государей, не вспросил и тем ему, великому государю, чести не учинил...» [77, 156]. Только после вручения грамоты лично императору ему же передать «любительные поминки по росписи вежливо и стерегательно...» [77, 157]. Ответную грамоту императора Байков должен был согласно наказу взять только в присутствии цинского императора, в крайнем случае, если он этого не сможет добиться, так как у них не заведен такой обычай и всем послам других стран грамоты присылают на подворье, Ф. Байков может взять грамоту, но потребовать от царевых ближних людей копию с нее «...чтоб ему ведать, с чем его к царскому величеству государь их отпускает» [77, 163]. Если в ответной грамоте не будет соблюдено титулование царя в том виде, как это сделано в грамоте русского царя, то Ф. Байков ответную грамоту не должен принимать [77, 163]. Если Байкова пригласят во дворец к императору «к столу», то он может согласиться только при условии, если там не будут присутствовать послы других государств [77, 159]. Как видно из этих наставлений Ф. И. Байкову, русское правительство придавало большое значение посольскому ритуалу, исходя из того, что выполнение его должно было поддержать престиж Русского государства.

Если учесть, что и в Цинской империи строго придерживались соблюдения посольского церемониала, резко отличавшегося от русского и вообще европейского и предназначенного, по существу, для приема послов вассальных государств, станет понятным, что Ф. И. Байков должен был встретиться с непреодолимыми трудностями и что его миссия должна была быть обречена на провал. Однако, посылая Ф. Байкова в Пекин, русское правительство не было осведомлено о порядках, существовавших

в Цинской империи, и о китайско-маньчжурском посольском ритуале, поэтому оно невольно поставило в крайне трудное положение Ф. И. Байкова, сковав его инициативу своими наказами, о которых говорилось выше.

В дальнейшем, как это будет видно из нашего изложения, московское правительство учло опыт Ф. И. Байкова и других и пошло на некоторые уступки в посольском ритуале.

Итак, Ф. И. Байков, прибывший из Москвы в Тобольск 28 мая 1653 г., выехал оттуда 25 июня 1654 г. и только 3 марта 1656 г. прибыл в Пекин [64, 93; 77, 176, 185] [20]. О пребывании Ф. Байкова в Пекине и его переговорах с цинскими властями прежде всего свидетельствуют два варианта статейного списка, оформленных Байковым в Тобольске и Москве [21]. Другие архивные документы, о которых уже упоминалось, дополняют или уточняют датировку статейного списка, а также приводят новые, весьма существенные данные о миссии Ф. И. Байкова. Китайские источники, как это ни странно, не сообщают подробностей о пребывании Байкова и его переговорах в Пекине, они дают лишь краткий вывод о его миссии.

Ф. И. Байков в первый же день приезда в Пекин столкнулся с необычным для него как европейского посла обращением: встретившие его цинские чиновники в полуверсте от Пекина велели ему стать на колени перед ламаистским храмом и кланяться, словно отдавая поклон императору [77, 176, 185]. Естественно, что Ф. И. Байков, помня царский наказ, отказался выполнить нелепое, с его точки зрения, требование.

На другой день Ф. И. Байков, строго выполняя наказ царя, отказался выдать цинским чиновникам по их требованию подарки, предназначенные для императора. После долгих споров и обещаний со стороны представителей цинских властей Ф. И. Байкову, что он будет допущен на аудиенцию к цинскому императору для вручения государевой грамоты, Ф. И. Байков 4 марта 1656 г. отдал подарки по росписи [77, 177] [22]. 6 марта 1656 г. русскому послу предложили приехать с государевой грамотой в Палату внешних сношений (Лифаньюань). Байков отказался, заявив: «прислан де я от великаго государя к вашему царю, а не к вам, приказным людем» [77, 177] [23].

В обоих вариантах статейного списка после сообщения о переводе Ф. И. Байкова в апреле в другое помещение до августа нет никаких сообщений о дальнейшей его жизни в Пекине и переговорах, за исключением упоминания о прибытии в Пекин 7 июля 1654 г. голландского посольства Нейгофа и о встрече с голландцами некоторых участников миссии Байкова [77, 190; 64, 93]. Трудно предположить, что в течение последних четырех месяцев Ф. И. Байков ни разу не встречался с представителями цинских властей. Скорее всего, можно считать, что Ф. И. Байков предпочел не писать в статейном списке о том, что, на его взгляд, не представляло большого интереса или могло бросить тень на

его поведение в Пекине и вызвать недовольство московского правительства.

12 августа 1656 г. возобновились встречи Ф. Байкова с цинскими чиновниками, причем Ф. Байков по-разному освещает характер переговоров в это время. Так, в первом варианте статейного списка сообщается, что Байкову было предложено поехать в «приказ для тово, чтобы де посмотреть, как кланятись царю» [77, 177]. Во втором варианте указывается, что к Байкову присылали «приказные царевы ближние люди многажды, а велели ехать к себе в приказ з государевою любительною грамотою» [77, 186].

Если вдуматься в существо этих показаний, внешне отличающихся, то можно прийти к выводу, что они не противоречат, а лишь дополняют друг друга. Ведь вручение грамот даже приказным, а не императору, всегда сопровождалось в Китае троекратным земным поклоном, стоя на коленях. Ф. И. Байков отказался ехать в Приказ, заявив: «не быв де мне у вашего царя, в приказ ехать непригоже» [77, 186] [24].

Во втором варианте статейного списка Ф. И. Байков приводит слова угрозы цинских чиновников и свой ответ им: «И они ему говорили: царь де тебя велит казнить, что де ты царева указу не слушаешь. И посол им говорил: хотя де царь велит по составом меня рознять, а царя вашего очей не видев, к вам, приказным людем, в приказ не еду и государевы любительные грамоты вам не отдам» [77, 187].

Этот ответ посла подчеркивает стойкость Ф. И. Байкова перед лицом угроз и верность наказу, данному русским царем. В тот же день, 12 августа [25], Ф. И. Байкову были возвращены «любительные поминки» (со ссылкой на приказание императора) по той причине, что «де ты царя нашего богды повеления ни в чем не послушал еси, в приказ де ты с государевою грамотою к приказным царевым людем не поехал и по нашему, припадши на колено, не кланялся» [77, 177—178, 187] [26].

4 сентября 1656 г. Ф. И. Байков был выслан из Пекина и не выполнил поручения московского правительства о вручении императору грамоты, а также об установлении добрососедских отношений. Как указывается в статейном списке, поступили с ним не очень вежливо: «...и выслали не само его вежливо, и царскому величеству чести никакой не учинили» [77, 178] [27].

Уже на обратном пути, в девяти днях езды от Пекина, Байков решил пойти на компромисс и договориться с цинскими властями, по-видимому, опасаясь гнева царя за провал посольской миссии. 13 сентября Байков втайне от других членов посольства отправил в Пекин слугу индийского купца, находившегося при посольстве, с сообщением, что он признает свою вину за нарушение повелений императора и обещает выполнить его волю: «...а чтоб де ныне царь ваш пожаловал, велел меня с государевою грамотою и с казной взять назад к себе в Канбалык,

а я де повеление царя вашего во всем стану слушать» [77, 180] [28].

19 сентября 1656 г. из Пекина от цинских властей прибыл гонец для получения лично от Ф. И. Байкова (так как император не поверил словам посланного Байковым человека) ответа на вопросы: «...в приказ де к царевым людем едешь ли, и государя своего любительную грамоту, которая прислана к нашему царю, с собою к приказным людем принесешь ли, и по нашей вере припадш ли на колено, кланятися станешь ли?» [77, 180].

Несмотря на то что Ф. И. Байков подтвердил свое согласие подчиниться предъявленным ему требованиям [77, 180—181], прибывшие 25 сентября новые цинские гонцы сообщили, что император отказал ему в возвращении в Пекин. При этом Байкову передали не совсем лестный отзыв о нем императора [77, 181].

Свидетельства статейного списка о характере переговоров Ф. И. Байкова и о его разногласиях с цинскими властями подтверждаются и другими источниками. Так, в грамоте ойратского тайджи [29] Аблая царю Алексею Михайловичу от марта 1657 г. сообщалось о задержке Ф. И. Байкова цинским императором по той причине, что сам император грамоты русского царя не принимает и велит своим людям принять ее «...и он де, Федор, ту государеву грамоту китайского царя людем не отдает, а проситца с тою государевою грамотою к самому царю» [77, 217] [30].

По существу то же самое сообщает в своей челобитной Сеиткул Аблин, просивший послать его в Китай к Ф. И. Байкову [31].

Китайские источники, например «Шилу», косвенно также подтверждают показания русских архивных документов, считая единственной причиной неудачи посольства Ф. И. Байкова невыполнение им посольского церемониала. Следует сказать, что информация о посольстве Ф. И. Байкова, помещенная в «Шилу», датирована не временем его приезда, как это делалось в отношении всех послов, прибывавших к цинскому двору, а 10 июня 1660 г. При этом в данной информации помещены сведения сразу о трех русских посольствах, приезжавших в разное время, что тоже необычно для «Шилу». Создается впечатление, что упоминаемая информация представляет собой специальную подборку данных о трех посольствах, приуроченную к приезду русских послов в 1660 г. В этой информации содержатся и некоторые неточности, которые мы отметим ниже. Мы даем здесь полный перевод сообщения «Шилу», чтобы не дробить его, хотя к посольству Байкова имеет отношение только часть его.

«Прежде, в 12-й год Шуньчжи (1655 г.— *Л. Д.*), Белый царь (чагань-хан) Русского государства направил посла спросить о здоровье [нашего императора], представил дань местными изделиями, но не имел грамоты [32]. Так как он [русский царь], впервые представил дань, наградили и отправили его [посла] обратно. Вместе с тем пожаловали грамоту, приказав каждый год вносить дань.

Впоследствии, в 13-м году (1656 г. — *Л. Д.*), снова прибыл [русский] посол [33]. Хотя [он] имел грамоту, но действовал по обрядам своей страны, стоя вручил грамоту [34] и не встал на колени для поклона. Тогда Палата (по-видимому, Лифаньюань.— *Л. Д.*) решила: „[Так как] прибывший посол не понимает посольского церемониала, не следует допускать на аудиенцию к императору. Отказать в [приеме от] него дани и вернуть его обратно“» [21, цз. 135, 2б] [35]. Далее говорится: «Позднее, через год, Белый царь вновь отправил посланца [36], который захватил с собой грамоту и представил дань. В дороге находился три года и только к этому времени прибыл [37]. В грамоте не следует [нашему] правильному летосчислению, называют 1165 год [38].

Еще себя [царь] называет великим ханом, в словах [грамоты] много нескромности. [В связи с этим] передали на решение князей и сановников. Все [они] высказались за то, что следует выслать его посланника и отказать [в приеме] дани. [Когда] доклад об этом был представлен, получен указ [императора]: „Белый царь, хотя и является [лишь] главой племен, самонадеян, а грамота [его] кичливая и нескромная. Однако иноземное владение следует цивилизации. Надлежит быть снисходительным, чтобы показать [наши] мягкость и уступчивость.

Россия находится далеко на западной окраине, [она] еще недостаточно цивилизована. И вот [то, что] смогла прислать посла с грамотой, [в этом] также видно искреннее стремление к выполнению долга.

[Что касается] прибывшего посла — приказать этой палате (вероятно Лифаньюань.— *Л. Д.*) дать банкет [для него] и дань, [им привезенную], проверив [по описи], принять. Белого царя и его посла соразмерно милостиво наградить [подарками]. Однако не следует отправлять с послом ответной грамоты. Ваше ведомство может не допустить [посла] на аудиенцию по той причине, что [их] грамота [по содержанию] кичлива и непочтительна [39]. Указать об этом послу и вернуть его обратно“» [21, цз. 135, 2б—3а].

Из этой информации «Шилу» совершенно четко видна общая линия цинского правительства в отношении России: все три ее посольства рассматривались как миссии вассального государства, пославшего дань Цинской империи. С точки зрения цинского императора, вассал не имеет права называть себя великим ханом и употреблять летосчисление, отличающееся от китайского, поэтому грамота русского царя признана нескромной. Ведь Белый царь, по представлению маньчжурского императора, всего-навсего какой-то глава или вождь племени. Хотя его страна где-то затерялась на далекой западной окраине и не является просвещенным государством (так цинские императоры, как и их предшественники китайские «Сыновья Неба», рассматривали все другие государства, которые они без всякого основания считали своими вассалами), но он, Белый русский царь, подает на-

дежду, тянется к китайской цивилизации и искренно стремится выполнить свой долг вассала (свидетельство тому — присылка дани и грамоты).

Цинский император пытается показать свою «гуманность» («мягкость и уступчивость») в отношении «заблуждающегося вассала» и поэтому принимает от него «дань» в знак того, что не отказывается от его верноподданнических чувств и надеется, что он и в дальнейшем будет предан и послушен. Вместе с тем Шуньчжи дает понять русскому царю, что нельзя простить ему нарушение норм поведения «вассалов», а поэтому решено его посла на аудиенцию не допускать и ответной грамоты не посылать.

Таков, по существу, смысл переведенной нами информации «Шилу» и включенного в нее указа императора Шуньчжи. Но в ней имеются и некоторые нюансы в оценке деятельности, поведения послов. Если в отношении гонцов П. Ярыжкина и С. Аблина, а также И. С. Перфильева и С. Аблина не предъявлялось никаких претензий и поминки («дань» — по терминологии цинских властей) от них приняли (а с первыми даже послали ответную грамоту), то Ф. И. Байков был обвинен в том, что он не знал посольского церемониала, принятого в Цинской империи, и не соблюдал его, на колени для земного поклона не вставал, поэтому и на аудиенцию не был допущен, поминки от него не приняли, а затем выслали его из страны.

Совершенно очевидно, что дело не только в поведении русских послов, невыполнении ими китайско-маньчжурского посольского ритуала, хотя это тоже играло большую роль. Главная причина заключалась в том, что Цины, не имея точного представления о русском государстве и следуя китайской традиции, стали рассматривать своего великого соседа как вассала. Они не могли допустить мысли о том, что кто-то кроме цинского императора смеет называть себя великим государем. Интересы престижа для цинских императоров были превыше всего. И это отрицательно влияло на установление добрососедских отношений с Россией, стремившейся наладить связи с Цинской империей [40].

Собственно, трудно было ожидать иного результата от поездки русских послов в Цинскую империю, учитывая направление внешней политики цинского правительства и методы его дипломатии. Однако поездки Ф. И. Байкова и др. не были безрезультатными для России. Они много дали для пополнения крайне ограниченных знаний о Цинской империи, для изучения условий торговли. Кроме того, они показали русскому правительству, что ему предстоит иметь дело не с безвестными князьками Борбой, Богдоем и Шамшаканом, а с правительством большой и сильной по тому времени державы. Миссия Ф. Байкова, как и поездка П. Ярыжкина и С. Аблина, многое дала для ознакомления с посольским церемониалом, существовавшим в Цинской империи, и

вообще с методами цинской дипломатии, что оказалось весьма полезным для последующих поездок в Цинскую империю русских дипломатов.

Следует отметить, что как в грамотах русского царя, посланных с Ф. И. Байковым и И. С. Перфильевым, так и в ответной грамоте цинского императора, посланной с П. Ярыжкиным и С. Аблиным, а также в его указах по поводу русских посольских миссий и в сообщениях «Шилу» в связи с приездом русских послов нет упоминаний о столкновениях в Приамурье между цинскими войсками и русскими казаками. Поэтому мы считаем, что упоминание в грамоте Аблая-тайши о беседе цинских чиновников с Ф. И. Байковым, которая велась от имени императора, по поводу военных столкновений на Амуре [77, 216—217] основано на непроверенных слухах. Правда, во втором варианте статейного списка Ф. И. Байкова вскользь упоминается, что запрет членам русской посольской миссии выходить с подворья в Пекине, где они были помещены, вызван тем, что посол не отдал царской грамоты приказным ближним людям императора, а также тем, что «...се государевы люди их Китайскую землю Даурды воюют» [64, 132; 77, 187] [41]. Но эта более поздняя вставка в статейный список, по-видимому, сделана Ф. Байковым во время его пребывания в Москве, когда ему стало известно содержание письма Аблая-тайши [42]. В этой вставке упоминание о Даурии, по нашему мнению, основано на слухах и не может быть принято на веру.

Если бы беседа цинских чиновников, да еще по приказу императора, с Байковым о Даурии состоялась, она нашла бы какое-то отражение в цинских официальных документах, которые мы приводили, как это было в более поздних сообщениях «Шилу».

В 60—70-х годах XVII в. политика цинского правительства в отношении России активизировалась, принимая различные формы. Цины по-прежнему не шли навстречу попыткам русского правительства установить дружественные отношения с Цинской империей и не отвечали на его предложения обменяться послами и договориться о ведении торговли. Но в то же время они не препятствовали отправлению официальных русских торговых караванов.

Русское правительство, учитывая опыт прежних торговых поездок в Цинскую империю и считая торговлю с ней весьма прибыльной, организовало в 1666 г. новый торговый караван [43]. С этой целью из Москвы в Тобольск с товарами был послан С. Аблин, неоднократно ездивший в Китай по торговым делам. В Тобольск он прибыл в мае 1666 г., а в июле 1668 г. по царскому указу в сопровождении Сейдяш Кулмаметова отправился в Цинскую империю.

Их поездка имела чисто торговые цели [44]. В наказной памяти, выданной Сибирским приказом Сеиткулу Аблину и Сейдяшу Кулмаметову в марте 1666 г., давались указания о покупке то-

варов (горностаев и юфти) на пути из Москвы до Ярославля и в самом Ярославле, а затем рекомендовалось «з государевыми товары из Ярославля ехати им в Сибирь в Тоболеск наспех, не мешкая нигде ни часу, чтоб з государевыми товары приехать им нынешним зимним путем на Верхотурье» [77, 252—253]. Позднее, в грамоте Сибирского приказа от 9 марта 1668 г., тобольскому воеводе П. И. Годунову было указано, чтоб в Цинскую империю с товарами на сумму 4500 руб. отпустить С. Аблина и С. Кулмаметова: «...и велели ему, Сеиткулу, в Китайском государстве наши государевы товары продавать и менять на тамошние товары, которые годны в наше Московское государство, и приказали ему, Сеиткулу, с товарыщи во всем искати нам, великому государю, прибыли, как их бог вразумит, и будучи им в Китайском государстве, проведать подлинно о всем» [77, 263]. Никаких дипломатических поручений на этот раз С. Аблин не получил.

В конце 60-х — начале 70-х годов цинская дипломатия активизировала свои действия, установила контакты с местными русскими воеводами в Приамурье и послала своих агентов для выяснения положения русских войск в Приамурье, а также для непосредственных переговоров с местными русскими властями. В значительной мере эта активизация цинской дипломатии объяснялась тем, что маньчжуры стали опасаться укрепления позиций Русского государства.

К сожалению, в китайских источниках почти нет сообщений о русско-китайских отношениях до середины 70-х годов. Поэтому нам придется пользоваться главным образом русскими архивными документами.

В 60—70-х годах XVII в. русские владения в Приамурье укрепились в экономическом отношении. Развивалось сельское хозяйство. Первые пашни начали возделываться еще в 1654 г. около Шилкского острога, затем в 1657 г. в районе Нерчинска, хотя последний считался «бесхлебным» городом. Наибольшее развитие земледелие получило в районе Албазина, возникшего как город и русское поселение в 1655 г. на месте занятого Хабаровым еще в 1650 г. городка даурского князя Албазы.

В 70-х годах XVII в. по берегам Амура, от устья Аргуни до Албазина и далее, примерно на протяжении 300 верст, находилось более 20 земледельческих поселений русских крестьян. Среди них можно назвать Усть-Аргунскую (Усть-Стрелочную) деревню, находившуюся у устья Аргуни, Покровскую слободу (одно из самых крупных поселений), насчитывавшую вместе с окрестными заимками 70—80 крестьянских семей и находившуюся в трех днях водного пути от Албазина. Ниже по Амуру находилась деревня Игнашина, выше устья р. Олдай — Паново. Недалеко от Албазина (в полутора верстах вверх по Амуру) существовал Спасский монастырь и при нем подворье. Ниже Албазина, на противоположном, правом, берегу Амура, была дерев-

ня Чулково. Кроме нескольких заимок и деревни Погодаева, находившихся ниже Албазина, наиболее отдаленной от него (в 140 верстах) вниз по Амуру была деревня Андрюшкина. Помимо перечисленных на берегах Амура расположены были деревни Озерная, Солдатово, село Ильинское и др. Таким образом, оба берега Амура в его верхнем и среднем течениях были заселены русскими и осваивались ими [111, 18—34].

Кроме земледелия русское население Приамурья занималось также различными промыслами и торговлей. Среди промыслов следует отметить горнорудный и пушной. Последний был развит по Шилке (соболь, рысь, лисы, белка, росомахи и волки), Амуру, Зее и ее притокам. В 70-х годах XVII в. благодаря инициативе нерчинских властей началась эксплуатация свинцовых и серебряных месторождений (на р. Аргунь) [111, 34—44].

Усилилась и колонизация дальневосточных владений России за счет переселения туда «вольных людей». На протяжении 50-х годов на Амур переселилось не меньше 1500 человек [111, 13]. В 60—70-х годах переселенческая волна не спадала, что способствовало хозяйственному освоению края.

Продолжалось укрепление новых русских владений на Амуре также и в политическом отношении. Если вначале ими управляли командиры казацких отрядов (Е. П. Хабаров, О. Степанов и др.), облеченные властью, то в дальнейшем было создано централизованное управление во главе с даурским воеводой. Первым таким воеводой был А. Ф. Пашков, назначенный царским правительством в 1654 г. Ему подчинялись воеводы отдельных острогов — Албазинского, Нерчинского и др. Этот факт знаменовал собой официальное включение Даурии в состав владений Русского государства.

Наряду с укреплением в этот период русских владений на Амуре в экономическом и политическом отношениях растет авторитет русских властей и населения, усиливается их политическое влияние на местные племена. Об этом свидетельствует факт окончательного перехода в русское подданство эвенкийского князя Гантимура со своим родом и возвращения их в Нерчинск в 1667 г. [45], а также обращение в 1675 г. дауров, угнанных с Амура на р. Наун (Нонни), к русским властям в Албазине с просьбой защитить их и избавить от маньчжурского гнета, приняв в русское подданство [77, 478].

Цинские власти, опасаясь дальнейшего влияния Русского государства за пределами Амура и Аргуни на подчиненное Цинам население, в особенности насильно переселенное на р. Наун, предприняли ряд мер для вытеснения русских с Амура или в крайнем случае для ослабления их позиций, подрыва влияния в Приамурье.

Цинское правительство осуществило ряд дипломатических акций для получения более полной информации о русских владениях в Приамурье и выявления позиций московского правитель-

ства. Этой цели служили поездки в Нерчинск разведчика Шарандая [46] с товарищами под видом купцов.

Первый раз Шарандай прибыл в Нерчинск 10 декабря 1669 г. [77, 275], заявив жалобу на албазинских казаков за то, что «ходят де они в походы и громят даурских и чючерских людей (дючеров.— *Л. Д.*) и промеж де землями чинят ссору, и чтоб вы, великие государи, тех богдойских людей пожаловали, из Олбазинсково острогу в походы ходить и воевать их не велели» [77, 269].

Известно, что казаки часто отправлялись по Амуру собирать ясак с подданных Русского государства. Иногда эти походы кончались столкновениями с ясачными людьми. Возможно, что Шарандай имел в виду один из таких походов [77, 268—269].

Можно допустить, что албазинские служилые люди, превышая свои полномочия, пытались применить силу при сборе ясака. Однако это обстоятельство не давало маньчжурским властям никакого права вмешиваться во внутренние дела в русских владениях, так как ни дауры, ни дючеры, жившие на Амуре, не были подданными Цинской империи [47].

Вторично Шарандай приехал в Нерчинск 15 апреля 1670 г., тоже под предлогом ведения торговли [48]. На этот раз он привез письмо от цинского императора Канси. Так как в Нерчинске русских толмачей не было, то перевод этого письма, или грамоты, с маньчжурского языка был сделан кем-то из местных жителей, тунгусов. Нерчинский воевода, послав подлинник и перевод в Москву, сообщил, что ему не известно, правильно ли переведен «тот лист» богдойского царя [77, 275].

Перевод грамоты Канси от 1670 г., переданной Шарандаем, посланцем маньчжурского князя Мыкандия [49], нерчинскому воеводе Д. Д. Аршинскому, судя по содержанию и сумбурному стилю, сделан плохо. К сожалению, в китайских источниках мы не нашли упоминания об этой грамоте. В ней впервые официально предъявлено требование о возвращении цинским властям Гантимура, хотя и признавалось: «Прежде ли де платил великому государю ясак или мне? А про то де я допряма не знаю, кому он платил преже... А ноне де он, Гантимур, платит великому государю ясак в Нерчинском остроге у казаков» [77, 272].

Единственный аргумент, приводимый в ноте, в пользу выдвинутого требования о передаче Гантимура это тот, что и русские, вероятно, разыскивают своих беглых ясачных людей в течение продолжительного времени: «...и у вас де великого государя указ есть, хто де платит великому государю ясак и збежит хотя в 10 или 20 или во 100 лет, и вы де тех людей не сыскиваете ли?» [77, 272].

В цитируемой грамоте впервые официально сообщается, что цинское правительство не знало, что казаки, находящиеся в Нерчинском остроге, были подданными и подчиненными служилыми людьми русского царя [77, 272]. Такое признание, по-ви-

димому, было сделано для того, чтобы оправдать свои агрессивные действия против казаков в прошлом и снять с себя ответственность за операции маньчжурских войск. В заключении грамоты предлагалось направить послов в Пекин [77, 272].

Такое предложение с намеком на желание установить мирные отношения было сделано Цинами впервые и как будто давало повод предположить, что цинское правительство искренно стремится к миру с Россией. На самом деле, как показали дальнейшие события, политика Цинской империи в отношении Русского государства по-прежнему оставалась агрессивной, она была лишь на время завуалирована разговорами о мире и добрососедских отношениях.

Русские власти приняли предложение о направлении посла, и 18 апреля 1670 г. из Нерчинска выехало посольство во главе с казачьим десятником Игнатием Миловановым [77, 277, 279].

Нерчинский воевода мирный жест Канси принял за чистую монету и в то же время расценил его как проявление слабости, стремление найти помощь и поддержку у русского правительства. Ничем иным нельзя объяснить содержание наказной памяти, переданной И. Милованову. И хотя она дана Д. Д. Аршинским, в ней говорится, что это сделано по указу царя Алексея Михайловича и приказу Д. Д. Аршинского [50].

В нашей литературе уже указывалось на то, что наказная память Д. Д. Аршинского является «уникальным в своем роде документом» [77, 17]. Согласно этой памяти, И. И. Милованов должен был предложить цинскому императору встать «под его царьского величества высокою рукою», т. е. сделаться вассалом русского царя и платить дань ему: «А он бы, богдокан, также поискал великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, его царьского величества милости и жалованья, и учинился под его царьского величества высокою рукою» [77, 270] [51].

Русский царь, по словам наказной памяти, в случае принятия его предложения «...учнет богдокана жаловать и держать в своем царьском милостивом призрении и от недругов ево в обороне и в защищение...» [77, 270—271]. В наказной памяти Д. Д. Аршинского предусматривались также ответы, в случае если будут спрашивать про Гантимура и про поход албазинских казаков. Относительно Гантимура наказывалось сказать, что его вернуть без указа государя нерчинский воевода не смеет, но что об этом написано царю, и какова будет воля его, так и будет сделано. Об албазинских казаках И. Милованов, согласно наказной памяти, должен был сообщить, что, как стало известно нерчинскому воеводе, дауры и дючеры первыми нарушили мир: придя под Албазинский острог, они убили 12 человек служилых людей, а также угнали лошадей и рогатый скот. По этой причине албазинские казаки ходили в поход. Нерчинский воевода в связи с этим приказал взять 10 албазинских казаков в Нерчинск и

держит их у себя, чтобы они впредь без указа государя в походы не ходили «и задору б не чинили» [77, 271]. Предложение Д. Д. Аршинского, сделанное цинскому императору, о вступлении его в русское подданство — наглядное свидетельство того, что русские власти в Приамурье даже в начале 70-х годов XVII в. не имели точного представления о Цинской империи.

Как указывает Бантыш-Каменский, Д. Д. Аршинский, известив московское правительство об отправлении посольства во главе с И. М. Милованновым, сообщал, что память ему он выписал из наказа царя А. Ф. Пашкову [56, 18]. И действительно, наказная память Д. Д. Аршинского в той части, где предлагается цинскому императору Канси быть вассалом русского царя, полностью совпадает с цитированной нами выше наказной памятью А. Ф. Пашкову от декабря 1654 г. Итак, несмотря на то что прошло 16 лет, представления русских властей в Приамурье о Цинской империи не изменились.

Следует сказать, что о содержании наказной памяти Д. Д. Аршинского цинским властям стало известно, так как память была через неделю после приезда И. М. Милованова в Пекин прочтена и переведена в палате, вероятно в Лифаньюане, куда русский посланец с товарищами был доставлен, а затем отобрана у И. М. Милованова [77, 284]. И тем не менее, несмотря на необычный характер наказной памяти, весьма дерзкой и оскорбительной для цинского императора, если исходить из китайско-маньчжурских представлений о Сыне Неба как властителе Вселенной, И. М. Милованова и его товарищей встретили в Пекине хорошо. Они не только были приглашены на прием к императору и удостоились чести пить с ним чай (причем за время приема Канси задал только один вопрос — о возрасте каждого из русских посланцев), но были также щедро награждены подарками. Кроме того, им разрешали свободно ходить по Пекину [77, 286], в чем, как известно, в свое время отказали Ф. И. Байкову и его товарищам. По словам И. М. Милованова и его товарищей, за все время пребывания в Цинской империи (пять недель и три дня) их хорошо снабжали продовольствием [77, 287]. Наконец, им были устроены и соответствующие рангу послов проводы: «И велел их богдойской царь отпустить с честью и проводить тем же бояром, которые их на дороге встретили. И объявили к великому государю те бояре им от богдойского царя лист и проводили их до даурских людей до Науна реки» [77, 287].

По-видимому, следует считать правильным предположение Бантыш-Каменского о том, что наказная память Д. Д. Аршинского из-за боязни быть наказанными не была доложена цинскими министрами императору или иезуиты утаили при переводе содержащееся в ней предложение императору Канси о переходе под власть русского царя [56, 19—20]. Надо отметить, что не только И. М. Милованов, но и еще раньше посетившие Пекин С. Аблин и конный казак И. Тарутин [52] были приняты цинскими

властями необычайно приветливо. Их пригласили на прием и на обед к Канси. После этого их трижды приглашали на обед во дворец, но император при этом не присутствовал [77, 290—291]. С. Аблину с товарищами разрешили свободную торговлю без взимания пошлин; их хорошо снабжали продовольствием.

При вручении в Лифаньюане подарков царю (серебра, камок, бобров, барсов и др.— всего, как было подсчитано позднее в Москве, «на 1055 рублев с полтиною» по московской цене) [77, 296] — цинский сановник сказал, что император принял дары русского царя с честью «и великий государь пожаловал бы ево, велел и ево дары принять, и вперед бы великий государь послов своих и для торгу своих государевых людей присылал, а им де будет корм и всякое береженье и торг повольной против прежнего с прибылью...» [77, 291]. Цинский сановник сообщил, что 170 человек их ясачных людей ныне платят ясак русскому царю и император просит вернуть ему этих людей [77, 291] [53]. Сам С. Аблин и сопровождавшие его лица перед отъездом из Пекина получили подарки от цинского императора. Никакой грамоты им не было дано: «А листа де им о том не дал» [77, 291].

У нас, к сожалению, нет возможности проверить по китайским источникам свидетельские показания И. М. Милованова и С. Аблина об их поездках в Пекин и о встрече, устроенной им, так как документы цинской стороны ничего не сообщают об этом. Единственное, что мы нашли в «Шилу»,— это весьма краткую информацию о приезде русского посла: «Русский Белый царь прислал посла, привезшего дань. Награжден согласно правилам» [22, цз. 31, 13а—13б]. Датирована эта запись 26 октября 1669 г. Хотя в ней не упоминается имени посла, но, судя по датировке, она имеет отношение к С. Аблину и И. Тарутину, так как никто другой из представителей московского правительства в это время не был в Цинской империи.

Из этой краткой записи видно, что цинское правительство по-прежнему считало Россию своим вассалом, представляющим дань. И это обстоятельство отнюдь не противоречило фактам хорошего приема С. Аблина и И. М. Милованова и щедрого награждения их, а также русского царя подарками. Напротив, цинские императоры, как и их предшественники — китайские императоры, стремились показать свою щедрость вассалам и ослепить их ею, демонстрируя этим свое богатство и могущество. Цины считали хорошим тоном, признаком высокой цивилизации одаривать богатыми подарками «варваров» — вассалов. При этом ставились и меркантильные цели: подкупить правителей соседних и далеких народов, соблазнить их возможностью и впредь получать щедрые подарки и этим переманить на свою сторону.

Таким образом, генеральная линия внешней политики цинского правительства в отношении России оставалась прежней, оно не собиралось расставаться с установившейся традицией считать все народы и государства вассалами Сына Неба.

В этой связи следует пояснить, что предложение посылать в Цинскую империю русских послов и торговых людей, переданное через С. Аблина, хотя оно было сделано впервые со стороны Цинов, также не противоречило их взглядам на Россию как на своего вассала, и это предложение нельзя рассматривать как что-то принципиально новое во внешней политике цинского правительства в отношении Русского государства. Точно так же следует расценивать грамоту Канси от июня 1670 г. [77, 276], доставленную в Нерчинск 11 августа 1670 г. фудутуном Монготу вместе с И. М. Миловановым.

Собственно, о ней мы можем судить только по переводу, причем Н. Бантыш-Каменский приводит два перевода этой грамоты Канси. Один сделан переводчиком в Нерчинске [54], при этом, как указывает Бантыш-Каменский, переводчик прибавил от себя титул русского царя, отсутствующий в подлиннике, а также смягчил некоторые резкие выражения грамоты. Второй перевод, сделанный иезуитом Фердинандом Вербистом [56, 20—21] [55], по-видимому, более точный. Однако, несмотря на различия переводов, основная суть грамоты передана примерно одинаково. В грамоте Канси сообщает о прибытии в Пекин И. М. Милованова, а также о том, что живущие на Шилке русские (имеются в виду албазинские казаки во главе с Никифором Черниговским) обижают его дауров и дючеров и что Канси собирался наказать тех русских, но после того, как узнал, что это действительно люди русского царя, не велел идти походом против них. Сообщив, что ему известно от Д. Аршинского, что тот писал царю о просьбе Цинов вернуть им Гантимура, Канси заключает свою грамоту заявлением, что мир на границах обоих государств будет в том случае, если русское правительство вернет Гантимура и не будет столкновений на границах, намекая на действия албазинских казаков. Приведем концовку грамоты Канси в переводе Ф. Вербиста: «И ныне, буде ты хочешь в миру жить, посылай к нам беглеца Гантимура. Также и впредь, чтоб отнюдь в рубежах наших не учинились ссоры. И буде так зделаетца, и тогда мир будет, и для того нарочно послал сей лист» [56, 21; 77, 411] [56].

Из этой грамоты Канси видно, что она имеет ультимативный характер: если вернете Гантимура — получите мир на границах. Тон грамоты также не оставлял никаких сомнений, что цинское правительство пыталось диктовать свои условия московскому правительству, заняв непримиримую позицию.

Итак, приведенные выше данные, касающиеся поездок в Пекин С. Аблина (1669 г.), И. М. Милованова (1670 г.), а также приездов маньчжурских посланцев в Нерчинск, привезших две грамоты Канси (от апреля и июня 1670 г.), позволяют сделать вывод о том, что цинское правительство, соглашаясь до поры до времени принимать русских послов и торговых людей для обмена дипломатическими посланиями и ведения торговли, во-

первых, отказывалось от присылки своих послов, т. е., следовательно, не стремилось к установлению прочных дипломатических отношений, к взаимному обмену посольствами, как это было принято в данной ситуации в то время во всем мире. Во-вторых, упорное требование на протяжении многих лет вернуть Гантимура, родившегося на территории, подвластной русскому царю (близ р. Нерчи), и являвшегося подданным России (он платил ей ясак с 1651 г.), хотя в прошлом в течение некоторого времени он считался «вассалом» Цинской империи, а также требование о запрещении походов казаков для сбора ясака было, несомненно, посягательством на суверенитет русских властей на Дальнем Востоке. К тому же это служило предлогом для оправдания агрессивных действий Цинов против русских владений в Приамурье.

Факты из реальной жизни показали, что в период активизации дипломатической деятельности Цинов в отношении России они не отказались от провокаций, угроз и военной агрессии против русских владений и подвластного России коренного населения на Амуре. Следовательно, эта дипломатическая активность была известной вуалью, прикрывавшей подготовку агрессивных действий.

Цинское правительство, провоцируя военные вторжения, одновременно пыталось хитростью, посулами и угрозами переманить и увести на свою территорию аборигенов Приамурья или же добиться получения дани с тех народностей, которые вносили ясак русским властям.

В конце 1669 г. нерчинский воевода Д. Д. Аршинский сообщил енисейскому воеводе К. А. Яковлеву[57], а 3 марта 1670 г. илимскому воеводе С. О. Аничкову, ссылаясь на сведения, полученные от монголов, о предстоящем вторжении маньчжурских войск: «...приходили де от богдойского царя к мунгальскому царю послы 100 человек и мунгальскому царю сказывали — пошла де сила большая богдойская под 3 нерчинские остроги войною нынешнею осенью, а запасов де взяли с собою на 3 годы, и хотят де они, богдойские люди, великих государей казну и острожки взять и служилых людей побить» [77, 268]. В отписке Д. Д. Аршинского далее отмечается, что служилых людей в острожках всего 123 человека, обороняться будет некому, что пороху и свинцу у них мало [77, 268]. И хотя эти слухи о движении маньчжурских войск и предстоящей войне оказались преждевременными, тем не менее они в какой-то степени отражали подлинное положение в Приамурье.

В феврале 1671 г. якутский воевода И. П. Барятинский сообщал в Москву, в Сибирский приказ, о враждебных действиях маньчжурских войск, основываясь на записке боярского сына Матвея Ярыгина, прибывшего из Олекминского острога. В этой записке излагалось показание ясачного эвенка Юпчанейко Дачигина: «...и тот де Черниговский Никифорко в острожке[58]

обсажен накрепко от богдойских людей, а на реке де на Амуре под тем острожком стоят многие бусы с людьми, а после де пришли конные многие ж люди, и около де того острожку сделали вал земляной...» [77, 281].

В этой же отписке И. П. Барятинский сообщал и о других враждебных актах со стороны маньчжурских властей: о разведывательных вылазках маньчжурских военных отрядов в глубь русской территории и об их попытках даже зимовать в пределах русских владений и грабить местное еаселение под видом сбора ясака с русских подданных, а также о переманивании их на свою территорию [77, 281]. Такие рейды небольших маньчжурских отрядов, которые иногда могли проникать во владения России вследствие недостаточности русских воинских сил и малочисленности населения, имели целью не только разведку и грабежи. Этими рейдами цинские власти пытались терроризировать местное население и одновременно создать видимость, будто маньчжуры собирают здесь ясак со своих подданных.

Провокации маньчжуро-цинских властей против русских владений на Амуре и против местного населения, находившегося в русском подданстве, не прекращались и в дальнейшем. Следует сказать, что эти провокации, несомненно, поощрялись Канси, хотя внешне он стремился показать свое миролюбие в отношении России. К сожалению, о событиях конца 60-х— начала 70-х годов XVII в. китайские источники почти ничего не сообщают. Тем не менее кое-какие данные проливают свет на позицию самого Канси.

Так, в его кратком указе от 15 ноября 1671 г. нингутинскому цзянцзюню Бахаю, затрагивающем вопрос о положении дел с племенами фэйякэ и хэчжэ, даются указания относительно подготовки войск для борьбы с русскими. «Хотя русские (лоча) и говорят [о своем] смирении, однако следует особенно усилить внимание к оборонительным (?!) мероприятиям: обучать воинов, [готовить] лошадей, привести в порядок военное снаряжение, не поддаваться коварным замыслам [русских]. [Если] на месте следует осуществить военные действия (дословно: крупные дела, вероятно войну. — *Л. Д.*), то докладывай без опасения» [22, цз. 37, 3а—3б].

Совершенно очевидно, что, прикрываясь рассуждениями об оборонительных мерах, Канси давал указания о подготовке к войне против русских. Об этом же свидетельствует и последняя фраза указа, поощрявшая Бахая на провоцирование войны.

Дальнейшие действия цинских властей свидетельствовали о том, что они неуклонно выполняли указания Канси. Так, из переписки енисейского, якутского и нерчинского воевод стало известно, что в апреле 1672 г. в Нерчинский острог приезжал маньчжурский воевода, фудутун из Букея, Монготу [59], подчинявшийся нингутинскому цзянцзюню Бахаю. Монготу сопровождал отряд из 100 человек. Монготу, по словам нерчинского воеводы

Д. Д. Аршинского, приведенным в отписке якутского воеводы Я. П. Волконского, пытался отозвать к себе «государевых ясачных людей иноземцев», подчиненных Нерчинскому острогу, угрожая разрушить Нерчинск, если «ясачные иноземцы» не выполнят требований маньчжуров [77, 301—302]. Далее Д. Д. Аршинский сообщал, что приезд Монготу вызвал панику среди ясачных людей: «И ныне де под нерчинскими острогами во всех иноземцах стоит шатость, а служилых де людей в нерчинских острогах мало» [77, 302].

Как указывал якутский воевода Я. П. Волконский, в Якутском остроге также осталось мало служилых людей — всего 92 человека, из которых стариков и инвалидов было 29 человек. Из этого небольшого числа людей, охранявших Якутский острог, Я. П. Волконский смог выделить для отправления в Нерчинск лишь 10 человек, и то на время [77, 303].

В апреле 1673 г. поступили новые сведения о подготовке маньчжурских властей к походу против Нерчинска. Как писал нерчинский воевода Д. Д. Аршинский енисейскому воеводе К. А. Яковлеву, ясачный эвенкийский князь нелюнского рода Катанган Тимуров сообщил, что «пришли де на Оргуню-реку богдойские большие люди и хотят де на Оргуне пахать хлеб, а как де поспеет хлеб, и они де будут под Нерчинские остроги войною» [77, 309]. От себя Д. Д. Аршинский добавлял: «А та Аргуня-река от Нерчинского острогу конем езду 4 дни. А в Нерчинском государевых мушкетов нет, а промышленных людей и гулящих много, а ружья у них нет» [77, 309].

Шантаж и провокации маньчжурских властей в отношении русских владений на Амуре ничего реального не дали, хотя последние по-прежнему охранялись небольшими воинскими силами. Цины не были готовы к войне на Амуре, к тому же они еще были заняты усмирением китайского народа. А в 1673 г., когда, казалось, Внутренний Китай был покорен, возник большой мятеж, поднятый У Сань-гуем, в 1644 г. способствовавшим захвату цинскими войсками Пекина и установлению господства династии Цин в Китае.

В таких условиях русское правительство предприняло еще одну попытку добиться разрядки напряженности в отношениях с Цинской империей, не оставляя мысли об установлении добрососедских связей с ней. 4 февраля 1673 г. царское правительство приняло решение направить в Пекин посольство во главе с Н. Г. Спафарием [77, 306].

В русской дореволюционной и советской литературе о посольстве Н. Г. Спафария писали многие, поэтому здесь нет необходимости подробно останавливаться на нем. Мы затронем лишь некоторые принципиальные вопросы, чтобы высказать свою точку зрения.

Прежде всего, о целях и задачах посольства. Они лучше всего выражены в наказной памяти Н. Г. Спафарию и в грамоте

цинскому императору. Как известно, в таких памятях, отправляемых в другие государства, послам давались указания по всем вопросам, связанным с целями и задачами посольств, официальными и неофициальными, т. е. явными и тайными. Наказная память Н. Г. Спафарию датирована 28 февраля 1675 г. [77, 335—346], т. е. тем же числом, что и грамота царя Алексея Михайловича цинскому императору Канси, посланная с Н. Г. Спафарием [77, 332—334]. Здесь нет необходимости пересказывать наказную память, так как это сделал уже Бантыш-Каменский, расписав ее по 12 пунктам [56, 25—26]. Главная мысль ее сводилась к тому, чтобы собрать необходимые сведения по различным вопросам внутреннего и внешнего положения Цинской империи, а также добиться установления постоянных связей и взаимного обмена посольствами, т. е. установить нормальные дипломатические отношения и торговые связи. Эта цель весьма четко выражена в следующих словах грамоты царя цинскому императору: «И желаем мы, великий государь, наше царское величество, с вами, велеможнейшим ханом, яко с наилюбезнейшим соседом, быти в приятной дружбе и любви и в безурывных ссыл[ках] так же, как мы, великий государь, наше царское величество, пребываем и дружбу и любовь имеем с высокостольными государи, с цесарем римским и с-ыными окрестными великим же государи и с персидцкими шахи» [77, 333]. Об обмене посольствами говорится в наказной памяти: «Хановым же ближним людем говорить и домогатца того всякими мерами накрепко, чтоб государь их указал с ним к великому государю, к его царскому величеству, послати со объявлением дружбы своей и любви и с любительными поминки китайского посла своего, а не иного государства уроженца» [77, 341].

Что касается стремления русского правительства нормализовать торговые связи с Цинской империей, то об этом свидетельствует указание Н. Г. Спафарию: «Да им же ближним хановым людем говорить, чтоб государь их бугдыхан указал послать царского величества в Российское государство ис Китай своих хановых подданных китайцов для торгового промыслу, а царского величества в сибирских городех примут их со удовольством и ис Тобольска, дав кормы и питье и подводы, отпустят в царствующий град Москву безо всякого задержания, и пошлин с товаров их в Сибирских городех и на Москве царское величество имать не укажет, покаместа ис Китайского государства с послы о пошлине договор учините...» [77, 343].

Н. Г. Спафарию вменялось в обязанность «проведывать всякими мерами накрепко тайным делом», какова позиция цинского императора в отношении русского царя, будет ли он доволен тем, что к нему прислали грамоту, желает ли он поддерживать с русским правительством дипломатические отношения, отправит ли в ответ своих послов, а также будет ли он развивать торговые связи [77, 343].

Кроме указанных выше основных целей посольства Н: Г. Спафария перед ним были поставлены и другие задачи, например разведать наиболее удобные пути, в частности водные, из Китая в Русское государство [77, 342], добиваться вывоза из Цинской империи в Москву 1—3 тыс. пудов серебра, которое будет там обменено на товары, угодные китайцам. Н. Г. Спафарию было также поручено узнать, имеются ли русские пленные в Цинской империи и если имеются, то просить цинского императора отпустить их без откупа и сообщить, что русский царь так же поступит с китайскими подданными. В крайнем случае, если потребуют откуп, обещать «по 5 и по 10 и по 15 и по 20 и по 30 рублев за человека», но не больше [77, 341].

Хотя ни в наказной памяти, ни в грамоте царя, адресованной Канси, официально поездка Н. Г. Спафария не связывалась с полученными от Канси грамотами от апреля и июня 1670 г. [60], тем не менее посылка со Спафарием грамот, ранее присланных русскому царю, для перевода их в Цинской империи и ссылка на то, что их содержание царю не известно [77, 333], давали некоторое основание Спафарию объяснить причину своей поездки в Пекин [61].

И в наказной памяти, и в грамоте царя, как и прежде при отправлении Байкова, не затрагивался вопрос о столкновениях на Амуре и в прилегающих к нему землях, хотя в последней грамоте Канси от июня 1670 г., как мы указывали выше, на это обращалось внимание. Объясняется это, видимо, тем, что, поскольку в грамоте царя было сказано, что ему не известно о содержании послания Канси, так как в России некому перевести его, обсуждать вопрос, поднятый в грамоте цинского императора как о Гантимуре, так и о конфликтах между казаками и маньчжурами, было не к чему.

Вполне очевидно, что Спафарий был подготовлен к ответу на вопросы, интересовавшие цинское правительство, и прежде всего на те, которые были поставлены в июньской грамоте Канси. Однако мы не можем считать обоснованной ссылку В. А. Александрова на мнение Ю. Крижанича о том, что Н. Спафарий был послан «...с полномочием войти в соглашение относительно границ с Китаем...» [111, 55]. Ни Ю. Крижанич, ни В. А. Александров не привели ни одного документального свидетельства в пользу этого утверждения. Нельзя согласиться также с предположением В. А. Александрова о том, что, «быть может, русское правительство готово было обсудить вопрос об официальном определении границ районов Приамурья, вошедших в состав России и примыкавших к маньчжурским землям, которые Канси считал „внешними" территориями» [111, 56]. Документы, имеющие отношение к посольству Н. Г. Спафария, не дают нам оснований для такого предположения В. А. Александрова.

В наказной памяти Н. Г. Спафария были предусмотрены

также вопросы посольского этикета и титулования как русского царя, так и цинского императора в ответной грамоте последнего. Этим вопросам, как и при отправлении посольства Ф. И. Байкова, московское правительство уделяло большое внимание, связывая их с престижем своего государства и учитывая сложившиеся дипломатические нормы в отношениях между Россией и другими странами. В указании, данном Спафарию, отмечалось, что царскую грамоту и «любительные поминки» следует передать лично императору при условии, если в это время у него не будет послов, посланников и гонцов других государств [77, 337]. Императору «поклониться рядовым поклоном» [77, 337].

Правда, по сравнению с наказом Ф. Байкову были сделаны некоторые уступки: предусматривалось, что в случае упорства маньчжурских сановников и недопущения русского посла к цинскому императору Спафарий мог отдать «хановым ближним людем» три царские грамоты аналогичного содержания, написанные на трех языках — русском, латинском и татарском (вероятно, монгольском), в которых Спафарий назван посланником [62]. Кроме того, Спафарию разрешалось и поминки передать маньчжурским сановникам, но при этом «...поклона и посольства от царского величества перед хановыми ближними людьми не править» [77, 339].

В отношении титулатуры от Спафария требовали, чтобы он добивался от цинских сановников написания в ответной грамоте цинского императора полного титула русского царя, «как он, великий государь, сам себя описует» [77, 340]. Что касается титула цинского императора, который впредь следует употреблять в грамотах русского царя, то Н. Г. Спафарию рекомендовалось взять у «ближних людей» императора тот «...в котором он всего света владетелем и иных окрестных великих государей имяноваңьем и титлою не напишетца» [77, 340—341].

В то же время если Цины отправят ответные грамоты цинского императора, Н. Г. Спафарию приказывалось: «...стеречь того накрепко, чтоб он, хан, в титле своей и в-ымяновань не имяновался иных окрестных великих государей владеньем и государствованием, чтоб впредь тою ево титлою на царское величество от посторонних государей нелюбья не навесть» [77, 340].

Эти условия, выдвинутые русским царем и ставшие обычными в отношениях России с другими государствами, вряд ли были приемлемы для Цинской империи, правители которой считали себя властителями Вселенной. Естественно, что Н. Г. Спафарий, обязанный выполнять указания наказной памяти, должен был встретиться с непреодолимыми трудностями, так как посольский этикет, принятый в Цинской империи, как нам известно, коренным образом отличался от этикета, принятого в России и других странах.

И так как каждая из сторон упорно настаивала на применении принятого у нее этикета, не идя на уступки друг другу, то

сразу же после приезда Н. Г. Спафария в Цинскую империю он оказался в трудном положении.

После длительной подготовки 3 марта 1675 г. Н. Г. Спафарий выехал из Москвы. К концу того же месяца он прибыл в Тобольск, а 2 мая 1675 г. отправился дальше. В Нерчинск Н. Г. Спафарий приехал 4 декабря, 19 декабря отбыл оттуда. 26 января 1676 г. Спафарий достиг р. Наун, откуда, по существу, начинались владения Цинской империи, заселенные оседлыми жителями [77, 346—356] [63].

Еще до приезда Н. Г. Спафария в Нерчинск оттуда на р. Наун был послан Игнатий Милованов для уведомления цинских воевод о скором приезде русского посла и необходимости высылки подвод для посольства, насчитывавшего свыше 100 человек [77, 482—483] [64].

Первые трудности, с которыми столкнулся Н. Г. Спафарий в Букее, заключались в том, что от него потребовали, чтобы он первым отправился к цинскому сановнику (асканьи-амбань), приехавшему на р. Наун для встречи с русским послом. Н. Г. Спафарий резонно ответил маньчжурским чиновникам, что у всех народов заведено так, что к послу ездят навстречу, а посол лично едет к тому, к кому послан [77, 500]. Споры продолжались около недели и закончились тем, что Спафарий согласился поставить недалеко от избы, в которой он жил, юрту, где встретился с цинским сановником, причем первым в эту юрту вошел Спафарий, а затем через некоторое время принесли на носилках асканьи-амбаня [77, 502].

При этой встрече цинский сановник, ссылаясь на строгий указ императора, потребовал передать ему грамоту царя для того, чтобы он, ознакомившись с ней, мог уведомить императора о ее содержании, а также о других делах, о которых устно передаст Н. Г. Спафарий. В случае невыполнения этого требования асканьи-амбань угрожал послу, что с ним поступят так же, как и с Ф. И. Байковым [77, 503]. Н. Г. Спафарий отказался передать царскую грамоту цинскому сановнику и заявил ему, что он послан великим государем «посольство править пред бугдыхановым величеством, а не перед тобою в Наунских селах», и подтвердил свою готовность умереть, обороняя «государские грамоты» [77, 504]. Вместе с тем Н. Г. Спафарий указал, что русский царь хотя и стремился издавна жить в мире, дружбе и любви с «бугдыхановым величеством», для чего он и посылал к последнему своего посла (имелся в виду Ф. И. Байков), но, видя, что к его послу отнеслись с нелюбовью, русский царь отказался от намерения установить дружественные связи с богдыханом [65]. Далее Н. Г. Спафарий отметил, что нынешний его приезд в Цинскую империю связан с тем, что в прошлые годы цинский император выразил желание быть в дружбе с царем, о чем асканьи-амбань по указу императора писал нерчинскому воеводе Д. Д. Аршинскому, прося его послать людей к богдыхану.

Когда русский посланец И. М. Милованов прибыл в Пекин, ему была оказана честь и он был одарен подарками. С ним был послан русскому царю лист. А так как в Москве его не смогли перевести, то в Китай послали Спафария «известить всякую дружбу и любовь», а также для перевода этого листа, «чтоб великий государь выразумел подлинно, что пишет бугдыханово величество к великому государю и что желает» [77, 503—504].

Нет необходимости здесь подробно излагать переговоры между Спафарием и асканьи-амбанем. Отметим лишь, что при предварительных переговорах на Науне выяснилось, что маньчжуров интересует, вернет ли русский царь Гантимура и что написано в грамоте русского царя [77, 504—506]. Асканьи-амбань, неоднократно беседовавший со Спафарием, упорно настаивал на том, чтобы передали ему грамоту царя или в крайнем случае сообщили в письменном виде ее содержание, так как «буде в грамоте написано какие грозы или непристойные слова, велено тебя отпустить назад, а в царство не взять» [77, 506].

Высказав жалобы на казаков за то, что они «...многие обиды нашим людем чинят еже день», и представив в ложном свете поведение маньчжуров («а от наших к ним [казакам] никакие обиды не бывает») [77, 507—508], асканьи-амбань пытался угрожать: «И покамест не будет смирити здешней рубеж, никакими мерами дружбы и любьви быть меж обоими великими государи невозможно. А мы терпим их [казаков] для ради имени великого государя, а мочно бы их удавить: ведаем мы по скольку человек живут в здешних острогах. И в прошлых годех воевали они по Амуру, однако ж де их всех удавили, и видели они и пушки и бусы наши» [77, 508].

До 17 апреля 1676 г. Н. Г. Спафарий вынужден был находиться на Науне, ожидая указа о пропуске его в Пекин. Получив разрешение, Н. Г. Спафарий вместе с асканьи-амбанем и другими цинскими чиновниками отправился в столицу, куда прибыл 15 мая 1676 г.

В Пекине Н. Г. Спафария ожидали новые испытания. Опять начались бесконечные споры о посольском этикете, угрозы в адрес Спафария, что его постигнет участь Ф. И. Байкова, если он будет настаивать на личной передаче грамоты императору [77, 371]. Н. Г. Спафарию сообщили, что в Китае издревле существует обычай допускать иностранных послов на прием к императору, а грамоты отбирать у них в Приказе, объяснив, что этот порядок был введен после того, как в давние времена один из послов был допущен с грамотой к государю, а когда прочитали ее, то в ней оказалось «великое бесчестье хану». С тех пор в Китае принято, «чтоб наперед взяли лист и прочли от всякого государя, и смотря по листу как написано, так и делают — иных послов емлют пред хана, а иных и не емлют. И ныне тот обычай переставить и хан сам не может» [77, 372].

В Пекине в разговоре с Н. Г. Спафарием асканьи-амбань со-

общил ему, что он получил указ императора заранее узнать содержание грамоты, и если в ней содержатся какие-либо угрозы или непристойные речи, то «и тебя велено прогнать назад тотчас, а мне собирати войско, сколько мочно, великое, и итить под Нерчинской и под Албазинской остроги и их до основания разорить, потому что ведаем по скольку человек живет в них» [77, 373].

Так шантажом и угрозами пытались заставить Спафария отдать царскую грамоту «хановым ближним людем», а не цинскому императору. Спафарий упорно отказывался выполнить требование цинских сановников. Тогда от него потребовали копию царской грамоты, приказав иезуиту написать ее по-латински со слов Н. Г. Спафария [77, 378].

Хотя Спафарий выполнил их просьбу, но ему не поверили, что это был подлинный текст царской грамоты. Н. Г. Спафарию заявили, что царскую грамоту от него в Приказе (Лифаньюане) примут самые ближние хановы люди, отворив для посла «большие Приказные ворота», чего не делалось ни для одного посла, в том числе и для Ф. И. Байкова, и что такая честь будет оказана потому, что «бугдыханово величество конечно желает дружбу с царским величеством» [77, 382].

Споры о порядке вручения грамоты велись долго, начавшись с первого дня приезда посла в Пекин, при этом Н. Г. Спафарию старались внушить, что он своим требованием стремится нарушить старый их обычай. Цинские власти пошли на некоторые уступки — через асканьи-амбаня Спафарию сообщили, что грамоту от него примут в палатах императора, против того места, где он обычно сидит, а император будет находиться неподалеку от того места, куда посол положит грамоту [77, 386—387].

После того как Н. Г. Спафарий согласился на это предложение, появились новые препятствия: цинские сановники потребовали сначала отдать поминки, а потом грамоту, далее они потребовали от посла дать слово, что на приеме у хана он поклонится ему по их обычаю (трижды встанет на колени и каждый раз сделает по три земных поклона, т. е. всего 9 поклонов).

Н. Г. Спафарий твердо заявил, что поминки отдаст только с грамотой. После долгих споров наконец договорились, и 5 июня 1676 г. Н. Г. Спафарий с грамотой и поминками явился во дворец императора: подьячие несли грамоты, а хановы ближние люди — поминки. Когда пришли в палату, посланник, взяв у подьячих грамоты, стоял с ними, пока их не взял у него первый советник императора и не положил на условное место, а поминки были положены вблизи, после этого Н. Г. Спафарий, ничего не говоря, вместе с членами посольства уехал на подворье, где они были размещены. Подворье тщательно охранялось, и послу и его людям не разрешалось свободно уходить оттуда. Спафарий часто жаловался цинским сановникам, что их держат взаперти, как в тюрьме, что ни в одной стране так не обращаются

с послами; на это получал всегда один ответ, что у них такой обычай и поступают они так, чтобы оберегать посла, что пока царская грамота не будет передана императору, ворота подворья будут на замке [77, 386, 390].

15 июня 1676 г. Спафария пригласили на прием к императору. В царской палате кроме императора находились также его братья и племянники. Спафария посадили примерно в восьми саженях от Канси, разместившегося на возвышении. Перед тем как допустить Спафария в дворцовые палаты, ему показали, как нужно кланяться императору [77, 398—399].

На первом приеме цинский император не произнес ни одного слова, не спросил про здоровье русского царя, как водится обычно при приеме послов. Спафарий был удивлен таким приемом, так как накануне цинские сановники говорили, что ему будет оказана особая честь. В ответ на его замечание по поводу приема ему было сказано, что император еще раз примет его одного и тогда спросит про здоровье царя и про другие дела.

После приема было получено разрешение отворить ворота подворья и допустить желающих купить русские товары, привезенные посольством. Однако цинские чиновники вместо купцов послали своих людей, чтобы сбить цены и купить товары подешевле. Настоящим торговцам посещение подворья, где стояло посольство, было запрещено, а тех из них, кто побывал в посольстве, по выходе оттуда обыскивали [77, 403].

Спафарий неоднократно жаловался на то, что цинские чиновники препятствовали распродаже русских товаров, не разрешали посольству свободно торговать, не выпускали с подворья членов посольства, чтобы купить что-либо или продать. Спафарию пришлось даже прибегнуть к угрозе, что «...впредь великий государь своим русским людем и тобольским татаром и бухарцом закажет под смертною казнью, чтобы нихто в Китай с русскими мяхкими рухлядьми и с-ными рускими товары не ходили...» [77, 407]. Несмотря на это, посольство по-прежнему было блокировано, торговцев не допускали, русских людей не выпускали с подворья, в результате половина служилых людей заболела [77, 409].

На все жалобы Спафария давался один ответ: таков обычай — торговым людям разрешается свободная торговля, а посольству запрещается [77, 422]. Асканьи-амбань заявил Спафарию, что они не изменят этого обычая, и выразил полное безразличие к тому, будет ли московское правительство в дальнейшем отправлять своих послов в Цинскую империю или нет [66].

Спафарий, ссылаясь на указания царя, в беседе с цинским сановником говорил о том, что торговля скрепляет дружбу и без взаимных поездок послов и купцов обеих сторон дружбы не может быть, но на это получал стереотипный ответ, «...что де и они тому ради, только де у них иным обычаем принимают послов, а торговых и иным же обычаем» [77, 422].

Совершенно очевидно, что, несмотря на то что власть традиций и старых обычаев в Цинской империи была велика, цинский император, если он стремился к дружбе с Русским государством, мог бы облегчить участь русского посольства, находившегося, по существу, в тюремных условиях, и дать возможность ему свободно обменивать русские товары на китайские.

Возможно, что Канси был неправильно информирован о положении посольства цинскими сановниками, пытавшимися шантажом и вымогательством добиться от Спафария согласия на выполнение цинского посольского ритуала, а главное — выгодной для себя сделки: за бесценок скупить привезенные им и сопровождавшими его лицами товары.

Как сообщили Спафарию иезуиты, служившие при цинском дворе, требования выполнения цинского посольского этикета, предъявлявшиеся к русскому послу и принижавшие достоинство русского царя, объяснялись не только традициями и чрезмерной заносчивостью цинских сановников [77, 406], но и желанием показать китайцам, которых они в это время усмиряли, что маньчжуры не боятся русского царя: «И наипаче то делают для неприятелей никанцов (китайцев. — *Л. Д.*), чтоб они видели, что хотя с ними война, однако ж де такого славного великого государя не боятца и обычая своего не переменяют» [77, 447].

Нам представляется, что с приездом посольства Спафария цинское правительство связывало надежды на претворение в жизнь своих планов в отношении Приамурья. Больше всего цинские власти интересовались не торговлей с Россией и не установлением добрососедских связей; главным для них было получить ответ от московского правительства на их требование о возвращении Гантимура. Выполнение этого требования послужило бы для цинских властей известным козырем для предъявления территориальных претензий.

Каково же было их разочарование, когда они, прочтя грамоту русского царя, узнали, что их требование осталось без ответа. Нетрудно поэтому понять, почему на многих встречах Спафария с цинскими сановниками последние так или иначе касались вопроса о Гантимуре.

Вскоре после приезда в Пекин асканьи-амбань, встретившись со Спафарием, затронул вопрос о Гантимуре. Правда, при этом он подчеркивал, что в грамоте Канси, посланной с Милованом Даниле Аршинскому, главный вопрос был не о Гантимуре, «то дело небольшое», а о том, что за люди проживают в Нерчинске и Албазине [77, 276, 381—382]. Однако Спафарий уличил цинского сановника в неискренности, указав ему, что тот еще на Науне, а затем по дороге в Пекин упорно добивался от Спафария ответа — имеется ли указание царя вернуть Гантимура [77, 382]. В дальнейшем, 26 мая и 6 июля, цинские сановники, как и прежде асканьи-амбань, сообщили Спафарию, что они не верят его заявлению о том, что русскому царю ничего не

известно о требовании цинского правительства вернуть Гантимура, что в Москве якобы не смогли перевести грамоту Канси, где содержалось это требование [77, 414]. Насколько большое значение цинское правительство придавало вопросу о возвращении Гантимура, видно из заявления иезуита, который тайно сообщил Спафарию, что если русский царь не вернет Гантимура, то Канси намерен «сыскать его войною» [77, 433]. Далее тот же иезуит сообщил, что дело не в самом Гантимуре, а в его влиянии на местное население, если его вернут в Цинскую империю, то за ним пойдут другие [77, 433]. Расчет цинских властей был прост — вслед за Гантимуром сманить как можно больше ясачных людей и, обезлюдив край, тем самым вынудить русских добровольно оставить Приамурье.

Неоднократные заявления цинских сановников Спафарию свидетельствуют о том, что цинское правительство готово было из-за Гантимура пойти на крайние меры вплоть до прекращения всяких дел с русским правительством. Так, 30 августа 1676 г., т. е. незадолго до отъезда Спафария из Пекина, к нему прибыли канцлер Государственной канцелярии и алиха-амбань, которые, откровенно высказав свои соображения, на каких условиях Канси даст ответ на грамоту русского царя (о чем см. ниже), заявили: «...покамест твой великий государь не отдаст Гантимура, никакое дело невозможно совершити, ни начати» [77, 446]. Аналогичное заявление было сделано 31 августа 1676 г. алиха-амбанем при посещении им Спафария [77, 448].

31 августа к Спафарию прибыл иезуит, задобренный подарками и рассчитывавший на дальнейшие милости русского царя. Отвечая на вопрос посланника, «для чего так крепко спрашивают взяти от нас одного мужика Гайтимура, и какая им от него прибыль», он сказал: «Для того они спрашивают Гайтимура, потому что они ведают, что вы не отдадите ево, и тогда они сыщут причину, бутто правдою воюют, и станут разорять ближние места Нерчинской и Албазинской, потому что они часто говорят, что они руских людей по Амуру трижды разорили до остатку, и так чают они, что и ныне могут их разорить» [77, 449].

Итак, вынашивая агрессивные планы в отношении русских владений в Приамурье, цинское правительство искало повода для войны. Все поведение цинских властей, их отношение к посольству Спафария, с первого дня его приезда в Цинскую империю и до самого отъезда, свидетельствовали об отсутствии у Цинов искреннего желания установить нормальные отношения с Русским государством, хотя при переговорах с русским посланником с цинской стороны было сказано немало слов об их стремлении жить в дружбе и любви с русским государем. Такие заявления были только игрой в миролюбие, дипломатической вуалью, прикрывавшей агрессивные тенденции во внешней политике цинского правительства.

В последний период пребывания Спафария в Пекине ему снова пришлось столкнуться с неуступчивостью и крайней заносчивостью цинских властей. Новые испытания ожидали Спафария в связи с исполнением унизительных церемоний. 8 июля 1676 г. посланник должен был по цинским обычаям поехать в Лифаньюань к «ханову столу», где всегда угощали членов иноземных посольств. Спафария при этом предупредили, что он и его товарищи перед тем как сесть за стол и после угощения, встав из-за стола, должны сделать по девять земных поклонов так же, как на приеме у императора. Спафарий заявил, что он поклонится только трижды, как голландские послы, когда они были здесь, мотивируя тем, что императора на этом приеме не будет. Несмотря на долгие уговоры и споры, русский посланник стоял на своем, заявив, что в противном случае он вообще не поедет «к столу» [77, 417]. Кончилось тем, что цинские чиновники вынуждены были уступить Спафарию.

19 июля к русскому посланнику пришли иезуиты и заявили ему, что «...ныне у них хотят новое дело делать для царского величества — сам бугдыханово величество в крайней своей полате, где житьем живет, хочет тебя потчивать при себе», что это невиданная «...честь царскому величеству и всему християнскому народу слава», потому что «...прежде сего у никанских и у китайских (маньчжурских. — *Л. Д.*) ханов не токмо сидети, но и видеть не дают...» [77, 424].

Прием состоялся в тот же день во дворце Тайхэдянь. Канси задавал через иезуитов, служивших на приеме переводчиками, вопросы Спафарию. Прежде всего Канси, как это было принято в других странах при приеме послов, спросил о здоровье русского царя. После этого были заданы вопросы: сколько лет царю, с какого возраста и как давно начал царствовать? [77, 425]. Затем были заданы вопросы, касавшиеся посланника: сколько ему лет, изучал ли философию, математику и др.? Затем последовало угощение, продолжавшееся около часа [77, 426].

13 августа Спафарий был приглашен к императору в Красный город для получения ответных подарков. Ему сообщили, что они будут преподнесены в том месте, где были приняты царские грамота и поминки. Посланник поехал со всеми служилыми людьми. В тот день шел дождь. Спафария заставили некоторое время ждать под открытым небом. Когда стали вручать подарки для русского царя, Спафария принуждали встать на колени в грязь и отвешивать поклоны, при этом ссылались на существующий обычай, по которому все иностранные послы принимают поминки для своих государей, припадая на колени. Русский посланник отказался следовать такому обычаю, заявив, что так поступают подданные, принимая от государей поминки, и, если он так поступит, будет бесчестье великому государю. Продержав посланника и его людей целый день без пищи и уже составив опись вручаемых подарков, цинские чиновники вдруг

заявили, что опись составлена плохо и не все в нее записано, поэтому надо все начать снова. В тот день подарки не были вручены [77, 435—436]. Это было явным издевательством над русским посланником.

15 августа к Спафарию прибыли из Лифаньюаня и предупредили, чтобы он приготовился принимать подарки на другой день рано утром. Спафарий вновь заявил, что он, принимая подарки для царского величества, не будет вставать на колени, ему ответили, что это его воля, как он будет принимать подарки. В конце концов 16 августа посланник принял подарки для царя и для себя, не встав на колени. Как оказалось, после сверки по прежней описи, которую посланник оставил у себя, никаких новых подарков не было вручено [77, 437]. По-видимому, цинские власти в отместку за то, что посланник не захотел кланяться при получении подарков, устроили нарочно проволочку, затянув вручение подарков в течение двух дней.

23 августа к Спафарию прибыл асканьи-амбань и предупредил его, что согласно указу императора он должен выехать из Пекина 4 сентября 1676 г. При этом цинский сановник заявил, что император хотел приказать посланнику выехать на третий день после вручения подарков, так как Спафарий «бугдыханова величества не почитал и не пал на колени», но, учитывая, что служилые люди посольства «многое время трудились», дана отсрочка до 4 сентября [77, 439].

На неоднократные просьбы посланника дать ответ на представленные им 12 вопросов, а также на грамоту царя ему обещали, что в свое время это будет сделано. Однако почти до самого отъезда посольства цинские власти не давали ответа. Лишь 29 августа посланника вызвали во дворец императора, где канцлер Государственной канцелярии объявил, что цинский император не желает давать ответа на царскую грамоту по двум причинам: во-первых, потому что русский посланник принял подарки к своему государю, не став на колени, как поступают все прибывающие к ним послы соседних государей; во-вторых, если бы «бугдыханово величество» и соизволил написать царскому величеству, то только о Гантимуре, так как иного дела у него нет. Но об этом писали в прежней грамоте царю, а он Гантимура не вернул и «на рубеже не живут смирно», поэтому писать больше не о чем [77, 440—441]. Далее канцлер в ультимативной форме заявил: «...да и сверх того впредь не токмо писати, но и послов и посланников и торговых людей от страны царского величества отнюдь не будем принимать покамест те 3 статьи не будут совершены: 1-е, чтоб Гантимура послал сюды с послом своим; 2-я, чтоб тот посол был самой разумной и чтоб он делал все, что прикажем по нашему обычаю и в ни чем не противился; 3-я, чтоб все порубежные места, где живут вашего великого государя порубежные люди, жили всегда смирно» [77, 441].

Русский посланник пытался разъяснить цинским сановникам, что его поведение при приеме подарков государю вызвано было желанием охранять честь государя, потому что русский царь не подданный маньчжурского императора «и не меньши вашего государя, но во всем равен». Что касается вопроса о возвращении Гантимура, то Спафарий еще раз заявил, что царь не знал, о чем говорится в грамоте Канси, так как ее не смогли в Москве перевести, а потому не дал ответа на поставленный в грамоте вопрос. Далее Спафарий сказал, что он не может возвращаться без ответа императора, что он примет от него грамоту как подобает даже в том случае, если цинский император напишет в ней, что русский посланник не выполнил их обычая [77, 441].

Переговоры велись, по-видимому, в накаленной атмосфере и на высоких тонах. Об этом можно судить по ответу цинского сановника на просьбу Спафария дать ему копию грамоты на латинском языке: «И то бугдыхан отнюдь не поволит, потому что не тебе нас учити, как писать, а мы сами ведаем и знаем, что и как писать» [77, 442]. В ответ на эти слова Спафарий заявил, что цинские представители нарушают права всех народов, так как на послов и посланников нигде не кричат и не сердятся. Что касается копии грамоты императора на латинском языке, то Спафарий просит ее не для того, что желает поучать их, как писать, а лишь потому, что для царя будет понятно, что вы просите, а также для того, чтобы более точно и полно дать титулы императора и царя, не затронув чести. К тому же, заявил Спафарий, цинские представители после приезда его на Наун, а затем в Пекине требовали сообщить им, что пишет царское величество императору, и он дал им копию царской грамоты на латинском языке.

Обезоруженные четкими и логичными аргументами посланника, цинские сановники, не найдя возражений по существу, заявили, что если даже император согласится дать ответную грамоту, то посланник не примет ее по их обычаю, а поступит так же, как и с поминками, что было бы великим бесчестием для императора. На это Спафарий возразил, что поминики — это одно, а грамота — другое, и он с честью принял бы ее, как у них принято, лишь бы не было в ней бесчестья государю и при условии, если они дадут копию на латинском языке [77, 442—443].

Интересно, что цинские чиновники во время переговоров 29 августа 1676 г. пытались внести разлад между членами миссии Спафария, обратившись через его голову к «дворяном московским и детем боярским и служилым» с вопросом: «Как бугдыхан будет к царскому величеству писать лист, будете ли принимать с такой честью, как мы прикажем?» Вопрос этот был повторен неоднократно, и, как указывает Спафарий в статейном списке, ответ был положительный [67]. Спафарий вынужден был

в присутствии цинских чиновников заявить своим соотечественникам, что, если в грамоте цинского императора царскому величеству будет какое-либо бесчестное слово, он не примет этой грамоты [77, 443].

Переговоры в этот день закончились тем, что цинские сановники вновь заявили Спафарию, что никакого ответа от императора не будет, пока русское правительство не выполнит трех требований Цинов, о которых говорилось выше.

На другой день, 30 августа, к посланнику приехали канцлер Государственной канцелярии, принимавший у Спафария царскую грамоту, алиха-амбань и иезуит алиха-хафань [68], неоднократно выступавший как переводчик при переговорах цинских представителей с русским посланником. Они объявили Спафарию, что все его предложения, сделанные 29 августа, доведены до сведения членов Государственного совета [69], которые обсудили их и решили сообщить ему о существующих в их стране извечно обычаях, на основе которых может быть написана ответная грамота императора русскому царю. И если русский посланник сможет, основываясь на этих обычаях, принять грамоту императора, то пусть даст им ответ.

Вслед за этим вступлением цинские сановники доверительно и откровенно сообщили Спафарию, какой обычай установлен для иностранных послов и в какой форме пишут они императорские грамоты государям других стран. Все это можно, как заявили они, свести к трем условиям: первое — любой посол, приезжающий в Цинскую империю, должен говорить, что прибыл от низшего подчиненного лица к высшему, точно так же и сановники докладывают императору про всякого посла или посланника [77, 445]; второе — всякие подарки, которые отправляются с послами императору от любого государя, они не называют поминками или подарками и в докладе пишут, что тот или иной государь прислал императору дань или ясак; третье — ответные подарки, которые посылает император другим государям, они называют «милостью и жалованьем» [77, 446]. По мнению цинских сановников, эти три условия все послы и посланники должны принимать безоговорочно. Точно так же, соблюдая эти три пункта, цинские сановники пишут грамоты императора государям других стран.

В конце визита канцлер, обращаясь к Спафарию, сказал: «И о том ты, посланник, не подивись, что у нас обычай таков, и своему государю скажи, потому что, как един бог есть на небе, так един бог наш земляной стоит среди земли меж всех государей, и та честь у нас не переменена была и во веки будет ж» [77, 446].

Спафарий поблагодарил цинских представителей за то, что они заранее предупредили его о своих обычаях, но при этом добавил: «Только то кажется чюдо великое, что наш великий государь для великой дружбы и любви посылал поминки, а вы

именуете их дань, бутто поддан, а весь свет знает, что наш великий государь ото многих емлет, а сам никому не дает дань» [77, 446]. В ответ на это заявление посланника канцлер сказал, что они знают, что великий русский государь не является подданным китайского императора «...только искони век так обычай наш постановлен, говорить и писати так же, и тот обычай для всего света переменить нам нельзя...» [77, 446]. В этом ответе ярко выражена консервативность цинских властей и их дипломатии, заносчивость и упрямство, порой наносившие огромный вред их государственным интересам [70].

В конце переговоров Спафарий просил цинских сановников дать ему подумать до следующего утра, так как то, что они сообщили о трех условиях, — дело необычное [77, 447]. Совершенно очевидно, что Спафарий не мог принять условий, предложенных цинскими сановниками, так как это было бы таким нарушением наказной памяти царя, за которое его строго наказали бы. Поэтому его предложение было сделано с расчетом на то, что, может быть, цинские власти изменят свою позицию [77, 447].

На следующий день Спафария посетили алиха-амбань и иезуит алиха-хафань. Посланник сообщил им, что он не может принять грамоту императора на предложенных ему условиях, так как это принесет позор всем им, а не только государю. Но если грамота императора будет написана так, как обычно пишут друг другу великие государи, т. е. как равный к равному, и не будет затронута честь русского царя, то такую грамоту он примет «со всякою честию, и царское величество потому ж з дружбою и любовью будет принимать же» [77, 448]. На это заявление посланника алиха-амбань ответил, что такой грамоты они не только не могут дать, но и доложить императору не смеют. К этому алиха-амбань добавил, чтобы посланник готовился к отъезду [77, 448].

1 сентября 1676 г. рано утром Спафарию предложили в тот же день покинуть Пекин. Алиха-амбань напомнил ему, ссылаясь на указания канцлера, чтобы он доложил русскому царю о ранее предъявленных, с ведома Канси, цинскими сановниками трех требованиях (о возвращении Гантимура, о посылке разумного посла, который выполнял бы посольский ритуал по их обычаю, и об указании служилым людям, живущим близ цинских рубежей, чтобы они вели себя смирно). Просьба Спафария об отсрочке отъезда из Пекина по той причине, что они не успеют приготовиться за несколько часов, была отклонена, в ультимативной форме ему вновь было предложено к вечеру оставить столицу. Таким образом цинские власти нарушили ими же установленный ранее срок — 4 сентября. По существу, это было изгнание русского посланника.

Так закончилось посольство Спафария в Цинскую империю. Следует сказать, что свидетельские показания Спафария, при-

веденные в его Статейном списке, подтверждаются данными «Шилу», в частности о посольском ритуале и об ультимативных требованиях, предъявленных цинским правительством накануне отъезда Спафария. Встречаются лишь незначительные расхождения в датировке и некоторых деталях.

Однако информация в «Шилу» о посольстве Спафария, как и вообще о русско-китайских отношениях, весьма скудна: всего лишь четыре небольших сообщения. Первое из них датировано 15 июня 1676 г.[71]. Это — сообщение о прибытии русского посланника. Оно весьма любопытно, так как характеризует внешнюю политику Цинов как китаецентристскую. Приведем его полностью:

«Русский Белый царь прислал своего чиновника Николая Гавриловича, представившего дань местными изделиями. В докладе[72] сообщил, что Россия захолустная далекая страна. С древности [она] не имела связей с Китаем, не понимала китайского письма, не знала ритуала [представления] докладов. Ныне, однако, [русский царь] склоняется к цивилизации, желает установить отношения и присылать послов с данью.

Получены указания императора: „Русское государство находится очень далеко. [Царь его] искренне склоняется к цивилизации. Специально направил своего чиновника, [чтобы] представить дань местными изделиями. Это весьма заслуживает одобрения. Содержание доклада [царя следует] Государственному совету обсудить и доложить“» [22, цз. 61, 3б—4а][73].

В приведенной информации «Шилу» только одна фраза, взятая из русской грамоты, отражает объективную действительность: об отсутствии связей с Китаем и незнании китайского языка. Все остальное — плод фантазии цинских чиновников, писавших по трафарету обо всех иностранных послах: здесь и дань, и принятие китайской цивилизации, в то же время подчеркивание, что «варвары» не знают, по какой форме следует писать донесения властителю всей Поднебесной, «земному богу».

Второе сообщение «Шилу», датированное 25 июня 1676 г., еще более короткое, оно извещает о приеме у императора во дворце Тайхэдянь и о том, что «прибывшие от русского Белого царя и представившие дань посланник и другие чиновники совершили [принятые] церемонии» [22, цз. 61, 6б][74].

Третья информация «Шилу», датированная 9 августа 1676 г., свидетельствует о пожаловании русскому посланнику подарков [22, цз. 62, 3б][75].

Наконец, последнее сообщение о посольстве Спафария также датировано 9 августа 1676 г. Приведем его полностью: «Государственный совет, следуя указаниям императора, решил: „Русский Белый царь склонился к [нашей] цивилизации и представил дань. Следует наградить [его]. Его посланник Николай не сведущ в [наших] обычаях и церемониях, не следует давать [ему] грамоту [ответную]. Надлежит, чтобы Лифаньюань разъ-

яснил посланнику: [Если] твой государь (чжу) желает [установления] дружественных отношений (дословно: находиться в мире и любви), [то] следует вернуть Гантимура — беглеца нашей династии. Кроме того, назначаемые послы [должны] поступать по китайским обычаям, только тогда разрешим торговать в обычном порядке". Быть по сему» [22, цз. 62, 3а—3б].

Необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Приведенное сообщение по юлианскому календарю датировано 30 июля 1676 г. В этот и ближайшие дни, согласно показаниям Статейного списка Спафария, русскому посланнику никакого решения цинских властей о нем не сообщали. Впервые, как указывалось выше, Спафарий узнал о решении цинского правительства и о трех ультимативных требованиях только 29 августа. Следовательно, опираясь на свидетельство «Шилу», можно сделать вывод, что цинское правительство еще за месяц до того, как был извещен русский посланник, приняло решение не давать ответной грамоты русскому царю. В этом решении, по-видимому предварительном, выдвигались только два условия (возвращение Гантимура и соблюдение русскими послами цинского посольского этикета), выполнение которых давало возможность установить дипломатические отношения и вести торговлю с Цинской империей. При этом надо иметь в виду, что требование к русским послам, как и к послам всех остальных государств, выполнять «китайские обычаи» означало не только выполнение посольского ритуала в узком смысле (т. е. земные поклоны, вручение грамот и поминок не императору, а чиновникам и др.), но включало также признание за цинским правительством права писать грамоты русскому царю в форме послания государя своему подданному или сюзерена своему вассалу, а не как равный к равному, не применяя принятого в России титулования царя [76]. По существу, это требование цинских властей означало навязывание неравноправных дипломатических отношений. Естественно, что все эти требования были отвергнуты Спафарием.

Возвращаясь к приведенному выше сообщению «Шилу», следует сказать, что решение Государственного совета, одобренное Канси, в дальнейшем, когда оно было доведено до сведения русского посланника, в принципе не менялось, оно было лишь дополнено еще одним требованием — о запрещении русским казакам совершать военные походы.

Сделаем некоторые выводы о посольстве Спафария. Н. Г. Спафарий, как посланник независимой и к тому же великой державы, вел переговоры с цинскими сановниками с большим достоинством, умением и дипломатическим тактом, не позволяя им унизить себя или затронуть честь представляемых им Русского государства и московского правительства. Действовал Н. Г. Спафарий в полном соответствии с данным ему наказом, ставившим его в определенные рамки и частично сковы-

вавшим его инициативу. В этих условиях нельзя обвинять Н. Г. Спафария в негибкости или прямолинейности. Следует также учесть, что Н. Г. Спафарию, как и другим русским посланникам до него, пришлось столкнуться в Цинской империи с необычными для европейских дипломатов условиями.

Вековые традиции в области дипломатии и необычный посольский ритуал, немыслимые в европейской дипломатической практике, создавали также препятствия на пути переговоров, преодолеть которые не представлялось возможным.

К тому же представители цинских властей, ведшие переговоры с Н. Г. Спафарием, были всецело во власти традиций, определявших их поведение, так как нарушение их означало бы подрыв всей системы деспотизма в Цинской империи, в первую очередь авторитета ничем не ограниченного деспота — императора, выдаваемого за повелителя всей Вселенной. Совершенно очевидно, что, даже сознавая нелепость существующих в империи традиций, нереальность представления о всесилии и неземном могуществе маньчжурского императора, цинские сановники, не желая лишиться головы по повелению крутого на расправу Канси, вынуждены были поддерживать установившиеся дипломатические традиции. В их обязанность входило требовать от иностранных послов, в том числе и от Н. Г. Спафария, выполнения всех условий посольского ритуала, в том числе унизительных церемоний коленопреклонения, приема царской грамоты и поминок не императором, а его чиновниками, употребления в цинских грамотах титулатуры, оскорбительной для русского царя, и наименования Русского государства как нижестоящего по отношению к Цинской империи, т. е. ставившего его в положение вассала, и т. д. и т. п.

Совершенно очевидно, что указанные выше объективные обстоятельства, агрессивный характер политики цинского правительства, непримиримость его позиции обусловили неудачу посольства Спафария. Однако, несмотря на эту неудачу, поездка Спафария имела огромное значение. Она обогатила русскую науку, пополнив знания о Цинской империи, дала возможность составить первое на русском языке точное описание ее.

Русское правительство в результате поездки Н. Г. Спафария получило более полное и четкое представление о внешней политике династии Цин, ее агрессивном характере, отношении к России, о препятствиях на пути к установлению добрососедских отношений. Русская дипломатия благодаря Н. Г. Спафарию, его подробному Статейному списку получила возможность ознакомиться с посольским ритуалом, с дипломатическими традициями, существовавшими в Цинской империи.

Все это, несомненно, имело большое значение как для научного изучения Китая, так и для разработки в дальнейшем методов и направления внешней политики русского правительства в отношении Цинской империи.

Заключение Нерчинского договора

Поездка Н. Г. Спафария в Пекин показала, что цинское правительство не отказалось от своих агрессивных намерений в отношении русских владений в Приамурье, что требования выдачи Гантимура, не являвшегося цинским подданным [77], и жалобы на казаков [78] были лишь маскировкой подготавливаемого вторжения, предлогом для оправдания его.

Однако объективные условия не позволили Канси в 70-х годах XVII в. осуществить свои экспансионистские устремления. Страна в этот период была охвачена восстаниями крестьян и китайских феодалов, выступивших против маньчжурского господства. Наиболее продолжительным (1673—1681 гг.) было выступление У Сань-гуя, наместника провинций Юньнань и Гуйчжоу, поддержанного двумя другими ванами. Цинам пришлось в то же время вести затяжную борьбу против Тайваня, где китайские патриоты оказывали сопротивление маньчжурам.

Непрочным было и положение цинских властей в Маньчжурии: часть населения на Севере Маньчжурии стремилась перейти в русское подданство [79], многие из тех, кто, по утверждению цинских властей, платил им дань, фактически не были подданными Цинов, а так называемая дань с них была фикцией, являясь, по существу, формой товарного обмена [118, 91—93].

На Севере Маньчжурии, как уже указывалось, власть Цинов дальше р. Нонни практически не распространялась. Севернее этой реки находилась сфера русского влияния. Сюда ходили за ясаком и для защиты населения от набегов маньчжуров отряды русских казаков, в частности отряд Н. Черниговского, достигший р. Нонни в марте 1675 г. [77, 477—479] [80].

В начале 80-х годов XVII в., когда маньчжурским завоевателям удалось расправиться с восстанием У Сань-гуя и подавить сопротивление китайских патриотов на Тайване, Канси сбросил маску миротворца, перестал говорить о стремлении жить с Русским государством «в дружбе и любви» и начал осуществлять свои планы захвата Приамурья и Забайкалья. Сравнительно подробно об агрессивных действиях Канси на Дальнем Востоке рассказано В. А. Александровым [см. 111, 101—172].

Систематизируя материалы, приведенные в трудах наших предшественников, мы приведем и некоторые данные китайских источников. Следует сказать, что цинские власти, обостряя обстановку на Дальнем Востоке, действовали в обычной для них манере: обман, шантаж, провокации, попытки поссорить друг с другом местные народности, в особенности натравить их против русских людей.

Китайские документы, использованные нами, свидетельствуют о том, что Цины не имели никакого представления о землях, на которые посягали, что лишний раз свидетельствует о том, что последние им не принадлежали.

Маньчжурские феодалы направили свои главные удары против Албазина, занимавшего ключевые позиции на Амуре. В 1682 г. они осуществили разведку этого района. А немного раньше, в 1681 г., цинские власти выдвинули претензии на район бассейна р. Зеи, придравшись к тому, что здесь, в устье р. Долонец, был создан русский острог — Долонский [111, 102—103]. Военные действия маньчжурских войск в 1683—1684 гг. в бассейнах Зеи и Буреи закончились захватом их, в результате чего возникла угроза русским владениям не только на Амуре, но и на побережье Охотского моря и в Якутии [111, 114, 126].

Трагическая судьба ожидала Албазин, против которого были брошены главные силы маньчжурских войск, находившихся в Приамурье. Наступлению на Албазин предшествовала длительная и серьезная подготовка войск, разведка путей к Албазину и сил русских. Об этом достаточно подробно информируют китайские источники. Составители «Шилу» в информации от 16 сентября 1682 г. сообщали, фальсифицируя факты, что в связи с бесчинствами и грабежами русских в Хэйлунцзяне, а также в результате того, что они вторглись (?!) в пределы р. Зеи, цинский император приказал далисы-цину Минъаю отправиться к русским с грамотой, в которой им предлагалось уйти из этих мест. Однако они, опираясь на свою базу в Яксе (Албазин), неоднократно беспокоили и грабили солонов, хэчжэ, фэйякэ, цилэр [22, цз. 104, 8б; 27, цз. 5 (вводный), 3б; 78, 661].

Далее в этом же сообщении приводятся указания, данные императором Канси военачальникам Лантаню и Пэнчуню, отправленным к даурам и солонам под видом охотников на оленей с целью разведывания путей к Албазину и сил русских [22, цз. 104, 9а—9б; 27, цз.5 (вводный), 4а—4б; 78, 661, 690; 162, 136].

Наряду с разведкой принимались и другие меры по подготовке похода против русских владений. Так, 12 января 1683 г. было приказано начальнику Палаты финансов Исанъа отправиться в Нингуту для наблюдения за строительством военных судов [27, цз. 5 (вводный), 5а; 78, 661].

Хотя в сообщении Лантаня и говорилось, что «напасть на русских и захватить [их] очень легко, достаточно послать 3 тыс. воинов», однако Канси в указе, помещенном в «Шилу» за 24 января 1683 г., всячески старался подчеркнуть свое миролюбие, что делалось им неоднократно и раньше: «Наши намерения такие же, но посылать войска — недоброе дело. Следует временно отложить нападение [на русских]» [22, цз. 106, 23б; 27, цз. 5 (вводный), 5б; 78, 662].

Однако отсрочка похода против русских владений объяснялась отнюдь не миролюбием Канси, а неподготовленностью цинских войск к такому походу. Поэтому в упомянутом указе Канси рекомендовал послать на Амур из Ула (Гирина) и Нингуты 1500 воинов и построить крепости Айхунь (Хэйлунцзян) и Ку-

мар (Хумар), вместе с тем форсировать сооружение военных судов, послать пушки и ружья, а также инструкторов для обучения стрельбе [22, цз. 106, 23б—24а; 27, цз. 5 (вводный), 5б; 78, 662]. Что касается снабжения войск продовольствием, то Канси предлагал взять его у десяти корциньских знамен и из казенных селений в Гирине, которые могли, по его мнению, снабжать войска необходимым провиантом в течение трех лет. К тому же Канси предполагал, что войска, посланные на Амур, по прибытии туда займутся земледелием, а солоны, находящиеся в пяти днях езды от крепости Хэйлунцзян, будут снабжать войска скотом. Затем Канси приказал цзянцзюню Бахайю и фудутуну Сабсу, возглавив войска, отправиться в Айхунь и Кумару.

Канси считал, что если осуществить предложенные им меры, то русские «не смогут принимать перебежчиков с нашей стороны, а их перебежчики сплошным потоком будут переходить [на нашу сторону]. Конечно, [русские] не в состоянии [долго] держаться» [22, цз. 106, 24а—24б; 27, цз. 5 (вводный), 5б—6а; 78, 662].

Как сообщалось в указе Канси Государственному совету от 30 апреля 1683 г., к этому времени ранее отправленные в Хэйлунцзян войска уже прибыли туда. Канси предложил послать еще войска монгольского аймака Учжумуцина, а также направить к солонам одного сановника, чтобы заранее приготовить необходимые для армии припасы, причем, как и раньше при проведении разведки Лантанем, рекомендовалось все делать под видом охоты на оленей. Шаншу Лифаньюаня — Амухулан — должен был отправиться в Учжумуцин, а адаха-хафань Мала — начать переговоры с солонами [22, цз. 109, 3а; 27, цз. 5 (вводный), 9а—9б; 78, 663; 162, 124].

Нехитрый прием — охота на оленей, придуманный императором Канси, был быстро разгадан русскими властями в Приамурье, и они стали спешно укреплять Албазинский острог, однако недостаток в людях, провианте и оружии не позволил как следует приготовиться к обороне.

Хотя цинскому императору и его полководцам поход против русских владений представлялся легко осуществимым и выработанные ими планы, казалось, были непогрешимыми, но реальная действительность опрокинула их расчеты. Уже из доклада Бахая, указа Канси и решения Государственного совета, помещенных в «Шилу» в информации за одно и то же число — 4 мая 1683 г.[81], видно, что на деле не все обстояло так гладко, как расписано в планах и указах.

Так, Бахай сообщал, что размещение отправленных войск в Айхуне и Кумаре, находящихся сравнительно далеко от Албазина, приведет к раздроблению сил, что затруднит оборону. Кроме того, указывал Бахай, за Албазином находится Нерчинск и другие поселения, откуда русские могут перевезти по водному пути продовольствие и войска на помощь Албазину, и тогда осу-

ществить планы будет еще труднее. Бахай предлагал воспользоваться тем, что защитники Албазина еще не сконцентрировали силы и не запаслись продовольствием, и поспешить с «карательным походом» против русских.

Конкретно Бахай предложил в августе лично возглавить армию, приблизиться к Албазину и довести до сведения его жителей императорский указ с призывом к покорности или разместить войска на территории Мокэдина, а затем отправить отряд войск с русским воином Иваном к Албазину для вручения его жителям указа, призывающего их к смирению. Одновременно он предложил выяснить обстановку и в зависимости от обстоятельств вновь решить, продолжать наступление на Албазин или приостановить его. Высказав опасение, что лошади, используемые при продвижении войск из Гирина, не выдержат долгого пути, Бахай предложил взять 500 откормленных лошадей у солонов, находящихся близ Мокэдина, и отправить их в устье р. Кумары [22, цз. 109, 7б—8а; 27, цз. 5 (вводный), 10а—10б; 78, 664].

Государственный совет одобрил предложения Бахая. Однако Канси забраковал их, назвав поверхностными. Канси мотивировал это тем, что войска из Гирина и Нингуты еще не участвовали в сражениях и не имеют достаточной боевой дисциплины, а также тем, что действия воинских частей под командованием цзянцзюня Бахая и фудутуна Сабсу еще недостаточно согласованы. Канси предложил Бахаю остаться в Гирине, а Сабсу и Валиху направиться с войсками вперед.

Далее, Канси считал невозможным отправить войска в бой сразу же после их прибытия под Албазин в августе, как это предлагал Бахай. Император проявил большую осторожность, выразив желание держать под контролем действия командования: он указал на то, что необходимо после прибытия войск изучить обстановку, а затем доложить, прося санкции на наступление.

Канси считал, что если цинская армия (учитывая время на подготовку войск, их продвижение к театру военных действий, прибытие дополнительных сил из столицы) сумеет зимой вступить в сражение, то она будет иметь успех. Если же нынешней зимой условия не будут благоприятными для наступления, то необходимо приказать войскам из Гирина и Нингуты летом следующего года по-прежнему находиться на территории Айхуня и Кумары или же отвести их обратно, а затем, когда подойдет время, действовать, сообразуясь с обстоятельствами [22, цз. 109, 8а—8б; 27, цз. 5 (вводный), 10б—11а; 78, 664; 162, 123—124].

Из приведенных соображений Канси видно, что цинские войска к маю 1683 г. не были готовы к наступлению против Албазина и поэтому Канси не исключал возможности перенесения срока наступления на зиму 1683 г. и даже на лето 1684 г.[52].

Наступление маньчжурских войск на Албазин началось лишь в 1685 г. Но ему предшествовал ряд фактов, связанных с дипломатической деятельностью и военными приготовлениями цинских властей, на чем, нам кажется, следует остановиться.

Осенью 1683 г. Канси дал указ Лифаньюаню составить грамоту и отправить ее в Албазин местным русским властям [83]. В этой грамоте фальсифицируются события в Приамурье, факты ставятся с ног на голову — русских обвиняют во вторжении в земли «наших солонов», в грабежах фэйякэ, цилэр, солонов, дауров и орочонов. Упомянутый указ и был послан албазинским властям с русскими пленными Иваном и «Михаилом молодым». Полный текст этой грамоты (перевод с маньчжурского) был опубликован А. Любимовым [84], причем перевод весьма точный, он совпадает, за редким исключением, с китайским текстом, которым мы располагаем.

Здесь нет необходимости приводить целиком грамоту Канси, наибольший интерес представляет заключительная часть ее, содержащая ряд требований, в том числе впервые выдвинутые территориальные требования. В заключительной части грамоты говорится:

«Русские (лоча), живущие в Яксе (Албазине) и Нерчинске, если ныне изменят прежние проступки [85], выдадут Гантимура и других перебежчиков и скоро вернутся на свои (?!) земли, тогда [между] обеими [сторонами] не будет конфликта (дословно: дел) [86] и от этого будет польза не малая (дословно: не мелкая) [87]. [Но] если [все] еще будут упорствовать и не осознают [своей вины] и останутся на нашей пограничной территории, то тогда обязательно подвергнутся Небесной каре и [им] трудно [будет] избежать истребления [88].

Если же путь [в их сторону] далек и [им] трудно вернуться, то я приму тех, кто искренне склонится и перейдет [на нашу сторону], и обязательно проявлю сочувствие и заботу, чтобы каждый получил свое место» [22, цз. 112, 5б—6а] [89].

Эта грамота, посланная непосредственно албазинскому воеводе, может рассматриваться как первый официальный документ, в котором цинское правительство заявило о своих претензиях на территорию Албазина; вместе с тем она была своеобразным ультиматумом, в котором сообщалось об отправлении войск в Айхунь, Кумару и другие пункты и содержалась угроза истребления русских, если они не уйдут с территории, которую Цины без всяких оснований считали своей. Естественно, что такой ультиматум остался без ответа. Ведь он затрагивал территориальные интересы Русского государства, и ответ на него мог быть дан лишь московским правительством, к которому, однако, Цины в это время еще не обращались с территориальными претензиями. Упомянутая выше грамота, несомненно, свидетельствовала о том, что вскоре должно последовать нападение на Албазин цинских войск. И если Цины не начали наступление,

то это можно объяснить только неподготовленностью маньчжурских войск к военным действиям, что подтверждают и китайские источники.

В конце 1683 г., вскоре после отправки в Албазин грамоты, Канси отдал два распоряжения, связанные с приготовлением к военным действиям против русских владений. Первое — по докладу шаншу Исанъа о перевозе зерна в Айхунь, датируемое 23 декабря 1683 г., Канси предложил перевезти туда в 1684 г. двухлетнее довольствие для войск и 1200 воинов в один прием на 80 судах (Исанъа предлагал это сделать в два приема — в 1684 и 1685 гг.) [22, цз. 113, 5а—5б; 78, 667]. Второе — указание Лифаньюаню от 28 декабря 1683 г. о том, что в связи с тем, что невозможно учесть, какие подкрепления посылают русские (по-видимому, в Албазин), необходимо приказать Мале усилить внимание к обороне и улучшить разведку [22, цз. 113, 7б—8а; 27, цз. 5 (вводный), 17а; 78, 667].

Цинские власти одновременно готовились к нападению на русские остроги на реках Бурее и Амгуни. Об этом свидетельствует донесение хэйлунцзянского цзянцзюня Сабсу, датированное в «Шилу» 4 марта 1684 г. Сообщая о нападении на народность фэйякэ русских казачьих отрядов, состоявших якобы из прибывших с р. Нюмань (Бурея) на р. Хэнгунь (Амгунь) и соединившихся с ними русских воинов, пришедших с Северного моря [90], Сабсу призывал к истреблению русских под лживым предлогом спасения фэйякэ и других народностей: «Если не поспешим с планами истребления и умиротворения [русских], то народы хэчжэ, фэйякэ и цилэр обязательно [будут] уничтожены» [22, цз. 114, 3б; 27, цз. 6 (вводный), 1а; ср. 78, 668]. Далее Сабсу предложил послать в мае, когда растает лед, отряд из 300 человек, а также четыре пушки к устью р. Хэнгунь [22, цз. 114, 3б; 27, цз. 6 (вводный), 1б; 78, 668].

В докладе Сабсу содержится прямое признание того факта, что маньчжурские войска собираются нападать на территорию, население которой не было им подвластно. Так, в заключительной части своего донесения Сабсу писал: «Если же русские (лоча) заблаговременно отступят, узнав о нашем приближении, то посланные [нами] войска воспользуются благоприятным случаем для наведения порядка [среди] населения хэчжэ и других мест, а также для привлечения на нашу сторону (чжао-фу) [91] тех, кто еще не присоединился [к нам]» [22, цз. 114, 3б; 27, цз. 6 (вводный), 1б; 78, 668].

Из цинских документов известно, что понятие «те, кто еще не присоединился», применялось Цинами к независимым народам или к тем, кто находился под юрисдикцией других государств, но которых Цинская империя стремилась покорить и превратить или в своих подданных, или же в крайнем случае в вассалов.

На протяжении 1684 г. цинское правительство продолжало

вести подготовку к наступлению против Албазина. И хотя маньчжурские войска были переброшены на Амур, они еще не решались захватить Албазин — основную русскую крепость на Амуре — и продолжали вести разведку.

Упоминавшийся выше Мала, ездивший к солонам, в докладе о положении русских, датированном в «Шилу» 1 июля 1684 г., отмечал, что в Албазине и Нерчинске всего 500—600 человек и что они могли продержаться многие годы только потому, что опираются на десятки селений, расположенных по обе стороны Албазина, в которых занимаются земледелием. Далее он указывал, что в Нерчинске полей не возделывают, а живут за счет ясака и торговли с халхасами и баргутами, приезжающими продавать скот. В докладе Мала просил: «Приказать халхаскому Цэцэн-хану, чтобы он забрал своих подданных [соплеменников], находившихся близ Нерчинска, и запретил им меновую торговлю [с русскими]. Еще прошу приказать хэйлунцзянскому цзянцзюню продвинуться [с войсками] по реке и сухопутью, сделать вид, что мы собираемся напасть и захватить Яксу (Албазин), [на самом деле] в целях захвата хлебов на полях. Тогда русские вскоре сами окажутся в трудном положении, а подчинившихся им солонов и орочонов также будет трудно удерживать [92]. И если вновь послать легкую конницу, то уничтожить [русских] как будто бы будет легко» [22, цз. 115, 20а—20б; 27, цз. 6 (вводный), 3б; 78, 669].

На основе этого донесения был дан указ императора Канси, датированный в «Шилу» тем же числом, одобривший просьбу Мала и аналогичное предложение шивэя Гуаньбао и цзянцзюня Сабсу об уничтожении посевов в районе Албазина. Одновременно в указе рекомендовалось до отправки войск к Албазину послать туда людей и сообщить русским, что если они не уйдут оттуда, то будут истреблены цинскими войсками. В заключение Канси предложил доклад Малы переслать Цэцэн-хану для ознакомления, добиваясь от него, по-видимому, добровольного решения о запрещении монголам торговать с русскими в Нерчинске.

Итак, цинские власти решили сначала обречь русское население Приамурья на голод, уничтожив их посевы, а затем подавить военной силой. По существу, весь 1684 г. ушел на разведку и подготовку к походу.

Следует сказать, что маньчжурам не удалось в 1684 г. осуществить свой план уничтожения русских посевов. Об этом мы узнаем из донесения Сабсу, включенного в указ Канси от 25 февраля 1685 г. В нем Сабсу просил отложить поход против Албазина, мотивируя тем, что маньчжурские войска не смогут прибыть к месту назначения до уборки хлебов и поэтому выдвинутый ранее план уничтожения посевов не может быть осуществлен [27, цз. 6 (вводный), 7а; 78, 671]. В связи с этим донесением последовал указ Канси, который, ссылаясь на преж-

ние донесения Малы и самого Сабсу о необходимости и возможности уничтожения русских посевов, возлагал ответственность на Сабсу, упустившего благоприятный момент; ему предлагалось вновь доложить о причинах невыполнения прежнего указа императора об уничтожении посевов. Вслед за этим Сабсу признал свою вину [27, цз. 6 (вводный), 7б; 78, 672]. По указу Канси в Айхунь были отправлены дутун Вашань и шилан Гопи для обсуждения с Сабсу вопроса о возможности наступления на Албазин. Результатом этого обсуждения было совместное донесение Вашаня и Сабсу, в котором сообщалось о необходимости в мае 1685 г. продвинуться до Албазина и обратиться к русским с призывом перейти на сторону маньчжуров. Далее в донесении указывалось: «Если при умиротворении не удастся добиться покорности, тогда начнем наступление на город. Если город взять не удастся, мы будем придерживаться прежнего указа — потравим у русских посевы и вернемся назад» [27, цз. 6 (вводный), 8а; 78, 672] [93].

Одновременно с приказанием Пэнчуню и др. повести войска на Албазин, отданным 25 февраля 1685 г. после получения донесения Вашаня и Сабсу, Канси предложил членам Государственного совета обсудить текст грамоты, которую следовало направить русским до наступления на Албазин войск под командованием Пэнчуня. Государственный совет без исправления принял эту грамоту, и она была отправлена с русскими пленными в Албазин, Якутск, Селенгинск и через Джунгарию в Тобольск [111, 129—130].

Нет необходимости здесь приводить текст этой грамоты Канси [94]. В ней тенденциозно освещаются события в Приамурье, основной акцент делается на «бесчинства» русских казаков, подчеркивается «миролюбие» и «милосердие» Канси, который при «умиротворении» бассейна Амгуни помиловал и не казнил пленных русских, а также не решался уничтожить население Албазина, «заботясь» и «сочувствуя» ему. Канси в заключительной части грамоты без всякого основания требовал ухода русских из Албазина в Якутск и превращения последнего в границу между Русским государством и Цинской империей [27, цз. 6 (вводный), 10б] [95].

Итак, приведенные выше данные не оставляли никаких сомнений в том, что экспансионистские устремления цинского правительства были направлены не только на захват русского Приамурья, но и на овладение частью Восточной Сибири.

Ультимативный характер грамоты, угроза истребить население, если не будут выполнены требования Канси, желание укрепить Айхунь и Албазин в случае оставления последнего русскими казаками — все это свидетельствовало о твердом намерении цинских властей осуществить свои агрессивные цели. В июне 1685 г. цинские войска начали осаду Албазина [96]. Вскоре острог пал [97], не имея возможности противостоять во много раз пре-

восходящим силам маньчжурских войск[98], так как кончились боеприпасы, порох, свинец и среди защитников были большие потери (только за один день штурма Албазина его защитники потеряли убитыми более 100 человек [111, 132]). Согласно условиям капитуляции гарнизон Албазина был отпущен командованием цинских войск.

В указе Канси по случаю победы под Албазином содержались интересные признания, раскрывающие причины агрессивных действий Цинов: «Русские свыше 30 лет беспокоили районы наших (?!) Хэйлунцзяна (Амура) и Сунгари (Сунхуацзяна), а захваченные ими места находились весьма близко от мест возникновения нашей династии. Если их быстро не искоренить, то пограничное население, вероятно, не добьется спокойствия и мира. Я [император] начал управлять [государством] с тринадцатилетнего возраста и [тогда же] был озабочен этим. [Мы] тщательно разведывали географические условия их [русских] земель, протяженность дорог, а также характер и нравы их людей» [27, цз. 6, 17а; 78, 677].

В этом указе, если исключить необоснованные притязания на Амур, Цины признают, что русские уже свыше 30 лет владеют территорией, находившейся в сравнительной близости от вотчинных земель Цинов[99], и это их пугает. Далее указ признает, что территория, которой владеют русские, не известна Цинам и поэтому ее пришлось тщательно разведывать в географическом отношении.

В информации от 24 октября 1685 г. приводится указ Канси Цзиоло Лэдэхуну, в котором говорится: «Народ [русский], занимавший [Албазин] в течение 40 лет, в несколько дней был разбит, и город Якса (Албазин) возвращен» [27, цз. 6, 22а; 78, 680]. Это признание, сделанное в 1685 г., дает основание для вывода о том, что район Албазина никогда не был маньчжурским, так как в 40-х годах XVII в. влияние маньчжуров не распространялось на Амур.

Вскоре после захвата Албазина маньчжурские войска ушли оттуда, не уничтожив посевы. Трудно поверить утверждению китайца, бежавшего из маньчжурской армии и захваченного отрядом десятника Я. Телицына (посланным нерчинским воеводой И. Е. Власовым), о том, что возвращение маньчжуров из-под Албазина объяснялось тем, что «...де никанские люди на китайского царя идут войной» [цит. по: 111, 135]. В июле — августе 1685 г. никакого крупного восстания китайского народа не было и ничто не угрожало маньчжурскому господству. В конце августа 1685 г., т. е. вскоре после ухода маньчжурских войск из района разрушенного Албазина, туда вернулись казаки во главе А. Л. Толбузиным, которые начали отстраивать крепость на старом месте [111, 136].

Цинские власти узнали о возвращении русских в Албазин, по-видимому, только в начале 1686 г. из донесения Сабсу, полу-

чившего сообщение об этом от гиляка. Во всяком случае, в китайском источнике информация, в которой приводится доклад Сабсу, указания Канси о необходимости получения более точных сведений с помощью разведки и донесения ланчжуна Маньбэя с сообщением о допросе русского пленного, датируется одним числом — 7 марта 1686 г., хотя все эти события происходили в разное время. В показании русского пленного, которое цитирует ланчжун Маньбэй в своем донесении, сообщается, что в прошлом году [100] по приказу нерчинского воеводы Алексей (по-видимому, А. Л. Толбузин) во главе более 500 человек отправился в Албазин для того, чтобы на старом месте построить город. Пленный также показал, что собранного урожая в районе Албазина русским «вполне хватит на два года» [27, цз. 7, 2а; 78, 681].

В этой же информации приводится указ Канси, согласно которому Сабсу во главе 2 тыс. воинов должен отправиться на штурм Албазина и захватить его [27, цз. 7, 2б; 78, 681].

Таким образом, весной 1686 г. начался новый поход маньчжурских войск против Албазина, а в начале июля острог вновь был осажден. Пять месяцев маньчжурские войска безуспешно атаковали Албазин, неся большие потери [101].

По-видимому, Канси не рассчитывал на столь длительное и упорное сопротивление сравнительно небольших сил защитников Албазина, к тому же потерявших своего руководителя, А. Л. Толбузина, который на пятый день боев был тяжело ранен, а через несколько дней умер [111, 140].

Видимо, неудачи под Албазином вынудили Канси пойти на дипломатические переговоры с русским правительством. Еще 14 сентября 1686 г. [102] Канси дал указание Государственному совету составить грамоту и отправить ее русскому царю. Очевидно, содержание указа легло в основу грамоты [103], как это бывало и прежде. Указ тенденциозно освещает события в Приамурье [104].

Однако в нем содержались и новые мотивы — он свидетельствовал о некотором изменении позиций Канси по вопросу об установлении границ. Правда, Канси по-прежнему настаивал на оставлении русскими Албазина и Нерчинска, но он уже не говорил о границах в районе Якутска, как это было высказано в указе от 25 февраля 1685 г.

По-видимому, урок, преподанный маньчжурским войскам под Албазином, вынудил цинские власти быть более гибкими. Тем более, что осада Албазина по-прежнему не приносила Цинам успеха, она грозила перерасти в затяжную войну, на что цинское правительство не рассчитывало. Надвигающаяся зима ставила новые задачи перед армией — как прокормить лошадей, как укрыть суда, на которых прибыли войска, что предпринять, чтобы албазинцы не получили подкрепления из Нерчинска, и т. д. и т. п.

В связи с этим 12 октября 1686 г.[105] Канси потребовал секретно доложить ему, как выполняются поставленные им задачи. Сабсу сообщил, что с трех сторон Албазина вырыты рвы и построены укрепления, выделены специальные войска, которые не должны допустить получения подкрепления из Нерчинска. Кроме того, в 6—7 ли от Албазина вверх по реке выбрана удобная бухта для укрытия кораблей, которые будут охраняться специально выделенным отрядом, на него же возлагается обязанность не допустить получения подкрепления русскими. Сабсу предложил отправить больных и истощенных лошадей в Айхунь и в Мэргэнь, а находящиеся там мукденские войска должны выделить для них фураж. В ответ на это донесение Канси указал, что лошадей, отправляемых в Мэргэнь, должен обеспечить фуражом солонский цзунгуань Хунцзи, а лошадей, направляемых в Айхунь, — командование войск Айхуня [22, цз. 127, 12а—15б; 27, цз. 7, 4б—5б; 78, 683].

Однако приготовления к зимней кампании против Албазина оказались излишними. Войну оружием сменила война дипломатическая. Послание Канси, отправленное в конце февраля 1685 г., дошло до русского правительства[106], и хотя оно содержало ультимативные требования, все же открывало путь для дипломатических переговоров. Русское правительство учитывало невыгодное для России соотношение сил в Приамурье, а также более благоприятные для Цинов условия коммуникаций и сравнительную близость от центров снабжения войск.

В декабре 1685 г. в Москве был подписан указ о назначении окольничего и наместника брянского Ф. А. Головина великим и полномочным послом для ведения переговоров с Цинами. Ему предоставлялись широкие права и административная власть в отношении защиты русских владений в Забайкалье и Приамурье. В помощь Головину были направлены: вторым послом — нерчинский воевода И. Е. Власов, третьим послом — дьяк Семен Корницкий. В свите посла было пять молодых дворян, переводчик латинского языка Андрей Белобоцкий и трое подьячих [56, 49—50; 199, 128; 78, 71, 762]. Для извещения цинского правительства о предстоящем отъезде русских послов — окольничего Ф. А. Головина с товарищами — на посольский съезд 20 декабря 1685 г. из Москвы в Пекин выехали подьячие Посольского приказа Никифор Венюков и Иван Фаворов [56, 43].

В грамоте, посланной с Н. Венюковым и И. Фаворовым, русское правительство упрекало Канси в том, что он начал войну, не сообщив о причинах, и потребовало отвода маньчжурских войск из русских владений. Далее, сообщая об отправке русских послов, московское правительство просило цинского императора направить своих послов на посольский съезд. В наказе Н. Венюкову и И. Фаворову предписывалось выяснить намерения цинского императора и условия прекращения войны [56, 41—42].

Миссия гонцов увенчалась успехом. В Пекин они прибыли 31 октября 1686 г., а 4 ноября 1686 г. им передали от имени Канси, что император дал указание отвести войска от Албазина и прекратить военные действия [56, 45]. В грамоте Канси, посланной русскому царю с Н. Венюковым и И. Фаворовым [107], еще раз подтверждалось, что маньчжурские войска отведены от Албазина и что цинский император согласен на переговоры, при этом он выразил надежду, что будет достигнут мир и установлены границы между обоими государствами [108].

Приезд в Пекин русских гонцов и их переговоры нашли отражение в китайских источниках. В «Шилу» в информации за 13 ноября 1686 г. приводятся перевод грамоты русского царя на китайский язык и указ Канси по этому поводу, написанный в обычном китайском стиле и подтверждавший обещание снять осаду Албазина. Указ гласил:

«Белый царь Русского государства, соблюдая этикет, [стремится к поддержанию] хороших (добрососедских) отношений. Прислал спешно гонцов просить о снятии осады с Яксы. Мы [император] первоначально не имели намерений уничтожить [население] города. Желаем великодушно освободить [город].

Приказываем Сабсу и другим отвести войска от Яксы, собрать [их] в одном месте, поставить лагерь близ военных кораблей. Вместе с тем разъяснить императорский указ русским, находящимся в городе. Разрешить им выезд [из города] и въезд [туда], не допуская произвола и захватов (грабежей). После прибытия следующего русского посла приступим к переговорам» [22, цз. 127, 24а—24б; 27, цз. 7 (вводный), 7а—7б; ср. 78, 684]. В другой информации, за 20 ноября 1686 г., сообщается о приеме во дворце Тайхэмынь, где гонцы «совершили церемонию» (вероятно, девятикратный земной поклон с коленопреклонением) [22, цз. 127, 25б] [109].

Получив приведенный выше указ Канси о снятии осады Албазина, командование маньчжурскими войсками хотя и прекратило штурм города, но в течение длительного времени держало войска в непосредственной близости от него в укрепленном лагере. Лишь 19 августа 1687 г., получив извещение от Очирой Саин-хана о прибытии к границам его владений Ф. Головина с посольством, Канси дал указание Сабсу отвести войска до наступления холодов в Айхунь и Мэргэнь, оставив дозоры в важнейших пунктах [22, цз. 130, 23а—23б; 27, цз. 7 (вводный), 8а; 78, 684].

Однако и после этих указаний Канси держал войска наготове сравнительно недалеко от Албазина. Соглашаясь на переговоры с русскими представителями об установлении границ, Канси стремился создать перевес в военных силах на Амуре, чтобы держать под угрозой нападения русские владения в Приамурье и оказывать давление на ход переговоров. Об этой тактике Канси свидетельствует его указ шаншу Военной палаты

Ордо и др., датируемый в «Шилу» 28 ноября 1687 г. Указ посвящен снабжению продовольствием войск в Айхуне и других пунктах на Амуре, причем этот вопрос связывается с операциями против русских. Канси, ссылаясь на опыт прошлого, когда были отправлены в поход против русских владений войска под командованием Шархуды и др., потерпевшие поражение, делает вывод: «Если продовольственных запасов будет недостаточно, то не сможем добиться успеха» [22, цз. 131, 16б—17а]. Далее Канси указывает: «Если ныне мы сделаем большие запасы продовольствия и [поставим] постоянные гарнизоны правительственных войск, то наши войска смогут закрепиться, а русские войска окажутся в трудном положении» [22, цз. 131, 17б].

Канси стремился прочно утвердиться на Амуре, намереваясь держать там постоянные маньчжурские гарнизоны. В противном случае, по мнению Канси, население Сунгари и Амура нельзя будет подчинить Цинам [22, цз. 131, 17б].

В информации «Шилу» от 3 апреля 1688 г. сообщается, что Канси назначил послами для переговоров с Ф. А. Головиным линшивэя нэйдачэня Сонготу (Соэту), дутун-гуна (дядю императора по материнской линии) Тунгогана (Дунгогана), шаншу Арни, цзоду-юйши Маци, хуцзюнь-тунлина Малу и др. С ними было отправлено 800 воинов из различных частей [22, цз. 134, 3а—3б; 27, цз. 8, 1а—1б; 78, 685].

Перед отъездом цинских представителей на переговоры с Ф. Головиным им был дан наказ Канси, датированный в «Шилу» 30 мая 1688 г. Нет необходимости приводить его целиком, так как значительная его часть посвящена краткому пересказу событий в Приамурье, о которых уже говорилось в этой главе, а также характеристике Амура, его значения в системе коммуникаций на Дальнем Востоке. При этом в наказе Канси без всяких оснований утверждалось, что земли близ Амура и рек, впадающих в него, якобы населены цинскими подданными — орочонами, гольдами, гиляками и др. [22, цз. 135, 15а—15б; 27, цз. 8, 2а—2б; 78, 685]. В наказе утверждалось:

«Если [мы] не заберем их [эти места] целиком, то пограничное население не получит в конце концов спокойствия.

Мы считаем, что Нерчинск, Якса (Албазин), верхнее и нижнее течение Хэйлунцзяна, а также реки и ручьи, впадающие в эту реку, — все эти земли принадлежат нам. И нельзя [даже] малую [толику] их оставлять России.

Бежавшего от нас Гантимура и трех цзолинов, а также бежавших позднее по 1—2 человека следует потребовать вернуть обратно.

Если Россия поступит в соответствии с [нашими] указами, т. е. вернет этих беглецов, тогда и мы возвратим их людей, захваченных в плен нашей великой армией и перетянутых на нашу сторону. Определив и установив границы, разрешим им посылать послов и торговать.

В противном случае Вы возвращайтесь, не следует вести с ними переговоры о мире» [22, цз. 135, 15б—16а; 45, цз. 41, 13а; 27, цз. 8, 2а—3б; ср. 78, 685] [110].

В тот же день Сонготу и другие послы отправились в путь. Но так как вскоре пришло известие о начавшейся войне между халхасами и ойратами [111], то вдогонку за послами были направлены шивэи Куасай и Гуаньбао с приказом вернуться и остановиться на пограничных постах, в то же время Сонготу было предложено отправить к Головину гонца с уведомлением о причинах задержки цинских послов. В дальнейшем Сонготу был возвращен в столицу [22, цз. 135, 16а; 27, цз. 8, 3б; 78, 685]. Гонцы от цинских послов прибыли в Селенгинск 1 августа 1688 г. Они уведомили Ф. А. Головина о невозможности начать переговоры в этом году из-за войны с Халхой и просили перенести срок встречи послов на лето следующего года [199, 142].

Приведенный выше наказ свидетельствовал о том, что Канси не оставил агрессивных намерений захватить все русское Приамурье, но теперь он пытался сделать это дипломатическими средствами. Цинское правительство требовало не только Нерчинск и Албазин, но весь бассейн Амура, а также земли бассейна Амгуни, Буреи и Зеи.

Конечно, русское правительство, отправляя своих послов на переговоры с цинскими полномочными представителями, хотя и стремилось к установлению прочного мира на Амуре, но не любой ценой. Оно не собиралось отдавать Цинам Приамурье, являвшееся в течение 40 лет владением России. Об этом свидетельствовали указы от 12 и 16 декабря 1685 г., данные по случаю назначения посольства Головина. В указах говорилось о необходимости «успокоения ссор и унятия своевольных людей», о восстановлении сожженных маньчжурами Албазина и других острогов, «а буде китайцы в тех местах городов и острогов строить ему не дадут, и ему (Головину. — *Л. Д.*) промышлять и радеть о том всячески» [цит. по: 56, 50].

По вопросу установления границ Ф. А. Головин получил строгий наказ, который предусматривал: «...учинить непременно рубеж по реке Амуру, давая знать, что, кроме оной реки, издревле разделяющей оба государства, никакая граница не будет крепка... А буде китайцы той границы по Амур учинить не похотят, то по последней мере учинить границу рекою Амуром по реку Быструю (Бурея. — *Л. Д.*) или Зею, в Амур впадающие. Буде же и в сем поупрямятся, то по самой последней мере быть границею Албазину, а промыслы иметь по реке Амуру, Быстрой и по Зее. Буде же и на сем не захотят учинить мира, то поступать им, послам, по наказу о полномочных делах» [цит. по: 56, 50—51] [112]. Как видно из приведенной цитаты наказа, московское правительство не собиралось отдавать Цинской империи своих владений на Дальнем Востоке.

Мы не касаемся других пунктов наказа (об обмене послами,

о торговле, об обмене беглыми [113], о титулатуре в грамотах обеих сторон и др.), так как они не являлись главными в предстоящих переговорах.

При сопоставлении позиций московского и цинского правительств, а о них можно судить по наказам послам обеих сторон, напрашивается вывод о том, что предстоящие переговоры должны быть напряженными и сложными. Такими они и были.

25 октября 1687 г. Ф. А. Головин прибыл в Селенгинск, где ему пришлось заниматься урегулированием русско-монгольских отношений. Это было связано с тем, что монгольский Тушэту-хан Чихунь-Доржи потребовал передать ему в подданство прибайкальских ясачных людей (так называемых братских людей, т. е. бурятов). После отказа Ф. А. Головина, заявившего, что братские люди уже свыше 50 лет платят ясак русским государям и никогда не были в подданстве у монголов [56, 55; 78, 243, 262], монгольские войска в январе 1688 г. напали на Селенгинск и Удинск [56, 55]. Несмотря на превосходство в военных силах, халхаские войска были разбиты сначала под Удинском, а затем под Селенгинском. Лишь к 21 марта 1688 г. была снята осада Селенгинска. Однако Ф. А. Головин, не без основания опасавшийся нового нападения монгольских войск под воздействием и по наущению Канси, пытавшегося ослабить позиции России в Забайкалье, вынужден был заняться укреплением Удинска и Селенгинска [114].

Положение в Забайкалье окончательно изменилось в пользу России к середине 1688 г., после начала халхасо-ойратской войны. Разгром Галданом войск Тушэту-хана Чихунь-Доржи, его братьев и других монгольских феодалов и последовавшее за этим занятие джунгарским ханом Северной Монголии (Халхи) в корне изменили положение и на Дальнем Востоке.

В этих условиях Ф. А. Головин медлил с отъездом в Приамурье. По-видимому, причин тому было несколько. Во-первых, война в Халхе привела к большому наплыву оттуда в Забайкалье беженцев, которых надо было устроить, принять в русское подданство и устранить возможность стихийных выступлений и грабежей с их стороны. Ф. А. Головину к тому же пришлось усмирять враждебных монгольских ханов в сентябре 1688 г., отправившись в поход за 200 *км* от Удинска. Во-вторых, предложение цинских послов (о котором говорилось выше) перенести переговоры на 1689 г. позволяло Головину не торопиться с выездом в Нерчинск или Албазин. По мнению В. А. Александрова, с которым можно согласиться, была еще одна причина — это опасение, что весной 1689 г. цинские войска совместно с остатками войск Тушэту-хана вторгнутся в Халху и вытеснят оттуда силы Галдана, что могло создать угрозу коммуникациям в Забайкалье и отрезать русские войска в Приамурье от их резервов в Прибайкалье [111, 172].

Как бы там ни было, Ф. А. Головин лишь 24 июня 1689 г. от-

правился из Ильинской слободы в Нерчинск, куда прибыл 9 августа 1689 г. [56, 61]. Цинские послы, судя по информации, помещенной в «Шилу» за 13 июня 1689 г., направились из Пекина в Нерчинск и прибыли туда 29 июля 1689 г. (19 июля 1689 г. по юлианскому календарю [199, 157], т. е. на 20 дней раньше Ф. А. Головина. Как указывается в «Пиндин лоча фанлюэ», численность конвоя маньчжурского посольства была увеличена по сравнению с первым выездом. Было приказано отправить к месту переговоров еще 1500 воинов из Айхуня с полным боевым вооружением, которые должны прибыть к Нерчинску водным путем [22, цз. 140, 30б; 27, цз. 8, 4а; 78, 686].

Перед выездом цинских послов на переговоры с русскими их инструктировал Канси [115]. Эта инструкция цинского императора изложена в докладе Сонготу: «Коль скоро Нерчинск и Якса являются местами проживания наших подданных [116], мы [подданные] просим, как было решено прежде, считать Нерчинск границей. И все земли внутри него (прилегающие к Нерчинску. — *Л. Д.*) целиком вернуть нам» [22, цз. 140, 30а; 27, цз. 8, 4а; 78, 686]. В связи с этим Канси указал: «[Если] ныне Нерчинск считать границей, то отправляемые Россией для торговли посланцы не будут иметь места для пристанища и [такое] положение затруднит взаимные связи. В начале переговоров Вы должны по-прежнему [предложить] Нерчинск сделать границей. Если же их посол будет настойчиво требовать Нерчинск, то тогда можно границей сделать р. Аргунь (Эргуна) [22, цз. 140, 30б; 27, цз. 8, 4а; 78, 686].

Таким образом, самые последние инструкции Канси относительно установления границ, переданные цинским послам незадолго до начала переговоров, были как будто бы более умеренными, чем прежние. Однако если исходить из доклада Сонготу, приведенного выше и не отвергнутого цинским императором, то Цины по-прежнему претендовали и на Нерчинск, и на Албазин, т. е. на территорию, которая никогда не принадлежала маньчжурским ханам.

Во всяком случае, было совершенно очевидно, что Канси не отказался от своих экспансионистских устремлений, хотя и пришлось учитывать изменение политических условий в Северной Монголии, где к началу переговоров между русскими и цинскими представителями Цины лишились опоры в лице своих ставленников — Тушэту-хана Чихунь-Доржи и др. — и потеряли союзника в борьбе против России.

Последние указания Канси цинским послам легли в основу предложений маньчжурской стороны на переговорах в Нерчинске, которые начались 12/22 августа 1689 г. [117]. Нет необходимости подробно рассказывать о них, так как они достаточно полно освещены в нашей литературе [56, 61—66; 78, 506—599; 111, 187—195; 182, 104—126; 199, 162—205].

Следует лишь сказать, что переговоры происходили в край-

не неблагоприятных условиях для русской стороны: в нарушение предварительного соглашения о равном числе войск для охраны посольства обеих сторон (до 500 человек) маньчжуры сосредоточили вокруг Нерчинска свыше 15 тыс. человек, что в несколько раз превышало численность русских войск. Доставка продовольствия и пополнение войск Ф. А. Головина были крайне затруднены из-за отдаленности центров снабжения.

К началу переговоров цинским войскам удалось изолировать Албазин, захватив приамурское побережье, сконцентрировать там значительный флот и фактически установить свой контроль на Амуре. При таких военно-тактических условиях и соотношении сил создалась реальная угроза потери не только Албазина и Нерчинска, но и всего Приамурья. Естественно, что Канси стремился использовать благоприятную для переговоров обстановку и скорее заключить с Россией выгодный для него договор о границах на Дальнем Востоке, чтобы развязать руки для борьбы с Галданом за Северную Монголию.

Переговоры проходили в условиях фактической осады Нерчинска маньчжурскими войсками, шантажа и провокаций, угроз расправиться с русскими послами [111, 187—188; 199, 172—177]. В первый же день маньчжурская сторона предъявила такие требования, которые, даже по признанию одного из членов цинского посольства, иезуита Жербийона (выступавшего в роли переводчика на посольском съезде в Нерчинске, но фактически являвшегося одним из советников при маньчжурских послах), были неприемлемыми [118]. Цинские послы потребовали, чтобы русские ушли за р. Селенгу и уступили Нерчинск, Албазин и территорию Забайкалья, на которые маньчжуры якобы имеют исторические права на том основании, что некогда эти земли принадлежали монгольским ханам, в частности Чингисхану, а монголы издавна являются подданными маньчжурского императора [56, 62; 199, 164, 166; 111, 188; 78, 510—512; 112, 17]. Ф. А. Головин отклонил эти требования, доказав их необоснованность, и предложил в качестве границы р. Амур. На следующей встрече 13/23 августа маньчжурские послы уже не требовали Забайкалья, они предъявили претензии на Приамурье, «любезно» уступая русским Нерчинск в качестве базы для торговли с Цинской империей. Отказавшись принять это требование и в саркастическом тоне поблагодарив цинских послов за их любезное решение не прогонять русских из Нерчинска и дать им возможность спокойно поспать [78, 752; 206, 164], Ф. А. Головин внес предложение провести границу по притоку р. Амура — Зее, так чтобы, начиная от р. Зеи, левая сторона Амура отошла к России, а правая — к Китаю [56, 62; 199, 170; 78, 518—519]. Это предложение русских было отвергнуто маньчжурской стороной. Цинские послы пригрозили прекратить переговоры. После встречи русских представителей с иезуитами (Жербийоном и Перейрой), сообщившими, что, если русские не уступят Албазина с

прилегающими к нему землями, маньчжурская сторона не подпишет договора, так как у них имеется приказ Канси требовать от русских Албазин, Ф. А. Головин просил иезуитов передать маньчжурским послам, чтобы они сообщили ему их последнее предложение. Новое предложение маньчжурской стороны — установить границу по р. Шилке до р. Черной (притока Шилки) — также было отвергнуто Ф. А. Головиным.

Вслед за этим цинские послы в целях давления на русское посольство прибегли к военной угрозе: окружили Нерчинск своими войсками. Осада продолжалась с 24 по 27 августа. Немногочисленные русские войска оказались отрезанными от коммуникаций и лишенными помощи извне. Колонны цинских войск в полном вооружении и с развернутыми знаменами дефилировали перед немногочисленными защитниками Нерчинска, демонстрируя свою готовность к штурму его. Маньчжурское командование часть войск перевезло через р. Шилку, а военный флот подвело к самому Нерчинскому острогу, угрожая ему обстрелом из пушек.

В этих условиях осады и угрозы военного штурма города А. Ф. Головин вынужден был пойти на новые уступки. Русские послы 20/30 августа сообщили, что они согласны установить границу там, где построен Албазин, а сам город разрушить, вывезя оттуда русских ратных людей. Но при этом послы предложили: «И в Албазине городу и поселению никакому в том месте ратным людем с обоех сторон, как с стороны царского величества, так и стороны багдыханова высочества ныне и впредь не быть» [78, 533].

Цинские послы ответили отказом на предложение русской стороны [78, 534]. На другой день утром (21/31 августа 1689 г.) русская миссия уведомила о своем согласии на установление границы от Албазина по Амуру и далее по р. Аргуни, с сохранением русского острога на Аргуни [78, 534—536]. На это предложение маньчжурская сторона не ответила. Затем цинские послы внесли новые предложения, по их словам — последние, состоящие из пяти пунктов. Они были предложены вечером 21/31 августа 1689 г. и заключались в следующем: 1. Границу установить по р. Горбице, которая впадает в р. Шилку недалеко от р. Черной, а далее по р. Аргуни до впадения в нее с левой стороны Большого Гадзимура (Годзимура). 2. Русский острог на Аргуни перенести с правой стороны на левую, и впредь там больше русских поселений и крепостей не строить. 3. Албазин разорить, жителей и их имущество вывезти оттуда на территорию русских. 4. Решить все спорные дела, не ограничиваясь вопросом установления границ. 5. Подданным обоих государств границы не переходить. Что касается торговли, то после заключения мирного договора русские купцы с разрешения императора смогут вести вольный торг, а китайским купцам в Россию ходить не за чем [78, 537—538; 199, 177].

Русские представители в принципе согласились с предложением о границе по рекам Горбице и Аргуни и 23 августа/2 сентября представили свой вариант текста будущего договора, по которому граница по р. Горбице должна была идти «в вершине до первого камени», т. е. до первого горного хребта; по Аргуни граница намечалась до самых вершин этой реки, исключая оз. Далай. Маньчжурская сторона согласилась с этим проектом, отклонив предложение о совместных промыслах на уступаемой русскими территории, но дав согласие не строить на месте Албазинского воеводства никаких населенных пунктов, не заселять его [78, 545—547]. Казалось бы, обе стороны пришли к соглашению по основным, главным вопросам будущего договора и оставалось решить лишь детали. Однако цинские дипломаты вошли, что называется, во вкус. Они, по-видимому, решили, что, добившись всего того, что хотел Канси, смогут добиться большего, принудив русских послов к новым территориальным уступкам.

В представленном маньчжурской стороной тексте мирного договора уже после того, как обе стороны в принципе договорились о границе по Горбице и Аргуни, цинские послы добивались, чтобы граница по Горбице шла не только до вершины ее — первого горного хребта, но и далее по горам на северо-восток до моря, заканчиваясь у мыса Святой Нос [78, 554] [119]. Как указывает П. Т. Яковлева, это означало, что Россия должна уступить не только свои владения по Амуру, но и обширный заселенный район по реке Уде и побережью Охотского моря [199, 181]. Ф. А. Головин не стал обсуждать эти новые нелепые требования, безрассудность которых понимали и иезуиты — члены цинского посольства. Так, Жербийон в своем дневнике, критикуя позицию цинских послов, указывает на то, что они не имели понятия о мысе Святой Нос и были поражены, когда иезуиты объяснили им, какая огромная территория простирается до этого мыса. Как указывалось выше, на картах цинских послов этот мыс не обозначен — они видели его на русской карте, которую им показывал Ф. А. Головин.

Осознав свою оплошность и непомерность требований, ими предъявленных, в результате чего переговоры могли быть сорваны по их вине, цинские послы пошли на попятную. Они направили иезуитов к русским с предложением возобновить прерванные переговоры [78, 756].

Отказ цинских послов от своих последних требований объясняется, конечно, не тем, что иезуиты объяснили им неправомерность этих требований, а прежде всего твердой позицией Ф. А. Головина, заявившего, что он не имеет никаких полномочий не только решать вопрос о территории, на которую предъявили претензии цинские послы, но даже обсуждать его. Ф. А. Головин при этом указал, что русские послы стремятся к миру, но если маньчжуры будут отстаивать свои требования

военными средствами, то русские будут защищаться [78, 560]. Ф. А. Головин предложил решение вопроса о некоторых неразмежеванных землях отложить на будущее, на более благоприятное время, когда обе стороны смогут вести переговоры [199, 182; 78, 559, 561]. Это предложение было принято.

26 августа/4 сентября московские послы представили окончательный вариант текста мирного договора. По нему граница от верховьев Горбицы проходила по горному хребту, ближайшему к р. Амур и идущему параллельно ей. С этим вариантом маньчжурская сторона в основном согласилась, возразив лишь против включения в договор пункта о том, чтобы на месте Албазина обе стороны не восстанавливали никаких поселений [78, 565—566, 568]. Последующие два дня ушли на согласование формулировок и окончательное приготовление двух дубликатов договора на латинском языке. Торжественная церемония подписания договора послами обеих сторон состоялась 29 августа/7 сентября 1689 г. [120], причем каждая сторона при получении двух экземпляров договора, подписанных другой стороной и заверенных печатью ее, давала клятву о соблюдении мира.

Так был заключен Нерчинский договор, по которому граница между Цинской империей и Россией была установлена по рекам Аргуни и Горбице. Территория между р. Удой и побережьем Охотского моря, низовьем Амура и Приморьем не была разграничена. Аргунский острог подлежал переносу с правого берега Аргуни на левый. Албазин по договору должен был быть разрушен, жители его подлежали выселению [78, 583—584, 593—594, 645—646, 649—650; 78а, 9—11] [121].

Территориальные статьи Нерчинского договора были навязаны России силой, в результате чего царская Россия вынуждена была уступить Цинской империи значительную территорию — земли по правому берегу р. Аргуни и по обоим берегам Амура от р. Горбицы вплоть до устья р. Буреи [112, 17], которые входили в состав России в течение 40 лет.

Собственно, цинские власти сами признавали, что по Нерчинскому договору они получили земли, не принадлежавшие им. Так, в решении членов Государственного совета по докладу Сонготу о результатах переговоров в Нерчинске [122] всячески подчеркивалась «гуманность» Канси, согласившегося снять осаду с Албазина и давшего указания своим сановникам «разъяснить им [русским] принципы справедливости», и указывалось: «И тогда подданные Русского государства почувствовали великую милость и стали склоняться к цивилизации, целиком следуя прежней договоренности [123]. [Наши] сановники указали [им], [где] установить их границу [124], добившись [того, что] земли на пространстве нескольких тысяч ли [125], находящиеся на северо-востоке и прежде не входившие в [состав] Китая, все [теперь] присоединены к территории [нашей] страны» [22, цз. 14з, 15б; 27, цз. 8, 5б; 78, 47, 686].

Цинское правительство, осуществляло неполный суверенитет в отношении территории Приамурья, отошедшей к Цинской империи, так как его уполномоченные при заключении договора дали устное обязательство не заселять Албазинский район, которое выполнялось до конца XVIII в.

Во многих отношениях Нерчинский договор нуждался в пересмотре и уточнении, что давало русскому правительству право при соответствующих условиях ставить вопрос об отмене его или замене другим соглашением.

Резюмируя изложенное выше о внешней политике цинского государства в отношении России, следует отметить: Цинская империя, будучи в XVII в. сильнейшим государством Восточной Азии, проводила в отношении всех своих соседей, в том числе и России, агрессивную политику, стремясь к расширению своей территории. Используя благоприятное для себя соотношение сил и выгодные военно-стратегические условия на Дальнем Востоке, цинское правительство захватило к концу 80-х годов XVII в. часть русских владений в Приамурье, что нашло отражение в Нерчинском договоре, навязанном России силой.

Последний, хотя и положил начало официально регламентированной торговле и процессу разграничения между Россией и Цинской империей, вследствие ущемления территориальных интересов Русского государства привел к обострению противоречий между обеими странами. По этому договору Цинская империя без каких-либо оснований получила значительную территорию в Приамурье, а ряд вопросов между двумя соседними государствами не был разрешен, в частности на значительной территории вообще не была установлена граница. Все это обусловило необходимость пересмотра в будущем Нерчинского договора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные выше сведения позволяют сделать некоторые выводы. Прежде всего, следует указать, что Цинское государство со второй половины XVII в., превратившись в Цинскую империю, стало сильнейшей державой в Восточной Азии и одной из могущественнейших стран мира. Ее нельзя считать объектом колониальной эксплуатации со стороны европейских государств, их жертвой. Цинская империя, будучи изолирована от мировых держав, в Восточной и Юго-Восточной Азии сама диктовала условия другим государствам, была политически господствующей державой.

Она закрыла доступ в Китай европейским странам и имела в XVII в. внешние связи лишь с Голландией, и то ограниченные, рассматривая ее как своего «вассала» и допуская приезд голландских послов в империю лишь в определенные сроки (раз в пять лет) для представления «дани», фактически же для ведения торговли.

В то же время в отношении государств и народов Восточной и Центральной Азии Цинская империя проводила экспансионистскую, агрессивную политику не только методами дипломатии, но, как правило, для достижения своих целей провоцировала против соседних народов войны, приводившие или к захвату территории, или к превращению побежденных в вассалов Цинской империи. Ярким примером этого могут служить Южная Монголия, Халха и Корея.

Характерно, что процесс подчинения различных народов, этнически и в языковом отношениях ничего общего не имевших с маньчжурами, включения их в состав подданных империи или ее вассалов сопровождался широкой пропагандой тезиса об общности народов, о создании одной семьи их под руководством правителя Вселенной — того или иного маньчжурского императора.

Интересно, что эти великодержавные идеи, заимствованные маньчжурскими правителями у далеких средневековых китайских императоров, и агрессивная захватническая политика феодальных властителей, которую эти идеи оправдывали, нашли поддержку у современных китайских националистов.

Несмотря на дифференцированный подход к разным народам

к странам, на применение различных методов и форм дипломатии, приведенные выше материалы показывают, что в основе всех этих методов лежала традиционная китайская политика, применявшаяся на протяжении всей истории Китая. Она получила в китайских источниках еще в древнее время весьма образное и четкое наименование: «и и чжи и», т. е. «с помощью варваров подчинять варваров», другими словами, ее можно назвать политикой «разделяй и властвуй».

Цель этой политики в начале XVII в., когда маньчжурское государство еще только складывалось, заключалась в том, чтобы не допускать существования вблизи своих границ сколько-нибудь сильного и крупного государственного или племенного объединения, добиваться раздробленности и ослабления таких объединений и в конечном счете превращения их в своих вассалов, которые, будучи ослабленными и разделенными, не смогли бы нападать на цинское государство, но служили бы буфером и своеобразным форпостом, с которого можно было бы осуществлять дальнейшую экспансию.

После захвата Собственно Китая и создания мощной Цинской империи политика «с помощью варваров подчинять варваров» служила цели расширения империи, захвата новых территорий и народов, создания плацдарма для будущего прыжка на запад — в сторону Средней Азии и Казахстана, что осуществлялось в XVIII в. Эта генеральная линия внешней политики Цинской империи проводилась с учетом конкретно-исторических условий каждой страны, с которой она сталкивалась, различными методами и формами, но имевшими одну суть — ослаблять намеченную жертву, создавая внутренние трудности для нее, натравливая друг на друга различные этнические группы и социально-политические силы и используя их борьбу в интересах Цинской империи.

В предлагаемой работе уже приводилось много конкретных примеров проведения в жизнь цинским правительством этой политики «разделяй и властвуй». Результатом осуществления ее во второй половине XVII в. было активное использование раздробленности Халхи, центробежных сил ее, борьбы феодальных правителей и превращение их сначала в своих номинальных вассалов, а затем к концу столетия захват Халхи и включение ее в состав империи.

То же самое удалось осуществить маньчжурскому императору Канси и в отношении Джунгарского ханства, кукунорских и алашаньских ойратов — натравить их феодальных владетелей друг на друга и вызвать борьбу их между собой, ослабить правителя Джунгарского ханства Галдан-Бошокту-хана, нанести ему поражение и в конечном счете значительно подорвать силы и влияние этого ханства и усилить свои позиции в Кукуноре и Тибете.

По тем же причинам Цинская империя поддерживала сепа-

ратизм Каобанга, пытаясь этим ослабить Вьетнам и не допустить существования близ своих границ централизованного и сильного в военном отношении государства.

По существу, такую же политику — «разделяй и властвуй» — цинское правительство пыталось проводить и на Дальнем Востоке в отношении России, стремясь переманить на свою сторону ее подданных, плативших ясак, натравить одни племена на другие, стараясь вызвать обострение национальных противоречий между русскими и коренным населением Приамурья. Однако здесь их политика потерпела крах. И они вынуждены были сделать ставку на военную силу, на агрессивную войну, направленную на прямой захват русских владений. Но когда и эти попытки в целом потерпели поражение, цинские власти вынуждены были перейти к мирным переговорам, сопровождая их военными демонстрациями и шантажом. В этом также нашла свое яркое проявление агрессивная внешняя политика Цинской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

[1] Общая характеристика издания впервые была приведена американским синологом К. Биггерстаффом [202], которому принадлежит также ценное исследование по сравнению материалов «Да Цин личао шилу» с другой обширной по объему исторической хроникой цинского периода—«Ши чао Дунхуа лу» («Записки из павильона Дунхуа о десяти императорах») (о ней см. далее). Однако описание, сделанное К. Биггерстаффом, не совсем точно ввиду того, что автор объединяет вводные и основные главы труда. Названия отдельных частей труда также даются К. Биггерстаффом только в условно сокращенном виде.

[2] Как в западном, так и в советском китаеведении по традиции маньчжуро-цинских государей называют по девизам правления, а не по личным или храмовым именам, присваиваемым каждому императору после его смерти. Мы в своей работе лишь первых маньчжурских правителей называем по имени — Нурхаци (1616—1626) и Абахай (1627—1643), а последующих — по девизам их правлений, например, император Шуньчжи (1644—1661), император Канси (1662—1722) и т. д.

[3] Мы применяем понятия «Северо-Восток» и «Маньчжурия» как географические, в более узком смысле, чем современное название Дунбэй (Северо-Восток КНР) и появившееся с конца XIX в. название Маньчжурия, так как в XVII в. власть Цинской империи распространялась в основном на южную и центральную части Дунбэя.

[4] В энциклопедическое троекнижие китайцы включают работы: Ду Ю «Тундянь» («Полный свод») (VIII в.), Чжэн Цяо «Тунчжи» («Полное описание») (XII в.) и Ма Дуань-линя «Вэнь сянь тункао» («Систематический свод и исследование литературных материалов») (XIII в.). Его продолжением явились три работы: «Сюй тундянь» («Продолжение полного свода»), «Сюй тунчжи» («Продолжение полного описания») и «Сюй вэнь сянь тункао» («Продолжение систематического свода и исследования литературных материалов»). Дальнейшим продолжением и является «Хуанчао сань тун».

[5] Том 17-й этого многотомного издания представляет собой комментарии А. Леонтьева и И. Россохина на маньчжурские слова, встречающиеся в тексте перевода. Перевод был сделан с маньчжурской версии памятника.

[6] Постраничное содержание источника см. в статье Г. В. Мелихова «Ян Бинь и его труд „Любянь цзилюэ“» [165].

[7] Более подробное обоснование предлагаемой точки зрения для минского периода см. в работе А. А. Бокщанина «Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв.» [113, 42]. О системе внешнеполитических связей при Цинах см. главу 2 данной монографии.

[8] Содержание «Шофан бэйчэн» и основные данные об этом труде на русском языке впервые приводятся в работе Н. В. Кюнера «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока» [68, 287—290].

Глава 2

[1] В 1636 г. маньчжуры назвали свое государство Цин, или Дай Цин (Великое Цин), а до этого, с 1616 г., оно называлось Цзинь или Хоу Цзинь (Позднее Цзинь). После захвата в 1644 г. столицы Минов Пекина название Дай Цин стало применяться как для маньчжурской династии, управлявшей Китаем, так и для обозначения всей китайской империи.

[2] В интересной и насыщенной фактическими материалами статье американских китаеведов Фэрбэнка и Дэна, посвященной «даннической системе» Цинского Китая [208, 135—246], авторы связывают эту «данническую систему» с концепцией о господстве Сына Неба над всеми народами [208, 137, 138]. Однако они не исследуют специально этот вопрос. Надо сказать, что авторы, цитируя некоторые китайские источники о связях Китая с различными народами и о поднесении ими «дани» в древнее и средневековое время, не дают критической оценки фактических данных цитируемых источников. Более подробно о концепции господства Сына Неба над Поднебесной и об истоках «даннических отношений» см. нашу статью «Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы» [134, 13—36].

[3] Практическое применение в минский период идеи превосходства Китая над иноземными народами хорошо показано в отношении стран Южных морей в труде А. А. Бокщанина «Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв.» [113]. В этой же работе с достаточной полнотой дается характеристика так называемой «дани» и «вассалитета» заморских стран по отношению к Китаю в XIV—XVI вв., определяемого автором как «номинального вассалитета».

[4] Подробнее о церемониале Минов см. [114, 30—32].

[5] Подробнее об этом см. [53, 160—161; 64, 93—95, 104—105, 127—131].

[6] Это отнюдь не означало, что между корейским и маньчжурским государствами действительно существовали братские отношения, основанные на равенстве обеих сторон. Выражение «сюнди чжи го» означало отношения между государствами, подобные отношениям между старшим и младшим братьями, что в условиях Китая было равносильно подчинению младшего старшему. Конечно, старшим братом являлось маньчжурское государство. Таким образом, формула «сюнди чжи го» означала отношения между господином и слугой.

[7] Цзюнь чэнь — дословно: «господин и слуга». Этим подчеркивалось, что Корея — слуга, а цинское государство — господин, что между ними отношения слуги и господина.

[8] Не следует забывать, что, по существу, маньчжурские ханы сами так же относились к окружавшим их народам, в особенности после 1636 г., когда Абахай принял титул хуанди (императора), что было равнозначно Сыну Неба.

[9] Интересно отметить, что термин «сехэ» более чем через 250 лет часто использовали японские оккупанты на Северо-Востоке, призывавшие китайский народ к «согласию и гармонии» с захватчиками.

Глава 3

[1] Лю Сюань-минь ошибочно указывает 11-ю луну 21-го года Ваньли (1593 г.) [93, 153].

[2] В «Да Цин Тайцзу Гаохуанди шилу» отсутствует упоминание об этом факте.

[3] В «Ба ци тунчжи чуцзи» крепость Усу отождествляется с современным городом Итунчжоу [13, цз. 12, 6а].

Глава 4

[1] Корея — европейское название, произошло от Корё — названия государства и династии, существовавшей в X—XIV вв. Со времени господства династии Ли государство было переименовано в Чосон, по-кит. Чаосянь.

[2] Маньчжурский хан в это время еще не назывался императором (хуанди), но в китайском источнике, составленном позднее, он именуется императором.

[3] В знак подчинения маньчжурам население обривало голову, оставляя только косу.

[4] Из текста «Шилу» не совсем ясно, что значит «после завершения дела»: шла ли речь о завершении мирных переговоров или о выполнении всех условий, в том числе и пункта о присылке дани.

[5] Знак «фын» употребляется в обращении низшего к высшему и выражает преданность, уважение, а также подчеркивает неравенство сторон.

[6] Более полная информация об ответе корейского вана на обвинения, выдвинутые маньчжурским ханом, помещена в «Шилу» за 22 февраля 1636 г. Там сообщается о прибытии корейского посла с письмом от вана. Интересно, что в «Ши чао Дунхуа лу» за это же число ничего не сообщается о письме корейского вана.

[7] Под товарами высшего качества подразумеваются китайские товары.

[8] Об этих «проступках» говорится и в других документах, поэтому мы скажем о них ниже (см. стр. 113—114 настоящей работы).

[9] В другом месте «Шилу» сообщается, что все 18 тыс. солдат были убиты маньчжурскими войсками [20, цз. 33, 11б—12а].

[10] По китайским традициям так называли жену наследника престола в отличие от жены императора — хоу, которая была рангом выше.

[11] Жалобу корейских властей см. [31, цз. 293, 14а].

Глава 5

[1] Кочевье чахарского хана находилось к северу от Гуаннина (район уезда Бэйчжэньсянь, города Цзиньчжоу и уезда Исянь пров. Ляонин) на расстоянии тысячи ли от границ Минской империи. Монголы княжества Харачин кочевали за китайской границей в районе Сюаньфу до Чжунвэйсо в Ляодуне (уезд Бэйчжэньсянь пров. Ляонин). Пастбища Тумэт располагались также за минской границей к западу от Сюаньфу до Баохэлу в провинции Шаньси [105, 84].

[2] Кочевья монголов княжества Хорчин находились в бассейне р. Наоцзян (Лацзян), монголы «пяти халхаских племен» кочевали за китайской границей в районе Гуаннина, к северо-востоку от Дахэйшаня, Сяохэйшаня и Хуаннивы до Кайюаня [105, 84]. Б. Я. Владимирцов отождествляет «пять халхаских племен» с княжествами Джаруд и Барин [121]. В приложении к статье Давида М. Фаркхара в составе «пяти халхаских племен» помимо Джаруд и Барин называются еще княжества Байют, Хункират и Ujied [204, 330].

[3] Давид М. Фаркхар отмечал, что именно феодалам «пяти племен» Халхи Нурхаци был обязан титулом хана, но подчеркивал, что этот дипломатический акт монгольских феодалов не должен рассматриваться как признание ими своего политического подчинения маньчжурскому правителю [204, 189].

[4] Были принесены в жертву белая лошадь и черная корова, установлены сосуды с вином, мясом, кровью и землей [19, цз. 6, 33а].

[5] Давид М. Фаркхар рассматривает как одно из доказательств этнической и культурной близости монголов и маньчжуров одинаковый для них способ оформления политических союзов путем принесения торжественной клятвы, сопровождавшейся религиозными жертвами и символическими обрядами [204, 204].

[6] Следует отметить, что это первое упоминание в источниках о присылке южными монголами заложников к маньчжурскому двору.

[7] Река Шира-Мурун протекала через земли княжеств Барин, Ару-Хорчин, Кэшиктэн и Оннют, а приток Шира-Мурун — р. Хуаньхэ — через земли Аохан, Найман [72, 23, 26, 28, 29].

Глава 6

[1] Во время борьбы Лигдан-хана с отошедшими от него южномонгольскими феодалами и с маньчжурами население этих четырех княжеств из Южной Монголии откочевало в Халху.

[2] Китайские источники не подтверждают сообщение монгольской летописи «Эрдэнийн эрихэ» (в русском переводе А. Позднеева) о представлении Тушэту-ханом, Цэдэн-ханом и Дзасакту-ханом в 1637 г. «доклада о добром соединении с маньчжурами» и о повелении маньчжурского императора трем вышеупомянутым халхаским ханам в 1638 г. и в дальнейшем ежегодно представлять «дань из девяти белых» к цинскому двору [75, 54]. По данным «Шилу», первое посольство от Тушэту-хана прибыло в октябре 1637 г., а упоминаний о посольстве от Дзасакту-хана в эти годы не встречается. Что же касается «дани из девяти белых», то она появилась в истории маньчжуро-халхаских отношений гораздо позже. Подробнее вопрос о «дани из девяти белых» будет рассмотрен ниже.

[3] Первое посольство от Даньцзин-ламы, зафиксированное в «Шилу», было датировано февралем 1648 г. [21, цз. 39, 9б]. Посол с подарками («данью») от Дзасакту-хана прибыл в конце декабря 1647 г. [21, цз. 35, 9а].

[4] О значении клятвы как своеобразной формы признания зависимости см. также стр. 102—104 настоящей работы.

[5] О роли «дани» в маньчжуро-халхаских отношениях см. [140].

[6] См. апрельский указ 1657 г., адресованный четырем западнохалхаским дзасакам [21, цз. 107, 20а—20б].

[7] О причинах ойрато-халхаской войны и ее начале см. стр. 186—188 настоящей работы.

[8] Галдан обвинял Джебдзун-Дамба-хутухту в том, что он во время примирительного съезда в 1686 г. де-факто поставил себя в положение, равное положению посланца далай-ламы, и тем самым якобы оскорбил последнего.

[9] Здесь и далее в этой цитате текст, отсутствующий в «Шилу», нами выделен разрядкой.

[10] В книге И. Я. Златкина этот доклад приводится в переводе И. Россохина [145, 268—269].

[11] В «Шилу» текст этого указа отсутствует.

[12] В «Шилу» этот материал отсутствует.

[13] В «Шилу» об этом факте не упоминается.

[14] В переводе И. Россохина смысл приведенного документа несколько искажен [см. 145, 273]. В «Шилу» этот документ отсутствует.

[15] Подробнее об этом см. стр. 190—191 настоящей работы.

[16] В исторической литературе отмечается существование в этот период значительных колебаний в среде халхаских феодалов, часть из которых ушла в пределы Российской империи или намеревалась сделать это [111, 170—171].

[17] Подробнее см. стр. 193—199 настоящей работы.

Глава 7

[1] Ойраты разделялись на племенные группы чоросов (кит. чолосы), дэрбэтов (кит. дуэрботэ), хошоутов (кит. хэшитэ) и торгоутов (кит. туэрхутэ). Иногда китайские источники вместо чоросов называют джунгаров, считая, что джунгары и дэрбэты носили фамилию Чорос [72, 115].

[2] По китайским данным, за Туру-Байху последовали родичи торгоутского Хо-Урлюка — Баоланьэгэлэху с младшим братом Манхаем и их дядя Вэнгуй [33, цз. 9, 2а].

[3] Составитель «Хуанчао фань бу яо люе» упоминает об этом факте в перечне событий за 7-й год правления под девизом Чундэ, т. е. 1643 г. [33, цз. 9, 2б]. Рокхилл, как указывает Грум-Гржимайло, считает, что завоевание Тибета относится к 1641—1643 гг. [226, 8; 127, т. 2, 635, прим. 3]. А. Позднеев датирует это событие 1640 г. [185, 490], что маловероятно.

[4] В «Хуанчао фань бу яо люе» отмечается переселение в Россию лишь торгоутов во главе с Хо-Урлюком [33, цз. 9, 2а].

[5] Как указывает Грум-Гржимайло, хошоутские владетели оказывали помощь Цинам в подавлении восстания саларов (в Ганьсу) в 1653 г. [127, 637]. Китайские источники ничего не сообщают об этом.

[6] Этот же указ в крайне препарированном виде см. [33, цз. 9, 5а].

[7] Вероятно, речь идет о сыне Гуши-хана — Далай-Батур-тайджи.

[8] Как указывает И. Я. Златкин, в годы правления Батур-хунтайджи было отправлено обеими сторонами не менее 33 посольств [145, 183].

[9] Этот факт лишний раз свидетельствует, что за представлением «дани» скрывалась торговля.

[10] Вероятно, речь идет об Омбо-цэцэн-дайцине.

[11] Составители «Хуанчао фань бу яо люе» Шоу Ян и Ци Юнь-ши сообщают, что этот указ адресован сыновьям Гуши-хана — Далай-Батуру и Омбо-цэцэн-дайцину [33, цз. 9, 6].

[12] В «Хуанчао фань бу яо люе» дан вольный пересказ указа, иногда приводятся цитаты.

[13] Подробнее об этой борьбе см. [145, 207—214].

[14] Г. Е. Грум-Гржимайло, ссылаясь на Палласа и А. Позднеева, относит убийство Сэнгэ к началу 1671 г. [127, т. 2, 642; см. также 75, 171]. Китайские источники, использованные нами, ничего не сообщают об этом событии.

[15] И. Я. Златкин неправильно считает, что Галдан впервые вступил в дипломатические отношения с цинским правительством в 1677 г. В данном случае автор повторяет ошибочное утверждение Иакинфа Бичурина [113, 64—65]. Столь же далеко от истины утверждение, «что это посольство из Западной Монголии было первым после двухвекового перерыва» [145, 249].

[16] До конца 70-х годов посольства Галдана прибывали в 1676, 1677, 1679 гг. [22, цз. 59, 26а; цз. 67, 17б; цз. 91, 17а].

[17] По китайским данным, этот факт относится к 1677 г. [33, цз. 9, 10а]. И. Я. Златкин считает, что к 1678 г. Галдан расправился с Очирту-цэцэн-ханом, подчинив себе его владения [145, стр. 249]. В дальнейшем, уточняя время этого события, И. Я. Златкин указывает, что разгром Очирту-цэцэн-хана относится к 1676—1677 гг. [145, 253]. А. Позднеев датирует это событие 1676 г. [75, 175], а Грум-Гржимайло — 1678 г. [127, т. 2, 643].

[18] Батур-эркэ-джиноног Хороли — племянник Очирту-цэцэн-хана. Он кочевал в Западном Ордосе. После нападения Галдана бежал к китайской границе [72, 115—116].

[19] В письме ганьсуйскому тиду Чжан Юну в августе 1679 г. Галдан писал, что его дед Докэсинь-нойон вместе с Гуши-ханом захватили Кукунор, но хошоуты единолично владеют им, поэтому он, Галдан, имеет намерение требовать своего [33, цз. 9, 11б].

[20] В приведенных источниках сообщается, что в ограблении уратов, как выяснил Моргэнь-тайджи, замешаны люди Эрдэни-хошоци.

[21] Китат прибыл в ставку Галдана 25 января 1683 г., а 4 февраля 1683 г. вручил письмо Лифаньюаня цэцэн-цзайсану Уэрчжаньчжабу.

[22] Оно приводится в «Шилу» под той же датой, что и доклад Китата — 7-й месяц 22-го года Канси (22 августа — 20 сентября 1683 г.).

[23] В решении было сказано: «Не следует допускать, чтобы [здесь] жили монголы (т. е. ойраты. — *Л. Д.*), не понимающие законов и дисциплины [22, цз. 104, 7а].

[24] В 1686 г. цинский посол совершил поездку к Галдану.

[25] И. Я. Златкин неправильно указывает дату принятия Галданом посла Китата — 28 декабря 1682 г. [145, 258]. Китат прибыл в ставку Галдана 25 января 1683 г. (28-го числа 12-й луны 21-го года Канси) и тогда же был принят им.

[26] Ответ Галдана — еще одно свидетельство того, что между послами и купцами того времени не было большого различия и что так называемая дань — это, по существу, форма меновой торговли.

[27] И. Я. Златкин ошибочно указывает конец января [145, 258].

[28] В источниках не сказано, кого он представлял.

[29] Вероятно, имеются в виду правители четырех ойратских племенных групп.

[30] Как уже говорилось, это был май 1685 г.

[31] Текст «Шилу» этот эпизод передает подробнее.

[32] В «Шилу» правила даны более подробно, чем в других источниках [ср. 40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 13а; 33, цз. 9, 19а].

[33] Галдан-ширету — личный представитель далай-ламы на примирительном съезде в Халхе в 1686 г.

[34] Запись в «Шилу» датирована 30 июля 1688 г. Перевод этого документа с маньчжурского приведен в труде И. Я. Златкина [145, 270—271], но он немного расходится с китайским оригиналом, по-видимому, из-за неточностей, допущенных переводчиком.

[35] И. Я. Златкин ошибочно датирует этот указ сентябрем 1687 г. [145, 267].

[36] Известно, что Батур-эркэ-джиноног Хороли обратился с просьбой к Канси снабдить его оружием для борьбы против Галдана. Ему было отказано [22, цз. 140, 24б]. Кроме того, Лобцзан Гомбо-Арабдан, возглавив войска, отправился на помощь Халхе, но после того, как встретил цинского посла с указом, призывающим к миру, вернулся в Булунгир на свои кочевья [40, цз. 125, Лечжуань, фаньбу 3, 13б].

[37] Сообщение Тушэту-хана о том, что ему трудно выполнить указания императора о встрече на съезде с Галданом, датировано февралем 1689 г. [22, цз. 139, 6а].

[38] Сражение у оз. Олохуйнор произошло, по данным китайских источников, в конце августа — начале сентября 1688 г.

[39] Этот указ Канси относится к сентябрю 1688 г. [22, цз. 136, 26а—26б].

[40] Предварительная информация об этих событиях датирована 2 августа 1688 г.

[41] Подробнее об этих событиях см. стр. 152 настоящей работы.

[42] Это же заявление далай-ламы цитируется в указе Канси Галдану, помещенном в «Шилу» за май 1689 г. [22, цз. 140, 25б].

[43] Сообщение о прибытии Шамбалин-Хамбо и ответный указ Канси датированы 18 января 1690 г.

[44] И. Я. Златкин ошибочно датирует 7 августа 1689 г. [145, 278].

[45] Заявление Галдана — это типичная для дипломатии того времени форма вежливого ответа, ни к чему не обязывавшего его.

[46] А. Позднеев в своеобразной форме признает это: «Многие хошуны начали почти исключительно промышлять разбоями и — что самое главное — заводили в то же время связи со своим же недругом — Галданом» [75, 211—212].

[47] Донесение Арни об этом помещено в «Шилу» от 3 августа 1690 г.

[48] Реляция Арни и решение о его наказании датированы в «Шилу» 3 августа 1690 г. Как и в других случаях, И. Я. Златкин неправильно датирует день сражения на р. Урхуй 21 июля [145, 285], на самом деле оно произошло 26 июля 1690 г. (21-го числа 6-го месяца).

[49] Оно помещено в «Шилу» за тот же день, что и донесение Арни, т. е. 3 августа 1690 г.

[50] Информация об этом письме, как и о прибытии гонца Галдана, а также сообщение о банкете и о вручении ответного послания Канси датированы в «Шилу» одним и тем же днем — 17 августа 1690 г.

[51] Канси остается верен себе, по-прежнему пытаясь ввести в заблуждение Галдана.

[52] Это явная ложь. Из донесений цинь-вана Фуцюаня, частично приводившихся выше, видно, что инициатива в нападении на ойратов принадлежала цинским войскам.

[53] Это утверждение не имеет ничего общего с действительностью, о чем свидетельствуют приведенные выше данные. Как известно, Канси в целом ряде указов требовал преследования ойратов и уничтожения Галдана, порицая Фуцюаня за то, что тот не сумел полностью разгромить ойратов и упустил Галдана.

[54] Сообщение об этом помещено в «Шилу» за 1 января 1691 г.

[55] В современных мерах 2 ляна составляют 74,6 *г*.

[56] Информации о решении членов Государственного совета, о двух указах Канси, о приезде посла Галдана и его письме приведены в «Шилу» от 28 октября 1692 г.

[57] Всю информацию о прибытии посла Галдана, его письме и ответе Канси см.: [22, цз. 156, 9б—14а].

[58] У А. Позднеева он назван «цзасакту хановский цзасак Урцзан» [75, 238]. Урцзан кочевал недалеко от маоминганских границ.

[59] Доклад Фэй Ян-гу, цитируемый в указе Канси, помещен в «Шилу» за 3 сентября 1695 г. [22, цз. 167, 19б—20а].

[60] К этому времени войска Фэй Ян-гу уже выступили из Хухэ-Хото и стояли на границах Сунитского аймака [75, 241].

[61] К сожалению, точной датировки указа Канси в «Шилу» не дано. Здесь в хронике от 27 сентября 1695 г. сообщается о прибытии Шачжина ко двору и об отправлении его подчиненного Очира к Галдану, а об указе Канси говорится, что он был послан Шачжину до этого.

[62] Речь идет о посольстве Мэй-цзайсана и Булат-ходжи.

[63] Это подтвердил своими показаниями перешедший из Баян-улана на сторону цинских властей ойрат Амухулан. Он сообщил о намерениях Галдана прожить зиму в Баян-улане и о его стремлении захватить Кобдо (информация за 15 декабря 1695 г.) [22, цз. 169, 4б].

[64] Эту цифру мы даем на основе подсчета приведенных в источнике цифровых данных.

[65] Нельзя согласиться с утверждением И. Я. Златкина, не подкрепленным ссылками на источник, о том, что в операцию против Галдана было вовлечено, включая вспомогательные службы, около 400 тыс. человек [145, 305].

[66] Доклад и ответ на него Канси помещены в «Шилу» за 10 мая 1696 г.

[67] Этот рассказ посланцев Канси приводится также и в монгольском источнике [см. 75, 247].

[68] Вероятно, это урочище Боро.

[69] О переходе на сторону Цинов Дамба-хашихи, Чагань-Сидали-хашихи и др., всего 161 человек, сообщалось в «Шилу» за 21 июля 1696 г.

[70] Даньцзилла, по-видимому, опасаясь за свою жизнь, так как Галдан перестал доверять ему, вскоре перебежал к Цинам.

[71] Сын Галдана был захвачен на охоте в феврале 1697 г. сыном хамийского Абдуллы Дархан-бека Гопа-беком.

[72] Ответ Галдана и последовавший затем указ Канси помещены в «Шилу» за 2 мая 1697 г.

[73] И. Я. Златкин неправильно датирует смерть Галдана 13 марта 1697 г. [145, 315].

Глава 8

[1] Китайские авторы XIX в., следуя традиции, сообщают, что посол Хами просил о восстановлении даннических отношений [33, цз. 15, 2б].

[2] Имеется в виду восстание Дин Го-чэня.

[3] Вероятно, имеется в виду Султан Абдулла-Ахмет-ацзи-хан.

[4] 1 цянь равен $^1/_{10}$ ляна, или 3,73 *г*; 1 цзинь — 596,81 *г* (в современных мерах).

[5] Авторы «Хуанчао фань бу яо люе» произвольно сократили этот текст: они выбросили упоминание об алмазах, все подарки, перечисленные после нефрита, заменили словами «остальные вещи», а вместо 300 кусков шелка за тысячу цзиней нефрита приводят 200 кусков. Авторы неправильно указывают на то, что приведенные данные — это размер вознаграждения мусульманских послов, привезших дань. На самом деле здесь указаны ответные подарки турфанскому правителю. Послы же вознаграждались значительно скромнее независимо от количества и вида привезенных ими подарков, а в зависимости от ранга [33, цз. 15, 4а].

[6] Прибыл посол Улу-ходжа, привезший в качестве «дани» 4 западных коней, 15 монгольских лошадей и 1 тыс. цзиней яшмы [33, цз. 15, 5а].

[7] Указ Канси был дан в связи с приездом от Цэван-Арабдана его посла Нансу.

[8] В «Шилу» оно также датируется 7 октября 1693 г., хотя, судя по содержанию, написано после доклада Лантаня.

[9] Информация о прибытии посла хамийского правителя Абдуллы Дархан-бека и его сообщение, что он приложит все силы к поимке Галдана, если тот прибудет в Хами, датированы в «Шилу» 5 января 1697 г.

[10] В «Шэнцзу шилу» другая формулировка: «не допускать самовольных захватов» [22, цз. 182, 6а].

Глава 9

[1] Г. Ф. Мурашева ставит под сомнение факт о прибытии вьетнамского посольства 1659 г., оспаривая данные китайского историка прошлого века Вэй Юаня, который несколько искажает характер этого посольства [166, 127; 167, 40]. Однако приводимые данные «Шилу» опровергают всякое сомнение относительно миссии 1659 г. и достаточно подробно обрисовывают ее характер.

[2] В некоторых источниках отмечается, что посольство из Каобанга прибыло в Китай в начале годов правления Шуньчжи (1644—1661) [39, цз. 196, 7450(2); 40, цз. 2, 1а]. Однако настораживает, что не указана точная дата прибытия посольства и что запись об этом событии отсутствует в самом подробном и более достоверном источнике — «Шилу». Сопоставление текстов показывает, что имеется в виду то же событие, что занесено в «Шилу», только под 1660 г. Вместе с тем в обоих отмеченных случаях ранней датировки посольства речь идет также о смене правителей Каобанга. Такая смена произошла, согласно записям в «Шилу», не раньше 1660—1661 гг. Добавим также, что прямые контакты Каобанга с цинскими властями вряд ли были возможны до появления цинских войск в южных провинциях Китая в 50-х годах XVII в.

[3] Юнли — девиз правления, взятый Гуй-ваном. С точки зрения Цинов, он был незаконным правителем, поэтому его манифесты называются здесь «поддельными».

[4] Упомянутый указ в переводе на русский язык приводится в работе Г. Ф. Мурашевой «Вьетнамо-китайские отношения в XVII—XIX вв.» [167, 43].

[5] Мы не можем согласиться с мнением Г. Ф. Мурашевой о том, что «первая миссия из Дайвьета (Вьетнама.— *А. Б.*) была послана с данью к новой династии в Китае в 1663 г.» [166, 125—126; 167, 39—40]. При этом Г. Ф. Мурашева ссылается на материалы одной из вьетнамских хроник. Но данные китайских источников, и в частности «Шилу», показывают, что к 1663 г. отношения между цинским правительством и Вьетнамом имели уже определенную историю, включая и обмен миссиями. Упомянутый же вьетнамский источник начинает историю отношений с Цинами с 1663 г. потому, что это была первая миссия, принятая китайским двором в столице. Предшествующие же миссии вьетнамский хронист считал «неофициальными» и поэтому опустил.

[6] Как уже отмечалось, эта смена правителей Маков не нашла отражения в хронологических таблицах. Правда Д. Холл, упоминая последнего правителя Мак Кинь Ву (1638—1677), дает в скобках второе его имя — Мак Кинь Хоанг. Возможно, это разные лица [195, 563].

[7] Речь идет, вероятно, о вьетнамских областях (тяу) Тханьлам, Куангуйен, Тхыонгланг и Халанг.

[8] В некоторых источниках, например в «Цин ши гао», говорится о смерти Ле Хюйен Тонга в 1673 г. [40, цз. 2, 1б]. Однако материал «Шилу» показывает, что в Цинской империи считали его живым и даже еще в 1677 г. посылали бумаги на его имя.

[9] Дянь — иносказательное обозначение Юньнани. Выражение «через Дянь на юг» можно перевести просто как «во Вьетнам».

[10] Свидетельство вьетнамских хроник по поводу связей Маков с У Саньгуем, о чем упоминает Г. Ф. Мурашева [166, 132; 167, 47], не может быть до-

статочным доказательством, ибо эти хроники составлялись на основе вьетнамских документов, имевших целью обвинить Маков в такой связи.

[11] Китайский термин для обозначения сколько-нибудь знатного иноземца. По звучанию он близок китайскому начальнику уезда (чжисянь), т. е. скорее всего, означает человека, имеющего власть над определенным небольшим районом в иноземной стране.

[12] В другом варианте эта фраза звучит: «Не нужно настойчиво требовать недостающую золотую и серебряную посуду» [39, цз. 196, 7491(4)].

Глава 10

[1] А. Любимов считает, что, пока не найдены оригиналы этих грамот, вопрос о датировке их остается открытым [71, 67—68].

[2] Этническая принадлежность этого хана не ясна, но вполне возможно, что это один из даурских князей.

[3] Князь Гантимур не только стал платить ясак русским с 1651 г., но и перешел в подданство России со всеми своими людьми, откочевав в 1656 г. к Нерчинскому острогу построенному русскими казаками в 1654 г.

[4] Судя по тому, что в этом документе пребывание Андрикана указано на Шингал-реке (Сунгари), речь шла, по-видимому, не о цинском императоре Шуньчжи, а о каком-то маньчжурском военачальнике, может быть, о местном князьке.

[5] Нерчинский (1654 г.), Албазинский (1651 г.), Кумарский (1652 г.), Ачанский (1652 г.) и др.

[6] Из показаний даурского войскового атамана А. Ф. Петриловского и др. от 3 октября 1659 г. [77, 239]. См. также отписку даурского воеводы А. Ф. Пашкова в Сибирский приказ от июня 1658 г. об уничтожении маньчжурскими войсками судов даурских служилых людей на р. Шилке [77, 234—235].

[7] Чагань-хан — Белый хан, или царь,— так именовали в китайских и маньчжурских документах русского царя.

[8] Во всем документе несколько раз употребляется местоимение второго лица ед. числа (эр).

[9] Полагаю, что выражение «чэн синь сян хуа» лучше переводить «искренно обратился к цивилизации», чем «обратились к просвещенной стороне» [см. 77, 553], так как в последнем случае не переведены слова «чэн синь» и в перевод добавлено отсутствующее в оригинале слово «стороне». Смысл выражения «обратился к цивилизации» означает «обратился к нашей цивилизации, воспринял ее».

[10] Мы даем дословный перевод указа, более точно выражающий дух и стиль его, чем ранее опубликованный перевод [ср. 77, 553].

[11] Посольство Ф. И. Байкова отправилось из Тобольска 25 июня 1654 г., а в Пекин прибыло в 1656 г.

[12] Как указывает Н. Ф. Демидова, до нас эта грамота не дошла. Что касается указания Н. Ф. Демидовой на то, что общая характеристика ее содержания дана в статейном списке Н. Г. Спафария, то мы позволим себе не согласиться с этим. У Н. Г. Спафария, по-видимому, речь идет о другой грамоте, более поздней. Как указывает А. Любимов, в 1675 г. Спафарий прислал из Тобольска в Москву переводы четырех грамот (листов), которые он возил с собой. Две из них — минского периода, о которых мы говорили в начале главы, другие же две, как отмечает А. Любимов, датированы 17 и 15 годом [71, 67]. По-видимому, как обычно бывает, на печатях стоят годы правления императора Шуньчжи, т. е. 1660 и 1658 гг. Из этих данных видно, что у Н. Г. Спафария речь идет о грамоте 1658 или 1660 г., однако А. П. Ярыжкин и С. Аблин были в Пекине в 1655 г., и к ним эта грамота не имеет никакого отношения.

[13] Нам кажется, что нет никаких оснований предполагать, что гонцы «были приняты императором» [64, 89], так как такое событие нашло бы отражение в приведенном выше указе, как это бывало во всех других подобных случаях.

[14] См. отписку тобольского воеводы А. И. Буйносова-Ростовского в Сибирский приказ от 1657 г., помету на л. 3 об. [77, 215].

[15] Русские землепроходцы Поярков, Хабаров и другие на основании расспросов местного населения сообщали то о князе Борбое, то о князе Богдое как о правителях, стоявших над всеми даурскими князьями (см., например, наказную память от 9 июля 1650 г., данную из Якутской приказной избы Е. П. Хабарову, и грамоту якутского воеводы Д. А. Францбекова князю Богдою о принятии русского подданства) [77, 126—130]. В 1651 г. Е. П. Хабаров в своей отписке в Якутск сообщал: «А по нынешним по подлинным, государь, даурским роспросным речам князя Богдоя у них нет, а словет де у них земля Богдойская, а царь Алака-Батура-кана» [77, 543]. С середины 1651 г. в архивных документах встречается имя царя Шамшакана, под которым имеется в виду маньчжурский император Шуньчжи [77, 543].

[16] Грамота, посланная якутским воеводой Д. А. Францбековым князю Шамшакану о принятии русского подданства. Датируется около 27 июля 1651 г.

[17] См. наказные памяти от 27 июля 1651 г., данные из Якутской приказной избы Е. П. Хабарову и Т. Е. Чечигину [77, 130—132].

[18] Это обстоятельство отмечено в грамоте русского царя Алексея Михайловича цинскому императору [77, 167].

[20] В обоих вариантах статейного списка дата прибытия в Пекин дана одна и та же, хотя датировка других событий в них не совпадает.

[21] Первый вариант оформлен в Тобольске между 31 июля 1657 г. и 16 марта 1658 г., т. е. в период пребывания Байкова в Тобольске до выезда в Москву 16 марта 1658 г. [77, 169]. Второй вариант оформлен в Москве, после прибытия его туда, позднее августа 1658 г. [64, 113; 77, 181].

[22] Во втором варианте статейного списка сказано, что подарки были отобраны у Ф. И. Байкова силой: «И царевы приказные ближние люди государевы любительные поминки у посла взяли сильно марта в 4 день» [77, 186].

[23] Текст второго варианта заявления Байкова дополнен некоторыми словами, не меняющими смысла.

[24] В первом варианте сказано, по существу, то же, но вместо «непригоже» дано «не уметь» [77, 177].

[25] Во втором варианте возвращение подарков датируется 31 августа 1656 г. [77, 187].

[26] В первом варианте к этим словам добавлена ссылка на Петра Ярыжкина, якобы выполнившего цинский посольский ритуал.

[27] Во втором варианте статейного списка этих слов нет; там говорится лишь о том, что «...посла отпустили ис Китайского царьства ис Канбалыка з государевою с любительною грамотою...» [77, 190].

[28] Во втором варианте нет никаких упоминаний о попытке Ф. И. Байкова возобновить переговоры.

[29] В русских архивных документах он именуется калмыцким тайшой.

[30] Полностью свидетельство Аблая приведено Н. Ф. Демидовой [64, 94].

[31] Челобитная С. Аблина датируется ранее 5 сентября 1657 г. К этому времени Ф. И. Байков уже возвратился в Тобольск, но в Москве об этом еще не знали [77, 217—218, 554]. Заявление С. Аблина о причинах задержки Байкова см. [64, 94].

[32] Речь идет о прибытии П. Ярыжкина и С. Аблина. Как известно, они не были послами русского царя, а отправлены гонцами Ф. И. Байковым, но с ведома и разрешения царя.

[33] Речь идет о Ф. И. Байкове.

[34] Как указывалось выше, Ф. И. Байков не вручал грамоты. Китайский источник, по-видимому, искажает факты.

[35] Мы даем свой перевод (ср. «Русско-китайские отношения», т. 1, стр. 550).

[36] Здесь речь идет об И. С. Перфильеве и С. Аблине, посланных в 1658 г. Грамота царя, переданная им для вручения цинскому императору, датирована 10 марта 1658 г., следовательно, они не могли выехать раньше этого времени из Москвы.

[37] Как указывалось выше, информация «Шилу» датирована 10 июня 1660 г.; таким образом, русские послы находились в пути лишь немногим более двух лет, а не три года.

[38] Здесь опечатка, должно быть 7165 г. Однако 7165 г. охватывал сентябрь 1656 — август 1657 г., а грамота русского царя подписана 7166 г. марта 10 дня, т. е. 10 марта 1658 г. Следовательно, в китайском тексте допущена ошибка.

[39] Нельзя согласиться с утверждением В. С. Мясникова, что И. С. Перфильев не был допущен на аудиенцию к императору, очевидно, в связи с тем, что он отказался исполнить обряд коу-тоу [77, 16]. Приведенное выше сообщение «Шилу» свидетельствует о том, что вопрос об аудиенции даже не стоял после прочтения привезенной им грамоты.

[40] В грамоте царя Алексея Михайловича цинскому императору Шуньчжи, посланной с И. С. Перфильевым и С. Аблиным, сказано почти так же, как и в грамоте, отправленной с Ф. И. Байковым, о желании быть впредь «в приятной дружбе и любви и в ссылке» и о предложении установить дружеские отношения [77, 234]. В этой же грамоте (в отличие от грамоты, посланной ранее с Байковым) содержится предложение о взаимной торговле [77, 234].

[41] В первом варианте о причинах запрета ничего не говорится, там сказано: «А за что были заперты, про то неведомо ж» [64, 132; 77, 178].

[42] Н. Ф. Демидова, предполагая, что Ф. Байкову было известно содержание письма Аблая, указывает: «Байков обнаружил, что в Москве из письма Аблая уже известно, что неудача посольства произошла не по его вине... Поэтому перед послом встала необходимость переписать отчет, что и было сделано» [64, 108].

[43] Насколько выгодна была торговля с Цинской империей, можно судить по результатам этой поездки С. Аблина: от вывезенных из России в Китай товаров на сумму 4539 рублей 27 алтын 4 деньги была получена прибыль 14 212 рублей 3 алтына 4 деньги [77, 295—297].

[44] См. грамоту из Сибирского приказа от 10 марта 1666 г. тобольскому воеводе А. А. Голицыну [77, 246—247].

[45] В отписке Д. Д. Аршинского от мая 1670 г. в Сибирский приказ сообщается, что Гантимур прибыл в Нерчинский острог при Ларионе Толбузине в 175 г. (1 сентября 1666 г.— 30 августа 1667 г.) [77, 275].

[46] В русских архивных документах его именуют Шаралдаем.

[47] Известно, что цинские подданные жили в двух неделях с лишним езды от Амура на юг. Об этом сообщал И. Милованов, ездивший в Цинскую империю летом 1670 г.: «А ехали от Нерчинского острогу до первых богдойских людей до торгочин (а торгочины живут кочевные) 17 дней, а от торгочин до седячих жилых людей до даур, живут по Науну-реке» [77, 273].

[48] Следует сказать, что и в дальнейшем маньчжуры посылали своих лазутчиков под видом купцов или охотников.

[49] Так сообщается в грамоте Канси [77, 272].

[50] Наказная память И. М. Милованову датирована 13 апреля 1670 г. [77, 270—271], а приглашение послать в Пекин русского посла было высказано в ноте Канси, привезенной Шарандаем в Нерчинск, лишь 15 апреля 1670 г. Такое противоречие в датах можно объяснить лишь следующими обстоятельствами. Возможно, предложение маньчжурской стороны было сделано еще в первый приезд Шарандая, т. е. в декабре 1669 г. Возможно и другое — наказная память ошибочно датирована 13 апреля вместо 15 апреля или более позднего числа до 18 апреля, т. е. до времени отъезда И. М. Милованова из Нерчинска в Китай.

[51] Наказная память Д. Д. Аршинского И. М. Милованову хранится в подлиннике в Центральном государственном архиве КНР, опубликована в Китае в книге «Архивные материалы на русском языке из бывшего Пекинского императорского дворца» [54, 3—6, 121—123].

[52] Они были посланы из Тобольска в июле 1668 г., добирались до Цинской империи свыше 11 месяцев и вернулись в Тобольск 11 октября 1671 г. [77, 288—293].

[53] Здесь речь идет о Гантимуре и др.

[54] Этот перевод совпадает с документом № 136 [77, 276]; ранее опубликован Бантыш-Каменским [56, 20].

[55] Теперь мы можем точно датировать грамоту Канси, так как она подписана 13 числом 5-го месяца 9-го года правления Канси, т. е. 29 июня 1670 г. Перевод этой грамоты приведен в статейном списке Спафария [77, 411]. В книге Бантыш-Каменского сказано, что грамота Канси была по просьбе Спафария переведена в Пекине иезуитом в 1698 г. Это опечатка: перевод был сделан в июне 1676 г.

[56] Во втором переводе, сделанном нерчинским толмачом, концовка грамоты выглядит иначе: «И впредь бы наших украинных земель людей не воевали и худа б никакого не чинили. А что на этом слове положено, станем жить в миру и в радосте» [77, 276]. В этом варианте нет ни слова о возвращении Гантимура.

[57] Отписка нерчинского воеводы Д. Д. Аршинского енисейскому воеводе К. А. Яковлеву датируется издателями документов о русско-китайских отношениях между 1 сентября 1669 г. и 3 марта 1670 г. Таким образом, она могла быть составлена и в конце 1669 и весной 1670 г. Мы условно датируем ее концом 1669 г. Но возможно, она была послана одновременно с отпиской илимскому воеводе С. О. Аничкову, т. е. 3 марта 1670 г.

[58] Имеется в виду Албазин. Эти данные относятся к лету 1670 г.

[59] О его приезде в Нерчинск сообщил 12 августа 1672 г. нерчинский воевода Д. Д. Аршинский якутскому воеводе Я. П. Волконскому, а тот, в свою очередь, уведомил об этом енисейского воеводу К. А. Яковлева.

[60] Вряд ли можно согласиться с утверждением В. А. Александрова о том, что посольство Н. Г. Спафария «было направлено в Китай в ответ на выдвинутое Пекином приглашение начать переговоры» [111, 54]. Никакого официального приглашения русскому правительству в последней грамоте Канси не было сделано. В грамоте от апреля 1670 г. такое приглашение было, но русское правительство в ответ на него послало И. М. Милованова.

[61] Так, Н. Г. Спафарий после своего приезда в Цинскую империю в беседе с маньчжурским сановником указывал в ответ на упоминание об упрямстве Ф. И. Байкова, не желавшего отдать грамоту царя в Лифаньюань, что его, Н. Г. Спафария, посольство нельзя сравнивать с посольством Ф. Байкова, «...потому что то посольство от нынешняго розницца для того, что тогда начиналось от великого государя, а ныне начиналось от бугдыхана посольство» [77, 506]. Однако надо учесть, что ответ Спафария был своеобразным приемом в дипломатической дуэли между ним и цинскими сановниками.

[62] Предусматривалось, что в случае вручения грамот лично Канси были бы переданы другие грамоты аналогичного содержания, где Н. Г. Спафарий именовался послом.

[63] Как указывал Н. Г. Спафарий, границы цинских владений начинались за Торгочинским хребтом, т. е. за Большим Хинганом [77, 353—354].

[64] Как указывает Н. Г. Спафарий в своей отписке в Посольский приказ от 19 декабря 1675 г., И. М. Милованов был отпущен им из Енисейска, но задержался при переправе через Байкал и из Нерчинска выехал 9 ноября [77, 486]. На обратном пути из Пекина 18 февраля 1676 г. И. М. Милованов встретился с Н. Г. Спафарием на р. Наун, в Букее [77, 490].

[65] «И того ради великий государь от того времяни перестал искать дружбу бугдыханова величества» [77, 503].

[66] «...а как ты приедешь к царскому величеству, чтоб ты объявил, буде изволит впредь посылать послов — добро, а буде не изволит, и то на ево воли» [77, 422].

[67] «И они закричали все, что будем» [77, 443].

[68] Алиха-хафань в статейном списке Спафария именуется алихахава.

[69] Спафарий называет его Думой.

[70] Вполне правильно говорили Спафарию иезуиты о цинских императорах при посещении 19 июня 1676 г. подворья, где находился русский посланник: «...они лехче потеряют царство свое, нежели покинут обычай свой» [77, 406].

[71] По юлианскому календарю — 5 июня 1676 г. Напомним, что Спафарий

прибыл в Пекин 15 мая 1676 г., следовательно, информация о его прибытии помещена в «Шилу» только через 20 дней, т. е. в день вручения русским посланником царской грамоты.

[72] Цинские императоры, как и их китайские предшественники, называли грамоты, присылаемые государями других стран, докладами, так как считали, что грамота может быть послана только правителем Поднебесной, стоящим выше всех, а все остальные государи являются его подданными или вассалами и письма, посылаемые ими императору, следует называть докладами, донесениями.

[73] В цитированном сообщении кратко пересказывается, правда в искаженном виде, грамота русского царя. Следовательно, это сообщение могло появиться после вручения Спафарием царской грамоты, что было сделано, как указывается в статейном списке, 5 июня 1676 г. Значит, «Шилу» приводит дату получения цинскими властями царской грамоты.

[74] В этой краткой информации речь идет о приглашении Спафария во дворец «на чай» к императору, о чем весьма подробно рассказывается в статейном списке [77, 395—400]. Это был первый прием, где Спафарию не было задано ни одного вопроса и посланник не произнес ни одного слова.

Под церемониями (синли) здесь, по-видимому, подразумевается девятикратный земной поклон, стоя на коленях, императору, который Спафарий совершил не совсем по обычаю: «И посланник стал кланятца скоро и не до земли», т. е. не так, как это делали цинские чиновники [77, 398].

[75] Следует сказать, что датировка в «Шилу» факта вручения подарков расходится с показаниями статейного списка Спафария. В нем, как известно, приводятся две даты: 13 и 16 августа 1676 г. (по григорианскому календарю это соответствует 23 и 26 августа) [77, 435—438]. Такое расхождение в датировке трудно объяснить.

[76] Наша интерпретация требования о выполнении русскими послами посольского этикета, о котором говорит приведенное выше сообщение «Шилу», базируется на признаниях цинских сановников Спафарию, сделанных ими 30 августа 1676 г. [77, 445—446].

[77] Как указывал Спафарий, «...Гантимур никогда у них в подданстве не был, кроме того, что приезжал к ним на время и опять возвратился в Нерчинской» [77, 416].

[78] Кстати, в тот период, когда Спафарий находился в Цинской империи и вел переговоры, казакам было запрещено выезжать из Албазина в поход по Амуру и Зее за сбором ясака с русских подданных в Приамурье [77, 491—492].

[79] Мы уже сообщали об обращении в 1675 г. дауров с просьбой о принятии их в русское подданство.

[80] Подробнее о границах с Цинской империей на северо-востоке см. [157, 113—120; 78, 5—6; 112].

[81] В «Пиндин лоча фанлюэ» этот же материал помечен 3 мая 1683 г.

[82] Мы не можем согласиться с утверждением В. А. Александрова о том, что маньчжурские войска к весне 1683 г. были готовы к нападению на Албазин [111, 111]. Приведенные выше данные китайских официальных документов не подтверждают такого вывода.

[83] «Пиндин лоча фанлюэ» это событие датирует 19 сентября 1683 г. (22-й год, 8-й месяц, день усюй) [27, цз. 5 (вводный), 13а; 78, 665], а «Шилу» императорский указ шаншу Лифаньюаня Амухулану о необходимости составления грамоты датирует 28 октября 1683 г. (9-й месяц, день динчоу) [22, цз. 112, 4б—6а].

[84] У А. Любимова эта грамота называется: «Грамота из Лифаньюаня начальникам русских, живущих в Албазине» и датирована 22-м годом Канси, 9-м месяцем, 17-м числом, т. е. 5 ноября 1683 г. По существу, эта грамота полностью совпадает с текстом указа, датированного восемью днями раньше [71, 84—85].

[85] А. Любимов перевел: «Если теперь прекратят свои злодейства» [71, 85].

[86] У А. Любимова последние слова переведены: «то каждому забудутся его дела» [71, 85].

[87] А. Любимов перевел: «и для них будет большое счастье» [71, 85].

[88] У А. Любимова: «Если же они по-прежнему [и этого] не примут во внимание и в наших пограничных местах упорно будут оставаться, то в таком случае им будет трудно укрыться от кары враждующего неба» [71, 85].

[89] Еще до А. Любимова эту грамоту (в переводе) привел Бантыш-Каменский [56, 36—37]. Но Бантыш-Каменский неправильно датирует ее 1682 г.

[90] Северное море (Бэйхай) китайские авторы отождествляют с Байкалом, но здесь речь идет, вероятно, об Охотском море.

[91] «Чжао-фу» — термин, часто применявшийся в цинских официальных документах. Дословно переводится: «призвать и успокоить», «умиротворить», т. е. путем пропаганды перетянуть на свою сторону. Однако понятие «чжао-фу» предполагало не только мирные средства, но и карательные меры.

[92] Фраза о солонах и орочонах отсутствует в «Шилу», но имеется в «Пиндин лоча фанлюэ» [27, цз. 6 (вводный), 3б].

[93] Точно датировать приведенные выше факты трудно, так как в китайском источнике, на который мы ссылаемся, все они датируются одним числом — 25 февраля 1685 г., когда, по-видимому, дано приказание отправить войска под командованием дутуна Пэнчуня, хуцзюнь-тунлина Дунбао и фудутуна Баньдарши для искоренения и привлечения русских.

[94] Грамота дошла до Москвы. Как указывает Бантыш-Каменский [56, 39], пленные албазинские казаки Яким Иванов и Григорий Фомин были отпущены из Пекина в апреле 1685 г. с грамотами в адрес русского царя и воевод Албазинского и Нерчинского острогов. В Москву они доставили грамоту 15 ноября 1685 г. Бантыш-Каменский приводит полный текст перевода грамоты, датируя ее четвертым днем 24-го года правления Канси, т. е. 6 февраля 1685 г. В основном текст перевода совпадает с китайским текстом, помещенным в «Пиндин лоча фанлюэ».

[95] Полный текст грамоты см. [27, цз. 6 (вводный), 9б—11а; 78, 673].

[96] По данным китайского источника, Пэнчунь с войсками подступил к Албазину 23 июня 1685 г. (22-го числа 5-го месяца 24-го года Канси), объявив императорский указ с предложением русским уйти из Албазина. Штурм острога начался 26 июня [27, цз. 6 (вводный), 15б; 78, 676].

[97] Китайский источник датирует это событие днем гуй-сы 6-го месяца, т. е. 5 июля 1685 г. Подробное описание осады Албазина маньчжурскими войсками и условий капитуляции гарнизона во главе с воеводой А. Л. Толбузиным дано В. А. Александровым, который, используя архивные данные, сообщает, что 12 июня Албазин уже находился в полной осаде, а через десять дней начался штурм острога [111, 131—133].

[98] По показаниям пленного, маньчжурские войска насчитывали 5200 человек и имели 30 больших и 15 малых пушек, а также 100 пищалей. Остальные были вооружены луками. В рядах защитников Албазина было 450 человек, имевших 3 пушки и 300 ручных пищалей [111, 132].

[99] Это утверждение далеко от истины, так как владения основателей династии Цин находились далеко на Юге Маньчжурии — в Цзяньчжоу.

[100] Следовательно, допрос пленного состоялся до марта 1686 г.

[101] Подробнее о боях за Албазин см. [111, 139—142].

[102] В «Шилу» и в «Пиндин лоча фанлюэ» указ датирован 25-м годом правления Канси, 7-м месяцем, днем под циклическими знаками цзи-ю.

[103] Кроме этого указа, никакой другой грамоты аналогичного содержания китайские источники не приводят, поэтому можно сделать вывод, что он и был послан в виде официальной грамоты. Как отмечает Бантыш-Каменский, два китайских листа (грамоты) отправлены за месяц до приезда в Пекин Н. Д. Венюкова и И. Фаворова, т. е. в конце сентября.

[104] Полный текст указа см. [22, цз. 127, 10—11а; 27, цз. 7 (вводный), 3б—4а; 78, 682].

[105] Под этим числом в «Шилу» приводится не только указ Канси, но и донесение Сабсу в ответ на этот указ, а также новые приказы Канси по докладу Сабсу.

[106] Послание Канси, отправленное в феврале 1685 г., было получено в Москве 15 ноября 1685 г. Два других (одинакового содержания), отправ-

ленные в сентябре 1686 г., были получены в Москве уже после заключения Нерчинского договора [71, 70—72].

[107] Бантыш-Каменский указывает, что грамота была вручена гонцам 12 ноября 1686 г., по-видимому по юлианскому календарю [56, 47].

[108] Мы не располагаем китайским текстом грамоты Канси. Бантыш-Каменский приводит перевод ее на русский язык, указывая, что она датирована 25-м годом правления Канси, десятым месяцем, 6-м днем, т. е. 21 ноября 1686 г. [56, 48].

[109] Бантыш-Каменский сообщает, что прием у императора был 10 ноября (по-видимому, по юлианскому календарю).

[110] В «Пиндин лоча фанлюэ» этот документ приводится как доклад Сонготу, а в «Шилу» и в «Ши чао Дунхуа лу» — как указ императора. По-видимому, Сонготу представил доклад, содержание которого в дальнейшем было использовано в указе Канси, как это бывало и в других случаях.

[111] Бантыш-Каменский указывает, что это произошло в июне 1688 г. [56, 58].

[112] В статьях нового наказа о посольских переговорах, посланных Ф. А. Головину вместе с грамотой русского правительства от 14 июня 1687 г., повторяются предложения о границах, включенные в старый наказ, но делается уступка: в случае если китайские послы не захотят, чтобы Албазин стал границей, то предложить разрушить его и впредь не допускать восстановления его и поселения там ратных людей обеими договаривающимися сторонами [78, 177—179].

[113] Русское правительство соглашалось вернуть всех беглых, за исключением князя Гантимура с детьми, по той причине, что последние «приняли святое крещение» [56, 51].

[114] Подробности о деятельности Ф. А. Головина по организации отпора халхаским войскам и укреплению русских острогов в Забайкалье см. [111, 158—164].

[115] Информация об этом датирована в «Шилу» 13 июня 1689 г., т. е. тем же днем, что и отъезд цинских послов из Пекина.

[116] Это явная фальсификация фактов: никогда местное население этих районов не было подданными Цинов и никогда не было даже данниками их.

[117] Здесь и далее первая дата — по юлианскому календарю, вторая — по григорианскому.

[118] «Наши послы, — писал Жербийон, — потребовали гораздо больше, чем могли рассчитывать получить» [78, 751].

[119] В проекте договора, представленном маньчжурской стороной, он именуется «горой Носсы» или «горой Нос» [78, 556]. На предложение русской стороны разъяснить, где находится этот Нос, и показать его на карте, маньчжурские послы заявили, что «...де у них того Носа в чертеже их не написано, потому что тот Нос лежит и протягнение имеет далече в море к Якуцкому» [78, 556]. Из дальнейших разъяснений цинских послов стало очевидным, что под Святым Носом они подразумевали горный хребет, лежавший между реками Леной и Амуром [78, 557].

[120] В русском тексте договора указана другая дата — 27 августа 1689 г., т. е. день согласования русского варианта договора. В латинском тексте указана дата по китайскому летосчислению, т. е. 28-й год Канси, 7-я луна, 24-й день, что соответствует, по григорианскому календарю, 7 сентября 1689 г.

[121] Мы здесь не касаемся других статей заключенного договора и не даем его оценки в целом, так как это было сделано до нас другими советскими авторами (П. Т. Яковлевой, В. А. Александровым и В. С. Мясниковым).

[122] Доклад Сонготу и решение Государственного совета помещены в «Шилу» за 23 января 1690 г.

[123] Эта фраза — плод фантазии авторов упомянутого решения. Никакой договоренности, кроме решения о встрече послов двух сторон для переговоров, не существовало.

[124] Следующий за этим словом текст отсутствует в «Шилу», но приводится в «Пиндин лоча фанлюэ».

[125] Ли — около 0,5 *км*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Труды основоположников марксизма-ленинизма[1]

1. Маркс К. К критике политической экономии, — т. 13.
2. Маркс К. Капитал, — т. 25.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Внешняя политика Германии, — т. 5.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии, — т. 4.
5. Энгельс Ф. Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г., — т. 37.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, — т. 21.
7. Ленин В. И. Внешняя политика русской революции, — т. 32.
8. Ленин В. И. Государство и революция, — т. 33.
9. Ленин В. И. Карл Маркс, — т. 26.
10. Ленин В. И. Китайская война, — т. 4.
11. Ленин В. И. О государстве, — т. 39.
12. Ленин В. И. Социализм и война, — т. 26.

Источники

На китайском языке

13. Ба ци тунчжи чуцзи (Первоначальное издание Всеобщего описания Восьми знамен), [б. м.], 1739.
14. Вэй Юань, Шэн у цзи (Записки о священных войнах), [б. м.], [б. г.].
15. Вэй Юань, Шэн у цзи, — сб. «Сяофанху чжай юйди цунчао», [б, м]. 1877, бэнь 2.
16. Гу Ци-юань, Гу цзинь ту шу цзичэн (Полное собрание древних и современных карт и книг), Шанхай, 1934.
17. Да Цин и тунчжи (Полное описание великой империи Цин), [б. м]), 1791.
18. Да Цин личао шилу (Хроника правления всех государей великой [династии] Цин), Токио, 1937—1938.
19. Да Цин Тайцзу Гаохуанди шилу (Хроника правления императора Тайцзу великой династии Цин), Токио, 1937.
20. Да Цин Тайцзун Вэньхуанди шилу (Хроника правления императора Тайцзуна великой династии Цин), Токио, 1937.
21. Да Цин Шицзу Чжанхуанди шилу (Хроника правления императора Шицзу великой династии Цин), Токио. 1937.
22. Да Цин Шэнцзу Жэньхуанди шилу (Хроника правления императора Шэнцзу великой династии Цин), Токио, 1937.
23. Да Цин хуйдянь (Свод законов великой династии Цин), [б. м.], [б. г.].
24. Дунхуа сюйлу (Продолжение записок из павильона Дунхуа), [б.м.], [б. г].
25. Канси хуйдянь (Свод законов периода правления Канси), [б. м.], 1690.
26. Мин ши (История династии Мин), сер. «Сы бу бэй яо», Шанхай, 1936.

[1] Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по Сочинениям, изд. 2, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

27. Пиндин лоча фанлюэ (Высочайшая стратегия усмирения русских), — Хэ Цю-тао, Шофан бэйчэн (Описание северной границы), [б. м.], 1881.
28. Сюй Янь-сюй, Юенань цзилюе (Краткое описание Вьетнама), Учжоу, 1877.
29. Сяофан яцзи юйди цунчао (Сборник рукописей по географии Азии из кабинета Сяофан), Шанхай, 1898.
30. У Чжэнь-чэнь, Нингута цзилюе (Краткое описание Нингуты), — сб. «Хунчао фаньшу юйди цунчао», т. 2, [б. м.], 1784.
31. Хуанчао вэнь сянь тункао (Систематический свод и исследование письменных памятников и материалов, [касающихся] царствующей [цинской] династии), [б. м.], [б. г.].
32. Хуанчао тундянь (Полный свод [материалов] о царствующей династии [Цин]), [б. м.], [б. г.].
33. Хуанчао фань бу яо люе (Краткий свод основных данных о вассальных племенах при царствующей династии), сост. Шоу Ян и Ци Юнь-ши, [б. м.], 1884.
34. Хуанчао фаньшу юйди цунчао (Сборник географических [сведений] о вассальных владениях царствующей династии), т. 2, [б. м.], [б. г.].
35. Хэ Цю-тао, Шофан бэйчэн (Описание Северной границы), [б. м], 1881.
36. Хэйлунцзян вайцзи (Неофициальные записи о Хэйлунцзяне), [б. м.], [б. г.].
37. Цзи Лю-ци, Мин цзи бэй люе (Краткое описание событий на севере во времена Мин), Пекин, 1958.
38. Цзилинь тунчжи (Всеобщее описание земель Гирина), [б. м.], 1898.
38а. Цин Тайцзу Ухуанди Нурхаци шилу (Хроника правления цинского Тайцзу Ухуанди Нурхаци), изд. музея Гугун, т. 1, Бэйпин, 1932.
39. Цинчао вэнь сянь тункао (Систематический свод и исследования литературных материалов династии Цин), Шанхай, 1936.
40. Цин ши гао (Черновая история династии Цин), Пекин, 1927.
41. Цинь дин Да Цин хуйдянь шили (Высочайше утвержденные исторические примеры из Свода законов великой династии Цин), [б. м.], 1819.
42. Цинь дин Синьцзян шилюе (Высочайше утвержденное краткое описание истории Синьцзяна), [б. м.], 1821.
43. Цинь дин Шэнцзин тунчжи (Высочайше утвержденное полное описание Священной столицы), [б. м.], 1782.
44. Чжун-си цзяотун шиляо хуйбянь (Собрание исторических материалов о связях Китая с Западом), сост. Чжан Син-лан, т. 1—6, Пекин, 1930.
45. Ши чао Дунхуа лу (Записки из павильона Дунхуа о десяти императорах), Шанхай, 1894.
46. Шэнцзин тунчжи (Всеобщее описание земель Мукдена), [б. м.], 1684.
47. Юйчжи Да Цин хуйдянь (Высочайше утвержденный свод законов великой династии Цин), [б. м.], 1908.
48. Юйчжи циньчжэн пиндин шомо фанлюе (Составленное по императорскому повелению описание государева похода и усмирения [населения] территории к северу от пустыни), [б. м.], [б. г.].
49. Юнчжэн хуйдянь (Свод законов периода правления Юнчжэн), [б. м.], 1732.
50. Ян Бинь, Любянь цзилюе (Описание земель внутри и вне Ивового палисада), Шанхай, 1936.

На русском языке

51. Акты исторические, т. IV, СПб., 1842.
52. Алтан тобчи, Монгольская летопись, в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста истории Убашихунтайчжия и его войны с ойратами, — «Труды восточного отделения Русского археологического общества», ч. VI, СПб., 1858.
53. Арсеньев Ю. В. Статейный список посольства Н. Спафария в Китае (1675—1678 гг.), СПб., 1906.

54. Архивные материалы на русском языке из бывшего Пекинского императорского дворца, Бэйпин, 1936.
55. Бакунин Василий, Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Василием Бакуниным в 1761 г., — «Красный архив», 1939, № 3, 5.
56. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, Казань, 1882.
57. Батур-Убаши-Тюмен, Сказание о дэрбэн-ойратах,— «Астраханские губернские ведомости», 1859, № 43, 47, 49, 50; 1860, № 11, 12.
58. [Бичурин (Иакинф)] Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом, СПб., 1829.
59. Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии, Чебоксары, 1960.
60. Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в., — «Исторические записки», 1939, № 5.
61. Васильев В. П. Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии (из Шен-у-цзи), СПб., 1883.
62. Васильев В. П. Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин, СПб., 1883.
63. Владимирцов Б. Я. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи, — «Известия Академии наук СССР», серия VI, 1926, т. XX, № 13—14; т. XXI, № 3—4.
64. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова»), М., 1966.
65. Дополнения к актам историческим, т. III, СПб., 1848, № 12/1, 102, 122; т. IV, СПб., 1851, № 8.
66. История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элеутского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях, пер. И. Рассохин, СПб., 1750, — Архив Академии наук СССР, п. 21, оп. 5, д. 1 (рукопись).
67. Книга Большому чертежу, М. — Л., 1950.
68. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961.
69. [Леонтьев А.] Тайцин гурунь и ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства, перевел с маньчжурского на российский язык коллегии иностранных дел надворный советник А. Леонтиев, СПб., т. I, 1781, т. II, 1782, т. III, 1783.
70. Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов, — «Астраханские губернские ведомости», 1860, 1861.
71. Любимов А. Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских отношений в XVII в., — «Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества», т. XXI, вып. II — III, СПб., 1912.
72. Мэнгу ю му цзи (Записки о монгольских кочевьях), пер. с кит. П. С. Попова, СПб., 1895.
73. Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову, СПб., 1894 («Русская историческая библиотека», т. 15).
74. Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего. Иждивением Императорской академии наук в 16 томах, СПб., 1784.
75. Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г., СПб., 1883.
76. Рудаков А. В. Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции (1644—1902 гг.), т. I, пер. Цзи-линь-тун-чжи, с дополнениями по новейшим китайским официальным данным, Владивосток, 1903.

77. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы, т. 1, 1608—1683, М., 1969.
78. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы, т. 2, 1686—1691, М., 1972.
78а. Русско-китайские отношения 1689—1916 гг. Официальные документы, М., 1958.
79. Спафарий Николай Милеску, Сибирь и Китай, Кишинев, 1960.
80. Халха Джирум (Памятник монгольского феодального права XVIII в.). Сводный текст и перевод Ц. Ж. Жамцарано, подготовка текста к изданию, редакция перевода, введение и примечания С. Д. Дылыкова, М., 1965.
81. Хрестоматия по новой истории, т. 1, М., 1963.
82. Центральный Государственный Архив древних актов (ЦГАДА), Сибирский приказ.

На западноевропейских языках

83. Bawden Ch. R. The Mongol Cronicle Altan Tobci, Wiesbaden, 1955.
84. Couvreaur S. Choix de documents, lettres officielles, proclamations, edicts, memoriaux inscriptions, Paris, 1894.
85. Deveria G. Histoire des relations de la Chine avec l'Annam — Viet-nam du XVI au XIX siècle. Paris, 1880.
86. [Sagang Secen]. Erdeni-yin Tobci. Mongolian Chronicle by Sagang Secen with a Critical Introduction by A. Mostaert, vol. I—IV, Cambridge, Mass., 1956.

Литература

На китайском языке

87. Ван Чжун-хань, Цин ши цза као (Разные исследования по истории династии Цин), Пекин, 1957.
88. Гу Цзе-ган, Чжунго цзянъюй ши (История изменения границ Китая), Бэйпин, 1938.
89. Гуань юй вого лиши шан ды миньцзу гуаньси дэн вэньти ды яньцзю хэ таолунь (Изучение и обсуждение вопроса о связях национальностей в истории нашей страны), — «Синь цзяньшэ», 1962, № 1.
90. Линь Хуй-сян, Чжунго миньцзу лиши (История национальных меньшинств в Китае), т. 2, Тайбэй, 1965.
91. Ло Чжэнь-юй, Тайцзу Гаохуанди ши лу хуйбэнь саньчжун (Предисловие к трем версиям хроники правления императора Тайцзу), Бэйпин, 1933.
92. Лю Да-нянь, Лунь Канси (О Канси), — «Лиши яньцзю», 1961, № 3.
93. Лю Сюань-минь, Цин кайго чу чжэнфу чжубу цзянъюй као (Исследование о границах государства Цин во время его создания и первых походах [против] различных племен), — «Янцзин сюебао», 1938, № 23.
94. Мо Дун-инь, Маньцзу ши луньцун (К истории маньчжурской народности), Пекин, 1958.
95. Се Го-чжэнь, Цин кайго шиляо као (Исследование исторических материалов начала династии Цин), Бэйпин, 1931.
96. Се Го-чжэнь, Цин чу люжэнь кайфа Дунбэй ши (История освоения Северо-Востока ссыльными поселенцами в начале эпохи Цин), Шанхай, 1948.
97. Сяо И-шань, Циндай тунши (Всеобщая история эпохи Цин), Пекин, 1923.
98. Токто (Тао-кэ-то), Нэй Мэнгу фачжань гайшу чу гао (Очерки истории развития Внутренней Монголии), Шанхай, 1957.
99. Цзян Тин-фу, Цзуйцзинь саньбай нянь Дунбэй вай хуань ши (История иностранной агрессии на Северо-Востоке за последние 300 лет), Бэйпин, 1932.

100. Чжан Чжэн-лан и др., Уцяньнянь лайды Чжун-Чао юхао гуаньси (Дружественные связи Китая и Кореи на протяжении пяти тысяч лет), Пекин, 1951.
101. Чжао Цюань-чэн, Циндай дили яньгэ бяо (Таблицы изменений в территориально-административном делении в эпоху Цин), Шанхай, 1955.
102. Чжунго цзиньдай ши луньцун (Сборник статей по истории Китая в новое время), вып. I, Тайбэй, 1959.
103. Чэнь Сю-хэ, Чжун-Юэ лян го жэньминь ды юхао гуаньси хэ вэнь хуа цзяолю (Дружественные связи и культурный обмен между народами Китая и Вьетнама), — «Чжунго хэ Я-фэй гэ го юхао гуаньси ши луньцун» («Сборник статей о дружественных связях Китая со странами Азии и Африки»), Пекин, 1957.
104. Шао Сюнь-чжэн, Шици-шиба шицзи Чжун-Юэ жэньминь цзай наньци ды хэцао (Сотрудничество народов Китая и Вьетнама на южной границе в XVII—XVIII вв.), — «Чжунго хэ Я-фэй гэ го юхао гуаньси ши луньцун» («Сборник статей о дружественных связях Китая со странами Азии и Африки»), Пекин, 1957.
105. Юй Юань-ань, Нэй Мэнгу лиши ганъяо (Очерки истории Внутренней Монголии), Шанхай, 1958.

На японском языке

106. Дзинъити Яно, Мансю: коку рэкиси (История Маньчжоу-го), Токио, 1933.
107. Дзинъити Яно, Синте: си (История цинской династии), Токио, [б. г.].
108. Ивакити Инаба, Синте: дзэнси (Полная история цинской династии), т. 1—2, Токио, 1914.
109. Инаба Ивакити, Яно Дзинити, Те: сэн Мансю: си (История Кореи и Маньчжурии), — «Сэкай рэкиси тайкэй», 1935, № 11.
110. Мансю рэкиси тири (Историческая география Маньчжурии), под ред. Куракити Сиратори, Токио, 1913.

На русском языке

111. Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах. (Вторая половина XVII в.), М., 1969.
111а. Березный Л. А. Буржуазные историки о различиях в общественном развитии Японии и Китая в XIX в.,— «Вопросы истории стран Азии», М., 1965.
112. Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В. К истории формирования русско-китайской границы, — «Международная жизнь», 1972, № 6.
113. Бичурин [Иакинф]. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени, СПб., 1834.
114. Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв., М., 1968.
115. Бокщанин А. А. Соотношение политических и внешнеторговых функций в системе «дани» минского времени, — «Доклады, представленные на XX Международный синологический Конгресс в Праге», М., 1968.
116. Ванин Ю. В. Экономическое развитие Кореи в XVII—XVIII вв., М., 1968.
117. Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в., с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах, СПб., 1857.
118. Васильев В. П. Описание Маньчжурии, — «Записки императорского Русского географического общества», СПб., 1857, кн. XII (отд. оттиск).
119. Васильев В. П. Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии, изд. 3, СПб., 1897.
120. Вилков О. Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в., — «История СССР», 1958, № 1.
121. Владимирцов Б. Я. Где пять халхаских поколений, — «Доклады Академии наук», М. — Л., 1930.

122. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.
123. Вяткин Р. В., Тихвинский С. Л. О некоторых вопросах науки в КНР, — «Вопросы истории», 1963, № 10.
124. Горский В. Начало и первые дела маньчжурского дома, — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. 1, СПб., 1852.
125. Горский В. О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа маньчжур, — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. 1, СПб., 1852.
126. Гребенщиков А. В. Маньчжуры, их язык и письменность, Владивосток, 1912.
127. Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. 2, Л., 1926; т. 3, Л., 1930.
128. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области, СПб., 1894.
129. Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX вв., — «Вопросы истории», 1974, № 9.
130. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. О датировке грамот императоров минской династии царю Михаилу Федоровичу, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 1.
131. Дербов Л. А. Из истории первых сношений России с Китаем (XVII в.), — Научный ежегодник за 1955 г. Саратовского ун-та, Исторический факультет, Саратов, 1958.
132. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960.
133. Думан Д. И. Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в., М. — Л., 1936.
134. Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы, — сб. «Китай и соседи», М., 1970.
135. Думан Л. И. Китай. Исторический очерк, — «Советская историческая энциклопедия», т. 7.
136. [Думан Л. И.] Новая история Китая. Лекции, читанные доцентом Л. И. Думаном, ч. II, Китай в XVII—XVIII вв., Л., 1938.
137. [Думан Л. И.] Очерк истории Китая, — Большая советская энциклопедия, изд. 3, т. 12, М., 1973.
138. Думан Л. И. Традиции во внешней политике Китая, — сб. «Роль традиций в истории и культуре Китая», М., 1972.
139. Дылыков С. Д. «Халха Джирум» памятник монгольского феодального права XVIII в., М., 1960.
140. Ермаченко И. С. К вопросу о роли дани в отношениях между Цинской империей и Халхой в 30—50-х годах XVII в., — сб. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История, экономика», М., 1970.
141. Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в., М., 1974.
142. Ефимов Г. В. Внешняя политика Китая, 1894—1899 гг., М., 1958.
143. Ефимов Г. В. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая, Л., ч. 1, 1965.
144. Желоховцева Е. Ф. Материалы местных учреждений Северо-Восточного Китая XVII—XIX вв. в «Маньчжурском архиве», — «Проблемы востоковедения», 1960, № 4.
145. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758), М., 1964.
146. История Кореи. Пер. с кор. Ким Дю Бона, М. Хана, Ю. Н. Шувалова, т. 1, М., 1960.
147. История Монгольской Народной Республики, изд. 2, переработанное и дополненное, М., 1967.
148. Кабанов П. И. Амурский вопрос, Благовещенск, 1959.
149. Копылов А. Н., Мясников В. С. [Рец. на кн.:] П. Т. Яковлева, «Первый русско-китайский договор 1689 г.», — «История СССР», 1959, № 4.
150. Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами

в XVII и XVIII вв., — «Известия Российской Академии наук», 1919, т. XIII, ч. 2, № 12—15; № 16—18.
151. Кречетов М. Н. Из истории торговых отношений России и Китая в XVII—XVIII веках, — «Культура и искусство античного мира и Востока», М. — Л., 1958.
152. Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в., М., 1973.
153. Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, Харьков, 1929.
154. Кюнер Н. В. Новейшая история стран Дальнего Востока, Владивосток, 1910.
155. Лебедева Е. П. Расселение маньчжурских родов в конце XVI — начале XVII в., — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 132, 1957.
156. Майский П. М. Монголия накануне революции, М., 1960.
157. Маньчжурское владычество в Китае, М., 1966.
158. Машкина И. Н. К истории китайско-вьетнамских связей в III—X вв. (по китайским источникам), — сб. «Китай и соседи», М., 1970.
159. Машкина И. Н. Китайские источники о взаимоотношениях Китая и Вьетнама в III—VI вв., — сб. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии», М., 1967.
160. Мелихов Г. В. «Ба ци тунчжи» как основной источник по военной организации маньчжуров, — сб. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История, экономика», М., 1967.
161. Мелихов Г. В. «Да Цин личао шилу» как исторический источник, — сб. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Проблемы истории и экономики», М., 1969.
162. Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке. XVII век, М., 1974.
163. Мелихов Г. В. Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхаци и Абахае (1591—1644), — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966.
164. Мелихов Г. В. Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII—XVIII вв., — «Вопросы истории», 1974, № 7.
165. Мелихов Г. В. Ян Бинь и его труд «Любянь цзилюе», — сб. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История. Экономика», М., 1967.
166. Мурашева Г. Ф. Вьетнамо-китайские отношения в начальный период Цинской династии по материалам вьетнамской и китайских хроник, — сб. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии», М., 1970.
167. Мурашева Г. Ф. Вьетнамо-китайские отношения в XVII—XIX вв., М., 1973.
168. Мурашева Г. Ф. К вопросу о характере вьетнамо-китайских отношений в эпоху феодализма (XV—XIX вв.), — сб. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии», М., 1967.
169. Мурашева Г. Ф. Становление отношений между Китаем и Вьетнамом по материалам вьетнамской хроники XIX в., — сб. «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии», М., 1967.
170. Мясников В. С. Вторжение маньчжуров в Приамурье и Нерчинский договор 1689 г., — «Русско-китайские отношения в XVII в., т. 2, 1686—1691», М., 1972.
171. Мясников В. С. Новое издание трудов Н. Спафария, — «Народы Азии и Африки», 1962, № 2.
172. Мясников В. С. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина, — «Советское китаеведение», 1958, № 1.
173. Мясников В. С. Становление связей Русского государства с Китаем, — «Русско-китайские отношения в XVII в., т. 1, 1608—1683», М., 1969.
174. Нарочницкий А. Л. Дипломатия в Индии, на Среднем Востоке и в Китае в конце XVIII и первой половине XIX в., — «История дипломатии», т. 1, М., 1959.

175. Новая история Китая, под ред. С. Л. Тихвинского, М., 1972.
176. Новые данные о посольстве Сеиткула Аблина (публикация, вступит. статья и примечания А. М. Филиппова), — «Советское китаеведение», 1958, № 2.
177. Огородников В. И. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия, — ч. 2, вып. 1. Завоевание русскими Сибири, Владивосток, 1924.
178. Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., — «Труды Государственного дальневосточного университета», серия III, № 4, Владивосток, 1927.
179. Очерки истории Китая, под ред. Шан Юэ, М., 1959.
180. Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа. Пер. с кор. М. Н. Пака, Н. С. Кима и Ю. Н. Мазура, М., 1953.
181. Пак М. Н. Корея в XVI — первой половине XVII в., — «Всемирная история», т. IV, М., 1958.
182. Паршин В. Поездка в Забайкальский край, ч. 1, М., 1844.
183. Переломов Л. С. Китай и Вьетнам в III в. до н. э. — III в. н. э., — сб. «Китай и соседи», М., 1970.
184. Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г., СПб., 1883.
185. Позднеев А. Монголия и монголы, т. 1, СПб., 1896.
186. Покотилов Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634 (по китайским источникам), СПб., 1893.
187. Потапов Л. П. Тува в составе монгольских государств Алтын-хана и Джунгарии (XVII — первая половина XVIII в.), — «Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории», Кызыл, 1960, вып. 8, стр. 170—179.
188. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году, СПб., 1882.
189. Пучковский А. С. Идея преемственности происхождения ханов в монгольских летописях XVII—XIX вв., — «Международный конгресс востоковедов», М., 1960.
190. Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII в., — «Монгольский сборник. Экономика, история, археология», М., 1959.
191. Риттер К. Землеведение, Восточный, или Китайский, Туркестан, перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати пяти лет, В. В. Григорьев, ординарный профессор СПб. ун-та по кафедре истории Востока, изд. РГО, вып. 2, СПб., 1873.
192. Симоновская Л. В. Китай под властью маньчжурской династии, — «Всемирная история», т. V, М., 1958.
192а. Тихвинский С. Л. Великоханьский гегемонизм и публикации на исторические темы в КНР, — «Вопросы истории», 1975, № 11.
193. Тихвинский С. Л. Маньчжурское владычество в Китае, — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966.
194. Успенский В. Страна Кукэ-нор, или Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнанию последних из Китая, в связи с историей Кукэ-нора, — «Записки императорского Русского исторического общества», 1880, VI, вып. II.
195. Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии, М., 1958
196. Шастина Н. П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в., — «Советское востоковедение», 1949, № 6, стр. 391.
197. Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века, М., 1958.
198. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского Края, СПб., т. 1, 1883; т. 2, 1884; т. 3, 1885.
199. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г., М., 1958.

На западноевропейских языках

200. Baddeley J. F. Russia, Mongolia and China, London, vol. 1—2, 1919.
201. Banno Masataka, China and the West, Cambridge, 1964.

202. Biggerstaff K. Some Notes on the Tung-hua Lu and the Shih-lu, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1939, vol. 4, № 2.
203. M. Cahen G. Histoire des relaton de la Russia avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730), Paris, 1912.
204. The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations, ed. by J. K. Fairbank, Cambridge (Mass.), 1968.
205. Courant M. L'Asie Central aux XVII-e et XVIII-e siècles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou?, Lyon — Paris, 1912.
206. Duhalde J. B. Description geographique, historique, chronologique, politique et physique de la Chine et de la Tartarie Chinoise, Paris, 1735.
207. Fairbank J. K. China's Foreign Policy in Historical Perspective, New York, 1969.
208. Fairbank J. K., Teng S. Y. On the Ch'ing Tributary System, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1941, vol. 6, № 2.
209. Fairbank J. K., Reischauer E. O., Craig A. M. A. History of East Asian Civilization, vol. 2, Boston, 1965.
210. Lo-shu, A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644—1820), Jucson, 1966.
211. Fuches W. The Personal Chronicle of the First Manchu Emperor, — «Pacific Affairs», 1936, № 9.
212. Fuches W. Zur Druckausgabe der Shih-lu der Manju-Dynastie, — «Monumenta Serica», 1938, № 3.
213. Harmann M. Ein Heiligenstaat im Islam. Das Ende der Caghateuden und die Herrschaft der Chogas in Kasgarien, — «Der Islamische Orient», VI—X, Berlin, 1905.
214. Hinton H. C. China's Relations with Burma and Vietnam, New York, 1958.
215. Hummel A. W. Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644—1912), vol. 1—2, Washington, 1943.
216. Imbault-Huart M. C. Le pays de Hami ou Khamil. Description, histoire d'après les auteurs chinois, Paris, 1892.
217. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China, New York, 1941.
218. Lattimore O. The Mongols of Manchuria, New York, 1934.
219. Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1925—1958, Paris, 1962.
220. Le Than Khoi, Le Viet-Nam. Histoire et civilisation, Paris, 1955.
221. Le e R.H.G. The Manchurian Frontier in Ch'ing History, Cambridge, Mass., 1970.
222. Li Chi Ph D. Manchuria in History, Peiping, 1932.
223. Maybon Ch. Histoire moderne du pays d'Annam (1592—1820), Paris, 1920.
224. Parker E. H. The Kalmoucks, — «The China Review», vol. 23, 1898—99.
225. Purcell V. The Chinese in Southeast Asia, London — New York — Toronto, 1951.
226. Rockhill W. The Dalai Lames of Lhassa and Their Relations with the Manchu Emperors of China, 1644—1908, — «Toung Pao», Ser. III, vol. 1, 1940, № 1.
227. Ross J. The Manchus or the Reigning Dynasty of China. Their Rise and Progress, London, 1880.
228. Shaw R. B. The History of the Khojas of Eastern Turkistan Summarised from the Tazkira-i-khwa-jagan of Muhammed Sadiq, — kashgari, Calcutta, 1897.
229. Teng Ssu-yu and Biggerstaff K. An Annotated Bibliography of Selected Chinese Reference Works, Cambridge, Mass., 1950.
230. Tsepon W. D. Skakabpa, Tibet A Political History, New Haven and London, 1967.
231. Tung Chi-ming. An Outline History of China, Peking, 1965.

СЛОВАРЬ ДОЛЖНОСТЕЙ, ТИТУЛОВ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ТЕРМИНОВ

Адаха-хафань, наследственный чин, присваиваемый за заслуги перед государством (маньчж.).

Аймак, объединение родственных семей в Монголии, ведущих свое происхождение от одного предка

Асканьи-амбань (Асханьи-амбань, асхань и асканнами, асханьяма, асханьамба, аскомба), член совета министерства, палаты (маньчж.).

Албату — обязанный повинностью, зависимый

Алиха-амбань (алихамба), глава палаты министерства (маньчж.).

Алиха-хафань (алихахава), председатель одного из девяти средних присутственных мест (маньчж.).

Амбань-джангин (амбань-чжанцзин), военный наместник края

Бинбу см. Военная палата

Банди (баньди), названия представителей низшего слоя буддийского духовенства (лам)

Батур-тайджи, почетное название и титул, в переводе: наследственный дворянин (монг.-ойратск.). См. также тайджи

Батур-эркэ (эрхэ)-джиноиг (джинун, дзинун), титул владетельных феодалов (монг.-ойратск.)

Битеши (бичечи, бишэчи), секретарь, писарь (монг.-маньчж.)

Биширэлту-Дзасакту-хан, титул одного из правителей Халхи (монг.)

Бусы, большие долбленные лодки

Бэйгуань, наследственный чин (кит.)

Бэйл (бэйлэ), третья степень княжеского звания (маньчж.)

Бэйс (бэйцзы), четвертая степень княжеского звания (маньчж.)

Вай фань, «внешние вассалы», название, применяемое Цинами в отношении Халхи, тибетского дибы, Кореи (кит.)

Вайлан, чиновник по поручениям (кит.)

Ван, король, государь вассального владения; высший кит. титул знатности — князь. При династии Цин титул ван имел несколько степеней. См. цинь-ван, цзюнь-ван и др.

Ван фэй, жена вана, титул, который жаловали маньчж. императоры женам своих вассалов, корейск. ванов, вступавших на престол (кит.)

Военная палата (Бинбу), одна из шести палат (министерств), составлявших высшие исполнительные органы империи Цин

Вуа, вьетнамск. правители

Ганьцин гун, палата императорского дворца

Государственная историографическая комиссия (Цин ши гуань), учреждение, составлявшее официальные истории

Государственная Дворцовая канцелярия (Нэйгэ), высший государственный орган Цинской империи

Государственный совет (И чжэн ван дачэнь хуйи), совет князей и сановников, состоявший исключительно из представителей маньчжурской знати

Гуйфу (Гуйлай) («Присоединившиеся»), так Цины называли южных монголов до их покорения, подчеркивая зависимость последних от Цин

Гун, титул знатности — князь, в западноевропейской и дореволюционной рус. литературе — герцог (кит.)

Гушань-бэйцзы, титул (маньчж.)

Гушань-дачэнь, титул или звание военачальников Восьмизнаменных войск (маньчж.)

Гушань-эчжэнь, командир знамени Восьмизнаменных войск или командир корпуса (маньчж.)

Да бэйлэ, великий бэйлэ, титул знатности (маньчж.)
Дайчин (дайцин)-тайджи, титул феод. владетелей (монг.)
Далай-лама, теократический правитель Тибета, глава тибетской ламаистской церкви
Далисы-цин, председатель ревизионной палаты (кит.)
Дархан (дархань, тархан), почетный титул у тюркских и монгольских народов; лицо, освобожденное от личной или податной зависимости от своего феодала (монг.)
Дархань (дархан)-гэлун, титул, звание (ойратск.)
Дасюэши, канцлер Государственной канцелярии, назначался из членов академии Ханьлинь (кит.)
Дацзянцзюнь, главнокомандующий, главный военачальник (кит.)
Дачэнь, сановник, старший чиновник (кит.)
Дворцовая историографическая палата (Нэйгэшиюань), учреждение по составлению хроники исторических событий
Дворцовый секретариат (Нэймишуюань), орган, подчиненный Государственной канцелярии
Джангин (джангинь, чжангинь, чжанцзин, цзангин), военачальник, общее название штабных офицеров; начальник отдела в министерстве (маньчж.)
Джасак см. дзасак
Джебдзун-Дамба-хутукта, титул главы ламаистской церкви в Монголии
Джиноиг (цзинун), титул или звание, князь-соправитель (монг.)
Дзайсан (дзайсанг, зайсан, цзайсян), почетный титул правителя (монг.)
Дзасак (джасак), удельный князь, правитель хошуна (монг.)
Дзасакту (джасакту)-хан, титул одного из трех главных правителей Халхи, удельный князь (монг.)
Диба (дипа), светский правитель (главный министр) Тибета
Доло-ань-цзюнь-ван, титул князя второй степени (маньчж.)
Доло-бэйлэ, титул (маньчж.)
Доло-у-ин цзюнь-ван, титул князя второй степени (маньчж.)
Доло-цзюнь-ван, титул князя второй степени (маньчж.)
Доло-чэнцзэ, титул (манчьж.)
Доло-чэнцзэ цзюнь-ван, титул князя второй степени (маньчж.)
Донг, вьетнамск. административно-территориальное деление
Дутун, командир знаменного корпуса (знамени) (кит.)
Дэси, светский правитель Тибета, управлявший страной наряду с далай-ламой

Зайсан см. дзайсан
Знамя см. хошун
Знамя, военно-адм. единица (манчьж.)

И чжэн ван дачэнь хуйи см. Государственный совет

Коу-тоу, обряд коленопреклонения и земных поклонов. См. также сань гуй цзю коу
Куяк, доспехи из кованых металлических пластинок, нашитых на сукне

Лама, буддийский (ламаистский) монах в Тибете и Монголии
Ланчжун, начальник отделения в ведомстве, палате, министерстве (кит.)
Либу см. Палата ритуалов
Линшивэй нэйдачэнь, командир корпуса телохранителей императорской гвардии (кит.)
Лифаньюань см. Палата внешних сношений
Любительские поминки, подарки, посылавшиеся рус. царями восточным правителям, феод. владетелям

Мэнгу фань, монг. вассалы, название правителей Халхи, применяемое Цинами (кит.)
Мэргэн, титул монг. феод. знати (монг.)
Мэргэн-нойон, монг. титул. См. также мэргэн, нойон

Никанский царь, название кит. императора в рус. архивных документах
Нойон (ноеон, но-янь), титул, «владетельный князь» (монг.)
Нэйгэ см. Государственная Дворцовая канцелярия
Нэйгэшиюань см. Дворцовая историографическая палата

Нэйдачэнь, дворцовый чин, цинский сановник (кит.)
Нэймишуюань см. Дворцовый секретариат
Нэйюань сюэши, чиновник дворцовых ведомств (кит.)
Нюру, военно-хозяйственная единица маньчжурской восьмизнаменной организации (условно переводится: рота)

Палата внешних сношений (Палата по делам зависимых земель, Лифаньюань), ведала связями с другими государствами
Палата императорского дворца в Пекине (Ганьцин гун)
Палата ритуалов (Либу), ведала церемониалами при дворе, просвещением, религиозными обрядами и обычаями
Палата уголовных наказаний (Синбу)
Палата финансов (Хубу)
Панчэн-лама (Баньчэнь, Баньцинь), хутухта, второе лицо в тибетской церковной иерархии
Правый вэй (ювэй), правофланговое воинское соединение (кит.)
Правый шилан (ю-шилан), главный шилан (кит.)

Сань гуй цзю коу, «Три раза на колени, девять поклонов», девять земных поклонов, которые принуждали совершать иностранных послов при императорском дворе в Китае
Синбу см. Палата уголовных наказаний
Сыкэ, Департамент по приему иностранных гостей при Палате ритуалов
Сюньфу, военный губернатор, градоначальник (кит.)
Сюэши, высш. должности в цинском государственном аппарате — статс-секретарь (кит.)

Тайджи (тайчжи, тайцзи, тайши), наследственный титул монгольской знати, «потомственный дворянин»
Тиду, командующий войсками провинции, командир дивизии провинциальных войск (кит.)
Тунчжи, помощник начальника провинциального отраслевого управления (кит.)
Тушэту-батур-дайчин (дайцин), титул или звание (монг.)
Тушэту-дайчин (дайцин), титул или звание (монг.)
Тушэту-хан, титул одного из правителей Халхи
Тушэту цинь-ван, князь (кит.)
Тушэту эфу, титул правителя южных монголов
Тюа, вьетнамск. регенты-соправители вьетнамск. королей (вуа)
Тяу, вьетнамск. административное лицо

Фань (фань-жэнь), житель далеких окраин, вассальных владений, вассал, здесь: тангуты, жители провинций Сикан и Сычуань
Фань бан, вассальное владение (кит.)
Фудутун, помощник командира маньчж. знаменного корпуса (знамени) (кит.)
Фуцзян, военный чин (кит.)

Хан, до 1636 г. высший титул правителя маньчж. государства (маньчж.)
Хашиха (хасиха), титул, почетное звание у ойратов
Хоу, титул знатности, соответствует русскому «князь». В дореволюционной русской и западноевропейской литературе переводился как «маркиз» (кит.)
Хоши-бэйлэ (хошо-бэйлэ), титул знатности (маньчж.)
Хошун (знамя), феодальный удел, княжество в дореволюционной Монголии
Хошучо (хэшоци), титул знатности (монг.).
Хуан ши шэн, императорское хранилище исторических сочинений
Хубилган, «перерожденец» какого-либо буддийского (ламаистского) «святого» (монг.)
Хубу см. Палата финансов
Хукоу, пленные, превращенные в зависимых
Хундулен-тойн (кундулунь-тоинь), титул знатности (монг.)
Хунтайджи, титул наследника ханского престола (монг.)
Хутухта, титул иерархов ламаистской церкви
Хуцзюнь-тунлин, командир охранного знаменного отряда (корпуса) (кит.)
Хуцзюнь-цаньлин, командир полка охранного знаменного отряда (корпуса) (кит.).

Хэшо (хошой) цинь-ван, титул князя первой степени (маньчж.)

Хэшо (хошо, хошой)-чэнцзэ цинь-ван, титул князя первой степени (маньчж.)

Цаньлин (чжалань), командир полка в Восьмизнаменных войсках Цинской империи (кит.)

Цаньцзян, военный советник, полковник (кит.)

Цзайсан см. дзайсанг

Цзин люэ, титул кит. полководцев и исполнявших обязанности военных губернаторов (кит.)

Цзоду-юйши, старший председатель цензората

Цзолин, командир роты (нюру) (кит.)

Цзунгуань, главноначальствующий, в руках которого сосредоточивалось и военное управление города или района, области (кит.)

Цзунду, генерал-губернатор, наместник (кит.)

Цзун-жэнь-фу, судебное учреждение, в котором ведутся дела родственников императора

Цзун шо гэ, палата императорского дворца в Шэньяне

Цзюнь-ван, князь второй степени (кит.)

Цзюнь-чэнь (дословно: «господин и слуга»), «вассальное государство». Так Цины называли Корею после войны 1636—1637 гг.

Цзянцзюнь, командующий войсками, начальник военной и гражданской администрации области, наместник (кит.)

Цзяньцзюнь, инспектор армии (кит.)

Цидуй, отряд знаменных войск (кит.)

Цин ши гуань см. Государственная историографическая комиссия

Цинь-ван, князь первой степени, принц крови (кит.)

Цэцэн-дайцин, титул знатности (монг.)

Цэцэн-нойон (сэцэн-нойон), титул знатности (монг.)

Цэцэн (сэцэн, чэчэн)-хан, наследственный титул представителей монгольской и ойратской знати

Цэцэн-цзайсан, титул или звание (монг.-ойратск.)

Чагань-хан (белый хан или царь), так называли в китайских и маньчжурских документах русского царя

Чжангинь см. Джангин

Чжанцзин см. Джангин

Чжисунь, термин для обозначения знатных иноземцев (кит.)

Чжисянь, начальник уезда (кит.)

Чжуши, начальник, управляющий делами в канцелярии, ведомстве, министерстве (кит.)

Чулган (чулхань), сейм, или съезд, феодальных правителей, высший орган управления у кочевых народов (монг.)

Чэнь (чэнь-цзы), слуга, вассал (кит.)

Шаншу, глава (президент) ведомства (палаты, министерства), министр (кит.)

Шивэй, офицер столичного корпуса телохранителей (кит.)

Шивэй нэйдачэнь, дворцовый чин, после начальника дворцового корпуса телохранителей (кит.)

Шилан, помощник начальника Палаты (Ведомства), товарищ министра (кит.)

Шилу ку, хранилище «Хроники правления государей» («Шилу»)

Эфу, звание, присваивавшееся монг. князьям, женатым на принцессах цинского правящего рода

Юаньвайлан, помощник секретаря ведомства, палаты (кит.)

Юшилан см. Правый шилан

Ямынь, гос. учреждение

Ясак, дань натурой, собираемая во владениях царской России с нерусского населения

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Абатай, маньчж. полководец 94
Абахай (1592—1643), маньчж. хан, основатель династии Цин (посмертное храмовое имя — Тайцзун Вэньхуанди. Правил под девизами Тяньцун (1627—1636) и Чундэ (1636—1643) 46, 56, 58—60, 62, 67—70, 80—82, 85, 87—94, 98, 99, 113, 115, 133—141, 143, 336, 337
Абдулла Дархан-бек (Дархань-бек Абдулла), правитель Хами 226—228, 342, 343
Абдулла-хан см. Султан Абдулла-Ахмет-ацзи-хан
Аблай-таджи (Аблай-тайша, ойратский феод. владетель, сын Байбагас-хана) 173, 273, 281, 284, 345, 346
Аблин (Облин) Сеиткул (Сеткул), тобольский служилый бухарец, рус. посланец в Китай 5, 273—275, 283—285, 289—291, 344—346
Алак-Батур-хан (кан) см. Фулинь
Аланьтай, маньчж. сановник 200
Албаза, даурский князь 285
Алдар-тайджи, дэрбэтский феод. владетель 183
Александров В. А., сов. историк 37—38, 296, 312, 326, 347—350
Алексей см. Толбузин Алексей Ларионович
Алексей Михайлович, рус. царь 268, 275—277, 281, 288, 295, 345, 346
Амида, нэйдачэнь 195, 196
Аминь, да бэйлэ (великий бэйлэ) 90, 97—104
Амухулан, шаншу Лифаньюаня 314, 348
Амухулан, ойрат 342
Анань (Ан-ань), феодал из южномонгольского княжества Джаруд 132
Ананьда, шивэй, фудутун 155, 180, 187, 190, 211—214, 218, 219
Анг Нон, южновьетнамский феодал, по происхождению камбоджиец, 253
Андрикан (Андри-кан), «богдойский царь» в русских документах, по-видимому, маньчж. военачальник или местный князек в Приамурье 269, 276, 344
Аничков Сила Осипович, илимский воевода 292, 347
Ану-хатум (хатунь), мать джунгарского хана Цэван-Арабдана 61
Арбитэгу, вайлан 194, 207, 208
Арни (Алани, Алинай, Арагни, Аранай, Арани, Аргани, Арна-алеген, Арни-алеган), шаньшу Лифаньюаня, алиха-амбань, член цинского посольства при подписании Нерчинского договора 1689 г. 152, 153, 155, 157, 160, 189, 192—195, 205, 324, 341
Аршинский (Ершинский) Данила Данилович, тобольский сын боярский, нерчинский воевода 287—289, 291, 292, 294, 298, 302, 346, 347
Ацзигэ, бэйлэ, маньчж. полководец 91, 98, 119, 137
Ациту-Дорджи, лама, сопровождал шаншу Арни на встречу с посланцем далай-Ламы в апреле 1686 г. 152
Аюйши-Цзанцзичжаб (кит. Аюйши Цзанцзи-чжабу), сын Цэван-Арабдана, ойратский феод. владетель 218
Аюки-тайджи (Аюка, кит. Аюци), торгоутский феод. владетель 183

[1] Некитайские имена и фамилии, приводимые в китайской транскрипции, оговариваются: (кит.). В скобках даны основные разночтения, встречающиеся в советский литературе.

Байбагас-хан, хошоутский феод. владетель, брат Гуши-хана (Туру-Байху) 162, 163
Байиньдали, правитель племени хойфа 78
Байки (кит. Байци)-бек, младший сын хамийского правителя Абдуллы Дархан-бека 227
Байков Федор Исакович, московский дворянин, рус. посол в Цинской империи 37, 57, 273, 274, 276—281, 283, 284, 289, 296—300, 344—347
Бакши Курчань (кит. Бакэши Куэрчань), маньчж. чиновник 102, 103, 106
Балдача (кит. Баэрдаци), посол солонов к Абахаю 81
Банно Масатака, японский историк-китаевед 24
Бантыш-Каменский Н. Н., рус. историк 226, 289, 291, 295, 347, 349, 350
Баньдарша (Баньдаэрша, Бантарча), фудутун 349
Баоланьэгэлэху (кит.), феод. владетель торгоутов, родственник Хо-Урлюка 339
Бао Чжу, чжуши Лифаньюаня, цинский посланник к Галдан-Бошокту-хану в 1696 г. 209, 218
Бардан (кит. Баэрдан)-тайджи, халхаский феодал 154
Барятинский Иван Петрович, князь, боярин, якутский воевода 292, 293
Батур-бэйлэ, ойратский феод. владетель 166
Батур-нойон, ойратский феод. владетель 166
Батур-тайджи см. Далай Батур-тайджи
Батур-хунтайджи, см. Эрдэни-Батур-хунтайджи
Батур-эрдэни-дайцин Хулумши см. Хулумши
Батур-эркэ (эрхе)-джинонг (кит. цзинун) Хороли (кит. Хэлоли), феод. владетель с Алашаня 61, 175—179, 182—184, 186, 202, 214, 340, 341
Бахай, цзунгуань, цзянцзюнь Нингуты 271, 293, 314, 315
Бацилань, маньчж. полководец 68, 81
Белобоцкий Андрей 322
Березный Л. А., сов. историк-востоковед 43
Биггерстафф К. (Biggerstaff K.), амер. китаевед 45, 336
Бичурин Н. Я. (Иакинф), рус. китаевед 14, 31, 340
Биширэлту (Бисилээрту)-хан см. Дзасакту-хан Норбо
Богдой (Богда, Богдай, Бокдой, Борба, Борбой), маньчж. хан в рус. архивных документах 267, 283, 345
Бокщанин А. А., сов. китаевед 5, 22, 33, 336, 337
Бомбогор, вождь солонов 82
Борбой см. Богдой
Борокудзи-тайджи, хошоутский феод. владетель 183
Боцзи, алашаньский феод. владетель, младший брат Батур-эркэ-джинонга Хороли 202
Бошику-норбу (кит.), цинский разведчик, посланный на Керулен в 1696 г. 211
Бошиси, юаньвайлан, посол Канси к Галдан-Бошокту-хану в феврале — марте 1697 г. 217, 218
Бошокту-джинонг, кукунорский феод. владетель 212—214
Боэрцзинь (кит.), маньчж. сановник 103
Будали, ойратский военачальник, в ноябре 1696 г. перешел на сторону Цинов 216
Буёт-хон (кит. Буяотэ-хуань), хошоутский феодал, брат Туру-Байху (Гуши-хана) 162
Буйносов-Ростовский Алексей Иванович, князь, тобольский воевода 345
Булат-ходжа, посол Галдан-Бошокту-хана к цинскому двору в августе 1697 г. 206, 342
Бутуксэн-хутухта (кит. Бутукэсэн), халхаский феодал 154
Бучжаньтай, бэйлэ, правитель племени ула, зять Абахая 78—80, 98
Былин В., рус. посол, ездивший к ойратам в 1668 г. 174
Бэдли Дж. (Baddeley J. T.), англ. историк 42

Валиху, маньчж. военачальник 315
Ван Сянь-цянь, кит. историк XVIII в. 15
Ван Те-фу, руководитель восстания в Фуцзяни в 1663 г. 173
Вангао, чжурчжэньский вождь, дед Нурхаци по материнской линии 73
Ванин Ю. В., сов. историк-кореист 27
Ваншук, северомонгольский феодал, сын Дзасакту-хана Норбо 151

Ван Фу-чэнь, руководитель восстания 175
Васильев В. П., рус. китаевед 16, 17
Вашань, дутун, гун 319
Венюков Никифор (Микапар) Данилович, подьячий Посольского приказа, в конце 1685 г. направлен в Пекин с царской грамотой 322, 323, 349
Вербист (Вербияст) Фердинанд, голландец, иезуит, миссионер в Китае 291
Вершинин Емельян, тарский конный казак 265
Владимирцов Б. Я., сов. историк-монголовед 31, 338
Власов (Власьев) Иван (Иоанн) Евстафьевич (Астафьевич, Остафьевич), стольник, нерчинский воевода 320
Во, вьетнамская феод. фамилия 247
Волконский Я. П., якутский воевода 294, 347
Вэй Юань, кит. историк и политический деятель XIX в. 20, 40, 200, 343
Вэйчжэн-гэлун, посланец Джирунхутухты к цинскому военачальнику Амиде в 1690 г. 196
Вэнгуй (кит.), торгоутский феодал, дядя братьев Баоланьэгэлэху и Манхая 339
Вэньда, шилан 190

Галдан-Бошокту (Бушукту)-хан (1645—1697), глава Джунгарского ханства 4, 18, 31, 32, 49, 50, 59—61, 63—66, 68, 70, 71, 153, 154, 156—160, 172—183, 185—201, 203—220, 225—228, 326, 328, 334, 339—343
Галдан-дорджи, ойратский (алашаньский) феод. владетель, сын Эрдэни Гэрдибы 186, 219
Галдан-тайджи, сын Тушэту-хана Чихунь Доржи 155
Галдан-тайджи, вероятно, Галдан-Бошокту-хан 184
Галдан-ширету (Галдан-ширету-лама, Ширетуй), личный представитель далай-ламы на примирительном съезде в Халхе в 1686 г. 152, 153, 191, 341
Гантимур (Гайтимур, Гантимур-улан, Гатимур), эвенкийский князь 267, 286—288, 291, 292, 296, 299, 302, 303, 305, 306, 308, 310, 312, 316, 324, 344, 346—348, 350
Гао Ди, минский верховный главнокомандующий войсками 86
Гарма-дайцин-хэшоуци, личное имя Дамдин (кит. Даньцзинь, Гарма-данцин-хошоуци), чороский феод. владетель, сын Моргэнь-дайцина 183
Гарма-джинонг, чахарский феодал 140
Гиоро (кит. Цзиоло)-Сунью, шивэй, маньчж. посол к Галдан-Бошокту-хану в 1682 г. 180
Годунов Петр Иванович, тобольский воевода 285
Голицын А. А. тобольский воевода 346
Головин Федор Алексеевич, окольничий, полковой воевода, наместник брянский, рус. посол при заключении Нерчинского договора с Цинской империей 39, 155, 322—331, 350
Гомбо-Арабдан см. Лобцзан Гомбо-Арабдан
Гомбо-йэлдэн, халхаский феодал, дядя Ваншука 151
Гомбо Тушэту-хан, халхаский владетельный правитель, участник Джунгарского съезда в 1640 г. 63
Гопа-бек, сын хамийского правителя Абдуллы Дархан-бека 237, 342
Гопи, шилан 319
Гортулэн (кит. Гаоэртулэнь), одна из жен Лигдан-хана 140
Горский В., рус. китаевед 26, 73, 76
Гребенщиков А. В., сов. китаевед, маньчжурист 23
Грум-Гржимайло Г. Е., сов. путешественник, исследователь Центральной Азии 31, 339, 340
Гу Цзе-ган, кит. историк 41, 42
Гу Ци-юань, кит. историк 12
Гуаньбао, шивэй 318, 325
Гуй-ван, титул Чжу Ю-лана, одного из претендентов на китайский престол после падения династии Мин 231, 343
Гумэн-дорджи, ойратский тайджи 217
Гунчжан-Гунбу, брат ойратского Галдан-Бошокту-хана 154
Гунчус (кит. Гуньчусы)-батур, бэйлэ из монгольского княжества Найман 62, 133
Гуньчук (кит. Гуньчукэ)-дархан Нансу, маньчж. посланец к Галдан-Бошокту-хану в конце 1688 г. 190
Гуревич Б. П., сов. историк-китаевед 42
Гурмахун, гушань-бэйцзы 67, 17[illegible]
Гусаньтай, маньчж. сановник 103
Гуши-хан (собств. имя Туру-Байху), глава кукунорских хошоутов,

правитель Кукунора 48, 52, 53, 59, 63, 66, 161—165, 167—169, 171—173, 175, 185, 339
Гэлэй-гуин, доверенное лицо Галдан-Бошокту-хана, посол к Канси в декабре 1696 г. 216—218
Гэн Чжун-мин, командующий кит. войсками в Дэнчжоу 90
Гэньдун-дайцин (дайчин)-бэйлэ, правитель хотохойтов 205, 206, 216

Дайчин-тайша, торгоутский феодал 266
Дайчин-тайджи, монг. феодал 154
Дайшань, маньчж. оэилэ, военачальник 85, 140
Далай-Батур-тайджи (Далай-хан) по имени Дорджи (Батур-тайджи?), ойратский (кукунорский) феод. владетель, сын Гуши-хана 165, 166, 168, 180, 212, 213, 340
Далай-лама V см. Нагван Лобсан-чжамсо
Далай-тайша (Далай, Баатырь, Богатырь-тайша, Далай-батур, Талай-тайша), ойратский князь, правитель дэрбэтов 166
Далай-хан см. Далай Батур-тайджи
Дамба-тайджи, родственник Дзасакту-хана 150
Дамба-хашиха (хасиха), ойратский военачальник 213, 342
Дамдин-Арабдан (Арабтан, кит. Даньцзин Алабутан), сподвижник Галдан-Бошокту-хана 70, 213—215, 218, 219
Дамдин-Гомбо (Омбо, кит. Даньцзинь Гуньбао), ближайший соратник Галдан-Бошокту-хана 70, 208, 213—216
Даньлай, маньчж. чиновник, посланный в 1690 г. с указом от цинского правительства к Галдан-Бошокту-хану 194
Даньцзилла, ойрат, ближайший соратник Галдан-Бошокту-хана 70, 71, 155, 208, 210, 211, 213—216, 218, 220, 227, 342
Даньцзин-Вэньбу, ойратский феодал 155
Даньцзин-лама (Номун-хан), глава аймака Сайн-нойн в Северной Монголии 145—151, 339
Даньцзин Гуньбо см. Дамдин Гомбо
Даньцзичжаб, сын кормилицы Галдан-Бошокту-хана 219
Дармашири-нойон, северомонгольский феодал 154
Дарха (кит. Даэрха), маньчж. сановник 103, 136
Дархан-гэлун, посланец Галдан-Бошокту-хана к Канси 195
Дархан-цинь-ван Баньди, халхаский феодал, выступавший на стороне Цинов против Галдан-Бошокту-хана в 1688 г. 189
Дархан-Эмчи (Эмци), посол далай-ламы в 1697 г. 219
Дархань Батур, цзюнь-ван, монг. феодал 56
Дачигин Юпчанейко, эвенк 292
Даюнь, маньчж. сановник, посол в Корею в конце 1637 г. 119
Даячу (кит.), тайджи из южномонгольского княжества Джаруд 131
Демидова Н. Ф., сов. историк 37, 39, 276, 277, 344—346
Джамба, гонец от Джирун-хутухты к цинскому военачальнику Амиде в 1690 г. 196
Джарбунай (Джарбуной), посол далай-ламы на съезд северомонгольских феодалов 152
Джебдзун-Дамба-хутухта см. Лубсан Джебдзун-Дамба-хутухта
Джирун-хутухта (Дзирун-кутухта, Джирим-кутухта, Джирун), посол от далай-ламы к Галдан-Бошокту-хану 196—199, 201, 207, 212, 213, 219
Дзайсай (Цзэ-сай), феодал одного из «пяти халхаских племен» 129, 131
Дзасакту-хан Норбо (Биширэлту-хан), правитель Западной Халхи 61, 148—151
Дзонхава (Дзункабо, Цзункаба) тибетский монах, создатель секты желтошапочников в Тибете, основатель ламаизма 203, 212
Дин Го-чэнь (кит.) мусульманин из Хэси (Ганьсу), руководитель восстания дунган в пров. Ганьсу в 1649 г. 222, 342
Динь-выонг см. Чинь Кан
Добцзан-гуси, маньчж. посол в Тибет в 1651 г. 170
Додо, маньчж. военачальник 144
Докэсинь-нойон (кит.), ойратский феод. владетель, дед Галдан-Бошокту-хана 340
Долгих Б. О., сов. историк, исследователь Сибири 26
Донгосуэр, посланец Галдан-Бошокту-хана к цинскому военачальнику Амиде в 1690 г. 196
Доргонь, маньчж. полководец, регент при малолетнем императоре 91, 92, 94, 141
Дорджиджаб (Дорцзичжаб, Дордзичжаб), ойратский феодал, млад-

ший брат Галдан-Бошокту-хана 154, 187
Доржи (Дорчжи), торгоутский феодал, сын торгоутского феод. владетеля Лобцзан-нойона 167
Ду Сун, минский командир корпуса, 84, 85
Ду Ю, кит. средневековый автор, составитель энциклопедического труда «Тундянь» 336
Дугар-Арабдан (Духар-Рабтан), ближайший соратник Галдан-Бошокту-хана 155, 218
Думан Л. И., сов. историк-китаевед 5, 21, 36, 40
Дун Го-вэй, нэйдачэнь 195, 210
Дунбао, хуцзюнь-тунлин 349
Дунгоган см. Тунгоган
Дуцин-батур, маньчж. феодал 75
Дэвериа Г. (Deveria G.), франц. востоковед 13, 20
Дэкдэхэй-Моргань-ахай (Декдэхэй-мерген-ахай, Дыкдехый-мергын-ахай), халхаский феод. владетель, перешедший на сторону Галдан-Бошокту-хана 154, 187, 192
Дэмбэньэр-Нансу, тибетский посол 201
Дэн Сы-юй, амер. китаевед 13, 24, 45, 337

Екешу, старшина из племени хурха 125
Елэму, старшина из племени хурха 125
Ермаченко И. С., сов. историк-китаевед 5, 28
Ефимов Г. В., сов. историк-китаевед 12, 20, 45

Жербийон (Жербильон) Жан Франсуа, франц. миссионер ордена иезуитов, находился на службе у Цинов, участвовал в Нерчинских переговорах 39, 328, 330, 350

Зиновьев Дмитрий Иванович, московский служилый человек 268
Златкин И. Я., сов. историк-востоковед 18, 19, 28, 30—32, 165, 182, 339—342

Иакинф, см. Бичурин Н. Я.
Иван, рус. воин 315, 316
Иванов Яким, албазинский казак 349
Илагуксань (Илагуксан, Илагугсан)-баньдида-хутухта, ойратский феодал, сын Очирту-тайджи 166, 196—199
Ин Гу, цинский посол к Цэван-Арабдану в апреле 1697 г. 219
Инаба Ивакити, яп. маньчжуровед и китаевед 43, 44
Инчжо (храмовое имя), корейск. ван 98, 102, 103, 119, 121
Инээрдай, цаньцзян 105, 107, 108, 111, 112, 116, 118, 119
Иньчжэн (храмовое имя Шицзун, правил под девизом Юнчжэн), цинский император 12, 13
Иолэ, доло-ань-цзюнь-ван 150
Ирбяо, посол к Абхаю 81
Исанъа, дасюэши, начальник Палаты финансов, Палаты ритуалов (в 1683 г.) 200, 210, 220, 313, 317
Ислам-ходжа, посол от турфанского султана Махмут Эминь-батур-хана в 1681 г. в Цинскую империю 224, 225

Кабышейка (Кабышей), маньчж. служилый человек из Нингуты 269
Каварда, шивэй, направленный к Галдан-Бошокту-хану с разведывательной целью в июне 1696 г. 210
Какэдули, родовой старейшина племени воцзи 75
Какэдули, маньчж. сановник 103
Кан Хоннип, корейск. главнокомандующий 95
Кангули, старейшина племени воцзи из местности Намдулу 74, 75
Кангуру, маньчж. посланец 83
Канси см. Сюанье
Кванхэгун, корейск. ван, свергнутый своим племянником Инчжо 98
Китат (кит. Цитатэ), нэйдачэнь, маньчж. посол к джунгарскому Галдан-Бошокту-хану 66, 180—182, 340
Копылов А. Н. сов. историк 36
Корницкий Семен, дьяк, участник посольств Ф. А. Головина 322
Крижанич Ю., рус. гос. деятель 296
Крэйг А. М. (Craig A. M.), амер. востоковед 42
Куасай, шивэй 325
Кузнецов В. С., сов. китаевед 22
Кулмаметов (Кулмаметев) Сейдяш (Сейдяж), тобольский служилый бухарец 284, 285
Кундулун (Кундулен)-Бошокту, монг. феод. владетель левого крыла Халхи 194
Кун Ю-дэ, минский военачальник, перешедший на сторону маньчжуров 90

Куран М. (Courant M.), франц. востоковед 31, 32
Курчань см. Бакши Курчань
Кэбай (кит.), мусульманский старшина, посланник Хами 222
Кэшиту, шивэй, маньчж. посланник Канси к Галдан-Бошокту-хану в 1696 г. 209
Кюнер Н. В., сов. историк-китаевед 45, 336

Лавкай (Ладкай), даурский князь 267
Ладугу, шилан Лифаньюаня 185, 186
Лама-чжаб (джаб), посол Галдан-Бошокту-хана к Канси в 1697 г. 219
Лантань, фудутун, руководил военными действиями против Албазина, возглавлял цинские войска во время переговоров в Нерчинске в 1689 г. 39, 205, 226, 313, 314, 343
Ланчжу, правитель племени курка 76
Лаоса, маньчж. военачальник 114
Ласи, цинский военачальник 214
Латтимор О. (Lattimore O.), амер. китаевед 23, 29, 30, 42
Ле Зя Тонг, вьетнамск. король 246—248, 259, 260
Ле Тхан Тонг (Ле Тхэн Тонг), вьетнамск. король 230—234, 236, 237, 239
Ле Тхань Кхой (Le Than Khoi), франц. востоковед 34
Ле Хи Тонг, вьетнамск. король 51, 248, 249, 259—261
Ле Хюйен Тонг, вьетнамск. король 237—240, 242—246, 248, 252, 260, 343
Лебедева Е. П., сов. этнограф-востоковед 26
Леонтьев А., рус. китаевед 13, 15, 336
Ли, представитель ламаистской церкви 87
Ли Вэй-хань, гуаннинский сюньфу 83
Ли Гак, младший брат корейского вана Инчжо 102, 103
Ли Жу-бо, минский военачальник 84, 85
Ли Кваль, корейск. сановник, восставший против вана 97
Ли Сянь-гэн, кит. сановник 243—246
Ли Цзы-чэн, вождь крестьянского восстания на севере Китая в 30—40-х годах XVII в. 55, 90, 94, 248
Ли Юн-фан, командующий гарнизоном г. Фушуня 84
Лигдан-хан (Линьдан-хан), правитель чахарского ханства 29, 30, 55, 59, 96, 128—131, 133, 137—141, 339
Лим Геноп, командующий корейск. войсками 119, 122
Лобсан-чжамсо см. Нагван Лобсан-чжамсо
Лобцзан (Лубсан)-Гомбо (Гумбо, Гумбу, Гуньбу, Омбо)-Арабдан (Рабдан, Араптан), алашаньский феод. владетель 178, 179, 184, 185, 341
Лобцзан-Гуньбу, кукунорский феод. владетель 154
Лобцзан Икэминань, джунгарский тайджи из племенной группы хойтов 193
Лобцзан-нойон, торгоутский феод. владетель 167
Лодыженский (Ладыженский) Михаил Семенович, стольник, якутский воевода 270, 271
Лу Сян-шэн, минский командующий 92
Лубсан Гомбо-Арабдан см. Лобцзан-Гомбо-Арабдан
Лубсан Джебдзун (Джебузун, Занабазар)-Дамба-хутухта (Ундур-Гэгэн), ургинский хутухта, брат халхаского феод. владетеля Тушэту-хана Чихунь-Доржи 66, 146, 152—159, 187, 190, 192, 197, 205, 207, 339
Лубсан-тайджи (Лубсан-Сайн-хан, Лоджан, Лобдзан, Лоузан), последний представитель династии Алтын-ханов 174
Лубсан-тайджи (Лубсан-тайджи-Эринчин, Лобцзан-тайджи-Эринчин), дзасак Северной Монголии, сын правителя хотохойтов Омбо-эрдэни 150—152
Лубсан-эринчин, алашаньский феодал 202
Лууса (кит. Лаоса), феодал из южномонгольского княжества Джаруд 128
Лю Да-нянь, кит. историк 23
Лю Син-цзо, фуцзян 101, 102
Лю Сюань-минь, кит. историк 41, 337
Лю Тин, минский командир корпуса 84, 85
Любимов А., рус. историк 316, 344, 348, 349

Ма Дуань-линь, кит. ученый, составитель энциклопедического труда «Вэнь сянь тункао» 14, 336

Ма Лин, минский командир корпуса 84, 85
Мади, цинский посол к Цэван-Арабдану 201, 203—205
Мак Данг Зунг, вьетнамск. феодал 242
Мак Кинь Хоанг (Мак Кинь Ву), последний властитель из дома Маков 242—246, 249—251, 343
Мак Кыу см. Мо Мэй
Маки, вьетнамск. феодальная фамилия 229, 232, 241—247, 250, 251, 344
Мала, адаха-хафань, хуцзюнь-тунлин, член цинского посольства, подписавшего Нерчинский договор 314, 317—319, 324
Мандули, старшина из племени ехэ 80
Манхай, торгоутский феодал, младший брат Баоланьэгэлэху 339
Маньбэй (Маньпи), ланчжун Ли фаньюаня 321
Мао Вэнь-лун, минский полководец 97—100, 103
Масыха (кит. Масыкэ), маньчж. военачальник 211
Мафута, цинский чиновник из Палаты финансов 109, 114, 116, 118, 119
Махмут (Махмет, Мухамед) Эминь-батур-хаши-хан (Махмут Эминь-батур-хан), турфанский султан 224, 225
Маци, цзоду-юйши, фудутун, секретарь делегации, направленной в Селенгинск для переговоров с русскими по пограничным вопросам 324
Мелихов Г. В., сов. историк-китаевед 5, 22, 26, 42, 336
Милованов Игнатий Михайлович, нерчинский сын боярский, казачий десятник, посланец в Китай 288—291, 298, 299, 302, 346, 347
Мин Пу, кит. сановник 259
Минган (кит. Минань), феодал из южномонгольского княжества Хорчин 128, 129
Минъай, далисы-цин 313
Минъаньдали, шаншу, дутун. гушань-эчжэнь 270
«Михаил молодой», руск. воин 316
Михаил Федорович, рус. царь 265, 267
Мо Дунинь, кит. историк 42
Мо Мэй (вьет. Мак Кыу), предводитель группировки, боровшейся с цинским правительством на море 253
Монготу (Мынгатей, Мангутей, Муготей, Могутей, Мугутей), воевода, фудутун Букея, цинский чиновник 291, 293, 294
Моргэнь-дайцин, ойратский феод. владетель (Чорос), младший брат Батур-хунтайджи 166
Моргэнь-тайджи, тушэту-дайцин, кукунорский (хошоутский) феод. владетель, сын Омбо-цэцэн-дайцина 179, 340
Москвитин Иван Юрьевич, рус. землепроходец XVII в. 266
Мотэнгэ, посол к Абахаю 81
Мункуев Н. Ц., сов. историк-китаевед 5
Мурашева Г. Ф., сов. историк-вьетнамист 33, 230, 262, 264, 343
Мыкандий (Микандия), маньчж. (богдойский) князь 287
Мэйбон Ш. (Maybon Ch.), франц. востоковед 34
Мэй-цзайсан, посол Галдан-Бошокту-хана к цинскому двору в августе 1695 г. 206, 342
Мэнколл М. (Mancall M.), амер. историк 35
Мэргэйн-нойон, восточнохалхаский феод. владетель 149, 150
Мясников В. С., сов. историк-китаевед 5, 36—38, 41, 42, 276, 346, 350

Нагван Лобсан-чжамсо (чжамцо) (кит. Лобуцзан-чжабусо), Далай-лама V, глава ламаистской церкви, теократический правитель Тибета 48, 66, 171, 201, 220, 239, 241
Намчжил-тойн, халхаский феодал 206—208
Намутай, гушань-эчжэнь 103
Наннукэ, цинский сановник, сопровождавший в 1653 г. далай-ламу к Гуши-хану 164
Нансу, посол Цэван-Арабдана к Канси в марте 1696 г. 343
Нансу-Гуньчукэ-дархан см. Гуньчук-дархан Нансу
Нарочницкий А. Л., сов. историк, академик 21, 22
Нарын-бек, (кит. Наминь-бокэ), посол хамийского правителя Абдуллы Дархан-бека к Цинам в конце 1696 г. 227
Нгуены, могущественная фамилия вьетнамск. феодалов 229, 231, 241, 246, 252, 253, 260
Нейгоф И. (Neuhof J.), участник посольства в Китай от голландских

колоний в Индонезии в 1654 г. 279
Никан-вайлан, правитель Маньчжурского объединения 73
Нилун-гэлун, гонец от Илагуксаньхутухты к цинскому военачальнику Амиде в 1690 г. 196
Ниматан-хутухта, посол дибы к Канси в 1697 г. 219
Номун-хан см. Даньцзин-лама
Норбо см. Дзасакту-хан Норбо
Норбу-цзайсан, подчиненный Галдан-Бошокту-хана 216
Ноэршэцзи (кит.), феодал из аймака Тушэту-хана 143
Нурхаци, (посмертное храмовое имя — Тайцзу Гаохуанди, девиз правления — Тяньмин), маньчж. хан, основатель маньчж. гос-ва Хоу Цзинь 46, 58—60, 72—87, 95—97, 99, 128—133, 143, 336, 338

Огородников В. И., сов. историк 26
Ойгун-чабчачи (кит. Вэйгунь-чабучаци), торгоутский феод. владетель, дядя Хо-Урлюка 163
Омбо (Омбу, Эмбу)-цэцэн-дайцин (Тушэту-батур-дайцин), хошоутский (кукунорский) феод. владетель, цэцэн-дайцин, тушэту-батур-дайцин, сын Гуши-хана 168, 340
Омбо-эрдэни, владетельный халхаский феодал, подчиненный Дзасакту-хану 60, 146, 148, 149, 166
Ордо, цинский сановник, председатель Военной палаты 324
Орчим-дайчин, халхаский феодал 155
Очир, монгол, доверенное лицо корциньского князя Шачжина 210, 342
Очир (Очирой, Очарой, Очорай) Саин-хан см. Тушэту-хан Чихунь-Доржи
Очир-тайджи, племянник правителя южномонгольского племени найманъ 55
Очирту (Очирту-тайджи, Очирту-хан, Очирту-цэцэн-хан), глава алашаньских хошоутов, сын Байбагас-хана 49, 63, 163, 165, 166, 173, 175, 178, 179, 185, 186, 219, 340

Пак М. Н., сов. историк-кореист 27
Пакба (?) (кит. Бахэба), феодал из княжества Джаруд 129
Паллас, рус. путешественник и естествоиспытатель 340
Парсел В. (Parcell V.), англ. востоковед 34
Пашков Афанасий Филиппович, енисейский воевода, с 1654 г. первый даурский воевода 267, 268, 275, 276, 286, 289, 344
Перейра Томас (Фома, Сюй Жишэн), португалец, миссионер ордена иезуитов в Китае, участник цинского посольства при переговорах с Ф. А. Головиным в Нерчинске 39, 328
Перфильев Иван Степанович, тарский сын, боярский, посланец в Китай 283, 284, 345, 346
Петлин Иван, первый рус. посланец в Китай в XVII в. 37
Петриловский Артемий (Ортюшка) Филиппович, даурский войсковой казачий атаман 344
Позднеев А. М., рус. историк-монголовед 28, 31, 62, 142, 150, 339—342
Покотилов Д. Д., рус. востоковед 28
Попов П. С., рус. востоковед 19
Поярков Василий Данилович, якутский письменный голова, землепроходец XVII в. 266, 267, 345
Пэнчунь, гун (князь), дутун, командовал маньчж. войсками, захватившими в июне 1685 г. г. Албазин 313, 319, 349
Пэньчук, посол Галдан-Бошокту-хана в Цинскую империю в 1683 г. 182

Рейшауэр Э. (Reischauer E.), амер. востоковед 42
Рокхил В. (Rockhill W.), амер. путешественник, востоковед 339
Росс Дж. (Ross J.), англ. историк-китаевед 42
Россохин И., рус. китаевед 17, 18, 32, 336, 339
Рудаков А. В., рус. китаевед 17

Сабсу (Субсу, кит. Сабусу), фудутун, первый цзянцзюнь пров. Хэйлунцзян (с 1683 г.), в 1685 и 1688 гг. руководил осадой г. Албазина, член цинского посольства, подписавшего Нерчинский договор 206, 314, 315, 317—323, 349
Сайбтэн-Барчжур (Цебден-Бальжир, Сэбтэн-Бальчжур, кит. Сайбутэн-Барчжуэр), сын Галдан-Бошокту-хана 218
Сайтэ, агент Галдан-Бошокту-хана в Цинской империи 204

Сайчин-джорикту (кит. Сайчэнь-джоликэту), феодал из княжества Аохан 133
Самшика, маньчж. полководец, возглавивший поход против племени хурха 68, 81
Санарсай (кит. Саньаэрсай), сын хорчинского феодала Мингана 129
Сарцзю, маньчж. полководец 82
Семба-Чембу-хутухта, посланец далай-ламы в Северную Монголию 152
Сеугэнь, маньчж. разведчик 78
Сидиэркэ-цзайсан, дархань-гэлун, посланец Галдан-Бошокту-хана к цинским властям в сентябре 1690 г. 198
Сила (Сира), шилан 213
Сиратори К., япон. историк-китаевед **17, 45**
Сифу, цинский военачальник 205, 269
Сонготу (Самгату, Самгуту, кит. Соэту), линшивэй нэйдачэнь, глава цинского посольства во время переговоров с рус. послом Ф. А. Головиным в 1689 г. в Нерчинске 324, 325, 327, 331, 350
Спафарий (Милеску) Николай Гаврилович, дипломат, ученый, переводчик Посольского приказа, рус. посол в Цинской империи 294—312, 344, 347, 349
Степанов (Стефанов) Онуфрий (Анофрей), даурский приказной человек, землепроходец XVII в. 267, 268, 270, 271, 286
Степанов Осип Степанович (Стефанович), дьяк Якутской приказной избы 275
Судань, хуцзюнь цаньлин 226
Сукчон, корейск. ван 126
Султан Абдулла-Ахмет-ацзи-хан, правитель Турфана (Абдулла-хан?) 221, 222, 343
Суналабу (кит.), ордосский бэйлэ 178
Сунахай, цинский чиновник 124
Сунь Дэ-гун, минский военачальник 86
Сунь Сы-кэ, командующий войсками пров. Ганьсу 176, 204
Сунь Чжо, кит. сановник 259
Сунь Чэн-цзун, минский верховный главнокомандующий на Северо-Востоке, с 1622 г. наместник Ляодуна 86, 89
Сутай, жена Лигдан-хана, мать Эджэ 141
Сыцзун см. Чжу Ю-цзянь
Сэбэн (кит. Сэбэнь), феодал из южномонгольского княжества Джаруд 129
Сэнгэ (Сенге, Сенге-тайша, Сенга-тайша, Сеньга, Сечан-тайша), правитель Джунгарского ханства, младший сын Батур-хунтайджи 166, 173, 174, 340
Сэнгэ, посол к Абахаю 81
Сэрин-Хатан-батур (баатур), хошоутский феод. владетель, брат Гуши-хана 162, 165
Сю Ши-дай, цинский сановник, сопровождавший далай-ламу и доставивший в 1653 г. Гуши-хану грамоту и золотую печать 164
Сюанье (храмовое имя Шэнцзу, девиз правления Канси), цинский император 4, 10, 12, 15, 17, 19, 23, 40, 43, 44, 50, 54, 60, 61, 63—66, 68, 70, 71, 124, 125, 151—154, 156—160, 172, 175—183, 185—195, 197—220, 224—228, 287—291, 293, 296, 301—304, 306, 308, 310—331, 334, 336, 340—343, 346—350
Сюань-хуанхоу, мать Нурхаци 73
Сюй Янь-сюй, кит. чиновник, историк XIX в. 20
Сюнь Тин-би, минский наместник Ляодуна 85
Сяньцзу-тайши, отец Нурхаци 73

Тайцзун Вэньхуанди см. Абахай
Тан-ван, титул Чжу Юй-цзяня, одного из претендентов на кит. престол после падения династии Мин 230
Тао-кэ-то см. Токто
Тарутин Иван (Ывашка), тобольский казак, спутник Сеиткула Аблина 289, 290
Таслан-ходжа, посол Галдан-Бошокту-хана к Канси в апреле 1695 г. 207
Ташхайту-хулуг (кит. ташихайту-хулукэ), дзайсан войск Чахарского ханства 139
Телицын Яков (Якушка), нерчинский конный казачий десятник 320
Тимуров Катанган, эвенкийский князь 294
Тингис (Тэнгис), глава южномонгольского княжества сунитов 62, 144—146, 165
Тихвинский С. Л., сов. историк-китаевед 21, 22, 42
Тоенчины, братья дючерского князя Тоенча 267

Тоинь-тайджи, дэрбэтский феодал, сын Далай-тайши 166
Токто (кит. Тао-кэ-то), монг. историк 29
Толбузин (Талбузин) Алексей Ларионович (Алексей?), албазинский воевода 320, 321, 349
Толбузин Ларион Борисович, нерчинский воевода 346
Тулуши (кит.), маньчж. военачальник 140
Тун, шаншу Палаты уголовных наказаний 226
Тунгоган (Дунгоган, Тун Го-ган, Тумкенан), дутун, гун, дядя Канси по материнской линии, глава цинского посольства, подписавшего Нерчинский договор 324
Туру-Байху см. Гуши-хан
Тусету Лобцзан, ойратский феодал с Алашаня 177
Тус-убаши (кит. Тоусэубаши), маньчж. посол, направленный в 1620 г. к Лигдан-хану 130
Тухай, дацзянцзюнь 176
Тухар-тайджи, ойратский феод. владетель 184
Тушэту-батур-дайцин см. Омбо-цэцэн-дайцин
Тушэту-хан Чихунь-Доржи (Дорджи, Дорчжи) (Очирой Саин-хан), правитель Халхи 49, 62, 66, 151, 187—191, 194, 197, 205, 207, 312, 323, 327, 339, 341
Тэнгис см. Тингис
Тэнгитэй, брат Тингиса 145

У Гуан, кит. сановник 238
У Дань, шивэй, нэйдачжэнь, посланец к Галдан-Бошокту-хану в 1690 г. 198, 207
У Сань-гуй, кит. феодал, князь, минский военачальник 48, 94, 173, 175, 231, 247—250, 252, 256, 259, 261, 264, 294, 312, 343
У Хэ, кит. сановник 259
У Чжэнь-чэнь, кит. историк XVII—XVIII вв. 17, 18
Убай, нэйдачэнь, военачальник, отец Лантаня 114, 125
Удахай, маньчж. сановник 67, 171
Улу-ходжа (ходжо), посол из Турфана в Цинскую империю в 1673 и 1686 гг. 225, 342
Ундур-Гэгэн см. Лубсан Джебдзун-Дамба-хутухта
Урцзан (кит. Уэрчжань)-тайджи-цэцэн, халхаский феод. владетель 206, 342
Ууба (кит. Аоба), феодал из южномонгольского княжества Хорчин 133, 135, 136
Уэрчжаньчжаб, цэцэн-цзайсан, приближенный Галдан-Бошокту-хана 182, 340

Фаворов Иван, подьячий Посольского приказа, участник посольства Н. Г. Спафария 322, 323, 349
Фань Бэнь-лань, кит. историк 23
Фаркхар Д. М., (Farquar D. M.), амер. историк 338
Фомин Григорий, албазинский казак 349
Францбеков (Франзбеков) Дмитрий Андреевич, якутский воевода 267, 275, 345
Фулинь (храмовое имя Шицзу, правил под девизом Шуньчжи, Алак-Батур-хан?, Шамшакан?), цинский император 5, 10, 56, 60, 63, 120, 143, 145, 165, 166, 168, 170, 269, 270, 272, 275, 281, 283, 337, 343—346
Фуцюань см. Хэшо Юй-цинь-ван Фуцюань
Фэрбэнк Дж. К. (Feirbank J. K.), амер. китаевед 13, 24—26, 42, 43, 337
Фэйянгу, посол к Абахаю 81
Фэй Ян-гу, командующий цинскими войсками в период войны с Галдан-Бошокту-ханом 66, 204—206, 208—211, 215, 217, 218, 342
Фэньгянь, маньчж. посланец к минскому двору 83

Хабаров Ерофей (Ярофей) Павлович, даурский приказной человек, землепроходец XVII в. 267, 269, 275, 285, 286, 345
Хайсэ-джангин (кит. чжанцзин), маньчж. военачальник 269
Хан Ый, корейск. сановник, восставший против вана 60, 97
Ханьду-тайджи, алашаньский ойратский феодал, племянник Батур-эркэ-джинонга Хороли 177, 184, 202
Хара-хула (Каракула, Каракула-тайша, Карагуль, Харо-хула), чоросский правитель, основатель Джунгарского ханства 162, 163
Хачжань, цинский чиновник 176
Хёчжон, ван Кореи 121
Хинтон Х. (Hinton H. C.), амер. востоковед 34, 35

Холл Д. Дж. Е., англ. историк-востоковед 36, 242, 343
Хороли см. Батур-эркэ-джиноиг Хороли
Хо-Урлюк, ойратский феодал, глава торгоутов 163, 339
Хошиха, посол к цинскому двору от дэрбэтского тайджи Тоиня 166
Хуан, минский цзянцзюнь 70
Хуан Мин-пяо, предводитель одной из группировок, боровшихся с цинским правительством на море 252
Хуан Цзинь, предводитель одной из группировок, боровшихся с цинским правительством на море 253
Хулумши (кит. Хулумуши), батур-эрдэни-дайцин, кукунорский феод. владетель 184
Хун Чэн-чоу, минский военачальник 93, 231, 232
Хундулун-убаши, хошоутский (ойратский) феод. владетель, брат Гуши-хана 162, 165
Хунцзи, солонский цзунгуань 322
Хусун Додань, цинский чиновник 210
Хэ Цю-тао, кит. историк XIX в. 17, 19, 40, 41
Хэлоли см. Батур-эркэ-джиноиг Хороли
Хэчэнь, посланник Нурхаци к старшине племен ехэ 80
Хэшо (Хошо) Юй-цинь-ван Фуцюань, командующий войсками левого крыла в 1690 г. 189, 196—199, 341
Хэшоту, маньчж. сановник 103

Цзанба, дэси (регент) Тибета 162, 169
Цзинцу, дед Нурхаци 73
Цзинь Ли, цзунду пров. Шэньси и Сычуань 222
Цзиоло Лэдэхун, дасюэши 320
Цзиртайси, бэйлэ, старшина племени ехэ 76
Цзиэртабу (кит.), военачальник, член Государственного совета 194
Цзиэрхалан, бэйлэ, маньчж. полководец, брат Аминя. В 1641 г. получил титул хэшо цинь-вана 92, 98, 101, 107, 121, 137
Цзотба-батур, ойратский феод. владетель, сын Батур-хунтайджи 173, 174
Цзу Кэфа, минский чиновник 92
Цзюэло Кээрхунь (кит.), шилан 125
Цзян Лян-ци, кит. историк XVIII в. 15
Цзян Тин-си, кит. историк XVIII в. 14
Цзян Тин-фу, гоминьдановский политический деятель и историк 41
Ци Юнь-ши, кит. историк XIX в. 19, 340
Цицик-Далай-Хамбо (кит. Чэцикэ-Талай-Каньбу) Лобцзан, посол далай-ламы 185, 191, 192
Цицик-тайджи, ойратский феод. владетель 202
Цу-мэргэн, халхаский феодал, старший сын Дзасакту-хана Норбо 151
Цэван-Арабдан (Арабтан, Рабдан), джунгарский хан, сын Сэнгэ, племянник Галдана Бошокту-хана 49, 59, 60, 61, 193, 196, 200—202, 204, 208, 212—214, 216, 218—220, 226, 227, 343
Цэванджаб, младший брат Дзасакту-хана Цэнгуня 159, 160
Цэнгунь (кит. Чэн-гун) Дзасакту (Джасакту), хан, правитель Халхи, 151
Цэцэн-нойон, западнохалхаский правитель 150
Цэцэн-тайджи, старший брат Сэнгэ, ойратский феод. владетель 173, 174
Цэцэн-хан (Чэчэнь-хан, Чечен-хан), халхаский феодал, правитель баргутов 61, 206, 318, 338
Цэцэн-хан Шолой см. Шолой-хан

Чагань-дорджи (дорчжи) (кит.), ойратский тайджи 217
Чагань-Сидали (кит.)-хашиха, ойратский военачальник, служивший у Галдана 342
Чаншоу, битеши, маньчж. посол Канси к Галдан-Бошокту-хану 217
Чань Хун-фань, минский генерал 70
Черниговский Никифор, глава албазинских казаков 291, 292, 312
Чечигин Третьяк (Тренька, Трепка, Трипка) Ермолаев, якутский служилый человек 275, 345
Чжан Жо-ци, минский правительственный эмиссар 93
Чжан Му, кит. автор XIX в. 19
Чжан Чжэн-лан, кит. историк 27
Чжан Юй-шу кит. автор XVII—XVIII вв. 18
Чжан Юн, тиду пров. Ганьсу 169, 176, 180, 222, 340
Чжан Ян-би, кит. сановник 240
Чжаньбила (кит.), маньчж. резидент в г. Сунпане, руководивший разведкой 180
Чжао Цюань-чэн, кит. историк 42

Чжао Эр-сюнь, кит. историк 12
Чжоликту-Ойгун (кит. Вэньбу), посол Галдан-Бошокту-хана в Цинскую империю в 1683 г. 182
Чжоу Вэнь-юй, ганьсуский сюньфу 222
Чжоу Цань, помощник начальника Палаты ритуалов 260
Чжоэрбэнь (кит.), посол Галдан-Бошокту-хана к Канси в июне 1693 г. 204
Чжу И-цзюнь (храмовое имя — Шэньцзун, девиз правления — Ваньли), минский император 265
Чжу Чжи-юань, кит. сановник 238
Чжу Ю-лан см. Гуй-ван
Чжу Ю-цзянь (храмовое имя — Сыцзун, девиз правления — Чунчжэн), минский император 265
Чжу Юй-цзянь см. Тан-ван
Чжэкуна (кит.), сюэши 125
Чжэн Цяо, составитель энциклопедического труда «Тунчжи» 336
Чжэн Чэн-гун, руководитель антицинской борьбы 48
Чингисхан, монг. хан 128, 328
Чинь (Чини), могущественная фамилия вьетнамск. феодалов 229, 231, 232, 241, 242, 244, 246, 247, 249, 251, 253, 255, 260—263
Чинь Кан (Динь-выонг), вьетнамск. феодал, фактический правитель северной части Вьетнама 232
Чинь Так, вьетнамск. полководец XVII в. 230
Чинь Чанг, вьетнамск. феодал, фактический правитель северной части Вьетнама 231
Чихунь-Дорджи (Дорчжи) см. Тушэту-хан Чихунь-Доржи
Чуань, командир маньчж. отряда, сын Нурхаци 79
Чухур-убаши (Чухур-убаши-тайджи, Чохур-тайша, Чокур-тайша, Чокур-убаши, Чокур-убаши-тайша, Цохор-убаши), ойратский феодал, чорос, сын Хара-Хулы 166, 174, 193
Чхве Менгиль, член кабинета министров Кореи 122
Чэкчу (Чекчу), цинский разведчик 210
Чэн Тан, основатель династии Шан в Китае 237
Чэн Фан-чао, кит. сановник 240
Чэнь Ань-пин, предводитель группировки, боровшейся с цинским правительством на море 253
Чэнь Синь-цзя, шаншу минской Военной палаты 93
Чэнь Сю-хэ, кит. историк 33
Чэнь Шан-чуань, предводитель группировки, боровшейся с цинским правительством на море 253
Чэрэн-Дорчжи, ойратский военачальник, подчиненный Галдан-Бошокту-хана 219
Чэчэнь-хан см. Цэцэн-хан
Чээргэ, маньчж. сановник 103

Шакэхай-лату (кит.), ойрат, посланник джунгарского хана Цэван-Арабдана к императору Канси в марте 1693 г. 201, 202
Шамбалин-Хамбо, посол далай-ламы 192, 214, 341
Шамшакан см. Фулинь
Шан Кэ-си, командующий минским гарнизоном на о-ве Гуанчжоу, 90, 250
Шаннань-дорчжи, лама 187, 196
Шан Юэ, кит. историк 22
Шао Сюнь-чжэн, кит. историк 33
Шарандай (Шаралдай), глава цинского посольства к нерчинским властям в 1669 г. 287, 346
Шархуда, амбань-джангин, участник походов против рус. владений в Приамурье 270, 324
Шахасунь (кит.)-бек, посол Галдан-Бошокту-хана к императору Канси в июне 1693 г. 204
Шачжин (кит. Шацзинь), корцинь-ский тушэту цинь-ван, выступавший в 1688 г. на стороне династий Цин против Галдан-Бошокту-хана 189, 207, 210, 342
Шибохунь (кит.), маньчж. сановник 103
Шибтуй-хатан-батур, монг. феод. владетель 205—207
Шидишири-батур-тайджи (кит. Сидисили, в рус. архивных документах: Батур Кантазия, Батур Контазей, Батур-контайша, Сирисирей, Ширишей, Ширишерей), халхаский феодал, брат Тушэту-хана Чихунь-Доржи 190
Шилгиней (Шилгин), даурский князь 267
Шицзу см. Фулинь
Шицзун см. Иньчжэн
Шовэнкло (кит. Шовэнкэло), командир авангардного отряда цинских диверсантов в Корее 114
Шолой-хан (Шолой Сэцэн-хан, Цэцэн-хан Шолой, Шолой Далай Сэцэн-хаган), правитель Халхи 61—63, 144, 165

Шосай, доло-чэнцзэ, цзюнь-ван, хэшо-чэнцзэ цинь-ван 55, 67, 170, **171**
Шоу Ян, кит. историк XIX в., 19, 340
Шренк Л. И., рус. ученый, академик 26
Шуньчжи см. Фулинь
Шуэрхунакэ (кит.), шивэй 165
Шэнцзу см. Канси
Шэнь Чжи-сян, минский цзянцзюнь 69, 70
Шэньцзун см. Чжу И-цзюнь

Эджэ (Эчжэ), сын Лигдан-хана 140
Эйду, маньчж. военачальник 79
Элиньчжэн, шивэй 210
Эмбу (Омбо)-цэцэн-дайцин, см. Омбо-цэцэн-дайцин
Энгэдэр (кит. Эньгэдээр), феодал из южномонгольского княжества Байют 128, 129
Эрдэни-Батур-хунтайджи (Батур-хунтайджи), правитель Джунгарского ханства 162—164, 166, 171, 173, **222, 340**
Эрдэни Гэрдиба, ойратский феод. владетель, сын Очирту-тайджи 166
Эрдени-Джоржи (Чжорчжи), посол Галдан-Бошокту-хана к цинскому двору в октябре 1692 г. 202
Эрдэни-тайджи, ойратский феод. владетель 166
Эрдэни-хошоци (хэшоци, хошоуци), алашаньский ойрат, подчиненный Ханьду-тайджи 179, 182, 184—186, 340
Эркэ-батур-джионг см. Батур-эркэ-джионг
Эркэ-гэлун Чахань-Ойгун (кит. Вэньбу), посол Галдан-Бошокту-хана в Цинскую империю в 1683 г. 182
Эрланбао, маньчж. чиновник, посланник Канси в Кукунор в 1696 г. 214
Эрэнчэн-тайджи, ойратский феод. владетель, сын Чухур-убаши 193
Эчэнь, старшина племени чжушэли 75
Ээрхэту (кит.), шилан 199

Юань Ин-тай, минский генерал, наместник Ляодуна 85
Юань Чун-хуань, минский наместник в Нинъюане (на Ляодуне) 87, 89
Юй, мифологический правитель древнего Китая, основатель полулегендарной династии Ся 255
Юй-цинь-ван Фуцюань см. Хэшо Юй-цинь-ван Фуцюань
Юй Ши-яо, военный губернатор цинского правительства в пров. Гуанси 236, 237
Юй Юань-ань, кит. историк 29, 132
Юлэнъэ-чжангинь, вождь племени чжушэли 77
Юнчжэн, см. Иньчжэн
Ю-цзянь см. Чжу Ю-цзянь
Юэто (Иото), бэйлэ, маньчж. военачальник 91, 101—103, 114

Яковлев Кирилл Аристархович, енисейский воевода 292, 294, 347
Яковлева П. Т., сов. историк 36, 37, 330, 350
Ян Бинь, кит. историк 17, 18, 336
Ян Второй, фамилия и прозвище предводителя группировки, боровшейся с цинским правительством на море 252
Ян Третий, фамилия и прозвище предводителя группировки, боровшейся с цинским правительством на море 252
Ян Хао, минский наместник Ляодуна 84, 85
Ян Ци-лун, руководитель антицинского восстания в Шэньси в 1680 г. 173
Ян Сы-чан, минский командующий войсками в Шаньдуне 92
Ян Янь-ди, предводитель группировки, боровшейся с цинским правительством на море 253
Яно Дзинъити, японский маньчжуровед и китаевед 43, 44
Янь Чи (кит.), вьетнамск. вельможа 250
Ярыгин Матвей, сын боярский 292
Ярыжкин (Ярышкин) Петр, тобольский голова служилых татар, гонец Ф. И. Байкова, был послан в Китай вместе с Сеиткулом Аблиным 5, 273—275, 283, 284, 344, 445

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Принятые сокращения

бер. — берег, г. — город, гос. — государство, дер. — деревня, княж. — княжество, местн. — местность, обл. — область, оз. — озеро, о-в — остров, п-ов — полуостров, пос. — поселок. пр. — приток, пров.— провинция, р.— река, с.— село, у.— уезд, ур. — урочище, хр.— хребет

Абага, княж. в Южной Монголии 142
Азия, материк 4, 33
Айхунь (Айгунь, Хэйлунцзян, Хэйлунцзянчэн), ур., г. и крепость на Амуре 16, 17, 43, 68, 312—314, 316, 317, 319, 322—324, 327
Айян, г. на Северо-Востоке 85
Алашань (Алакэшань, Хэланьшань), горный хр. в пров. Нинся 174—176, 179, 180, 184, 185, 193, 202
Алашань, местн. см. Ситао
Албазин (Албазинский) Олбазинский (кит. Якса), г., острог 10, 40, 41, 189, 267, 285—287, 300, 302, 303, 313—332, 347, 350
Алтай 163
Амгунь (Хэнгунь), р., левый пр. Амура 317, 319, 325
Амур (Хэйлунцзян), р. 10, 36, 38, 43, 44, 49, 50, 82, 266, 267, 269, 271, 276, 285—287, 292—294, 296, 299, 303, 312—314, 318, 320, 323—325, 328—331, 346, 348, 350
Амурская область 36
Англия, гос. 20
Андрюшкина, дер. в Приамурье 286
Аннам см. Чжунгбо
Анчжу, г. в Корее 27, 69, 100, 114, 115
Аньнань см. Чжунгбо
Аохан, княж. в Южной Монголии 133, 134, 136, 338
Аргунь (Аргун, Оргунь, Эргуна), р. 38, 40, 267, 269, 285, 286, 294, 327, 329—331
Аргуньский острог, на р. Аргунь 331
Ару-Оннют, княж. в Южной Монголии 139
Ару-Харачин, княж. в Южной Монголии 136
Ару-Хорчин (А-ну-кэ-эр-цинь), княж. в Южной Монголии 139, 338
Архалай, местн. в Халхе 200
Африка, материк 33
Ацилань, крепость племени ехэ 78
Ачанский острог (Ачанск), в Приамурье 269, 344

Байкал (Бэйхай, Северное море), оз. 347, 349
Байют, княж. в Южной Монголии 128, 338
Бакбо (Тонкин), северная часть Вьетнама 229, 242
Баолэ (кит.), вьетнамская область 245
Баохэлу (кит.), область, местность в Южной Монголии 338
Барин, княж. в Южной Монголии 133, 136, 139, 148, 149, 338
Баян-улан, местн. в Монголии 208, 209, 342
Бирма, гос. 18, 34, 231, 240
Боло, р. в Халхе 213
Боло см. Боро
Большой Хинганский хребет (Торгочинский хр.), горы 347

[1] Некитайские географические названия, приводимые в китайской транскрипции, оговариваются: (кит.).

Большой Гадзимур см. Гадзимур Большой
Боро (кит. Боло), местн., ур. 213, 342
Боротала, р. в Джунгарии (в Илийском крае) 200
Бохайский залив (Чжилийский, Пекинский залив) 87
Букей (Наун, позднее Цицикар), дер., впоследствии г. на Северо-Востоке 293, 298, 347
Булунгир, местн. 214, 341
Бурея (Быстрая, кит. Нюмань), левый пр. Амура 313, 317, 325, 331, 334
Буюрхай см. Дар
Бьенхоа, местн. в Южном Вьетнаме 253
Быстрая см. Бурея
Бэйхай см. Байкал
Бэйхай см. Охотское море
Бэйчжэньсянь, уезд в пров. Ляонин 338
Бэйчуань, пос. в пров. Ганьсу 167
Бэйшэнчжоу, местн. на границе Тибета 172

Великая Китайская равнина (Северо-Китайская равнина) 89, 92
Великая Китайская стена (Великая стена) 88, 89, 91, 92
Великий канал, соединяет Юг и Север Китая 92
Верхотурье, г. 285
Висуйен, обл. во Вьетнаме в пров. Туйенкуанг 261
Внутренний Китай (Собственно Китай), в пределах его традиционно исторических границ до Великой Китайской стены на Севере 3, 12, 43, 63, 89, 91, 92, 94, 183, 223, 266, 267, 294, 334
Внутренняя Монголия (Южная Монголия) 19, 28—30, 47, 66, 104, 107, 111, 128—130, 132, 134, 137, 139, 141, 144, 146, 162, 165, 195, 199, 207, 208, 272, 331, 333, 339
Восточная Азия 3, 35, 111, 272, 331, 333
Восточная Сибирь 319
Восточное море 80
Восточный Туркестан, принятое в русской литературе наименование Кашгарии, т. е. южная часть Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР 19, 31, 32, 225, 228
Вьетнам (Дайвьет, кит. Юенань), гос. 11—13, 20, 33—36, 48, 49, 51, 54, 55, 229—236, 238—246, 248—264, 335, 343

Гадзимур (Годзимур) Большой, левый пр. Аргуни 329
Ганганур (кит. Ганъаноэр), оз. в Монголии 198
Ганьсу, бывш. пров. в Китае 167, 169, 176, 222, 223, 247
Ганьчжоу (Чжанъе), округ в бывш. пров. Ганьсу 225
Гирин (Цзилинь, Ула), г. 16, 17, 313, 315
Гирин (Цзилинь), пров. в Китае 43, 314
Голландия, гос. 49, 53, 258, 333
Горбица (Корбичи, Кербичи), р., левый пр. Шилки 329—331
Горлос, княж. во Внутренней Монголии 82
Гуандун, пров. в Китае 53, 230, 233, 239, 248, 250—253, 255, 259
Гуаннин, г., административный центр в минской обл. Ляоси 86, 338
Гуанпин, г. на Севере Китая 92
Гуанси, бывш. пров. в Китае 231, 235, 236, 244, 248, 250—252, 260
Гуанчжоу, о-в 90
Гуанъюань (кит.), область в пров. Каобанг во Вьетнаме 244
Гуйлинь, г. в Гуанси-Чжуанском автономном районе 250
Гуйхуачэн (Хухэ-Хото), г. во Внутренней Монголии 137—140, 146, 152, 167, 170, 183, 205, 206, 342
Гуйчжоу, пров. в Китае 247, 248, 250, 312
Гуэ, г. в средней части Вьетнама 229

Даанькоу, застава, проход в Великой Китайской стене 89
Дай Цин (Великое Цин) см. Китай
Дайвьет, наименование Вьетнама в XVII в. см. Вьетнам
Дайгэ, г. 170, 171
Дайчжоу, г. в пров. Шаньси 91
Далайнор (Далай, Долой, Далайозеро), оз. в бассейне р. Аргуни 330
Далинхэ, г. в минской обл. Ляоси 86, 88, 90
Дальний Восток 26, 37, 41, 45, 50, 266, 270, 272, 292, 312, 324—326, 328, 331, 335, 336
Дар (Буюрхай, кит. Даэрху), оз. в 350 ли к северу от оз. Долоннор 136
Датун, г. в пров. Шаньси 137, 139, 140, 217
Даурия (Даурская, Доурская зем-

ля, страна), территория на Дальнем Востоке 36, 268, 284, 286
Дахэйшань, гора в Южной Монголии 338
Дацаонань, местн. в Монголии 140
Дацаотань, пос. 169, 176, 179
Дацзишань (Дадзишань-Алинь), горы в Монголии 198
Джаруд, княж. в Южной Монголии 129, 131—133, 136, 139, 338
Джунгария, Западная Монголия, северная часть совр. Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР 31, 38, 163, 200, 202, 213, 319
Джунгарское ханство, гос. в Западной Монголии 11, 18, 28, 30—32, 48—50, 52, 54, 59, 63, 66, 161, 164—166, 171—174, 177, 186—190, 192, 193, 221, 227, 228, 334
Джэгун-Удэ (кит. Чжагуньуда), местн. в Южной Монголии, 136
Долонец, р. в Приамурье 313
Долоннор, оз. в Южной Монголии, северо-восточнее Душикоу 159
Долонский острог, на р. Зее 313, 344
Домин, г. на Севере Китая 92
Дунбэй, см. Северо-Восток
Дунчжоу, г. в Ляодуне 84
Дуньчжоу, г. в пров. Хэбэй 89
Дурби, местн. в Южной Монголии 136
Дуцян, г. в Ляодуне 84
Душикоу, укрепленный пункт, застава, проход в Великой Китайской стене 91
Дэнчжоу, г. в пров. Шаньдун 90
Дэчжоу, г. в пров. Шаньдун 92
Дянь, иносказательное обозначение провинции Юньнань 248, 343

Европа 25, 226
Енисейск, г. в Сибири 347
Ехэчэн, г., ставка вождя племени ехэ 80

Забайкалье (Забайкальский край) 38, 312, 326, 328, 350
Зея (Зия, кит. Цзинцили, Цзинцилиула), р., левый пр. Амура 43, 267, 286, 313, 325, 348

Иганьшань, крепость на Северо-Востоке 79
Игнашина, дер. в Приамурье 285
Или, местн. в Джунгарии 200
Ильинская слобода (Ильинская заимка, Ильинский острог, Ильинское), в Приамурье 286, 327
Индонезия, гос. 34
Инлу, г. на Севере Китая 92
Инчжоу, г. в пров. Шаньси 91
Иргень, оз. у р. Шилка 267
Исянь, уезд в пров. Ляонин 338
Итунчжоу, г. на Северо-Востоке 338

Кадо (совр. Пхидао), о-в в Корее 97, 110, 115, 117, 119
Казахстан 334
Кайюань, г. на Ляодуне 85, 338
Калган см. Чжанцзякоу
Камбоджа, гос. в Юго-Восточной Азии 253
Кампот, пос. в Южном Вьетнаме 253
Канбалык см. Пекин
Канхвадо, о-в в Корее 101—103, 117, 118
Каобанг, вьетнамская пров., совр. национальный округ Вьетбак 49, 229, 232, 241—247, 249—251, 256, 260, 262, 263, 335, 346
Кара-Эрцик, местн. в Монголии 154
Картун, р. в окрестностях оз. Долоннор 159
Керулен, р. в Монголии 142, 206, 210—212
Кёнхын, г. в Корее 109
Китай (Дайцин — Великое Цин, Цинская, Дайцинская империя; Цинское, Никанское, Срединное гос-во, Поднебесная) 3 pasim
Кобдо, местн. в МНР 199, 226, 342
Кок-дэрэсу (кит. Кухэйдэлэксу), местн. в Южной Монголии 136
Корея (кит. Чаосянь, кор. Чосон, Корё) гос. 11, 12, 14, 27, 35, 44, 47, 52, 54—59, 62, 81, 87, 88, 90, 95—100, 102—122, 124—127, 130, 236, 240, 266, 272, 333, 337
Корцинь, см. Хорчин
Куангуйен, обл. в пров. Каобанг 343
Кукунор (Сихай), владение, пров. Цинхай 11, 48, 55, 59, 63, 66, 162, 163, 169, 175, 176, 179, 180, 204, 208, 212—214, 334, 340
Кумара (Комара, Хумархэ), пр. Амура 314—316
Кумарский (Комарский, Кумара, Хумар, кит. Хумаэр), острог, на правом берегу Амура при впадении в него р. Кумары 270, 313, 344
Кундулун-Бошокту (Кундулен-бошокту), местн. в Монголии 194
Кунцзяцзидахунь, местн. 206
Куньлунь (кит.), дер. во Вьетнаме 245
Кутуйчжабака, местн. 214
Кэшиктэн (Кэшиктэнский), княжество, аймак в Южной Монголии 198, 338

Ланьчжоу, г. в пров. Ганьсу 221
Лаос, гос. на Индокитайском п-ве 240
Лацзян см. Наоцзян
Лена, р. 350
Линьцинчжоу, г. в пров. Шаньдун 92
Луаньчжоу, г. на Севере Китая 90
Лугоуцяо, мост близ Пекина 94
Лунтоушань (монг. Алак-ула), горная система севернее Гуаньчжоу 179
Люйшуньков (Порт-Артур), г. в пров. Ляонин 91
Ляньшань, горы 94
Ляодун, п-ов, обл. на Северо-Востоке 46, 72, 82—89, 91, 95, 97, 99, 113, 338
Ляонин, пров. на Северо-Востоке 338
Ляоси, обл. на Северо-Востоке 86
Ляохэ (Ляо), р. на Северо-Востоке 86
Ляоян, г. в пров. Ляонин 85, 86

Магуань, у. в пров. Юньнань 261
Магэньдань, крепость в Ляодуне 84
Малакка (Малайя), страна, бывшая английская колония на Малаккском п-ве 34
Маньчжоу, владение, объединявшее чжурчжэньские племена 26, 44, 46, 73, 74, 76—81, 84, 85
Маньчжоу, гос. в Маньчжурии 43, 82, 133
Маньчжурия см. Северо-Восток
Маолинь, местн. на Северо-Востоке 72, 206
Меконг, р. в Юго-Восточной Азии 253
Минская империя (государство Мин) 22, 47, 56, 58, 59, 62, 72, 77, 78, 82—84, 87—97, 99, 104—107, 111, 112, 119, 121—123, 129, 130, 132, 135, 139, 261, 265, 338
Митхо, населенный пункт в Южном Вьетнаме 253
Мокэдин, местн. 315
Монголия, гос. 11, 14, 28, 31, 32, 42—44, 54, 67, 97, 194, 203, 207, 331, 340
Москва, г. 173, 271, 275, 276, 279, 284, 285, 290, 292, 295, 296, 298, 299, 303, 306, 322, 344—346, 349, 350
Московское государство см. Русское государство
Муданьцзян, правый пр. Сунгари 270
Мукден см. Шэньян
Мунахань (кит.), горы в Монголии 137
Мэргэнь (Моргэнь, Молэгэнь), селение, г. 322, 323

Найман, княж. в Южной Монголии 133, 134, 338
Намдулу, местн. на Северо-Востоке 74
Намхансан, г. в Корее 114—117
Наньгуань, пункт на границе с Вьетнамом 251
Наньнин, г. в бывш. пров. Гуанси 242
Наньшань, хр. в пров. Ганьсу 176
Наоцзян (Лацзян), р. в Южной Монголии 338
Наун см. Букей
Наун см. Нонни
Нгеан, пров. во Вьетнаме 242
Нгыузыонг, вьетнамский район 261
Нерча, левый пр. Шилки 292
Нерчинск (Нерчинский острог; кит. Нибучао, Нибучоу, Нибучу), г. 38, 40, 44, 64, 285—288, 291, 293, 294, 298, 300, 302, 303, 312, 314, 316, 318, 321, 322, 324—329, 331, 344, 346—349
Нингута (совр. Нинъань), г. в пров. Хэйлунцзян 16—18, 122, 123
Нинся (совр. Иньчуань), г. в Нинся-Хуэйском автономном районе 177
Нинся, быв. пров. в Китае 177, 202, 204, 205
Нинъань, см. Нингута
Нинъугуань, застава у Великой Китайской стены в пров. Шаньси 91
Нинъюань, г. в Ляодуне 86—88, 92, 93
Нонни (Наун, Нонницзян), пр. Сунгари 286, 289, 298, 299, 302, 312, 346, 347
Нос см. Святой Нос
Нюлгуцкий город см. Нингута
Нюмань см. Бурея

Озерная, дер. в Приамурье 286
Олдай, р. в Приамурье 285
Олемкинский (Алекминский, Олекомский) острог, у впадения р. Олекмы в р. Лену 292
Олохуйнор, оз. 157, 190, 341
Оннют, княж. в Южной Монголии 338
Ордос, плато на Северо-Китайском плоскогорье 178
Орхон, р. в Монголии 142, 210
Орчжэйту, местн. 194
Оутэкэшань (кит.), гора в Монголии 144
Охотское море (Бэйхай, Северное море) 266, 267, 313, 317, 330, 331 349

Паново, дер. в Приамурье 285
Пекин (Камбалык, Кандалык, Бэйпин, Бэйцзин), г., совр. столица КНР 9, 19, 47, 53, 61, 67, 89—94, 170, 180, 182, 185, 197, 212, 231, 237, 238, 243, 246, 248, 256, 261, 273, 274, 276, 278—281, 284, 288—291, 294, 296, 299, 300, 302—305, 308, 312, 322, 323, 327, 337, 344—350
Пинъянь, обл. в пров. Гуандун 255
Погодаева, дер. в Приамурье 286
Покровская слобода, в Приамурье 286
Приамурский край 36
Приамурье 11, 36, 38—44, 49, 50, 154, 266, 268—273, 275, 277, 284—286, 289, 292, 296, 302, 303, 312—314, 316, 318, 319, 322—326, 328, 331, 332, 335, 348
Прибайкалье 326
Пуюань (кит.), вьетнамск. район на границе с Китаем 261
Пхёнандо, пров. в Корее 104
Пхёнсань, г. в Корее 101, 102
Пхеньян, столица КНДР 25, 100, 102, 103, 114
Пхидао см. Кадо
«Пять халхаских племен», княжества в Южной Монголии 128, 129, 131—134

Россия см. Русское государство
Русское государство (Российское государство, Россия, Олосы) 5, 12, 26, 32, 36—39, 41, 43, 44, 49, 50, 53, 122, 158, 163, 167, 173, 174, 188, 189, 193, 265—270, 272—278, 281—288, 290—293, 295—297, 302, 309—311, 319, 322—332, 335, 339, 344, 346
Рюкю (Люцю), о-ва в Восточно-Китайском море 35, 233, 240, 255

Сайгон, г. в Южном Вьетнаме 253
Сайн-нойонский аймак, феод. владение в Монголии 145
Сакеат-хурик (кит. Сакэсатэ-хуликэ), местн. в Монголии 217
Санар, крепость на Ляодуне 84
Санкт-Петербург, столица Российской империи 13, 15, 19
Саньча, опорный пункт, район в Ляодуне 83—85
Святой Нос (Нассы, Носсы, «гора Нос»), хр., мыс, упоминаемый на Нерчинских переговорах 330, 350
Северная Монголия, см. Халха
Северное море см. Байкал
Северное море см. Охотское море
Северо-Восток (Северо-Восточный Китай, Маньчжурия, кит. Дунбэй), район на северо-востоке Китая 11, 15—17, 22, 26, 30, 40, 42—45, 47, 52, 72, 80, 81, 85—87, 111, 114, 193, 336, 337
Северо-Китайская равнина см. Великая Китайская равнина
Селенга, р. в Забайкалье 328
Селенгинск, г., острог в Забайкалье 312, 319, 325, 326
Сиам см. Таиланд
Сибирь 174, 277, 285
Сикан, быв. пров. в Китае 168
Синин, обл. центр быв. пров. Ганьсу (в XVII в.), столица пров. Цинхай (совр.) 214, 225
Синцзин, столица владения Маньчжоу 44, 84, 85
Синшань, г. на Северо-Востоке 86, 93, 121
Синьань, о-в в Южно-Китайском море 253
Синъанлин см. Хинган
Синьцзян, быв. пров. в Китае 22
Синьчжоу, г. в пров. Шаньси 91
Сипин, крепость в Ляоси 86
Ситао, местн., расположенная севернее Великой Китайской стены, разделялась на две части: Алашань и Эцзинэ 162, 176
Сихай см. Кукунор
Собственно Китай см. Внутренний Китай
Солдатово, дер. в Приамурье 286
Средняя Азия 12, 167, 335
Страны Южных морей, условное наименование района, включающего о-ва Зондского архипелага, Филиппинские о-ва, а также побережье Индокитайского п-ова 22, 336, 337
Суксухухэ см. Суцзыхэ
Сунгари (Сунхуацзян, Шингал-река), правый пр. Амура 226, 267, 269—271, 276, 320, 324, 344
Сунит (Сунитский аймак), княж. в Южной Монголии 142, 342
Сунпань, г. в пров. Сычуань, торговый центр 180
Сунхуацзян см. Сунгари
Суншань, г. на Северо-Востоке 86, 93
Суцзыхэ (Суксукухэ), р. на Северо-Востоке 73
Сучжоу, г. в бывш. пров. Ганьсу 176, 225
Сычуань, пров. в Китае 167, 168, 250
Сычэн, г. на юге Китая 261

Сюаньфу, г. в пров. Хэбэй 137, 138, 338
Сяолан (кит.), область в пров. Каобанг во Вьетнаме 244
Сяолинхэ, г. в бывш. пров. Ляоси 86
Сяохэйшань, гора в Южной Монголии 339

Таиланд (старое название Сиам), гос. 12, 34, 240, 256
Тайвань (Формоза), о-в близ берегов Китая 254, 312
Тамир, р. в Северной Монголии 142, 214
Тамир, местн. в Средней Халхе 206
Ташань, горы на Северо-Востоке 93, 94
Татария 18
Телин (Телинчэн), г. в пров. Ляонин 85, 129—132
Телон, г. в Южном Вьетнаме 253
Темур, местность в Северной Монголии 154
Тибет, гос. 11, 19, 32, 48, 66, 67, 162, 169, 170, 171, 174, 212—214, 216, 218, 334, 339
Тобольск, г. в Сибири 273, 277, 279, 284, 285, 298, 319, 344—346
Тола (Тала, Толайхэ), р. в Северной Монголии 142, 144, 205, 206, 209—211
Толин, местн. в Халхе 210
Толохой, см. Чагань-Толохай
Тонкин см. Бакбо
Торгочинский хребет см. Большой Хинган
Ториту (кит. Толиту), местн. в Монголии 141
Туйенкуанг, пров. во Вьетнаме 261
Тумэт (кит. Тумотэ), княж. в Южной Монголии 128, 134, 136, 143, 338
Тунъюньбао, застава на Северо-Востоке на границе с Кореей 113
Туран, г. во Вьетнаме 252
Турфан, гос. в Восточном Туркестане 5, 180, 221—226
Тханглонг см. Ханой
Тханьхоа, пров. во Вьетнаме 242
Тханьлам, обл. в пров. Каобанг во Вьетнаме 343
Тхыонгланг, обл. в пров. Каобанг во Вьетнаме 343
Тэдонган, р. в Корее 100
Тэрэльчжи (кит. Тэлээрцзи, монг. Терельджин-гол), р. в Северной Монголии 60, 211
Тяньцзинь, г. в пров. Хэбэй 92, 94

Уда (Удь, Уд Шавли), р., впадает в Охотское море 330, 331
Удинск (Удинский), г., острог в Забайкалье 312, 326
Ула, г. см. Гирин
Улан-Бутун, (Улань-Батун), местн. в Монголии 197, 198
Улахэ, р. на Северо-Востоке 79
Улин, горы на Северо-Востоке 73
Улья, р. 267
Урхуй (Улхун, кит. Уэрхуй), р. в Монголии 194, 341
Урянхайский край, местность в Монголии 31
Уссури, правый пр. Амура 266, 267
Усть-Аргунская (Усть-Стрелочная), дер. в Приамурье 285
Усу, крепость на Северо-Востоке (совр. г. Итунчжоу) 80, 337
Учжумуцин (Уцзумчин, кит. Учжумуцинь), княж. в Южной Монголии 142, 314
Уян (кит.), вьетнамский район на границе с Китаем 261

Филиппины, Филиппинские о-ва 34
Фовьен, вьетнамский район 261
Фодогушань, горы 77
Франция, гос. 34
Фуань, крепость в Ляодуне 83, 84
Фурха, г. на Северо-Востоке 80
Фусуан см. Хюе
Фуцзянь, пров. в Китае 173, 230, 248, 259
Фучжоу, г. в пров. Фуцзянь 230, 250
Фушунь, г. в пров. Ляонин 83—85
Фэйю, г. на Северо-Востоке 79

Халанг, обл. в пров. Каобанг во Вьетнаме 343
Халаманай, местн. в Южной Монголии 137
Халха, Северная Монголия 18, 19, 28, 31, 32, 38, 48, 50, 61—64, 66, 132, 142—149, 151—156, 158—160, 162, 165, 166, 170, 175—178, 184, 186—194, 198—201, 206, 220, 226, 228, 325—328, 333, 334, 339, 341
Хами, город-государство 5, 201, 204, 213, 216, 221, 222, 224—228, 342, 343
Хангай, горы в Северной Монголии 142, 154
Ханой (Тханглонг), г., совр. столица ДРВ 49, 229, 231, 238—240, 242, 244, 246, 248, 251, 256, 263, 264
Хансан, г. в Корее 100
Хаоцит, княж. в Южной Монголии 142
Хара-хош (кит. Кэлэхэшо), местн. в бассейне р. Тола 210

Харачин (кит. Халацинь), княж. в Южной Монголии 128, 134, 136, 338
Хатиен, район в Южном Вьетнаме 253
Хванчжу, г. в Корее 101
Хверен (кит. Хуйнин, Хуйнинфу), г. в Корее 108, 123
Хинган (Синъанлин), горный хр. 134, 136
Ходьеп, вьетнамский район 261
Хойфачэн, ставка вождя племени хойфа 78
Хорчин (Корцинь, кит. Кээрцинь), княж. в Южной Монголии 128, 129, 132—134, 136, 140, 206, 338
Хоу Цзинь (Позднее Цзинь) см. Цзинь
Хуаннива, местн. в княж. Хорчин в Южной Монголии 338
Хуанчэнэр, пос. 169, 179
Хуанчэнэртань, возможно, сокращенное название двух местностей: Хуанчэнэр (см.) и Дацаотань (см.) 179
Хуанхэ, р. в Китае 137, 138
Хуаньхэ, р. во Внутренней Монголии 338
Хуйнинфу см. Хверен
Хулэ, местн. на Северо-Востоке 75
Хумар см. Кумара
Хумархэ см. Кумара
Хунань, пров. в Китае 250
Хункират, княж. в Южной Монголии 339
Хуншуй, пос. в пров. Ганьсу 167
Хуньхэ, р. на Северо-Востоке 73, 78, 85
Хуньчунь, р. на Северо-Востоке 75
Хуте (кит.), вьетнамский район 261
Хухэнэ-Тарна (кит. Кухэйна-таэрна), ур. в Халхе. Возможно, ур. Хусэнэ-тарна 206
Хухэ-Хото см. Гуйхуачэн
Хэйлунцзян см. Айхунь
Хэйлунцзян см. Амур
Хэланьшань см. Алашань
Хэнаяй, местн. в Южной Монголии 136
Хэнгунь см. Амгунь
Хюе (Фусуан), резиденция Нгуенов 229

Цаган-Эрцик, местн. в Монголии 154
Центральная Азия 12, 21, 31, 32, 333, 336
Цзинань, г. в пров. Шаньдун 92
Цзинь (Хоу Цзинь), название маньчжурского гос-ва 46, 132, 135
Цзиньма (кит.), дер. во Вьетнаме 245
Цзиньчжоу, г. в Ляоси 86, 88, 90—93, 121
Цзиньчжоу, г. в Южном Ляодуне 79, 338
Цзуньхуачэн (Цзуньхуа), г. в пров. Хэбэй 89
Цзюхуадао, о-в, опорный пункт в Ляоси 86, 87
Цзяньчжоу, пограничный округ на севере Ляодунского п-ва, за пределами минской пограничной стены 72, 73, 76, 349
Цзяочжи, кит. название северной части Вьетнама 250
Цзяюйгуань, г., застава в бывш. пров. Ганьсу 222, 226
Цинская империя см. Китай
Цинхай см. Кукунор
Цинхэ, г. в Ляодуне 84, 85
Циншаньгуань, проход (застава) в Великой Китайской стене 92
Циси («Семь ручьев»), местн. в окрестностях оз. Долоннор 159
Циюань (кит.), обл. во Вьетнаме 245
Цяньань, г. в пров. Хэбэй 89, 90
Цяньчан, г. в Ляодуне 84

Чаган Толохай (Толохой), местн. 219
Чайхэ, г. в Ляодуне 83—85
Чамдо (Цзун-Мод, кит. Чжаомодо), местн. на р. Тэрэльчжи в Монголии 60, 211, 215
Чанбошань (Чанбайшань), горы на Северо-Востоке 72
Чанли, г. в пров. Хэбэй 89
Чаосянь см. Корея
Чахарское ханство (Чахар), ханство в Южной Монголии 28, 30, 47, 55, 58, 87, 90, 110, 128, 130, 133—136, 138—140, 142, 202
Черная (Урум), р., левый пр. Шилки 329
Чжакута, крепость на Северо-Востоке 79
Чжан, крепость на Северо-Востоке 78
Чжанцзякоу (Калган), г. во Внутренней Монголии 175, 183, 184
Чжили, бывш. пров. в Китае 92
Чжочжоу, местн. в пров. Хэбэй, близ Пекина 92, 94
Чжунвэйсо, местн. в Ляодуне 338
Чжунгбо (Аннам, кит. Аньнань), центральная часть Вьетнама 229, 242
Чжун-хуа см. Китай
Чжэньдин, г. в пров. Хэбэй 92
Чжэньхайбао, пос. около Синина в бывш. пров. Ганьсу 167

Чжэньцзян, г., опорный пункт на Северо-Востоке 85
Чжэньцзян, р. 97
Чжэцзян, пров. в Китае 230
Чончжу, г. в Корее 27, 100, 101
Чосон см. Корея
Чукэдуциноэр (кит.), местность в Монголии 154
Чулково, дер. в Приамурье 286
Чунган, г. в Корее 105
Чунхва, г. в Корее 100, 101
Чунчжоу, г. в пров. Шаньси 91
Чхольсан, о-в в Корее 100, 115

Шанду, р. в окрестности оз. Долоннор 159
Шандучэн, местн. 140
Шанлан (кит.), область в пров. Каобанг во Вьетнаме 244
Шанхай, г. в Китае 15
Шанцзяньухэй, местн. в Приамурье 270
Шаньдун, пров. в Китае 92
Шаньси, пров. в Китае 90—92, 338
Шаньхайгуань, застава у Великой Китайской стены 86, 92, 94, 131, 139
Шара-Мурэн (Шара-Мурень, Шира-Мурун), р. во Внутренней Монголии 133, 136, 198, 338
Шахэбао, крепость на северной границе Минской империи 138
Шилинь (кит.), обл. в пров. Каобанг во Вьетнаме 244
Шилка, р. 329
Шилкский острог, русская крепость на р. Шилке 285
Шира-Мурун см. Шара-Мурэн
Шингал-река см. Сунгари
Шичэн, о-в 69, 70, 119
Шуанпу, местн. на Северо-Востоке 93
Шуньдэ, г. в пров. Хэбэй 92
Шэнцзин см. Шэньян
Шэньси, пров. в Китае 90, 173
Шэньян (Шэнцзин, Мукден), г. в пров. Ляонин 9, 16, 18, 85, 89, 102, 113, 124, 131, 132, 139, 140, 206
Ыйчжу, г. в Корее 27, 100, 103—105, 108, 114, 115

Эргуна см. Аргунь
Эрдэни-джоу (Эрдэни-чжао, Эрдэницзу), кумирня великого ламы на р. Орхон в Халхе 155
Эрдэни-джоу, местн. в Халхе 155
Эцзинэ см. Ситао

Юго-Восточная Азия 34, 36, 333
Юдунь, г. на Северо-Востоке 86
Южная Монголия см. Внутренняя Монголия
Южная Сибирь 336
Юнпин, округ в пров. Хэбэй 89, 90
Юньнань, пров. в Китае 231, 247, 248, 261, 312, 343

Якса см. Албазин
Якутия, часть Сибири 313, 316
Якутск (Якутский острог), в Сибири 267, 294, 319, 321, 345
Ялуцзян, р. на границе Китая и Кореи 117, 120
Ярославль, г. в России 285
Япония, гос. 117, 122

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 3

Глава 1. Источники и литература 6

Глава 2. Принципы внешней политики государства Цин в XVII в. . . 46

Глава 3. Объединение северо-восточных чжурчжэньских племен Нурхаци и завоевание ими Китая 72

Чжурчжэньские племена в конце XVI — начале XVII в. и завоевание их Нурхаци 72

Войны Нурхаци и его преемников с Минской империей 82

Глава 4. Внешняя политика в отношении Кореи 95

Глава 5. Завоевание маньчжурами Южной Монголии в первой половине XVII в. 128

Глава 6. Присоединение Халхи к Цинской империи 142

Глава 7. Политика династии Цин в отношении джунгаров (ойратов) 161

Установление связей с ойратами в 30—60-х годах 161

Политика в отношении Галдана, кукунорских и алашаньских ойратов в 70—80-х годах 172

Борьба Галдана за объединение западных и восточных монголов. Халхасо-ойратская война и вмешательство Цинской империи . 186

Война Цинской империи против Галдана (1690—1697 гг.) . . . 193

Глава 8. Отношения Цинской империи с Хами и Турфаном 221

Глава 9. Отношения цинского правительства с Вьетнамом во второй половине XVII в. 229

Глава 10. Внешняя политика Цин в отношении России 265

Заключение Нерчинского договора 312

Заключение 333

Примечания 336

Список использованных источников и литературы 351

Словарь должностей, титулов, учреждений и терминов 360

Именной указатель 364

Географический указатель 377

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ГОСУДАРСТВА ЦИН
В XVII ВЕКЕ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *О. Л. Горбунова*
Младший редактор *Р. Г. Селиванова*
Художник *В. В. Иванов*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. И. Письман*

Сдано в набор 20/V 1975 г. Подп. к печати 9/III 1977 г. А-11635 Формат $60\times90^1/_{16}$. Бум. № 2. Печ. л. 24,25. Уч.-изд. л. 27,98. Тираж 4400 экз. Изд. № 3146. Зак. № 297. Цена 2 р. 95 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1
1-я тип. «Профиздат».
Москва, Крутицкий вал, 18.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. 20 л.

Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII—XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений. 20 л.

Машкина И. Н. Китай и Вьетнам в III—XIII вв. 20 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117464, МОСКВА В-464, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 (КНИГА—ПОЧТОЙ) «АКАДЕМКНИГА».

Цена 2 р. 95 к.